Отделение «Проблемы управления»
Российской академии естественных наук

ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

№ 7
июль
2020 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-36826 от 14 июля 2009 г.)

Журнал является сетевым изданием (Свидетельство о регистрации СМИ Эл. № ФС77-49683 от 5 мая 2012 г.)
Сайт: education.law-books.ru

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по отраслям науки: 12.00.01, 12.00.02.

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2020

Учредители:
ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»,

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Издатель:

Издательство «ЮРКОМПАНИ»

Основан в 2009 году

Выходит один раз в месяц

ISSN 2076-1503

Индекс подписки
в каталоге «Пресса России» и «Библиотечном каталоге»: 46138

Отделение «Проблемы управления»
Российской академии естественных наук

ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

научно-правовой журнал

Ежемесячный аналитический
научно-правовой журнал, посвященный
актуальным вопросам философии,
педагогики, юриспруденции, образования,
а также правовому мониторингу,
инновационным технологиям
и реформе образования
в России и мире

**Председатель
редакционного совета:**
Светлана Иванова

Главный редактор:
Дмитрий Пашенцев

Первый заместитель главного редактора:
Марат Шайхуллин

Заместитель главного редактора:
Валерий Рыжов

Литературный редактор:
Вероника Кроткова

Корректор:
Вера Козлова

Компьютерная верстка:
Марина Горячева

Дизайн:
Александр Черкасов

Материал подготовлен
с использованием
СПС «ГАРАНТ» (www.garant.ru)

Адрес редакции (для писем):
111397, г. Москва,
Зеленый проспект, 22-302.

Home page:
www.education.law-books.ru

E-mail:
mail@law-books.ru

С 2011 года журнал «Образование и право» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и зарегистрирован в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

С 28 декабря 2015 г. журнал «Образование и право» включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, доктора наук (список ВАК при Министерстве образования и науки РФ) по специальностям: 12.00.01, 12.00.02.

При использовании опубликованных материалов ссылка на журнал «Образование и право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Автор рукописи извещается о принятом решении. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

© Издательство «ЮРКОМПАНИ», 2020

Международный совет:

Ари Палениус, проф., директор кампуса г. Керава Университета прикладных наук Лауреа (Финляндия)

Арройо Эна Росьо Карнеро – Ph.D., Professor (Перу), заведующий кафедрой политических и публично-правовых наук юридического факультета Национального университета Трухильо.

Безерра Феликс Валуа Гуара – Juris Doctor (Бразилия), директор стратегических программ и деятельности Секретариата планирования и модернизации государственного управления штата Токантинс.

Велиев Исахан Вейсал оглы – доктор юридических наук, профессор (Азербайджанская Республика)

Деян Вучетич - доктор юридических наук, доцент кафедры публично-правовых наук юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Джун Гуан, проф., зам. декана Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Дуран Роберто Альваро Гусман – Juris Doctor (Боливия), глава Национальной службы юридической помощи Боливии.

Ким Эшли – D.Div., Ph.D., Th.D. (Англия), вице-президент Нортекс Лтд.

Лаи Дешенг, проф., декан Института экономики и бизнес-администрирования, Пекинский технологический университет (Китай)

Марек Вочозка, проф., ректор Института технологий и бизнеса Высшей школы техники и экономики (Чехия)

Нематов Акмал Рауфджонович – доктор юридических наук, доцент, заведующий отделом теоретических проблем современного государства и права Института философии, политологии и права Академии наук Республики Таджикистан (Таджикистан)

Она Гражина Ракаускиене, проф., Университет им. Миколаса Ромериса (Литва)

Пол Брэнд – профессор истории права Англии (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Пол Дэвис – профессор корпоративного права (Ph.D.) Оксфордского университета (Лондон)

Предраг Димитриевич – доктор юридических наук, профессор административного права, декан юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

Сун Ян – старший преподаватель исследовательского управления идейно-политического воспитания Гуйчжоуского профессионального колледжа здравоохранения

Тепман Леонид Наумович – доктор экономических наук, профессор (Дом ученых г. Хайфа. Израиль)

Чирич Александр – доктор юридических наук, профессор международного торгового права, заведующий кафедрой торгового права юридического факультета Университета г. Ниш (Сербия)

International Council:

Ari Palenius, prof., Director of the campus, the Kerava Laurea University of Applied Sciences (Finland)

Arroyo Ena Rosyo Karnero – Ph.D., Professor (Peru), head of the department of political and public sciences of law department of National university of Trujillo.

Bezerra Felix Valois Goira – Juris Doctor (Brazil), the director of strategic programs and activity of the Secretariat of planning and modernization of public administration of the state Tocantins.

Veliyev Isakhan Veysal Oglou – doctor of jurisprudence, professor (Azerbaijan Republic)

Dejan Vuchetich – the doctor of jurisprudence, the associate professor of public sciences of law department of University Nish (Serbia)

Jun Guan, prof., Deputy. Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Durán Roberto Alvaro Guzman – Juris Doctor (Bolivia), the head of National service of a legal aid of Bolivia.

Kim Ashley – D.Div., Ph.D., Th.D. (England), vice-president Norteks of Ltd.

Lai Desheng, prof., Dean of the Institute of Economics and Business Administration, Beijing University of Technology (China)

Marek Vochozka, prof., Rector of the Institute of Technology and Business Graduate School of Technology and Economics (Czech Republic)

Nematov Akmal Raufdzhonovich – the doctor of jurisprudence, the associate professor, the head of department of theoretical problems of the modern state and the right of Institute of philosophy, political science and the right of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan)

Ona Grazyna Rakauskiene, prof., University. Mykolas Romeris (Lithuania)

Paul Brend – professor of history of the right of England (Ph.D.) Oxford university (London)

Paul Davies – professor of corporate law (Ph.D.) Oxford university (London)

Predrag Dimitriyevich – the doctor of jurisprudence, professor of administrative law, the dean of law department of University Nish (Serbia)

宋 杨 - 讲师 思政教学研究部 贵州健康职业学院

Tepman Leonid Naumovich – Doctor of Economics, professor (House of scientists Haifa. Israel)

Chirich Alexander – the doctor of jurisprudence, professor of the international commercial law, the head of the department of a commercial law of law department of University Nish (Serbia)

Редакционный совет:

Председатель: **С.А. Иванова** – доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор Департамента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт РАН, Почетный адвокат России

Э.Б. Абдуллин – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой методологии и технологий педагогики музыкального образования, заведующий кафедрой ЮНЕСКО «Музыкальное искусство и образование на протяжении жизни» Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, академик-секретарь отделения педагогики и психологии Международной академии наук педагогического образования, действительный член Международной академии наук высшей школы, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

Ю.М. Алпатов – доктор юридических наук, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Председатель Президиума МГКА "Московская гильдия адвокатов и юристов", Почетный адвокат России

Ж.А. Бокоев – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Совета по судебной реформе при президенте Кыргызской Республики

А.П. Галоганов – доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

В.В. Гребенников – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, заведующий кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

В.Н. Жуков – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

С.Д. Каракозов – доктор педагогических наук, профессор, проректор, директор Института математики и информатики Московского педагогического государственного университета

В.В. Комарова – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

А.В. Лагуткин – доктор юридических наук, доцент, адвокат МГКА "Московская гильдия адвокатов и юристов", действительный член РАЕН, член Президиума РАЕН, председатель отделения проблем управления РАЕН

Г.Б. Мирзоев – доктор юридических наук, профессор, президент Гильдии российских адвокатов, ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, академик РАЕН, Почетный доктор Бридчпортского Университета (США), Почётный доктор философии университета «EuroSwiss»

С.В. Молчанов – учёный секретарь ФГБНУ «Институт управления образованием Российской академии образования», кандидат юридических наук, доцент

Р.М. Мырзалимов - доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и административного права юридического факультета Кыргызского национального университета имени Жусупа Баласагына, Член Редакционного совета Вестника Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики

Н.Г. Осипова – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии социальных наук

Н.К. Потоцкий – доктор юридических наук, профессор, профессор Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова

Л.А. Рапацкая - доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры методологии и технологий педагогики музыкального образования Института изящных искусств Московского педагогического государственного университета, Заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации

К.Х. Рахимбердин – доктор юридических наук, председатель правления Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса ВКГУ им. С. Аманжолова, обладатель звания «Лучший преподаватель вуза» Министерства образования и науки Республика Казахстан (2007 г., 2013 г.).

Б.В. Сангаджиев – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института РУДН

Б.С. Эбзеев – доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России

Н.Д. Эриашвили – доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

М.А. Эскиндаров – ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, член Научного Совета при Совете Безопасности Российской Федерации, действительный член РАЕН

Редакционная коллегия:

Главный редактор: **Д.А. Пашенцев,** доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. И.о. заведующего отделом теории права и межотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета

Первый заместитель главного редактора: **М.С. Шайхуллин**, кандидат юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права

Заместитель главного редактора: **В.Б. Рыжов**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета

Е.Г. Багреева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Н.И. Беседкина – кандидат юридических наук, доцент, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

О.Н. Булаков – доктор юридических наук, профессор

Е.В. Воевода – доктор педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии, профессор кафедры английского языка № 2 Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России

А.В. Гаврилин – доктор педагогических наук, профессор, действительный член АПСН, заведующий кафедрой теории и методики воспитания Владимирского института развития образования им. Л.И. Новиковой

М.А. Газимагомедов – кандидат юридических наук, и.о. профессора кафедры уголовного права и криминологии Института финансов и права, член Ассоциации юристов России, член-корреспондент Российской академии естественных наук, Почетный профессор права Института адвокатуры, нотариата и международных отношений

М.А. Гончаров – доктор педагогических наук, доцент, директор Института «Высшая школа образования», профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

С.А. Гримальская – кандидат юридических наук, доцент Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО “Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации”

И.В. Дойников –доктор юридических наук, профессор, профессор Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.А. Дорская - доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права Российского государственного педагогического университетаим. А.И. Герцена

С.О. Елишев – доктор социологических наук, доцент, ученый секретарь, профессор кафедры современной социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова

М.В. Залоило – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (ИЗиСП), доцент кафедры государствоведения, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин ИЗиСП.

В.Б. Исраелян – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы

А.С. Кагосян – доктор педагогических наук, профессор, директор Академического колледжа Международного инновационного университета (г. Сочи), Почетный работник среднего профессионального образования РФ

И.А. Конюхова – доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия

Н.Н. Косаренко – кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московского гуманитарного университета

Н.В. Кроткова – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» Российской академии наук

В.Л. Кубышко – начальник Департамента кадрового обеспечения МВД России

З.И. Курцева – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры риторики и культуры речи Института филологии Московского педагогического государственного университета

В.Э. Меламуд – доктор педагогических наук, член-корреспондент Международной академии менеджмента, Почетный работник общего образования РФ, директор Измайловской гимназии № 1508 г. Москвы

В.С. Меськов – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Института «Высшая школа образования» Московского педагогического государственного университета

А.Х.Миндагулов – доктор юридических наук, профессор (Республика Казахстан)

В.О. Миронов – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Ю.В. Николаева – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ

А.В. Рагулин – доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов

Г.М. Резник – кандидат юридических наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, член Совета при Президенте РФ по вопросам совершенствования правосудия, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов

А.В. Рогова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики психолого-педагогического факультета Забайкальского государственного университета, член Научного Совета по проблемам истории образования и педагогической науки при Институте теории и истории педагогики РАО, Заслуженный учитель Российской Федерации, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Н.В. Семенова – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Педагогического института Тихоокеанского государственного университета, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации

Д.С. Сомов – доктор педагогических наук, директор гимназии № 710 Российской академии образования

Т.А. Сошникова –доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского процесса и социальных отраслей права Московского гуманитарного университета

А.А. Спектор – доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Р.Ф. Степаненко – доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета

Н.Е. Толстая – доктор философских наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, ректор Сергиево-Посадского гуманитарного института

Н.П. Ходакова – доктор педагогических наук, доцент, профессор департамента методики обучения Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета

Г.Г. Черемных – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист России, нотариус г. Москвы, член Правления Московской городской нотариальной палаты

Г.Г. Шинкарецкая - доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора международного права Института государства и права РАН, член Совета по международному праву при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Семина Т.В., Тыртышный А.А. * Социальная солидарность и конфронтация в период пандемии коронавируса COVID-19: социальные и правовые аспекты 11

Малиненко Э.В. * К вопросу о тенденциях совершенствования конституций и уставов субъектов Российской Федерации в условиях пандемии 21

Солдатова А.В., Солдатов Я.В. *Антикоррупционная политика как фактор реализации принципов социального государства 26

Зарубаева Е.Ю. * Государство, гражданское общество и личность:как сохранить баланс интересов 30

Гайнутдинова А.Р. * Правовая политика в условиях глобализации: проблемы построения и реализации в современных условиях 34

Медведева Е.А. * Социальный вектор конституционного реформирования в Российской Федерации 40

Колесников А.В. * Местное самоуправление как элемент единой системы публичной власти . . . 44

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

Чернявский А.Г. * Теория права в связи с аксиологией ценностей 50

Эриашвили Н.Д., Иванова Ю.А., Радченко Т.В. *Принципы права и их значение в правовом регулировании 59

Ланг П.П. * Ценность доктринальной правовой деятельности 64

Седой И.С. * Конституционно-правовой механизм организации и деятельности правоохранительных органов в России 69

Бурла В. * Ценности в конституционном праве государств - членов СНГ: проблемы иерархизации системы 75

Лягин К.А. * Формирование теории социального государства:историко-правовой аспект 81

Исраелян В.Б. * Конституционная модернизация в контексте отечественных традиций и новых вызовов 86

Гончаров И.А. * Модели соотношения муниципальной и публичной собственности 90

Брусова В.А. * Теоретико-правовые основы толкования норм налогового права 97

Ливенцев Д.В. * Преемственность традиционных мер юридической ответственности в период становления советского права 104

CONTENT:

POLICYANDLAW

Semina T.V., Tyrtyshny A.A. * Social solidarity and confrontation during the coronavirus pandemic COVID-19: social and legal aspects 11

Malinenko E.V. * On trends in the improvement of constitutions and charters of the constituent entities of the Russian Federation in pandemic conditions 21

Soldatova A.V., Soldatov Y.V. * Anti-corruption policy as a factor in the implementation of the principles of the social state 26

ZarubaevaE.Yu. * State, civil society and personality: how to maintain the balance of interests 30

Gainutdinova A.R. * Legal policy in the context of globalization: problems of construction and implementation in modern conditions 34

Medvedeva E.A. * Social vector of constitutional reform in the Russian Federation 40

Kolesnikov A.V. * Local self-government as an element of a unified system of public power 44

PROBLEMS OF THE THEORY OF LAW

Chernyavsky A.G. * Theory of Law in Connection with the Axiology of Values 50

Eriashvili N.D., IvanovaYu.A., Radchenko T.V. * Principles of law and their importance in legal regulation 59

Lang P.P. * Value of doctrinal legal activity 64

Sedoy I.S. * Constitutional and legal mechanism for the organization and activities of law enforcement agencies in Russia 69

Burla V. * Values in the constitutional law of the CIS member states: problems of hierarchization of the system 75

Lyagin K.A. * Formation of the theory of the social state: the historical and legal aspect 81

Israel V.B. * Constitutional modernization in the context of domestic traditions and new challenges 86

Goncharov I.A. * Models of the ratio of municipal and public property 90

Brusova V.A. * Theoretical and legal basis of interpretation of tax law 97

Liventsev D.V. * Continuity of traditional measures of legal responsibility during the formation of Soviet law 104

Хасанова Д.А. * Реализация социальной функции права при проведении медико-социальной экспертизы в условиях распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) 108

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Мецгер А.А. * Государственная защита и реализация гарантий прав граждан в правоприменительной деятельности 113

Муртузалиева М.А., Гитинов Х.Х. * Ограничение прав человека в современной информационной среде 121

Ивановская Н.В. * Общие подходы к заключению соглашения об уплате алиментов на содержание ребенка в странах ЕС 125

Цурик И.О. * Вещные права военнослужащих и членов их семей на жилые помещения. Проблемы и особенности доказывания 129

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Лысенко Е.Д. * Принцип добросовестного налогового администрирования 134

Камаров М.Р. * Проблемы эффективности правоприменительной деятельности частноправовых субъектов, наделенных публичными полномочиями:на примере взыскания задолженности 138

Мариничева О.В. * Установление процентов арбитражному управляющему в процедурах банкротствапосле реализации залогового имущества 144

Каражеляскoв Б.А., Костюкевич К.А. * Проблема ответственности за нарушение авторских прав в Википедии 147

Киреева Ю.А. * Соотношение правовых режимов выморочного и бесхозяйного имущества 150

Коваленко А.М. * Особенности выплаты компенсации за нарушение исключительного права на объекты моды и дизайна 153

Гончаров И.А. * Правовой статус муниципального имущества и право муниципальной собственности в социальном государстве 158

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

Синельникова Н.А. * Соотношение налоговойи административной ответственности за нарушение законодательства о налогахи сборах 164

Горбунова О.С., Пильникова И.Ф., Пильников Л.Н., Малькова Ю.В. * Инвестиционная деятельность и организации аграрной сферы 167

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Прончева Н.Г., Третьякова И.В. * О развитии цифровой экономики в России 172

Закревская Я.А. * Автомобильная промышленность Россиина современном этапе 178

Khasanova D.A. * Implementation of the social function of law in the conduct of medical and social examination in the conditions of the spread of coronavirus infection (COVID-19) 108

HUMAN RIGHTS

Metzger A.A. * State protection and implementation of guarantees of citizens' rights in law enforcement activities 113

Murtuzalieva M.A., Gitinov H.H. * Restriction of human rights in the modern information environment 121

Ivanovskaya N.V. * General approaches to concluding an agreement on the payment of child support in EU countries 125

Tsurik I.O. * Property rights of military personnel and their families to residential premises.Problems and features of proof 129

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Lysenko E.D. * Principle of fair tax administration 134

Kamarov M.R. * Problems of the effectiveness of law enforcement activities of private legal entities with public powers: on the example of debt collection 138

Marinicheva O.V. * Establishment of interest to the arbitration manager in bankruptcy proceedings after the sale of collateral property 144

Karazhelaskov B.A., Kostyukevich K.A. * Problem of liability for copyright infringement on Wikipedia 147

KireevaYu.A. * Ratio of legal regimes of fizzy and mismanaged property 150

Kovalenko A.M. * Features of payment of compensation for violation of the exclusive right to fashion and design objects 153

Goncharov I.A. * Legal status of municipal property and the right of municipal ownership in the social state 158

LAW AND ECONOMICS

Sinelnikova N.A. * Ratio of tax and administrative responsibility for violation of legislation on taxes and fees 164

Gorbunova O.S., Pilnikova I.F., Pilnikov L.N., MalkovaYu.V. * Investment and agrarian organizations 167

THEORY OF CONTROL

Proncheva N.G., Tretyakova I.V. * On the development of the digital economy in Russia . . 172

Zakrevskaya Y.A. * Automotive industry of Russia at the present stage 178

Сытников Д.О. * Подходы к определению форм и методов деятельности органов внутренних дел по обеспечению прав и свобод личности 186

СюеХунъянь * О стратегиях перевода китайского политического текста (на материале издания «Си Цзиньпин о государственном управлении») . . 193

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Пашенцев Д.А., Новикова К.С. * Искусственный интеллект как субъект судебного толкования права 198

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

Попова Е.И., Баландин А.А., Дедюхин Д.Д. * Дистанционное образование: современные реалии и перспективы 203

ХуаМэньжоу * Распространение и развитие китайской научной фантастики в России (на примере научно-фантастического романа ЛюЦысиня) 210

ЧжанВэй * Проблемы применения молодёжного сленга на уроке русского языка как иностранного в Китае 215

ИННОВАЦИИ

Абдуллаева С.Ш. * Отношение иудаизма к Интернету 217

Хасанова А.А., Фаррахова Ф.Ф. * Теоретические аспекты совершенствования бухгалтерского учета биоактивов в аграрном секторе экономики в соответствии с международными стандартами 220

Михайлина Е.Б. * Правовое регулирование криптовалюты в Швейцарии и Германии как позитивный пример для легитимизации ее в Российской Федерации 225

Чупина И.П., Воронин Б.А., Журавлева Л.А., Зарубина Е.В, Симачкова Н.Н. * Реализация человеческого капитала в организациях аграрного сектора экономики 230

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мелентьев А.В. * Этапы патриотического воспитания 237

Корякина А.А. * Зарубежные подходы к проблеме межкультурного обучения 242

Бугаенко Т.Ф. * Методика обучения академической живописи в высшей школе 246

Михайлов А.Н., Моргайлик М.А., Наумова А.Г. * Основные направления патриотического воспитания обучающихся в средних учебных заведениях 249

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Майстренко Г.А. * Некоторые аспекты индивидуальной профилактики правонарушений в воспитательных колониях уголовно-исполнительной системы 253

Sytnikov D.O. * Approaches to determining the forms and methods of activities of internal affairs bodies to ensure individual rights and freedoms 186

XueHongyan * On strategies for translating the Chinese political text (based on Xi Jinping on Public Administration) 193

JUSTICE AND JURISPRUDENCE

Pashentsev D.A., Novikova K.S. * Artificial intelligence as a subject of judicial interpretation of law 198

EDUCATION MANAGEMENT

Popova E.I., Balandin A.A., Dedyukhin D.D. * Distance education: modern realities and perspectives 203

Hua Menzhou * Distribution and development of Chinese science fiction in Russia (using the example of the science fiction novel Liu Qixin) 210

Zhang Wei * Problems of applying youth slang in the lesson of Russian as a foreign language in China 215

INNOVATIONS

Abdullaeva S.S. * Judaism's attitude to the Internet 217

Khasanova A.A., Farrakhova F.F. *Theoretical aspects of improving the accounting of bio-assets in the agricultural sector of the economy in accordance with international standards 220

Mikhailina E.B. * Legal regulation of cryptocurrency in Switzerland and Germany as a positive example for legitimizing it in the Russian Federation . . . 225

Chupina I.P., Voronin B.A., Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Simachkova N.N. * Realization of human capital in organizations of the agricultural sector of the economy 230

PEDAGOGICAL SCIENCES

Melentyev A.V. * Stages of patriotic education..237

Koryakina A.A. * Foreign approaches to intercultural learning 242

Bugaenko T.F. * Methods of teaching academic painting at a higher school 246

Mikhailov A.N., Morgailik M.A., Naumova A.G. * Main directions of patriotic education of students in secondary educational institutions 249

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

Maistrenko G.A. * Some aspects of individual prevention of offenses in the educational colonies of the penal system 253

Пьянков М.Н. * Конспирация оперативно-розыскной деятельностив уголовно-исполнительной системе Российской Федерации 257

Миц Д.С. * Оптимизация уголовного процесса и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации 260

Николаева Ю.В. * Защита прав несовершеннолетних: Уголовный кодекс Российской Федерации обновляется, проблемы остаются 265

Кулажников В.В. * противодействие финансированию терроризма:проблемы международного и российского права 273

Харабара И.В. * Стадии совершения преступления в аспекте уголовно-правовых отношений 277

Майстренко Г.А. * Уголовная ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей 282

Лобач Д.В., Смирнова Е.А., Мирошниченко О.И. * Национальный уголовно-правовой опыт противодействия кибертерроризму в современных условиях 286

Пьянков М.Н. * Взаимодействие оперативных подразделений следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 295

ЮРИДИЧЕСКИЙАРХИВ

Королев С.В., Лялина И.С., Сангаджиева К.В. * «Индейский вопрос» США в фокусе теории международного права и английского земельного права 300

Пашенцев Д.А. * Кортесы в средневековой Испании как элемент сословно-представительной системы 308

Рыбаков О.Ю. * К проблеме легитимации королевской власти в Европе в период становления варварских государств (V-X вв.). На примере Англии, Испании, Франции 312

Кулемина Л.Б. * Государство и его роль в поддержке населения и военнослужащих в годы Великой Отечественной Войны 317

Артемьева Ю.А. * Некоторые аспекты правового регулирования соглашения об уплате алиментов в России и Германии 323

Ермаков Д.Н., Попов Г.Г., Березкина О.С., Малашкина О.Ф. *Развитие советского авиастроения в межвоенный период 329

Piankov M.N. * Conspiracy of operational-search activities in the penal system of the Russian Federation 257

Mitz D.S. * Optimization of the criminal process and ensuring the national security of the Russian Federation 260

NikolaevYu.V. * Protection of the rights of minors: The Criminal Code of the Russian Federation is updated, problems remain 265

Kulazhnikov V.V. * Countering the financing of terrorism: the problems of international and Russian law 273

Harabara I.V. * Stages of crime in criminal law relations 277

Maistrenko G.A. * Criminal liability for unlawful detention, detention or detention 282

Lobach D.V., Smirnova E.A., Miroshnichenko O.I. * National Criminal Law Experience in Countering Cyberterrorism in Modern Conditions 286

Piankov M.N. * Interaction of operational units of pre-trial detention centers of the penal correction system of the Russian Federation 295

LEGAL ARCHIVE

Korolev S.V., Lyalina I.S., Sangadzhieva K.V. * “Indian Question” of the USA in the focus of the theory of international law and English land law 300

Pashentsev D.A. * Cortes in medieval Spain as an element of an estate-representative system 308

RybakovO.Yu. * To the problem of legitimizing royal power in Europe during the formation of barbarian states (V-X centuries). Using the example of England, Spain, France 312

Kulemina L.B. * The state and its role in supporting the population and military during the Great Patriotic War 317

ArtemyevYu.A. * Some aspects of legal regulation of the agreement on payment of alimony in Russia and Germany 323

Ermakov D.N., Popov G.G., Berezkina O.S., Malashkina O.F. * Development of the Soviet aircraft industry in the interwar period 329

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПОЛИТИКА И ПРАВО

СЕМИНА Татьяна Васильевна,
доктор социологических наук,
старший научный сотрудник
кафедры современной социологии социологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
e-mail: stv.semina1911@yandex.ru

ТЫРТЫШНЫЙ Алексей Александрович,
кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры
социологии семьи и демографии социологического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
e-mail: atyrt@mail.ru

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ И КОНФРОНТАЦИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА COVID-19: СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы социальной солидарности и конфронтации мирового сообщества и российского общества в период пандемии коронавируса COVID-19. Авторами представлены основные характеристики и показана масштабность новых этических и социальных норм, возникших из-за пандемии, а которые имеют далеко идущие последствия. Исследуются экономические последствия пандемии COVID-19, которые усугубляют социальное неравенство и могут привести к социальной и политической дестабилизации в разных странах мира. Рассматриваются перспективные направления активного сотрудничества общества и государства, обусловленные формированием новых представлений о мире, становлением новой социальной реальности в условиях мировой пандемии.*

Ключевые слова: *социальная солидарность, социальное сотрудничество, конфронтация, пандемия, коронавирус COVID-19, социальное неравенство, социальное здоровье, поведенческие стратегии.*

SEMINA Tatiana Vasilievna,
Doctor of Sociological Sciences,
Senior Researcher of the Department of Modern Sociology
of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

TYRTYSHNY Alexey Alexandrovich,
Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department Sociology of Family and Demography
of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

SOCIAL SOLIDARITY AND CONFRONTATION DURING THE COVID-19 CORONAVIRUS PANDEMIC: SOCIAL AND LEGAL ASPECTS

Annotation. *The article deals with topical issues of social solidarity and confrontation between the world community and Russian society during the COVID-19 coronavirus pandemic. The authors present the main characteristics and show the scale of new ethical and social norms that have emerged due to the pandemic, and which have far-reaching consequences. The article examines the economic consequences of the COVID-19 pandemic, which exacerbate social inequality and can lead to social and political destabilization in different countries of the world. The article considers promising areas of active cooperation between society and the state, due to the formation of new ideas about the world, the formation of a new social reality in the context of a global pandemic.*

Key words: *social solidarity, social cooperation, confrontation, pandemic, COVID-19 coronavirus, social inequality, social health, behavioral strategies.*

В Преамбуле к уставу ВОЗ ООН отмечается, что «просвещенное общественное мнение и активное сотрудничество со стороны общества крайне важны для улучшения здоровья народа» [20]. Эта, часто цитируемая политико-правовая идеологема, содержит в себе одну из ключевых задач данной универсальной международной организации в сфере охраны здоровья – ориентацию на просветительскую работу и на активное сотрудничество общества и государства в деле улучшения здоровья людей.

Очевидно, что именно просвещенное общественное мнение и активное сотрудничество общества и государства в деле охраны здоровья важны как в обычных условиях функционирования внутригосударственных и международных организаций, так и тогда, когда возрастает значимость влияния общественного мнения на сотрудничество или противоборство в чрезвычайных условиях, например, в период какой-либо пандемии или эпидемии.

11 марта 2020 года на пресс-брифинге Генеральным директором Всемирной организации здравоохранения было объявлено о начале новой мировой пандемии - коронавируса COVID-19. В выступлении Генерального директора ВОЗ отмечалось, что пандемия затронула 114 стран из около 200, входящих в разной форме в систему ВОЗ. При этом на начало марта 2020 года в обоснование принятого ВОЗ решения приводились следующие цифры: «выше 90 процентов от 118 тыс. случаев, зарегистрированных в 114 странах мира, приходится на долю всего четырех стран, две из которых – Китай и Республика Корея – наблюдают существенно уменьшающиеся эпидемии. В 81 стране не зарегистрировано ни одного случая заболевания, а в 57 странах зарегистрировано не более чем по 10 случаев» [4]. В этом обращении ВОЗ также подчеркивалась необходимость консолидации усилий мирового сообщества в деле сохранения общественного здоровья и координации мер по противодействию новой коронавирусной инфекции.

Известно, что правительства государств несут ответственность за здоровье своих народов, и эта ответственность требует принятия соответствующих мероприятий социального характера в области охраны здоровья населения. Пандемия научила людей и общество в целом больше ценить жизнь и собственное здоровье, обнаружила новые связи социального здоровья и безопасности, взаимодействия человека и общества, научила критериям принятия человеком социальных норм и ценностей в период мировой эпидемии. В то же время пандемия коронавируса COVID-19 стала вызовом не только для врачей, но и для населения всей планеты. Она превратилась в социальное бедствие глобального масштаба, не только с медицинскими, но также экономическими, юридическими и социальными последствиями.

В 21 статье V Главы Устава Всемирной организации здравоохранения говорится о том, что «Ассамблея здравоохранения имеет полномочия устанавливать права, касающиеся: a) санитарных и карантинных требований и иных мероприятий, направленных против международного распространения болезней; b) номенклатуры болезней, причин смерти и практики общественного здравоохранения; c) стандартов диагностических методов исследования для их международного использования; d) стандартов в отношении безвредности, чистоты и силы действия биологических, фармацевтических и подобных продуктов, имеющих обращение в международной торговле; e) рекламы и ярлыков биологических, фармацевтических и подобных продуктов, имеющих обращение в международной торговле [6].

За месяцы, прошедшие после объявления ВОЗ пандемии коронавируса, большинством стран были приняты решения и обозначены конкретные меры в пределах обозначенной компетенции ВОЗ и направленные на решение выдвинутых ею четырех основных задач:

- во-первых, принятия мер по обеспечению готовности;
- во-вторых, выявления больных, оказание им помощи и лечения;
- в-третьих, предупреждение дальнейшего распространения инфекции;

- в-четвертых, поиск инновационных решений и изучение опыта [6].

Принятие таких мер продемонстрировало максимальную солидарность ряда стран и их присоединение к принимаемым ВОЗ решениями, особенно - на начальном этапе пандемии. Позднее, по мере распространении пандемии на другие страны и, прежде всего США, стала формироваться иная стратегия взаимодействия с ВОЗ – стратегия противостояния и недоверия.

Таким образом, несмотря на неоднозначное отношение к оценке эффективности мер, принимаемых ВОЗ в рамках борьбы с пандемией в целом, в общественном мнении стал наблюдаться тренд двуполярной направленности - поддержки и координации мер по борьбе с пандемией с одной стороны, и критики в отношении мер ВОЗ – с другой [13]. О последнем, в частности, свидетельствует выступление Президента США Д. Трампа: «Сегодня я проинструктировал мою администрацию, чтобы она прекратила финансирование Всемирной организации здравоохранения, пока проводится оценка весьма ее халатной работы (по проблеме - ИФ) распространения коронавируса» [19].

При этом более 120 стран поддержали призыв Австралии провести независимое расследование причин распространения коронавируса, сообщает газета Гардиан [1]. Основные претензии со стороны критически настроенных государств были направлены на неисполнение или ненадлежащее исполнение основной функции ВОЗ в части просвещенного общественного мнения и солидарности действий общества и государств по борьбе с пандемией. То есть государства – критики не ставили под сомнение меры и решения чисто противоэпидемического и санитарно-гигиенического характера, но выдвигали претензии именно в части процедур информирования и присоединения к мерам ВОЗ для государств-участников. При этом особенно остро критика была направлена на меры ВОЗ и ее руководящих органов по расследованию причин пандемии и роли ряда государств в таком расследовании.

Следует отметить, что такого рода двуполярная направленность общественного мнения вполне объяснима в период беспрецедентной для XXI века по своим масштабам и проявлениям пандемии коронавируса. Но, в тоже время, такие факторы как степень остроты дискуссии между лидерами мнений, глубина политико-правовых, социальных и экономических последствий решений, принимаемых в условиях пандемии, вызывают необходимость исследования специфики проявления двух основных стратегий социального взаимодействия государства и общества в период пандемии коронавируса - стратегии солидарности и стратегии конфронтации.

По мнению исследователей, солидарность как одну из стратегий поведения больших социальных групп можно рассматривать в рамках различных подходов [21, с. 90–93]. В широком смысле солидарность – это «особое состояние группового, корпоративного, коллективного сознания – ощущения взаимосвязи, чувство «мы», основанное на реальном положении данного сообщества во взаимодействиях с другими сообществами» [22, с. 439]. Под солидарностью также понимают «состояние готовности данной группы (социального слоя, этнической или иной общности) к совместным акциям для утверждения собственных интересов» [22, с. 439].

Проблема социальной солидарности, обеспечивающей стабильное состояние общества в разные периоды его развития и, особенно, в кризисные периоды, легла в основу особого учения в социологии – учения, основанного на согласии (консенсусе). «Социальный консенсус, как правило, достигается на основе согласования и взаимных уступок субъектов (групп, общностей, институтов, государств)» [10, с. 190]. Та или иная степень согласия в понимании целей обществ, развития и средств их достижения, как и согласованность в реальных достижениях, считалась необходимым условием успешного социального взаимодействия, сотрудничества и консолидации [10, с. 190].

В частности, основоположник понимающей социологии М. Вебер отмечал, что «действия, ориентированные на ожидание определенного поведения других, которые имеют вследствие этого эмпирически значимый шанс на то, что ожидания оправдаются, так как объективно существует вероятность того, что эти другие, несмотря на отсутствие какой-либо договоренности, практически отнесутся к таким ожиданиям как к «значимым» по своему смыслу для их поведения. Мотивы, исходя из которых можно ждать подобного поведения других, в концептуальном аспекте безразличны. Действия общества, ориентированные на шансы подобного «согласия», он называл действиями, основанными на согласии [3, с. 526].

На наш взгляд, на фоне мер, предпринимаемых правительствами стран по борьбе с пандемией коронавируса, можно отметить значительное число поведенческих действий различных социальных групп и, в целом общества, которые можно отнести к паттерну согласия и солидарности.

Так, следует согласиться с испанскими учеными Мартином-Фумадо, С. Гомесом-Дуран, Э.Л. Бенетом-Траве, Дж. Барберией-Маркалейн и Э. Аримани-Мансо, что «многие заинтересованные

стороны, похоже, не полностью поняли, что означает глобальный пандемический кризис и какие усилия предпринимаются для сдерживания этой чрезвычайной ситуации. Наши общества и системы здравоохранения не были готовы к пандемии COVID-19, и это подняло этические и медико-правовые проблемы. Ученые поясняют, что в Испании был очевидный конфликт между обязанностью врачей заботиться о пациентах и их правами защищать свое здоровье, свои семьи и близких. Тем не менее, заражение медицинских работников является неотъемлемым профессиональным риском для медицинских работников, и наш Уголовный кодекс наказывает специалистов, связанных с охраной здоровья населения, которые «не в состоянии оказать помощь» нуждающемуся лицу, но в то же время и для этих работников должны быть созданы надежные гарантии для того, чтобы они могли защитить себя» [24].

В целях борьбы с новой коронавирусной инфекцией в большинстве стран были приняты ограничительные и запретительные меры, которые формально не отвечали признакам чрезвычайной ситуации, но содержали предписания, характерные для них.

Например, формально в Российской Федерации и ряде других стран были приняты меры, которые характеризуются как режим повышенной готовности, а также иные ограничительные меры санитарно-эпидемиологического характера. Такие меры не соответствовали режиму чрезвычайной ситуации, который не был введен, но ориентировали государственные органы и население на поведение. Эти меры не содержали прямого запрета или ограничения прав и свобод, содержащихся в законе «О чрезвычайной ситуации», но накладывали ряд ограничений на права населения и налагают на него дополнительные обязанности. При этом одновременно был введен ряд дополнительных полномочий организационно-распорядительного и запретительного характера для органов власти. Наиболее показательными стали практически в полном объеме выполняемые населением меры соблюдения режима самоизоляции, контролируемые посредством новых коммуникационных технологий, в частности, специальных приложений на мобильных телефонах, переход на удаленную работу, запрет на поездки не только в другие регионы, но и в рамках конкретного населенного пункта, соблюдение «масочного режима» и социальной дистанции и т.п.

Исследовательский центр Ромир Гэлла Интернэшнл (Romir Gallup International) по заказу Фонда развития гражданского общества (ФоРГО) провел социологическое исследование на тему отношения россиян к применяемым мерам профилактики коронавируса, действиям властей, а также о том, с какими сложностями и проблемами сталкиваются граждане в связи с эпидемией.

Телефонный опрос был проведен в 90 населенных пунктах в 45 регионах России. В нем приняли участие 2000 человек, представляющих городское и сельское население страны, различные социальные и возрастные страты. Опрос проводился с 13 по 19 апреля 2020 года.

Согласно результатам исследования, распространение коронавируса в стране и мире волнует подавляющее большинство россиян — 78%. При этом 7% опрошенных признались, что пандемия их не волнует. В частности на вопрос, как вы относитесь к пандемии коронавируса в мире, 56% граждан сказали, что она несет реальную и серьезную угрозу населению, 23% — что угроза есть, но она не столь существенна, 10% выбрали вариант ответа «переболеем, и все пройдет», 3% считают, что реальной и серьезной угрозы нет, еще столько же россиян полагают, что вся ситуация с коронавирусом — это заговор фармацевтических компаний [5].

Граждан попросили оценить действия федеральных властей по противодействию распространению коронавируса. Оправданными и адекватными угрозе их назвали менее половины опрошенных - 44%. Еще 27% считают, что меры недостаточные, и полагают, что можно было действовать более жестко. 17%, наоборот, уверены, что меры слишком жесткие. 5% называют их избыточными, считая, что не нужно было делать ничего. Введенные властями ограничительные меры полностью или скорее поддерживают большинство россиян — 58%. Еще 28% в чем-то поддерживают, в чем-то нет, скорее не поддерживают или не поддерживают совсем 13% [5].

Таким образом для определенной части общества выполнение таких мер показалось неприемлемым, что выразилось в так называемом ковид-диссиденстве - публикации в научных изданиях, СМИ, социальных сетях материалов о несущественности или полном отсутствии опасности от коронавируса, противоборстве в информационном поле (онлайн-митинги в Ростове-на-Дону и т.д.) и даже в массовых протестах (Германия, Сербия, Франция). Как показали социологические исследования, в России более трети опрошенных - 37% - считают те или иные из введенных ограничительных мер чрезмерными. Представителей этой группы социологи попросили перечислить конкретные меры, которые они не одобряют. На первом по непопулярности месте оказались режим самоизоляции и штрафы (по 13%), на втором - ограничение передвижения по городу (12%), на третьем — закрытие рабочих мест (11%). Помимо этого, респонденты выражают недоволь-

ство введением пропускной системы (10%), запретом выходить из дома на улицу (9%) и даже тем, что не был введен режим ЧС (3%) [5].

Теоретически данная ситуация является объяснимой, поскольку новые условия неизбежно предполагают на начальной стадии определенную степень дезорганизации и своеобразный социальный хаос. Поэтому на определенном этапе (март – май 2020 г.) борьбы с пандемией коронавируса можно отметить диффузию стратегий солидарности и конфронтации в поведенческих актах. Это проявляется во взаимопроникновении признаков обеих стратегий в практику реализации каждой из них: солидарность в самоизоляции привела к солидарности в протестных проявлениях, что в свою очередь вынуждало органы власти к принятию дополнительных мер социальной и экономической поддержки и смягчению запретительных и карательных мер. Однако с дезорганизацией с ее отрицательными и положительными сторонами в социальную жизнь врывается новый социальный конфликт [9, с. 349]. Его наиболее ярким проявлением послужили протестные выступления, например, врачей по поводу задержки выплат за работу с ковид-больными, которые привели к расширению солидарности с этими требованиями различных групп населения.

Следует отметить, что в социологии направление мысли, которое подчеркивает значимость социального конфликта в истории общества, получило название «традиция конфликта». Особенность этого направления заключается не просто в том, что «общество состоит из конфликтов», а в том, что «даже происходящее вне открытого конфликта включает в себя элементы господства. Это видение социального порядка, которое предполагает наличие доминирующих и подчиненных групп индивидуумов, пытающихся продвинуть свои собственные интересы за счет других; в процессе борьбы за преимущества могут происходить открытые столкновения» [12, с. 61]. Г. Зиммель считал солидарность основополагающим социальным фактом общественной жизни. С другой стороны, он видел обобществление также и в борьбе – состязании, споре, вражде, конкуренции, имеющих общественную значимость и обеспечивающих социальную сплоченность.

Согласно Г. Зиммелю, «определенный уровень конфликта отнюдь не обязательно дисфункционален, он является существенной составляющей, как процесса становления группы, так и ее устойчивого существования. Конфликт может приводить к социальной интеграции, обеспечивать выход враждебным чувствам и усиливать социальную солидарность» [7, с. 262]. Аналогичной точки зрения придерживаются Г. Спенсер, который также считал важными факторами и стимулами социального развития, У. Самнер, Л. Уорд, А. Смолл и Ф. Гиддингс, в свою очередь рассматривали солидарность и конфликты как основополагающие элементы социальной организации.

Особый интерес представляет диалектика социальной солидарности и конфликта («борьбы») как форм взаимодействия индивидов, отраженная в первом монографическом произведении П. Сорокина «Преступление и кара, подвиг и награда»: «…стоит только вступить в общение двум или большему числу лиц, из которых каждый понимает по-своему разряд должного, а соответственно и рекомендованного и запрещенного поведения, и конфликт или борьба между ними будет неизбежной» [18, с. 274].

Л. Козер неоднократно подчеркивал, что социальный конфликт может выполнять ряд конструктивных функций - объединять группы людей, связывать их в ассоциации и коалиции, способствовать групповой сплоченности, поддержанию групповых границ, а также структурировать социум. Однако эту позитивную функцию выполняют не все конфликты, а лишь те, которые относятся к целям, ценностям или интересам, не затрагивающим основ на которых строятся отношения [23].

Действительно, стратегии, которые принимали руководства государств мира на этапе всеобщего страха и паники в обществе, были разные. Ограничения, связанные с пандемией, прежде всего, закрытие промышленных предприятий и торговых организаций, «перестроили» нынешнюю мировую финансово–экономическую модель, привели к экономическим неурядицам, а в отдельных странах к обострению социального неравенства, к протестам и митингам по поводу ограничительных мер, введения карантина для сдерживания эпидемии коронавируса. Всемирная пандемия обнажила основные социальные и правовые изъяны в разных странах, что уже повлекло, и повлечет в ближайшем будущем далеко идущие неблагоприятные последствия для жизни мирового сообщества.

Так, из-за остановки предприятий в Китае, а затем и во всём мире спрос на нефть и нефтепродукты значительно упал [14]. Продолжительный карантин изменил приоритеты потребления: упал спрос на ряд товаров, такие как автомобили и одежда, но при этом вырос спрос на товары для дома, как на облегчающие домашний быт. Также вырос спрос на товары для домашнего офиса, так как многие виды работ стали удалёнными, соответственно переживают пик популярности приложения для видеоконференций такие как Zoom, Microsoft Teams и их аналоги [8]

Если говорить о России, децентрализация, связанная с пандемией коронавируса нового типа,

сделала власть более эффективной. За счет предоставления межбюджетных трансфертов из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства РФ в целях софинансирования, в том числе в полном объеме, расходных обязательств субъектов РФ по выплатам стимулирующего характера медицинским работникам позволило снизить напряженность в медицинском сообществе. Более того, Постановлением Правительства РФ от 12.04.2020 № 484, а также на основании Президентского указа, которым определены размеры страховых выплат для медработников, инфицированных вирусом COVID-19 при исполнении трудовых обязанностей, в случае смерти медработника, его инвалидности или временной нетрудоспособности, исключающей инвалидность (Указ Президента РФ от 6 мая 2020 г. № 313). Президент России Владимир Путин подписал указы о награждении работников российских медицинских и научных учреждений орденами Пирогова и медалями Луки Крымского за вклад в борьбу с коронавирусом [17].

На наш взгляд, главное назначение власти состоит в том, чтобы организовывать и направлять социальные и политические процессы в обществе таким образом, чтобы консолидировать общество, предупреждать и устранять возникающие в обществе напряжённости и противоречия, чтобы сделать справедливым распределением благ и возможностей, заинтересовывать все слои общества в восприятии новых условий жизни. Эпидемия COVID-19, показала, что российская модель управления способна быстро и гибко реагировать на подобные кризисы и справляться с коронавирусной инфекцией лучше многих других стран, а также продемонстрировала способность российского здравоохранения мобилизоваться перед лицом серьезной угрозы и сохранять человеческие жизни.

В то же время, исследователи отмечают, что наряду с другими факторами, приводящими к конфронтационному взаимодействию в обществе, не менее важными, но недостаточно исследованными являются относительно устойчивые социально-правовые и информационные стратегии.

Так, Интернет-коммуникации сегодня можно рассматривать как особую социальную среду. А после пандемии это может стать нормой для большинства, объединение офлайна и онлайна в целом стало трендом последнего времени, стремительно развивается прирост количества пользователей интернета, общение в интернете стало главной альтернативой личным встречам. Люди начинают по-новому взаимодействовать с обществом, масштабировали онлайн-образование и расширили его географию. Общество живет в обстановке, в которой реальные отношения заменяются виртуальными, они работают, учатся и общаются онлайн, теряя способность входить в личный контакт. Часть общества тяжело переживает изоляцию, даже в век интернета, когда виртуальное общение, казалось бы, служит отличной альтернативой реальному.

На наш взгляд, наиболее остро проявились в период пандемии различные профессиональные деформации, и прежде всего, в рядах медицинских работников. Казалось бы, оказался изжитым страх перед пандемией коронавируса, которая ломает всю систему человеческих, общественных отношений, который в обычное время не выражается явно, но в кризисные моменты актуализируется. Среди фобий, начинают проявляться страх заражения, страх гибели и потери близких людей. Такими тенденциями можно назвать социальную девальвацию профессиональной деятельности; эмоциональное выгорание и профессиональные деформации личности врача; угрозы непропорционального применения мер правовой ответственности за действия по оказанию помощи в условиях пандемии и другие.

В подтверждение этих тенденций следует отметить, что с началом пандемии медицинских работников отправляли в неоплачиваемые отпуска, переводили на работу в другие медучреждения, работодатели не обеспечивали их СИЗ (средствами индивидуальной защиты), а сами медработники заражались коронавирусной инфекцией [11].

В целях защиты прав медицинских работников были предприняты меры, которые на первом этапе носили разрозненный и несистемный характер, что отражало текущее состояние правового регулирования сферы охраны здоровья и подтверждало запросы общества на его совершенствование даже на уровне внесения изменений в Конституцию РФ. Предлагается закрепить вопросы координации усилий публичной власти в сфере охраны здоровья (в части 1 ст. 72 пункт «ж» изложить в следующей редакции: «координация вопросов здравоохранения, в том числе, обеспечение оказания доступной и качественной медицинской помощи, сохранение и укрепление общественного здоровья, создание условий для ведения здорового образа жизни, формирования культуры ответственного отношения граждан к своему здоровью; социальная защита, включая социальное обеспечение». Указанный подход соответствует поправкам, внесенным Президентом РФ в п. 6) ст. 1 Закона РФ О поправке в Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», согласно

которым к ведению Российской Федерации будет отнесено установление единых правовых основ системы здравоохранения.

Реалии функционирования власти и общества в условиях пандемии коронавируса, свидетельствующие о необходимости консолидации мер социального, экономического и правового характера, с необходимостью требуют принятия неотложных системных решений для снижения противостояния в обществе и гармонизации взаимодействия подсистемы врач-пациент. Наиболее ярким проявлением солидарности как реакции на нарушение прав медицинских работников стало обращение представителей Национальной ассоциации заслуженных врачей к Президенту РФ о введении моратория на применения мер уголовно-правового характера в отношении врачей, оказывающих медицинскую помощь коронавирусным больным, если их действия были связаны с выполнением ими профессиональной деятельности в период с 21.01.2020 года и до окончания пандемии [15].

Необходимо отметить, что всего за указанный период для помощи гражданам и для содействия главе государства и органам власти в разъяснении механизмов реализации новых прав и обязанностей в период пандемии было создано около 250 информационных ресурсов. Так, например, Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека совместно с Ассоциацией юристов России запустили сайт права2020 (https://права2020.рф). На этом сайте была представлена информация по всему комплексу принимаемых мер, учитывающая действующее законодательство и разъяснения профильных ведомств, а также открыта «горячая линия» для оказания юридических консультаций по вопросам реализации новых норм.

Аналитическая служба Рамблера узнала у россиян, что они думают о введении «масочного режима» по всей России. Более половины опрошенных одобрили введение так называемого масочного режима (21% выступили однозначно – за, 34% одобрили идею, но при условии раздачи масок всем гражданам), на начальном этапе пандемии 45% опрошенных не одобрили данную идею. Одной из причин недоверия стала как раз недостаточная информированность о принимаемых мерах в части эффективности защиты масок от коронавирусной инфекции, - всего в опросе приняли участие 6426 человек [2].

Подводя итог анализа выявленных в период распространения пандемии коронавируса стратегий взаимодействия власти и общества можно отметить, что ведущими стратегиями вступают модифицированные чрезвычайными обстоятельствами меры, предпринимаемые органами власти и отражающиеся в массовом поведении различных социальных групп в стратегиях солидарности и противоборства.

В целом, на наш взгляд, описанным в социологической науке стратегиям конфликтного и солидарного взаимодействия, в период пандемии коронавируса наряду с общими свойственны и специфические признаки.

Так, признаками следования стратегии солидарности выступают:

- массовая поддержка населением практически всех стран запретительных и ограничительных мер в период информационной неопределенности и covid-бури на начальных этапах пандемии;
- высокий уровень самоизоляции населения даже при не обозначенных ранее мерах наказания и отсутствии прецедентов разрешения споров по принимаемых запретительным и штрафным мерам к нарушителям запретов;
- бурный рост волонтерских и иных общественных инициатив по поддержке нуждающихся, продвижению государственных мер, информационной позитивной окраске усилий системы здравоохранения по борьбе с коронавирусом;
- мощная, зачастую проактивная роль СМИ в освещении событий на фоне борьбы с пандемией;
- интеграция усилий правительств и профессиональных врачебных сообществ в принимаемых мерах, в оценке их эффективности и одобрении законодательных и правоприменительных мер чрезвычайного характера или повышенной готовности.

К причинам и признакам следования стратегии противоборства или конфронтации можно отнести:

- стресс и информационный голод в первые дни пандемии, вызванные неготовностью правительств и систем здравоохранения к нарастающей волне ковид-событий: бурному росту числа госпитализаций, переводу в статистические сводки сведений о массовом заболевании и особенно о смертности от ковид-инфекции;
- разнообразные, в рамках сложившихся моделей, комбинации мер по противодействию ковид-инфекции: от шведско-белорусской до японской;
- дезориентацию в определении направлений собственно медицинской деятельности и правильности правительственных мер по их поддержке;
- конкуренцию экономических, политических и иных интересов и факторов (экономических, культурных, религиозных, социальных) в ситуации необходимости принятия жестких непопулярных мер;
- реальное сужение поля прав и свобод человека и гражданина в рамках любых моделей,

без применения отработанной модели компенсации вводимых ограничений мерами экономического, социального, информационно- просветительского характера;

- открытые действия заинтересованных клиентел (фармацевтических, промышленных, бизнеса) по выбиванию максимальных дивидендов из ситуации неопределенности и рассогласованности предпринимаемых усилий;

- неготовность ряда институтов гражданского общества к защите своих интересов в условиях ограничительных мер: системы образования, культуры, СМИ, спорта.

При этом наиболее яркими проявлениями конфронтации и открытого конфликтного взаимодействия в период пандемии также можно назвать:

- ковид-диссидентство населения и отдельных институтов, проявляющееся в отрицании самого явления пандемии, противодействия мерам со стороны государства и противостоянию тем, кто такие меры поддерживает;

- внешние и внутренние конфликты в рамках систем здравоохранения – сужение поля медицинской помощи по заболеваниям, не связанным с ковид-инфекцией, выделение ковид-медицины в наиболее обеспечиваемый ресурсами сегмент здравоохранения: строительство госпиталей, обеспечение техникой, лекарственными средствами, персоналом в приоритетном порядке;

- повышенную нагрузку на систему здравоохранения методом экстенсивной перегрузки: заболевания, смерти врачей и медицинского персонала, суицидальные проявления и эмоциональное выгорание;

- разбалансировку интересов взаимодействия среди участников даже в рамках сложившихся корпоративных моделей: привычные механизмы страховой медицины не работали как нужно, чрезвычайные не заработали в ожидаемо быстрый срок, невыплаты врачам, трудности с медикаментами и оборудованием, сложности с захоронением умерших, масштабные диспропорции в структуре занятости.

Следует отметить, что в некоторых государствах стратегии, реализованные по борьбе с ковид-инфекцией, содержали в себе все признаки модели классического патернализма в рамках социальных отношений в системе медицина и общество. К системам здравоохранения, ориентированным преимущественно на такую модель, в большей или меньшей степени можно отнести страны постсоветского (постсоциалистического) пространства (СНГ, ряд стран Восточной Европы и т.д.), ряд азиатских государств (Иран, Китай, КНДР) и некоторые системы здравоохранения государств из числа быстрорастущих экономик (Китай, Индия и т.д.). В рамках таких моделей, когда пациент, как правило, является пассивным субъектом и не принимает самостоятельных решений относительно процесса лечения, наиболее часто отмечены признаки оправдания принуждения пациентов или сокрытие от них информации.

К странам, ориентированным на корпоративную модель взаимодействия в период начального этапа борьбы с пандемией коронавируса стали развитые системы здравоохранения США, ЕС и ряда развитых азиатских государств (ОАЭ, Катар и другие).

Ярким примером реализации интегрированной модели стала особая, отличающейся от вышеописанных моделей, система институциональных мер предпринятых правительством Японии в период пандемии коронавируса. Эту модель отличает высокая степень социальной солидарности, ориентация на максимальное информирование о мерах по борьбе с пандемией и практически исключение мер принуждения за возможные нарушения введенного режима. Это несмотря на то, что именно в Японии в ряде префектур был введен полный режим чрезвычайной ситуации и предпринимались наиболее строгие санитарно-эпидемиологические решения.

Кроме того, на фоне мер, предпринимаемых ВОЗ и национальными правительствами по борьбе с пандемией коронавируса, можно выделить различные комбинации вышеупомянутых моделей взаимодействия систем здравоохранения и населения, а также модификации стратегий их реализации.

Условно все комбинации таких моделей, ориентаций и стратегий за период пандемии на основе анализа реакции общества на принимаемые меры укладываются в парадигму колебания вектора поведения людей от солидарности к конфронтации и обратно. Ключевым фактором, влияющим на направленность этого вектора, наряду с законодательным регулированием, правоприменением и мерами социально-экономической поддержки, выступает уровень информированности общества о предпринимаемых мерах, подчиненный, в условиях мировой пандемии, «необходимости отслеживать, оценивать и адекватно интерпретировать события и понимать их [16, с. 245]. Тем самым становится возможной реализация подхода, основанного на вовлечении всех секторов государственной власти и всего общества и построенного вокруг комплексной стратегии, сочетающей «профилактику», «готовность», «общественное здоровье», «политическое лидерство», направленной на предотвращение распространения инфекции, спасение жизней людей и снижение негативных последствий заболевания [4].

Список литературы:

[1] Более 120 стран поддержали проведение расследования причин пандемии / Интерфакс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/world/709065 (дата обращения: 20.07.2020).

[2] Букина Л. Россияне отказались носить маски / Рамблер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/community/44136585/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 20.07.2020).

[3] Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии / Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем. / Сост., общ. ред. и послесловие Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П. Гайденко. – М.: Прогресс, 1990. – С. 495–499.

[4] Вступительное слово генерального директора ВОЗ на пресс брифинге по COVID-19 11 марта 2020 года / Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020 (дата обращения: 20.07.2020).

[5] Галимова Н. Треть россиян считают чрезмерными ограничения в связи с коронавирусом / РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/society/29/04/2020/5ea863599a794749aa07be3f (дата обращения: 20.07.2020).

[6] Глава V Устава ВОЗ «Всемирная ассамблея здравоохранения» / Гарант [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/2540328/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe (дата обращения: 20.07.2020).

[7] Добреньков В.И., Осипова Н.Г. История западной социологии (20 – 60-е гг. XX в.: учебник. – М.: Академический проект, 2012. – 600 с.

[8] Дом как бункер со всем необходимым / Медуза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://meduza.io/feature/2020/04/07/dom-kak-bunker-so-vsem-neobhodimym (дата обращения: 20.07.2020).

[9] Зайцев А.К. Социальный конфликт. Изд. 2-е. – М.: Academia, 2001. – 464 с.

[10] Иванов В.Н. Консенсус социальный / Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – М.: Норма-Инфра-М, 2010. – С. 190.

[11] Казанцева Ю. В Новосибирске создан Центр правовой помощи медицинским работникам в период пандемии COVID-19 // Ассоциация юристов России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://alrf.ru/news/v-novosibirske-sozdan-tsentr-pravovoy-pomoshchi-meditsinskim-rabotnikam-v-period-pandemii-covid-19 (дата обращения: 20.07.2020).

[12] Коллинз Р. Четыре социологических традиции / Пер. с англ. В. Россмана. – М.: Издательский Дом «Территория будущего», 2009. – 316 с.

[13] Матвиенко выступила против «судилища» над ВОЗ из-за коронавируса / Интерфакс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/russia/709143 (дата обращения: 20.07.2020).

[14] Минчичова В.С. Коронавирус и цены на мировых рынках / «Инвест-Форсайт»: деловой журнал, 2020, 11 марта.

[15] Открытое письмо в поддержку медицинских работников / Национальная ассоциация заслуженных врачей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zasluzhennye-vrachi.ru/obrashhenie (дата обращения: 20.07.2020).

[16] Рикер П. Человек-общество – цивилизация. Современная философия. – М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация, 2015. – 391 с.

[17] Сергиевская Н. Самоотверженность и профессионализм: Путин наградил медработников за вклад в борьбу с COVID-19 / RT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://russian.rt.com/russia/article/757272-putin-mediki-nagrady (дата обращения: 20.07.2020)

[18] Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. – М.: Астрель, 2006. – 624 с.

[19] Трамп приостановил финансирование ВОЗ на время анализа ее работы / Интерфакс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/world/704213 (дата обращения: 20.07.2020).

[20] Устав (Конституция) Всемирной организации здравоохранения, принятый Международной конференцией здоровья (Нью-Йорк, 1946) / Докипедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dokipedia.ru/document/5193278 (дата обращения: 20.07.2020).

[21] Ядов В.А. Солидарности россиян в повседневной жизни и в общегосударственном масштабе // Общество и экономика. 2002. № 12. –С. 90–93.

[22] Ядов В.А. Солидарность / Социологическая энциклопедия: в 2-х т. – М.: Мысль, 2003. Т. 2. – С. 439.

[23] Coser L.A. Social Conflict and the Theory of Social Change // The British Journal of Sociology. V. 8. № 3. – P. 197–207.

[24] Martin-Fumadó C., Gómez-Durán E.L., Benet-Travé J., Barbería-Marcalain E., Arimany-Manso J. Liability claims in Spain post-COVID-19: A predictable scenario // Legal Medicine. 2020. V. 47. 101745. https://doi.org/10.1016/j.legalmed.2020.101745.

Spisok literatury:

[1] Bolee 120 stran podderzhali provedenie rassledovaniya prichin pandemii / Interfaks [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.interfax.ru/world/709065 (data obrashcheniya: 20.07.2020).

[2] Bukina L. Rossiyane otkazalis' nosit' maski / Rambler [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://news.rambler.ru/community/44136585/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (data obrashcheniya: 20.07.2020).

[3] Veber M. O nekotoryh kategoriyah ponimayushchej sociologii / Veber M. Izbrannye proizvedeniya: Per. s nem. / Sost., obshch. red. i posleslovie Yu.N. Davydova; Predisl. P.P. Gajdenko. – M.: Progress, 1990. – S. 495–499.

[4] Vstupitel'noe slovo general'nogo direktora VOZ na press brifinge po COVID-19 11 marta 2020 goda / Vsemirnaya organizaciya zdravoohraneniya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.who.int/ru/dg/speeches/detail/who-director-general-s-opening-remarks-at-the-media-briefing-on-covid-19---11-march-2020 (data obrashcheniya: 20.07.2020).

[5] Galimova N. Tret' rossiyan schitayut chrezmernymi ogranicheniya v svyazi s koronavirusom / RBK [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.rbc.ru/society/29/04/2020/5ea863599a794749aa07be3f (data obrashcheniya: 20.07.2020).

[6] Glava V Ustava VOZ «Vsemirnaya assambleya zdravoohraneniya» / Garant [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://base.garant.ru/2540328/b5dae26bebf2908c0e8dd3b8a66868fe (data obrashcheniya: 20.07.2020).

[7] Dobren'kov V.I., Osipova N.G. Istoriya zapadnoj sociologii (20 – 60-e gg. HKH v.: uchebnik. – M.: Akademicheskij proekt, 2012. – 600 s.

[8] Dom kak bunker so vsem neobhodimym / Meduza [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://meduza.io/feature/2020/04/07/dom-kak-bunker-so-vsem-neobhodimym (data obrashcheniya: 20.07.2020).

[9] Zajcev A.K. Social'nyj konflikt. Izd. 2-e. – M.: Academia, 2001. – 464 s.

[10] Ivanov V.N. Konsensus social'nyj / Sociologicheskij slovar' / Otv. red. G.V. Osipov, L.N. Moskvichev. – M.: Norma-Infra-M, 2010. – C. 190.

[11] Kazanceva YU. V Novosibirske sozdan Centr pravovoj pomoshchi medicinskim rabotnikam v period pandemii COVID-19 // Associaciya yuristov Rossii [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://alrf.ru/news/v-novosibirske-sozdan-tsentr-pravovoy-pomoshchi-meditsinskim-rabotnikam-v-period-pandemii-covid-19 (data obrashcheniya: 20.07.2020).

[12] Kollinz R. CHetyre sociologicheskih tradicii / Per. s angl. V. Rossmana. – M.: Izdatel'skij Dom «Territoriya budushchego», 2009. – 316 s.

[13] Matvienko vystupila protiv «sudilishcha» nad VOZ iz-za koronavirusa / Interfaks [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.interfax.ru/russia/709143 (data obrashcheniya: 20.07.2020).

[14] Minchichova V.S. Koronavirus i ceny na mirovyh rynkah / "Invest-Forsajt": delovoj zhurnal, 2020, 11 marta.

[15] Otkrytoe pis'mo v podderzhku medicinskih rabotnikov / Nacional'naya associaciya zasluzhennyh vrachej [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://zasluzhennye-vrachi.ru/obrashhenie (data obrashcheniya: 20.07.2020).

[16] Riker P. CHelovek-obshchestvo – civilizaciya. Sovremennaya filosofiya. – M.: "Kanon+", ROOI "Reabilitaciya, 2015. – 391 s.

[17] Sergievskaya N. Samootverzhennost' i professionalizm: Putin nagradil medrabotnikov za vklad v bor'bu s COVID-19 / RT [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://russian.rt.com/russia/article/757272-putin-mediki-nagrady (data obrashcheniya: 20.07.2020)

[18] Sorokin P.A. Prestuplenie i kara, podvig i nagrada: sociologicheskij etyud ob osnovnyh formah obshchestvennogo povedeniya i morali. – M.: Astrel', 2006. – 624 s.

[19] Tramp priostanovil finansirovanie VOZ na vremya analiza ee raboty / Interfaks [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.interfax.ru/world/704213 (data obrashcheniya: 20.07.2020).

[20] Ustav (Konstituciya) Vsemirnoj organizacii zdravoohraneniya, prinyatyj Mezhdunarodnoj konferenciej zdorov'ya (N'yu-Jork, 1946) / Dokipediya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://dokipedia.ru/document/5193278 (data obrashcheniya: 20.07.2020).

[21] Yadov V.A. Solidarnosti rossiyan v povsednevnoj zhizni i v obshchegosudarstvennom masshtabe // Obshchestvo i ekonomika. 2002. № 12. –S. 90–93.

[22] Yadov V.A. Solidarnost' / Sociologicheskaya enciklopediya: v 2-h t. – M.: Mysl', 2003. T. 2. – C. 439.

[23] Coser L.A. Social Conflict and the Theory of Social Change // The British Journal of Sociology. V. 8. № 3. – P. 197–207.

[24] Martin-Fumadó C., Gómez-Durán E.L., Benet-Travé J., Barbería-Marcalain E., Arimany-Manso J. Liability claims in Spain post-COVID-19: A predictable scenario // Legal Medicine. 2020. V. 47. 101745. https://doi.org/10.1016/j.legalmed.2020.101745.

МАЛИНЕНКО Эльвира Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Южно-Российского института управления-филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, e-mail:lora.alt@mail.ru
SPIN-код: 6139-0508, AuthorID: 902487

К ВОПРОСУ О ТЕНДЕНЦИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ КОНСТИТУЦИЙ И УСТАВОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Аннотация. *В науке конституционного права конституции и уставы субъектов РФ остаются мало исследованными. Оптимальный результат тенденций развития конституций и уставов субъектов РФ в условиях пандемии до настоящего времени не выявлен. В исследовании автор обращает внимание на необходимость совершенствования данных актов и предлагает новые подходы в современных условиях. Предметом исследования являются правовые нормы исследуемых актов с учетом теоретических положений науки конституционного права и правоприменительной практики. Объект исследования, по мнению автора, общественные отношения, возникающие в процессе развития конституций и уставов субъектов РФ в условиях пандемии. Цель исследования - совершенствование правовых норм исследуемых актов в условиях пандемии. Методологическую основу составили методы научного познания во взаимосвязи и взаимодействии с общенаучными и частно-научными методами. В результате работы создана классификация конституций и уставов субъектов РФ, способствующая совершенствованию развития исследуемых актов в условиях пандемии. В науке конституционного права предложенный вариант будет способствовать разработке оптимальной модели конституций и уставов и тенденциям реализации в условиях пандемии.*

Ключевые слова: *классификация, конституция, модель, пандемия, развитие, субъект РФ, устав.*

Elvira V. MALINENKO,
candidate of legal Sciences,
associate Professor, associate Professor of the Department of constitutional
and municipal law South-Russian Institute of management-branch
of the Russian presidential Academy of national economy and public administration,
e-mail: lora.alt@mail.ru
SPIN-код: 6139-0508, AuthorID: 902487

TO THE QUESTION ABOUT THE TRENDS OF IMPROVING THE CONSTITUTIONS AND CHARTERS OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF A PANDEMIC

Annotation. *In the science of constitutional law, the constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation remain poorly studied. The optimal result of trends in the development of constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation in the context of the pandemic has not yet been identified. In the study, the author draws attention to the need to improve these acts and suggests new approaches in modern conditions. The subject of the research is the legal norms of the acts under study, taking into account the theoretical provisions of the science of constitutional law and law enforcement practice. The object of research, according to the author, is social relations that arise in the process of developing the constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation in the context of a pandemic. The purpose of the study is to improve the legal norms of the acts under study in the context of a pandemic. The methodological basis consists of methods of scientific knowledge in relation to and interaction with General scientific and private scientific methods. As a result, a classification of constitutions and charters of the subjects of the Russian Federa-*

tion has been created, which contributes to improving the development of acts in the context of a pandemic. In the field of constitutional law, the proposed option will contribute to the development of an optimal model of constitutions and charters and trends in implementation in the context of a pandemic.

Key words: *classification, Constitution, model, pandemic, development, subject of the Russian Federation, Charter.*

Вступившие в силу поправки в Конституцию РФ 4 июля 2020 года послужили основанием нового этапа развития конституций и уставов субъектов РФ [1]. В науке конституционного права мы предлагаем следующую классификацию конституций и уставов субъектов РФ. С одной стороны, первую группу составляют исследуемые акты, изменения в которые были внесены аналогично принятым поправкам, еще до проведения Всероссийского голосования. Например, устав Ростовская области [2], Конституция Чеченской Республики [3]. С другой стороны, вторая группу составляют исследуемые акты, большая часть субъектов оказалась в ожидании внесения поправок только после изменения федерального законодательства. Например, Устав Воронежской области [4], Конституции Республик Адыгея [5], Алтай (Основной Закон) [6].

В третью группу входят конституции и уставы субъектов, которые не подвергались изменениям в период с 2017 по 2020 г.г. Например, Конституции Республик Башкортостан [7], Татарстан [8]. Проблема их адаптации к современным реалиям не решена до настоящего времени [9]. Четвертая группа включает конституции и уставы субъектов РФ с изменениями после вступления в силу внесенных поправок в Конституцию РФ. Например, Конституция Республики Мордовия [10], устав Курганской области [11].

Предоставленная в условиях пандемии возможность высшим должностным лицам субъектов РФ издавать нормативные правовые акты, не была реализована главами многих субъектов Федерации. Иерархичность законодательства не только в отношении конституций, уставов, но и законов субъектов Федерации в условиях пандемии предполагает не только право, но и обязанность руководителей субъектов Федерации обратиться к проблеме. Президент РФ В.В. Путин предоставил возможность высшим должностным лицам субъектов РФ издавать нормативные правовые акты в пределах расширения компетенции [12]. Эта тенденция представляется значимой, особенно в условиях пандемии. Однако данный порядок не был урегулирован в отношении конституций и уставов субъектов.

Изданные в современный период научные труды исследователей, как правило, касались исключительно федеральной Конституции, В современный период были изданы фундаментальные научные труды И.Н. Барцица [13], В.Д. Зорькина [14], Ю.А. Тихомирова [15], посвященные необходимости точечных изменений в Конституцию РФ. 15 января 2020 г. Президент РФ В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию определил необходимость внесения поправок в Конституцию РФ [16]. Тем не менее, тема реализации конституций и уставов субъектов РФ остается неизученной до сих пор. Президент РФ В.В. Путин предоставил возможность высшим должностным лицам субъектов РФ издавать нормативные правовые акты в пределах расширения компетенции. Автором проведен сравнительно-правовой анализ конституций и уставов субъектов РФ, выявлены проблемы и противоречия, определены возможные подходы в реализации исследуемых актов в условиях пандемии. В период пандемии было издано большое количество нормативных правовых актов как федерального, так не федерального уровня. Реализация конституций и уставов 85 субъектов осуществляется с учетом многообразия нормативных правовых актов, посвященных данной проблематике. В процессе проведенного исследования выявлены проблемы совершенствования конституций и уставов субъектов в условиях пандемии

1. В период пандемии конституции и уставы субъектов РФ особенно нуждаются в изменениях. В исследуемые акты необходимо внести правовые нормы, определяющие компетенцию органов государственной власти, высшего должностного лица в условиях пандемии.

2. В нормативных правовых актах, издаваемых органами государственной власти субъектов РФ отсутствуют ссылки на конституции и уставы субъектов, что снижает их значимость.

3. Принимаемые нормативные правовые акты различны по видам. По одному и тому же основанию принимаются в одних субъектах РФ постановления, а в других – распоряжения [17, 18, 19, 20, 21, 22].

4. Выявлена проблема реализации межсубъектного сотрудничества. Мы полагаем возможным в целях социальной поддержки населения внести изменения в конституции и уставы, а также принять межсубъектные нормативные правовые акты, позволяющие предоставить гражданам, проживающим на взаимодействующих территориях социальную поддержку. Положительным примером является взаимодействие органов госу-

дарственной власти Москвы и Московской области. В условиях пандемии осуществлен единый подход к цифровой пропускной системе на территориях Москвы и Московской области[23,24].

5. С целью выполнения национальных задач необходимо включить в конституции и уставы субъектов Федерации правовые нормы, регулирующие улучшение равного правового положения человека и гражданина на территории любого субъекта независимо от а) места регистрации на территории субъектов РФ; б) возрастного ценза; в) волеизъявления должностного лица субъекта и высших исполнительны органов государственной власти субъекта РФ, закрепленного законодательно; г) бюджетной системы субъекта Федерации;

6. Представляется, что единое правовое положение человека и гражданина не урегулировано на территории субъектов в условиях пандемии в связи с отсутствием адаптации конституций и уставов субъектов РФ к современным реалиям.

Необходимо продолжать работу по совершенствованию изменений региональных конституций и уставов. Предложенные нами выводы позволят адаптировать конституции и уставы субъектов РФ к тенденциям, происходящим в государстве и обществе в условиях пандемии, а в науке конституционного права выявить новые подходы решения проблемы на основе предлагаемой классификации.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации(принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[2] Областной закон Ростовской области от 29.05.1996 № 19-ЗС (ред. от 06.05.2019) «Устав Ростовской области» (принят ЗС РО 19.04.1996) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[3] Конституция Чеченской Республики (принята на референдуме 23.03.2003) (ред. от 10.01.2020) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[4] Устав Воронежской области от 07.06.2006 (ред. от 13.07.2020) «Устав Воронежской области» (принят Воронежской областной Думой 25.05.2006) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[5] Конституция Республики Адыгея от 10.03.1995 (принята сессией ЗС (Хасэ) - Парламента РА 10.03.1995) (ред. от 31.07.2019) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[6] Конституция Республики Алтай (Основной Закон) (принята Законом РА от 07.06.1997 № 21-4) (ред. от 13.06.2018) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[7] Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 № ВС-22/15 (ред. от 04.03.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу по истечении переходного периода, установленного статьей 2 Федерального закона от 28.12.2010 № 406-ФЗ) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020)..

[8] Конституция Республики Татарстан от 06.11.1992 (ред. от 22.06.2012) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[9] Малиненко Э.В. Конституции и уставы субъектов Российской Федерации в современных реалиях//Вестник Поволжского института управления.2018.№ 5.С.87-91.

[10] Конституция Республики Мордовия (принята Конституционным Собранием РМ 21.09.1995) (ред. от 16.09.2020) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[11] Закон Курганской области от 16.12.1994 № 1 (ред. от 31.08.2020) «Устав Курганской области» (принят Курганской областной Думой от 01.12.1994) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[12] Путин В.В. Губернаторы должны сами принимать решения о дальнейших действиях по коронавирусу, https://paperpaper.ru/papernews/2020/05/06/putin-zayavil-chto-gubernatory-dolzhny-s/(дата обращения: 20.09.2020).

[13] Барциц И.Н. Конституционные обычаи: риски и способы управления ими»// Журнал российского права. 2020. № 2. С. 29-44.

[14] Зорькин В.Д.Буква и дух Конституции// Российская газета.2018 09.10.

[15] Тихомиров Ю.А. Как обеспечить эффективность закона./Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Московская областная Дума. 2019. – 208 с.

[16] Путин В.В.Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. 15.01.2020[Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020)..

[17] Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 18.09. 2020 № 732 «О внесении изменений в постановление Правительства Санкт-Петербурга 13.03.2020 № 121» [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020)..

[18] Постановление Правительства Москвы от 25.08. 2020 № 1381-ПП «О внесении изменений в постановление Правительства Москвы от 24.03. марта 2020 № 212-ПП «О мерах экономической поддержки в условиях режима повышенной готовности»» [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[19] Указ Мэра Москвы от 29.09.2020 № 94-УМ
«О внесении изменения в указ Мэра Москвы от 8.06. 2020 № 68-УМ» [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[20] Указ Главы Республики Адыгея от 18.09. 2020 № 138 «О внесении изменений в Указ Главы Республики Адыгея от 18.03. 2020 № 27 «О введении режима повышенной готовности».

[21] Распоряжение заместителя Председателя Правительства МО от 07.08.2020 № 95-р «О признании утратившим силу распоряжения заместителя Председателя Правительства Московской области от 22.04.2020 № 28-р «Об утверждении Стандарта организации работы на строительных площадках в целях недопущения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[22] Приказ департамента здравоохранения города Москвы от 25.09. 2020 № 1117 «О реализации отдельных положений указа Мэра Москвы от 25.09. 2020 № 92-УМ «О внесении изменений в правовые акты города Москвы» [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

[23] Указ Мэра Москвы от 11.04. 2020 №43-УМ «Об утверждении Порядка оформления и использования цифровых пропусков для передвижения по территории города Москвы в период действия режима повышенной готовности в городе Москве»,

[24] Постановление Губернатора МО от 12.03.2020 № 108-ПГ «О введении в Московской области режима повышенной готовности для органов управления и сил Московской областной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций и некоторых мерах по предотвращению распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-2019) на территории Московской области» [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Консультант-Плюс» (дата обращения: 20.09.2020).

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii(prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[2] Oblastnoj zakon Rostovskoj oblasti ot 29.05.1996 № 19-ZS (red. ot 06.05.2019) «Ustav Rostovskoj oblasti» (prinyat ZS RO 19.04.1996) [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[3] Konstituciya CHechenskoj Respubliki (prinyata na referendume 23.03.2003) (red. ot 10.01.2020) [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[4] Ustav Voronezhskoj oblasti ot 07.06.2006 (red. ot 13.07.2020) «Ustav Voronezhskoj oblasti» (prinyat Voronezhskoj oblastnoj Dumoj 25.05.2006) [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[5] Konstituciya Respubliki Adygeya ot 10.03.1995 (prinyata sessiej ZS (Hase) - Parlamenta RA 10.03.1995) (red. ot 31.07.2019) [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[6] Konstituciya Respubliki Altaj (Osnovnoj Zakon) (prinyata Zakonom RA ot 07.06.1997 № 21-4) (red. ot 13.06.2018) [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[7] Konstituciya Respubliki Bashkortostan ot 24.12.1993 № VS-22/15 (red. ot 04.03.2014) (s izm. i dop., vstup. v silu po istechenii perekhodnogo perioda, ustanovlennogo stat'ej 2 Federal'nogo zakona ot 28.12.2010 № 406-FZ) [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020)..

[8] Konstituciya Respubliki Tatarstan ot 06.11.1992 (red. ot 22.06.2012) [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[9] Malinenko E.V. Konstitucii i ustavy sub»ektov Rossijskoj Federacii v sovremennyh realiyah// Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya.2018.№ 5.S.87-91.

[10] Konstituciya Respubliki Mordoviya (prinyata Konstitucionnym Sobraniem RM 21.09.1995)

(red. ot 16.09.2020) [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[11] Zakon Kurganskoj oblasti ot 16.12.1994 № 1 (red. ot 31.08.2020) «Ustav Kurganskoj oblasti» (prinyat Kurganskoj oblastnoj Dumoj ot 01.12.1994) [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[12] Putin V.V. Gubernatory dolzhny sami prinimat' resheniya o dal'nejshih dejstviyah po koronavirusu, https://paperpaper.ru/papernews/2020/05/06/putin-zayavil-chto-gubernatory-dolzhny-s/(data obrashcheniya: 20.09.2020).

[13] Barcic I.N. Konstitucionnye obychai: riski i sposoby upravleniya imi»// ZHurnal rossijskogo prava. 2020. № 2. S. 29-44.

[14] Zor'kin V.D.Bukva i duh Konstitucii//Rossijskaya gazeta.2018 09.10.

[15] Tihomirov Yu.A. Kak obespechit' effektivnost' zakona./Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. M.: Moskovskaya oblastnaya Duma. 2019. – 208 s.

[16] Putin V.V.Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu. 15.01.2020[Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020)..

[17] Postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga ot 18.09. 2020 № 732 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Pravitel'stva Sankt-Peterburga 13.03.2020 № 121» [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020)..

[18] Postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 25.08. 2020 № 1381-PP «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Pravitel'stva Moskvy ot 24.03. marta 2020 № 212-PP «O merah ekonomicheskoj podderzhki v usloviyah rezhima povyshennoj gotovnosti»» [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[19] Ukaz Mera Moskvy ot 29.09.2020 № 94-UM

«O vnesenii izmeneniya v ukaz Mera Moskvy ot 8.06. 2020 № 68-UM» [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[20] Ukaz Glavy Respubliki Adygeya ot 18.09. 2020 № 138 «O vnesenii izmenenij v Ukaz Glavy Respubliki Adygeya ot 18.03. 2020 № 27 «O vvedenii rezhima povyshennoj gotovnosti».

[21] Rasporyazhenie zamestitelya Predsedatelya Pravitel'stva MO ot 07.08.2020 № 95-r «O priznanii utrativshim silu rasporyazheniya zamestitelya Predsedatelya Pravitel'stva Moskovskoj oblasti ot 22.04.2020 № 28-r «Ob utverzhdenii Standarta organizacii raboty na stroitel'nyh ploshchadkah v celyah nedopushcheniya rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19)» [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[22] Prikaz departamenta zdravoohraneniya goroda Moskvy ot 25.09. 2020 № 1117 «O realizacii otdel'nyh polozhenij ukaza Mera Moskvy ot 25.09. 2020 № 92-UM «O vnesenii izmenenij v pravovye akty goroda Moskvy» [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

[23] Ukaz Mera Moskvy ot 11.04. 2020 №43-UM «Ob utverzhdenii Poryadka oformleniya i ispol'zovaniya cifrovyh propuskov dlya peredvizheniya po territorii goroda Moskvy v period dejstviya rezhima povyshennoj gotovnosti v gorode Moskve»,

[24] Postanovlenie Gubernatora MO ot 12.03.2020 № 108-PG «O vvedenii v Moskovskoj oblasti rezhima povyshennoj gotovnosti dlya organov upravleniya i sil Moskovskoj oblastnoj sistemy preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij i nekotoryh merah po predotvrashcheniyu rasprostraneniya novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-2019) na territorii Moskovskoj oblasti» [Elektronnyj resurs] / Informacionno-pravovoj portal «Konsul'tant-Plyus» (data obrashcheniya: 20.09.2020).

УДК 342

СОЛДАТОВА Алена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
УВО «Университет управления “ТИСБИ”»
г. Казань, Республика Татарстан,
e-mail: mail@law-books.ru

СОЛДАТОВ Яков Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
УВО «Университет управления “ТИСБИ”»
г. Казань, Республика Татарстан,
e-mail: mail@law-books.ru

АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация. *В статье рассматриваются отдельные вопросы определения места антикоррупционной политики государства в системе факторов, способствующих реализации основ концепции социального государства на практике, в т.ч. принципов равенства, справедливости, солидарности. Внимание авторов останавливается на взаимозависимости и взаимосвязанности данных факторов, а также предпринята попытка выделить наличие эффективной антикоррупционной правовой политики в качестве одного из признаков социального государства.*

Ключевые слова: *социальное государство, антикоррупционная политика, принцип равенства, принцип справедливости.*

SOLDATOVA Alena Vladimirovna,
PhD in Law, associate Professor,
the associate Professor of the Department of
the theory and history of state and law
The University of management “TISBI”
Kazan, Republic of Tatarstan

SOLDATOV Yakov Vladimirovich,
the candidate of the historical Sciences, the associate Professor,
the associate Professor of the Department of
the theory and history of state and law
The University of management “TISBI”
Kazan, Republic of Tatarstan

THE ANTI-CORRUPTION POLICY AS A FACTOR IN IMPLEMENTING THE PRINCIPLES OF THE SOCIAL STATE

Annotation. *The article deals with some problems of the determining the place of the anti-corruption policy of the state in the system of factors that contribute to the implementation of the basic principles of the concept of the social state in practice, including the principles of equality and justice. The author’s attention is focused on the interdependence and interconnectedness of such factors.*

Key words: *Social state, anti-corruption policy, the principle of equality, the principle of justice.*

Проблемы теории и практики социального государства на протяжении уже не одного столетия составляют многогранную, неисчерпаемую тему для исследований во многих областях научного познания. Некоторые из них остаются дискуссионными в течение длительного времени, отдельные же являются относительно новыми либо наполняются новым смыслом и содержанием, что обусловлено их неразрывной связью с развитием социальных

отношений, трансформация которых ставит перед обществом и государством прежде не известные цели и задачи.

К одной из таких нерешенных проблем можно отнести и поиск консенсуса между общеправовыми принципами равенства и справедливости, образующих в числе прочего фундамент концепции социального государства. Как правило, в научной литературе данный вопрос анализируется с позиций его экономического содержания, необходимости поиска оптимального и эффективного механизма перераспределения доходов и материальных ресурсов. Неизменно ведется активный поиск компромисса между антагонистическими интересами имущих слоев общества и социально-незащищенной части населения. Однако, как представляется, выработка решения обозначенного вопроса не должна сосредоточиваться исключительно на поддержании экономического баланса. Ведь, несмотря на неразрывную связь успешности воплощения в жизнь идей социального государства с имеющимися на то экономическими возможностями, содержание принципов равенства и справедливости, а также условия и факторы их реализации многогранны, имеют сложный генезис и соответственно должны рассматриваться более широко.

На наш взгляд, к числу негативных явлений, оказывающих деструктивное воздействие на процесс построения социального государства и воплощения обозначенных принципов в социальную действительность, с полной уверенностью можно отнести такое крайне негативное, асоциальное явление, как коррупция.

Как известно, данный феномен обладает признаком исторической устойчивости, т.е. имеет давние корни и эволюционирует вместе с социумом, нанося непоправимый ущерб не только экономике, правопорядку, но и общественному правосознанию, правовой культуре в целом, снижая качество жизни людей, в т.ч. в правовом пространстве.

В целях противодействия разнообразным коррупционным проявлениям все ветви государственной власти, политические и религиозные объединения, институты гражданского общества принимают активные действия как превентивного, так и реактивного характера. В последние десятилетия значительно расширился комплекс проводимых антикоррупционных мероприятий. Однако в основном он сводится к узконаправленным, точечным мерам по преодолению последствий коррупционной составляющей (принятие Закона «О противодействии коррупции», иных нормативно-правовых актов в данной сфере, надзор за их исполнением, создание Национального антикоррупционного совета, составление Национального плана противодействия коррупции т.д.). К сожалению, несмотря на все усилия общества и государства, преступления коррупционной направленности составляют большую часть правонарушений в экономической сфере. В этой связи, в юридической литературе подчеркивается наличие устойчивой зависимости эффективности противодействия коррупции от «построения истинно демократического политического режима, минимизирующего возможность злоупотреблений должностными полномочиями, коммерческого подкупа и других проявлений коррупционного противоправного поведения, когда наличие и осуществление властных полномочий должностных лиц находится под пристальным общественным и государственным контролем» [5, с. 107]. Для этого необходимо выработать стратегии формирования антикоррупционного правосознания граждан и должностных лиц, в структуре которого преобладающее значение имеет антикоррупционная правовая идеология.

Сложность рассматриваемого асоциального явления предопределяет и потребность в пересмотре методологических подходов в теории и практике выявления причин и формирования путей противодействия коррупции. Так, Р.Ф. Степаненко в своей работе, посвященной методологическим проблемам исследования причинности коррупции, аргументирует невозможность борьбы с коррупцией исключительно юридическими средствами и обосновывает вывод о необходимости развития межотраслевых и междисциплинарных связей в «методологии (в науке и практике) деятельности (в теории и практике) в превенции правонарушений, в т.ч. коррупционной направленности» [6, с. 82]. Такая позиция представляется в полной мере соответствующей сложившейся социально-экономической и правовой действительности, а также расширению исследовательских задач, в т.ч. в развитии теории социального государства.

Социальное государство, в качестве которого в Основном Законе страны провозглашена Российская Федерация, предполагает формирование и реализацию политики, направленной «на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. Для этого государство, как гарант прав человека (всех членов общества, а не отдельных социальных групп), возлагает на себя обязанность не только по оказанию социальной поддержки гражданам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации, но и по обеспечению равных условий для свободного развития личности. Неукоснительное исполнение таких обязанностей позволит перейти от конститу-

ционной модели социального государства к ее реализации [3].

О том, что цели и задачи данного типа государства не достижимы без установления в нем равенства, справедливости, солидарности отмечал еще основатель данной концепции – известный немецкий ученый, правовед, экономист Лоренц фон Штейн. При этом, как представляется, равенство и справедливость в контексте анализируемой правовой концепции с учетом современных закономерностей эволюции общественных отношений должны интерпретироваться максимально разносторонне, включая, в т.ч. гарантии равного доступа к своевременному, качественному оказанию всех видов услуг и получению предусмотренных законом благ.

К сожалению, коррупция, как незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в различных формах для себя или для третьих лиц, может создать существенные препятствия для обеспечения вышеназванных гарантий. Тем самым, граждане ставятся в априори неравные условия (у кого-то отсутствует возможность выступать в качестве выгододателя, более сознательные лица не могут этого сделать в силу своих жизненных принципов и ценностей, возможны и иные причины). Однако в любом случае речь должна идти о недопустимости установления зависимости между доступом к какому-либо благу и совершением правонарушения коррупционной направленности.

Особую остроту и актуальность эта проблема приобретает в государствах, развивающих свою социальную сущность, поскольку в данном случае во главу угла ставятся права и свободы граждан, носителями которых являются и так называемые специальные субъекты, нуждающиеся в значительной поддержке как экономического, так и правового характера, - социально-незащищенные слои общества. Следовательно, в беспрепятственном свободном развитии человека нет места решению возникающих вопросов посредством коррупции, любые проявления которой оказывают разрушительное воздействие на формируемые в обществе равенство, справедливость и солидарность.

В этой связи, закономерным является вывод, что *эффективная антикоррупционная политика* объективно должна стать не только неотъемлемой частью политики социального государства, но и может рассматриваться в *качестве одного из признаков* данного типа государства, что свидетельствует о том, что без ее наличия и реализации государство не вправе претендовать на статус социального. При этом, в свете рассматриваемой проблематики, ключевой характеристикой такой политики является ее высокая эффективность, способствующая реальному осуществлению принципов равенства и справедливости. Повышение же результативности борьбы государства и общества с коррупцией возможно в условиях тесного взаимодействия науки и практики.

Разработке проблем антикоррупционной правовой политики в юридической науке уделяется достаточно пристальное внимание: выработаны подходы к пониманию, выделены цели и задачи, обоснованы ее виды и т.д. Под данным видом правовой политики понимается «деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, общественных объединений, юридических и физических лиц, обладающих специальным статусом по созданию, обеспечению политико-правовых условий преодоления и минимизации коррупции» [4, с. 17]. Внедрение результатов проведенных исследований в практику позволит, на наш взгляд, интенсифицировать процесс построения социального государства.

Предлагаемый современными учеными-правоведами широкий подход к рассмотрению причин коррупции, имеющих многоплановый генезис, а также путей их устранения, обеспечит, по нашему мнению, переход от реактивности принимаемых антикоррупционных мер к их системности, предполагающей создание не только специальных, но и общих гарантий законности в этой сфере (удовлетворение интересов и потребностей всех слоев общества). Подчиняясь всеобщим законам диалектики, развитие социальной сферы положительным образом скажется на действенности антикоррупционной политики, высокая эффективность которой, в свою очередь, благотворно влияет на развитие социально-экономической сферы. Взятый в научных исследованиях курс позволит, с нашей точки зрения, преодолеть отмечаемые в научной литературе «статико-ориентированность и малопригодность для экстраполяции на текущие и будущие динамические процессы трансформации социальности государства и социального государства» [2, с. 3] подходов к интерпретации концепции социального государства.

Таким образом, политика по противодействию коррупции имеет судьбоносное значение для построения современного социального государства, обязательное наличие ее эффективности может рассматриваться в качестве признака данного типа государства, что возможно исключительно в условиях симбиоза науки и практики, основанном, учитывая сложность анализируемых феноменов, на методологии междисциплинарности.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Аристов Е.В. Социальность государства: зарубежный опыт конституционно-правового обеспечения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2017. - 46 с.

[3] Бакулина Л.Т. Социальное государство: от конституционной модели к практике реализации // В сб.: Социальное государство и основные направления современной российской правовой политики: материалы «круглого стола» юридического факультета НОУ ВПО «Университет управления “ТИСБИ”». - 2014. - С. 36–45.

[4] Рыбаков О.Ю. Антикоррупционная правовая политика: понятие и структура. Мониторинг правоприменения. - 2016. - № 1 (18). - С. 11–19.

[5] Солдатова А.В., Солдатов Я.В. Антикоррупционная идеология в структуре российской правовой системы // В сб.: Совершенствование деятельности правоохранительных органов и институтов гражданского общества по противодействию коррупции: материалы Междунар. «круглого стола» / под ред. С.Н. Миронова. - 2018. - С. 106–108.

[6] Степаненко Р.Ф. Причинность коррупции: методологические и общеправовые проблемы // Ленинградский юрид. журнал. - 2018. - № 3 (53). - С. 73–84.

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS «Konsul’tant-Plyus».

[2] Aristov E.V. Social’nost’ gosudarstva: zarubezhnyj opyt konstitucionno-pravovogo obespecheniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – M., 2017. - 46 s.

[3] Bakulina L.T. Social’noe gosudarstvo: ot konstitucionnoj modeli k praktike realizacii // V sb.: Social’noe gosudarstvo i osnovnye napravleniya sovremennoj rossijskoj pravovoj politiki: materialy «kruglogo stola» yuridicheskogo fakul’teta NOU VPO «Universitet upravleniya “TISBI”». - 2014. - S. 36–45.

[4] Rybakov O.Yu. Antikorrupcionnaya pravovaya politika: ponyatie i struktura. Monitoring pravoprimeneniya. - 2016. - № 1 (18). - S. 11–19.

[5] Soldatova A.V., Soldatov Ya.V. Antikorrupcionnaya ideologiya v strukture rossijskoj pravovoj sistemy // V sb.: Sovershenstvovanie deyatel’nosti pravoohranitel’nyh organov i institutov grazhdanskogo obshchestva po protivodejstviyu korrupcii: materialy Mezhdunar. «kruglogo stola» / pod red. S.N. Mironova. - 2018. - S. 106–108.

[6] Stepanenko R.F. Prichinnost’ korrupcii: metodologicheskie i obshchepravovye problemy // Leningradskij yurid. zhurnal. - 2018. - № 3 (53). - S. 73–84.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ЗАРУБАЕВА Евгения Юрьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории права и государства
Восточно-Сибирского филиала
Российского государственного университета правосудия, г. Иркутск
e-mail: zarubaeva19@gmail.com

ГОСУДАРСТВО, ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ: КАК СОХРАНИТЬ БАЛАНС ИНТЕРЕСОВ

Аннотация. *В статье рассматриваются современные тенденции взаимодействия триады «государство – гражданское общество – личность». Рассмотрена структура современной системы гражданского общества, а также проведен анализ основных проблем современного гражданского общества.*

Ключевые слова: *государство, личность, гражданское общество, права человека, законодательство, Россия.*

ZARUBAEVA Evgenia Yurevna,
PhD in Law, associate Professor of the Department
of Theory and History of Law and the State East Siberian Branch
Russian State University of Justice, Irkutsk

STATE, CIVIL SOCIETY AND PERSONALITY: HOW TO MAINTAIN A BALANCE OF INTERESTS

Annotation. *The article examines the current trends in the interaction of the triad “state - civil society - personality”. The structure of the modern civil society system is considered, as well as the analysis of the main problems of the modern civil society.*

Key words: *state, personality, civil society, human rights, legislation, Russia.*

Взаимодействие триады «личность – гражданское общество – государство» является одной из ведущих проблем общественного устройства, имеющая многовековую историю. Каким бы ни было государство по своей природе, какой бы политический режим в нем ни господствовал, взаимоотношения человека и государства всегда представляли особый интерес.

Как известно, государство порождено развитием общества. Ведь судьба государства во многом определяется его способностью развиваться и изменяться. Так, на сегодняшний день, стоит вопрос, о смене приоритетов: отказ от идеи «человек для государства» в пользу принципа «государство для человека» [1]. Только при реализации данного принципа, государство сделает человека, его права и свободы высшей ценностью и поставит для себя задачу создать благоприятные условия для самопознания личности. Это также позволит государству использовать энергию самых ярких, свободных и передовых личностей [5].

Современные реалии требуют от личности самостоятельности, инициативы, умения существовать в обществе автономно и постоянно совершенствоваться.

Хотелось бы начать исследование данной темы о взаимодействии государства, гражданского общества и личности, со связи государства и гражданского общества.

Как говорил известный американский просветитель Томас Пейн: «Гражданское общество – благо, а государство – неизбежное зло. Чем совершеннее гражданское общество, тем менее оно нуждается в регулировании со стороны государства» [7].

В общественно-политической мысли понятие «гражданское общество» использовалось уже в античную эпоху. Под гражданским обществом понималось сообщество свободных граждан, и это сообщество фактически отождествлялось ими с государством. Дальнейшее развитие экономических и социально-политических отношений повлекло за собой коренные изменения в структуре общества. В нём начинают появляться независимые от государства и в какой-то мере противостоящие ему институты.

Во взглядах современных исследователей прослеживается следующая трактовка гражданского общества «…гражданское общество – это не столько негосударственная сфера общественной жизни, сколько само общество как таковое,

обладающее определенными качественными признаками. Такое общество складывается в результате развития и укрепления гражданского общества, которое со временем способно изменить и само общество в целом, и существующее в нём государство» [8, с. 379].

Современная система гражданского общества состоит из определённой иерархической лестницы, которая позволяет выделить «делегирование» власти внутри самого гражданского общества и определить распределение функций в системе взаимоотношений личность – гражданское общество – государство.

Первый уровень данной иерархии составляют высшие типы политической организации, а именно политические партии.

Второй уровень представлен организациями и объединениями, выражающими социально-экономические интересы разных социально-профессиональных слоев и групп общества. Это разнообразные профсоюзы, объединения предпринимателей, некоммерческие организации и союзы. К примеру, общероссийская общественная организация «Ассоциация молодых предпринимателей России», российское общественное объединение «Опора России».

Третий уровень представляют массовые движения. Степень их политизации зависит не только от степени «близости» к той или иной партии, но и от направленности действий этих движений. Зачастую наблюдается быстрая политизация части движений, вплоть до их преобразования в политические партии, так, например, конструктивно-экологическое движение России «Кедр», на базе которого была образована экологическая партия «Зелёные».

Четвертый уровень этой иерархической лестницы представлен массовыми общественными организациями, называемыми добровольческими или традиционными. Например, общественная благотворительная организация «Российский Красный Крест», Инициативная группа «Доноры детям». Данный слой, безусловно, является основой гражданского общества. Именно эти организации представляют важнейшую роль во всех сферах жизни современного общества. Вышеназванный уровень иерархической лестницы гражданского общества придаёт устойчивость как гражданскому обществу, так и обществу в целом. Сложно не заметить, что массовые традиционные организации давно стали привычным и неотъемлемым элементом общественно-политической и культурной жизни.

Современное государство прямо заинтересовано в развитии потенциала гражданского общества. В добровольчестве государство видит прежде всего составную часть своей социальной политики, поскольку вышеупомянутые объединения и организации зачастую образуют основной ресурс государственных социальных учреждений. Через их сеть государство привлекает значительные материальные средства и трудовые ресурсы, которые, в свою очередь, частично «разгружают» государственные структуры и восполняют недостатки деятельности этих структур. Наличие составных элементов гражданского общества позволяет расширить объем и повысить качество предоставляемых услуг, следовательно, частично снять недовольство населения.

Но при всём этом следует отметить один существенный недостаток; между каждым элементом из иерархии гражданского общества всё ещё не прослеживается системная, устойчивая связь, а это означает, что у гражданского общества недостаточно сил для эффективного воздействия на власть в случаях нарушений конституционных прав гражданина.

Автор согласен с мнением О.В. Матвеева о том, что современное государство, сознательно отказываясь от части своих функций, всё больше берёт на себя роль фактора, координирующего по отношению к «живой ткани» гражданского общества. При этом используются самые разнообразные косвенные методы: законодательного оформления прав и обязанностей этих организаций, поощрительных финансово-кредитных, налоговых и организационных норм и правил, вплоть до прямого финансирования» [6, с. 38].

В рамках вопроса взаимодействия государства, гражданского общества и личности следует выделить следующие проблемы современного государства.

Как показал ежегодный опрос центра социологических исследований «Левада-Центра», большинство россиян, а именно 59% обеспокоены ростом цен. Следом в топ-3 главных тревог идут обнищание населения и коррупция. На четвертом месте оказалась графа «рост безработицы» [4].

Одной из самых животрепещущих тем последнего времени стало повышение пенсионного возраста. В соответствии с Федеральным законом от 03.10.2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» [2] в России происходит постепенное повышение общеустановленного возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости и пенсии по государственному обеспечению. Согласно статистическим данным, 90% россиян не поддерживают данное новшество, что доказывает выраженное недовольство граждан относительно реформаторской политики государства.

Что касается взаимоотношений индивида и государства – это также одна из ведущих современных проблем. Государство в данном аспекте рассматривается как необходимое средство согласования интересов рассматриваемой триады. Человек, его основные права и свободы рассматриваются как конечная цель вмешательства государства в общественную жизнь и одновременно являются пределом такого вмешательства [3, с. 71].

Слабая социально-правовая защищенность, неспособность механизма государства эффективно обеспечить интересы гражданина, а также отсутствие надежных гарантирующих механизмов – всё больше актуализируют проблему создания баланса между государством и личностью. Отсутствие баланса – равновесия влечёт за собой дестабилизацию правового статуса индивида в результате тех изменений из событий, которые происходят сегодня в обществе: социальная напряженность, безответственность властных структур, политическое противостояние, криминализация общества, рост преступности, экологические и техногенные катастрофы и т.д.

Следует подчеркнуть, что государство, несомненно, - более сильная сторона относительно личности. Однако смысл осуществления государственной власти как раз и заключается в том, чтобы провозглашать и признавать права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, гарантировать выработку правового механизма для реализации этих прав. Здесь также немаловажен принцип взаимной ответственности личности и государства. От человека требуется исполнение, принадлежащих ему обязанностей, перед государством и обществом. Именно это объективное соотношение поспособствует развитию стабильных и справедливых отношений между государством и личностью.

В заключение хотелось бы сказать, что государство пока не в состоянии обеспечить полное и гарантированное осуществление неотъемлемых прав человека. Данное трудноразрешимое противоречие становится всё более острым источником недовольства и протестов людей. Это значит, что необходимо различать теорию и практику прав человека. Права и свободы человека легко постулируются на бумаге, но, как представляется, трудно реализуются в жизни. «Новая» Россия находится не на первом месте по уровню жизни и социально-экономического развития, и ряд ключевых прав человека государство, как показывают современные реалии, не может обеспечить. В этом и заключаются особенности сложившейся ситуации.

При этом проблема полноты и гарантированности прав и свобод индивида приобрела в современном мире глобальное значение. Признание демократических ценностей, развитие прав и свобод человека является безусловным вектором развития международного сообщества [9].

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. (с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 07.06.2020).

[2] Федеральный закон от 03.10.2018 г. № 350-ФЗ (последняя редакция) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ (дата обращения: 07.06.2020).

[3] Куйбышева И.П. Современное состояние и проблемы взаимоотношения государства и личности // Лесной вестник. - 2001. - № 5. – С. 67–71.

[4] Левада-Центр [Электронный ресурс]. URL: https://www.levada.ru (дата обращения: 07.06.2020).

[5] Маланыч И.Н. Анализ и оценка соотношения интересов личности, общества и государства при конституционном регулировании права граждан на информацию // Юридические записки. Вып. 17. Государственная власть в России: Проблемы осуществления и развития / под ред. Ю.Н. Старилова. - Воронеж: Изд-во Воронежск. гос. ун-та, 2004. – 476 с.

[6] Матвеев О.В. Проблемы взаимодействия государства и гражданского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового ун-та. - 2014. - № 3. – С. 33–38.

[7] Пейн Т. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org (дата обращения: 07.06.2020).

[8] Пьянов Н.А. Теория государства и права: учеб. пос. / Н.А. Пьянов. - Иркутск: Изд-во ИрИ (ф) ВГУЮ (РПА Минюста РФ), 2015. – 528 с.

[9] Ryzhov V.B., Shinkaretskaia G.G. World order: from World War II to present time // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. - 2015. - № 4. – С. 396–404.

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. (s uchyotom popravok, vnesyonnyh Zakonami RF o popravkah k Konstitucii RF ot 30.12.2008 g. № 6-FKZ, ot 30.12.2008 g. № 7-FKZ, ot 05.02.2014 g.

№ 2-FKZ, ot 21.07.2014 g. № 11-FKZ) [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.garant.ru/ (data obrashcheniya: 07.06.2020).

[2] Federal'nyj zakon ot 03.10.2018 g. № 350-FZ (poslednyaya redakciya) «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam naznacheniya i vyplaty pensij» [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.garant.ru/ (data obrashcheniya: 07.06.2020).

[3] Kujbysheva I.P. Sovremennoe sostoyanie i problemy vzaimootnosheniya gosudarstva i lichnosti // Lesnoj vestnik. - 2001. - № 5. – S. 67–71.

[4] Levada-Centr [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.levada.ru (data obrashcheniya: 07.06.2020).

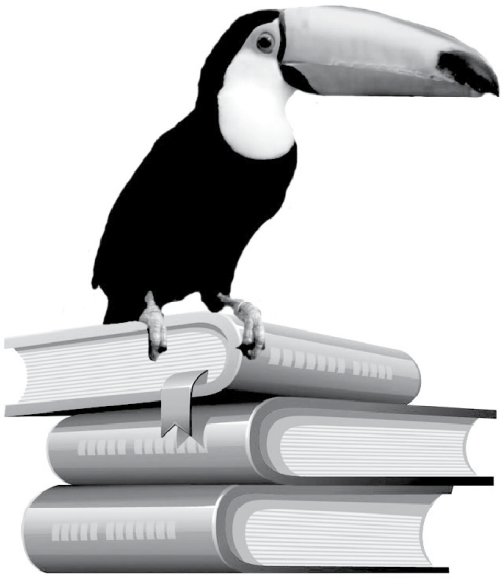
[5] Malanych I.N. Analiz i ocenka sootnosheniya interesov lichnosti, obshchestva i gosudarstva pri konstitucionnom regulirovanii prava grazhdan na informaciyu // Yuridicheskie zapiski. Vyp. 17. Gosudarstvennaya vlast' v Rossii: Problemy osushchestvleniya i razvitiya / pod red. Yu.N. Starilova. - Voronezh: Izd-vo Voronezhsk. gos. un-ta, 2004. – 476 s.

[6] Matveev O.V. Problemy vzaimodejstviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo un-ta. - 2014. - № 3. – S. 33–38.

[7] Pejn T. [Elektronnyj resurs]. URL: https://ru.wikipedia.org (data obrashcheniya: 07.06.2020).

[8] P'yanov N.A. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. pos. / N.A. P'yanov. - Irkutsk: Izd-vo IrI (f) VGUYu (RPA Minyusta RF), 2015. – 528 s.

[9] Ryzhov V.B., Shinkaretskaia G.G. World order: from World War II to present time // Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii / International Law and International Organizations. - 2015. - № 4. – S. 396–404.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ГАЙНУТДИНОВА Аделя Рушановна,
аспирант кафедры теории
и истории государства и права
Университета управления «ТИСБИ», Казань
e-mail: a.r.gainutdinova@mail.ru

УДК 340.1
ББК 67.0

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы формирования правовой политики в масштабах мировой пандемии и раскрываются причины ее низкой результативности в условиях современной глобализации. Анализируются негативные последствия ответных мер государства, направленных на минимизацию последствий пандемии, на взаимодействие с гражданским обществом, раскрываются способы их минимизации. Обращается внимание на необходимость создания и выстраивания единых законных механизмов во взаимоотношениях властных структур и гражданского общества для налаживания конструктивного диалога. Делается акцент на изменение вектора правовой политики через призму антропологического фактора сохранения человечества и увеличения степени ответственности субъектов правовой политики за ее формирование и реализацию.*

Ключевые слова: *правовая политика, государственная политика, правовое регулирование, глобализация, антиглобализация, законность, право, гражданское общество.*

GAINUTDINOVA Adelya Rushanovna,
post-graduate student of the theory and history
Department states and law,
University of Management "TISBI", Kazan

LEGAL POLICY IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION: PROBLEMS OF CONSTRUCTION AND IMPLEMENTATION IN MODERN CONDITIONS

Annotation. *The article discusses the formation of legal policy in the context of a global pandemic and reveals the reasons for poor effectiveness in the context of modern globalization. The article analyzes the negative consequences of the government measures aimed at minimizing the consequences of the pandemic, on interaction with civil society, reveals ways to minimize them. Attention to the need to create and build general legal mechanisms in the relationship between power structures and civil society in order to establish a positive dialogue. Emphasis is placed on changing the vector of legal policy through the prism of the anthropological factor of preserving humanity, and increasing responsibility of subjects of legal policy for its formation and implementation.*

Key words: *legal policy, state policy, legal regulation, globalization, anti-globalization, legality, law, civil society.*

В современных реалиях проблема функционирования и эффективности правовой политики как основополагающего инструмента урегулирования политических, экономических, социальных, культурных отношений в государстве, обществе, правовых институтах является весьма актуальной. Правовая политика всегда подвергалась критике, а в нынешних условиях возникновения угрозы жизни человечества в связи с опасностью распространения новой коронавирусной инфекции (2019-nCoV) ответные меры правовой политики по минимизации негативных последствий вируса приводят к росту недовольства среди гражданского общества и становлению все большего разрыва, определенной утрате лимита доверия последнего к государству.

Феномен правовой политики изучается на уровне науки теории права, а для улучшения функционирования тех или иных отраслей законодательства на законодательном уровне разрабатываются проекты концепций правовой политики [9]. Сущность правовой политики следует раскрывать через определение ее как деятельности. Как деятельность правовая политика представляет собой системную, научно и доктринально обосно-

ванную, основанную на современных принципах права, деятельность государственных органов власти, правовых институтов и всего гражданского общества, отдельно взятых индивидуумов, основной цель которой - создание результативного механизма правового регулирования и применение легализованных юридических средств для обеспечения таких целей, как полное, всестороннее и объективное соблюдение прав и свобод человека и гражданина, повышение уровня правовой защиты всех членов общества, а также формирование и функционирование принципов правового государства [1, с. 35]. Исходя из данного определения, четко прослеживаются основные цели правовой политики, которым неизменно должны следовать все субъекты правоприменительной деятельности, используя при этом только законные методы и средства.

В условиях глобализации правовая политика должна успешно варьировать между неизбежными изменениями и найти баланс, ту самую «золотую середину», благодаря которой изменения в общественной жизни будут приживаться и благосклонно восприниматься всеми гражданами. Это, прежде всего, не должно сводиться только к приспосабливанию и повторению уже имеющихся правил поведения в других «развитых и передовых странах».

Ни для кого не секрет, что термин «глобализация» уже давно не является сугубо экономической категорией, и экономика - далеко не единственная сфера общества, подверженная воздействию глобализационных процессов. Это сложное многогранное явление, пронизывающее все структуры, правовые институты, духовные устои. Огромное влияние процесс глобализации оказывает на социальную, политическую, духовную сферу общества, ведь интенсивность воздействия на них интересов наиболее экономически развитых стран, транснациональных корпораций, других субъектов международного и глобального уровня, не дает возможности оставаться государству и всем секторам его управления на прежнем уровне и не реагировать на трансформацию его структур. В таких условиях правовая политика государства вынуждена подстраиваться под неизбежные процессы глобализации и принимать соответствующие меры реагирования в ответ на ее воздействие и последствия такого воздействия на сферы общества, которые зачастую, как указано в анализируемой статье, носят не только положительный характер, но и зачастую негативный характер.

Говоря о негативных воздействиях глобализации и связанных с ней процессов на право и правовую политику в целом, хотелось бы также акцентировать внимание на том, что такие сакраментальные факторы в масштабах глобализации, как рост транснациональных инвестиционных потоков, развитие международной торговли и создание рынков «без границ», обмен технологиями, формирование трансграничных производственных систем и коммуникаций не только способствуют сближению национальных экономик, но и провоцируют рост маргинальности и социального неравенства всего общества. При этом происходит маргинализация как отдельных индивидуумов, так и отдельных институтов, что, в свою очередь, способствует повышению проявления данными субъектами деструктивного поведения. В условиях масштабных нарушений принципа социальной справедливости все более значимыми становятся такие негативные последствия глобализации, как деградация общественной нравственности, снижение уровня личной ответственности за происходящее, размывание основанных на духовных ценностях способностей, самоидентификации и чувства достоинства людей. В свою очередь, несправедливость права модифицирует нестабильность состояния законопорядка, в предельных значениях приводя к аномалии общественных и правовых отношений [7].

Одним из важных, на наш взгляд, аспектов воздействия процессов глобализации на правовую политику является стандартизация моделей политического поведения в результате гомогенизации политических и институциональных систем разных стран [3]. Этот факт тоже не всегда может расцениваться только с положительной стороны, ведь в результате навязывания «наставниками» мирового сообщества и их диктата «верных решений» стирается уже установленный и сложившийся устой, при резком изменении которого общество отторгает их и возникает тот самый дисбаланс и социальное неравенство, являющиеся ключевыми причинами той самой маргинальности [6]. В данном случае правовая политика может создать перевес в свою пользу, изначально проанализировав и отсеяв те аспекты грядущей глобализации, которые, очевидно, не приживутся в обществе и будут ущемлять права и законные интересы граждан. В целях исключения возникновения дисбаланса правовая политика должна способствовать «мягкому» вводу глобализационных процессов в жизнь общества и служить неким «фильтром», оценивающим законность и обоснованность данных изменений.

В масштабе сложившейся ситуации правовая политика в условиях глобальных перемен должна пытаться минимизировать все вышеперечисленные последствия и обеспечить динамику и развитие общества, его усовершенствование. Однако на данном пути встречаются препятствия. Разбирая причины отсутствия результативной

правовой политики в мире в целом, в юридической науке часто приводится такой тезис, как отсутствие действенных механизмов взаимосвязи и взаимодействия властных структур государства и институтов гражданского общества, недостаточная степень доверия между ними, тогда как налаживание полноценного диалога между государственными и общественными структурами как субъектами правовой политики на международном уровне должно стать одним из основных приоритетов правовой политики. Отсюда следует вывод, что правовая политика должна играть роль «дипломата» в отношениях «государство – гражданское общество». Для минимизации разрыва между данными субъектами она должна действовать только в интересах общества и для защиты интересов этого общества. Кроме того, правовая политика, по мнению О.Ю. Рыбакова и С.В. Тихонова, исторически являлась устоявшейся «формой организации правового развития общества», должна управлять позитивным правом, служить методологической основой для всей юридической деятельности [4].

Наряду с этим, хотелось бы дополнить, что причиной отсутствия результативной правовой политики в условиях глобализации может явиться и отсутствие гармонизации законодательства государств, как одного из способов обеспечения интеграционных процессов. Так, в процессе гармонизации законодательства очевидно стремление к непротиворечивой, согласованной, соединенной в единое целое гармонии законодательства различных государств, обобщение их законодательных подходов и определение единой линии международного сотрудничества. Это согласование общих подходов и концепций, совместная разработка правовых принципов и выработка совместных решений по актуальным для всех государств проблемам. Целью такой работы является установление согласованности, стройности и как минимум непротиворечивости регулирования отношений в различных сферах жизни государств, где на одни и те же правоотношения и их регулирование существует множество противоречащих друг другу норм. Следует заметить, что нормы одного государства могут не учитывать национальных особенностей другого суверенного государства, что приведет к уже вышеупомянутому дисбалансу, считает Т.Я. Хабриева [8].

Не стоит также забывать, что политика – это своеобразная игра, игра по «перетягиванию каната». У каждой «игры» есть своя задача, и зачастую политика переходит в борьбу между конкретными индивидуумами за вполне конкретную, прежде всего, материальную цель. В этот самый момент предназначение правовой политики в ее истинном понимании искажается и превращается в обычное удовлетворение интересов, что мы можем зачастую наблюдать в настоящее время. Именно в этот момент и зарождается социальная несправедливость. Из вышеизложенного следует, что одним из препятствий результативности правовой политики является, как бы это странно не звучало, ее субъективный характер - ведь за каждой политикой стоит конкретный человек и, как правило, его личные интересы.

Нельзя исключать из ряда причин отсутствие результативности правовой политики в условиях глобализации, само отсутствие либо низкий уровень правовой культуры и правового воспитания самого гражданского общества, которое властные структуры и призваны регулировать в рамках той или иной правовой политики государства. Ведь иногда само общество нигилистически настроено в отношении властей ввиду своего невежества, низкого уровня правосознания, нежелания либо отрицания правовой политики, в связи с чем просто не способно адаптироваться к праву в его глобальном изменении.

В настоящее время мировому сообществу присуще пронизывающее все слои общества неравенство населения, растущий разрыв между бедными и богатыми, и уменьшение прослойки т.н. «среднего слоя» населения, как показателя стабильности функционирования и, что немаловажно, юридически грамотной правовой политики [2]. В современный период увеличивается разрыв в возможностях доступа к достоверной информации между бедными и богатыми, тотальное несоблюдение основополагающего принципа социальной защищенности граждан, приводящие к тому самому росту социальной обездоленности и маргинализации на фоне снижения социальных функций политических институтов и государства.

Как при вышеперечисленных отрицательных глобализационных процессах общество, которому вменяют не присущие ему устои, должно было отреагировать? Закономерно растущее негодование в обществе небезосновательно породили рождение в начале 90-х годов протестного движения, получившее название «антиглобализм». При этом следует сказать, что антиглобалисты не отрицают позитивность процессов интеграции и обмена опыта между государствами. Следует отметить, что большинство из них выступают не против содержания процесса глобализации, а против ее форм, которые и порождают многочисленные негативные проявления во всех сферах жизни и функционирования государства как единого субъекта права.

В сложившейся в настоящее время обстановке, в масштабах мировой пандемии, правовая политика вынуждена модифицировать свои направления и выдвинуть в приоритет антропо-

логический фактор сохранения человечества. Сейчас как никогда должны активизироваться цели правового государства, главной ценностью которого, как известно, является человек, его права и свободы. Пандемия создала уникальную, значительную нагрузку для всех государственных учреждений, и время этой нагрузки так неопределенно. Однако именно сейчас, в условиях «самоизоляции», действия государства облегчены, и то, как оно действуют в глазах своих граждан сейчас, может либо повысить подорванное общественное доверие, либо ослабить его в долгосрочной перспективе.

Небезызвестно, что принятие ряда ограничительных мер, закрытие многих учреждений привело к росту безработицы и разорению сектора частного предпринимательства. Уязвимые слои сообщества, оставленные вне структур государственной поддержки, оказались в бедственном положении. В результате распространения коронавирусной инфекции перегруженная в настоящее время система здравоохранения пронизана духом «криминального оппортунизма», основанного на информационной асимметрии с целью роста дохода некоторых «криминальных индивидуумов» [10]. Все вышеперечисленное создает условия для роста криминогенных факторов, увеличения количества правонарушений, в т.ч. преступлений [5].

При таких условиях правовая политика государства в условиях пандемии должна адаптироваться и принять исчерпывающие меры для минимизации негативных последствий. В частности, правовая политика государства должна быть нацелена на поддержку и обеспечение социальных гарантий гражданского общества. Поддержка населения очевидна, т.к. многие остались без средств к существованию и обеспечение их как минимум товарами первой необходимости – это самое основное. Здесь правовая политика должна рассчитывать на помощь социальных работников, а также волонтеров.

Сотрудники правоохранительных органов и работники здравоохранения, действующие сейчас в тандеме и стоящие в одном ряду на защите населения от коронавирусной инфекции, взяли на себя удар первыми в борьбе с пандемией. Врачам, борющимся «на передовой» с болезнью, государство выделило дополнительные денежные вознаграждения. Однако в данном случае государство для исключения фактов коррупции и отмывания денежных средств должно жестко взять под свой контроль весь сектор здравоохранения, а при необходимости принять соответствующие меры, вплоть до уголовной ответственности. Денежные дотации, отправленные в регионы, и их движение, порядок их выплат сотрудникам должны контролироваться со стороны власти федерального и регионального уровней. При этом надо учитывать, что большое внимание стоит уделить и организованной преступности, действующей в секторе здравоохранения, связанной с закупками и поставкой контрафактных товаров и предметов медицинского назначения. Как указывалось ранее, организованная преступность спекулирует в масштабах пандемии и действует в своей выгоде. Противодействие правовой политики попыткам криминальных предпринимателей развивать новые рынки сбыта, возникшие на фоне пандемии, должно проводиться публично, через средства массовой информации, повышая осведомленность гражданского общества о современных преступных сообществах, действующих в «единой упряжке» с фармацевтическими организациями через социальную рекламу продуктов «дикой природы» либо определенных лекарственных препаратов у определенного производителя и т.д. Средства массовой информации и институты гражданского общества должны сыграть важную роль в информационной обеспеченности граждан.

С учетом роста недовольства общества к принятым со стороны государства ограничительным мерам правовая политика должна обеспечить легитимность данных мер в контексте режима повышенной готовности, самоизоляции, карантина. Мерам реагирования со стороны правоохранительных органов следует придерживаться высоких стандартов профессионализма и недопущения необоснованного привлечения к ответственности за нарушение санитарно-эпидемиологических норм в угоду «палочной системы». Многочисленное количество принятых распоряжений, постановлений и иных подзаконных актов о карантинных мерах, в совокупности с правовой безграмотностью сотрудников, привело к нарушениям законных прав и интересов граждан.

Обзоры правовых позиций Верховного Суда РФ не устранили неопределенность возникающих в вопросах привлечения к административной ответственности, и на законодательном уровне вопрос, связанный с ограничительными мерами в связи с пандемией, не приведен в порядок. С одной стороны, такие меры правовой политики можно оправдать, ведь в их основе лежит желание государства минимизировать последствия распространения инфекции (2019-nCoV) и уменьшения числа человеческих жертв. С другой - данные меры должны быть законодательно подкреплены так, чтобы не оставалось сомнений в их обоснованности и правомерности. Из вышеизложенного закономерно вытекает необходимость правовой политики содействовать в поощрениях сотрудников правоохранительных органов, орга-

нов таможенного контроля, которые в первую очередь столкнулись с противоречивыми новыми запретными требованиями и стали применять их к гражданскому населению. Ведь на данную категорию государственных служащих легли дополнительные обязанности, и без того не малая нагрузка увеличилась в разы.

Не стоит забывать, что в условиях мировой пандемии модифицировалась и перешла на дистанционный уровень не только деятельность учреждений, но и быстро трансформировалась сама преступность. Отмечается рост преступлений в киберпространстве, увеличилось количество мошенничеств в глобальной Сети, характер преступлений перешел на бытовой уровень [11]. В данном случае считаем, что институты, участвующие в реализации правовой политике, должны начать тесно сотрудничать со средствами массовой информации и интернет-платформами, чтобы прежде всего увеличить уровень осведомленности и безопасности в киберпространстве, побуждая родителей, а также традиционных поставщиков социальных услуг проявлять бдительность в отношении онлайн-мошенничеств, покупок контрафактных товаров и защищать детей и других уязвимых лиц от возможного обмана.

Таким образом, в условиях глобальных перемен роль правовой политики не только не снижается, она неизбежно возрастает, а потому повышается и степень ответственности субъектов выстраивания и осуществления национальной и глобальной правовой политики. Она должна обеспечить единые политические ответы на кризис и принятие обдуманных, а не спонтанных решений.

Список литературы:

[1] Большой юридический словарь / под ред. Малько А.В. – М.: Проспект, 2009. – С. 702.

[2] Бондарь Н.С. Конституция России в условиях глобальных перемен правовой жизни: от политической иллюзий к юридическому реализму // Журнал росс. права. 2018. - № 12. – С. 18 - 32.

[3] Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и таможенного союза ЕВРАЗЭС) монография / отв. ред. В.Ю. Лукьянова. – М.: ИЗиСП. – 2013. – С. 15–29.

[4] Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Правовая политика как управление позитивным правом: новая версия теории правовой политики // Lex Russia (Русский закон). – 2015. - № 3. - С. 7–18.

[5] Степаненко Р.Ф. Преступность лиц, ведущих маргинальный образ жизни, и ее предупреждение / монография / Р.Ф. Степаненко. - Казань, 2008.

[6] Степаненко Р.Ф. Причинность, понятие и виды правовой маргинальности // Государство и право. – 2014. - № 6. - С. 98–103.

[7] Степаненко Р.Ф. Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. – 2020. - № 6. – С. 78–89.

[8] Хабриева Т.Я. Гармонизация правовой системы РФ в условиях международной интеграции: вызовы современности / Т.Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2014. - № 1. – С. 4–15.

[9] Указ Президента РФ от 19.12.2019 г. № 1666 «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями и дополнениями от 06.12.2018). СЗ РФ от 24.12.2012 г. - № 52. - Ст. 7477.

[10] Шавлюк М.В., Шиловская Е.М. Методы борьбы с оппортунизмом в медицинских учреждениях трех организационно-правовых форм: государственной, частной, коммерческой и частной некоммерческой // Экономика и менеджмент инновационных технологий. - 2016. - № 4. – С. 133–143.

[11] URL: https://www.unodc.org/documents/Advocacy-Section/Russian_-_UNODC_-_CYBERCRIME_AND_COVID19_-_Risks_and_Responses_v1.2_-_14-04-2020_-_CMLS-COVID19-CYBER1_-_UNCLASSIFIED_BRANDED.pdf (дата обращения: 10.07.2020).

Spisok literatury:

[1] Bol'shoj yuridicheskij slovar' / pod red. Mal'ko A.V. Moskva: Prospekt, 2009 – s 702.

[2] Bondar' N.S. Konstitytsia Rossii v ysloviyah global'nyh peremen pravovoi zhizni: ot politicheskoi illyuzij k yuridicheskomu realizmu // Zhyrnal Rossijskogo prava № 12. 2018 – 18-32 s.

[3] Pravovye problemy formirovaniya mezhgosydarstvennyh ob"edinenij (na primere zonu svobodnoj torgovli i tamozhennogo soyuza EVRAZES) monografiya otv. red. V.Yu.Luk'yanova – Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedenya pri Pravitel'stve Rossiiskoj Federacii», 2013 – 15-29 s.

[4] Rybakov O.Yu. Tihonova C.V. Pravovaya politika kak upravlenie pozitivnym pravom: novaya versiya teorii pravovoj politiki// Lex Russia (Russkij zacon), 2015, № 3, s. 7-18

[5] Stepanenko R.F. Prestypnost' lic, vedushih marginal'nyj obraz zhizni, i ee predyprezhdenie /Monograpfiya/ R.F. Stepanenko. Kazan', 2008

[6] Stepanenko R.F. Prichinnost', ponyatie, i vidy pravovoj marginal'nosti. //Gosydarstvo i pravo, 2014 № 6, s. 98-103

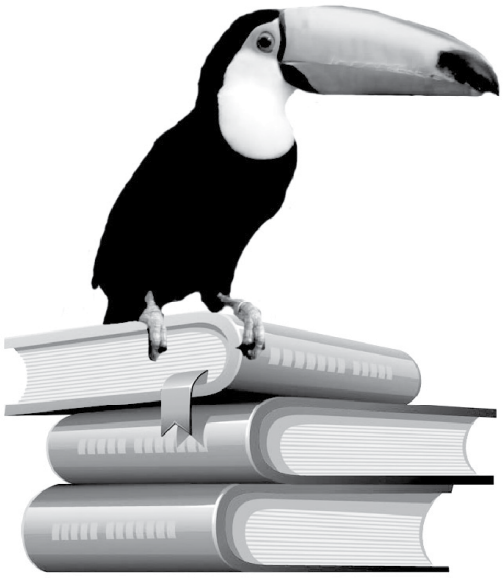
[7] Stepanenko R.F. Spravedlivost i zakonoporuadok: teoretiko – metodologicheskii aspekt // Gosudarstvo i pravo. 2020 №6 – s. 78-89

[8] Habrieva T.Ua. Garmonizaciya pravovoj sistemy RF v usloviyah mezhdynarodnoj integratcii: vyzovy sovremennosti/ T.Ya.Habrieva// Zhurnal zarybezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. 2014, № 1 – C. 4-15.

[9] Ykaz prezidenta RF ot 19.12.2019 № 1666 «O strategii gosydarstvennoj nacionalnoj politiki Rossiiskoj Federatcii na period do 2025 goda (s izmeneniyami i dopolneniyami ot 06.12.2018). Sobranie zakonodatelstva Rossiiskoj Federatsii ot 24.12.2012 № 52. ст.7477

[10] Shavlyk M.V., Shilovskaya E.M. Metody bor'by s opportunizmom v medicinskih uchrezhedeniyah trekh organizasionno–pravovyh form: gosudarstvennoj, chastnoj, kommercheskoj i chastnoj kommercheskoj // Ekonomika i menedzhment innovacionnyh tehnologij. 2016. №4 – C. 133-143

[11] URL: https://www.unodc.org/documents/Advocacy-Section/Russian_-_UNODC_-_CYBERCRIME_AND_COVID19_-_Risks_and_Responses_v1.2_-_14-04-2020_-_CMLS-COVID19-CYBER1_-_UNCLASSIFIED_BRANDED.pdf (data obrashenia (10.07.2020)



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

МЕДВЕДЕВА Екатерина Алексеевна,
кандидат юридических наук,
инспектор Департамента государственной службы и кадров МВД Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

СОЦИАЛЬНЫЙ ВЕКТОР КОНСТИТУЦИОННОГО РЕФОРМИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье раскрывается значение конституционной реформы 2020 г. для формирования полноценного социального государства в России. Показана взаимосвязь между конституционными нормами и социальным законодательством. Подчеркивается важное значение возрождения исторических традиций благотворительности, а также роль гражданского общества в реализации социального потенциала законодательства. Сделан вывод, что для формирования полноценного социального государства требуется соединение юридических и моральных начал, что предполагает социально-нравственное наполнение правовых норм.*

Ключевые слова: *конституционная реформа; социальное государство; благотворительность; социальное законодательство.*

MEDVEDEVA Ekaterina Alekseevna,
PhD in law,
inspector of the Department of public service and personnel of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation

SOCIAL VECTOR OF CONSTITUTIONAL REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article reveals the significance of the constitutional reform in 2020 for the formation of a full-fledged social state in Russia. The relationship between constitutional norms and social legislation is shown. The importance of reviving the historical traditions of charity is emphasized, as well as the role of civil society in realizing the social potential of legislation. It is concluded that the formation of a full-fledged social state requires a combination of legal and moral principles, which implies the social and moral content of legal norms.*

Key words: *constitutional reform; social state; charity; social legislation.*

Среди функций современного государства одно из главных мест занимает социальная функция. Применительно к Российской Федерации это вызвано, прежде всего, двумя обстоятельствами: наличием исторических правовых традиций благотворительности и конституционным положением (ст. 7) о социальном государстве. Последовательное рассмотрение этих обстоятельств может способствовать выявлению особенностей практической реализации социальной функции государства в среднесрочной перспективе.

Изучение историко-правового развития России показывает, что на протяжении многих веков нашей истории бедность значительной части населения выступала одной из главных проблем, осложнявших общественное развитие. Правительство старалось различными способами вести борьбу с бедностью, от запретительных указов, принимавшихся Петром I, до стимулирования развития благотворительности. В период Российской империи принимались юридические меры, направленные на развитие призрения по сословному принципу. Создавались правовые условия, благодаря которым в стране возникли сотни благотворительных обществ и учреждений, оказывавших различные виды помощи нуждавшимся [4, с. 141-142]. В высших слоях общества все шире распространялись идеи филантропии и милосердия, поощрявшиеся примером членов императорской семьи. Фактически, в Российской империи шел процесс активного формирования законодательства о благотворительности, принимались правовые акты, относившиеся к ее разным сферам и видам. Имели социальную направленность и некоторые другие законы, например, регулировавшие банковскую деятельность, которая в то время также приобрела определенную социальную направленность [5, с. 46].

Данные процессы прервались в 1917 г., когда наступил крах Российской Империи и стала создаваться новая государственность. Одной из причин революционных событий было то, что с помощью благотворительности так и не удалось решить вопрос с преодолением колоссальной социальной дифференциации населения, побороть бедность и нищету. В советский период были избрана иная модель социального развития, основанная на идее уравнивающей социальной справедливости. В условиях монопольной государственной собственности на средства производства удавалось сохранять низкое имущественное расслоение в обществе, оказывать поддержку социально незащищенным слоям населения страны. Фактически Советский Союз в определенный период его развития можно рассматривать как социальное государство, обладавшее достаточно высоким уровнем пенсий и пособий, иных социальных выплат. Ситуация вновь изменилась в результате разрушения советской государственности и ориентации на развитые рыночные механизмы в экономике. Этот процесс сопровождался быстрым обнищанием значительной части населения, резким ростом социального расслоения. В этих условиях разрабатывалась и принималась Конституция Российской Федерации 1993 г., в которой было зафиксировано положение о социальном характере отечественной государственности. В течение ряда лет норма о социальном характере нашего государства не находила достаточного практического подкрепления, ее реализация была осложнена, во-первых, недостатком у государства финансовых ресурсов, во-вторых, общим либеральным курсом правительства. При этом в обществе сохранялся устойчивый запрос на усиление социальной направленности государственной политики, на возврат к определенному патернализму по образцу позднего СССР, но с учетом изменившихся реалий.

В 2020 г. в России состоялась конституционная реформа, в ходе которой ряд положений действующего Основного закона был дополнен или изменен. Среди новаций следует отметить выраженное усиление социальных аспектов, что можно рассматривать, во-первых, как обеспечение гарантий конституционной нормы о социальном государстве, во-вторых, как ответ на общественный запрос о государственной помощи незащищенным слоям населения. Выраженный социальный характер имеют следующие новеллы Конституции:

- минимальный размер оплаты труда должен составлять сумму не меньше, чем прожиточный минимум трудоспособного населения в целом по стране;
- индексация пенсий должна производиться не реже чем один раз в год;
- закреплено право граждан на обязательное социальное страхование, адресную социальную поддержку, индексацию социальных выплат.

Кроме того, в обновленный текст Основного закона вошло положение о том, что дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. При этом, для государства установлена обязанность создавать условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Внесение в текст Конституции поправок, усиливающих социальный характер государства, представляется важным. Норма о социальном государстве, которая годами оставалась частично декларативной, теперь получила реальное содержательное наполнение и определенное гарантирование. Немаловажно, что новые гарантии вошли именно в текст Основного закона. Как пишет А.А. Клишас, Конституция как акт высшей юридической силы, закрепляя принцип социального государства и типичные для него ценности, «создает базис для законодателя, наполняющего в процессе законотворческой деятельности юридическим смыслом отдельные конституционные положения в их совокупности и взаимной связи…» [2, с. 5].

Усиление социальной направленности норм Конституции находится в русле прошедших конституционных преобразований, соответствует общему вектору развития страны, который связан к возврату к исконным, традиционным правовым ценностям. Формирование модели устойчивого развития России в условиях современных глобальных вызовов неизбежно означает смену ценностных ориентиров с учетом выявленных настроений общества. Турбулентность мировой государственности определяет необходимость совершенствования всех сторон жизни общества, в ом числе, усиление социальных начал в государственном управлении, во взаимодействии государственных институтов и граждан. Только то государство может в современных условиях получить поддержку народа, которое будет прислушиваться к его социальным ожиданиям и не допустит дальнейшего усиления социально-экономического расслоения в обществе.

Поправки, которые вносились в Конституцию России в 2020 г., прошли через определенный общественный фильтр. В состав комиссии, работавшей над их текстом, были включены представители самых различных профессий и сфер жизни: кроме юристов, там были ученые, спортсмены, актеры. Это позволило более взвешенно подойти к столь важному вопросу, как конституци-

онная реформа, более полно отразить поступавшие из общества запросы на усиление социальной составляющей государственной политики и конституционного строительства. Конституция, как в свое время определил немецкий правовед Ганс Кельзен, играет роль так называемой «основной нормы», которая определяет вектор развития всей системы права и создает основу для последующего логического совершенствования действующего законодательства. Внесение в текст Основного закона поправок, имеющих выраженный социальный характер, формирует базис для последующего развития тех социальных начал, которые выражены в отраслевом законодательстве. Более ста законов требуют теперь внесения в них таких изменений, которые логически вытекают из нового конституционного текста, и целый ряд из таких изменений имеет непосредственное отношение к социальным нормам и вопросам.

Особое внимание в конституционных поправках обращено на семейные ценности, на вопросы детства и его защиты. Реализация этих положений неизбежно потребует внесения изменений в Семейный кодекс Российской Федерации, так как именно семейное законодательство играет важнейшую роль в решении «детских» проблем [1, с. 78]. Неизбежно потребуется внесение изменений в законодательство о труде, а также в те социальные законы, которые устанавливают размер и порядок начисления пособий и выплат. Поправки социального характера, внесенные в конституцию, являются комплексными – с одной стороны, они говорят о конкретных вопросах повышения материального благосостояния социально незащищенных слоев населения, с другой стороны, ориентируют на те моральные ценности, которые должны лежать в основе социальной государственности. Именно комплексный характер усиливает их синергетический эффект и повышает практическую значимость. Такими же комплексными должны быть усилия по созданию полноценных основ социального государства в современной России. Эти усилия, с одной стороны, должны исходить от государства, с другой стороны – от институтов гражданского общества. Роль государства состоит, во-первых, в материальном обеспечении нуждающихся слоев населения, в том числе, за счет перераспределения некоторой части доходов, получаемых членами общества, во-вторых, в разработке и принятия законодательства, создающего необходимые рамки для осуществления социальной деятельности. Роль общества заключается в активной деятельности по созданию структур благотворительной направленности, деятельность которых должна дополнять усилия государственной системы социальной поддержки населения, не подменяя ее при этом. В связи с этим, можно поставить вопрос о необходимости развития и совершенствования законодательства о благотворительности с целью приведения его в соответствие с теми стратегическими задачами и ориентирами, которые вошли в Конституцию России в 2020 году.

Формирование социального государства неразрывно связано с проблемой прав человека, прежде всего, социальных прав личности. Реализация этих прав требует наличия соответствующих гарантий со стороны государства, как организационно-правового, так и материального характера. Исследователи пишут о том, что развитие российского конституционализма проходило ряд последовательных этапов, при этом современный этап «характеризуется продолжающимся поиском оптимальных путей и моделей развития, укреплением основ конституционного строя, совершенствованием действующего законодательства и ориентированных на его реализацию институтов» [2, с. 23]. По нашему мнению, конституционная реформа 2020 г. открыла новый этап в развитии отечественного конституционализма. Этот этап связан с усилением социальных идей и начал, с укреплением традиционных духовно-нравственных ценностей в их конституционном выражении. Для формирования полноценного социального государства требуется соединение юридических и моральных начал, что предполагает социально-нравственное наполнение правовых норм. В конституционном праве это уже произошло, теперь необходимы соответствующие корректировки отраслевого законодательства.

Список литературы:

[1] Борисова Н.Е. Современные тенденции правового регулирования семейных отношений // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2017. № 3.

[2] Клишас А.А. Социальное государство. М., 2017.

[3] Милосердов А.С. Российский конституционализм: особенности и этапы развития // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2020. № 1.

[4] Пашенцев Д.А. Российские правовые традиции в социальной сфере (историко-правовой аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2018. Т. 9. № 2.

[5] Пашенцев Д.А. Социальное значение банковского законодательства Российской империи // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2016. № 1.

Spisok literatury:

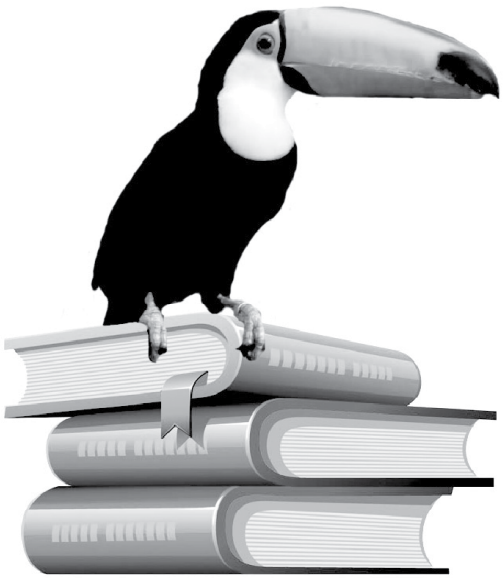
[1] Borisova N.E. Sovremennye tendencii pravovogo regulirovaniya semejnyh otnoshenij // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2017. № 3.

[2] Klishas A.A. Social'noe gosudarstvo. M., 2017.

[3] Miloserdov A.S. Rossijskij konstitucionalizm: osobennosti i etapy razvitiya // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2020. № 1.

[4] Pashencev D.A. Rossijskie pravovye tradicii v social'noj sfere (istoriko-pravovoj aspekt) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2018. T. 9. № 2.

[5] Pashencev D.A. Social'noe znachenie bankovskogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Yuridicheskie nauki». 2016. № 1.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

КОЛЕСНИКОВ Андрей Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
почетный работник высшего профессионального
образования РФ, доцент кафедры административного
и муниципального права ФГБОУ ВО
«Саратовская государственная юридическая академия»
e-mail: kaviras@yandex.ru
SPIN-код: 9341-0234
Scopus ID: 56539396100,
Orcid: 0000-0001-6882-9286

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

Аннотация. *Актуальность исследования вызвана новыми конституционными положениями о наличии системы публичной власти, органов единой системы публичной власти и взаимодействии органов местного самоуправления с органами государственной власти. Цель работы состоит в системном анализе конституционных норм и выявлении места местного самоуправления в единой системе публичной власти, в этой связи проведено исследование этапов становления местного самоуправления как элемента системы публичной власти, норм Конституции РФ, закрепляющих предметы ведения разных уровней государственной власти. Автор предложил доктринальные понятия местного самоуправления, единой системы публичной власти и органов единой системы публичной власти.*

Ключевые слова: *Конституция РФ, единая система публичной власти, местное самоуправление, органы местного самоуправления, органы государственной власти, органы единой системы публичной власти.*

KOLESNIKOV Andrey Vladimirovich,
PhD in Law, associate Professor,
honorary Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation, Associate Professor of the Department of
Administrative and Municipal Law Saratov State Law Academy

LOCAL GOVERNMENT AS AN ELEMENT OF A UNIFIED SYSTEM OF PUBLIC GOVERNMENT

Annotation. *The relevance of the study is caused by the new constitutional provisions on the existence of a system of public power, bodies of a unified system of public power and interaction of local government bodies with public authorities. The purpose of the work is to systematically analyze constitutional norms and identify the place of local government in a unified system of public authority. In this regard, a study was carried out of the stages of the formation of local government as an element of the system of public power, the norms of the Constitution of the Russian Federation, which consolidate the subjects of jurisdiction of different levels of state power. The author proposed the doctrinal concepts of local government, a unified system of public power and bodies of a unified system of public power.*

Key words: *Constitution of the Russian Federation, a unified system of public authority, local government, local government bodies, government departments, bodies of a unified system of public authority.*

Утвержденные на всенародном голосовании в июле 2020 г. изменения в Конституцию РФ потребовали по-новому взглянуть на уже сформированную парадигму местного самоуправления. Органы местного самоуправления наряду с органами государственной власти официально включены в единую систему публичной власти (ч. 2 ст. 80; ч. 3 ст. 132 Конституции РФ). Вопрос организации публичной власти находится в ведении Российской Федерации (п. «г» ст. 71 Конституции РФ). «Причем этот термин в конструкции конституционной нормы предваряет термин «система федеральных органов власти», что, видимо, указывает на его первостепен-

ное значение и «средообразующий» характер» [8, с. 32]. Цель этой единой системы – взаимодействие для более эффективного решения задач в интересах населения соответствующей территории.

Так же, как и на других уровнях публичной власти, первое приоритетное место среди форм самоуправления законодательно отведено формам непосредственной публичной власти. Это логично вытекает из ч. 2 ст. 130 Конституции РФ. Органы местного самоуправления являются второй группой форм местного самоуправления. Они так же, как и органы государственной власти, являются частью единой системы органов публичного управления (ч. 3 ст. 132 Конституции РФ). «Здесь важно понимать, что единая система публичной власти, частью которой объявляются органы местного самоуправления, не равнозначна системе органов государственной власти, в которую они по-прежнему не входят» [9]. Так же, как и органы государственной власти, они выполняют управленческие функции для реализации единых, закрепленных в Конституции РФ публичных интересов населения муниципального образования, отраженных в вопросах местного значения.

Системный анализ ч. 2 ст. 3, ст. 71, 72, 73 Конституции РФ показывает, что всей полнотой власти по всем существующим предметам ведения России обладают органы государственной власти различных территориальных уровней. Это означает, что категория «вопросы местного значения» (ч. 1 ст. 130), обозначая предметы ведения местного самоуправления, является частью государственных предметов ведения, которая добровольно передается местному сообществу для ответственного выполнения без вмешательства государства. А самостоятельность органов местного самоуправления в пределах своих полномочий (ст. 12 Конституции РФ) означает, что государство отдает муниципалитетам отдельные права и обязанности по решению части государственных публичных дел, переданных им в виде вопросов местного значения. Как видим, население муниципальных образований самостоятельно и под свою ответственность (т.к. государство не вмешивается) осуществляет часть государственных функций с учетом различных особенностей проживания на данной территории в своих интересах.

Первая попытка структурировать местное самоуправление в СССР как форму управления и власти была предпринята в результате принятия Закона СССР от 09.04.1990 г. № 1417-I (в ред. от 23.10.1990 г.) «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [6] (далее – Закон СССР 1990 г.). В период подготовки первого Закона СССР 1990 г. коллектив разработчиков законопроекта сделал для себя жесткую установку, чтобы «в центре этого Закона был человек, гражданин и с его позиций рассматривать все задачи» [1, с. 6].

Отметим важную деталь. Основатели Закона СССР 1990 г. не хотели и «ни в коей мере не имели в виду отделение местного самоуправления от государственной власти (Г.В. Барабашев, В.И. Васильев)… нельзя противопоставлять местное самоуправление и государство… самоуправление развивается не вне, а внутри государственных форм и связано с развитием власти (К.Ф. Шеремет)… органы местного самоуправления не обособлены от государства, но они имеют право решать вопросы местного значения до конца. Этим отличается все, что было, от того, что должно быть» [10, с. 7].

Это предопределило концепцию Закона РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-I (в ред. от 03.12.2008 г.) «О местном самоуправлении в РСФСР» [5]), где местное самоуправление определялось через призму системы органов и организаций и осуществлялось в рамках административно-территориального деления. В дальнейшем, после принятия в 1993 г. Конституции РФ, был издан принципиально новый Федеральный закон от 28.08.1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [14]. Парадигма местного самоуправления в этом законе была построена на базе общественной теории развития местного самоуправления.

Формирование органов местного самоуправления и назначение муниципальных должностных лиц органами государственной власти и государственными должностными лицами, не допускалось ни в какой степени и форме. Появился новый институт муниципальной службы, регулируемый соответствующим Федеральным законом от 08.01.1998 г. № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» [13], который осуществлялся по принципам отличным от принципов государственной службы.

Вместе с тем, широчайшая самостоятельность, «вдруг свалившиеся» на плечи населения демократизм и огромное количество возможностей повлияли на государство в целом не совсем позитивным образом.

В промежуток с 1995 по 1999 г. была выявлена и обобщена практика осуществления местного самоуправления на всей территории Российской Федерации. Результатом синтеза реального применения норм муниципального права стал Указ Президента РФ от 15.10.1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления» [11]. В нем акцентировано внимание на важности различных сторон самостоятельно-

сти местного самоуправления в осуществлении публично-властных полномочий. Обозначил важность концепции местного самоуправления, основанной на конституционных и международных принципах, закрепленных в Европейской хартии местного самоуправления [4]. Вместе с тем, Президент РФ отметил, что «для эффективного функционирования государства необходим баланс интересов государственных (Российской Федерации и субъектов Российской Федерации) и интересов местных, т.е. общих интересов жителей каждого отдельно взятого городского, сельского поселения, иного муниципального образования. Роль выразителя местных интересов и призвано играть местное самоуправление». Определяя внутреннюю политику государства в отношении местного самоуправления, Президент РФ тем самым показал, что основная идея местного самоуправления поменялась. В ее основу была положена смешенная (общественно-государственная) теория развития местного самоуправления. В дальнейшем такая позиция неоднократно была поддержана Конституционным Судом РФ. Итогом стала тенденция постепенного привлечения органов местного самоуправления к реализации общегосударственных функций и общих публичных интересов, не всегда совпадающих с желаниями жителей муниципальных образований. Власть становилась более централизованной и монолитной. Начало такому процессу положил принципиально новый Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 13.07.2020 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [12] (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ), который многократно менялся в сторону укрепления вертикали власти.

В настоящее время, несмотря на то что в соответствии со ст. 12 Конституции РФ оно самостоятельно в пределах своих полномочий и органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, автономность и независимость местного самоуправления от государственной власти сузилась до минимума. Парадигма конституционной модели публичной власти и местного самоуправления в ее системе стала четкой. Публичная власть едина. Конкуренция норм ст. 12 и статей гл. 8 Конституции РФ может повлечь за собой различные варианты развития взаимодействия государственной публичной власти и муниципальной публичной власти. Но уже сегодня поправки в Конституцию РФ и появление понятия «единая система публичной власти» увеличили вероятность переплетения функций и роста степени взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственной власти.

Одна из наиболее важных характеристик публичной власти, учитывая ее неоднородность и полиэлементность, - причинно-следственная связь между субъектами, вступающими во властеотношения, «образующие своеобразную политико-правовую ткань общества» [2]. Исследование государственной власти как одного из вариантов казуальных отношений проводилось еще Т. Гоббсом (1588–1679 гг.) [3, с. 131]. Властеотношения есть разновидность правоотношений. Они «не только являются одной из форм реализации власти, но и сами могут становиться ее объектом, когда она реализуется посредством издания нормативного предписания» [7, с. 14]. Эти отношения в нашем государстве складываются в процессе осуществления власти органами публичного управления, структурно включающими в свою систему Президента РФ вкупе с органами, обеспечивающими его деятельность, органы государственной власти федерального и регионального уровней, а также органы местного самоуправления.

Сущность властеотношений заключается в навязывании юридически оформленной воли властвующего субъекта подвластному субъекту, направляя его работу или усилия в реализации своей компетенции в определенное выгодное (или необходимое) направление. Конституционное правовое регулирование достаточно четко иллюстрирует системность и взаимосвязанность элементов публичной власти и органов публичного управления. Власть едина, она осуществляется органами государственной власти и органами местного самоуправления. У органов управления единые публичные цели, реализуемые в интересах населения, проживающего на соответствующей территории. Учитывая суверенность государственной власти и ее верховенство, в иерархии между элементами публичного управления, органы государственной власти являются вышестоящими, несмотря на то что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. Из этого следует, что в связке, где субъектами властеотношений являются органы государственной власти и органы местного самоуправления, первые исполняют роль властвующих, а вторые – подвластных.

Однако из конкуренции конституционных норм о единстве публичной власти (ч. 3 ст. 132), но организационной обособленности органов местного самоуправления и наличия собственных полномочий (ст. 12) вытекает сложность механизма взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления. С одной стороны, единство органов публичного управления, общность публичных интересов, организующее воздействие и правовое регулирование со сто-

роны Президента РФ и различных ветвей и уровней государственной власти, единая государственная территориальность и государственный суверенитет означают наличие прочных правовых управленческих связей между органами государственной власти и органами местного самоуправления. С другой стороны, организационная обособленность органов местного самоуправления в системе управления говорит о наличии определенной самостоятельности органов местного самоуправления и о том, что не все управленческие связи реализуются в конкретных властеотношениях. Исследование практических сторон взаимосвязи и взаимодействия органов государственной власти с органами местного самоуправления связано с изучением управленческих (властных) связей (предпосылок правоотношений в виде норм права) и властеотношений, где общие властные связи будут синонимом слова «взаимосвязь», а властеотношения – синонимом слова «взаимодействие». Именно эти властные связи и правоотношения будут объектом нашего дальнейшего исследования. Так, например, между Президентом РФ и главой любого муниципального образования существует общая властная связь. Существуют также предпосылки возникновения властеотношений. Одной из таких предпосылок является норма ч. 6.1 ст. 36 Федерального закона № 131-ФЗ, согласно которой глава муниципального образования может прекратить исполнение полномочий в результате выражения ему недоверия Президентом РФ. Однако пока не наступит юридический факт открытия или наличия счетов (вкладов), хранения наличных денежных средств и ценностей в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владения и (или) пользования иностранными финансовыми инструментами в период, когда указанные лица были зарегистрированы в качестве кандидатов на выборах соответственно главы муниципального образования, властеотношение не будет реализовано.

Новое конституционное регулирование предполагает плотное переплетение форм взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления. Ч. 1.1 ст. 131 Конституции РФ открывает новые возможности для органов государственной власти в виде возможности участия в формировании органов местного самоуправления и назначении должностных лиц в соответствии с федеральным законом. Вместе с тем, их участие в формировании органов очевидно и сейчас. До тех пор пока органы государственной власти будут участвовать в формировании и назначении, а не формировать и назначать, федеральное законодательство будет считаться реализацией конкуренции норм ст. 12 и ч. 1.1 ст. 131 Конституции РФ. Но в случае, если будут приняты нормы, дающие возможность формировать органы местного самоуправления и назначать должностных лиц, произойдет нарушение ст. 12 Конституции РФ. Это означает, что каково бы ни было участие органов государственной власти в организационном процессе формирования органов, их решение не должно быть итоговым.

Таким образом, единая система публичной власти – это совокупность форм непосредственного публичного управления и согласованной Президентом РФ взаимодействующей системы органов единой системы публичной власти, связанных прочными правовыми связями и вступающими в различные властеотношения в интересах государства и населения соответствующих территорий. Цель такой системы - эффективность реализации власти, построение экономически сильного правового государства с мощным внешнеполитическим имиджем и патриотичным, уважающим свою власть населением.

В свою очередь, органы единой системы публичной власти, как категория динамики, представляют собой единую, согласованную и координируемую Президентом РФ совокупность органов государственной власти и органов местного самоуправления, имеющих между собой прочные правовые связи, вступающих в различные властеотношения для реализации необходимых публичных интересов, по правилам властвующего субъекта на подведомственной ему территории.

Для четкого и правильного понимания того, чье согласованное функционирование и взаимодействие обеспечивает Президент РФ, необходимо изменить определение органов местного самоуправления, закрепленное в ст. 2 Закона № 131-ФЗ, и изложить его в следующей редакции: органы местного самоуправления – это не государственные органы публичного управления муниципального образования, формируемые с участием органов государственной власти и государственных должностных лиц непосредственно населением и (или) представительным органом муниципального образования, обладающие собственными полномочиями по решению вопросов местного значения в интересах государства и населения соответствующей территории.

На наш взгляд, в связи с конституционным изменением концепции власти понятие местного самоуправления необходимо изложить в законе в следующей редакции: местное самоуправление в Российской Федерации – форма публичной власти, обеспечивающая во взаимодействии с другими формами публичной власти в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях,

установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций.

Такие изменения будут первыми шагами формирования модели межуровневого взаимодействия с сохранением части компетенционной и организационной самостоятельности местного самоуправления.

Список литературы:

[1] Васильев В.И. Местное самоуправление: история и современная практика // Журнал российского права. Издательство «НОРМА». – 2015. – № 3. – С. 5–15.

[2] Властеотношения, субъекты, объекты и содержание // StudFiles / Режим доступа: URL: https://studfile.net/preview/7367517/page:8/ (дата обращения: 15.08.2020).

[3] Гоббс Т. Философское наследие. Соч. в 2 т. Т. 2. / сост., ред., авт. примеч. В.В. Соколов; пер. с лат. и англ. – М.: Мысль, 1991. – 731 с.

[4] Европейская хартия местного самоуправления ETS № 122 (Страсбург, 15 октября 1985 г.) // СЗ РФ. – 1998. – № 36. - Ст. 4466.

[5] Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-I (в ред. от 03.12.2008 г.) «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. - 1991. - № 29. - Ст. 1010; СЗ РФ. - 2008. - № 49. - Ст. 4758.

[6] Закон СССР от 9 апреля 1990 г. № 1417-I (в ред. от 23.10.1990 г.) «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1990. - № 16. - Ст. 267; № 44. - Ст. 914.

[7] Иванов Р.Л. Властеотношение как вид правового отношения // Вестник Омского ун-та. Сер. «Право». – 2011. – № 1 (26). – С. 12–20.

[8] Мухлынина М.М. Система публичной власти и вопросы местного самоуправления в свете поправки 2020 года к Конституции Российской Федерации // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 2. – С. 30–33.

[9] Петухов Р. Что поправки в Конституцию меняют в судьбе местного самоуправления // Ведомости. Режим доступа: URL: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/01/24/821369-popravki-v-konstitutsiyu (дата обращения: 16.08.2020).

[10] Рыков А.Н. Соотношение государственного и муниципального интересов как интересов, возникающих в сфере публичной власти // Право. Журнал ВШЭ. - 2017. - № 3. - С. 7, 8.

[11] Указ Президента РФ от 15.10.1999 г. № 1370 «Об утверждении Основных положений государственной политики в области развития местного самоуправления» // СЗ РФ. – 1999. – № 42. – Ст. 5011.

[12] Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 13.07.2020 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 40. - Ст. 3822; 2020. – № 29. – Ст. 4504.

[13] Федеральный закон от 08.01.1998 г. № 8-ФЗ «Об основах муниципальной службы в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 1998. - № 2. - Ст. 224.

[14] Федеральный закон от 28.08.1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1995. – № 35. – Ст. 3506; 1996. – № 17. – Ст. 1917; № 49. – Ст. 5500; 1997. – № 12. – Ст. 1378; 2000. – № 32. - Ст. – 3330; 2002. – № 12. – Ст. 1093; 2005. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3108.

Spisok literatury:

[1] Vasil'ev V.I. Mestnoe samoupravlenie: istoriia i sovremennaia praktika // Zhurnal rossiiskogo prava. Izdatel'stvo «NORMA» – 2015. – № 3. – S. 5–15.

[2] Vlasteotnosheniia, sub"ekty, ob"ekty i soderzhanie // StudFiles / Rezhim dostupa: https://studfile.net/preview/7367517/page:8/ (data obrashcheniia: 15.08.2020 g.).

[3] Gobbs T. Filosofskoe nasledie. Sochinenie v 2-kh t. T. 2. / Sost., red., avt. primech. V.V. Sokolov; Per. s lat. i angl. – M.: Mysl', 1991. – 731 s.

[4] Evropeiskaia Khartiia mestnogo samoupravleniia ETS № 122 (Strasburg, 15 oktiabria 1985 g.) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1998. – № 36, st. – 4466.

[5] Zakon RSFSR ot 6 iiulia 1991 g. N 1550-I (v red. ot 03.12.2008 g.) «O mestnom samoupravlenii v RSFSR» // Vedomosti SND i VS RSFSR. 1991. № 29. St. 1010; Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. № 49, st. 4758.

[6] Zakon SSSR ot 9 aprelia 1990 g. № 1417-I (v red. ot 23.10.1990 g.) «Ob obshchikh nachalakh mestnogo samoupravleniia i mestnogo khoziaistva v SSSR» // Vedomosti SND i VS SSSR. 1990, № 16, st. 267; № 44, st. 914.

[7] Ivanov R.L. Vlasteotnoshenie kak vid pravovogo otnosheniia // Vestnik Omskogo universiteta. Seriia «Pravo». Omsk. – 2011. – № 1 (26). – S. 12–20.

[8] Mukhlynina M.M. Sistema publichnoi vlasti i voprosy mestnogo samoupravleniia v svete popravki 2020 goda k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii // Gosudarstvennaia sluzhba i kadry. Moskva: OOO

«IZDATEL"STVO IuNITI-DANA» – 2020.– № 2. – S. 30–33.

[9] Petukhov R. Chto popravki v Konstitutsiiu meniaiut v sud'be mestnogo samoupravleniia // Vedomosti / Rezhim dostupa: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/01/24/821369-popravki-v-konstitutsiyu (data obrashcheniia: 16.08.2020 g.).

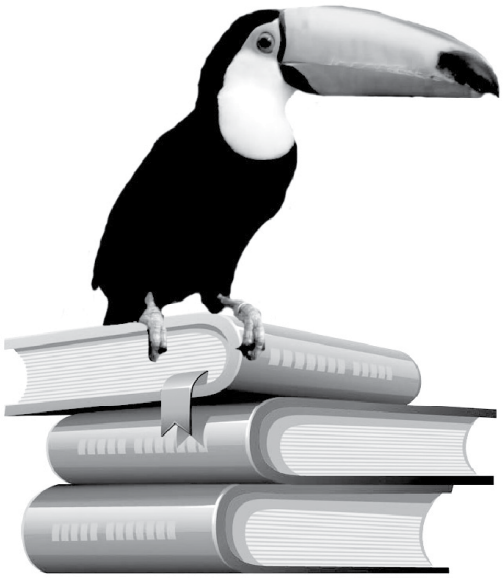
[10] Rykov A.N. Sootnoshenie gosudarstvennogo i munitsipal'nogo interesov kak interesov, voznikaiushchikh v sfere publichnoi vlasti // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. Moskva. 2017. № 3. S. 7–8.

[11] Ukaz Prezidenta ot 15.10.1999 g. № 1370 «Ob utverzhdenii Osnovnykh polozhenii gosudarstvennoi politiki v oblasti razvitiia mestnogo samoupravleniia» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 1999. – № 42, – st. 5011.

[12] Federal'nyi zakon ot 06.10.2003 g. № 131-FZ (v red. ot 13.07.2020 g.) «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniia v Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2003. – № 40, st. – 3822; 2020. – № 29, – st. 4504.

[13] Federal'nyi zakon ot 08.01.1998 g. № 8-FZ «Ob osnovakh munitsipal'noi sluzhby v Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva RF, 1998. № 2, st. 224.

[14] Federal'nyi zakon ot 28.08.1995 № 154-FZ «Ob obshchikh printsipakh organizatsii mestnogo samoupravleniia v Rossiiskoi Federatsii» // Sobranie zakonodatel'stva RF, – 1995, – № 35, – st. 3506; 1996, – № 17, – st. 1917; № 49, – st. 5500; 1997, – № 12, – st. 1378; 2000, – № 32, st. – 3330; 2002, – № 12, – st. 1093; 2005, – № 30 (chast' 1), – st. 3108.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПРАВА

ЧЕРНЯВСКИЙ Александр Геннадиевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного (государственного)
и международного права Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕОРИЯ ПРАВА В СВЯЗИ С АКСИОЛОГИЕЙ ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. *В данной статье автор доказывает, что объективным при построении реальной теории права является определить изначально ценностные группы (ориентиры) государства, общества и отдельного человека на конкретном историческом этапе. Абстрактно-идеалистически они будут для всех государств (цивилизаций) одинаковы. Немаловажным фактором, считает автор, при этом является соотнесение ценностных ориентиров (их максимальное совпадение) между государством, обществом и отдельно взятым человеком. При изучении отдельно взятого государства мы увидим смещение центров к тем или иным ценностям. Это смещение дает объективный взгляд на ту иную политику государства (внешнюю, внутреннюю) и, естественно, на его правовую политику. Далее, по мнению автора, становится понятным смещение этих ценностных ориентиров, в зависимости от интересов тех иных общественных групп (возможно, правящих элит), классов, партий, отдельных личностей и т.д.*

Ключевые слова: *ценностные ориентиры, правовая политика, социальное назначение права, аксиология ценностей, правопорядок, нравственные категории.*

CHERNYAVSKY Alexander Gennadievich,
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of constitutional (state)
and international law of the Military University
Ministry of defense of the Russian Federation

THEORY OF LAW IN RELATION TO THE AXIOLOGY OF VALUES

Annotation. *In this article, the author proves that it is objective to determine the initial value groups (landmarks) of the state, society, and individual at a specific historical stage when building a real theory of law. Abstractly-idealistically, they will be the same for all States (civilizations). An important factor, the author believes, is the correlation of value orientations (their maximum coincidence) between the state, society and an individual. When studying a single state, we will see a shift in the centers to certain values. This shift gives an objective view of a particular state policy (foreign, domestic) and, of course, its legal policy. Further, according to the author, it becomes clear that these value orientations shift depending on the interests of certain social groups (possibly ruling elites), classes, parties, individuals, etc.*

Key words: *value orientations, legal policy, social purpose of law, axiology of values, law and order, moral categories.*

История развития юридической науки свидетельствует, что познание права сопровождается многочисленными научными дискуссиями, формированием различных научных школ, разнообразными (вплоть до противоположных) подходами к объяснению природы, сущности, социального назначения права. В данной работе излагаются различные точки зрения на многие проблемы права. При этом соблюдается принцип научной преемственности, в нем не проводится резкой грани между дореволюционной, советской и постсоветской юридической наукой, поскольку в указанные периоды российской истории издавались фундаментальные работы, выводы и положения которых представляют ценный научный материал, востребованный и в настоящее время. Не было перерыва в разработке и исследовании сущностных, понятийных

проблем права – была другая правовая политика, обеспеченная соответствующим позитивным правом.

Необходимым условием построения правильно обоснованной теории права являются: во-первых, предварительное определение ее ценностных ориентиров; во-вторых, целей, поставленных народом (соответственно государством); в-третьих, необходимость достаточного регулятивного правопорядка, соответствующего реальной обстановке в обществе; в-четвертых, социокультурные условия жизни общества (Восток, Запад и т.д.); в-пятых, возможность государства реализовать закрепленный правопорядок (сильное или слабое государство; суверенное или нет [1] и т.д.); в-шестых, определение настоящего научного места среди других основных социальных наук, социологии, экономики, этики и политики [2].

Почему автор видит изначальным именно определение предпосылок теории права? Да потому, что теория должна совпадать с целеполаганием развития того или иного государства и прогнозно определять положения применяемой теории, в зависимости от изменения текущей обстановки, как внутри государства, так и вне.

Почему автор утверждает об объективности комплексной (универсальной) теории и однозначно в связи с аксиологией ценностей? Да потому, что теория должна быть гибкой, возможной к реализации, работающей на перспективу, учитывающей изменения приоритетов к ценностным ориентирам, причем долгосрочную! Сегодняшняя реальность говорит о том, что трудно в полном объеме заявить о приверженности к той или иной теории государства и права. И здесь появляются «смешанная» теория, очень интересная и проработанная «коммуникативная» теория [3] и др. Однако невозможно примирить различные теории, потому что либо они выполняли и выполняют конкретную задачу в определенном государстве и в определенный период времени, либо были настолько абстрактно-идеалистичны и соответственно невозможны к полному руководству ими. Но никто не может опровергнуть того факта, что некоторые положения этих теорий действительно подтверждены историей, опытом цивилизаций и т.д. Значит, не нужно бояться и отвергать теории государства и права однозначно, полностью и брать в новую теорию подтвержденные временем и обоснованные теоретически определенные положения. Еще раз только уточним, что это никоим образом не говорит об объединении теорий и тем более об их «примирении», т.к. теории могут быть и узко идеологизированными и тем более обосновывающими тот или иной неприемлемый общественно-политический строй (например, антидемократический).

Видится объективным при построении реальной теории права определить изначально ценностные группы (ориентиры) государства, общества и отдельного человека. Абстрактно-идеалистически они будут для всех государств (цивилизаций) одинаковы. Немаловажным фактором при этом является соотнесение ценностных ориентиров (их совпадение в какой-то мере) между государством, обществом и отдельно взятым человеком. При изучении отдельно взятого государства мы увидим смещение центров внимания государства к тем или иным ценностям. Это смещение дает объективный взгляд на ту или иную политику государства (внешнюю, внутреннюю) и, естественно, на его правовую политику. Далее мы увидим смещение этих ценностных ориентиров в зависимости от интересов тех или иных общественных групп (возможно, правящих элит), классов, партий, отдельных личностей и т.д. Таким образом, мы видим необходимость в новой теории, которая должна дать подход к комплексному преодолению односторонностей государства, коллективизма и индивидуализма.

Аксиология как теория ценностей появилась в XIX в. во многом благодаря трудам немецкого естествоиспытателя и философа Г. Лотце, который в 60 - 70-е годы XIX в. отделил область ценностного определения должного от области явлений действительности (фактов) и их познания (истин). Тем самым он придал понятию «ценность» категориальный смысл, имеющий значение как для бытия, так и для познания [4].

И хотя М. Хайдеггер считал, что «греки не имели представления об оценивании и не знали понятия ценности» [5], тем не менее глубинные истоки аксиологии присутствует в философии античности. В учениях Протагора, Сократа, Платона и др. появляется мысль об антропологической оценке всего сущего. Так, Платон впервые предлагает классификацию неких идеальных нравственных и эстетических категорий, которые составляют «высшее благо»: «На первом месте стоит некоторым образом все относящееся к мере, умеренности и своевременности и все то, что подобно этому принадлежит вечности», на втором — «прекрасное, совершенное», на третьем — «ум и разумение», на четвертом — «знания, искусства, правильные мнения», на пятом — «те удовольствия, которые мы определили как беспечальные и назвали чистыми удовольствиями самой души...», на шестом — «песенный строй» [6]. Определяя множественность смыслов понятия блага и классифицируя блага, Аристотель использует определения «ценность», «ценимое», «ценное»: «Из благ одни относятся к ценимым,

другие – к хвалимым вещам, третьи — к возможностям. Ценимым я называю благо божественное, самое лучшее, например, душу, ум, то, что изначально, первопринцип и тому подобное. Причем ценимое — это почитаемое, и именно такого рода вещи у всех в чести. Добродетель тоже ценность, раз благодаря ей человек становится достойным; он достигает тогда присущей добродетели красоты» [7].

В эпоху Средневековья получила свое утверждение и развитие теологическая аксиология, соединявшая объективную высшую ценность абсолюта как источника мудрости и всякого блага и субъективное бытие человека. На этой основе произошла переоценка античных ценностей с их стремлением к идеалам истины, блага и разума. Возрастает значение субъективных ценностей, характеризующих личность человека, таких как Любовь, Вера, Надежда, Совесть и т.д. Августин Аврелий в своем произведении «Исповедь» говорит о том, что ценности постигаются человеком не рациональным, а чувственно-волевым путем, открывая миру уникальность личности каждого отдельного человека [8].

Итак, рассмотрим виды ценностей. Существуют различные классификации ценностей. Все они зависят от критериев, положенных в их основу.

Наиболее общее деление ценностей — на положительные и отрицательные. Возможность выделения отрицательных ценностей основывается на том, что ценностью признается все, что имеет значение для человека. Но это значение может быть как положительным (любовь, верность, достаток), так и отрицательным (ненависть, измена, нужда). Такую классификацию поддерживают не все ученые. Например, Н. Неновски, полагает, что ценности могут быть только положительными [9].

Ценности можно подразделить также на ценности духовные (честь, вера) и ценности материальные (деньги, жилье, одежда). При этом необходимо иметь в виду, что материальными и духовными являются не сами ценности, а их носители, свойства которых и получают ценностное значение. (Ср: «Еще М. Шелер показал: носителем ценности является нечто конкретное — любой предмет, материальный, духовный, художественный; предмет реальный и воображаемый, природный и рукотворный: вещь, действие или событие, — ценность же, это значение данного предмета для субъекта. Поэтому материальным или духовным может быть носитель ценности, но не она сама».) [10].

Существует и деление ценностей на личные и сверхличные. Данная классификация зависит от того, кто является субъектом ценностного восприятия — отдельный человек или же некая сверхличная целостность: группа, класс, народ, нация, государство и т.д. Сверхличные ценности являются ценностями надличностными, и должны быть универсальными и стремиться к восприятию (принятию) большинством, поскольку имеют интерсубъективное значение и являются важным средством объединения общества, государства и гражданина.

Особое место среди сверхличных ценностей занимают базовые ценности общества, т.е. ценности, имеющие общесоциальное значение. Наличие таких ценностей делает возможным само существование общества. В концепции американского ученого Э. Шилза эти ценности представляют «центральную зону» культуры.

По мысли Шилза, любое общество имеет центр. «Он представляет собой ‘‘центральную зону” в структуре общества. Эта “центральная зона” по-разному представляется тем, кто существует в данной экологической нише и является членом данного общества. Но тем не менее членство в обществе в большей мере детерминируется отношением к этой “центральной зоне”, чем экологическими границами данного общества и его адаптивными свойствами. ‹›Центральную зону›” не следует представлять как феномен, который можно как-то локализовать среди других феноменов. Центр, или “центральная зона”, содержит как бы в свернутом виде ценности и верования данного общества. Именно “центр” упорядочивает символы, ценности и верования. И центром он является потому, что он пределен, нередуцируем. Именно он определяет природу сакрального в каждом обществе. И в этом смысле каждое общество имеет “официальную религию”, даже когда его члены, или его интерпретаторы, это отрицают, и когда общество более или менее оправданно кажется секуляризованным, плюралистическим и толерантным». (Ср.: Б. Малиновский: «Организация всякой системы деятельности предполагает принятие некоторых базовых ценностей и законов. В том числе это всегда некая организация людей, созданная ради достижения некоторой цели, признанной самими этими людьми и обществом в целом».) [11]. Кроме того, по мысли Э. Шилза, те решения, которые принимались элитами, входят как составные части в некую общую совокупность суждений, действий и ценностей, подверженную неким единым стандартам, для которых система как целое, т.е. общество, является как бы предпосылкой. Ценности, которые находят свое выражение в этих стандартах и которые в большей или меньшей степени обусловливают эти авторитеты, Шилз называет центральной ценностной системой общества. Эта центральная ценностная система и является «центральной зоной» общества. Шилз называет ее центральной

потому, что она подразумевает связь с тем, что общество почитает как сакральное; а также потому, что она обусловливает общественные авторитеты. Центральная ценностная система определяется ценностями, которые элиты закладывают в конструирование тех социальных подсистем, во главе которых они стоят. Эти ценности, будучи выраженными эксплицитно, приобретают некую определенную ограниченную форму. Таким образом, центральная система ценностей содержит в себе как первичные (те, что ее образуют), так и вторичные (производные) ценности, или, можно сказать, в системе ценностей центральные (первичные) ценности продуцируют вторичные, те, которые и распространены в обществе. Эта же центральная система ценностей, по Э. Шилзу, определяет субординацию элит, ролей и типов активности. Немаловажным обстоятельством является и то, что центральная ценностная система отвечает потребности людей в трансцендентном. Это достигается, в частности, и через то, что «центральная зона» является источником символов, а также задает способ их упорядочивания. Соприкасаясь с «центральной зоной» культуры, индивиды соприкасаются с чем-то более значимым и менее конечным, чем их повседневная жизнь. (Ср.: Ш. Эйзенштадт (Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций); ср. с мыслью П.А. Флоренского: «Всякая культура представляет целевую и крепко связанную систему средств к осуществлению и раскрытию некоторой ценности, принимаемой за основную и безусловную, т.е. служит некоторому предмету веры. Первые преломления этой веры в неотъемлемых функциях человека определяют углы зрения на области, связанные с этими функциями, т.е. на все бытие, как оно соотнесено с человеком. Эти углы — категории, но не отвлеченные, а конкретные (сравни каббалу); проявление их действием есть культ. Культура, как свидетельствует и этимология, есть производное от культа, т.е. упорядочение всего мира по категориям культа. Вера определяет культ, а культ — миропонимание, из которого далее следует культура».) [12].

Иную, развернутую классификацию ценностей социального субъекта дает М.А. Макаревич [13], который выделяет:

1) смысложизненные ценности (представления о добре и зле, благе, счастье);

2) универсальные ценности:

а) ценности витальные (жизнь, здоровье, личная безопасность, благосостояние, семья, родственники, образование, квалификация, право на собственность, правопорядок, охрана прав материнства и детства, качество продуктов и т.д.;

б) ценности демократические (свобода слова, совести, партий, национальный суверенитет, гарантии социального равенства и справедливости и т.д.);

в) ценности общественного признания (трудолюбие, квалификация, социальное положение и др.;

г) ценности межличностного общения (честность, бескорыстие, доброжелательность, порядочность, взаимопомощь, терпимость, верность, любовь и др.);

д) ценности личного развития (чувство собственного достоинства, стремление к образованию, свободному развитию своих способностей, беспрепятственный доступ к общечеловеческой культуре, свобода творчества и самореализации, ценности национального языка и культуры и т.д.);

3) партикулярные:

а) ценности традиционные (любовь к Родине, своему коллективу, семье, равенство имущественного положения, уважение к лидерам, дисциплина как исполнительность и др.);

б) ценности религиозные (вера в Бога, стремление к абсолютам, дисциплина как добропорядочность и служение Богу и др.);

в) ценности урбанистические (личный успех, предприимчивость, социальная мобильность, соревнование в труде и таланте, свобода выбора места жительства, стиля и образа жизни, поиск сферы приложения своих сил и способностей и др.);

4) коллективистские ценности (взаимопомощь, солидарность, интернационализм, равенство стартовых возможностей, дисциплина как организованность и др.).

Всякий юридический и политический вопрос есть вопрос о той или иной организации человеческого общества, и приступать к его разрешению возможно только тогда, когда изучена природа самого общества, когда известно, что такое общество. Изучение основных законов общественной жизни в целом есть область социологии. Но от социологического изучения общества нельзя сразу же переходить к юридическим и политическим вопросам, касающимся общественного устройства. Право и политика занимаются миром человеческих целей (ценностных ориентиров), поскольку они осуществляются в социальных организациях: их область есть область должного; социология же изучает только то, каково общество в действительности и каковы законы, управляющие ее фактической жизнью. Между социологическим миром сущего и политическим и юридическим миром возможного и желательного нет непосредственной связи. Мост между ними устанавливается этикой, которая в теоретическое изучение общественной действительности приносит

практические принципы нравственного поведения. Лишь этика, как самостоятельная отрасль человеческого знания, дает возможность вырваться из механической причинности социальных законов в области свободной деятельности людей, руководствующихся своими особыми целями.

Особой областью этических норм, имеющих в виду принудительное регулирование общественных отношений, является право, природа которого изучается философией права.

Теснее всего теория права и теория государства (правда, сегодня утвердилось название «теория государства и права») как науки (наука) связаны с такими общественными науками, как философия, политология, социология, экономическая наука, герменевтика и др. Все эти науки изучают государство и право, но под своим углом зрения, т.е. в той мере, в какой это способствует исследованию их собственного предмета. Так, философия разрабатывает идею государства и права через призму их ценности или антиценности для общества и отдельного человека. Философия представляет собой науку о всеобщих закономерностях развития природы, общества и человеческого мышления. Философские знания относятся к знаниям самого высокого теоретического уровня. Философия как бы стоит над всеми науками, поскольку направлена на выработку мировоззрения, системы взглядов на мир и место в нем человека. Главные философские проблемы – отношение материи и духа, бытия и сознания, познаваемость мира, методология познания. Философия служит мировоззренческой основой для всех наук, объединяет их общими принципиальными положениями и выводами. В теории государства и права активно используются такие философские категории, как «сущность», «форма», «содержание», «целое и единичное», «система и структура», «причина и следствие», «необходимость и случайность» и др. Философия дает для теории государства и права, как и для других общественных наук, мировоззренческую основу, ориентиры, определяет направленность теоретического знания о государстве и праве.

Здесь нужно отметить, что в разные исторические периоды, да и сегодня, по-разному многочисленные мыслители привлекают всеобщее внимание к вопросам религии и нравственности. Им посвящаются многочисленные теле- радиопередачи, статьи (в большей степени размещенные в Интернете), рефераты, монографии и лекции. К сожалению, большая часть этих мыслителей-публицистов обычно скользят по поверхности предмета и не доходят до его систематического обсуждения. Наряду с ними в области тех же вопросов работают одинокие мыслители, неизвестные широкой публике. Это, по существу, та область, в которой популярность имени и глубина исследования находятся в непрерывном антагонизме. Так называемые «народные ораторы» сами находятся в рабстве у вкусов толпы. И напротив, методичность мышления, ясное сознание границ познания и пределов поставленной темы, строгость языка, вдумчивость мыслителя делают его непопулярным, и широкая публика систематически удерживается от знакомства с серьезным решением вопросов религии и нравственности.

Рассмотрение этических учений и представителей немецкого идеализма приводит к выводу, что Кант и Фихте правы против Гегеля, утверждая, что безусловное предписание долга имеет трансцендентное для опыта основание, а Гегель против Канта и Фихте, утверждая, что цель нравственного действия должна быть почерпнута не из понятия долга, а из опытной действительности. Нравственности нет, пока человек сознает себя в праве произвольно следовать своим опытным влечениям. Он обязан ограничить свой произвол некоторым предписанием, и это предписание, как первичное в отношении всех его действий, есть предписание безусловное, категорический императив. Чтобы оправдать существование нравственности, мы должны, следовательно, признать, что над всей опытной областью господствует такое первичное, безусловное предписание. Это признание приводит нас к известным теоретическим выводам. Или сказанное предписание бессильно над областью опыта, или для этого предписания есть основание в иной, высшей, сверхопытной области, которой в конечном результате покоряется и опытная область. Как назвать этот сверхопытный источник опытной области - Богом, абсолютом, трансцендентною[1] свободой, вещью в себе – это вопрос онтологии, в решение которого сейчас нет надобности вдаваться. Но бытие такого источника есть необходимое требование учения о нравственности, коль скоро оно возвышается над началом эвфонизма[2] и, вместе с тем, не признает, как это делал Гегель, что абсолютное пребывает в самой области опыта. С другой стороны, несомненно, что безусловное нравственное предписание как таковое именно по своему сверхопытному характеру не может содержать в себе указания на

[1] Трансцендéнтность, трансцендéнция, прил. трансцендéнтный — то, что принципиально недоступно опытному познанию, выходит за пределы чувственного опыта. Философский термин, которым обозначается все, выходящее за пределы опыта и постигаемое лишь высшим умозрением.

[2] Эвдемони́зм — этическое направление, признающее критерием нравственности и основой поведения человека его стремление к достижению счастья. Согласно приверженцам эвдемонизма, наивысшим благом для человека является счастье.

какую-либо определенную цель, ибо цель, как двигатель воли, всегда должна содержать в себе представляемость. Безусловное предписание требует направления воли к добру, но в чем состоит добро, - этому может научить лишь опыт. А так как все опытные цели эвдемонистичны, то всякая попытка освободить понятие добра от эвдемонистической окраски заранее осуждена на неудачу. Сверхопытное предписание служит не тому, чтобы в нем самом найти какую-либо особую сверхопытную же цель, а тому, чтобы служить регулятором для данных на опыте целей.

В таком случае центр тяжести переносится на вопрос: каким способом можно установить регулирующее действие безусловного нравственного предписания? Здесь, по-видимому, открывается четыре возможности.

1. Так как безусловное нравственное предписание совершенно бессодержательно, то оно, по-видимому, не может как таковое служить выбору из опытных целей какой-либо за высшую. Оно, казалось бы, указывает лишь на то, что если такой выбор сделан, то избранная цель должна безусловно подчинять себе волю человека. Нравственным деятелем с этой точки зрения считается тот, кто безусловно следует своему убеждению, каково бы это убеждение ни было. Признаком такого безусловного следования убеждению служит совершенная готовность подчинить господствующей цели все прочие цели; т.е. принять за нее всевозможные лишения, даже пожертвовать ей собой. Такое понимание нравственности открывает, стало быть, с одной стороны, полный произвол убеждению, а с другой – полное подчинение ему, и в этом состоит его внутреннее противоречие, т.к. представляется непонятным, каким образом человек может стать рабом того, господство чего налагается на него лишь его собственным произволом. Остается, следовательно, допустить, что произвол в выборе убеждения лишь кажущийся, что в действительности это убеждение чем-либо мотивировано с непреодолимой для человека силой. По характеру человека, его воспитанию, влияниям обстановки и среды одна из целей становится безусловно господствующей в человеке, и если такое господство совершенно искренно и добросовестно, то оно и образует собой с этой точки зрения нравственность человека. Но если убеждение составляется по опытным основаниям, то сама его безусловность только кажущаяся, т.е. она обосновывается только на некотором самообмане человека. Источником его служит случайное сочетание условий, влияющих на человека. Почему это случайное сочетание условий может притязать на какое-либо преклонение перед ним - остается непонятным. Вследствие того, что за фанатизмом, т.е. за слепым подчинением данным убеждениям если не всегда в единичном человеке, то всегда в обществе, следует нравственный скептицизм, т.е. отрицание всякой цели, которая заслуживала бы подчинения себе. Такое неизбежное саморазложение убеждения, понимаемого как бессодержательная форма нравственности, необходимо приводит к тому заключению, что доброкачественность убеждения определяется содержанием тех целей, по которым оно направляет человеческую волю. А это заключение приводит ко второму способу установления регулирующего действия безусловного нравственного предписания.

2. Если доброкачественность убеждения определяется указываемыми им целями, то выходит, что сами эти цели должны быть различаемы, как добрые и злые; и безусловное нравственное предписание должно охранять первые и отстранять вторые. Такое различение добрых и злых целей представляется с первого взгляда простым и удобопонятным. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживает в нем затруднения, т.к. не усматривается того основного признака, по которому одна цель признается доброй, а другая - злой. Все существующие цели заявляют свои равные права самим фактом своего существования. Отрицать право какой-либо из этих целей можно только или во имя безусловного нравственного предписания, - но оно, как совершенно бессодержательное, не дает в этом отношении никакого руководства; или во имя какой либо другой цели, - но она может сослаться также только на то, что она существует, т.е. ее право по существу не выше того права, т.е. ее право по существу не выше того права, которое она отрицает. Таким образом, различать добрую цель от злой по чисто формальным признакам представляется невозможным.

3. Оправданием цели служит то, что она дана как факт; другого оправдания ей быть не может. Всякая цель как таковая законна или добра. Зло возникает не от преследования цели как таковой, а от столкновения целей, от того, что одна цель излишне подавляет другую, саму по себе столь же законную. Воровство, например, дурно не потому, что вор хочет приобрести нужную ему вещь, но потому, что он нарушает чужое право, т.е. правило, охраняющее столь же законное желание собственника вещи сберечь ее. Но если цели, сами по себе добрые, причиняют зло единственно через неправильное расширение своих границ в ущерб также самим по себе добрым целям, то вопрос сводится к тому, чем же устанавливается правило надлежащего ограничения целей. Свободной конкуренцией данный вопрос не может быть решен, т.к. при равной свободе победа останется за более сильной стороной – за более сильным человеком среди других людей и

за более сильной страстью среди других страстей: господство принадлежало бы более сильной страсти наиболее сильного человека. Стало быть, взаимное ограничение целей непременно требует признания того, что хотя все цели законны или добры, но что права их различны, т.е. что в их составе есть цели более ценные и менее ценные, и что первые должны господствовать над вторыми. Зло возникает, следовательно, не от нарушения взаимных границ равноправными целями, но от восстания низших целей против высших или, наоборот, от того, что высшие цели, не довольствуясь подчинением себе низших целей, отрицают их право на существование. Все цели законны: но они должны быть соподчинены по своему относительному достоинству. И задача заключается теперь в том, чтобы найти начало этого соподчинения или иначе – признак, определяющий относительное достоинство целей.

4. Требуется найти признак, указывающий на то, какая цель выше, и какая цель ниже. Все опытные цели условны, но отсюда не следует, чтобы степень их условности была одинакова. Безусловное как таковое не имеет степеней; но условное, поскольку оно может зависеть от большего или меньшего количества условий, различается по степени своей условности. В числе целей можно, следовательно, различать такие, условность которых меньше, от таких, условность которых больше, и первые должны быть поставлены выше вторых. Первые цели есть цели более независимые, а вторые более зависимые, следовательно, в конечном результате вообще вторые более зависят от первых, чем первые от вторых. По этому критерию можно внести определенный порядок в наши разнообразные цели. И главнее всего можно установить взаимное отношение между целями субъективными и целями объективными – две обширные категории, которыми охватывается вся совокупность человеческих целей. По большей части обе эти категории целей участвуют совместно в мотивировке человеческих действий; так пища для меня есть вместе и средство вкусового наслаждения (субъективная цель), и средство поддержания моего организма (объективная цель). Какая из этих двух категорий целей выше или ценнее принципиально, может быть решено лишь по сравнению степени их условности; несомненно, что это сравнение склоняет весы в пользу объективных целей. Предположим, что мы смотрим на принятие пищи исключительно с точки зрения вкусового наслаждения, вовсе не принимая во внимание пользы своего организма. Результатом этого будет полное расстройство нашего здоровья, т.е. невозможность продолжения этого наслаждения. Предположим теперь, что будем заниматься поддержанием организма, вовсе не заботясь о вкусовых ощущениях. Нельзя сказать, чтобы, действуя таким образом, мы вполне соблюдали интересы своего организма, т.к. есть с аппетитом полезнее, чем есть без удовольствия. Но все-же наш организм может существовать при таком режиме. Следовательно, в данном случае субъективная цель в сравнении с объективной есть более зависимая, более условная, т.е. более низкая. Придя к такому выводу, видится целесообразным соподчинение этих двух целей, которое наилучше гарантирует и субъективное наслаждение, и пользу для организма. Я говорю себе: обе цели законны, но первая должна подчиняться, а вторая господствовать; будем же мы пользоваться вкусовыми наслаждениями в границах, согласных с нуждами организма. Такими же рассуждениями определиться для человека взаимное отношение субъективных и объективных целей и во всех других случаях. Всякое субъективное наслаждение получает свои правильные границы лишь при подчинении объективным целям. И это справедливо относительно не только низших, но и высших духовных наслаждений, которые можно найти в науке, искусстве, дружбе, любви. Этим наслаждениям нужно предаваться лишь в границах, которые полагаются объективными личными целями или общественными. Как высшим благом, по субъективной оценке, является счастье, так содержание объективных целей может быть обозначено общим наименованием самосохранения, личного или чужого, единичного или общественного. С субъективной точки зрения самосохранение есть средство для счастья: с объективной – счастье есть средство для самосохранения. Итак, все цели законны, но лишь в подчинении верховной цели самосохранения, т.е. в ее ограничении. Такое выражение получается для безусловного нравственного предписания, когда оно выводится из своей отрешенной отвлеченности и наполняется опытным содержанием.

Теория государства и права тесно связана с исторической наукой, которая наделяет теорию государства и права конкретным опытным материалом. Каждый исторический этап развития человеческой цивилизации дает богатый материал для общетеоретических обобщений и выводов. Без исторической науки теория государства и права превратилась бы в абстрактную, чисто умозрительную науку. Однако объективность выводов опять же зависит от определения ценностного ряда на конкретном этапе человеческого развития и расстановки приоритетов этих ценностей в государственной правовой политике.

Социология, напротив, более приближена к практике, т.к. это наука об обществе в целом, социальных процессах. Она рассматривает влияние различных социальных факторов на государ-

ство и право, которые не являются ее исключительным объектом изучения. Все государственно-правовые явления и институты отражают систему существующих общественных отношений. От них зависит эффективность функционирования государственно-правовой действительности. Именно социология предоставляет юридической науке в целом и теории государства и права, в том числе, фактологический материал, который позволяет реформировать государственно-правовые институты, совершенствовать действующее законодательство.

Политология как наука о политике, политических процессах, политических нормах и т.д. изучает политику шире, чем юридическая наука, в т.ч. политические системы мира, политические партии, политическую культуру, нормы политической этики и др. Теория же государства и права изучает государство как элемент политической системы, а право - как способ регулирования политических процессов и явлений. Обе науки изучают государство по-разному: предмет политологии составляют отношения людей по поводу власти в обществе, т.е. не только в государстве, но и в других социальных образованиях; теория государства и права рассматривает государство как публично-правовую общность, обладающую определенными признаками (суверенитетом, государственной казной, монопольным правом на принятие общеобязательных для исполнения актов и др.).

Тесная связь существует между теорией государства и права и экономической наукой, поскольку развитие государственно-правовых явлений во многом зависит от экономических факторов. Поэтому теория государства и права использует разработки экономической науки, которые позволяют глубже познать государственно-правовые явления. В частности, теория государства и права определяет пределы зависимости государства и права от экономики, способы правового управления экономической жизнью общества, активное обратное воздействие государственно-правовых явлений на экономические отношения.

Теория государства и права взаимодействует с культурологией – наукой о сущности, закономерностях существования и развития, способах постижения культуры, ее значении для человечества. Высшая ценность культуры – человек, его права и свободы. Следовательно, развитие культуры определяется отношением к свободе и достоинству человека, условиями, предоставленными ему для творческой самореализации.

Культурология изучает право как явление цивилизации. Поскольку в мире наблюдается многообразие культур, то у разных народов и стран неодинаковая правовая культура. Теория государства и права и культурология взаимно обогащают друг друга, внося определенный вклад в общую мировую культуру и в развитие права как части человеческой культуры.

Герменевтика, наука о понимании и интерпретации текстов и других явлений культуры, используется в юриспруденции для изучения юридических текстов (юридическая герменевтика).

Лишь после того, как социологическое изучение установит нам действительную природу общества, как этическое исследование дает основной принцип нравственной деятельности, а философия права покажет правовое выражение этого принципа, можно приступать и к построению политики, которая есть лишь проведение нравственно-правовых целей в данной общественной среде.

Социологические данные о природе общества и философские утверждения об основах нравственности составляют необходимые предпосылки всякой действительно обоснованной теории государства и права, т.к. только они могут служить надежным фундаментом для конструкций теоретической юриспруденции.

Список литературы:

[1] Чернявский А.Г. Правовое значение идеи суверенитета для государства и права. – М., 2020. - С. 472–508.

[2] Чернявский А.Г. Фундаментальные основы права: компаративистика в юриспруденции. – М., 2019. - С. 467.

[3] Поляков А.В. Общая теория права. – СПб., 2003. - С. 47–59.

[4] Фонд знаний «Ломоносов» / Энциклопедия. URL: http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia: 01419:article

[5] Хайдеггер М. Положение об основании. - СПб., 2000. - С. 41.

[6] Платон. Соч.: в 3 т. - М., 1971. - Ч. 1. - С. 83, 85.

[7] Аристотель. Соч.: в 4 т. - М., 1983. – Т. 4. - С. 299.

[8] Августин Аврелий. Исповедь // Одиссей. Человек в истории. 1989. - М., 1989. - С. 152.

[9] Неновски Н. Право и ценности. - М., 1987. - С. 28.

[10] Каган М.С. Философская теория ценности. - СПб., 1997. – С. 77; Давыдов Ю.Н. Макс Вебер и современная теоретическая социология. Актуальные проблемы веберовского социологического учения. - М., 1998. – С. 52.

[11] Цит. по: Лурье С.В. Историческая этнология. - М., 1998. - С. 183; Шилз Э. Общество и общества макросоциологический подход // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы. - М., 1972; Эйзенштадт Ш. Революция и

преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. - М., 1999; Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. - 1994. - № 4. - С. 21 – 25; Малиновский Б., Научная теория культуры. - М., 1999. - С. 53.

[12] Лурье С.В. Историческая этнология. - М., 1998. – С. 184. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. - М., 1999. - С. 80 и сл.; Флоренский П.А. [Автореферат] // Флоренский П.А. Собр. соч.: в 4 т. - Т. 1. - С. 39.

[13] Макаревич М.А. Ценность // Российская социологическая энциклопедия. - М., 1998. - С. 609, 610.

Spisok literatury:

[1] Chernyavskij A.G. Pravovoe znachenie idei suvereniteta dlya gosudarstva i prava. – M., 2020. - S. 472–508.

[2] Chernyavskij A.G. Fundamental'nye osnovy prava: komparativistika v yurisprudencii. – M., 2019. - S. 467.

[3] Polyakov A.V. Obshchaya teoriya prava. – SPb., 2003. - S. 47–59.

[4] Fond znanij «Lomonosov» / Enciklopediya. URL: http://lomonosov-fund.ru/enc/ru/encyclopedia: 01419:article

[5] Hajdegger M. Polozhenie ob osnovanii. - SPb., 2000. - S. 41.

[6] Platon. Soch.: v 3 t. - M., 1971. - Ch. 1. - S. 83, 85.

[7] Aristotel'. Soch.: v 4 t. - M., 1983. – T. 4. - S. 299.

[8] Avgustin Avrelij. Ispoved' // Odissej. Chelovek v istorii. 1989. - M., 1989. - S. 152.

[9] Nenovski N. Pravo i cennosti. - M., 1987. - S. 28.

[10] Kagan M.S. Filosofskaya teoriya cennosti. - SPb., 1997. – S. 77; Davydov Yu.N. Maks Veber i sovremennaya teoreticheskaya sociologiya. Aktual'nye problemy veberovskogo sociologicheskogo ucheniya. - M., 1998. – S. 52.

[11] Cit. po: Lur'e S.V. Istoricheskaya etnologiya. - M., 1998. - S. 183; Shilz E. Obshchestvo i obshchestva makrosociologicheskij podhod // Amerikanskaya sociologiya: Perspektivy, problemy, metody. - M., 1972; Ejzenshtadt Sh. Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. - M., 1999; Rakitov A.I. Novyj podhod k vzaimosvyazi istorii, informacii i kul'tury: primer Rossii // Voprosy filosofii. - 1994. - № 4. - S. 21 – 25; Malinovskij B., Nauchnaya teoriya kul'tury. - M., 1999. - S. 53.

[12] Lur'e S.V. Istoricheskaya etnologiya. - M., 1998. – S. 184. Ejzenshtadt Sh. Revolyuciya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel'noe izuchenie civilizacij. - M., 1999. - S. 80 i sl.; Florenskij P.A. [Avtoreferat] // Florenskij P.A. Sobr. soch.: v 4 t. - T. 1. - S. 39.

[13] Makarevich M.A. Cennost' // Rossijskaya sociologicheskaya enciklopediya. - M., 1998. - S. 609, 610.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,
доктор экономических наук, кандидат юридических наук,
кандидат исторических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского и трудового права,
гражданского процесса Московского
университета МВД России им. В.Я. Кикотя
e-mail:professor60@mail.ru

ИВАНОВА Юлия Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственного и
административного права Российского
технологического университета – МИРЭА
e-mail: julia-ivanova-77@yandex.ru

РАДЧЕНКО Татьяна Викторовна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры «Правовое обеспечение
национальной безопасности» Российского
технологического университета – МИРЭА
e-mail: radchenko.tv@mail.ru.

ПРИНЦИПЫ ПРАВА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

Аннотация. *Принципы права определяют общую направленность, высокое качество и эффективность правотворческой и правоприменительной, интерпретационной и правосистематизирующей практики в любом цивилизованном обществе. На сегодняшний день большое значение имеет объективное и всестороннее рассмотрение данного феномена как на общетеоретическом, так и на отраслевом уровне правоведения.*

Ключевые слова: *право, принципы права, государство, общество, правовое регулирование, мораль, правотворчество.*

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,
PhD in Law, Doctor of economics, candidate of historical,
Professor, Professor department of the civil and labor law,
civil process of the Kikot Moscow University of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

IVANOVA Yuliya Alexandrovna,
PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department
of state and administrative law Russian
technological University – MIREA

RADCHENKO Tatiana Viktorovna,
PhD in Law, associate Professor of the Department
of legal support of national security Russian
technological University – MIREA

PRINCIPLES OF LAW AND THEIR SIGNIFICANCE IN LEGAL REGULATION

Annotation. *The principles of law determine the General direction, high quality and effectiveness of law-making and law-implementing, interpretive and law-systematizing practices in any civilized society. Today, an objective and comprehensive examination of this phenomenon is of great importance, both at the General theoretical and branch level of law.*

Key words: *law, principles of law, state, society, legal regulation, morality, law-making.*

Принцип права – это основополагающая идея, исходное начало в системе правового регулирования. Следование принципам права в процессе регулирования общественной жизни обеспечивает законность, безопасность и порядок в государстве и обществе. Их отличительной чертой, выделяющей принципы права среди прочих регуляторов правопорядка, является тот факт, что они характеризуются как объективные свойства права, обусловленные социальными, экономическими и правовыми основами жизни общества, а не субъективным усмотрением законодателя. Данный признак отражает сущность принципов права – самостоятельность, универсальность, независимость от человеческого фактора. Особенно важно, что принципы права обеспечивают сохранение правового, социально-ориентированного государства.

Стоит отдельно отметить взаимосвязь принципов права и правовых норм, т.к. принципы права, являясь нравственной основой правовых норм, так или иначе зафиксированы в тексте нормативных-правовых актов либо в виде краткой формулировки принципа, либо в виде прямого указания на него. Данный признак принципов права отражает его глубокую взаимосвязь с практическим применением права, в частности с применением принципов права в осуществлении правового регулирования. Принципам права также свойственна высокая мера нормативной концентрации. Это означает, что при своей лаконичности и краткости изложения в тексте акта принципы права достаточно обширны и объемны по своему смысловому содержанию.

Немаловажным признаком принципов права является их свойство выражения прямых действий или предписаний, при условии того, что они имеют достаточно абстрактную, своеобразную форму выражения. В традиционном понимании принципы права – это лаконичное, но содержательное отражение основных правовых связей, реально существующих в правовой системе. Признаки принципов права, отражая саму суть принципов права, демонстрируют их связь с правовыми нормами, а также объясняют значимость принципов права и их непосредственное влияние на процесс правового регулирования.

Принципы права следует отличать от норм права, т.к. принципы права есть своеобразная база для построения норм права. В процессе законотворческой деятельности уполномоченные лица обязаны опираться на принципы права, т.к. именно они определяют векторы и построения и применения правовой нормы. Однако, находясь в тесной взаимосвязи, обе указанные категории обладают рядом уникальных признаков, и, исходя из этого, рационально провести сравнительную характеристику принципов права и норм права, с целью выявления степени их воздействия и значения в механизме правового регулирования.

Интересным является и то, что: во-первых, принципы права, будучи основой правовой материи, являются фундаментальной опорой для создания нормы права [1], тем самым осуществляя непосредственное участие в формировании всей системы права. А нормы права, в свою очередь, предстают в виде общеобязательных формально-закрепленных правил поведения, базирующихся на принципах права; во-вторых, не менее важное отличие принципов права от норм права заключается в неформальном характере первых, они освобождены от конкретики и частностей, их толкование во многом зависит от правоприменителя, тогда как нормы права строго фиксируются в нормативных-правовых актах, имеют определенную форму, что, в свою очередь, обеспечивает их защищенность от неверного истолкования. В третьих, принципы права характеризуют обобщенные модели поведения, не обозначая конкретных прав и обязанностей субъектов права. Они обладают некоторой смысловой гибкостью, не осуществляя при этом непосредственного регулирования поведения человека в обществе, в то время как нормы права, наоборот, являются прямым регулятором поведения, обеспечивая тем самым законность, порядок и стабильность в обществе.

Для принципов права не характерно наличие механизма регулирования, однако принципы являются непосредственным отражением существующей в обществе системы ценностей, что также подчеркивает их значимость для процесса правового регулирования. Данное свойство отличает принципы права от норм права: нормы права, зависимые от принципов, отражают общественную систему ценностей не косвенно, а напрямую, через способы правого регулирования.

Немаловажный отличительный критерий, позволяющий сопоставить категорию принципов права с нормами права, - их применение в процессе решения конкретных дел. Так, например, принципы права применяются при условии наличия пробелов в законодательстве и очевидной целесообразности применения к конкретной ситуации аналогии закона. В то время как норма права выступает в роли некоей основы при решении дела, на которую и опирается лицо, уполномоченное осуществлять правосудие по конкретному делу.

Хотелось бы отметить, что принципы права, опираясь на некоторые руководящие идеи, устанавливают общее правило поведения, не содержат при этом всей совокупности таких элементов правовой нормы, как гипотеза, диспозиция и санкция. Отдельно стоит отметить, что с помощью

принципа невозможно всестороннее урегулирование конкретного спора между субъектами права, т.к. он не содержит конкретизированных правил поведения или условий применения юридической ответственности.

Особо важную роль в процессе правового регулирования играют моральные установки (например, правомерное юридическое решение вопросов об оскорблении, мелком хулиганстве или других правонарушений во многом зависит от совокупного учета моральных норм и принципов права, действующих в конкретной правовой системе). Мораль помогает разграничивать поступки с позиции добра и зла, справедливости и несправедливости, честности, благородства, совести и прочих нравственных критериев.

Соотношение между правовыми принципами и нормами морали весьма не простые. Специфика их соотношения заключается в том, что некоторые нравственные нормы могут буквально становиться правовыми принципами, а принципы, в свою очередь, наполняются этическим содержанием. В современном праве очевиден факт возникновения новых юридических принципов или установок, однако это отнюдь не говорит о некотором ущемлении морали правовыми принципами. Напротив, подобные факты свидетельствуют о значимости нравственных начал, об их непреклонном воздействии на правовые основы.

Хотелось бы отметить, что правоведы выделяют ряд видов методов правового регулирования, призванных обеспечивать порядок и стабильность в обществе. К ним относят императивный (авторитарный) метод, предполагающий установление дозволения или запрета с целью обеспечения реализации государственного принуждения в требующих этого обстоятельствах. Диспозитивный (автономный) метод обеспечивает равенство сторон правоотношений, гарантируя соответствие прав и обязанностей субъектов, заключивших соглашение, действующему законодательству.

Для осуществления правового регулирования различных правоотношений и процессов в обществе и государстве используются различные способы. Способы правового регулирования – это комплекс специфических юридических средств организации общественного порядка и контроля за правомерностью действий субъектов правоотношений. Выделяют три основных способа правого регулирования – это дозволение, обязывание и запрет [2]. Помимо основных, существуют также дополнительные способы правового регулирования: поощрение и рекомендации.

Эффективность механизма правового регулирования – это соотношение результата правового регулирования и цели, стоящей перед ним. Утверждать, что механизм правового регулирования достаточно эффективен, можно при условии, что установлен факт реализации норм права в правомерном поведении субъектов права. Лишь при условии соотношения реализуемых норм права с требованиями нравственности можно говорить о том, что правовое регулирование достаточно результативно [3].

Критерии, определяющие эффективность механизма правового регулирования, дифференцируются на специальные и общие.

Качество и результативность внутренних связей всего механизма правового регулирования отражают общесистемные критерии. К ним можно отнести:

- устойчивость и стабильность системы правового регулирования;
- мобильность, некоторую гибкость системы правового регулирования; - степень самообеспечения системы правового регулирования;
- непротиворечивость системы правового регулирования;
- отсутствие пробелов, полноту системы правового регулирования.

Специальные критерии выражаются в качественных показателях отдельных элементов правового регулирования. Для определения качества отдельных элементов немаловажную роль играет их соответствие основополагающим принципам права. К специальным критериям, определяющим меру эффективности механизма правового регулирования, можно отнести качество нормы прав, качество акта реализации и акта применения.

Важнейшим критерием определения эффективности меры правового регулирования является соответствие проводимых регулятивных мероприятий основополагающим принципам права. Именно из принципов права вытекают прочие критерии определения результативности правового регулирования. Все прочие параметры оценивания базируются именно на принципах права, опираясь на основные положения и идеи, сформулированные в виде принципов права. Рассматривая такой вид критериев, как специальные, выделяются более частные группы, характеризующие эффективность конкретного элемента механизма правового регулирования.

Рассмотрим критерии определения эффективности правового регулирования на примере нормы права, выступающей основным прямым регулятором общественных правоотношений: норма права должна быть выражена лаконично, доступным и грамотным языком изложения. При формулировании нормы права должен быть выдержан определенный стиль изложения, а также соблюдена структурная целостность нормы права; в норме права должна прослеживаться полнота выражения юридической нормы; при соз-

дании определенной нормы права необходимо соблюдение принципа оптимальности применения того или иного комплекса средств правового регулирования.

Данные критерии, определяющие качество нормы права, отражают тесную взаимосвязь принципов права и механизма правового регулирования, подтверждая важность соблюдения принципов права всеми субъектами правоотношений. Критерии качества нормы права в сочетании с воплощением принципов права образуют эффективную систему, позволяющую системно и результативно регулировать деятельность всех субъектов права.

Помимо критериев качества нормы права, выделяется группа критериев качества акта реализации и акта применения. Данные правоведческие категории также тесно связаны с принципами права, ведь только в совокупности всех перечисленных принципов и критериев возможно осуществление эффективного правового регулирования.

Выделяют следующие критерии качества акта реализации:

- стабильность и устойчивость;
- целесообразность дефиниции, определяемой актом;
- разумность и рациональность;
- ясность изложения.

В качестве критериев, определяющих результативность акта применения, выделяют его рациональность, реализуемость на практике и адекватность.

Таким образом, принципы права являются базовым показателем для определения рациональности и эффективности той или иной правовой категории, на которой построен механизм правового регулирования.

Анализируя проблему эффективности правового регулирования, можно выделить несколько основных путей повышения результативности правового регулирования:

ликвидация пробелов в действующем законодательстве управомоченными на это субъектами права при условии сохранения в нормативно-правовых актах отражения основных принципов права;

усовершенствование и модификация правотворческого процесса с опорой на основные принципы права и положения юридической техники, с целью установления наиболее точного соответствия норм права существующим и постоянно развивающимся интересам различных субъектов правоотношений;

модернизация правоприменительного процесса, создание наиболее точно сформулированных актов правоприменения с целью обеспечения стабильности и необходимой единообразности в вопросе регулирования общественных отношений.

Недостаточная эффективность механизма регулирования общественных правоотношений объясняется невниманием субъектов права, осуществляющих правовое регулирование, к основополагающим принципам права. Только при условии соответствия комплекса регулятивных мероприятий основным принципам права возможно сохранение и дальнейшее развитие различных институтов правового государства.

Все принципы права тесно связаны между собой и дополняют друг друга, образуя тем самым специфический механизм, призванный унифицировать процесс правового регулирования, свести его к своеобразным правовым стандартам. Это обусловлено необходимостью осуществления своевременного и качественного контроля деятельности субъектов правоотношений с целью сохранения порядка и стабильности в государстве и обществе.

Принципы права, являясь базовой категорией, определяющей существование и развитие правового государства, условно классифицируются на группы. Выделяют общеправовые принципы, действие которых распространяется на все без исключения отрасли права, а также межотраслевые и отраслевые принципы, призванные детализировать и уточнять значение общих принципов. Принципы права обладают совокупностью признаков, отражающих саму суть принципов права, демонстрирующих связь принципов права и правовых норм, а также объясняющих значимость принципов права и их непосредственное влияние на процесс правового регулирования.

Рассматривая проблему эффективности правового регулирования, можно прийти к выводу, что важнейшим критерием определения эффективности меры правового регулирования является соответствие проводимых регулятивных мероприятий основополагающим принципам права. Именно из принципов права вытекают прочие критерии определения результативности правового регулирования. Все прочие параметры оценивания базируются именно на принципах права, опираясь на основные положения и идеи, сформулированные в виде принципов права. Недостаточная эффективность механизма регулирования общественных правоотношений объясняется, в первую очередь, невниманием субъектов права, осуществляющих правовое регулирование, к основополагающим принципам права. Только при условии соответствия комплекса регулятивных мероприятий основным принципам права воз-

можно сохранение и дальнейшее развитие различных институтов правового государства.

Деятельность субъектов права, уполномоченных осуществлять регулирование общественных отношений, базирующаяся на основополагающих принципах права, безусловно, позволяет обеспечивать сохранность ценностей права. Принципы права, отражая вектор правового регулирования, позволяют сохранять законность и обеспечивать правопорядок во всех сферах общественной жизни, что, несомненно, является одной из важнейших ценностей правового государства.

Список литературы:

[1] Чернобель Г.Т. Правовые принципы как идеологическая парадигма // Журнал росс. права. - 2010. - № 1. - С. 84–94.

[2] Головистикова А.Н., Дмитриев Ю.А. Проблемы теории государства и права: учеб. – М.: ЭКСМО, 2005. - 649 с.

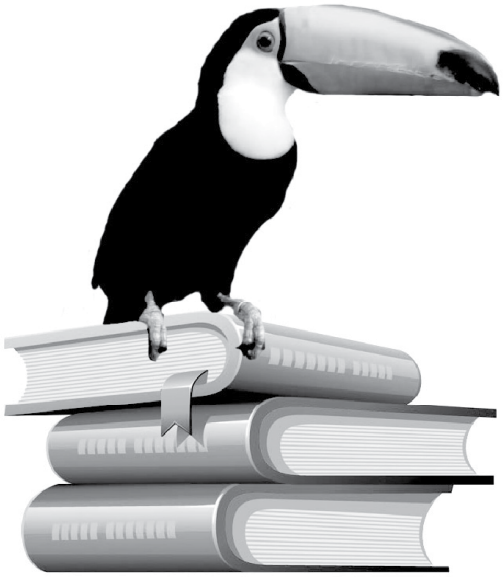
[3] Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования. - Красноярск, 2006.

Spisok literatury:

[1] Chernobel' G.T. Pravovye principy kak ideologicheskaya paradigma // Zhurnal ross. prava. - 2010. - № 1. - S. 84–94.

[2] Golovistikova A.N., Dmitriev Yu.A. Problemy teorii gosudarstva i prava: ucheb. – M.: EKSMO, 2005. - 649 s.

[3] Abramova A.A. Effektivnost' mekhanizma pravovogo regulirovaniya. - Krasnoyarsk, 2006.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ЛАНГ Петр Петрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и
арбитражного процесса ФГБОУ ВО
«Самарский государственный экономический университет»
e-mail: petr.lang@mail.ru

ЦЕННОСТЬ ДОКТРИНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Актуальность определяется необходимостью аксиологической оценки доктринальной правовой деятельности, обоснованием значения гуманистических ценностей в правовой доктрине.*

Цели: *обосновать необходимость отражения общезначимых ценностей гуманизма в совокупности (личность, семья, общество) в доктринальной правовой деятельности; сформулировать стадии этой деятельности, показать их внутреннюю ценностную связь.*

Методы: *диалектический метод позволил рассмотреть в единстве и взаимодействии ценности личности, общества и их возможное воплощение в доктринальной правовой деятельности как условие ее жизненности и необходимости в современных условиях. Общенаучный метод анализа позволил рассмотреть и дифференцировать различные группы ценностей, дифференцировать доктринальную правовую деятельность на стадии.*

Основные научные результаты: *показано универсальное значение ценностей как основания доктринальной правовой деятельности; представлена классификация стадий доктринальной правовой деятельности; предложена классификация ценностей, отражающихся в доктринальной правовой деятельности; представлено соотношение (схема) аксиологии доктринальной правовой деятельности и закрепленных (юридически защищенных) социальных ценностей.*

Практическое значение: *утверждается значение ценностей правовой доктрины как условия практической деятельности юриста.*

Ключевые слова: *правовая доктрина, доктринальная деятельность, ценность, ценности гуманизма, классификация ценностей, правовая деятельность, права человека, личность, семья, общество.*

LANG Pyotr Petrovich,
PhD in Law, associate Professor,
Department of civil and arbitration process
of the Samara state University of Economics, Samara

VALUE OF DOCTRINAL LEGAL ACTIVITY

Annotation. *The relevance is determined by the need for an axiological assessment of doctrinal legal activity, the basis of the value of humanistic values in the legal doctrine.*

Objectives: *to justify the need to reflect the universal values of humanism in the aggregate (individual, family, society) in the doctrinal legal activity; to formulate the stages of this activity, to show their internal value relationship.*

Methods: *the dialectical method allowed us to consider the unity and interaction of the values of the individual and society and their possible implementation in doctrinal legal activity as a condition for its vitality and necessity in modern conditions. The General scientific method of analysis allowed us to consider and differentiate various groups of values, to differentiate doctrinal legal activity at the stage.*

Main scientific results: *the results showed universal values as the Foundation of doctrinal legal activity; the classification of stages of doctrinal legal activity; the classification of values, reflected in the doctrinal legal activities; the relations (scheme) axiology doctrinal legal work and secured (legally protected) social values.*

Practical significance: *the value of the values of the legal doctrine as a condition for the practical activity of a lawyer is confirmed.*

Key words: *legal doctrine, doctrinal activity, value, values of humanism, classification of values, legal activity, human rights, personality, family, society.*

Возникновение и развитие правовой доктрины исторически имело специфику в различных государствах, и она играла неодинаковую роль. В частности, ключевым для юристов по-прежнему является вопрос о формально-юридическом значении правовой доктрины: в одних странах она официально признается источником права, в других – нет.

К числу возможных причин относятся сложный и многоаспектный характер явлений, подразумеваемых учеными под «правовой доктриной», а также неоднозначность общего термина «доктрина», который предполагает разное понимание в юридических, социально-гуманитарных и философских науках.

Как отмечает Т.Я. Хабриева, «в самом общем виде доктрину характеризуют как авторитетное мнение ученых, выраженное в форме принципов, теорий, концепций». Однако автор подчеркивает, что возможно и более широкое понимание доктрины, когда научные знания, имплементированные в практику, становятся базовыми началами правовой политики государства в разных сферах. В дальнейшем под влиянием новых потребностей и запросов общественной практики правовая доктрина совершенствуется и ставит новые проблемы, задачи развития правовой системы общества, предлагает пути их разрешения, в ходе которых «…она оттачивается в трудах ученых» [19, с. 34].

Другие исследователи считают, что предложенный путь в большей степени характерен для роли правовой доктрины в странах романо-германского права. С точки зрения М.Н. Марченко, значительными особенностями отличается подход к пониманию правовой доктрины в англосаксонском праве, поскольку здесь право генетически творилось из жизненной практики в деятельности судов с опорой на традиции и соображения разума, общие принципы обеспечения порядка и справедливости. Поэтому исторически в данной правовой семье научная доктрина развивалась эволюционно и в меньшей степени, чем на континенте. Хрестоматийный пример: ссылки в практике Высокого Суда Англии на знаменитый четырехтомный труд У. Блекстона «Комментарии к законам Англии» (1765–1769). Более того, с конца XIX – начала XX в. в судебной практике Великобритании, США и других стран наряду с мнением отдельных выдающихся правоведов на первый план вышли концептуально разработанные учения академического (университетского) сообщества и практического корпуса юристов [9, с. 605 - 610].

Наконец, содержательный плюрализм присущ древнейшей доктрине иудейского религиозного права, где, по мнению З. Фалька, и сегодня мы можем обнаружить как ссылки на труды самых ранних богословов, авторитетно бравших на себя законодательные и правоприменительные функции в период зарождения еврейского права, так и позиции современных иудейских академических течений, и вообще просто раввинские традиции и жизненные взгляды на интерпретацию Талмуда и других источников [1, p. 30].

Весьма важно осмысление правовой доктрины в современных условиях, векторов ее развития с позиций ценностей гуманизма. Изучение различных аспектов правовой доктрины достаточно широко представлено в научной литературе [4; 12]. Различны правовые доктрины в зависимости от мировоззренческих, ценностных оснований, что позволяет выделять естественно-правовые доктрины, позитивистские. Так, по мнению В.М. Сырыха, «позитивистская доктрина права является эмпирической наукой и не может дать научного определения права. Доктрина имеет ряд противоречий. На критические замечания других правовых теорий не отвечает. Не способная раскрыть закономерности права, позитивистская доктрина занимается апологией политической и правовой практики» [18, с. 38]. Ценностные основания права, значение доктринальной формы правовой политики как способа и формы создания условий для развития права, ориентированного на защиту прав и свобод личности, гражданского общества как саморегулирующейся системы, обеспечивающей потребность в справедливом праве, актуальность самого института прав человека, также анализируется в отечественных исследованиях, причем учитываются факторы общесоциального порядка: риски и вызовы современности [11; 14; 15; 16; 20; 21]. В научный оборот вводятся новые формы доктринального понимания. Как правильно отмечает В.В. Лазарев, «имплементация судебных решений в законодательство как особого рода доктрина в науке не обозначалась. Во-первых, потому, что понятие имплементации введено в научный оборот не так давно. Во-вторых, используется оно преимущественно в международном праве и на уровень общей теории только начинает выходить. В-третьих, целостное представление о данном явлении еще предстоит создать» [7, с. 6].

Доктрина охватывает широкий круг общественных отношений в многообразных сферах социальной жизни, среди которых правовая доктрина относится к сфере правового регулирования и в целом правовой реальности. Она всегда имеет внешние формы своей объективации, поэтому есть все основания говорить именно о доктринально-правовой деятельности.

Доктринально-правовая деятельность, по нашему мнению, обладает всеми признаками и

свойствами, присущими иным разновидностям правовой деятельности. Следует выделить следующие стадии осуществления доктринально-правовой деятельности:

1) анализ социальных факторов и условий формирования правовой доктрины;

2) разработка концептуально-теоретического базиса правовой доктрины (идей, взглядов, положений, тезисов и др. компонентов);

3) практическая апробация и легитимация сложившейся правовой доктрины;

4) анализ и систематизация результатов применения правовой доктрины на практике;

5) развитие теории правовой доктрины и корректировка практических принципов её реализации (легализации, трансформации, прекращения использования и т.д.).

Все названные стадии доктринально-правовой деятельности в современной российской юридической науке пока не исследованы в полной мере и требуют основательного системного подхода в изучении. Доктринально-правовая деятельность имеет собственные аксиологические и мировоззренческие основания. Они представляют собой два основных крупных сегмента, которые определяют внутреннее построение правовой доктрины. Каждый сегмент (ценностный или мировоззренческий) является сложным и включает в состав множество отдельных элементов. На первый взгляд, данные сегменты слишком разнородны и относятся к разным бытийным уровням права, но они сопровождают процесс юридического познания на всем протяжении и имеют регулятивное методологическое значение.

Предложенные нами стадии доктринально-правовой деятельности имеют внутреннюю ценностную связь. Первая стадия, состоящая в анализе социальных факторов и условий формирования правовой доктрины предполагает соотнесение основных ценностей человека и социума, вне которых правовая доктрина вряд ли окажется жизненной, необходимой людям. Вторая стадия – разработка концептуально-теоретического базиса правовой доктрины, сформированная на основе ценностей, не проявляет себя вне третьей стадии, состоящей из практической апробации и легитимации сложившейся правовой доктрины. Безусловно, требуется анализ и систематизация результатов применения правовой доктрины на практике (четвертая стадия). На пятой стадии – развитие теории правовой доктрины и корректировка практических принципов её реализации – происходит окончательное ценностное самоопределение субъектов осуществления доктринально-правовой деятельности, определение векторов развития доктрины и ее корректировка.

Следует подчеркнуть, что внутренняя аксиологическая связь стадий доктринально-правовой деятельности позволяет констатировать ценность самой доктринальной деятельности в сфере права. Обращение к ценностям, их классификация есть неизбежное условие осмысления доктринально-правовой деятельности.

А.Н. Бабенко отмечает, что по содержанию выделяются «абсолютные правовые ценности, или ценности-цели, имеющие общее для всех наивысшее значение; правовые ценности среднего уровня, определяющие степень развития и тип правовой культуры общества и личности, а также инструментальные правовые ценности, используемые для урегулирования и построения конкретных правоотношений и предполагающие защиту иных типов ценностей» [2, с. 12].

Ценности можно трактовать как «ближайший» мир права для человека, который выступает в роли непосредственного практического основания генезиса и развития правовой доктрины. Это связано с тем, что ценность – до-понятийное, до-теоретическое, до-рефлексивное отношение к действительности. История развития правовой доктрины свидетельствует, что человек имеет дело с разными типами и видами ценностей, из которых выделим следующие.

Первый тип ценностей – абсолютные или общезначимые. Такие устойчивые образования в сознании человека аккумулируют опыт предшествующих поколений и структурируются в традициях. Вследствие этого они выступают в качестве «вневременных» и постигаются в ходе воспитания, образования и действия иных механизмов социализации. К ним относятся чаще всего большинство нравственных ценностей, а также ценностей, отражающих правовую защиту человека (несовершеннолетних), семьи, социума в конкретно-исторических условиях [6; 10; 13; 17]. Именно эти ценности определяют подходы и принципы осуществления доктринальной правовой деятельности и правовой политики в этой области.

Второй тип ценностей – относительные, связанные с конкретным «опредмеченным» бытием человека в настоящем. Они также связаны с механизмами культурного воспроизводства и обучения, но, во-первых, ценностью здесь провозглашается уже повседневное явление или реально существующий объект. Во-вторых, его личностное восприятие в зависимости от ситуации может отличаться у разных людей, а также воплощается в актах оценивания и ценностных отношениях. Например, развитие информационно-коммуникационной среды, цифровых технологий есть процессы объективные и вероятно неизбежные для современного общества и человека.

Третий тип ценностей – коммуникативные, связанные с современными постнеклассическими подходами к научному познанию, где ценностью провозглашается не только и не столько материальный объект правовой реальности, но и «Другой» субъект, с которым человек взаимодействует в целях достижения понимания в правовом общении. Правовое общение, правовая коммуникация, правовое просвещение есть взаимосвязанные аспекты правовой деятельности, которые невозможны вне доктринального осмысления происходящих изменений в праве, а также изменений в обществе, на которые право не может не реагировать, как нормативно, так и концептуально.

Аксиология доктринальной правовой деятельности не совпадает полностью с многоуровневой системой легитимно разделяемых и легально закрепленных (юридически защищенных) социальных ценностей, а может выступать по отношению к ним в нескольких теоретических проекциях:

1) исходного основания их моделирования, конструирования;

2) модели преобразования их социального смысла и юридического содержания (конституционная, традиционная, цифровая и др.);

3) инструмента управления социальными ценностями (внедрения их в правовоспитательную практику, установления оптимального соотношения, разрешения конфликта ценностей и др.).

Например, А.А. Зозуля в качестве функций, раскрывающих потенциал юридической доктрины, выделяет следующие: «стабилизирующая, направляющая, эвристическая, нормообразующая, оценочная и прогностическая» [5, с. 11]. Очевидно, что все названные функции связаны с деятельностью по развитию правовой доктрины.

В диссертации Д.Ю. Любитенко отмечены следующие направления влияния правовых доктрин на законодательство и правовую систему: «регулятивная функция, прогностическая, функция легитимации, аргументативная (обосновательная), функция правового воспитания личности и толкования (интерпретации) права» [8, с. 7]. Влияние правовой доктрины на нормативную организацию общества – практика ее применения.

А.Р. Гильммуллин проявлениями правовой доктрины считает такие её функции, как «прогностическая, оценочная, регулятивная, мировоззренческая и идеологическая, методологическая» [3, с. 12].

Вместе с тем не всегда за конкретной функцией правовой доктрины явно просматривается та или иная социальная ценность. Чаще всего ценности имманентно присущи отдельным правовым явлениям. Более того, некоторые из них могут характеризовать одну функцию правовой доктрины, а одна ценность может обеспечиваться выполнением нескольких функций доктрины. Для раскрытия структурно-функциональных связей правовой доктрины и социальных ценностей требуется их комплементарный анализ и проведение сравнения с целью определения степени их сходства и сопоставимости. Как представляется, собственная ценность правовой доктрины (посредством её функций) выявляется в точке пересечения, сопоставимости социальных ценностей и обслуживающей их доктрины.

Из предложенной концептуальной схемы следует, что данные точки взаимосвязи доктрины и ценностей могут рассматриваться как своеобразные ценностные параметры правовой доктрины, характеризующие аксиологические основания доктринально-правовой деятельности.

Список литературы:

[1] Falk Z. Jewish Law // Introduction to legal Systems / ed. by J. Derrett. L., 1983. - P. 30.

[2] Бабенко А.Н. Правовые ценности и освоение их личностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. - М., 2002. – 46 с.

[3] Гильмуллин А.Р. Проявление правовой доктрины в механизме Российского государства: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. - Казань, 2018. – 32 с.

[4] Доктрина права: понятие, сущность, национальные особенности / Пузиков Р.В., Зелински Я. и др. - Тамбов, 2016. – 300 с.

[5] Зозуля А.А. Доктрина в современном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. – СПб., 2006. – 31 с.

[6] Зыбуновская Н.В. Ценность семьи в массовом сознании россиян (социологический анализ) // Социология власти. - 2012. - № 1. - С. 66–72.

[7] Лазарев В.В. Доктрина имплементации решений судебных органов в законодательство // Журнал росс. права. - 2019. - № 7. - С. 5–16.

[8] Любитенко Д.Ю. Правовая доктрина Конституционного Суда Российской Федерации: общетеоретический аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01. - Волгоград, 2011. – 23 с.

[9] Марченко М.Н. Источники права: учеб. пособие. - М., 2005. – 759 с.

[10] Нарутто С.В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. - 2017. - № 5. - С. 21–30.

[11] Общество: пространство, риски, ценности: кол. монография / Устьянцев В.Б., Гобозов И.А., Пигров К.С. и др. - Саратов, 2012. – 268 с.

[12] Полянский Д.А., Пузиков Р.В. Правовая доктрина как особое правовое явление // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. - 2013. - № 11 (127). - С. 328–337.

[13] Ростова О.С. Конституционно-правовая защита института семьи: история вопроса // Право. Законодательство. Личность. - 2013. - № 2 (17). - С. 17–19.

[14] Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: вопросы теории: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. - Саратов, 2005. – 41 с.

[15] Рыбаков О.Ю. Правовая политика как научная теория в юридических исследованиях // Право. Законодательство. Личность. - 2010. - № 2 (9). - С. 107–110.

[16] Рыбаков О.Ю. Стратегия правовой политики России // Юридическое образование и наука. - 2015. - № 1. - С. 30–33.

[17] Рыбакова О.С. Безопасность ребенка в контексте конституционных ценностей Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. - 2020. - Т. 15. - № 3 (112). - С. 103–111.

[18] Сырых В.М. Застарелые недуги позитивистской доктрины права // Право и государство. - 2014. - № 2 (63). - С. 38–44.

[19] Хабриева Т.Я. Доктринальное значение российской Конституции // Журнал росс. права. - 2009. - № 2 (146).

[20] Чернявский А.Г., Грудцына Л.Ю. Права человека в России: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки (специальности) «Юриспруденция». - М.: Юстиция, 2019. – 460 с.

[21] Чернявский А.Г., Грудцына Л.Ю., Пашенцев Д.А. Государство. Гражданское общество. Право. - Москва, 2018. Сер.: Научная мысль. - М.: ИНФРА-М, 2018. - 342 с.

Spisok literatury:

[1] Falk Z. Jewish Law // Introduction to legal Systems / ed. by J. Derrett. L., 1983. - P. 30.

[2] Babenko A.N. Pravovye cennosti i osvoenie ih lichnost'yu: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. - M., 2002. – 46 s.

[3] Gil'mullin A.R. Proyavlenie pravovoj doktriny v mekhanizme Rossijskogo gosudarstva: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.01. - Kazan', 2018. – 32 s.

[4] Doktrina prava: ponyatie, sushchnost', nacional'nye osobennosti / Puzikov R.V., Zelinski Ya. i dr. - Tambov, 2016. – 300 s.

[5] Zozulya A.A. Doktrina v sovremennom prave: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.01. – SPb., 2006. – 31 s.

[6] Zybunovskaya N.V. Cennost' sem'i v massovom soznanii rossiyan (sociologicheskij analiz) // Sociologiya vlasti. - 2012. - № 1. - S. 66–72.

[7] Lazarev V.V. Doktrina implementacii reshenij sudebnyh organov v zakonodatel'stvo // Zhurnal ross. prava. - 2019. - № 7. - S. 5–16.

[8] Lyubitenko D.Yu. Pravovaya doktrina Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: obshcheteoreticheskij aspekt: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.01. - Volgograd, 2011. – 23 s.

[9] Marchenko M.N. Istochniki prava: ucheb. posobie. - M., 2005. – 759 c.

[10] Narutto S.V. Sem'ya kak konstitucionnaya cennost' // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. - 2017. - № 5. - S. 21–30.

[11] Obshchestvo: prostranstvo, riski, cennosti: kol. monografiya / Ust'yancev V.B., Gobozov I.A., Pigrov K.S. i dr. - Saratov, 2012. – 268 s.

[12] Polyanskij D.A., Puzikov R.V. Pravovaya doktrina kak osoboe pravovoe yavlenie // Vestnik Tambovskogo un-ta. Seriya: Gumanitarnye nauki. - 2013. - № 11 (127). - S. 328–337.

[13] Rostova O.S. Konstitucionno-pravovaya zashchita instituta sem'i: istoriya voprosa // Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost'. - 2013. - № 2 (17). - S. 17–19.

[14] Rybakov O.Yu. Rossijskaya pravovaya politika v sfere zashchity prav i svobod lichnosti: voprosy teorii: avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. - Saratov, 2005. – 41 s.

[15] Rybakov O.Yu. Pravovaya politika kak nauchnaya teoriya v yuridicheskih issledovaniyah // Pravo. Zakonodatel'stvo. Lichnost'. - 2010. - № 2 (9). - S. 107–110.

[16] Rybakov O.Yu. Strategiya pravovoj politiki Rossii // Yuridicheskoe obrazovanie i nauka. - 2015. - № 1. - S. 30–33.

[17] Rybakova O.S. Bezopasnost' rebenka v kontekste konstitucionnyh cennostej Rossijskoj Federacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. - 2020. - T. 15. - № 3 (112). - S. 103–111.

[18] Syryh V.M. Zastarelye nedugi pozitivistskoj doktriny prava // Pravo i gosudarstvo. - 2014. - № 2 (63). - S. 38–44.

[19] Habrieva T.Ya. Doktrinal'noe znachenie rossijskoj Konstitucii // Zhurnal ross. prava. - 2009. - № 2 (146).

[20] Chernyavskij A.G., Grudcyna L.Yu. Prava cheloveka v Rossii: uchebnik dlya studentov, obuchayushchihsya po napravleniyu podgotovki (special'nosti) «Yurisprudenciya». - M.: Yusticiya, 2019. – 460 s.

[21] Chernyavskij A.G., Grudcyna L.Yu., Pashencev D.A. Gosudarstvo. Grazhdanskoe obshchestvo. Pravo. - Moskva, 2018. Ser.: Nauchnaya mysl'. - M.: INFRA-M, 2018. - 342 s.

СЕДОЙ Илья Сергеевич,
начальник отделения по борьбе
с имущественными преступлениями
ОУР МУ МВД России «Люберецкое», майор полиции,
e-mail: mail@law-books.ru

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РОССИИ

Аннотация. *Роль правоохранительных органов в обеспечении прав и свобод человека и гражданина является правореализационной и правозащитительной, а человек, как элемент социального общества доминирует в рамках охраны его прав и свобод, по крайне мере в правовом и демократическом государстве. В статье автор делает вывод о том, что в аспекте исследования роли и места правоохранительных органов в системе решения задач государства имеет высокое теоретическое значение вопрос о правильном или ложном правопонимании, конституционном правопонимании осуществления профессиональных компетенций должностными лицами исследуемых органов. Этот вопрос имеет существенное значение, поскольку исключение ложного правопонимания при осуществлении профессиональных функции дает возможность правильно ориентировать правоохранительные органы на выполнение задач, поставленных перед ними государством.*

Ключевые слова: *правоохранительные органы, права человека, конституция, преступление, государство, закон, собственность.*

SEDOY Ilya Sergeevich,
Head of the Department for Combating Property Crimes
of the Ministry of Internal Affairs of Russia “Lyuberetskoye,
” police major

CONSTITUTIONAL AND LEGAL MECHANISM FOR THE ORGANIZATION AND ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN RUSSIA

Annotation. *The role of law enforcement agencies in safeguarding human and civil rights and freedoms is rightful and human rights-based, and a person, as an element of social society, dominates the protection of his rights and freedoms, at least in a legal and democratic State. In the article, the author concludes that in the aspect of the study of the role and place of law enforcement agencies in the system of solving State tasks, the question of correct or false legal understanding, constitutional understanding of the exercise of professional competencies by officials of the investigated bodies is of high theoretical importance. This issue is essential, since the exclusion of false legal understanding in the exercise of professional functions makes it possible to correctly direct law enforcement agencies to fulfill the tasks assigned to them by the State.*

Key words: *law enforcement agencies, human rights, constitution, crime, state, law, property.*

Любые указания вышестоящих органов, данные сотрудникам правоохранительных ведомств – приказы и прочее не должны противоречить Конституции Российской Федерации, а установление единства и системной взаимосвязанности учредительных положений и норм текущего законодательства является одной из важнейших задач формирования конституционно-правового механизма организации и деятельности правоохранительных органов в Российской Федерации [2].

По данным Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД Российской Федерации за 2019 год «умеренная эффективность» работы подразделений органов внутренних дел, занимающихся вопросами противодействия преступлениям, совершаемым в сфере экономики наблюдается в части проведения непосредственной работы по противодействию легализации преступных доходов. Дело в том, что значительная часть преступных доходов, получаемых в России, легализуется в зарубежных странах, а вывод финансовых активов происходит посредством использования сложных схем, с использованием информационных средств коммуникации. К такой преступной деятельности

привлекаются лица, профессионально занимающиеся выводом финансовых средств из одной страны в другую. Нерегулярная отработка лиц – заказчиков криминальных услуг по незаконному отмыванию финансовых средств[1] еще является проблемой, требующей эффективных мер по ее разрешению. Это и многое другое обусловливает одну из передовых ролей органов внутренних дел по обеспечению экономической безопасности общества и государства от преступных проявлений внутреннего и внешнего характеров. При этом следует согласиться с Р.Е. Лабоцкой в том, что в плане воздействия государства в экономические процессы, необходим баланс государственных прав и интересов субъектов экономической деятельности, с целью недопущения избыточного, непропорционального вмешательства правоохранительных органов в дела индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, поскольку такое вмешательство может стимулировать коррупционные проявления [3]. Вместе с тем, принимая во внимание положения ст. 8 Конституции Российской Федерации, роль правоохранительных органов в обеспечении экономической функции государства состоит в том, что при всех гарантиях свободы перемещения финансовых средств, товаров и услуг, исследуемые органы в оперативном режиме защищали различные формы собственности [6].

Именно принцип оперативности вмешательства правоохранительных органов в незаконную деятельность организаций – субъектов экономической деятельности на стадии приготовления к преступлению способствует сохранению имущества, принадлежащего государству, органам местного самоуправления, юридическим лицам и гражданам [3]. Р.Е. Жихорева отмечает, что существенной особенностью развития организационно-правовых форм защиты предпринимательства на современном этапе является повышение роли общественных форм защиты – Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, уполномоченных в субъектах федерации, советов предпринимателей, общественных организаций по защите прав предпринимателей [8].

Не оспаривая важность участия общественности и институтов гражданского общества в деле обеспечения экономической функции государства, способствования разрешению споров экономической направленности, следует ответить, что институт уполномоченного по защите прав предпринимателей еще не доказал свою эффективность, поскольку активность данного института выражается, прежде всего, в консультационно-вспомогательных действиях, даче заключений, подаче исков – реже, чаще вступление в дело в качестве третьего лица не заявляющего самостоятельные требования (ст. 53.1 АПК РФ), проведении научно-консультативных мероприятий, семинаров, конференций, кругах столов и проч. [14]. У таких омбудсменских институтов, быть может за исключением финансового уполномоченного, недостаточно реальных юридических инструментов для разрешения споров [7]. Можно сколько угодно принимать обращения от субъектов экономической деятельности и давать экспертные заключения по возникшим спорам, но так и не добиться эффективной защиты субъектов экономической деятельности. Большинство уполномоченных по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации публично заявляют, что при их поддержке в арбитражных судах были разрешены спорные ситуации, однако, во-первых, такие заявления следует рассматривать как популистские, поскольку только суд имеет право вынести решение или постановить приговор; во-вторых, по каким критериям омбудсмены в области защиты прав предпринимателей отбирают поступившие к ним обращения? Если скажем в экономическом споре задействованы органы государственной власти с одной стороны и индивидуальный предприниматель с другой, то какую сторону должен принять омбудсмен? Ведь уполномоченный по защите прав предпринимателей и его аппарат являются государственным органом [10].

В законодательстве, регулирующем организацию и деятельность уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации закрепляется принцип независимости от органов государственной власти. Однако, финансовое и иное обеспечение деятельности таких субъектов предусмотрено из бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации, а порядок такого обеспечения определяется губернатором, президентом главой субъекта РФ. Влияет ли это на принцип независимости таких уполномоченных? На этот риторический вопрос ответа нет. Анализ законодательства субъектов Российской Федерации, регулирующего деятельность уполномоченных по защите прав предпринимателей свидетельствует, что уполномоченный обязан выполнить одно из следующих действий по результатам рассмотрения обращения: а) разъяснить вопросы, поставленные в обращении… б) передать жалобу в другие органы государственной власти… в) направить в орган власти свое заключение – рекомендации… г) обратиться в

[1] Оценка российской системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения международными экспертами ФАТФ Материалы ГУЭП и ПК МВД России.

суд… д) обратиться в арбитражный суд… е) направить в органы власти обращение о привлечении к ответственности виновного лица…[1] То есть де-юре уполномоченный по защите прав предпринимателей является государственным органом, скорее рассматривающим обращения, нежели разрешающим их, защищающим права предпринимателей. В этом плане данный институт сложно рассматривать на предмет его включения в систему правоохранительных органов.

Другое дело, когда пограничная служба ФСБ России решает задачи защиты и охраны экономических и иных законных интересов Российской Федерации в пределах приграничной территории и в пределах иных территориальных зон, установленных федеральным законом[2]. Фактически и юридически органы федеральной службы безопасности в непосредственном режиме обеспечивают экономическую безопасность государства, прежде всего, от всевозможных посягательств неправомерного, преступного характеров, а также в случае нарушений государственных и общественных интересов [5]. Высока роль и органов внутренних дел по охране экономических интересов общества, поскольку подразделения экономической безопасности МВД России осуществляют задачи по борьбе с преступлениями экономической и коррупционной направленности, включая те, которые совершаются организованными преступными группами, криминальными сообществами, носящими транснациональный или межрегиональный характер [6]. В конституционно-правовом смысле правовая охрана экономических интересов базируется на экономической безопасности, которая в свою очередь входит в общее понятие безопасности государства [10].

Важный аспект, нуждающийся в теоретическом осмыслении – это соотношение правоохранительной функции государства с реализацией иных функций государства. Как уже были сказано выше, исследование данного аспекта представляет существенное теоретическое и практическое значение, поскольку правоохранительная функция государства направлена на сохранение в стабильном состоянии других функций государства [5]. Однако, в данном аспекте существуют несколько основных проблем, во-первых, проблема социальной направленности деятельности правоохранительных органов. Если следовать Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью [17].

Следовательно, роль правоохранительных органов в обеспечении этих прав и свобод является правореализационной и правозащитительной, а человек, как элемент социального общества доминирует в рамках охраны его прав и свобод, по крайне мере в правовом и демократическом государстве. В конечном счете, сами должностные лица правоохранительных органов являются частью общей социальной системы государства, поэтому от их правовой и иной оценки зависит то, как реализуются, охраняются и защищаются права и свободы граждан, соблюдается ли принцип справедливости в случае возникновения социальных конфликтогенов, поэтому важно обстоятельство понимания пределов осуществления правовых законов.

С позиции соотношения правоохранительной функции государства с иными функциями, по мнению диссертанта, следует выделить проблему конституционного правопонимания объема деятельности правоохранительных органов в области социальных отношений, особенно это актуально в информационном обществе, в котором высокий уровень коммуникации обусловливает такие же высокие риски нарушения прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц [11]. Следовательно, необходима информационная, диалоговая платформа, позволяющая не прибегая к нормам закона обеспечить синергетическую взаимосвязь правоохранительных органов с населением, к примеру, чтобы не допустить проявление экстремизма и других негативных, преступных проявлений. Это означает, что правоохранительная функция государства должна быть тесно взаимосвязана с реализацией идеологической, социальной функциями [3]. В свою очередь, указанные внутренние функции могут обладать определенной зависимостью от правоохранительной функции государства, поскольку под «функцией понимается зависимость, которая наблюдается между различными компонентами единого социального процесса» [9]. В этом плане важен процесс координации и взаимодействия как самих правоохранительных органов, в общем, конституционно-правовом механизме обеспечения правопорядка в России, так и их взаимодействие в населением,

[1] Закон Тульской области «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Тульской области» // Тульские известия. № 53 от 11.04.2013; Закон Республики Башкортостан «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Башкортостан» (с изменениями на 2 июля 2020 года) // Официальный Интернет-портал правовой информации Республики Башкортостан http://www.npa.bashkortostan.ru, 06.02.2014, «Республика Башкортостан», № 25(28010), 12.02.2014; Закон Ростовской области «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Ростовской области» (с изменениями на 7 марта 2019 года) // Наше время, № 394-395, 02.08.2013.

[2] Федеральный закон от 03 апреля 1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (с изменениями на 31 июля 2020 года) // Собрание законодательства Российской Федерации № 15, 10.04.95, ст.1269.

институтами гражданского общества, поскольку достижение сбалансированного конституционного правопорядка невозможно без совместных усилий всех элементов политической системы российского общества. Вместе с тем, здесь существует одна из ключевых проблем взаимодействия правоохранительных органов с населением в плане выстраивания доверительных отношений [13].

Сравнительный анализ данных за четырехлетний период наблюдения свидетельствует, что наибольший рост позитивных оценок в 2019 г. по сравнению с 2018 г. зафиксирован по показателям оценки уровня защищенности граждан от преступных посягательств (с 42,2% до 45,7%), в том числе на объектах транспорта (с 41,9% до 45,2%); при этом, с начала периода измерения (2016 г.) рост данных показателей составил (+6,3 и +7,4 пункта, соответственно)[1]. Материалы социологических исследований, проведенных МВД Российской Федерации показывают, что в наибольшей степени доверяют полиции в Республике Крым, Чеченской Республике, Чувашской Республике, Республике Хакасия и в Республике Мордовия, в Белгородской, Ханты-Мансийском АО, Псковской, Магаданской и Оренбургской областях. В наименьшей степени доверяют полиции в Республике Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республике и Республике Дагестан, Краснодарском крае, в Самарской, Иркутской, Орловской, Московской, Ростовской и Свердловской областях. При этом, главной инстанцией, куда россияне готовы обратиться, в случае если их права были нарушены, является прокуратура: ей доверяют 48% респондентов и 67% опрошенных представителей бизнеса[2].

Н.А. Развейкина, в своей научной статье констатирует рост доверия к судебной власти, отмечая, что он является ожидаемым результатом работы судов всех уровней в Российской Федерации [19]. Однако, с этим сложно согласиться, если принять во внимание исследования В.А. Прохода, согласно которым большая часть россиян (47,2%) относиться с недоверием (от 0 до 4 баллов) к судебной власти. В том числе совершенно не доверяют судам - 9,8% респондентов. Нейтральные пять баллов в качестве ответа выбрали - 16,3% опрошенных [18]. Означают ли эти цифры необходимость дальнейшего поступательного развития судебной власти в России? Да, означают. Вместе с тем, по нашему мнению, следует отметить, что и сама судебная власть ограничена рамками действующего законодательства [1]. Суды, принимая решения, руководствуются исключительно законами и внутренним убеждением, но проблема формирования в России социальной, правовой и демократической государственности заключается в том, что до сих пор существуют правовые и не правовые законы [10]. А поскольку, законодательная власть, включая правотворческие органы, не всегда учитывают в законотворческом (правотворческом) процессе особенности социальных отношений, важно мнение правоохранительных органов в части необходимости приведения законодательства в соответствии с Конституцией Российской Федерации, международными договорами с тем, чтобы положения законодательства максимально исключали бы риски возникновения социальных и иных конфликтов в государстве [16].

В заключение статьи необходимо отметить, что правоохранительные органы занимают ведущее место в процессе решения задач, стоящих перед государством [4]. Поскольку борьба с правонарушениями и преступлениями является важной стороной правоохранительной деятельности государства, важно проанализировать какие материальные и финансовые средства вкладываются в систему правоохранительных органов, насколько такие средства адекватны вызовам современности, кто привлечен к трудоемкому процессу охраны и защиты государственных и общественных интересов, насколько профессиональная квалификация должностных лиц правоохранительных органов соответствует практике стандартов в развитиях в демократическом отношении государствах, удовлетворены ли граждане профессиональными качествами сотрудников правоохранительных органов, чувствуют ли они себя защищенными в случаях преступных проявления и беззакония, слаженно и скоординировано ли работают правоохранительные органы, чтобы обеспечить спокойную и безопасную жизнь людей [12].

Если выработанные условия, средства и методы функционирования и организации правоохранительных органов недостаточны, либо они не удовлетворяют общество, то публичная власть должна выработать такие конституционно-правовые условия организации системы правоохранительных органов, которые позволили бы представить их как особый элемент в механизме обеспечения конституционного правопорядка в России [15].

Список литературы:

[1] Гоц Е.В., Лазарева И.Л., Матвеева М.А., Моргунова Г.А., Попов К.И., Расулов А.В., Филиппова М.Ю., Химич Т.М., Эфиндиев Т.С. Правове-

[1] Оценка деятельности полиции в Российской Федерации в 2019 г. По данным ФГКУ «ВНИИ МВД России».

[2] Подробнее на РБК: https://www.rbc.ru/society/22/05/2018/5b04004f9a7947693c8553c5

дение. Учебник для студентов транспортных вузов. - Москва, 2013.

[2] Жарова А.К. Международные правовые концепции борьбы с распространением вредной информации // Бизнес-информатика. 2010. № 4 (14). С. 46-53.

[3] Жарова А.К. Место сетевого информационного сообщества в системе правового регулирования // Репутациология. 2009. № 3 (4). С. 29-46.

[4] Жарова А.К. О конфликте интересов субъектов в информационных отношениях // Государство и право. 2011. № 4. С. 42-49.

[5] Жарова А.К. О необходимости правовой классификации операторов сети Интернет // Бизнес-информатика. 2011. № 3 (17). С. 60-65.

[6] Жарова А.К. Особенности осуществления розничной купли-продажи по сети Интернет // Государство и право. 2012. № 8. С. 109-113.

[7] Жарова А.К. Правовая классификация лицензий на программное обеспечение // Информационные ресурсы России. 2010. № 2 (114). С. 38-41.

[8] Жихорева Р.Е. Реализация правоохранительной функции государства в сфере экономики: автореф. дис… канд. юрид. наук. – М., 2017. С.9.

[9] Малахов В.П. Общая теория права и государства. К проблеме правопонимания. М., 2013. С. 100.

[10] Матвеева М.А. Внесение поправок в Конституцию Российской Федерации: общетеоретические проблемы многообразия конституционно-законотворческих производств // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 4 (31). С. 79-81.

[11] Матвеева М.А. Мониторинг правотворчества: проблема теоретического обоснования // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 2 (33). С. 44-47.

[12] Матвеева М.А. Нормотворчество и правотворчество: теоретические проблемы соотношения понятий // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 3 (34). С. 42-47.

[13] Матвеева М.А. Правотворчество как юридическая деятельность // Новый юридический журнал. 2014. № 3. С. 160-164.

[14] Матвеева М.А. Правотворчество как юридическая деятельность: проблемы теоретического осмысления // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 5. С. 191-201.

[15] Матвеева М.А. Теоретические и методологические проблемы юридической процессуальной формы правотворчества // Право и государство: теория и практика. 2015. № 3 (123). С. 30-34.

[16] Матвеева М.А. Теоретические основы соотношения нормотворчества и правотворчества // Образование и право. 2014. № 11-12 (63-64). С. 32-40.

[17] Матвеева М.А. Теория правотворчества в отечественной юриспруденции // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 1 (32). С. 37-41.

[18] Прохода В.А. Доверие россиян национальной судебно-правовой системе (по материалам социологического исследования) // Социодинамика. – 2019. – № 5. – С. 86 - 94.

[19] Развейкина Н.А. Доверие населения к судебной власти // Юридический вестник Самарского университета. 2016. № 3. С.104.

Spisok literatury:

[1] Goc E.V., Lazareva I.L., Matveeva M.A., Morgunova G.A., Popov K.I., Rasulov A.V., Filippova M.Yu., Himich T.M., Efindiev T.S. Pravovedenie. Uchebnik dlya studentov transportnyh vuzov. - Moskva, 2013.

[2] Zharova A.K. Mezhdunarodnye pravovye koncepcii bor'by s rasprostraneniem vrednoj informacii // Biznes-informatika. 2010. № 4 (14). S. 46-53.

[3] Zharova A.K. Mesto setevogo informacionnogo soobshchestva v sisteme pravovogo regulirovaniya // Reputaciologiya. 2009. № 3 (4). S. 29-46.

[4] Zharova A.K. O konflikte interesov sub»ektov v informacionnyh otnosheniyah // Gosudarstvo i pravo. 2011. № 4. S. 42-49.

[5] Zharova A.K. O neobhodimosti pravovoj klassifikacii operatorov seti Internet // Biznes-informatika. 2011. № 3 (17). S. 60-65.

[6] Zharova A.K. Osobennosti osushchestvleniya roznichnoj kupli-prodazhi po seti Internet // Gosudarstvo i pravo. 2012. № 8. S. 109-113.

[7] Zharova A.K. Pravovaya klassifikaciya licenzij na programmnoe obespechenie // Informacionnye resursy Rossii. 2010. № 2 (114). S. 38-41.

[8] Zhihoreva R.E. Realizaciya pravoohranitel'noj funkcii gosudarstva v sfere ekonomiki: avtoref. dis… kand. yurid. nauk. – M., 2017. S.9.

[9] Malahov V.P. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva. K probleme pravoponimaniya. M., 2013. S. 100.

[10] Matveeva M.A. Vnesenie popravok v Konstituciyu Rossijskoj Federacii: obshcheteoreticheskie problemy mnogoobraziya konstitucionno-zakonotvorcheskih proizvodstv // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2013. № 4 (31). S. 79-81.

[11] Matveeva M.A. Monitoring pravotvorchestva: problema teoreticheskogo obosnovaniya // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 2 (33). S. 44-47.

[12] Matveeva M.A. Normotvorchestvo i pravotvorchestvo: teoreticheskie problemy sootnosheniya ponyatij // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 3 (34). S. 42-47.

[13] Matveeva M.A. Pravotvorchestvo kak yuridicheskaya deyatel'nost' // Novyj yuridicheskij zhurnal. 2014. № 3. S. 160-164.

[14] Matveeva M.A. Pravotvorchestvo kak yuridicheskaya deyatel'nost': problemy teoreticheskogo osmysleniya // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2016. № 5. S. 191-201.

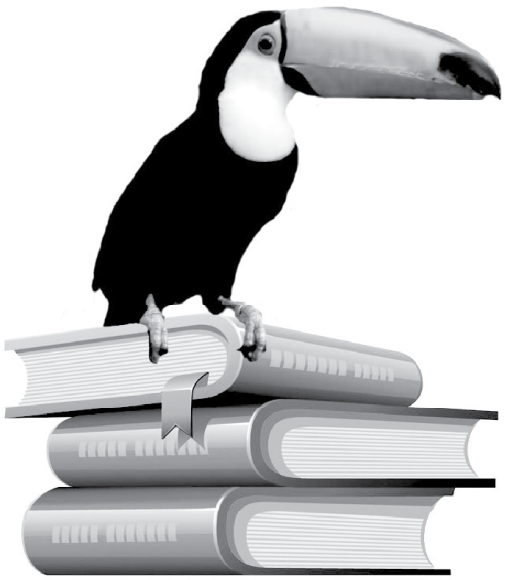
[15] Matveeva M.A. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy yuridicheskoj processual'noj formy pravotvorchestva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2015. № 3 (123). S. 30-34.

[16] Matveeva M.A. Teoreticheskie osnovy sootnosheniya normotvorchestva i pravotvorchestva // Obrazovanie i pravo. 2014. № 11-12 (63-64). S. 32-40.

[17] Matveeva M.A. Teoriya pravotvorchestva v otechestvennoj yurisprudencii // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 1 (32). S. 37-41.

[18] Prohoda V.A. Doverie rossiyan nacional'noj sudebno-pravovoj sisteme (po materialam sociologicheskogo issledovaniya) // Sociodinamika. – 2019. – № 5. – S. 86 - 94.

[19] Razvejkina N.A. Doverie naseleniya k sudebnoj vlasti // Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta. 2016. № 3. S.104.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

БУРЛА Виктория,
аспирант кафедры конституционного
и муниципального права Московского государственного
юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
e-mail: spiritvictory@list.ru

Научный руководитель:
КОМАРОВА Валентина Викторовна,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой конституционного и муниципального
права Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА).

ЦЕННОСТИ В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ ГОСУДАРСТВ - ЧЛЕНОВ СНГ: ПРОБЛЕМЫ ИЕРАРХИЗАЦИИ СИСТЕМЫ

Аннотация. *Процесс конституционализации правового порядка в республиках на постсоветском пространстве во многом обусловлен векторами развития государства и общества, задаваемыми конституционными ценностями. Конституции государств - членов СНГ базируются на антропоцентрической системе ценностей, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью. Системный анализ конституций указанной группы государств приводит автора к выводу об условности иерархии конституционных ценностей вследствие дихотомии в категории «высшая ценность» и казуальности практики ценностной интерпретации Основного Закона.* **Цель.** *В рамках конституционной аксиологии государств - членов СНГ раскрыть проблемные аспекты взгляда на систему конституционных ценностей как на иерархию и предложить альтернативный подход.* **Методы.** *Методологическую основу исследования составляет совокупность таких методов научного познания, как описание, сравнение, классификация, моделирование, системный и критический анализ, сравнительно-институциональный анализ.* **Результат.** *На основе теоретико-правовых оснований систематизации конституционных ценностей, а также в результате анализа текстов конституций государств-членов СНГ автор формулирует вывод о том, что система конституционных ценностей наиболее удачно может быть представлена в гетерархической модели, построенной по принципу сети с множеством вариаций иерархии.* **Выводы.** *Гетерархический подход наиболее оптимально отражает систему конституционных ценностей. Данная концепция является новой для аксиологической науки и подлежит дальнейшей разработке.*

Ключевые слова: *конституционная аксиология, конституционные ценности, классификация конституционных ценностей, конституции государств - членов СНГ, система конституционных ценностей, высшая ценность, абсолютные и относительные ценности, приоритетные ценности, иерархия конституционных ценностей, гетерархическая модель конституционных ценностей.*

BURLA Victoria,
post-graduate student of the Department
of Constitutional and Municipal Law of the
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Supervisor:
KOMAROVA Valentina Viktorovna,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Constitutional
and Municipal Affairs
law of the Moscow State Legal
University named after O.E. Kutafin
(Moscow State University).

VALUES IN THE CONSTITUTIONAL LAW OF THE CIS MEMBER STATES: PROBLEMS OF THE HIERARCHY OF THE SYSTEM

Annotation. *The process of constitutionalization of the legal order in the post-Soviet republics is largely determined by the vectors of development of the state and society set by constitutional values. The constitutions of the CIS member states are based on an anthropocentric system of values, proclaiming the human being, his rights and freedoms as the highest value. A systematic analysis of the constitutions of this group of states leads the author to the conclusion that the hierarchy of constitutional values is conditional due to the dichotomy in the category of "highest value" and the casualness of the practice of value choice.* **Goal.** *Within the framework of the constitutional axiology of the CIS member states, to reveal the problematic aspects of the view of the system of constitutional values as a hierarchy and propose an alternative approach.* **Methods.** *The methodological basis of the research is a set of such methods of scientific knowledge as description, comparison, classification, modeling, system and critical analysis, comparative and institutional analysis.* **Result.** *Based on the author's conclusions about the theoretical and legal grounds for systematization of constitutional values, as well as the analysis of the texts of the constitutions of the CIS member states, the author concludes that the system of constitutional values can be most successfully represented in a heterarchic model built on the principle of a network with many variations of the hierarchy.* **Conclusions.** *The heterarchic approach best reflects the system of constitutional values. This concept is new for axiological science and is subject to further development.*

Key words: *constitutional values, classification of constitutional values, constitutions of the CIS member states, system of constitutional values, highest value, absolute and relative values, priority values, hierarchy of constitutional values, heterarchic model of constitutional values.*

Формирование системного подхода к ценностям является одной из ключевых задач современной конституционно-правовой науки наряду с определением природы и сущности самой категории «конституционная ценность». Разнообразие точек зрения на последнюю обусловливает масштабы полемики о критериях классификации ценностей и обобщения ценностной композиции конституционного регулирования различных сфер жизни общества и государства. На первый взгляд обозначенные аспекты носят сугубо теоретический характер и мало соотносятся с реальностью обыденной жизни, но это только на первый взгляд. Ведь ценности общества, объективированные конституцией и практикой её толкования и применения, детерминируют мировоззрение граждан, определяют тип правосознания, уровень правовой и политической культуры общества, в конечном счёте задают векторы стратегического развития правовой системы. Именно конституционно-правовые ценности обусловливают характер государственных решений, прежде всего правотворческих, и стиль юридически значимого поведения всех элементов социальной структуры. Процесс конституционализации правового порядка во многом обусловлен целями развития государства и общества, определяемыми конституционными ценностями, и от того, насколько осознанными, единообразными и системными будут общественные представления о ценностных координатах, зависит как легитимность властных институтов, так и последовательность цивилизационного развития конкретного общества.

В этой связи представляется важным не только с философских и теоретико-правовых позиций, но и в контексте практики конституционализма рассмотреть некоторые аспекты конституционной аксиологии на примере государств-членов СНГ. В первую очередь, речь идёт о системном взгляде на ценности в конституциях этой группы государств, которых объединяет единство политико-правового прошлого и хронологическое совпадение момента обретения суверенитета в новых исторических условиях, географическая близость, форма правления и, что немаловажно, конституционная психология, связанная с конституционно-правовой традицией [11]. Эти факторы в значительной степени обусловливают общность ценностных ориентиров государств-членов СНГ.

Однако можно ли утверждать о существовании в этой группе государств системы конституционных ценностей, организованной по принципу строгой иерархии, или скорее речь следует вести о матричной системе, либо имеет место атомарность ценностей и отсутствие внутренних связей между ними?

Для начала следует определиться с тем, что мы подразумеваем под конституционными ценностями. Определение этой категории можно давать через понятия «цель», «идеал», «приоритет», «социальная значимость». Предлагается обобщённое определение конституционных ценностей как совокупности универсальных приоритетных социальных принципов (целей, установок), обеспечивающих оптимальное развитие личности, общества и государства на основе баланса частных и публичных интересов [3, с. 12].

Вопрос о природе конституционных ценностей остаётся дискуссионным в юридической литературе, но все учёные сходятся в том, что эти ценности находят своё явное или неявное присут-

ствие в конституционном тексте. Сама Конституция является ценностью и источником, в т.ч. имплицитно в ней присутствующих и «генерируемых» Конституционным Судом и в трудах учёных ценностей [2, с. 15]. При этом часть исследователей [9; 13] ассоциируют ценности с конституционными нормами, в первую очередь регламентирующими права и свободы человека, а также с предельно абстрактными нормами, нормами-целями, нормами-принципами. Другие авторы [6] отрицают тождественность конституционных норм и конституционных ценностей, подчёркивая абсолютную их самобытность и утверждая, что ценности, хотя и могут содержательно совпадать с конституционными нормами, обладают иной, чем нормы, природой, т.к. в отличие от последних не являются общеобязательными и могут выявляться в процессе отправления конституционного правосудия, т.е. носят казуальный, а не формально определённый характер.

Сущность ценностей обусловлена не только их происхождением, но во многом проявлена в динамике: в их роли и социальных функциях. Как справедливо отмечает В.В. Комарова, практическое значение ценностей состоит в том, что они являются ориентиром для правового закрепления целей, задач, стоящих перед государством, и конкретного правового регулирования и выступают критерием сбалансированности различных интересов, причём эти ориентиры «наполняются конкретным содержанием в текущем законодательстве» [7, с. 1385]. Иными словами, ценности в статике, в своей декларативной самости, вне зависимости от того, через какую родовую категорию они определяются, лишены жизненного начала. Будучи «категорией действующего права» [2, с. 17], свою реальную суть они проявляют только в действии, поскольку конституционные ценности не просто провозглашают значение тех или иных благ, а выступают инструментом их развития, охраны и мерой их оценки.

Мы будем исходить из того, что конституционные ценности в любом обществе образуют системное единство, обнаруживая первооснову в Конституции: в её преамбуле, нормативных предписаниях, а также в самом духе Основного Закона, детерминирующем характер социально значимых идей и установок, которые в процессе толкования и применения конституции объективируются конституционной наукой и практикой.

Итак, ключевое значение в конституционной аксиологии принадлежит преамбуле и базисным конституционным нормам, в первую очередь посвящённым основам конституционного строя. Так, преамбула Конституции РФ выступает основой для её принятия и «влияет на конституционную самоидентификацию» государства [7, с. 1386]. Действительно, преамбула предваряет конституционный текст и задаёт его смысловой тон, а потому определяющее значение для выявления конституционных ценностей имеют положения, «составляющие аксиологическую композицию преамбулы Конституции» [8, с. 189]. Только в преамбуле Конституции РФ упоминаются такие категории, как «любовь и уважение к Отечеству», «вера в добро», «суверенная государственность», «гражданский мир и согласие», а также подчёркивается осознание российским народом себя частью мирового сообщества. Последнее указывает на открытость российской правовой системы универсальным ценностям, признаваемым и охраняемым на международном уровне, и определяет направления её развития.

Преамбулы конституций других государств - членов СНГ прямо называют в качестве высших ценностей: правовое государство, гражданский мир, демократию, достоинство человека, его прав и свобод, свободное развитие человеческой личности, справедливость и политический плюрализм (Республика Молдова), человека, его жизнь, здоровье, права и свободы (Кыргызская Республика), а также подчёркивают приверженность общечеловеческим ценностям (Азербайджанская Республика, Республика Армения, Республика Беларусь). В отдельных конституциях государств - членов СНГ преамбулы именуют ценности не прямо, но называют категории, имеющие приоритетное значение: свобода, равенство, согласие (Казахстан), дружба народов (Таджикистан), демократия, социальная справедливость, гражданский мир, социальное согласие (Узбекистан).

Как видно, источником конституционных ценностей может служить не только нормативная часть текста конституции, в связи с чем, полагаем возможным согласиться с выводами тех авторов, которые воздерживаются от признания за конституционными ценностями нормативной природы. Тем не менее, именно нормативные положения конституций государств - членов СНГ, в первую очередь посвящённые основам конституционного строя, имеют базовое аксиологическое значение, в т.ч. и потому, что никакие другие положения не могут им противоречить, что обусловливает их особую конституционную защиту.

В конституциях Российской Федерации, Республики Беларусь, Армении, Таджикистана, Кыргызстана соответствующие главы называются «Основы конституционного строя», тогда как, например, в Азербайджане и Казахстане - «Общие положения», а в Молдове и Узбекистане — «Основные принципы». Общий ценностный смысл структурных элементов при этом не утрачивает единства, поскольку для всех конституционных документов эти положения являются основными и первообразными и закрепляют главные тезисы о государственности, приоритете человека и роли

гражданского общества, определяющие вектор развития правовых систем.

Именно в положениях об основах конституционного строя закреплён фундамент ценностной парадигмы общества — высший характер ценности человека. Наряду с Конституцией РФ (ст. 2) о высшей ценности человека, его правах и свободах говорит Конституция Республики Беларусь (ст. 2), прибавляя к этой формуле ещё и гарантии их реализации. В Республике Армения высшей ценностью провозглашён человек (ч. 1 ст. 3 Конституции). Столь лаконичный подход к ценностному измерению имеет альтернативные варианты: «человек, его жизнь, права и свободы» (ст. 1 Конституции Республики Казахстан), «достоинство человека, его права и свободы, свободное развитие человеческой личности» (ст. 1 Конституции Республики Молдова), «человек, его жизнь, свобода, честь, достоинство и другие неотъемлемые права» (ст. 13 Конституции Республики Узбекистан). Высшей целью государства провозглашено обеспечение прав и свобод человека и гражданина, достойного уровня жизни гражданам Азербайджанской Республики (ч. 1 ст. 12 Конституции).

Полагаем возможным заключить о наличии в конституциях государств - членов СНГ антропоцентрической или человекомерной системы ценностей, поскольку высшей и центральной ценностью признаётся именно человек, его достоинство, его права и свободы. Иные ценности в основных положениях конституций государств - членов СНГ представляется возможным условно классифицировать в рамках двух крупных блоков: ценности государственности (народовластие, государственный суверенитет, территориальная целостность, формы правления и государственного устройства, построение государственного управления на принципах верховенства права и разделения властей, политическое и идеологическое многообразие) и ценности социально-экономической и культурно-духовной сфер общества (свобода экономической деятельности, социальный и светский характер государства, плюрализм форм собственности, бережное отношение к природным ресурсам и культурным ценностям).

При этом важно понимать, что, будучи идейно взаимосвязанными, некоторые ценности существуют не в атомарном измерении (обособленно), а образуют своего рода матрицу, элементы которой взаимообусловлены (государственный суверенитет и территориальная целостность не существуют вне признания народа единственным источником власти; политическое и идеологическое многообразие не представимы без развитого гражданского общества; свобода экономической деятельности во многом обусловлена плюрализмом и равной защитой форм собственности), тогда как другие ценности конкурируют, вступая в конфликт. В последнем случае возникает ситуация ценностной коллизии, в результате разрешения которой посредством ценностного предпочтения одна из ценностей получает приоритет[1].

С одной стороны, выстраивать систему конституционных ценностей государств - членов СНГ по аналогии с матрицей не вполне корректно, поскольку имеет место элемент, обладающий безоговорочным верховенством (высшая ценность человека и его прав), а значит, присутствует иерархическая модель. Действительно, не отрицая отсутствие чётких критериев построения, открытость, динамику и конкуренцию ценностей внутри системы, её постоянное дополнение новыми элементами и практику казуального выбора ценностного предпочтения, большинство учёных разделяет отношение к системе конституционных ценностей именно как к иерархии [4; 10].

С другой стороны, мы наблюдаем определённый парадокс. Общеизвестно, что «высший» есть превосходная степень прилагательного «высокий», характеризующая положение как «самое», абсолютное, превалирующее. Здесь справедливо заметить, что в приведённых извлечениях из основных законов государств - членов СНГ в той или иной комбинации человек, его права и свободы представлены как высшая ценность монолитно, цельно, что по существу не позволяет нам расставить приоритеты внутри этого института. Вместе с тем, несмотря на авторитетное признание в качестве высшей ценности, некоторые основные права и свободы могут быть ограничены при определённых условиях. В науке конституционного права такие права именуются относительными[2]. Так, практически во всех конституциях государств - членов СНГ, наряду с положениями о недопустимости умаления и запрета прав и свобод человека, содержится указание на иные блага, в пользу которых допускаются ограничения этой главной и высшей ценности[3]. Заметим,

[1] В теории конституционной аксиологии ценностное предпочтение осуществляется в результате оценочных суждений и оценочных решений [value judgment]. Первые, согласно Р. Алекси, могут быть классификационными (определяющими положительное, отрицательное, нейтральное отношение к ценности); сравнительными (дифференцированное предпочтение: «лучше – хуже», «важнее – менее важно») и метрическими (математический подход взвешивание ценности). От суждения зависит характер оценочного решения.

[2] При этом к числу абсолютных (не подлежащих ограничению) все конституции государств - членов СНГ относят право на жизнь, право на достоинство, свободу совести, право на судебную защиту и презумпцию невиновности.

[3] Кроме того, конституции государств - членов СНГ допускают возможность ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного или военного положения, объявления войны и мобилизации.

что в теории конституционной аксиологии те ценности, которые могут ограничивать все иные, кроме абсолютных, предлагается именовать приоритетными ценностями [1]. К числу последних относятся интересы национальной (государственной) безопасности, здоровье, нравственность (Российская Федерация, Республика Беларусь), экономическое благосостояние (благополучие) страны, предотвращение (раскрытие) преступлений (Республика Армения, Республика Молдова), охрана общественного порядка (Республика Казахстан, Кыргызская Республика), а также права и свободы других лиц (в Конституции Казахстана «права и свободы человека»). Последнее основание вызывает принципиальный вопрос, поскольку в теоретической плоскости неизбежно приводит к circulus vitiosus: права человека есть высшая ценность; права человека могут подлежать ограничению в интересах прав человека.

В ст. 71 Конституции Азербайджана содержится формула из числа тех, что эксперты именуют коррупциогенным фактором, т.е. положением, допускающим необоснованно широкое истолкование и произвольное применение: «Ограничение прав и свобод должно быть пропорционально ожидаемому государством результату». В контексте данного предписания высший характер ценности прав человека очевидно нивелируется.

Итак, внутри категории «высшая ценность» по отношению к правам и свободам человека наблюдается дихотомия: часть прав, носящих абсолютный и эксплицитный характер, обеспечены особой конституционной защитой и обладают реальным верховенством как ценность, поскольку не могут быть ограничены (достоинство личности, право на жизнь, свобода вероисповедания, права, связанные с судебной защитой); остальные, относительные и допускающие ограничение во имя «приоритетных ценностей», становятся «иными» ценностями, оказываясь по иерархии ниже не только, чем абсолютные права, но даже чем приоритетные ценности, не входящие в категорию «высшая ценность». То есть, с одной стороны, существует следующая архитектура системы ценностей: высшие ценности (первый уровень), приоритетные ценности (второй уровень), иные ценности (третий уровень) — и на первый взгляд перед нами иерархическая структура. С другой - третий уровень системы может включать основные права человека из числа относительных, которые хотя и могут подлежать ограничению ради приоритетных ценностей, всё же не лишаются характеристики «высшая ценность», и как высшая ценность они должны находиться на вершине иерархии, на первом уровне. На наш взгляд, невозможно не констатировать логическую недостаточность иерархического подхода.

Авторы отмечают ещё один важный аспект проблемности теории иерархии: если с высшим характером абсолютных ценностей, проистекающих из норм о верховенстве прав и свобод человека, возможно согласиться, то в отношении критериев для ранжирования всех иных конституционных ценностей, в частности имплицитных, совершенно отсутствует определённость [12].

Таким образом, представить систему ценностей в конституциях государств - членов СНГ как чёткую иерархию, на наш взгляд, представляется не вполне корректным. Согласимся с И.А. Карасёвой, что, хотя некоторая иерархия конституционных ценностей действительно существует, но «воспринимать её следует с определенной долей условности» [5, с. 9]. Однако и взгляд на систему ценностей как на матрицу также не даёт адекватного представления, поскольку этот принцип применим только к равновесным элементам.

Предлагаем рассматривать систему конституционных ценностей, построенную по типу гетерархической модели, в которой существует потенциальная множественность иерархий. Если иерархия выстраивается по пирамидальному типу, то гетерархия скорее напоминает рыболовную сеть с множеством ячеек.

Сам термин «гетерархия» был введён нейропсихологом и кибернетиком Уорреном Маккалоком в отношении модели нейронной сети. Сегодня этот термин активно используется в социальной инженерии, менеджменте и психологии.

Понятие гетерархии не антонимично, а комплементарно понятию «иерархия», т.к. в гетерархической сети существует потенциальное множество иерархий, которые выстраиваются по различным основаниям. Если иерархичность системы предполагает чёткую схему субординации и существует линейно, то гетерархичность выглядит как структура элементов, которые находятся в разнообразных связях (включая соподчинение) в зависимости от позиции наблюдателя, а применительно к ценностной системе координат — от позиции оценщика. Представляя систему ценностей как гетерархию, мы допускаем вариативность иерархической последовательности ценностей в каждом конкретном случае. Как любая структура гетерархии не может являться полной, поскольку в ней, как в открытой системе, элементы не статичны, так и конституционная аксиология демонстрирует разнообразие отношений между ценностями, которые могут принимать различные формы: от атомарного существования до взаимообусловленности и даже коллизии.

На наш взгляд, гетерархчесий подход всецело относим к взгляду на систему конституционных ценностей в государствах - членах СНГ, которая не может быть раз и навсегда зафиксированной, поскольку отличается динамичностью, откры-

тостью, находится в перманентном развитии, дополняется новыми элементами в результате интерпретации и реализации конституций, а выбор той или иной ценности как приоритетной вариативен и всегда носит казуальный характер, обусловленный субъект-объектными отношениями.

Список литературы:

[1] Арбузкин А.М. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью? // Конституционное и муниципальное право. - 2016. - № 2. - С. 18–25.

[2] Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». - Вып. 2. - 2-е изд., доп. - М.: Юрист, 2014. - 184 с.

[3] Ереклинцева Е.В. Суверенитет и демократия как конституционные ценности современной России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Челябинск, 2010. - 26 с.

[4] Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Сравнительное конституционное обозрение. - 2008. - № 4 (65). - С. 7–20.

[5] Карасева И.А. Злоупотребление правом как одна из причин мнимой конкуренции конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. - 2013. - № 7. - С. 9–13.

[6] Клочко Е.И. Конституционные ценности в доктрине конституционного права и практике органов конституционной юстиции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М.: РУДН, 2018. - 15 с.

[7] Комарова В.В. Наполнение и видовое многообразие правовой категории «конституционные ценности» (конституционно-правовой аспект) // Успехи современного естествознания. - 2015. - № 1-8. - С. 1385–1387.

[8] Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. – М., 2007. - С. 752.

[9] Малый А.Ф., Пермиловский М.С. Теория основ конституционной аксиологии // Конституционное и муниципальное право. - 2015. - № 4. - С. 3–5.

[10] Несмеянова С.Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Legal Concept. - 2017. - № 4. - С. 71–74.

[11] Ряховская Т. К вопросу о государственно-правовой традиции и конституционной психологии в российской среде // Российско-азиатский правовой журнал. - 2020. - № 4. - С. 23–25.

[12] Суханова А.А. Конституционные ценности современной России: иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер.: Право. - 2015. - № 23 (378). - С. 53–57.

[13] Таева Н.Е. Ценностное содержание и прямое действие конституционных норм // Вестник Вятского гос. гуманитарного ун-та. - 2014. - № 11. - С. 112–119.

Spisok literatury:

[1] Arbuzkin A.M. CHelovek, ego prava i svobody yavlyayutsya vysshej cennost'yu? // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. - 2016. - № 2. - S. 18–25.

[2] Bondar' N.S. Aksiologiya sudebnogo konstitucionalizma: konstitucionnye cennosti v teorii i praktike konstitucionnogo pravosudiya. Seriya «Bibliotechka sudebnogo konstitucionalizma». - Vyp. 2. - 2-e izd., dop. - M.: YUrist, 2014. - 184 s.

[3] Ereklinceva E.V. Suverenitet i demokratiya kak konstitucionnye cennosti sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. - CHelyabinsk, 2010. - 26 s.

[4] Zor'kin V.D. Aksiologicheskie aspekty Konstitucii Rossii // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. - 2008. - № 4 (65). - S. 7–20.

[5] Karaseva I.A. Zloupotreblenie pravom kak odna iz prichin mnimoj konkurencii konstitucionnyh cennostej // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. - 2013. - № 7. - S. 9–13.

[6] Klochko E.I. Konstitucionnye cennosti v doktrine konstitucionnogo prava i praktike organov konstitucionnoj yusticii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. - M.: RUDN, 2018. - 15 s.

[7] Komarova V.V. Napolnenie i vidovoe mnogoobrazie pravovoj kategorii «konstitucionnye cennosti» (konstitucionno-pravovoj aspekt) // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. - 2015. - № 1-8. - S. 1385–1387.

[8] Kruss V.I. Teoriya konstitucionnogo pravopol'zovaniya. – M., 2007. - S. 752.

[9] Malyj A.F., Permilovskij M.S. Teoriya osnov konstitucionnoj aksiologii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. - 2015. - № 4. - S. 3–5.

[10] Nesmeyanova S.E. K voprosu ob ierarhii konstitucionnyh cennostej // Legal Concept. - 2017. - № 4. - S. 71–74.

[11] Ryahovskaya T. K voprosu o gosudarstvenno-pravovoj tradicii i konstitucionnoj psihologii v rossijskoj srede // Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal. - 2020. - № 4. - S. 23–25.

[12] Suhanova A.A. Konstitucionnye cennosti sovremennoj Rossii: ierarhiya i konkurenciya // Vestnik CHelyabinskogo gos. un-ta. Ser.: Pravo. - 2015. - № 23 (378). - S. 53–57.

[13] Taeva N.E. Cennostnoe soderzhanie i pryamoe dejstvie konstitucionnyh norm // Vestnik Vyatskogo gos. gumanitarnogo un-ta. - 2014. - № 11. - S. 112–119.

ЛЯГИН Кирилл Айратович,
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Университета управления «ТИСБИ»
e-mail: lyagin.kirill@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. *В данной статье автором рассматриваются особенности генезиса социального государства в различные исторические периоды. В частности, обращается особое внимание на специфику формирования самостоятельной концепции социального государства, начиная с учений древних античных философов и заканчивая современными представлениями об особенностях данного феномена. В статье приводится многообразие точек зрения на данную проблему многих отечественных и зарубежных ученых, имевших разную степень актуальности в различные периоды.*

Ключевые слова: *социальное государство, право, общество, личность, социальное равенство, социальная справедливость.*

LYAGIN Kirill Ayratovich,
senior lecturer of the theory and history department states and law University of Management "TISBI"

FORMATION OF THE THEORY OF A SOCIAL STATE: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Annotation. *In this article, the author examines the features of the genesis of the welfare state in different historical periods. In particular, special attention is paid to the specifics of the formation of an independent concept of the welfare state, starting with the teachings of ancient philosophers and ending with modern ideas about the features of this phenomenon. The article provides a variety of points of view on this problem of many domestic and foreign scientists who had different degrees of relevance in different periods.*

Key words: *social state, law, society, personality, social equality, social justice.*

В современном обществе в контексте обсуждения и исследования различных актуальных вопросов и проблем, имеющих важное значение для развития современного государства и права, часто приходится слышать заявления о том, что то или иное государство является социальным. В результате, большую актуальность получает целый ряд вопросов: что же представляет собой социальное государство, в чем его специфика, каким образом реализуются права и свободы граждан в этом государстве? Чтобы ответить на эти и некоторые другие вопросы, имеющие, безусловно, весьма важное значение для современной науки, необходимо рассмотреть социальное государство с различных сторон, включающих в себя исторические аспекты возникновения и развития данного феномена, многообразие подходов к нему, а также особенности формирования в конкретных государствах. В данной статье хотелось бы уделить особое внимание непосредственно особенностям исследования генезиса социального государства в различные исторические периоды.

Теория социального государства находила свое отражение в различные исторические эпохи. Свое начало данная теория берет еще с периода древних мыслителей, которые в своих трудах поднимали вопросы общего блага, а также рассматривали проблемы взаимодействия общественных интересов с интересами отдельной личности. В средние века вышеназванная теория получила достаточно серьезное развитие, однако сформировалась в самостоятельную научную концепцию только в Новое время, на основании чего мы можем сделать вывод о высокой степени актуальности данного направления, а также отметить значительный интерес многих исследователей к проблеме построения социального государства в различные периоды.

По мнению Я.В. Солдатова, зарождение теории социального государства не вполне корректно отождествлять с социальными идеями древних философов. Однако не следует недооценивать их роли в истории формирования этой концепции. Как известно, одной из основополагающих философских категорий, на которых базируется идея

социального государства, является «свобода», которая разрабатывалась многими поколениями древних мыслителей. При этом античные философы рассматривали ее в контексте с такими социальными принципами, как равенство, справедливость, статус собственности [6, с. 48]. Социальные мысли, формировавшиеся в трудах философов и ученых античного периода, были во многом направлены на объяснение особенностей и проблем функционирования общества. Отдельное внимание заслуживают труды древнегреческих философов Платона и Аристотеля, а также древнеримского политического деятеля Цицерона, отличительными особенностями которых выступал социологический подход, отождествлявший общество и государство. Центральным звеном их социологических взглядов являлись концепции социальной структуры и социальной справедливости.

Как отмечает Р.Ф. Степаненко, философско-правовая формула справедливости, зарождающаяся в учениях эпохи становления государственных образований и эволюции отношений ранее коллективных родовых сообществ, со времен учений Платона и Аристотеля сложилась в метафизическую, гуманистическую концепцию «социальной справедливости». Вместе с тем, развитие цивилизации показало глубокие процессы трансформации представлений как о социуме, так и о справедливости, зависящие от многофакторного комплекса формальных, деятельностных, материальных, целевых причин исторического характера как в антропологическом, так и социокультурных срезах [7, с. 320].

В период античности общество и государство еще не разделялись философами и учеными того времени на отдельные самостоятельные институты и рассматривались как единое целое. Однако уже тогда активно исследовалась проблема взаимодействия государства и личности, обращалось внимание на роль, которую играет государство в жизни общества, а также признавалось, что человек не может существовать отдельно от других людей. Данные аспекты вошли в основу будущих исследований теории социального государства и послужили определенным толчком для дальнейшего изучения особенностей взаимодействия государства с обществом и с отдельными индивидами.

Осмысление роли государства в феодальном обществе средневековой Европы основывалось, прежде всего, на совокупности определенных принципов, к числу которых можно отнести, в частности личную свободу всех членов общества в плане отсутствия в социальной структуре рабов как людей, не обладающих никакими правами; наличие определенных прав, свобод и социальных гарантий, распространяющихся только в рамках некоторых сословий; договорной характер отношений между сословиями. Эти и некоторые другие принципы позволили сформировать важнейшую для генезиса социального государства идею равенства всех людей перед законом, свидетельствовавшую о том, что в условиях феодализма постепенно формируются основы защиты интересов граждан от произвола верховной власти с помощью действующего на тот момент законодательства [1].

Новое время символизировало собой определенный этап совершенствования общественной жизни. Исследование особенностей взаимоотношения между государством и обществом привело к формированию понимания того, что государство нужно рассматривать не только в контексте обязательного субъекта в жизнедеятельности граждан, но и как некую организацию, которая призвана служить личности. Важным итогом подобных преобразований стала идея правового государства, главной задачей которого должна выступать защита всех естественных прав и свобод человека и гражданина. В результате подобного подхода социальные функции государства были сведены преимущественно к защите основных неотчуждаемых прав общества в целом и каждого гражданина в частности.

Одним из главенствующих факторов, оказавших на теоретическом уровне непосредственное влияние на образование совокупности условий формирования и разработки идеи социального государства, является победа буржуазно-демократических революций в Европе и Северной Америке в конце восемнадцатого века. Данные исторические события легли в основу переосмысления роли государства в жизни общества, положили начало серьезному пересмотру взаимоотношений личности и государства, а также определили роль и значение индивида для общественного и государственного устройства. Развитие буржуазных отношений подчеркнуло неизбежность избавления граждан от тотального государственного контроля и предоставление больших возможностей при реализации ими своих неотъемлемых прав и свобод. Итогом подобных преобразований стал существенный шаг вперед в развитии экономических отношений буржуазных государств. Высокий уровень экономического развития ряда европейских государств ближе к середине XIX в. свидетельствует о положительных итогах развития общественных отношений, основанных на принципах свободы личности и ограниченного вмешательства государства в жизнь общества и отдельных индивидов.

Характеризуя данный исторический период, Е.Г. Нечаева обращает внимание то, что на смену

тотальной зависимости индивида от государства приходит принципиально иное понимание сущности человеческого бытия и роли государства в нем: любой человек от природы обладает неотъемлемыми правами, которые должны быть признаны и гарантированы государством. В рассматриваемый период времени ставится вопрос о закреплении на законодательном уровне не только естественных, но и политических, социальных и экономических прав человека и гражданина [4].

Начало XIX в. характеризовалось активным развитием отдельных социальных концепций и идей, которые находили свое практическое отражение в ряде нормативно-правовых актов, принимаемых многими европейскими государствами. Идея социального государства еще не была сформирована как самостоятельная концепция, однако существенными предпосылками выработки и закрепления данной идеи выступали разработанные законы и иные правовые акты, направленные на регулирование общественных отношений в социальной сфере. В частности, разрабатывались законы в сфере страхования, пенсионного обеспечения по старости и инвалидности, что в дальнейшем легло в основу формирования самостоятельной идеи построения социального государства. Возрастающая роль вышеназванных социальных процессов в европейских государствах в данный исторический период находит свое отражение в ряде научных исследований представителей классической немецкой философии [5, с. 18].

Социальные идеи немецкой классической философии находили свое закрепление в трудах И. Канта, И. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, которые формировали основные теоретические предпосылки возникновения и развития концепции социального государства. В исследованиях немецких философов большое внимание уделялось пониманию природы права и государства, особенностям существования и развития индивидов в конкретных типах государств, проблемам взаимодействия государства и личности. Классическая немецкая философия обращала внимание на определенные заблуждения и неправильные оценки более ранней наукой особенностей взаимодействия права и закона, смешения данных понятий, отождествления закона с властной деятельностью государства.

Принимая во внимание вышеизложенное, отметим, что ближе к середине XIX в. в ряде европейских государств сложилось множество предпосылок для возникновения и закрепления целостной концепции социального государства. Непосредственно само данное понятие было введено немецким правоведом Лоренцом фон Штейном, чья теория социального государства в большой степени сформировалась под влиянием философских подходов Гегеля. По мнению ученого, в качестве основной своей цели государство должно декларировать равенство прав и свобод всех граждан, поддержание низших социальных слоев общества. Данный подход сложился на фоне разрастающейся роли государства в вопросах регулирования социальных отношений в обществе. Центральным звеном государства должен быть человек, его права и свободы, а также основные интересы, удовлетворение которых выступает в качестве основополагающей задачи такого государства. Служение обществу, борьба с существующими в нем социальными противоречиями, достижение высокого уровня жизни и некоторые другие аспекты, имеющие значение для каждого индивида, являются основой рассматриваемой теории социального государства [2, с. 70].

Помимо рассмотренной выше концепции социального государства Лоренца фон Штейна, данный феномен на стыке XIX и XX столетий нашел свое отражение в ряде исследований различных зарубежных и отечественных ученых. В отечественной науке идея социального государства рассматривалась преимущественно правоведом П.И. Новгородцевым [9], чьи либерально-социальные взгляды позволили сформировать самостоятельную правовую концепцию государства, высшей ценностью которого выступают права его граждан.

П.И. Новгородцев считал социальное государство высшей степенью развития правового государства. Ученый в своих исследованиях разграничивал данные категории, основываясь на том, что в правовом государстве власть ограничивается правами и свободами человека, а в социальном власть не только ограничена, но и обязана контролировать соблюдение этих прав и свобод. Социальное государство обязано обеспечивать данный контроль всеми доступными для этого средствами, гарантировать социальную стабильность внутри государства, защищенность всех субъектов от различного рода негативных посягательств, а также контролировать свободу рынка и систему налогов.

Необходимость обеспечения механизма реализации всех прав и свобод граждан на должном уровне также подчеркивалась в работах целого ряда других отечественных юристов и ученых, среди которых В.С. Соловьев, Б.А. Кистяковский, А.Д. Градовский, И.А. Ильин и многие другие. Исследования отечественных правоведов основывались, прежде всего, на совокупности нравственных идеалов и установок, обращались к категориям справедливости, тем самым подчеркивая, что в основе концепции социальной поли-

тики лежит нравственный долг государства. В работах данных ученых сформировалась важнейшая мысль о том, что государство должно выступать основным гарантом прав личности.

В советский и постсоветский исторические периоды отечественная юридическая наука уделяла значительное внимание вопросам социального характера и исследовала различные проблемы данной сферы. Изучение концепции социального государства преимущественно сводилось к вопросам понимания сущности, роли и социальных функций государства. Наибольшую активность обсуждение социальной проблематики с позиции теории социального государства приобрело во второй половине двадцатого века. В частности, многими российскими учеными поднимались вопросы, связанные с теоретическим моделированием концепции социального государства, исследовались его механизмы и основные институты, особое внимание уделялось проблемам управления социальными процессами в обществе.

Как отмечает И.В. Михалев, анализируя исследования концепции социального государства отечественными правоведами, можно выделить три основных подхода к формированию и закреплению основ государства, главной ценностью для которого выступают права и свободы его граждан. Первый подход характеризуется включением социальных функций в общий перечень функций органов государственного управления и государственных учреждений без выделения какой-либо специализации. Второй подход является прямо противоположным и подразумевает наличие в составе органов управления (парламенте, правительстве и других ветвях власти) специализированных структур, государственных институтов и учреждений, деятельность которых целиком и полностью направлена на решение тех или иных социальных вопросов: комитеты и советы по социальной политике, отраслевые и социальные министерства и пр. Третий подход опирается на делегирование социальных функций негосударственным органам управления, а именно органам местного самоуправления и общественно-политическим организациям, к числу которых относятся политические партии, общественные и добровольные организации, профсоюзы и иные органы. В связи с наличием столь противоречивых направлений в разработке концепции социального государства в российской науке до настоящего времени не сложилось его единого определения, в связи с чем вопрос разработки стратегии социальной политики в рамках концепции социального государства остается на сегодня одной из основополагающих задач современной науки, а также практики государственного управления [3, с. 13].

Рассуждая о современной концепции социального государства, необходимо сказать о том, что на сегодняшний день многими исследователями данный феномен по-прежнему понимается неодинаково. В зарубежной и отечественной правовой литературе встречаются разнообразные теории социального государства, предлагаются различные подходы к изучению данной теории, а также вырабатываются разного рода проблемы этого направления и предлагаются пути их решения. Теория социального государства по историческим меркам сформировалась в самостоятельную концепцию относительно недавно, несмотря на многовековые предпосылки своего становления. Принимая во внимание этот факт, а также высокую степень актуальности данного вопроса для современного общества, мы можем в очередной раз подчеркнуть острую необходимость дальнейшего скрупулезного исследования теории социального государства и ее особенностей.

Социальное взаимодействие и социальное равенство рассматриваются сегодня в разнообразных социогуманитарных концепциях, одна из которых утверждает о возможности установления социальной справедливости путем социальных революций, либо на основе реорганизаций социально-экономической системы. Последнее, по мнению Р.Ф. Степаненко, является более предпочтительным с позиций реализации принципа социальной справедливости в иррациональном (метафизическом) и рациональном (разумном и правовом) смыслах, что требует активизации исследований в контекстах заявленной проблемы [8].

Подводя определенные итоги, необходимо отметить, что непосредственно возникновение теории социального государства по ряду закономерных причин было неизбежно. Формирование большого количества различных предпосылок, рассмотренных нами выше, в самостоятельную правовую концепцию объясняется, прежде всего, историческим развитием общества и государства. Человек по своей природе находится в постоянном поиске наиболее благоприятных условий для своего существования в независимости от конкретного исторического периода. Идеи равенства, социальной справедливости и всеобщего блага имели свою актуальность уже в догосударственный период. Данные вопросы поднимались известными античными философами и получили свое развитие в более поздние периоды.

На определенном этапе своего развития человечество столкнулось с острейшими социально-экономическими проблемами, которые ставили под угрозу существовавшие политические

устои государства. Сложившаяся в силу объективных причин ситуация требовала незамедлительной реакции и сама жизнь поставила перед различными учеными, исследователями и практиками актуальнейшую проблему по выявлению роли государства и степени его непосредственного участия в справедливом перераспределении доходов, обеспечении равенства и свободы всех членов общества. Пути решения этих проблем как раз и предложила теория социального государства, которая по настоящее время находится в непрерывной разработке и процессе своей модернизации и совершенствования.

Список литературы:

[1] Кочеткова Л.Н. Теория и практика социального государства: социально-философский анализ: дис. … д-ра филос. наук / Российский государственный социальный ун-т. - М., 2010.

[2] Кочеткова Л.Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. - 2008. - № 3 (51). - С. 69–79.

[3] Михалев И.В. Концепция социального государства: теория и методология // Сервис plus. - 2009. - № 3. - С. 11–16.

[4] Нечаева Е.Г. Социальное государство: правовое понимание и практика: дис. … канд. юрид. наук. - М., 2007.

[5] Петров А.В., Жичкина С.Е. Формирование теории социального государства в работах классиков немецкой философии // Вестник Челябинского гос. ун-та. - 2015. - № 4 (359). - С. 17–20.

[6] Солдатов Я.В. К вопросу о теории развития социального правового государства // В сб.: Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф.: в 5 т. - 2016. - С. 47–52.

[7] Степаненко Р.Ф. Принцип социальной справедливости: рациональное и иррациональное // Юрид. техника. - 2020. - № 14. - С. 319–323.

[8] Степаненко Р.Ф. Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. - 2020. - № 6. - С. 79–89.

[9] Кроткова Н.В. 150-летие со дня рождения П.И. Новгородцева (1866–1924) («Круглый стол» кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА)) // Государство и право. - 2016. - № 9. – С. 110–121.

Spisok literatury:

[1] Kochetkova L.N. Teoriya i praktika social'nogo gosudarstva: social'no-filosofskij analiz: dis. … d-ra filos. nauk / Rossijskij gosudarstvennyj social'nyj un-t. - M., 2010.

[2] Kochetkova L.N. Teoriya social'nogo gosudarstva Lorenca fon Shtejna // Filosofiya i obshchestvo. - 2008. - № 3 (51). - S. 69–79.

[3] Mihalev I.V. Koncepciya social'nogo gosudarstva: teoriya i metodologiya // Servis plus. - 2009. - № 3. - S. 11–16.

[4] Nechaeva E.G. Social'noe gosudarstvo: pravovoe ponimanie i praktika: dis. … kand. yurid. nauk. - M., 2007.

[5] Petrov A.V., Zhichkina S.E. Formirovanie teorii social'nogo gosudarstva v rabotah klassikov nemeckoj filosofii // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. - 2015. - № 4 (359). - S. 17–20.

[6] Soldatov Ya. V. K voprosu o teorii razvitiya social'nogo pravovogo gosudarstva // V sb.: Tatishchevskie chteniya: aktual'nye problemy nauki i praktiki: materialy XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 5 t. - 2016. - S. 47–52.

[7] Stepanenko R.F. Princip social'noj spravedlivosti: racional'noe i irracional'noe // Yurid. tekhnika. - 2020. - № 14. - S. 319–323.

[8] Stepanenko R.F. Spravedlivost' i zakonoporyadok: teoretiko-metodologicheskij aspekt // Gosudarstvo i pravo. - 2020. - № 6. - S. 79–89.

[9] Krotkova N.V. 150-letie so dnya rozhdeniya P.I. Novgorodceva (1866–1924) («Kruglyj stol» kafedry teorii gosudarstva i prava i politologii yuridicheskogo fakul'teta MGU im. M.V. Lomonosova i kafedry teorii gosudarstva i prava MGYuU im. O.E. Kutafina (MGYuA)) // Gosudarstvo i pravo. - 2016. - № 9. – S. 110–121.

ИСРАЕЛЯН Валентин Борисович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государствоведения,
общеправовых и социально-гуманитарных
дисциплин Института законодательства и
сравнительного правоведения при Правительстве РФ
и кафедры юриспруденции МГУУ Правительства Москвы
e-mail: theory@izak.ru

КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ И НОВЫХ ВЫЗОВОВ

Аннотация. *В статье внесенные в Конституцию России изменения проанализированы с точки зрения их соответствия отечественным конституционным традициям и современным глобальным вызовам. По мнению автора, принятые в условиях глобализации поправки ориентированы на укрепление государственного суверенитета страны, повышение уровня ее независимости в политико-правовой сфере. Конституционные трансформации ориентированы на усиление социальной сплоченности как важного фактора устойчивого развития общества и государства.*

Ключевые слова: *Конституция Российской Федерации, конституционализм, конституционные поправки, глобализация, конституционно-правовая традиция.*

ISRAELIAN Valentin Borisovich,
PhD in Law, associate Professor of political science,
legal and socio-humanitarian disciplines of Institute
of legislation and comparative law under the Government
of the Russian Federation and the Department of law
city government University of management Moscow

CONSTITUTIONAL MODERNIZATION IN THE CONTEXT OF NATIONAL TRADITIONS AND NEW CHALLEGES

Annotation. *The article analyzes the changes made to the Russian Constitution from the point of view of their compliance with domestic constitutional traditions and modern global challenges. According to the author, the amendments adopted in the context of globalization are aimed at strengthening the country's state sovereignty and increasing its independence in the political and legal sphere. Constitutional transformations are aimed at strengthening social cohesion as an important factor in the sustainable development of society and the state.*

Key words: *Constitution of the Russian Federation; constitutionalism; constitutional amendments; globalization; constitutional and legal tradition.*

2020 г. ознаменован в России масштабной конституционной реформой, связанной с внесением существенных изменений в текст Основного Закона, принятого в 1993 г. Эта реформа вызвала немало дискуссий, как общественно-публицистического, так и научного характера. Одним из аспектов продолжающихся научных споров является сопоставление конституционных преобразований с традициями отечественного конституционализма и их динамикой в условиях вызовов современного мира.

Исторический опыт развития конституций в мире позволяет говорить о наличии определенной конституционно-правовой традиции, которая в каждом государстве приобретает свою специфику. Фактически, речь идет о диалектике общего и особенного в мировом конституционализме. При этом стоит отметить, что сам термин «конституционализм» толкуется учеными неоднозначно. В него вкладывают такие значения, как ограничение государственной власти конституционными нормами; политико-правовая теория, постулирующая верховенство Конституции и разделение властей; определенная политическая система демократического характера. При этом с содержательных позиций наполнение конституционализма представляется достаточно универсальным: народовластие, демократический характер организации государственной власти, соблюдение прав и свобод человека и гражданина [3, с. 24, 25].

Для понимания сущности конституционных преобразований и трансформаций имеет важное значение деление конституции на юридическую – принятый в государстве официально текст Основного закона, и фактическую – реально действующие основы государственного строя и ситуация с соблюдением прав и свобод человека и гражданина. Конституционная реформа для повышения эффективности должна иметь комплексный характер, т.е. сочетать в себе как изменения официального конституционного текста, так и преобразование реальных основ государственного и общественного строя.

Так же в процессе конституционного реформирования необходимо учитывать имеющуюся в конкретном государстве правовую традицию, которая проявляется, в числе прочего, через менталитет правоприменителя и оказывает существенное воздействие на реальное осуществление запланированных преобразований [5, с. 7, 8].

Российская конституционная реформа 2020 г. сочетает теоретико-программный и практико-ориентированный компоненты. Внесенные в текст Основного Закона изменения в значительной мере ориентированы на сформированный в обществе запрос, частично связанный с укреплением традиционных ценностей. Такой запрос, с одной стороны, соответствует российской правовой традиции, с другой - вызван необходимостью поиска ответов на глобальные вызовы современности [6, с. 30].

В современном мире существует ряд серьезных и противоречивых тенденций, которые в значительной мере детерминируют направления конституционно-правового развития. Внесение изменений в национальные конституции вполне можно рассматривать как попытку ответа на вызовы современности, но противоречивый характер этих вызовов влечет за собой и противоречивость даваемых на них ответы. В частности, вызову глобализации противостоит противоположная ему тенденция регионализации. Соответственно, глобализация может повлечь за собой усиление либеральных начал в конституциях, больше внимания к экономическим свободам и политическим правам личности. Глобализация и связанная с ней либерализация определяют тренд на расширение списка прав человека за счет включения в него новых прав – прав меньшинств. Регионализация, напротив, определяет тренд на усиление государственного регулирования экономики вплоть до политики протекционизма, а также закрепление в конституциях традиционных для той или иной национальной культуры ценностей.

Как обосновано в работах отечественных правоведов, российский конституционализм имеет заимствованный характер [1, с. 40]. Идеи конституционализма, возникшие на Западе в период «великих» революций, были неразрывно связаны с либерализмом в экономике и идеей прав человека. Попав в Россию, эти идеи приобрели выраженную национальную окраску. Об этом свидетельствует, например, первая российская Конституция, принятая в 1918 г. В тексте данного Основного Закона вместо либеральных экономических принципов и равноправия граждан содержится классовый подход, в силу которого даже наделение избирательными правами осуществлялось по классовому принципу, а не по принципу гражданства. Такой подход в той или иной мере получил отражение во всех конституциях советского периода. Несмотря на то что классовый принцип был постепенно заменен в советском государстве принципом равноправия граждан, либеральных экономических свобод в конституциях этого периода не появилось, что было достаточно закономерно, если исходить из понимания природы советского государственного строя.

Конституция РФ 1993 г. создавалась в период широкого проникновения либеральных идей в национальное общественное сознание. В ее тексте получили отражение не только основополагающие права человека и гражданина, но и иные ценности либерализма, в т.ч. право частной собственности [7]. Все это соответствовало мировой тенденции развития конституционализма.

Стоит отметить, что глобализация и связанная с ней либерализация крайне негативно сказались на развитии российской экономики, научной и культурной сферы. Как справедливо писал А.С. Панарин, в период 1990-х гг. в России «наиболее быстрыми темпами уничтожались наукоемкие производства, сокращались ассигнования на науку, культуру и образование» [4, с. 82].

Но в современных условиях мировой тренд изменился. Либералы начинают утрачивать свои позиции, им на смену в политической элите приходят сторонники крепкой национальной государственности. Новое значение получает идея национального суверенитета, закономерно вытекающая из тенденции к экономической регионализации. Такая тенденция по мере ее развития должна была получить то или иное воплощение в виде конституционной модернизации, степень и глубина которой детерминированы национальной конституционно-правовой традицией. И это наглядно проявилось в процессе российской конституционной реформы 2020 г.

Следует отметить, что последнее десятилетие отмечено в мире широкими конституционными преобразованиями. Были внесены изменения в конституции государств постсоветского про-

странства. По словам академика РАН Т.Я. Хабриевой, «тенденция к модернизации основных законов подтверждается уже пятой редакцией Конституции Казахстана 1995 г., новой редакцией 2015 г. Конституции Армении 1995 г., десятой редакцией Конституции Швейцарии 1999 г., третьей редакцией после 2004 года Конституции Турции» [2].

Таким образом, российская конституционная реформа вполне вписывается в мировой конституционный тренд. При этом она закономерно обладает выраженной спецификой. Во-первых, часть внесенных в Основной Закон поправок относится к вопросам укрепления государственного суверенитета и национальной безопасности. Речь идет об установлении приоритета отечественного конституционного законодательства над решениями международных органов, а также о запрете на отчуждение российской территории.

Часть внесенных поправок направлена на укрепление традиционных для населения нашей страны ценностей. Это относится к семье как союзу мужчины и женщины. Такая поправка ориентирована на противодействие либеральному тренду на легализацию однополых браков. Это относится и к противодействию фальсификациям исторических фактов, в первую очередь, связанных с подвигом российского народа в Великой Отечественной войне. Наконец, существенное место в конституционных поправках отводится закреплению важных социальных гарантий. Фактически, речь идет, с одной стороны, о конкретизации идеи социального государства, провозглашенного в ст. 7 Конституции РФ, с другой - о реализации существующего в нашем обществе запроса на укрепление социальных гарантий и достижение большей социальной справедливости.

Полный анализ содержания внесенных в Конституцию изменений потребует целой монографии, и даже не одной. В рамках статьи возможно затронуть лишь два аспекта: насколько эти изменения соответствуют сущности отечественного конституционализма и в какой мере их можно рассматривать в качестве ответов на вызовы современности. Представляется, что на оба поставленных вопроса можно ответить утвердительно.

Конституция РФ 1993 г. принималась в переходный период нашей истории и испытала на себе серьезное воздействие из-за рубежа. Фактически, она стала, с одной стороны, новым словом в процессе развития отечественной конституционной традиции, с другой - серьезным отступлением от нее. Внесенные в 2020 г. поправки в некоторой степени скорректировали ситуацию, закрепив в тексте Основного Закона определенные ценности, типичные для российской государственно-правовой традиции. Именно из-за этого большинство населения во время всенародного голосования поддержала вносимые поправки. Для российского конституционализма в его исторической ретроспективе типична ведущая роль государства, весомое значение обязанностей личности наряду с ее правами, высокий уровень социальной защищенности граждан. Именно эти характеристики в определенной мере отражены во внесенных в Конституцию поправках.

Одним из главных вызовов современного мира остается глобализация, и конституционные поправки ориентированы на то, чтобы противостоять ее негативным последствиям. Они ориентированы на укрепление государственного суверенитета страны, повышение уровня ее независимости в политико-правовой сфере. Усиление социальных начал в Конституции противоречит тем либеральным принципам, которые выступают идеологией глобализации и на практике могут привести к усилению экономического (а как следствие, и политического) господства транснациональных корпораций, к усилению социального расслоения общества. Конституционные трансформации ориентированы на усиление социальной сплоченности как важного фактора устойчивого развития общества и государства.

Список литературы:

[1] Бабаева Ю.Г., Пашенцев Д.А. Основные этапы развития российского конституционализма // Образование и право. - 2018. - № 11. - С. 39–43.

[2] Интервью Т.Я. Хабриевой «АиФ». URL: https://izak.ru/conferences/lenta-direktora/intervyu-t-ya-khabrievoy-aif/

[3] Милосердов А.С. Российский конституционализм: особенности и этапы развития // Вестник МГПУ. Сер.: Юрид. науки. - 2020. - № 1. - С. 23–27.

[4] Панарин А.С. Искушение глобализмом. - М., 2000.

[5] Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал росс. права. - 2018. - № 8. - С. 5–13.

[6] Пашенцев Д.А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юрид. наука. - 2016. - № 1. - С. 29–32.

[7] Писарев А.Н., Исраелян В.Б. Конституционное (государственное) право России. - М., 2011.

Spisok literatury:

[1] Babaeva Yu. G., Pashencev D.A. Osnovnye etapy razvitiya rossijskogo konstitucionalizma // Obrazovanie i pravo. - 2018. - № 11. - S. 39–43.

[2] Interv'yu T. Ya. Habrievoj «AiF». URL: https://izak.ru/conferences/lenta-direktora/intervyu-t-ya-khabrievoy-aif/

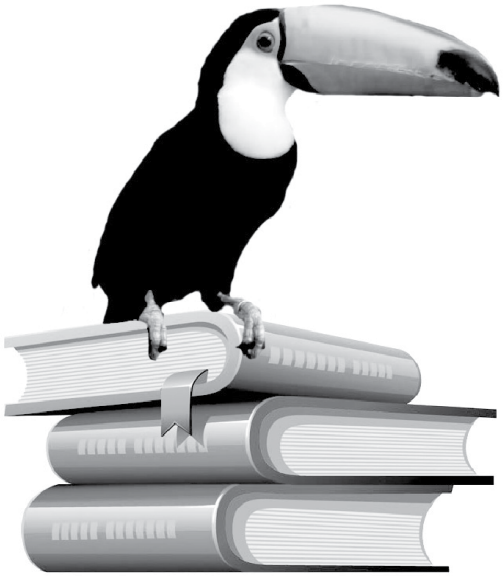
[3] Miloserdov A.S. Rossijskij konstitucionalizm: osobennosti i etapy razvitiya // Vestnik MGPU. Ser.: Yurid. nauki. - 2020. - № 1. - S. 23–27.

[4] Panarin A.S. Iskushenie globalizmom. - M., 2000.

[5] Pashencev D.A. Rossijskaya zakonotvorcheskaya tradiciya: ontologiya processa // Zhurnal ross. prava. - 2018. - № 8. - S. 5–13.

[6] Pashencev D.A. Rossijskaya pravovaya tradiciya pered vyzovom globalizacii // Yurid. nauka. - 2016. - № 1. - S. 29–32.

[7] Pisarev A.N., Israelyan V.B. Konstitucionnoe (gosudarstvennoe) pravo Rossii. - M., 2011.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ГОНЧАРОВ Игорь Александрович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала Российского
государственного университета правосудия (г. Краснодар),
e-mail: goncharov.1476@mail.ru

МОДЕЛИ СООТНОШЕНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОЙ И ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. *В статье автор исследует модели правового регулирования с точки зрения соотношения понятий муниципальной и публичной собственности, которые отражены в конституциях, разделяя эти модели на три категории: а) муниципальная собственность объявляется публичной собственностью; б) устанавливается, что муниципальная собственность может быть как публичной, так и частной; в) устанавливается особый режим муниципальной собственности; г) устанавливается режим сосуществования государственного сектора, частного сектора и кооперативного и общественного сектора.*

Ключевые слова: *собственность, право собственности, гражданское право, римское право, земля, государство.*

GONCHAROV Igor Alexandrovich,
Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer in the Department of State Legal Disciplines
of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar)

MUNICIPAL-PUBLIC PROPERTY RATIO MODELS

Annotation. *In the article, the author explores models of legal regulation in terms of the relationship between the concepts of municipal and public property, which are reflected in constitutions, dividing these models into three categories: a) municipal property is declared public property; b) it is established that municipal property can be both public and private; c) establish a special regime of municipal ownership; d. Establish a regime of coexistence between the public sector, the private sector and the cooperative and public sector.*

Key words: *property, ownership, civil law, Roman law, land, state.*

В странах с делением права на публичное и частное, а соответственно, и собственности на публичную и частную это в той или иной мере затрагивает и муниципальную собственность. Вопрос о муниципальной собственности решается в зарубежных конституциях в зависимости от сложившейся концепции такого соотношения, а также от представлений о публичной собственности, ее назначении, особенностях, видах и т.д. Можно выделить несколько моделей правового регулирования с точки зрения соотношения понятий муниципальной и публичной собственности, которые отражены в конституциях: а) муниципальная собственность объявляется публичной собственностью; б) устанавливается, что муниципальная собственность может быть как публичной, так и частной; в) устанавливается особый режим муниципальной собственности; г) устанавливается режим сосуществования государственного сектора, частного сектора и кооперативного и общественного сектора, основанных на соответствующих формах собственности на средства производства. Остановимся на этом подробнее.

Первая модель базируется на представлениях об исключительно публичном характере функций, осуществляемых местными органами как органами публичной власти. Объекты муниципальной собственности изъяты из общего оборота, а само право муниципальной собственности регулируется особым актом или отдельными статьями в комплексных актах о публичной собственности [6, 13, 25].

Согласно второй модели муниципальная собственность может быть как публичной, так и частной. В этом случае муниципальные образования как субъекты права муниципальной собственности могут выступать в качестве участников как публично-правовых и частноправовых отношений по поводу муниципального имущества. Эта модель распространена в ряде европейских стран, в странах Латинской Америки, в бывших

французских колониях и довольно часто получает отражение на конституционном уровне. Так, например, в ч. 3 и 4 ст. 20 и ч. 1 ст. 23 Федерального конституционного закона.

Третья модель выделяет три вида муниципального имущества. Это получило отражение, например, в Конституции Андорры. Пункт «f» ч. 1 ст. 80 относит к компетенции общин вопросы «частного и публичного имущества общины». Согласно ст. 79 «общины... распоряжаются и управляют всем имуществом приходов, независимо от того, является ли оно публичным или частным, или всеобщим достоянием» [12].

Четвертая модель была использована в Конституции Португалии. В ст. 80 Конституции Португалии говорится о «сосуществовании государственного сектора, частного сектора и кооперативного и общественного сектора, основанных на соответствующих формах собственности на средства производства». Часть 4 ст. 82 Конституции Португалии конкретизирует это положение применительно к кооперативной и публичной собственности, устанавливая, что публичный сектор охватывает «коммунальные средства производства, которые находятся в собственности или под управлением местных сообществ» [24].

Например, в Испании и испаноязычных странах для характеристики хозяйственного комплекса муниципальных органов используется понятие муниципального достояния *(«patrimonio municipal»)*. В рамках этого понятия имущество, находящееся в собственности муниципалитета, может иметь разные правовые характеристики. С этой точки зрения законодатель выделил три основные формулы, используемые в латиноамериканских странах на уровне текущего законодательства: унитарная, бинарная и троичная. Они далеко не всегда отражаются на конституционном уровне, чаще «остаются за кадром», но понимание конституционных норм базируется на той или иной модели как «естественной» [10, 11].

Унитарная формула отличается тем, что в составе муниципального достояния отдельные виды имущества не имеют особых характеристик, а выступают как часть единого комплекса имущества, прав и акций, принадлежащих муниципалитету. Само по себе понятие муниципального достояния при этом означает, что оно обладает особыми свойствами и характеристиками, установленными для муниципального достояния законодательством. Такая формула применяется, например, в Чили. Так, в ст. 31 Органического конституционного закона о муниципалитетах содержатся положения о муниципальном достоянии, в которое включены помимо телесных и бестелесных имуществ, которыми они обладают или имеют, любой титул, вклады региональных правительств, доходы от участия в объединенных муниципальных фондах, доходы от выданных разрешений и концессий; доходы от зависящих от них учреждений, доходы от местных налогов и акцизов, местных штрафов и иные доходы в соответствии с законами. В ст. 32-39 этого акта статус муниципальных имуществ в рамках муниципального достояния конкретизируется - выделяются отдельные виды имуществ, имеющие разный статус.

Для бинарной формулы характерно выделение в рамках муниципального достояния публичного и частного имущества муниципалитета. Такое деление является наи-олее распространенным (хотя и не единственно возможным) в странах с делением права на публичное и частное [11, 23].

При этом публичное имущество муниципалитетов (как правило, это муниципальные дороги, муниципальные парки, муниципальные каналы, муниципальные мосты и т. п.) как минимум неотчуждаемо и на него не распространяются сроки давности, а частное муниципальное имущество (прочее имущество муниципалитета) может участвовать в гражданско-правовом обороте. Так, согласно ст. 103 Закона о публичном муниципальном управлении Нижней Калифорнии (Мексика) муниципальная собственность («el patrimonio municipal») образуется из имущества публичной собственности («bienes del dominio pъblico») и частного имущества («bienes del dominio privado»).

Троичная формула предполагает выделение в составе муниципального достояния трех категорий. Так, в Эквадоре в составе муниципального достояния выделяют имущество в публичной собственности (дороги, шоссе, мосты, художественные монументы и т. п.), имущество, предназначенное для публичного обслуживания (здания муниципальных учреждений, муниципальные библиотеки, местные архивы, муниципальные научно-исследовательские институты, муниципальные музеи, муниципальные театры и другие объекты, созданные муниципалитетами для обслуживания местного населения), и другое имущество (не предназначенное для общего обслуживания).

Например, в Законе о муниципиях Никарагуа 1998 г. имеется специальная глава «Муниципальное достояние». Содержащаяся в ней ст. 41 определяет муниципальное достояние как состоящее из публичного и частного имущества муниципалитета, а также поступлений от них и иных поступлений, прав и акций: «Публичное муниципальное имущество - это имущество, предназначенное для обслуживания всего поселения. Частное муниципальное имущество — это имущество, использование которого ограничено нормативами муниципальных органов» [21, 22].

В действующей Конституции Никарагуа эта формула не нашла отражения. В настоящее время в странах Латинской Америки встречается еще одна модель, которую условно можно назвать четверичной, при которой муниципальное достояние выступает одним из видов имущества наряду с другими. По существу, речь идет о трактовке понятия «достояние», отличающейся от вышеприведенной [16]. Например, законодательные акты Боливии подразделяют муниципальное имущество на четыре группы:

1) имущество в публичной собственности («bienes de dominio pъblico»), которое предназначено непосредственно для обеспечения функционирования муниципии и ее органов, в силу чего закон объявляет его неотчуждаемым и не подлежащим срокам давности;

2) публичное муниципальное достояние (*«patrimonio municipal»*) — это имущество, права и ценные бумаги, полученные на основании договоров о концессиях и других договоров, а также переданные муниципиям на основании предписаний текущего законодательства (например, Закона о народном участии);

3) имущество субъектов частного права - имущество, не предназначенное для публичного обслуживания;

4) общее имущество («bienes de regimen mancomunado») - это имущество, принадлежащее двум или более муниципалитетам либо находящееся в общей собственности муниципалитета и других организаций публичного или частного права [1].

Ресурсы муниципалитетов делят на обычные (постоянные, установленные законом и предусмотренные уставом) и экстраординарные (полученные в результате кооперации федерации, субъектов федерации и муниципий или в порядке помощи со стороны федерации или субъектов). Имущество в муниципальной собственности относится, как правило, к обычным ресурсам, поскольку выделяемые в экстраординарном порядке (например, в виде помощи) средства имеют целевой характер и не всегда становятся собственностью муниципий [18].

Отчуждение муниципального публичного имущества и его реституция. Полномочия муниципалитетов по отчуждению муниципального имущества вытекают из принципа автономии муниципий. Тем не менее положения о них нередко включаются в конституции для того, чтобы подчеркнуть полноту автономных прав муниципалитетов в отношении их имущества. Так, в п. 5 ст. 192 Конституции провинции Буэнос-Айрес говорится о полномочии муниципалитетов «распоряжаться муниципальным недвижимым имуществом, отчуждать это имущество». Порядок осуществления полномочия по отчуждению имущества может быть разным: детально он урегулирован в законодательстве о муниципалитетах. Так, например, приведенные выше положения Конституции провинции Буэнос-Айрес о праве муниципалитетов отчуждать имущество детализируются в ст. 55 Органического закона о муниципалитетах 1958 г., согласно которой решение об уступке муниципального имущества совет муниципалитета принимает абсолютным большинством от общего числа членов совета [17]. Если речь идет об отчуждении принадлежащих муниципалитету зданий, то помимо решения совета необходимо разрешение провинциальной легислатуры. Процедура выбора приобретателя отчуждаемого имущества урегулирована в ст. 159 того же акта. Муниципальное имущество отчуждается в результате проведения аукциона или на торгах [19, 20]. Вместе с тем, установлены дополнительные варианты в зависимости от стоимости имущества: закрытые торги, если оценочная стоимость имущества не превышает 111 075 800 песо; запрос котировок, если оценочная стоимость имущества не превышает 37 025 700 песо, и в прямой форме, если стоимость сделки не превышает 7 406 000 песо [2]. Обычно институты экспроприации, национализации и приватизации рассматриваются в комплексе с соответствующими отношениями собственности - частной, государственной или муниципальной, поскольку именно к ним они относятся в первую очередь и их изменяют, иначе говоря именно на них в наибольшей степени сказывается воздействие данных институтов. Экспроприация и национализация прекращают отношения частной собственности, а приватизация - государственной или муниципальной. Общая характеристика такого воздействия дана в соответствующих главах настоящего исследования [13, 14].

Однако применительно к специфике российского восприятия института собственности и практике реализации конституционных положений, как представляется, важнее показать общее воздействие, оказываемое экспроприацией, национализацией и приватизацией на институт собственности как таковой. Большое внимание, уделяемое в зарубежной теории и практике указанным институтам, связано с тем, что они не только отражаются на конкретных отношениях частной, государственной или муниципальной собственности, вторгаются в сферу прав конкретных собственников и изменяют их статус, но и способны подорвать и частную, и государственную, и муниципальную собственность [11, 25]. Таким образом, в ситуации экспроприации, и тем более национализации, возникает опасность перейти тонкую грань, за которой из конституционно защищенного института

частная собственность превращается в незащищенное на практике право [15]. При приватизации потенциально возможна потеря материальной основы, необходимой для выполнения соответствующих государственных или муниципальных функций, соответственно ослабление соответствующего государства или муниципального образования и неспособность осуществлять возложенные на них конституцией или законом функции. В этом аспекте значение институтов экспроприации, национализации и приватизации как трансформирующих собственность институтов выходит далеко за рамки частной, государственной или муниципальной собственности.

Понятие экспроприации в конституционном праве зарубежных стран. В конституциях зарубежных стран для обозначения изъятия собственности в общественных интересах используются различные термины: изъятие (англ. «deprivation» в конституциях некоторых бывших английских колоний Багамских Островов, Барбадоса, Белиза, Тринидада и Тобаго, Замбии, Зимбабве) и экспроприация (исп. «expropiacion» в конституциях Аргентины, Гондураса, Панамы, Мексики, Перу, Ямайки и ряда других стран Латинской Америки, англ. «expropriation» - Суринам). Только в немногих конституциях удается обойтись без этих терминов, как, например, в ст. 6 Конституции Йемена 1991 г., согласно которой национальная экономика строится на ряде принципов, в том числе, принципе «сохранения частной собственности, которая не может быть затронута кроме как в общественных интересах на условиях справедливой компенсации в соответствии с законом» (п. 3) [12].

Если термин «изъятие» и производные от него глаголы используются в конституциях в разных контекстах и значениях, то термину «экспроприация» соответствует сложившееся юридическое понятие принудительного возмездного изъятия собственности в общественных интересах. Термин «экспроприация» (англ. «expropriation», исп. «expropiacion», нем. «expropriation») латинского происхождения и состоит из двух слов «ex» («из») и «proprieta» («собственность»), т. е. изъятие собственности. В английском и некоторых других языках у этого термина существует антоним также латинского происхождения «appropriation», что означает присвоение (сравните также с «misappropriation» - незаконное присвоение) [10, 28]. В русском языке и российской юридической лексике термин «экспроприация» имеет негативный оттенок изъятия по праву силы, без возмещения и соответствующей установленной законом процедуры, направленной на учет интересов собственника (сравните, например, с печально известной экспроприацией экспроприаторов, когда законы об экспроприации не только не предусматривали компенсации, но и принимались постфактум) [8, 9]. Такая трактовка термина возникла в силу известных исторических причин, когда после революции производилось изъятие собственности без компенсации.

На Западе, наоборот, вопросы изъятия собственности в общественных интересах, начиная с первых конституций, увязывались с компенсацией. Поднятие на конституционный уровень этих вопросов было реакцией на феодальное государство, в котором безвозмездные изъятия для пополнения имущества Короны или крупных феодалов были не редкостью и никто от них не был застрахован. Поэтому экспроприация в общественных интересах в западной доктрине по определению возмездная, протекает на основании закона и по определенной процедуре, что обычно предусмотрено на конституционном уровне [7].

Защита института собственности в процессе экспроприации осуществляется путем законодательного определения содержания понятия публичного интереса, введения элементов участия граждан в решении вопросов о проведении экспроприации, а также положений о справедливом возмещении. Экспроприация с точки зрения конституционного права представляет интерес как институт публичного права, реализуемый государством в публичных интересах. Понятие национализации в конституционном праве зарубежных стран. Во всех конституциях стран с рыночной экономикой допускается изъятие собственности в общественных интересах и имеются положения, гарантирующие права собственника и компенсацию в случаях, когда общественный интерес требует отчуждения собственности. Такие нормы бывают двух групп, различающиеся по масштабам изъятия собственности [3, 4].

Первую группу составляют нормы, рассчитанные на удовлетворение общественных потребностей, возникающих в ходе экономического развития в отдельных местностях или регионах [26, 27].

Конституционный законодатель «разводит» соответствующие конституционные нормы, подчеркивая тем самым различие этих двух институтов. Даже широкомасштабная экспроприация частной собственности, которая бывает, например, при строительстве национальных автострад или железных дорог, не наносит такого удара по частной собственности, как национализация, изымающая большую группу предприятий или отрасль. Вместе с тем, институт национализации, который сначала рассматривался однозначно как потенциальная опасность для института собственности (особенно в условиях, когда левые партии занимали сильные позиции), постепенно

был оценен и как резервное средство для восполнения государством «провалов» рынка. Национализируя определенные предприятия или банки, государство спасает их от банкротства, а экономику в целом от коллапса на деньги налогоплательщиков. Это, безусловно, изменение инструментального применения национализации, направленной уже на упрочение (в перспективе и рыночных отношений и частной собственности), что мы наблюдаем, например, в условиях финансового кризиса [5, 6].

С точки зрения эволюции конституционного регуливования, данные нормы, сохранившиеся в европейских конституциях в основном поставторитарных европейских государств, являются результатом сужения по сравнению с авторитарными методами вмешательства государства в экономику и вместе с тем резервным средством воздействия на нее. Понятно, что поставторитарное государство, в котором государственное вмешательство в экономику было особенно широкомасштабным, не могло сразу отказаться от инструментов брутального воздействия на нее.

Однако на практике в указанных странах в последние десятилетия наблюдается тенденция к широкомасштабной приватизации, а не к обобществлению. С точки зрения характеристики форм и методов управления экономикой и пределов вмешательства государства в экономику данные нормы отражают качественно иной уровень этих процессов, чем нормы о возможности изъятия собственности применительно к праву частной собственности, адресованному отдельным лицам.

Список литературы:

[1] Ley reformas e incorporaciones a la Ley Ley de municipios // Diario oficial. 1997. № 10. С. 162.

[2] Аргентинская Республика: конституционный строй, права человека, выборы. – М., 2009. - С. 273.

[3] Гоц Е.В., Лазарева И.Л., Матвеева М.А., Моргунова Г.А., Попов К.И., Расулов А.В., Филиппова М.Ю., Химич Т.М., Эфиндиев Т.С. Правоведение. Учебник для студентов транспортных вузов. - Москва, 2013.

[4] Жарова А.К. Информационные конфликты. Правовые аспекты / Условия реализации прав граждан и организаций на основе информационных технологий. Сборник. Институт государства и права РАН. – М., 2010. С. 143-158.

[5] Жарова А.К. Информация. Правовые проблемы обращения информации. - Москва, 2006.

[6] Жарова А.К. Международные правовые концепции борьбы с распространением вредной информации // Бизнес-информатика. 2010. № 4 (14). С. 46-53.

[7] Жарова А.К. Место сетевого информационного сообщества в системе правового регулирования // Репутациология. 2009. № 3 (4). С. 29-46.

[8] Жарова А.К. О конфликте интересов субъектов в информационных отношениях // Государство и право. 2011. № 4. С. 42-49.

[9] Жарова А.К. О необходимости правовой классификации операторов сети Интернет // Бизнес-информатика. 2011. № 3 (17). С. 60-65.

[10] Жарова А.К. О подходе к классификации информационно-технологических услуг // Государство и право. 2014. № 3. С. 32-38.

[11] Жарова А.К. О правовом регулировании технологического обеспечения информационного взаимодействия субъектов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 3. С. 186-199.

[12] Жарова А.К. О соотношении персональных данных с IP-адресом. Российский и зарубежный опыт // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2016. № 1 (19). С. 61-67.

[13] Жарова А.К. Особенности осуществления розничной купли-продажи по сети Интернет // Государство и право. 2012. № 8. С. 109-113.

[14] Жарова А.К. Особенности процесса правовой идентификации человека в Интернете // Информационное право. 2016. № 3. С. 30-35.

[15] Жарова А.К. Правовая классификация лицензий на программное обеспечение // Информационные ресурсы России. 2010. № 2 (114). С. 38-41.

[16] Жарова А.К. Правовая классификация угроз и рисков в информационной сфере // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2016. № 7-8 (97-98). С. 130-138.

[17] Жарова А.К. Правовое регулирование обращения информации в Интернет. - Москва, 2006.

[18] Жарова А.К. Риски информационной безопасности и возможности правового регулирования криптовалюты в России // Информационное право. 2018. № 4. С. 11-16.

[19] Мальцева С.В., Абашкин В.Л., Артемов С.В., Великанова Н.П., Голанд М.Ю., Дискин И.Е., Жарова А.К., Карасев О.И., Комаров М.М., Кузнецова И.А., Куценко Е.С., Ляпина С.Ю., Медовников Д.С., Наумов С.А., Оганесян Т.К., Рудник П.Б., Савеленок Е.А., Соколов А.В., Федин П.С., Шаламков С.А. и др. Инновационный менеджмент. Учебник / Москва, 2016. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс (1-е изд.)

[20] Матвеева М.А. Внесение поправок в Конституцию Российской Федерации: общетеоретические проблемы многообразия конституционно-законотворческих производств // Ученые труды

Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 4 (31). С. 79-81.

[21] Матвеева М.А. Мониторинг правотворчества: проблема теоретического обоснования // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 2 (33). С. 44-47.

[22] Матвеева М.А. Нормотворчество и правотворчество: теоретические проблемы соотношения понятий // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 3 (34). С. 42-47.

[23] Матвеева М.А. Правотворчество как юридическая деятельность // Новый юридический журнал. 2014. № 3. С. 160-164.

[24] Матвеева М.А. Теоретические и методологические проблемы юридической процессуальной формы правотворчества // Право и государство: теория и практика. 2015. № 3 (123). С. 30-34.

[25] Матвеева М.А. Теоретические основы соотношения нормотворчества и правотворчества // Образование и право. 2014. № 11-12 (63-64). С. 32-40.

[26] Матвеева М.А. Теория правотворчества в отечественной юриспруденции // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 1 (32). С. 37-41.

[27] Полякова Т.А., Жарова А.К. Научный семинар «Проблемы информационного права и информационной безопасности» // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 1. С. 172-188.

[28] Шагиева Р.В., Матвеева М.А. Рецензия на монографию Н.А. Придворова, В.В. Трофимова «Правообразованние и правообразующие факторы в праве» // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 3 (34). С. 139-141.

Spisok literatury:

[1] Ley reformas e incorporaciones a la Ley Ley de municipios // Diario oficial. 1997. № 10. S. 162.

[2] Argentinskaya Respublika: konstitucionnyj stroj, prava cheloveka, vybory. – M., 2009. - S. 273.

[3] Goc E.V., Lazareva I.L., Matveeva M.A., Morgunova G.A., Popov K.I., Rasulov A.V., Filippova M.YU., Himich T.M., Efindiev T.S. Pravovedenie. Uchebnik dlya studentov transportnyh vuzov. - Moskva, 2013.

[4] Zharova A.K. Informacionnye konflikty. Pravovye aspekty / Usloviya realizacii prav grazhdan i organizacij na osnove informacionnyh tekhnologij. Sbornik. Institut gosudarstva i prava RAN. – M., 2010. S. 143-158.

[5] Zharova A.K. Informaciya. Pravovye problemy obrashcheniya informacii. - Moskva, 2006.

[6] Zharova A.K. Mezhdunarodnye pravovye koncepcii bor'by s rasprostraneniem vrednoj informacii // Biznes-informatika. 2010. № 4 (14). S. 46-53.

[7] Zharova A.K. Mesto setevogo informacionnogo soobshchestva v sisteme pravovogo regulirovaniya // Reputaciologiya. 2009. № 3 (4). S. 29-46.

[8] Zharova A.K. O konflikte interesov sub»ektov v informacionnyh otnosheniyah // Gosudarstvo i pravo. 2011. № 4. S. 42-49.

[9] Zharova A.K. O neobhodimosti pravovoj klassifikacii operatorov seti Internet // Biznes-informatika. 2011. № 3 (17). S. 60-65.

[10] Zharova A.K. O podhode k klassifikacii informacionno-tekhnologicheskih uslug // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 3. S. 32-38.

[11] Zharova A.K. O pravovom regulirovanii tekhnologicheskogo obespecheniya informacionnogo vzaimodejstviya sub»ektov // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2012. № 3. S. 186-199.

[12] Zharova A.K. O sootnoshenii personal'nyh dannyh s IP-adresom. Rossijskij i zarubezhnyj opyt // Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informacionnoj sfere. 2016. № 1 (19). S. 61-67.

[13] Zharova A.K. Osobennosti osushchestvleniya roznichnoj kupli-prodazhi po seti Internet // Gosudarstvo i pravo. 2012. № 8. S. 109-113.

[14] Zharova A.K. Osobennosti processa pravovoj identifikacii cheloveka v Internete // Informacionnoe pravo. 2016. № 3. S. 30-35.

[15] Zharova A.K. Pravovaya klassifikaciya licenzij na programmnoe obespechenie // Informacionnye resursy Rossii. 2010. № 2 (114). S. 38-41.

[16] Zharova A.K. Pravovaya klassifikaciya ugroz i riskov v informacionnoj sfere // Voprosy oboronnoj tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodejstviya terrorizmu. 2016. № 7-8 (97-98). S. 130-138.

[17] Zharova A.K. Pravovoe regulirovanie obrashcheniya informacii v Internet. - Moskva, 2006.

[18] Zharova A.K. Riski informacionnoj bezopasnosti i vozmozhnosti pravovogo regulirovaniya kriptovalyuty v Rossii // Informacionnoe pravo. 2018. № 4. S. 11-16.

[19] Mal'ceva S.V., Abashkin V.L., Artemov S.V., Velikanova N.P., Goland M.Yu., Diskin I.E., Zharova A.K., Karasev O.I., Komarov M.M., Kuznecova I.A., Kucenko E.S., Lyapina S.Yu., Medovnikov D.S., Naumov S.A., Oganesyan T.K., Rudnik P.B., Savelenok E.A., Sokolov A.V., Fedin P.S., SHalamkov S.A. i dr. Innovacionnyj menedzhment.

Uchebnik / Moskva, 2016. Ser. 58 Bakalavr. Akademicheskij kurs (1-e izd.)

[20] Matveeva M.A. Vnesenie popravok v Konstituciyu Rossijskoj Federacii: obshcheteoreticheskie problemy mnogoobraziya konstitucionno-zakonot-

vorcheskih proizvodstv // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2013. № 4 (31). S. 79-81.

[21] Matveeva M.A. Monitoring pravotvorchestva: problema teoreticheskogo obosnovaniya // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 2 (33). S. 44-47.

[22] Matveeva M.A. Normotvorchestvo i pravotvorchestvo: teoreticheskie problemy sootnosheniya ponyatij // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 3 (34). S. 42-47.

[23] Matveeva M.A. Pravotvorchestvo kak yuridicheskaya deyatel'nost' // Novyj yuridicheskij zhurnal. 2014. № 3. S. 160-164.

[24] Matveeva M.A. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy yuridicheskoj processual'noj formy pravotvorchestva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2015. № 3 (123). S. 30-34.

[25] Matveeva M.A. Teoreticheskie osnovy sootnosheniya normotvorchestva i pravotvorchestva // Obrazovanie i pravo. 2014. № 11-12 (63-64). S. 32-40.

[26] Matveeva M.A. Teoriya pravotvorchestva v otechestvennoj yurisprudencii // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 1 (32). S. 37-41.

[27] Polyakova T.A., Zharova A.K. Nauchnyj seminar «Problemy informacionnogo prava i informacionnoj bezopasnosti» // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2017. T. 12. № 1. S. 172-188.

[28] Shagieva R.V., Matveeva M.A. Recenziya na monografiyu N.A. Pridvorova, V.V. Trofimova «Pravoobrazovannie i pravoobrazuyushchie faktory v prave» // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 3 (34). S. 139-141.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

БРУСОВА Виктория Андреевна,
аспирант департамента публичного права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»
e-mail: viktoriia.brusova@gmail.com

Научный руководитель:
ЯЛБУЛГАНОВ Александр Алибиевич,
доктор юридических наук, профессор
e-mail: yalbulganov@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ТОЛКОВАНИЯ НОРМ НАЛОГОВОГО ПРАВА

Аннотация. *Актуальность исследования вызвана широтой субъектного состава, задействованного в толковании норм налогового права, на фоне проблемы их качества и наличия конфликта интересов между налогоплательщиком и государственными органами, осуществляющими толкование. Целью исследования являются выявление проблем толкования норм налогового права путем исследования его теоретико-правовых основ и определение некоторых путей решения данных проблем. Исследование проведено с использованием методов анализа, синтеза, индукции, дедукции, а также формально-догматического метода. В ходе достижения поставленной цели в работе был проанализирован перечень причин, обусловливающих необходимость толкования норм права, и определены наиболее характерные для налогового права причины толкования. Среди них можно выделить: необходимость толкования узкоспециальных терминов, которая в комплексе с осуществлением данной деятельности неуполномоченными субъектами составляет одну из проблем толкования налоговых норм; сложность процесса толкования терминов иных отраслей законодательства, используемых в НК РФ; определение правомерности преодоления пробелов путем толкования налоговых норм. Среди прочих, предложен метод решения данных проблем, заключающийся в изменении законодательного похода к определению терминов, которые должны стать максимально точными и немногословными.*

Ключевые слова: *толкование, нормы налогового права, причины толкования, теоретические основы толкования, толкование налоговых норм.*

BRUSOVA Viktoriia Andreevna,
Post-graduate Student of the School of Public Law
of the National Research University Higher School of Economics

Scientific advisor:
IALBULGANOV Aleksandr Alibievich,
Doctor of Law, Professor

THEORETICAL AND LEGAL BASIS FOR THE INTERPRETATION OF TAX LAW

Annotation. *The relevance of the research is due to the breadth of the subject composition involved in the interpretation of the rules of tax law, against the background of the problem of their quality and the presence of a conflict of interest between taxpayers and state authorities carrying out the interpretation. The purpose of the research is to identify the problems of interpretation of the rules of tax law by researching its theoretical and legal foundations and to identify some ways to solve these problems. The research was carried out using methods of analysis, synthesis, induction, deduction, as well as the formal dogmatic method. In the course of achieving this goal, the work analyzed the list of reasons that determine the need to interpret the rules of law, and identified the most typical for tax law reasons for interpretation. Among them are: the need to interpret highly specialized terms, which, together with the implementation of this activity by unauthorized entities, constitutes one of the problems of interpretation of tax rules; the complexity of the process of interpreting the*

terms of other branches of legislation used in the Tax Code of the Russian Federation; determining the appropriateness of bridging the gaps by interpreting tax rules. Among others, a method for solving these problems is proposed, which consists in changing the legislative approach to the definition of terms, which should become as accurate and laconic as possible.

Key words: *interpretation; tax provisions; reasons for interpretation, theoretical basis of interpretation, tax law interpretation.*

Введение

Сфера налоговых отношений характеризуется повышенным уровнем социальной напряженности, поскольку оплата налогов, сборов и страховых взносов всегда означает для их плательщиков отчуждение части собственности. Процесс определения суммы налога или сбора, который подлежит уплате, каждый раз сопровождается для плательщика данного платежа необходимостью толкования нормы налогового права. В то же время данные нормы толкуются органами государственной власти, нацеленными на обеспечение фискальных интересов государства. Поэтому в налоговом праве особое значение имеет ясность формулировок правовых норм, которая не всегда присуща действующему законодательству. Таким образом, широта субъектного состава, задействованного в толковании норм налогового права, на фоне проблемы их качества и наличия конфликта интересов, обусловливает актуальность темы исследования.

Целью исследования является выявление проблем толкования норм налогового права путем исследования его теоретико-правовых основ и определение некоторых путей решения данных проблем.

Теоретическую базу работы составляют публикации по вопросам толкования нормы отечественных специалистов в области теории права и отраслевых наук: Е.В. Васьковского, А.Б. Венгерова, П.Е. Недбайло, А.С. Пиголкина, А.Ф. Черданцева, А.С. Шляпочникова; финансового и налогового права: Ю.А. Артьемьевой, Г.А. Гаджиева, А.В. Демина, М.Д. Загряцкова, А.Н. Козырина, О.Р. Михайловой, С.Г. Пепеляева, К.А. Сасова. Кроме того, в работе были использованы работы зарубежных авторов: Marcos Barbosa Pinto, Patrycja Dudek. В исследованиях указанных авторов встречаются взаимоисключающие тезисы, противоречия и неоднозначные суждения, что раскрывает дискуссионный потенциал выбранной темы.

Причины толкования норм налогового права

Нормы налогового права Российской Федерации, содержащиеся в различных по юридической силе источниках налогового права, действующие на трех уровнях нормативно-правового регулирования и, в совокупности, составляющие объективное налоговое право, являются частью правовой системы Российской Федерации и развиваются только во взаимосвязи с разработками теории права и других отраслей права. Поэтому необходимой базой для исследования проблем толкования норм налогового права является анализ материала, посвященного вопросу толкования норм, в теории права, финансовом праве и иных отраслевых науках. Вследствие этого в данной работе тема толкования норм налогового права раскрывается на основе теоретических разработок о причинах толкования норм, существующих в теории права.

Исследователи, занимающиеся проблемами толкования отраслевых правовых норм, выделяют примерно одинаковый перечень причин, обусловливающих необходимость толкования норм права. К ним относятся неясность нормы, ее неполнота и противоречивость [21, с. 176]. В теории права к причинам толкования норм права добавляют также абстрактность выражения правовых норм (неопределенность), их системный характер, наличие юридической и специальной терминологии [20, с. 113 - 115; 24]; формулирование норм с использованием оценочных понятий; наличие ошибок, допущенных при изложении нормы [3, с. 273, 274].

Существует также весьма условная классификация причин толкования норм права на объективные и субъективные [9, с. 13; 1, с. 40].

Определив причины толкования правовых норм, выделяемые в теории права, возникает необходимость решения вопроса о наличии специфических причин толкования, являющихся определяющими стимулами для выявления смысла и содержания норм налогового права.

Среди причин толкования норм налогового права О.Р. Михайлова определяет «несовершенство техники их изложения, неточность формулировок, несогласованность законов» [11, с. 11].

Наиболее логичным будет начать анализ с такой причины толкования норм права как несовершенство техники изложения норм в нормативных правовых актах. Юридический текст должен в равной степени соответствовать правилам грамматики, пунктуации, синтаксиса, разработанным лингвистами. Кроме общепринятых правил языка, к тексту закона выдвигаются также дополнитель-

ные требования, обусловленные спецификой нормативного характера закона, которые разрабатываются юридической наукой: нормативность, полнота регулирования, конкретность, системность, ясность, точность, рациональность, понятность, непротиворечивость, доступность [7, с. 8 - 12].

Пункт 6 ст. 3 НК РФ закрепляет необходимость предельно понятного формулирования актов законодательства о налогах и сборах [12].

Согласно правовым позициям Конституционного Суда РФ «законы о налогах должны содержать четкие и понятные нормы» [16], «акты законодательства о налогах и сборах должны быть сформулированы таким образом, чтобы каждый точно знал, какие налоги и сборы, когда и в каком порядке он должен платить» [18], «неопределенность налоговых норм может приводить как к нарушению прав налогоплательщиков, так и к уклонению от исполнения конституционной обязанности по уплате налога» [17].

Несмотря на изложенный в НК РФ и правовых позициях КС РФ принцип определенности, «предполагающий четкость и ясность нормативного предписания» [8, с. 41], на практике нередки случаи, когда смысл того, что вложил в норму права законодатель, не ясен из-за погрешностей, допущенных при ее текстуальном изложении. Данная причина является объективной в силу несовершенства языковых средств. Все богатство и количество изобразительных приемов языка не дают возможность стать абсолютно точным средством выражения мысли, полностью исключающим различную трактовку ее содержания. При этом именно «с помощью языка формируются нормы права, в языковой форме они существуют, фиксируются и передаются, сообщаются соответствующим субъектам» [20, с. 111]. Таким образом, причина толкования норм налогового права, состоящая в несовершенстве техники их изложения, содержит в себе несколько выделяемых в теории права причин: неточность, неясность и противоречивость правовых норм.

А.О. Якушев отмечает, что «в случае нарушения правил юридической техники при создании уполномоченным субъектом налоговой нормы, данная норма не сможет действовать эффективно и потребуется ее толкование» [22, с. 93]. В случае возникновения потребности в применении неясной нормы права, перед субъектом возникает необходимость путем ее толкования определить действительный смысл толкуемой нормы.

В соответствии с п. 7 ст. 3 НК РФ «все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика». Использование компетентными субъектами при толковании норм налогового права, закрепленного в НК РФ принципа in dubio pro tributario, на современном этапе вызывает сложности. При использовании данного механизма учеными выявлено две проблемы: отсутствие в налоговом законодательстве определения понятий «неясность», «сомнение», «противоречие»; отсутствие единого подхода к вопросу о границе между устранимым и неустранимым противоречием [6]. Обозначенные проблемы позволяют властным субъектам толкования редко использовать данный принцип и злоупотреблять способами толкования для вынесения профискальных решений.

Например, в Польше данный принцип был предусмотрен ст. 2а Основного налогового закона Польши - Ordynacja podatkowa от 29.08.1997 г. [25] в 2016 г. Отмечается, что в применении данного принципа еще существуют проблемы: он используется чаще судами, чем налоговыми органами, подчеркивая независимый характер судебной деятельности, в противоположность с деятельностью налоговых органов [23].

Еще одна причина толкования норм налогового права - «использование в законодательстве специальной терминологии, не имеющей аналогов в обиходной речи или других отраслях знания» [20, с. 113].

Пример толкования специальных терминов в налоговом праве рассматривался в Постановлении КС РФ от 28.11.2017 г. № 34-П. В данном акте был поднят вопрос о толковании содержащегося в п/п. 23 п. 2 ст. 149 НК РФ понятия «работы (услуги) по обслуживанию морских судов и судов внутреннего плавания в период их стоянки в портах» для целей освобождения от уплаты налога на добавленную стоимость. КС РФ пришел к выводу о том, что отсутствие прямого регулирования в законодательстве о налогах и сборах возможности отнесения конкретной специфической услуги к упомянутому виду работ порождает необходимость учитывать положения находящегося во взаимосвязи с налоговым отраслевого регулирования. Выявление КС РФ необходимости уплаты налога на добавленную стоимость в конкретном случае было сделано на основе: анализа регулирования рассматриваемой сферы хозяйствования, допускающего возможность использования в качестве источников права обыкновений и обычаев; рассмотрения положений Кодекса торгового мореплавания РФ, Федерального закона от 8.11.2007 г. № 261-ФЗ «О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и соответствующих подзаконных актов [17]. Таким образом, КС РФ последовательно определил факт отсутствия понятия в законодательстве о налогах и сборах и отраслевом регулировании. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что в

силу неопределенности данного понятия в налоговом и отраслевом законодательстве практику его толкования формируют суды высших инстанций.

Таким образом, процесс толкования налоговой нормы, содержащей узкоспециальные понятия, как было выявлено на примере, может содержать даже больше стадий, чем процесс толкования терминов из других отраслей законодательства.

В соответствии с п. 1 ст. 11 НК РФ «институты, понятия и термины гражданского, семейного и других отраслей законодательства, используемые в НК РФ, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено НК РФ» [12]. Данная норма, по мнению Е.Е. Смолицкой, устанавливает неоправданно сложный алгоритм толкования терминов иных отраслей законодательства, используемых в НК РФ [19, с. 18, 19]. Проблема заключается в том, что, определяя значение «нормативной дефиниции» [14, с. 109], налогоплательщики, налоговые органы, суд не всегда доходят до этапа выяснения значения термина в отрасли права, из которой он заимствован, т.к. этот этап самый последний. Выяснение истинного значения терминов других отраслей законодательства, используемых в НК РФ, часто становится причиной судебных разбирательств.

Сокращению количества толкований, вызванных необходимостью разъяснения специальной терминологии, может способствовать максимально точное и немногословное определение термина, данное законодателем. Важно и необходимо давать определение специальным юридическим терминам или общеупотребимым терминам, имеющим узкое, особое значение; терминам, которые допускают инвариантность в толковании правового понятия; понятиям, которые являются дискуссионными в юридической науке, а также заимствованы из иных отраслей права. Такой подход к нормотворчеству будет способствовать устранению нарушений законности, которые могут быть допущены при толковании нормы права.

Еще одной причиной толкования норм права, в т.ч. налогового, являются возможные пробелы правового регулирования отдельных вопросов.

Для налогового права Российской Федерации проблематика пробелов в праве особенно актуальна. Как отмечает В.В. Гриценко, «пробелы дестабилизируют налоговый правопорядок, затрудняют реализацию норм налогового права, создают дополнительные трудности в правоприменительной деятельности, снижают эффективность действия налогового законодательства» [4, с. 194].

Пробелы в налоговом праве должны устраняться в процессе правотворчества: путем принятия новых более совершенных нормативных правовых актов либо путем внесения соответствующих изменений и дополнений в действующие. Такой путь устранения пробелов в праве наиболее приемлемый для стран романо-германской правовой семьи, он способствует укреплению законности, повышению авторитета нормотворческих органов. Однако иногда, сталкиваясь с проблемой неурегулированности определенных общественных отношений, правоприменительные органы не могут уклониться от решения конкретной ситуации, отказать гражданину в правосудии, сославшись на отсутствие необходимой нормы или неполноту регулирования. В налоговых правоотношениях, осуществление которых связано с изъятием части собственности, недопустим отказ налогоплательщику в реализации субъективных прав, предусмотренных законом, по причине пробела в праве.

В налоговом праве особенно актуальным является вопрос деления пробелов на восполнимые и невосполнимые. Только невосполнимые пробелы, по мнению А.В. Демина, могут быть истолкованы в соответствии с п. 7 ст. 3 НК РФ, «так как при обнаружении невосполнимого пробела, применение аналогии для преодоления пробела не допускается» [5, с. 360, 361], и именно такой пробел можно считать «неустранимым сомнением».

Следует заметить, что в юридической науке дискуссионным вопросом является сама возможность применения толкования для устранения пробелов. Одна группа ученых считает использование толкования в данном случае вполне приемлемым [11, с. 13; 2, с. 83 - 87]. Более того, приводятся примеры, когда в процессе толкования были восполнены пробелы в НК РФ [15]. Другие исследователи, на наш взгляд, небезосновательно высказывают мнение о том, что «восполнение и преодоление пробелов (неполноты) в законе выходит за рамки толкования» [13, с. 100].

По нашему мнению, устранение пробелов включает толкование как необходимый элемент правоприменительной деятельности, но им не ограничивается. Наличие пробелов в законодательстве о налогах и сборах является причиной толкования налоговых норм, однако в данном случае толкование - только один из элементов системы, позволяющей устранять пробелы.

Такие причины толкования норм права, как абстрактность нормы, ее общий характер, не учитывающий отдельных жизненных ситуаций, были детально рассмотрены в теоретических и отраслевых исследованиях по теме толкования нормы

права [10, с. 348] и не имеют особой специфики применительно к нормам налогового права.

Таким образом, среди причин, обусловливающих необходимость толкования норм налогового права, особенно актуальными являются: необходимость толкования узкоспециальных терминов, которая в комплексе с осуществлением данной деятельности неуполномоченными субъектами составляет одну из проблем толкования налоговых норм; сложность процесса толкования терминов иных отраслей законодательства, используемых в НК РФ; определение правомерности преодоления пробелов путем толкования налоговых норм.

Приведенные причины убедительно указывают на необходимость толкования норм налогового права как условие их обоснованного и законного применения. Совершенствование законодательства, достижение простоты и ясности изложения законов значительно облегчает деятельность правоприменителей, но не избавляет их от необходимости толкования закона. Уровень необходимости в толковании налоговых норм может варьироваться, однако полное устранение причин толкования норм налогового права невозможно в силу «разнообразия жизненных явлений» [21, с. 73].

Заключение

На основе исследования теоретико-правовых начал толкования налоговых норм, с использованием различных приемов и методов научного познания, автором был выявлен ряд проблем толкования норм налогового права и определены некоторые пути их решения.

В ходе достижения поставленной цели в работе был проанализирован перечень причин, обусловливающих необходимость толкования норм права, и определены наиболее характерные для налогового права. Среди них можно выделить: необходимость толкования узкоспециальных терминов, которая в комплексе с осуществлением данной деятельности неуполномоченными субъектами составляет одну из проблем толкования налоговых норм; сложность процесса толкования терминов иных отраслей законодательства, используемых в НК РФ; определение правомерности преодоления пробелов путем толкования налоговых норм. Среди прочих, предложен метод решения данных проблем, заключающийся в изменении законодательного подхода к определению терминов, которые должны стать максимально точными и немногословными.

Особое значение толкование налоговых норм приобретает в связи со спецификой регулируемой сферы общественных отношений, связанной с функционированием нормативных правовых актов, которые в той или иной степени ограничивают право собственности налогоплательщиков, закрепленное в ст. 35 Конституции РФ. Кроме того, именно всестороннее выяснение и раскрытие сущности норм налогового права есть фундамент их правильного и одинакового применения, обеспечивая доверие налогоплательщиков к государству и, следовательно, достижение публичного интереса путем мобилизации денежных средств в виде налогов и сборов.

Список литературы:

[1] Беляева О.М. Толкование норм права // Ученые записки Казанского гос. ун-та. - 2007. - Т. 149. - С. 39–47.

[2] Васьковский Е.В. Цивилистическая методология: Учение о толковании и применении гражданских механизмов. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. – 508 с.

[3] Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.

[4] Гриценко В.В. Концептуальные проблемы развития теории налогового права современного российского государства: дис. … д-ра юрид. наук. - Саратов, 2006. – 564 с.

[5] Демин А.В. Нормы налогового права: монография / А.В. Демин. – Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. – 410 с.

[6] Долгополов О.И. Проблемы толкования налогового законодательства [Электронный ресурс] / Сайт СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=107410#009054397652284019 (дата обращения: 20.08.2018).

[7] Калинина Н.А. Лингвистическая экспертиза законопроектов: опыт, проблемы и перспективы: науч.-практ. пособие. - М.: Известия, 1997. – 44 с.

[8] Козырин А.Н. Введение в российское налоговое право: учеб. пособие. - М.: Институт публично-правовых исследований, 2014. – 304 с.

[9] Кузьмин И.А. Объективные и субъективные предпосылки толкования права // Сибирский юридический вестник. – 2017. - № 3 (78). - С. 10–13.

[10] Матузов Н.Н. Теория государства и права: учеб. / Н.Н. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юрист, 2001. – 776 с.

[11] Михайлова О.Р. Толкование некоторых норм налогового законодательства как стадия его применения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 25 с.

[12] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред.

от 20.07.2020) // СЗ РФ. - 03.08.1998. - № 31.- Ст. 3824.

[13] Ображиев К.В. Судебное толкование и судебное нормотворчество: проблемы соотношения // Журнал росс. права. – 2010. - № 3. - С. 98–103.

[14] Пиголкин А.С. Оформление проектов нормативных правовых актов (законодательная техника) // Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации. – М.: Изд-во НОРМА, 1998. – 272 с.

[15] Постановление Пленума ВАС РФ от 28.02.2001 г. № 5 «О некоторых вопросах применения части первой Налогового кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. - 2001. - № 7. - С. 5 - 18.

[16] Постановление Конституционного Суда РФ от 10 июля 2017 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 2 пункта 2 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации и Перечня кодов видов товаров для детей в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, облагаемых налогом на добавленную стоимость по налоговой ставке 10 процентов при ввозе на территорию Российской Федерации, в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Мишутка”» [Электронный ресурс] / Сайт СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220081/ (дата обращения: 20.08.2018).

[17] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.2017 г. № 34-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 статьи 75, подпункта 3 пункта 1 статьи 111 и подпункта 23 пункта 2 статьи 149 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой акционерного общества “Флот Новороссийского морского торгового порта”» [Электронный ресурс] / Сайт СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283712/ (дата обращения: 22.08.2018).

[18] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.04.2016 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности статей 32, 34.2 и 217 Налогового кодекса Российской Федерации, пунктов 1 и 3 Положения о Пенсионном фонде Российской Федерации (России) и подпункта 5.1.1 Положения о Федеральной налоговой службе в связи с запросом Ленинградского окружного военного суда» [Электронный ресурс] / Сайт СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196797/ (дата обращения: 22.08.2018).

[19] Смолицкая Е.Е. Гражданско-правовые институты, понятия и термины в налоговом праве: автореф. … дис. канд. юрид. наук. - М., 2016. – 29 с.

[20] Черданцев А.Ф. Толкование права и договора. - М.: ЮНИТИ, 2003. – 381 с.

[21] Шляпочников А.С. Толкование советского уголовного закона. – М.: Госюриздат, 1960. – 240 с.

[22] Якушев А.О. Эффективность действия норм общей части налогового права: дис. … канд. юрид. наук. - Воронеж, 2003. – 186 с.

[23] Dudek, P. In dubio pro tributario działa, tyle że nie w urzędach [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://podatki.gazetaprawna.pl/artykuly/1036215,in-dubio-pro-tributario-nie-dziala-w-urzedach.html (дата обращения: 25.08.2020).

[24] Marcos Barbosa Pinto. Interpretation and conversation // Cambridge University Press. Legal Theory. - № 9. – 2003. - P. 160 – 162 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://doi.org/10.1017/S1352325203000077 (дата обращения: 30.08.2020).

[25] Ustawa z dnia 29 sierpnia 1997 r. Ordynacja podatkowa // Dziennik Ustaw. – 1997. - № 137. - poz. 926 [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19971370926/U/D19970926Lj.pdf (дата обращения: 28.08.2020).

Spisok literatury:

[1] Belyaeva O.M. Tolkovanie norm prava // Uchenye zapiski Kazanskogo gos. un-ta. - 2007. - T. 149. - S. 39–47.

[2] Vas’kovskij E.V. Civilisticheskaya metodologiya: Uchenie o tolkovanii i primenenii grazhdanskih mekhanizmov. – M.: Centr YUrInfoR, 2002. – 508 s.

[3] Vengerov A.B. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. dlya yurid. vuzov. – M.: YUrisprudenciya, 2000. – 528 s.

[4] Gricenko V.V. Konceptual’nye problemy razvitiya teorii nalogovogo prava sovremennogo rossijskogo gosudarstva: dis. … d-ra yurid. nauk. - Saratov, 2006. – 564 s.

[5] Demin A.V. Normy nalogovogo prava: monografiya / A.V. Demin. – Krasnoyarsk: Sibirskij federal’nyj un-t, 2010. – 410 s.

[6] Dolgopolov O.I. Problemy tolkovaniya nalogovogo zakonodatel’stva [Elektronnyj resurs] / Sajt SPS «Konsul’tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=-doc&base=CJI&n=107410#009054397652284019 (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[7] Kalinina N.A. Lingvisticheskaya ekspertiza zakonoproektov: opyt, problemy i perspektivy: nauch.-prakt. posobie. - M.: Izvestiya, 1997. – 44 s.

[8] Kozyrin A.N. Vvedenie v rossijskoe nalogovoe pravo: ucheb. posobie. - M.: Institut publichno-pravovyh issledovanij, 2014. – 304 s.

[9] Kuz'min I.A. Ob"ektivnye i sub"ektivnye predposylki tolkovaniya prava // Sibirskij yuridicheskij vestnik. – 2017. - № 3 (78). - S. 10–13.

[10] Matuzov N.N. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. / N.N. Matuzov, A.V. Mal'ko. – M.: YUrist, 2001. – 776 s.

[11] Mihajlova O.R. Tolkovanie nekotoryh norm nalogovogo zakonodatel'stva kak stadiya ego primeneniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 2003. – 25 s.

[12] Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 31.07.1998 g. № 146-FZ (red. ot 20.07.2020) // SZ RF. - 03.08.1998. - № 31.- St. 3824.

[13] Obrazhiev K.V. Sudebnoe tolkovanie i sudebnoe normotvorchestvo: problemy sootnosheniya // ZHurnal ross. prava. – 2010. - № 3. - S. 98–103.

[14] Pigolkin A.S. Oformlenie proektov normativnyh pravovyh aktov (zakonodatel'naya tekhnika) // Problemy pravotvorchestva sub"ektov Rossijskoj Federacii. – M.: Izd-vo NORMA, 1998. – 272 s.

[15] Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 28.02.2001 g. № 5 «O nekotoryh voprosah primeneniya chasti pervoj Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Vestnik VAS RF. - 2001. - № 7. - S. 5 - 18.

[16] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 10 iyulya 2017 g. № 19-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij podpunkta 2 punkta 2 stat'i 164 Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Perechnya kodov vidov tovarov dlya detej v sootvetstvii s edinoj Tovarnoj nomenklaturoj vneshneekonomicheskoj deyatel'nosti Tamozhennogo soyuza, oblagaemyh nalogom na dobavlennuyu stoimost' po nalogovoj stavke 10 procentov pri vvoze na territoriyu Rossijskoj Federacii, v svyazi s zhaloboj obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Mishutka"» [Elektronnyj resurs] / Sajt SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220081/ (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[17] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 28.11.2017 g. № 34-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 8 stat'i 75, podpunkta 3 punkta 1 stat'i 111 i podpunkta 23 punkta 2 stat'i 149 Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj akcionernogo obshchestva "Flot Novorossijskogo morskogo torgovogo porta"» [Elektronnyj resurs] / Sajt SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_283712/ (data obrashcheniya: 22.08.2018).

[18] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13.04.2016 g. № 11-P «Po delu o proverke konstitucionnosti statej 32, 34.2 i 217 Nalogovogo kodeksa Rossijskoj Federacii, punktov 1 i 3 Polozheniya o Pensionnom fonde Rossijskoj Federacii (Rossii) i podpunkta 5.1.1 Polozheniya o Federal'noj nalogovoj sluzhbe v svyazi s zaprosom Leningradskogo okruzhnogo voennogo suda» [Elektronnyj resurs] / Sajt SPS «Konsul'tantPlyus». – Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196797/ (data obrashcheniya: 22.08.2018).

[19] Smolickaya E.E. Grazhdansko-pravovye instituty, ponyatiya i terminy v nalogovom prave: avtoref. … dis. kand. yurid. nauk. - M., 2016. – 29 s.

[20] CHerdancev A.F. Tolkovanie prava i dogovora. - M.: YUNITI, 2003. – 381 c.

[21] SHlyapochnikov A.S. Tolkovanie sovetskogo ugolovnogo zakona. – M.: Gosyurizdat, 1960. – 240 s.

[22] YAkushev A.O. Effektivnost' dejstviya norm obshchej chasti nalogovogo prava: dis. … kand. yurid. nauk. - Voronezh, 2003. – 186 s.

[23] Dudek, P. In dubio pro tributario działa, tyle że nie w urzędach [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://podatki.gazetaprawna.pl/artykuly/1036215,in-dubio-pro-tributario-nie-dziala-w-urzedach.html (data obrashcheniya: 25.08.2020).

[24] Marcos Barbosa Pinto. Interpretation and conversation // Cambridge University Press. Legal Theory. - № 9. – 2003. - P. 160 – 162 [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: https://doi.org/10.1017/S1352325203000077 (data obrashcheniya: 30.08.2020).

[25] Ustawa z dnia 29 sierpnia 1997 r. Ordynacja podatkowa // Dziennik Ustaw. – 1997. - № 137. - poz. 926 [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: http://prawo.sejm.gov.pl/isap.nsf/download.xsp/WDU19971370926/U/D19970926Lj.pdf (data obrashcheniya: 28.08.2020).

ЛИВЕНЦЕВ Дмитрий Вячеславович,
аспирант кафедры теории и истории государства
и права Учреждения высшего образования
«Университет управления “ТИСБИ”»
e-mail: liva2006@yandex.ru

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИОННЫХ МЕР ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ПРАВА

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена проблемами преемственности юридической ответственности между буржуазным и советским правом после прихода большевиков к власти. Цель исследования состоит в том, чтобы изучить и сравнить механизм правового регулирования юридической ответственности до и после 1917 г. Для сравнительного анализа были выбраны примеры правоприменения традиционных норм юридической ответственности в первые годы советской власти. Более того, характеризуются основные принципы становления советского права и организационные мероприятия, проводимые в данном направлении в Советской России. Методология исследования основана на позитивистском подходе к отечественной истории государства и права. В результате обоснована преемственность юридической ответственности между царской и Советской Россией, получившая законодательное оформление в первые годы становления советской государственности. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего изучения данного вопроса на основании сравнения нормативной базы и анализа фактологического материала, что позволит в дальнейшем сделать вывод о несомненной преемственности мер юридической ответственности между Российской Империей и Советской Россией.*

Ключевые слова: *юридическая ответственность, преемственность, правоприменение, советское право, буржуазное право, Советская Россия, большевики, Российская Империя.*

LIVENTSEV Dmitry Vyacheslavovich,
PhD student of the Department of Theory
and History of State and Law of Institution
of Higher Education “The University of Management “TISBI”

CONTINUITY OF TRADITIONAL MEASURES OF LEGAL RESPONSIBILITY DURING THE FORMATION OF SOVIET LAW

Annotation. *The relevance of the research is due to the problems of continuity of legal responsibility between bourgeois and Soviet law after the Bolsheviks came to power. The purpose of the study is to study and compare the mechanism of legal regulation of legal liability before and after 1917. For comparative analysis, we selected examples of law enforcement of traditional norms of legal responsibility in the first years of Soviet power. Moreover, the article describes the basic principles of the formation of Soviet law and the organizational activities carried out in this direction in Soviet Russia. The research methodology is based on a positivist approach to the national history of state and law. As a result, the author substantiates the continuity of legal responsibility between tsarist and Soviet Russia, which received legislative formalization in the first years of the formation of Soviet statehood. The author comes to the conclusion that it is necessary to further study this issue based on a comparison of the regulatory framework and analysis of factual material, which will allow us to further conclude that there is an undoubted continuity of legal liability measures between the Russian Empire and Soviet Russia.*

Key words: *legal responsibility, succession, law enforcement, Soviet law, bourgeois law, Soviet Russia, Bolsheviks, Russian Empire.*

С самого начала своего прихода к власти в октябре 1917 г. советское правительство неоднократно подчеркивало, что в ходе создания новой государственной формации произойдет радикальный отход от устоявшихся законодательных норм, являвшихся неотъемлемой частью правой системы Российской Империи. Собственно, ликвидация государственных институтов царской России, работавших в период существования Временного правительства, подтверждала подобные намерения. Несмотря на это, советская власть с первых дней столкнулась со значительным количеством уголовных преступлений, инициированных произошедшей в начале 1917 г. амнистией. Ситуацию усугубляли Гражданская война и интервенция. Перед большевиками возникла дилемма между применением традиционных мер юридической ответственности и выработкой их принципиально новых основ в советском праве.

Уже при принятии Декрета № 1 о суде теоретики нового советского права М.Ю. Козловский [18] и П.И. Стучка [17] вводят как инструмент правоприменения мер юридической ответственности такие термины, как «революционное правосознание» и «революционная совесть» [1]. Однако сам нормативный документ юристы подготовили, опираясь на дореволюционную практику.

Проблемы, связанные с реализацией революционного правосознания Декрета № 1 о суде, не остаются без внимания в работах современных теоретиков права [15]. Например, Р.Ф. Степаненко рассматривает в своих научных статьях роль революционного правосознания в процессах преобразования Советского государства [16].

Именно Декрет № 1 о суде установил возможность использования в зарождающемся советском праве дореволюционного законодательства. Законы Российской Империи сохраняли свое действие в ряде случаев:

1) если советская власть не отменила их;

2) если положения законодательства Российской Империи не противоречили декретам советского правительства;

3) если буржуазные законы не расходились в своей сути с правосознанием революционных масс;

4) если законы, существовавшие до 1917 г., не вступали в противоречие с политической программой большевистской партии [2].

Практически Декрет № 1 о суде признает необходимость соблюдения ранее существовавшего законодательства. Дело в том, что революционное правосознание относилось скорее к морально-этической категории. В то же время была необходима какая-то конкретная нормативная база для установления юридической ответственности виновного лица.

Естественно, в период Гражданской войны и интервенции, с учетом реальных исторических условий, продолжал нарастать правовой нигилизм народных масс. В 1918 г. советское законодательство пытается установить основы юридической ответственности. Для данной цели издается ряд законодательных актов:

1) Декрет № 2 о суде [3];

2) Декрет № 3 о суде [4];

3) Декрет «О революционных трибуналах» [5];

4) циркуляр «Об отмене всех доныне изданных циркуляров о революционных трибуналах» [21].

В результате, новые декреты впервые в системе советского права позволяют лишить свободы подсудимого на срок до пяти лет.

Циркуляр «Об отмене всех доныне изданных циркуляров о революционных трибуналах» вообще расширяет рамки тюремных сроков от семи дней до бессрочного лишения свободы. Согласно данному документу возможны были следующие сроки отбывания наказания: семь дней; три месяца; шесть месяцев; один год; два года; три года; пять лет; 10 лет; бессрочное лишение свободы [6].

Указывались и особенно опасные для советской власти преступления:

1) пособничество и участие во взяточничестве;

2) организация и участие в погромах;

3) шпионаж в пользу иностранных государств [6].

Декрет «О революционных трибуналах» в значительной мере сократил увеличившееся количество военных и гражданских трибуналов. Вместе с тем, он оставил чрезвычайным судебным органам только политические дела, изъяв у них право выносить судебное решение по общеуголовным.

Однако на практике преобладало правотворчество народных масс, т.е. трибуналы при определении юридической ответственности виновного лица повсеместно пользовались такими морально-этическими категориями. как «революционное чутье» и «революционная совесть». При этом предпочтение отдавалось расстрельным приговорам. Например, в первой половине 1918 г. только 30%, а во второй половине 21.5% судебных приговоров чрезвычайных революционных органов закончились для подсудимых лишением свободы. В остальных случаях обвиняемых ждал расстрельный приговор [13]. Революционные трибуналы могли воспользоваться и такой чрезвычай-

ной мерой, как объявление противников большевистской власти «вне закона».

Подобное положение вещей приветствовали многие теоретики формирующегося советского права: И.П. Разумовский [10; 23, с. 85], М.А. Рейснер [11], Е.Б. Пашуканис [9] и П.И. Стучка [17; 23, с. 73]. Естественно, труды вышеназванных ученых относились к марксистко-ленинской методологии [22]. Они писали о зарождающемся «классовом подходе» в советском праве, радикально отличавшемся от принятого в буржуазном обществе [18]. Упомянутые исследователи позиционировали формирующееся советское право как орудие классовой борьбы [12].

В декабре 1919 г. издаются «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» [14]. Во введении документа указывается, что место всем законам бывшей Российской Империи в архиве, т.е. РСФСР не должна использовать в правоприменении нормативные документы, существовавшие до 1917 г. Статья 9 напрямую утверждает, что советское законодательство должно охранять и оберегать своих трудящихся от представителей бывших эксплуататорских классов. В ст. 11 говорилось о необходимости установления личности преступника в связи с его опасностью для советского общественного строя. Если преступник не мог приспособиться к советским порядкам, то он подлежал физическому уничтожению [14]. Исправление преступника согласно «Руководящим началам по уголовному праву РСФСР» было возможно тремя способами:

1) исправление путем приспособления к условиям жизни при советском общественном строе;

2) полная изоляция преступника как антиобщественного элемента;

3) физическое уничтожение преступника как социально опасного для советской власти лица [6].

С момента издания «Руководящих начал по уголовному праву РСФСР» можно говорить о новых мерах юридической ответственности, основанных на классовом подходе. Несмотря на это, в середине 1919 г. Д.И. Курский [23, с. 73], возглавлявший Наркомат юстиции, пишет о необходимости кодификации советского уголовного законодательства [7]. При этом нарком юстиции подразумевает использовать целый ряд норм юридической ответственности, имевших правоприменение еще в Российской Империи [8].

Сложившаяся ситуация с формированием института юридической ответственности в период становления советского права позволяет сделать следующие выводы:

1) в период Гражданской войны и интервенции чрезвычайные революционные судебные органы основывались при определении мер юридической ответственности на морально-этических принципах революционного правосознания. В первые годы советской власти преобладал правовой нигилизм, называвшийся революционным правотворчеством масс и активно поощрявшийся большевиками;

2) формирующаяся теория советского права при определении юридической ответственности исходила из принципов классового подхода и социальной опасности преступника для нового общественного строя;

3) при правоприменении мер юридической ответственности советское государство не смогло избежать преемственности с законодательством Российской Империи. Об этом свидетельствуют Декрет № 1 о суде, разработавший основные принципы правоприменения законодательства, существовавшего до 1917 г., и труды наркома юстиции Д.И. Курского, выступавшего за организацию кодификации советского уголовного законодательства.

Список литературы:

[1] Гурвич Г.С. Нравственность и право / Г.С. Гурвич. - М., 1924. - 46 с.

[2] Декрет № 1 о суде // Декреты Советской власти. Т. 1. - М: Гос. изд-во полит. лит., 1957. - С. 124.

[3] Декрет № 2 о суде // Декреты Советской власти. Т. 1. - М: Гос. изд-во полит. лит., 1957. - С. 467–474.

[4] Декрет № 3 о суде // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. - М., 1942. - С. 687, 688.

[5] Декрет о революционных трибуналах // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. - М., 1942. - С. 494, 495.

[6] История советского уголовного права. - М: Минюст СССР, 1948. - 465 с.

[7] Курский Д.И. На путях развития советского права: Статьи и речи. 1919–1926 / Д.И. Курский. - М.: Юрид. изд-во, 1927. – 118 с.

[8] Курский Д.И. Новое уголовное право // Пролетарская революция и право. - 1919. - № 2–4. - С. 24–27.

[9] Пашуканис Е.Б. Общая теория права и марксизм. - М.: Красная Пресня, 1927. - 128 с.

[10] Разумовский И.П. Проблемы марксистской теории права. - М.: Изд-во Комм. акад., 1925. - 136 с.

[11] Рейснер М.А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право. – Ленинград - Москва: Гос. изд-во, 1925. - 276 с.

[12] Рейснер М.А. Теория Л.И. Петражицкого, марксизм и социальная идеология. - СПб., 1908. - 240 с.

[13] Редакционная статья // Пролетарская революция и право. - 1918. - № 8–10. - С. 61–66.

[14] Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 г. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 годов. - М.: Зерцало, 1997. - С. 63 – 68.

[15] Степаненко Р.Ф. Особенности процессов преобразования в России начала XX века: проблемы общей теории права // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2018. - № 3. - С. 94–99.

[16] Степаненко Р.Ф. Революционное правосознание в процессах преобразования советского государства // Державинские чтения: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. – Казань, 2018. - С. 59, 60.

[17] Стучка П.И. Курс советского гражданского права. - М.: Изд-во Комм. акад., 1928. – 321 с.

[18] Стучка П.И. Учение о государстве и о конституции Р.С.Ф.С.Р. - М.: Красная новь, 1923. – 349 с.

[19] Сборник основных приказов, циркуляров и инструкций Народного Комиссариата Юстиции и Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР за 1918–1928 гг. о деятельности мест лишения свободы. – М., 1959. - 283 с.

[20] Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. - М., 1942. - 1483 с.

[21] Циркуляр Об отмене всех доныне изданных циркуляров о революционных трибуналах // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. - М., 1942. - С. 596.

[22] Шадрин В.М. Теоретическая юриспруденция в юридическом образовании в первые годы советской власти // Вестник Челябинского гос. ун-та. - 2012. - № 27(281). - С. 45–49.

[23] Кроткова Н.В. Отражение становления советского права и государственного аппарата в юридических журналах первых десятилетий Советской власти // Право и государство: теория и практика. 2018. № 2. С. 73. 85.

Spisok literatury:

[1] Gurvich G.S. Nravstvennost' i pravo / G.S. Gurvich. - M., 1924. - 46 s.

[2] Dekret № 1 o sude // Dekrety Sovetskoj vlasti. T. 1. - M: Gos. izd-vo polit. lit., 1957. - S. 124.

[3] Dekret № 2 o sude // Dekrety Sovetskoj vlasti. T. 1. - M: Gos. izd-vo polit. lit., 1957. - S. 467–474.

[4] Dekret № 3 o sude // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. - M., 1942. - S. 687, 688.

[5] Dekret o revolyucionnyh tribunalah // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. - M., 1942. - S. 494, 495.

[6] Istoriya sovetskogo ugolovnogo prava. - M: Minyust SSSR, 1948. - 465 s.

[7] Kurskij D.I. Na putyah razvitiya sovetskogo prava: Stat'i i rechi. 1919–1926 / D.I. Kurskij. - M.: Yurid. izd-vo, 1927. – 118 s.

[8] Kurskij D.I. Novoe ugolovnoe pravo // Proletarskaya revolyuciya i pravo. - 1919. - № 2–4. - S. 24–27.

[9] Pashukanis E.B. Obshchaya teoriya prava i marksizm. - M.: Krasnaya Presnya, 1927. - 128 s.

[10] Razumovskij I.P. Problemy marksistskoj teorii prava. - M.: Izd-vo Komm. akad., 1925. - 136 s.

[11] Rejsner M.A. Pravo: Nashe pravo. Chuzhoe pravo. Obshchee pravo. – Leningrad - Moskva: Gos. izd-vo, 1925. - 276 s.

[12] Rejsner M.A. Teoriya L.I. Petrazhickogo, marksizm i social'naya ideologiya. - SPb., 1908. - 240 s.

[13] Redakcionnaya stat'ya // Proletarskaya revolyuciya i pravo. - 1918. - № 8–10. - S. 61–66.

[14] Rukovodyashchie nachala po ugolovnomu pravu RSFSR ot 12 dekabrya 1919 g. Hrestomatiya po istorii otechestvennogo gosudarstva i prava 1917–1991 godov. - M.: Zercalo, 1997. - S. 63 – 68.

[15] Stepanenko R.F. Osobennosti processov preobrazovaniya v Rossii nachala HH veka: problemy obshchej teorii prava // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. - 2018. - № 3. - S. 94–99.

[16] Stepanenko R.F. Revolyucionnoe pravosoznanie v processah preobrazovaniya sovetskogo gosudarstva // Derzhavinskie chteniya: materialy XIII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. – Kazan', 2018. - S. 59, 60.

[17] Stuchka P.I. Kurs sovetskogo grazhdanskogo prava. - M.: Izd-vo Komm. akad., 1928. – 321 s.

[18] Stuchka P.I. Uchenie o gosudarstve i o konstitucii R.S.F.S.R. - M.: Krasnaya nov', 1923. – 349 s.

[19] Sbornik osnovnyh prikazov, cirkulyarov i instrukcij Narodnogo Komissariata Yusticii i Narodnogo Komissariata Vnutrennih Del RSFSR za 1918–1928 gg. o deyatel'nosti mest lisheniya svobody. – M., 1959. - 283 c.

[20] Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. - M., 1942. - 1483 s.

[21] Cirkulyar Ob otmene vsekh donyne izdannyh cirkulyarov o revolyucionnyh tribunalah // Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. - M., 1942. - S. 596.

[22] Shadrin V.M. Teoreticheskaya yurisprudenciya v yuridicheskom obrazovanii v pervye gody sovetskoj vlasti // Vestnik Chelyabinskogo gos. un-ta. - 2012. - № 27(281). - S. 45–49.

[23] Krotkova N.V. Otrazhenie stanovleniya sovetskogo prava i gosudarstvennogo apparata v yuridicheskih zhurnalah pervyh desyatiletij Sovetskoj vlasti // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2018. № 2. S. 73. 85.

ХАСАНОВА Диляра Айратовна,
аспирант кафедры теории
и истории государства и права
УВО «Университет управления “ТИСБИ”»
e-mail: di.diliara@gmail.com

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ПРАВА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ (COVID-19)

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы, возникающие в период распространения коронавирусной инфекции (COVID-19), в т.ч. при проведении медико-социальной экспертизы. Оперативное принятие нормативно-правовых и подзаконных актов в отношении социально уязвимых слоев населения имеет своей целью их социальную поддержку и восстановление социальной справедливости.*

Ключевые слова: *социальное право, медико-социальная экспертиза, социальное назначение права, коронавирусная инфекция, социальная справедливость.*

KHASANOVA Diliara Ayratovna,
post-graduate of the department of theory of state and law,
HEI “University of management “TISBI” (Kazan)

IMPLEMENTATION OF THE SOCIAL FUNCTION OF LAW DURING CARRYING OUT MEDICAL-SOCIAL EXPERTISE IN CONDITIONS OF A CORONAVIRUS INFECTION (COVID-19)

Annotation. *The article deals with topical issues arising during the spread of coronavirus infection (COVID-19), including during medical and social expertise. The rapid adoption of legal and regulatory acts in relation to socially vulnerable segments of the population is aimed at their social support and restoration of social justice.*

Key words: *social law, medical and social expertise, social purpose of law, COVID-19, social justice.*

Социальное назначение права определяется потребностями общественного развития. В обществе создаются законы, направленные на закрепление определенных отношений, их регулирование или охрану. Причем то или иное назначение права выступает тем отчетливее, нагляднее, чем острее ощущается потребность (необходимость) именно в реализации соответствующей его социальной роли - закрепить, защитить или направить развитие определенных общественных отношений в правовом русле [8].

Направление воздействия права, его механизм и способы реализации являются наиболее существенными компонентами предназначения права, что становится своего рода ответом права на потребности общественного развития, результатом законодательной политики, которая концентрирует эти потребности и трансформирует их в позитивное право.

Восходящая еще к Аристотелю теория социального блага объясняет, что имеющиеся неравенства в общественном положении членов общества должны оцениваться с точки зрения равного гражданства и равенства возможностей. Незаслуженные или вынужденные неравенства должны быть каким-либо образом компенсированы или возмещены. Собственно, для этого существуют институты права, которым доверено «снятие» этих неравенств [5, с. 92 - 95].

Позитивное право воплощает в себе (прямо или косвенно) принцип социальной справедливости посредством рационального мышления и правосознания нормоустановителя, соответствующих динамике общественных отношений в тот или иной конкретный исторический период. Понимание законодателем правового содержания издаваемых им нормативно-правовых актов лежит в основе аксиологической оценки права, как мате-

риального, так и процессуального [6; 7], отмечает в работах Р.Ф. Степаненко.

Нормотворчество на всех уровнях, будь то федеральные законы, законы или подзаконные акты, должно соответствовать тем объективно сложившимся обстоятельствам, которые требуют внесения изменений или дополнений по факту происходящих событий, что свидетельствует о правовой динамике развития законодательной сферы, реагирующей не только на особенности и закономерности, но и случайности. Сложившаяся сегодня сложная эпидемиологическая ситуация, связанная с распространением коронавируса, потребовала оперативного вмешательства в процессы правового регулирования общественных отношений, в которой одними из первых были приняты Указы Президента РФ.

Так, в марте - апреле 2020 г. были изданы: Указ Президента РФ от 25 марта 2020 г. № 206 № «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» и Указ Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» (далее – Указы Президента РФ).

Реализацию указанных актов в рамках деятельности в сфере медико-социальной экспертизы необходимо рассматривать в двух направлениях: 1) временные меры, принятые государством для обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения Российской Федерации, в целях принятия мер по реализации прав инвалидов на социальную защиту; 2) принятие положений, которые будут распространять свое действие на будущее, на последствия коронавирусной инфекции 2019-nCoV.

В этой связи, учреждения медико-социальной экспертизы, которые отнесены к медицинским организациям, осуществляют медицинскую деятельность – проведение медико-социальной экспертизы, с целью определения потребностей освидетельствуемого лица в мерах социальной защиты, включая реабилитацию, в соответствии с Федеральным законом от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации».

В то же время в период действия Указов Президента РФ медицинские и аптечные организации продолжали свою деятельность, в частности учреждения медико-социальной экспертизы функционировали в особом режиме [2].

В своей повседневной деятельности учреждения медико-социальной экспертизы при освидетельствовании граждан руководствуются постановлением Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» и постановлением Правительства РФ от 16 октября 2000 г. № 789 «Об утверждении Правил установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний».

Однако в связи с необходимостью проведения незамедлительных мер профилактического реагирования по предупреждению завоза и распространения инфекции Правительством РФ приняты: постановление от 9 апреля 2020 г. № 467 «О Временном порядке признания лица инвалидом» и постановление от 15 апреля 2020 г. № 511 «О Временном порядке установления степени утраты профессиональной трудоспособности в результате несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний и разработки программы реабилитации пострадавшего в результате несчастного случая на производстве и профессионального
заболевания» (далее – постановления Правительства РФ).

Вновь принятые постановления Правительства РФ временно (на период пандемии) устанавливают особенности признания лица инвалидом, в т.ч. особенности реализации отдельных положений Правил признания лица инвалидом, утвержденных постановлением Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом».

Необходимо отметить, что принятые Правительством РФ постановления распространяются на правоотношения, возникшие с 1 марта, и действуют до 1 октября 2020 г. включительно.

Важнейшими временными нововведениями стали положения о том, что:

- медико-социальная экспертиза граждан проводится федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы без личного присутствия – заочно, что исключает необходимость личного присутствия и взаимодействия;
- инвалидность устанавливается на основании данных, указанных в направлениях на медико-социальную экспертизу;
- продление инвалидности гражданину осуществляется в соответствии с заключением федерального государственного учреждения медико-социальной экспертизы о степени выраженности стойких расстройств функций организма, возникших в результате заболеваний, последствий травм или дефектов, сведения о которых имеются в протоколе проведения медико-социальной экспертизы гражданина в федеральном государственном учреждении медико-социаль-

ной экспертизы при последнем освидетельствовании;

- инвалидность продлевается на срок до 6 месяцев и устанавливается с даты, до которой была установлена инвалидность при предыдущем освидетельствовании;
- продление инвалидности осуществляется без истребования от гражданина (его законного или уполномоченного представителя) заявления о проведении медико-социальной экспертизы.

Одновременно обращаем внимание, что при заочном переосвидетельствовании тех граждан, которым направительные документы были сформированы медицинской организацией, приоритетным является обеспечение *сохранения ранее установленного уровня социальной поддержки гражданина.*

Данные меры введены в рамках мероприятий по противодействию распространения коронавирусной инфекции.

Вместе с тем, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации на основании информации о признании граждан инвалидами, продлении инвалидности, также продлевают ранее назначенные гражданам льготы и иные меры социальной поддержки в соответствии с законодательством Российской Федерации [3]. Например, Пенсионный фонд РФ и Фонд социального страхования РФ обеспечивают граждан, которым установлена или продлена группа инвалидности (категория «ребенок-инвалид»), выплату пенсий и предоставление ранее рекомендованных технических средств реабилитации соответственно.

Учреждениям медико-социальной экспертизы Российской Федерации в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции Министерством труда и социальной защиты РФ [1] было поручено принятие локальных актов, содержащих мероприятия по предупреждению завоза и распространения коронавирусной инфекции, в т.ч. мероприятия по отказу от очных освидетельствований и увеличению доли заочных освидетельствований граждан;

- взаимодействие с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сфере здравоохранения в части повышения контроля за оформлением медицинскими организациями направительных документов в целях максимально качественного проведения МСЭ заочно;

- отказ от очных освидетельствований граждан в бюро МСЭ и главных бюро, увеличение освидетельствований в заочной форме, организация учета сведений о проводимых свидетельствованиях очно, заочно и выездных освидетельствованиях, анализ возникающих вопросов в связи с увеличением доли заочных освидетельствований, а также возникающих в этой связи рисков.

Кроме того, Указом Президента РФ от 6 мая 2020 г. № 313 «О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников» установлены дополнительные страховые гарантии в виде единовременной страховой выплаты медицинским работникам. Указ издан в целях обеспечения государственных гарантий по обязательному государственному страхованию работников медицинских организаций при исполнении ими трудовых обязанностей в условиях распространения коронавирусной инфекции (COVID-19).

В Указе названы три страховых случая, при наступлении которых производится единовременная страховая выплата: А) смерть медицинского работника; Б) причинение вреда здоровью медицинского работника, повлекшее за собой временную нетрудоспособность, но не приведшее к инвалидности; В) причинение вреда здоровью медицинскому работнику, повлекшее за собой стойкую утрату трудоспособности, приведшее к инвалидности.

В случае если заболевание возникло при исполнении медицинским работником трудовых обязанностей и развились осложнения после перенесенного заболевания, вызванного новой коронавирусной инфекцией (COVID-19), которые привели к основаниям для установления инвалидности, то медицинским работникам производится единовременная страховая выплата:

инвалиду I группы - в размере 2 064 339 руб.;

инвалиду II группы - в размере 1 376 226 руб.;

инвалиду III группы - в размере 688 113 руб. [4].

Учреждения медико-социальной экспертизы ведут учет сведений о медицинских работниках, прошедших освидетельствование в федеральных учреждениях медико-социальной экспертизы по последствиям осложнений, вызванных новой коронавирусной инфекцией, с использованием функционала информационной системы по проведению медико-социальной экспертизы и Федерального реестра инвалидов [4].

Социальное назначение права и его эффективность проявляется в системе выполняемых им функций. Они отражают основные направления правового воздействия на общественные отношения, в целях их упорядочения, урегулирования и придания единства. Поскольку право является нормативным регулятором общественных отношений, считаем, что имеется перспектива внесения дополнений в постановление Правительства РФ от 20 февраля 2006 г. № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» и приказ Мини-

стерства труда и социальной защиты РФ от 28 ноября 2019 г. № 742н «Об утверждении порядка установления причин инвалидности», а также внесение новой формулировки причины инвалидности: «по последствиям осложнений, вызванных новой коронавирусной инфекцией».

Таким образом, развитие законодательного массива в сложной эпидемиологической ситуации становится важнейшим элементом праворегулятивного процесса с целью восстановления социальной справедливости, в особенности, в отношении социально уязвимых слоев населения, наиболее нуждающихся в государственно-правовой защите в современных сложных обстоятельствах.

Список литературы:

[1] Письмо Минтруда России от 19.03.2020 г. № 13-4/10/П-2423 «Об обеспечении проведения главным бюро медико-социальной экспертизы по субъектам РФ незамедлительных мер профилактического реагирования по предупреждению завоза и распространения коронавирусной инфекции на территории РФ» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350197/ (дата обращения: 19.08.2020).

[2] Письмо Минтруда России от 26.03.2020 г. № 13-2/10/П-2663 «Об Указе Президента РФ от 25.03.2020 № 206» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348686/ (дата обращения: 19.08.2020).

[3] Письмо Минтруда России от 17.04.2020 г. № 13-4/10/П-3517 «О применении Временного порядка признания лица инвалидом, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 09.04.2020 № 467» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352789/ (дата обращения: 19.08.2020).

[4] Письмо Минтруда России от 12.05.2020 г. № 13-4/10/В-3614 «Об обеспечении государственных гарантий по обязательному государственному страхованию работников медицинских организаций при исполнении ими трудовых обязанностей в условиях распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352544/ (дата обращения: 19.08.2020).

[5] Ролз Джон. Теория справедливости / пер. с англ.; науч. ред. и предисл. В.В. Целищева. - 3-е изд. - М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. - 536 с.

[6] Степаненко Р.Ф. Процессуальность права в аксиологическом измерении: общетеоретические и методологические проблемы / Р.Ф. Степаненко // Вестник гражданского процесса. - 2019. - Т. 9. - № 3. - С. 34–44.

[7] Степаненко Р.Ф. Принцип социальной справедливости: рациональное и иррациональное: материалы XXI Междунар. науч.-практ. форума «Юртехника» (25 - 27 сентября, Нижний Новгород). Юрид. техника. Ежегодник № 14 «Система принципов российского законодательства: техника закрепления, интерпретации, реализации». – Н. Новгород, 2020. - С. 319–323.

[8] Хасанова Д.А., Степаненко Р.Ф. Социальная функция права в практиках медико-социальной экспертизы: некоторые вопросы общей теории права // Общество, государство, личность: модернизация системы взаимоотношений в современных условиях: материалы XVI Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Казань, 22 апреля 2016 г.). - Казань: УВО «Университет управления «ТИСБИ»», 2016. - С. 132–134.

Spisok literatury:

[1] Pis'mo Mintruda Rossii ot 19.03.2020 N 13-4/10/P-2423 «Ob obespechenii provedenija glavnym bjuro mediko-social'noj jekspertizy po sub#ektam RF nezamedlitel'nyh mer profilakticheskogo reagirovanija po preduprezhdeniju zavoza i rasprostranenija koronavirusnoj infekcii na territorii RF» [Elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tantPljus – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350197/ (data obrashhenija: 19.08.2020).

[2] Pis'mo Mintruda Rossii ot 26.03.2020 N 13-2/10/P-2663 «Ob Ukaze Prezidenta RF ot 25.03.2020 N 206» [Elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tantPljus – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348686/ (data obrashhenija: 19.08.2020).

[3] Pis'mo Mintruda Rossii ot 17.04.2020 N 13-4/10/P-3517 «O primenenii Vremennogo porjadka priznanija lica invalidom, utverzhdennogo Postanovleniem Pravitel'stva RF ot 09.04.2020 N 467» [Elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tantPljus – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352789/ (data obrashhenija: 19.08.2020).

[4] Pis'mo Mintruda Rossii ot 12.05.2020 N 13-4/10/V-3614 «Ob obespechenii gosudarstvennyh garantij po objazatel'nomu gosudarstvennomu strahovaniju rabotnikov medicinskih organizacij pri ispolnenii imi trudovyh objazannostej v uslovijah rasprostranenija novoj koronavirusnoj infekcii (COVID-19)» [Elektronnyj resurs] // SPS Konsul'tantPljus – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_352544/ (data obrashhenija: 19.08.2020).

[5] Rolz Dzhon. Teorija spravedlivosti / per. s angl.; nauch. red. i predisl. V.V. Celishheva. 3-e izd. - M.: URSS: LENAND, 2017. -536 s.

[6] Stepanenko R.F. Processual'nost' prava v aksiologicheskom izmerenii: obshheteoreticheskie i metodologicheskie problemy / R.F. Stepanenko // Vestnik grazhdanskogo processa. - 2019. - T. 9. - № 3. - S. 34 - 44.

[7] Stepanenko R.F. Princip social'noj spravedlivosti: racional'noe i irracional'noe: materialy XXI Mezhdunar. nauch.-prakt. foruma «Jurtehnika» (25 - 27 sentjabrja, Nizhnij Novgorod). Jurid. tehnika. Ezhegodnik № 14 «Sistema principov rossijskogo zakonodatel'stva: tehnika zakreplenija, interpretacii, realizacii». – N. Novgorod, 2020. - S. 319 - 323.

[8] Khasanova D.A., Stepanenko R.F. Social'naja funkcija prava v praktikah mediko-social'noj jekspertizy: nekotorye voprosy obshhej teorii prava // Obshhestvo, gosudarstvo, lichnost': modernizacija sistemy vzaimootnoshenij v sovremennyh uslovijah: materialy XVI Vseross. nauch.-prakt. konf. (g. Kazan', 22 aprelja 2016 g.). - Kazan': UVO "Universitet upravlenija "TISBI", 2016. - S. 132 - 134.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

МЕЦГЕР Андрей Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры частного права
Института государственного управления и права
ФГБОУ ВО «Государственный университет управления»
e-mail: metzger@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАЩИТА И РЕАЛИЗАЦИЯ ГАРАНТИЙ ПРАВ ГРАЖДАН В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. *Правоприменительная деятельность только тогда будет эффективной, когда будут соблюдаться принципы социальной справедливости, законности, обоснованности и целесообразности. Автор статьи обосновывает вывод о том, что проблема социальной справедливости выступает в правоприменении не изолировано: обязательными требованиями при осуществлении правоприменительной деятельности являются соблюдение взаимосвязанных принципов законности, справедливости, целесообразности и обоснованности. В современных условиях от правоприменителя при принятии решения требуется соблюдение принципа законности и обоснованности. Только при таком отношении к делу возможно достижение долгосрочной перспективы в правоприменении - обеспечение справедливости принятого решения и реализации гарантий прав граждан.*

Ключевые слова: *права человека, государственная защита, гарантии прав, правоприменительная деятельность, правоохрана, органы внутренних дел, закон.*

METSGER Andrey Aleksandrovich,
PhD in Law,
associate Professor of Private Law
of the Institute of Public Administration and Law
of State University of Management

STATE PROTECTION AND IMPLEMENTATION OF GUARANTEES OF CITIZENS ‘ RIGHTS IN LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

Annotation. *Law enforcement will only be effective if the principles of social justice, legality, reasonableness and expediency are observed. The author concludes that the problem of social justice advocates in law enforcement are not isolated: mandatory requirements for implementation of enforcement activities are interrelated observance of the principles of legality, fairness, appropriateness and validity. In modern conditions, the law enforcement officer is required to comply with the principle of legality and reasonableness when making a decision. Only with this attitude to the case is it possible to achieve a long - term perspective in law enforcement-ensuring the fairness of the decision and the implementation of guarantees of citizens ‘ rights.*

Key words: *human rights, state protection, guarantees of rights, law enforcement, law enforcement, internal Affairs agencies, law.*

Согласно Конституции РФ, Россия является правовым государством (ст. 1). Один из признаков правового государства - взаимная ответственность государства и личности. Одним из важнейших средств обеспечения реальности прав и свобод человека в современном обществе является деятельность государства и его органов по созданию условий для полной реализации законных прав и свобод, также обеспечивающая в необходимых случаях эффективные средства для их защиты [1].

Конституция РФ закрепляет основные права, свободы и обязанности граждан России, отражающие значимые связи между правом, государством и личностью, в основе которых лежат наиболее существенные ее блага и ценности [2]. Основные права, свободы и обязанности личности могут быть конкретизированы и дополнены отраслевым

законодательством [3] и законодательством через систему специальных прав и обязанностей [4]. Несомненно, когда каждый человек и гражданин будет осознавать, что не только он несет ответственность и имеет обязательства перед государством, но оно, например, в лице правоохранительных органов может быть призвано к ответу со стороны общества, мы сможем говорить о создании действительно гражданского общества, способного реально осуществлять свои функции по контролю за государственными органами и участию в управлении государством [5].

Правовой статус, природа прав и обязанностей человека и гражданина привлекают пристальное внимание юристов. Слово «статус» произошло от лат. *status*, что означает положение, состояние и имеет свое значение - правовое положение (совокупность прав и обязанностей). В структуру правового статуса личности включается различный набор элементов. Некоторые ученые в структуру правового статуса личности включают гражданство, общую правоспособность, гарантии, законные интересы, юридическую ответственность и др. Ряд дополнительных элементов, таких как гражданство и общая правоспособность, следует считать либо предпосылками правового статуса, либо вторичными элементами по отношению к основным, например, юридическая ответственность вторична по отношению к обязанностям человека и гражданина [6].

Законные интересы - интересы, которые прямо не закреплены в юридических правах и обязанностях, также не могут быть выделены в качестве самостоятельного элемента правового статуса. На наш взгляд, структуру правового статуса личности четко определяют такие элементы, как права, свободы и обязанности личности, а законные интересы - дополнительный, производный элемент. Рассматривая права и свободы человека и гражданина как элемент правового статуса личности, необходимо включать в него не только основные (конституционные) права, но и весь комплекс прав, вытекающих из законов (внутригосударственных и международных). Особенно следует обратить внимание на влияние международных норм о правах человека на расширение правового статуса личности в современном мире [7].

Часть 1 ст. 17 Конституции РФ провозглашает: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права в соответствии с настоящей Конституцией». Это положение Конституции РФ дает основания понимать правовой статус человека и гражданина в России как единый комплекс национальных и международных норм, содержащих права и свободы граждан [8]. Права человека с международно-правовых позиций представляют собой общезначимые для всего мирового сообщества правовые идеи, выраженные в юридической форме и предъявляемые к каждому государству. Права человека становятся фактически правами граждан тогда, когда они признаются государством и закрепляются национальным, позитивным правом [9].

Кроме того, изучение гарантий прав граждан в правоприменительной деятельности невозможно без понимания обязанностей человека и гражданина. В основе любой обязанности личности в демократическом обществе лежит мера социальной свободы личности как осознанной необходимости социального поведения личности. Обязанность - это объективно необходимое, должное поведение человека. Следует подчеркнуть, что такая объективная необходимость определенного поведения не всегда субъективно осознается индивидом, а это может привести к отступлению от требований нормы [10].

Поэтому обязанность - это как необходимое, так и возможное поведение. Государство в системе обязанностей показывает целесообразный, социально полезный и необходимый вариант поведения. Но возможно поведение, которое основано на другой нормативной ориентации, т.к. человек может выбрать нормы, противоречащие требованиям, заключенным в обязанности. Часть обязанностей как элемент правового статуса распространяется на всех лиц, проживающих в государстве. Например, Конституция РФ устанавливает обязанность каждого платить налоги и сборы (ст. 57). Включение обязанностей (наряду с правами) в правовой статус личности не влияет на принципы свободы и правового государства, поскольку права одних лиц, не подкрепленные обязанностями других, не могут быть реализованы [11].

Все сферы действия правового статуса личности в единстве прав и обязанностей человека представляет собой пространство, основанное на свободе выбора, самоопределении и ответственности личности перед обществом [12].

Свобода и ответственность выражают объективную необходимость определенных эталонов поведения и их выполнения в соответствии с интересами общества. Государство, руководствуясь этими интересами, требует выполнения обязанностей и определяет последствия, связанные с ненадлежащим использованием прав и свобод, противоречащим интересам общества и государства, правам других лиц. Важная связь свободы и обязанностей раскрывается в ст. 29 Всеобщей декларации прав человека: «Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором

только и возможно свободное и полное развитие личности».

Понятие «правовой статус личности» - одно из ключевых понятий правовой науки и поэтому представляет большой интерес для научного исследования. Правовой статус личности помогает членам общества определить свое место в общественном развитии, открывает доступ к обладанию и пользованию различными благами, возможность творческого участия в развитии производительных сил общества, новых общественных отношений в различных областях общественной и государственной жизни [13].

Применение права (правоприменительная деятельность) - одна из форм государственной деятельности, направленная на реализацию правовых предписаний в жизнь [14]. Без реализации право мертво и не имеет никакой социальной ценности. Реализация права есть реализация его социального предназначения. Именно в процессе реализации протекает жизнь правовых предписаний. И в этом смысле право - не просто возможность, оно есть реальная действительность [15].

Применение права как особая форма правореализации представляет собой сложный социальный феномен, который активно исследуется в современной юриспруденции. Теоретическая и практическая значимость, дискуссионность многих аспектов правоприменения неоднократно побуждали и побуждают многих ученых обращаться к вопросам применения права [16].

«Закон - не абстракция, существующая сама по себе; он проявляется только через применение к конкретным правоотношениям. Право и правоприменение существуют в неразрывном единстве: право без правоприменения не имеет смысла; естественно, не может быть и правоприменения без права» [17].

Обстоятельное изучение реализации права привело большинство авторов к выводу о том, что применение права (правоприменительная деятельность) - это форма правореализации, которая представляет собой властную деятельность уполномоченных законом субъектов по осуществлению управленческого воздействия на общественные отношения путем издания индивидуальных правовых предписаний. Применение права обособляется от других форм его реализации - оно основано на государственно-властных предписаниях компетентных органов, и это является стержневым в трактовке природы применения права. Другими словами, компетентный орган выступает от имени государства, по его уполномочию, наделяясь компетенцией совершать определенные виды государственной деятельности.

Одним из таких компетентных субъектов, уполномоченных государством осуществлять правоприменительную деятельность, являются органы внутренних дел. Вполне обоснованным представляется следующее *определение правоприменительной деятельности органов внутренних дел* - это государственно-властная деятельность органов и должностных лиц, осуществляемая специфическими методами и средствами в пределах своей компетенции при наличии правообразующего факта, путем перевода общего предписания норм права на конкретную ситуацию, посредством вынесения индивидуально-конкретных правовых предписания и обращения их к исполнителю или их исполнения [18].

Следует отметить, что правоприменительной деятельности органов внутренних дел свойственны черты, определяющие правоприменительную деятельность любого органа управления государства. Вместе с тем, ей присущи и специфические признаки, вытекающие из особенностей данной сферы управления. Выделить признаки, определяющие особенности правоприменительной деятельности органов внутренних дел, возможно исходя из анализа общих признаков правоприменения, осуществляемого органами государства[1].

Во-первых, специфику правоприменительной деятельности органов внутренних дел определяют объекты этой деятельности. Объектом правоприменения являются общественные отношения, составляющие определенную часть правопорядка в сфере деятельности органов внутренних дел.

Во-вторых, субъектами правоприменительного процесса выступают компетентные органы внутренних дел и их должностные лица. Не все сотрудники органов внутренних дел имеют право осуществлять правоприменительную деятельность. В частности, сотрудники информационно-аналитических, финансовых, хозяйственных отделов такого права не имеют. У других - эти полномочия носят ограниченный характер. Одни - осуществляют ее в связи с управленческой деятельностью (министр, начальник УВД, руководители подразделений и т.д.), другие - фактически заняты лишь правоприменительной деятельностью (дознаватели, участковые уполномоченные полиции и др.).

В-третьих, эта деятельность осуществляется в рамках определенного круга задач (защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; выявление и раскрытие преступлений, производство дознания по уголовным делам; розыск

[1] См.: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. - 2011. - № 7. - Ст. 900; 2014. - № 30 (ч. I). - Ст. 4259; 14 - 16, 18 - 23.

лиц, обеспечение правопорядка в общественных местах и др.).

В-четвертых, органы внутренних дел осуществляют правоприменительную деятельность не только в условиях стабильной социально-политической ситуации, но и в экстремальных ситуациях, связанных с массовыми беспорядками, землетрясениями, эпидемиями и т.п., обеспечением охраны общественного порядка в период проведения спортивно-массовых мероприятий, митингов, демонстраций и т.д. Эта деятельность осуществляется при непосредственном соприкосновении с большой массой людей [19].

В-пятых, важная особенность правоприменительной деятельности органов внутренних дел, как исполнительно-распорядительных органов государства, состоит в том, что она является разновидностью государственного управления, в процессе которого в ряде случаев переплетаются и чисто юридические (правовые) формы воздействия, и разнообразные непосредственно организационные действия. В частности, органы полиции в пределах, установленных законодательством, наделены правом применения мер принуждения (задержания, вхождения (проникновения) в жилые и иные помещения, оцепления (блокирования) участков местности, применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия и др.). Следует отметить, что ни один другой орган исполнительной власти не обладает таким разнообразным набором государственно-властных принудительных полномочий, как полиция. В процессе выполнения поставленных задач сотрудники полиции могут применять разнообразные специальные средства: палки специальные, специальные газовые средства, электрошоковые устройства, средства сковывания движения, водометы, служебных животных и др. [20].

Организация, с одной стороны, и практическое осуществление функций правопорядка - с другой, обусловливают два важнейших направления правоприменительной деятельности органов внутренних дел (внутри органа и вне его) [21]. Их можно условно назвать внутренняя и внешняя правоприменительная деятельность органов внутренних дел.

Внутренняя правоприменительная деятельность органов внутренних дел опосредована нормативными правовыми актами, регламентирующими общественные отношения, связанные с условиями прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел: отбор на службу, перемещение по службе, социальное обеспечение сотрудников, аттестация сотрудников, служебная дисциплина и др. [22].

К таким *нормативным правовым актам следует отнести:*

- Федеральный закон от 30 ноября 2011 г . № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»,
- Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»,
- Федеральный закон от 72 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»,
- Указ Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации» (утверждающий Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации),
- Указ Президента РФ от 1103 4 октября 2012 г. № 1377 «О Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации»,
- Указ Президента РФ от 22 ноября 2012 г. № 1575 «Вопросы прохождения службы сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации»,
- Приказ МВД России от 194 мая 2009 г. № 386 «О порядке отбора граждан на службу (работу) в органы внутренних дел Российской Федерации»,
- Приказ МВД России от 14 марта 2012 г. № 170 «О порядке проведения аттестации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации»,
- Приказ МВД России от4 3 июля 2012 г. № 663 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации»,
- Приказ МВД России от 31 января 2013 г. № 65 «Об утверждении Порядка обеспечения денежным довольствием сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации» и др.

Правовой основой внешней правоприменительной деятельности органов внутренних дел являются:

- Конституция Российской Федерации,
- Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»,
- Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»,
- Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ,
- Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ,
- Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ,

- Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и др.

В указанных нормативных правовых актах установлены основные права и обязанности сотрудников органов внутренних дел, в т.ч. сотрудников полиции, реализация которых сопровождается правоприменительной деятельностью.

По нашему мнению, социальная значимость правоприменительной деятельности органов внутренних дел определяется целями их деятельности: помощь субъектам права в реализации ими субъективных прав и законных интересов, разрешении конфликтов, спорных ситуаций, возникших в процессе реализации субъективных прав, привлечение лиц, совершивших правонарушение, к юридической ответственности. В этом смысле правоприменительную деятельность органов внутренних дел можно рассматривать как важнейшую юридическую гарантию прав и законных интересов субъектов права. Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1) специфика правоприменительной деятельности органов внутренних дел связана с их субъектным составом и обусловлена объектами этой деятельности, основным из которых является правопорядок;

2) в процессе осуществления правоприменительной деятельности органов внутренних дел переплетаются чисто юридические (правовые) формы воздействия и разнообразные непосредственно организационные действия;

3) органы внутренних дел осуществляют правоприменительную деятельность не только в условиях стабильной социально-политической ситуации, но и в экстремальных ситуациях;

4) правоприменительная деятельность органов внутренних дел в зависимости от того, осуществляется она внутри органа внутренних дел или вне его, имеет два направления - внутреннее и внешнее [23].

Под государственной защитой гарантий прав граждан следует понимать государственную систему мер и механизмов, направленных на должную реализацию установленных государством норм, гарантирующих установленные законом права и свободы человека и гражданина.

Государственная защита прав и свобод человека и гражданина означает, что Россия как правовое государство берет на себя обязанность гаранта жизненных ценностей и благ личности, выраженных в ее субъективных гражданских правах и личных свободах. Для выполнения этой публично-правовой обязанности Российская Федерация располагает законодательной базой и системой органов правоохраны, к которым относятся также и суды [24].

Противодействие коррупции есть важнейшая и приоритетная задача для правоохранительных органов Российской Федерации в условиях проведения политической и правовой реформ. О борьбе с коррупцией в аспекте государственной защиты и реализации гарантий прав граждан в правоприменительной деятельности необходимо сказать отдельно [25].

Правовые преобразования, проводимые в современной России с целью создания в российском обществе условий для удовлетворения каждым человеком своих прав и законных интересов, выполнения возложенных обязанностей, защиты интересов государства, включают в себя и внедрение антикоррупционной идеологии, без которой любые демократические реформы не будут эффективными [26].

Выступая 21 марта 2013 г. на расширенной коллегии МВД России, В.В. Путин поставил органам внутренних дел задачу «более активно действовать там, где под угрозу реально поставлены интересы граждан, бизнеса и государства, в том числе, это рейдерство и незаконные финансовые операции, хищения бюджетных средств и коррупция» [27].

Следует констатировать, что за последние несколько лет в России:

- сформирован нормативно-правовой базис противодействия коррупции;
- существенно улучшено финансирование и материально-техническое обеспечение субъектов правоохранительной деятельности;
- значительно расширен арсенал организационно-правовых средств предупреждения коррупции;
- активизировано участие общественности в антикоррупционных мероприятиях [28];
- усовершенствовано методическое обеспечение борьбы с коррупцией.

Важное теоретическое значение приобретает вопрос об обеспечении прав лиц, в отношении которых производятся следственные действия. В современной России механизмы обеспечения прав граждан недостаточны и несовершенны, поэтому правоохранительные органы не могут в необходимой степени предупредить стремительный рост преступности, а также исключить серьезные нарушения прав человека в своей деятельности [29].

В качестве уголовно-процессуальных гарантий реализации прав и свобод человека выступают установленные законодателем средства, обеспечивающие реальную возможность осуществлять обвиняемому и другим участникам уголовного судопроизводства принадлежащие им процессуальные права и требовать от следова-

теля и руководителя следственного органа исполнения обязанностей по реализации этих прав, а в случае их нарушения - их восстановления. Для этого участник процесса должен быть обладателем этих прав, он должен быть ими наделен, тогда его требования будут законными [30].

Список литературы:

[1] Матвеева М.А. Теория правотворчества в отечественной юриспруденции // Уч. тр. РААН. - 2014. - № 1 (32). - С. 37 - 41.

[2] Матвеева М.А. Внесение поправок в Конституцию Российской Федерации: общетеоретические проблемы многообразия конституционно-законотворческих производств // Уч. тр. РААН. - 2013. - № 4 (31). - С. 79 - 81.

[3] Жарова А.К. О необходимости правовой классификации операторов сети Интернет // Бизнес-информатика. - 2011. - № 3 (17). - С. 60 - 65.

[4] Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция: дис... д-ра юрид. наук. - Владимир, 2012.

[5] Гоц Е.В., Лазарева И.Л., Матвеева М.А. и др. Правоведение: учеб. для студ. транспортных вузов. – М., 2013.

[6] Матвеева М.А. Правотворчество как юридическая деятельность: проблемы теоретического осмысления // Труды ИГП РАН. - 2016. - № 5. - С. 191 - 201.

[7] Матвеева М.А. Теория правотворчества в отечественной юриспруденции // Уч. тр. РААН. - 2014. - № 1 (32). - С. 37 - 41.

[8] Жарова А.К. Международные правовые концепции борьбы с распространением вредной информации // Бизнес-информатика. 2010. - № 4 (14). - С. 46 - 53.

[9] Конституция Российской Федерации. Комментарий. - М., 1994. - С. 76; Витрук Н.В. Основы правового положения личности в социалистическом обществе. - М., 1979. С. 29; Кучинский В.А. Личность, свобода, право. - М., 1978. - С. 115.

[10] Гоц Е.В., Лазарева И.Л., Матвеева М.А. и др. Правоведение: учеб. для студ. транспортных вузов. – М., 2013.

[11] Нижних Н.С. Полицейская система как элемент правоохранительной системы современного государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 19 - 20 сентября 2013 г. / под общ. ред. В.А. Сосова. - Краснодар: ИБ «Юг». - 2013. - С. 6 - 13.

[12] Матвеева М.А. Теория правотворчества в отечественной юриспруденции // Уч. тр. РААН. - 2014. - № 1 (32). - С. 37 - 41.

[13] Карташкин В.А. Международная защита прав человека. - М., 1976. - Гл. 2.

[14] Морозова Л.А. Теория государства и права: учеб. - М., 2014. - С. 320.

[15] Романец Ю.В. Роль правоприменения в утверждении справедливости // Росс. юстиция. - 2012. - № 2. - С. 66.

[16] Жарова А.К. Информационные конфликты. Правовые аспекты // Условия реализации прав граждан и организаций на основе информационных технологий: сб. – М., 2010. - С. 143 - 158.

[17] Нижник Н.С. Полицейская система как элемент правоохранительной системы современного государства // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе: материалы 39-й Междунар. науч.-практ. конф., 19 - 20 сентября 2013 г. / под общ. ред. В.А. Сосова. - Краснодар, 2013. - С. 6 - 13.

[18] Алексеева Л.А. Соотношение социальной и юридической эффективности правоприменительной деятельности (на примере органов внутренних дел): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2002. - С. 13.

[19] Жарова А.К. Правовое регулирование обращения информации в Интернет. – М., 2006; Жарова А.К. Информация. Правовые проблемы обращения информации. – М., 2006; Жарова А.К., Елин В.М. Обеспечение безопасности персональных данных в эпоху больших данных // Динамика институтов информационной безопасности. Правовые проблемы: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.А. Полякова, В.Б. Наумов, Э.В. Талапина. – М., 2018. - С. 174–181; Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения // Государство и право. - 2018. - № 9. - С. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9.

[20] Матвеева М.А. Мониторинг правотворчества: проблема теоретического обоснования // Уч. тр. РААН. - 2014. - № 2 (33). - С. 44 - 47.

[21] Жарова А.К. Международные правовые концепции борьбы с распространением вредной информации // Бизнес-информатика. - 2010. - № 4 (14). - С. 46 - 53.

[22] Жарова А.К. Место сетевого информационного сообщества в системе правового регулирования // Репутациология. - 2009. - № 3 (4). - С. 29 - 46.

[23] Жарова А.К. Правовая классификация лицензий на программное обеспечение // Информационные ресурсы России. - 2010. - № 2 (114). - С. 38 - 41.

[24] Миронов А.Л. Обеспечение государством прав и свобод человека и гражданина // Закон и право. - 2011. - № 3.

[25] Матвеева М.А. Правотворчество как юридическая деятельность: проблемы теоретиче-

ского осмысления // Труды ИГП РАН. - 2016. - № 5. - С. 191 - 201.

[26] Жарова А.К. Информационные конфликты. Правовые аспекты // Условия реализации прав граждан и организаций на основе информационных технологий: сб. – М., 2010. - С. 143 - 158.

[27] Матвеева М.А. Теоретические и методологические проблемы юридической процессуальной формы правотворчества // Право и государство: теория и практика. - 2015. - № 3 (123). - С. 30 - 34.

[28] Жарова А.К. О конфликте интересов субъектов в информационных отношениях // Государство и право. - 2011. - № 4. - С. 42 - 49.

[29] Гоц Е.В., Лазарева И.Л., Матвеева М.А. и др. Правоведение: учеб. для студ. транспортных вузов. – М., 2013.

[30] Матвеева М.А. Мониторинг правотворчества: проблема теоретического обоснования // Уч. тр. РААН. - 2014. - № 2 (33). - С. 44 - 47.

Spisok literatury:

[1] Matveeva M.A. Teoriya pravotvorchestva v otechestvennoj yurisprudencii // Uch. tr. RAAN. - 2014. - № 1 (32). - S. 37 - 41.

[2] Matveeva M.A. Vnesenie popravok v Konstituciyu Rossijskoj Federacii: obshcheteoreticheskie problemy mnogoobraziya konstitucionno-zakonotvorcheskih proizvodstv // Uch. tr. RAAN. - 2013. - № 4 (31). - S. 79 - 81.

[3] Zharova A.K. O neobhodimosti pravovoj klassifikacii operatorov seti Internet // Biznes-informatika. - 2011. - № 3 (17). - S. 60 - 65.

[4] Tret'yakova O.D. Yuridicheskaya konvergenciya: dis... d-ra yurid. nauk. - Vladimir, 2012.

[5] Goc E.V., Lazareva I.L., Matveeva M.A. i dr. Pravovedenie: ucheb. dlya stud. transportnyh vuzov. – M., 2013.

[6] Matveeva M.A. Pravotvorchestvo kak yuridicheskaya deyatel'nost': problemy teoreticheskogo osmysleniya // Trudy IGP RAN. - 2016. - № 5. - S. 191 - 201.

[7] Matveeva M.A. Teoriya pravotvorchestva v otechestvennoj yurisprudencii // Uch. tr. RAAN. - 2014. - № 1 (32). - S. 37 - 41.

[8] Zharova A.K. Mezhdunarodnye pravovye koncepcii bor'by s rasprostraneniem vrednoj informacii // Biznes-informatika. 2010. - № 4 (14). - S. 46 - 53.

[9] Konstituciya Rossijskoj Federacii. Kommentarij. - M., 1994. - S. 76; Vitruk N.V. Osnovy pravovogo polozheniya lichnosti v socialisticheskom obshchestve. - M., 1979. S. 29; Kuchinskij V.A. Lichnost', svoboda, pravo. - M., 1978. - S. 115.

[10] Goc E.V., Lazareva I.L., Matveeva M.A. i dr. Pravovedenie: ucheb. dlya stud. transportnyh vuzov. – M., 2013.

[11] Nizhnih N.S. Policejskaya sistema kak element pravoohranitel'noj sistemy sovremennogo gosudarstva // Aktual'nye problemy prava i pravoprimenitel'noj deyatel'nosti na sovremennom etape: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 19 - 20 sentyabrya 2013 g. / pod obshch. red. V.A. Sosova. - Krasnodar: IB «Yug». - 2013. - S. 6 - 13.

[12] Matveeva M.A. Teoriya pravotvorchestva v otechestvennoj yurisprudencii // Uch. tr. RAAN. - 2014. - № 1 (32). - S. 37 - 41.

[13] Kartashkin V.A. Mezhdunarodnaya zashchita prav cheloveka. - M., 1976. - Gl. 2.

[14] Morozova L.A. Teoriya gosudarstva i prava: ucheb. - M., 2014. - S. 320.

[15] Romanec Yu.V. Rol' pravoprimeneniya v utverzhdenii spravedlivosti // Ross. yusticiya. - 2012. - № 2. - S. 66.

[16] Zharova A.K. Informacionnye konflikty. Pravovye aspekty // Usloviya realizacii prav grazhdan i organizacij na osnove informacionnyh tekhnologij: sb. – M., 2010. - S. 143 - 158.

[17] Nizhnik N.S. Policejskaya sistema kak element pravoohranitel'noj sistemy sovremennogo gosudarstva // Aktual'nye problemy prava i pravoprimenitel'noj deyatel'nosti na sovremennom etape: materialy 39-j Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 19 - 20 sentyabrya 2013 g. / pod obshch. red. V.A. Sosova. - Krasnodar, 2013. - S. 6 - 13.

[18] Alekseeva L.A. Sootnoshenie social'noj i yuridicheskoj effektivnosti pravoprimenitel'noj deyatel'nosti (na primere organov vnutrennih del): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. - M., 2002. - S. 13.

[19] Zharova A.K. Pravovoe regulirovanie obrashcheniya informacii v Internet. – M., 2006; Zharova A.K. Informaciya. Pravovye problemy obrashcheniya informacii. – M., 2006; Zharova A.K., Elin V.M. Obespechenie bezopasnosti personal'nyh dannyh v epohu bol'shih dannyh // Dinamika institutov informacionnoj bezopasnosti. Pravovye problemy: sb. nauch. tr. / otv. red. T.A. Polyakova, V.B. Naumov, E.V. Talapina. – M., 2018. - S. 174–181; Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Obzor Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Informacionnoe prostranstvo: obespechenie informacionnoj bezopasnosti i pravo» – Pervye Bachilovskie chteniya // Gosudarstvo i pravo. - 2018. - № 9. - S. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9.

[20] Matveeva M.A. Monitoring pravotvorchestva: problema teoreticheskogo obosnovaniya // Uch. tr. RAAN. - 2014. - № 2 (33). - S. 44 - 47.

[21] Zharova A.K. Mezhdunarodnye pravovye koncepcii bor'by s rasprostraneniem vrednoj informacii // Biznes-informatika. - 2010. - № 4 (14). - S. 46 - 53.

[22] Zharova A.K. Mesto setevogo informacionnogo soobshchestva v sisteme pravovogo reg-

ulirovaniya // Reputaciologiya. - 2009. - № 3 (4). - S. 29 - 46.

[23] Zharova A.K. Pravovaya klassifikaciya licenzij na programmnoe obespechenie // Informacionnye resursy Rossii. - 2010. - № 2 (114). - S. 38 - 41.

[24] Mironov A.L. Obespechenie gosudarstvom prav i svobod cheloveka i grazhdanina // Zakon i pravo. - 2011. - № 3.

[25] Matveeva M.A. Pravotvorchestvo kak yuridicheskaya deyatel'nost': problemy teoreticheskogo osmysleniya // Trudy IGP RAN. - 2016. - № 5. - S. 191 - 201.

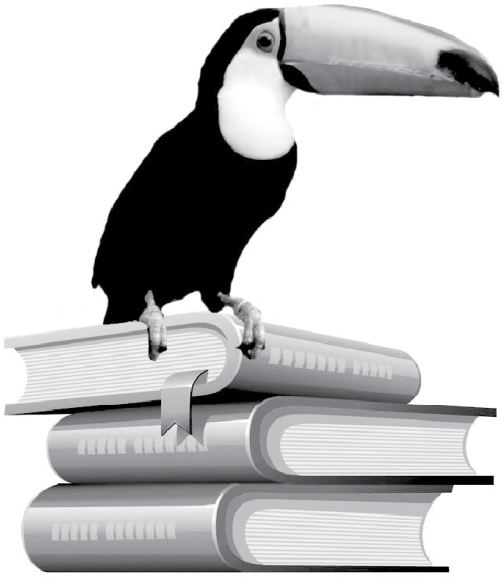
[26] Zharova A.K. Informacionnye konflikty. Pravovye aspekty // Usloviya realizacii prav grazhdan i organizacij na osnove informacionnyh tekhnologij: sb. – M., 2010. - S. 143 - 158.

[27] Matveeva M.A. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy yuridicheskoj processual'noj formy pravotvorchestva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. - 2015. - № 3 (123). - S. 30 - 34.

[28] Zharova A.K. O konflikte interesov sub"ektov v informacionnyh otnosheniyah // Gosudarstvo i pravo. - 2011. - № 4. - S. 42 - 49.

[29] Goc E.V., Lazareva I.L., Matveeva M.A. i dr. Pravovedenie: ucheb. dlya stud. transportnyh vuzov. – M., 2013.

[30] Matveeva M.A. Monitoring pravotvorchestva: problema teoreticheskogo obosnovaniya // Uch. tr. RAAN. - 2014. - № 2 (33). - S. 44 - 47.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

МУРТУЗАЛИЕВА Марьям Ахмедовна,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры права и бжд Дагестанского государственного аграрного университета,
email: Tagir1119@mail.ru.

ГИТИНОВ Хаджимурад Халилулаевич,
преподаватель Дагестанского государственного аграрного университета,
email: 555.111.555@mail.ru

ОГРАНИЧЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ СРЕДЕ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме ограничения прав человека в современной информационной среде. Информационное право является неотъемлемой частью современного права. Во многом, это обусловлено и актуальностью тех общественных отношений, которые регламентируются данной отраслью права, и тем фактом, что современное представление о правах и свободах человека и гражданина оказываются органично встроенными в структуру общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Однако, как и всякая иная отрасль права, информационное право в целом, как права и свободы в информационном праве обладает собственной уникальной спецификой. Несомненно, что собственной, уникальной спецификой обладает и характер, и степень ограничения прав в информационном праве. Основополагающее место в системе обеспечения прав и свобод человека и гражданина в информационной среде играет комплекс прав человека и гражданина. Автором рассмотрены ряд ограничений, призванных систематизировать представление о соотношение прав и свобод человека и гражданина в информационной среде, на примере общеправовых концепций, определяющих их соотношение и на примере положений Конституции Российской Федерации, которая положена в основу современного понимания вопроса ограничения прав человека в современной информационной среде.*

Ключевые слова: *информационная среда; информационное право; права и свободы человека и гражданина; ограничение прав человека.*

MURTUZALIEVA Maryam akhmedovna,
candidate of pedagogical sciences,
associate Professor of the department of law and bzhd of Dagestan state agrarian university

GITINOV Khadzhimurad khalilulayevich,
teacher of Dagestan state agrarian university
Author's SPIN code: 9810-5361

RESTRICTION OF HUMAN RIGHTS IN THE MODERN INFORMATION ENVIRONMENT

Annotation. *The Article is devoted to the problem of human rights restrictions in the modern information environment. Information law is an integral part of modern law. In many ways, this is due to the relevance of those social relations that are regulated by this branch of law, and the fact that the modern idea of human and civil rights and freedoms are organically embedded in the structure of generally recognized human and civil rights and freedoms. However, like any other branch of law, information law as a whole, as rights and freedoms in information law, has its own unique specifics. There is no doubt that the nature and degree of restriction of rights in information law have their own unique specifics. The complex of human and civil rights plays a fundamental role in the system of ensuring human and civil rights and freedoms in the information environment. The author considers a number of restrictions designed to systematize the idea of the balance of the rights and freedoms of man and citizen in the information environment, for example, General legal concepts that define*

their relationship and the example of the Constitution of the Russian Federation, which is the basis of the modern understanding of restrictions of human rights in the modern information environment.

Key words: *information environment; information law; human and civil rights and freedoms; restriction of human rights.*

Современная информационная среда является не просто средством получения информации, но средой, в которой реализуются политические, экономические, социальные и иные типы взаимодействия, в сущности, представляя собой среду, в которой раскрывается возможность использования гражданских прав Развитие информационных технологий приводит к тому, что доступ к персональной информации обретает более доступную форму[1].

Основная масса прав и свобод человека и гражданина в информационной среде, регулируется соответствующей отраслью права, однако, в свою очередь эти права и свободы основаны на праве на создание, распространение, хранение и использование информации. В свою очередь, операции по использованию информации определяют и право на защиту и конфиденциальность информации. Таким образом, свобода личности, государственная тайна или иная информация представляющая ценность, априори, должна быть защищена, а, соответственно, должны быть ограничены и возможности распространения и получения информации. Во многом, моральные принципы и определяют сущность правовых норм, представляющих собой ограничения в информационной среде [2].

Сложность современных информационных технологий подталкивает к активной работе в информационной среде по защите прав и свобод. Именно поэтому, международное законодательство уделяет значительное внимание вопросу защиты прав в данном вопросе [3]. Так, согласно содержанию ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, принципы ограничения прав человека определены следующим образом:

1. Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности.

2. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе.

3. Осуществление этих прав и свобод ни в коем случае не должно противоречить целям и принципам Организации Объединенных наций».

Фактически, все вышеизложенные принципы, установленные во Всеобщей декларации прав человека, подводят к мысли о том, что свобода одного лица не может выходить за границы прав и свобод других лиц. Именно данное определение является основополагающим в представлении современных ограничений прав в информационной среде. Конечно, в каждом из случаев, в каждом обществе, существует собственное представление о границах прав и свобод, которые определены экономическими, историческими, политическими особенностями, которые определяют развитие законодательства.

Между тем, международным законодательством определены общие границы информационной свободы, в том числе и в информационной среде. Интересными в данном контексте мы видим не только Всеобщую декларацию прав человека, но и иные документы, в первую очередь Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, где среди прочего установлено, что ограничение информационной свободы возможно в исключительных условиях. Так, «Осуществление этих свобод налагающие обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимых в демократическом обществе и интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

Не настолько содержательно, представление об ограничении прав человека в информационной среде, раскрыто в содержании Международного пакта о гражданских и политических правах, где основными факторами, определяющими ограничение прав в информационной среде в том числе, могут быть:

1. Уважение прав и репутации других лиц;

2. Охрана государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Изучая Конституцию Российской Федерации, мы находим в п. 1 ст. 24 следующее положение «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются». В сущности, данное положение определяет возможность огра-

ничение на использование информации о других людях. Вопрос защиты персональных данных стоит на данном этапе развития информационных сетей достаточно остро. Примечательно, что согласно содержанию ч. 2 той же статьи «Органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом». Таким образом, мы видим, что законодатель предусмотрительно ограничил возможность граждан ознакомления с информацией, представляющей интерес для государственных органов.

Одно из основных ограничений, существующих в информационной среде, очевидно связанно с защитой свободы мысли и слова. Согласно содержанию ч. 2 статьи 29 Конституции РФ «Не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства». Подобное ограничение, как мы видим, связано и с вопросами выражения, и в сети интернет, и вне информационных сетей.

Венцом регламентирования вопроса ограничения прав и свобод человека и гражданина в содержании Конституции РФ является положение ч. 3 ст. 55, согласно которому «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». При этом, ряд свобод и прав, согласно содержанию ч. 1 ст. 56 могут быть ограничены в условиях чрезвычайного положения и обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя, исключительно в соответствии с содержанием федерального законодательства.

Вопросы, касающиеся различных аспектов проблемы ограничения прав человека в современной информационной системе, находятся в ведение органов государственной власти. Именно в ведении Российской Федерации находятся вопросы, связанные с информационными технологиями, обеспечение безопасности личности при применении информационных технологий и обороте цифровых данных [4]. Не случайно, вопросы связанные с экстремисткой деятельностью, которую представляют как воплощение свободы слова, находится в ведении федеральных правоохранительных органов и министерств.

Как мы видим, учитывая все выше сказанное, возможность определения свободы и возможности ограничения несвободы человека является достаточно сложным процессом, как в правовом, так и в философском контексте. Очевидно, что используемый в Конституции РФ подход к установлению границ свобод и возможностей их ограничений, во-многом, является концептуальным, и находит свое отражение в законодательстве (прежде всего в Федеральных законах, на которые, в свою очередь опираются регламенты работы министерств и ведомств, определяющих особенности применения права на ограничение прав и свобод человека и гражданина)[5]. Среди сфер, в которых установлены особенности ограничения прав и свобод граждан можно встретить и нормы уголовного законодательства, и нормы административного законодательства, нормы антитеррористического законодательства, и целый ряд нормативных правовых актов, где четко установлены границы преступления черты свободы слова и совершения противоправного деяния.

Таким образом, в рамках данной работы мы можем сделать следующие выводы:

Во-первых, все больший и больший интерес в современных исследованиях заметен со стороны академического сообщества к проблемам информационного плана. Перед современным обществом стоит задача создания правовых механизмов регуляции вопросов защиты прав и свобод граждан в информационной среде, а соответственно, появляется необходимость разработки решений проблем, касающихся ограничений прав человека и гражданина в информационной среде. Взаимосвязанные вопросы, фактически, определяют то, как именно регулируются вопросы общественных отношений, и то, как именно будет обеспечиваться развитие и электронной среды, и само развитием социумов;

Во-вторых, международное законодательство в общих чертах определяет современное представление о праве на использование информации. Примечательно, что разработанные задолго до появления информационного права, положения о правах и свободах, связанных с созданием, использованием, распространением и хранением информации легли в основу создания и развития данной отрасли права. И именно положения международного законодательства, как мы видим, лежат в основе современного видения вопроса ограничения прав человека в информационной среде;

В-третьих, Конституция Российской Федерации, являясь основным нормативным правовым актом, который во многом определяет современ-

ное состояние вопроса и ограничения и защиты законных интересов прав и свобод человека, в том числе и в современной информационной среде. При этом, как мы видим, Конституция РФ определяет видение вопроса развития законодательного закрепления вопроса ограничения прав в информационной среде и вопросов ответственности за правонарушения, связанные с деятельностью, противоречащей законодательству РФ в информационной среде.

Список литературы:

[1] Курбанов Т.К. Рагимова. Э.А. Информационные технологии, направленные на защиту персональной информации // общество, и цивилизация. - 2014. - №3 (10). - С. 75-79

[2] Ваховский А.М. Политико-правовые вопросы регулирования Интернета: мировой опыт и российская практика // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 3-11.

[3] Струков К. В. Проблема обеспечения безопасности сети «Интернет» в контексте прав и свобод человека // Евразийский союз ученых. 2016. № 2-1. С. 142-144.

[4] Ельчанинова, Н.Б. Проблемы совершенствования законодательства в сфере ограничения доступа к противоправной информации в сети Интернет // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 12. С. 119-121.

[5] Кондрашев А.А. Основные тенденции ограничения конституционных прав граждан на информацию в сети интернет: российское законодательство и практика // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. №2(35). С. 112-119.

Spisok literatury:

[1] Kurbanov T.K. Ragimova. E.A. Informacionnye tekhnologii, napravlennye na zashchitu personal'noj informacii // obshchestvo, i civilizaciya. - 2014. - №3 (10). - S. 75-79

[2] Vahovskij A.M. Politiko-pravovye voprosy regulirovaniya Interneta: mirovoj opyt i rossijskaya praktika // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2016. № 2. S. 3-11.

[3] Strukov K. V. Problema obespecheniya bezopasnosti seti «Internet» v kontekste prav i svobod cheloveka // Evrazijskij soyuz uchenyh. 2016. № 2-1. S. 142-144.

[4] El'chaninova, N.B. Problemy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva v sfere ogranicheniya dostupa k protivopravnoj informacii v seti Internet // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. 2017. № 12. S. 119-121.

[5] Kondrashev A.A. Osnovnye tendencii ogranicheniya konstitucionnyh prav grazhdan na informaciyu v seti internet: rossijskoe zakonodatel'stvo i praktika // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2019. №2(35). S. 112-119.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ИВАНОВСКАЯ Н. В.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов
Ул. Миклухо-Маклая, д.6, Москва, Россия, 117198.
E-mail: ivanovskaya_nv@pfur.ru
SPIN-код автора: 2506-7433. Author ID: 57191189920

ОБЩИЕ ПОДХОДЫ К ЗАКЛЮЧЕНИЮ СОГЛАШЕНИЯ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ НА СОДЕРЖАНИЕ РЕБЕНКА В СТРАНАХ ЕС[1]

Аннотация. *В Российской Федерации наметилась тенденция роста количества соглашений об алиментном содержании ребенка. Вместе с тем, и в науке семейного права и правоприменительной практике возникает множество дискуссионных вопросов, в частности об определении размера алиментов соглашением родителей, порядке их выплат, о возможных злоупотреблениях. Поэтому автор обратился к исследованию зарубежного опыта в данной области в целях выявления общих подходов к заключению родителями соглашения о выплате алиментов на содержание детей. При проведении исследования авторами применялась совокупность философских, общенаучных, частнонаучных методов познания теоретического и эмпирического материала. Автор приходит к выводу, что общим для всех стран ЕС является поощрение и содействие тем родителем, которые будут договариваться о содержании ребенка путем заключения соглашения, а также свобода в определении условий соглашения о выплате алиментов. Автором выявлено, что в странах ЕС отсутствует единообразие в решении вопросы о удостоверении соглашений об алиментном содержании ребёнка, порядке перечисления алиментов, что в ряде случаев влечет проблемы в сфере право применения.*

Ключевые слова: *алименты, содержание детей, соглашение об уплате алиментов, определение размера алиментов, выплата алиментов ЕС, получение алиментов, выплата алиментов.*

IVANOVSKAYA Nataliya,
PhD, Professor of Civil Law of the Department
of Civil and Civil Procedural Law and Private International Law.
RUDN University, 6, Miklukho - Maclaya st, Moscow, 117198

GENERAL APPROACHES TO CONCLUDING OF ALIMONY AGREEMENTS FOR CHILD SUPPORT IN THE EU

Annotation. *In the Russian Federation, there has been a tendency towards an increase of the number of alimony agreements on child support. At the same time, in family law and practice, controversial issues arise, in particular, about assessment of alimony payments, terms and conditions of their payments and abuses of children rights. Therefore, the author turned to the study of foreign experience in this area in order to identify common approaches to the conclusion alimony agreements. During the study, the author used a set of philosophical, general scientific, specific scientific methods of cognition of theoretical and empirical materials. The author concludes that common to all EU countries is the encouragement and assistance of those parents who will agree on the duty to support children by concluding an agreement, as well as freedom in determining the terms of the agreement on the alimony payments. The author revealed that in the EU countries there is no uniformity in resolving issues of certifying agreements on child support, the procedure of assessment of alimony payments, which in some cases leads to issues in field of law.*

Key words: *alimony, alimony agreements, assessment of alimony payments, child-support payments, alimony payments, alimony payments in EU, duty to support children.*

Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00092 А «Договорное регулирование алиментных обязательств по содержанию несовершеннолетних. Социально правовое исследование российского и зарубежного опыта (на примере стран Евросоюза и США).» (Научный руководитель – Ю.А. Артемьева).

В современном мире институт семьи, его роль и значение стремительно меняется. И дети, как самые уязвимые члены современного общества, нуждаются в гарантиях защиты их интересов, что вызывает необходимость изучения и обобщения подходов к определению порядка алиментного содержания детей в различных странах. Обращение к изучению данного вопроса в странах ЕС обосновано сходством правовых систем и желанием найти наиболее эффективный механизм, позволяющий должным образом решить вопрос о алиментном содержании детей. Хотелось бы отметить, что в странах ЕС, несмотря на общее стремление к «единству», в настоящее время уровень защиты прав и интересов детей является различным/ Наиболее высоким он считается в странах Скандинавии [1, с.16].

Практически во всех странах ЕС выработан единый подход к содержанию детей как общей финансовой обязанности обеих родителей о исполнении которой они могут договориться путем заключения соответствующего соглашения. Одновременно имеет место тенденция повышения инициативности граждан, которые предпочитают самостоятельно определять порядок алиментирования посредством заключения соглашений об уплате алиментов [2, с.4].

В случае если родители не могут достигнуть соглашения о алиментном содержании ребенка, то в странах ЕС возможны следующие варианты: во-первых, суд определит порядок и размер содержания алиментов (Бельгия, Франция, Германия); во-вторых, специальное учреждение (агентства) определит размер и порядок выплаты алиментов (Норвегия); и, в-третьих, родитель по своему усмотрению вправе обратиться в суд или в агентство (Финляндия, Нидерланды). Обращение одного из родителей в суд или агентство может закончиться двумя вариантами: заключение соглашения об уплате алиментов или принуждение родителя к исполнению алиментного обязательства. Такие учреждения могут быть как государственными, так и частными. Практически во всех странах ЕС, кроме Норвегии и Германии, в случае расторжения брака в суде и наличия детей, суд должен убедиться, что родители определили порядок содержания детей.

Так, в Бельгии суд должен определить порядок и размер содержания ребенка. Родители могу заключить соглашение о алиментном содержании ребенка через своих представителей, в том числе и через адвокатов. Такое соглашение подлежит утверждению в суде и только утверждённые в суде соглашения имеют юридическую силу. Если родители заключили частное соглашение и не утвердили его в суде, то в случае нарушения обязательства по выплате алиментов, будет необходим обратиться в суд с требованиями об определении порядка и размера выплаты денежных сумм на содержание ребёнка.

В Бельгии нет официально закрепленных в законодательстве правил, формул или методик определения размера содержания детей. При определении размера содержания ребенка суд будет исходить из дохода родителя, наличия у него имущества, а также рассчитывать сумму алиментного содержания основываясь на методе (формуле) Ренарда, Roodhooft или Gezinsbond) в качестве ориентиров.

Если родители не могут договориться о порядке содержания ребенка, суд может им предложить обратиться к посреднику для достижения со соглашения. В качестве таких посредников могут выступать адвокаты, нотариусы, медиаторы , а также можно прибегнуть к услугам Centrum voor Algemeen Welzijnswerk (CAW) (Центр социальной работы).

В Германии практически аналогичная система: родители свободны в заключении соглашения о содержании ребенка. Если родители не могут договориться, то они могут обратиться за помощью к адвокату или в Управление по делам молодежи (Jugendamt). Если это не удается, то родитель, под опекой которого находится ребенок, обращается в суд. Суды в Германии должны определить сумму алиментов на ребенка в случае разногласий или неуплаты родителей, а также в случаях, когда определение содержания ребенка является частью процедуры развода. В Германии суды разработали набор руководящих принципов и «таблиц поддержки» для расчета и определения обязательств по содержанию ребенка, которые используются не только судами, но и могут быть использованы при заключении соглашения об уплате алиментов.

В Австрии также родители свободно могут заключать соглашения, и эти соглашения утверждаются судом. Суд вправе отказать в утверждении соглашения, если он считает, что данное соглашение нарушает интересы ребенка, в частности, в случае, если размер содержания ребенка по мнению суда будет недостаточным или низким.

В Норвегии всем родителям рекомендуют заключать соглашения об уплате алиментов на содержание ребенка. Если родители не могут достичь соглашения о размере и порядке алиментных выплат, то любой из родителей может обратиться в NAV. Обращение в Ny Arbeids- og Velferdsetat (NAV) - Агентство по труду и благосостоянию, созданное 1 июля 2006 г, является платным для родителей. При этом необходимо учесть, что, если родители заключи ли соглашение об

уплате алиментов, то NAV может вмешаться, если сумма выплачиваемых алиментов по соглашению между родителями меньше той которая уже вылечивается через NAV [3].

В Дании была проведена реформа семейного законодательства - принят Закон №1702 от 27 декабря 2018 года о Суде по семейным делам. И с 1 апреля 2019 года разрешение споров по вопросу порядка и размера выплат на содержание ребенка в случае, если родители не могут достичь соглашения, передано от государственной службы в созданный Суд по семейным делам, который имеет девять департаментов по всей стране. И теперь в Дании суды будут играть главную роль в определении порядка и размера выплат на содержание ребенка. Однако, это не исключает возможности заключения родителями соглашения об уплате алиментов [4].

Практически во всех странах ЕС выработан единый подход к определению размера алиментов если родители совместно осуществляют опеку, и ребенок проживает с каждым из родителей примерно равное время. В этом случае обязательство по выплате алиментов не возникает, каждый из родителей содержит ребенка во время совместного проживания, независимо от размера своих доходов. Это, возможно, не всегда к интересам детей, так как у родителей может быть разный уровень доходов. [5, с.39-42].

Но основные проблемы начинаются тогда, когда родители не могут достичь соглашения о порядке содержания ребенка.

В ряде стран ЕС, таких как Австрия. Бельгия, Дания, Франция, Германия и Швеция установлены минимальные социальные выплаты на содержание ребенка, не получающего алименты. Безусловно, с одной стороны это финансовая поддержка детей, а с другой – такие суммы не прокрывают фактические расходы на содержание ребенка.

В Германии, Бельгии, Австрии и Швеции суды несут основную ответственность за определение размера и порядка содержания детей. Прежде всего – при расторжении брака суды обязаны определить порядок содержания ребенка принудительно или утвердить соглашение о содержании ребенка. Кроме того, даже если родители не разводятся, а формально проживают раздельно, один из родителей может обратиться в суд с требованием об определении обязательства другого родителя по содержанию ребенка или оба родителя могут утвердить соглашение о содержании ребенка независимо от того, расторгают они брак или нет.

В странах ЕС отсутствует единообразие при решении вопроса о том, как перечисляются алименты на содержание ребёнка – непосредственно родителю, проживающему вместе с ребенком, или сначала в соответствующее учреждение. Так, в Дании, Финляндии и Норвегии не разрешается перечисление алиментов непосредственно родителю. В Бельгии, Германии и Австрии разрешается перечисление алиментов непосредственно родителю – опекуну ребёнка. Однако, если есть решение суда о принудительном взыскании суммы алиментов или образовалась задолженность по выплате алиментов, то в таких случаях денежные средства обязательно перечисляются в соответствующие учреждения. Возникает вопрос – насколько такой порядок гарантирует и защищает интересы детей?

Полагаем, что перечисление алиментов в учреждения не нарушает интересов детей, а позволят контролировать современность выплаты и размер выплачиваемых алиментов, а также упрощает порядок доказывания нарушения обязательства по выплате алиментов.

Ряд стран ЕС, например, Австрия, Бельгия, Дания, Финляндия, Германия, Норвегия и Швеция выплачивают минимально гарантированные денежные суммы детям, не получающим алименты. При выплате «гарантированных» государством алиментов (не во всех странах) не учитываются суммы различных социальных пособий. Таким образом, в странах ЕС существует механизм защиты интересов детей в случае недобросовестного поведения родителей. Полагаем, что такой подход в наибольшей степени отвечает исполнению государствами обязательств, возложенных Конвенции ООН о правах ребенка. Ст.3 Конвенции обязует государства, принявших Конвенцию, действовать исходя из приоритета обеспечения интересов детей. Также ст. 27 вышеназванной Конвенции на наш взгляд имеет весьма существенное значение с позиции закрепления принципов достойного материального обеспечения содержания детей: обязанность государства принимать различные меры по оказанию помощи родителям, воспитывающим детей, в том числе и меры по материальной поддержке.

Система содержания детей в Нидерландах в настоящее время действует как трехсторонняя система сотрудничества между судами, Onderhoudsbijdragen (LBIO) (которое является национальным агентством) и муниципальным отделом социальной помощи. Это взаимодействие направлено прежде всего на то, чтобы родители смогли договорится и заключить соглашение о содержании ребенка. Родитель может обратиться в Onderhoudsbijdragen (LBIO) по вопросу взыскания алиментов другого родителя. В этом случае Onderhoudsbijdragen (LBIO) берет на себя

функции посредника и пытается убедить родителя добровольно выплачивать алименты. Данная государственная организация имеет полномочия по принудительному сбору алиментов путем наложения ареста на доходы родителя-должника [6].

При заключении соглашения в соответствии с правилами, вступившими в действие с 10 января 2019 года, родители должны указать как они рассчитывали размер содержания: обосновать и показать вклад каждого из родителей в содержание ребенка. При определении содержания ребенка путем заключения соглашения, родители должны руководствоваться следующими критериями: уровнем доходов каждого из них, реальным размером расходов на содержание ребенка, перечнем возможных чрезвычайных расходов и степенью участия каждого родителя в них, порядком проживания ребенка с родителями и вкладом каждого родителя в питание, жилье, а также размером дохода, который родитель может получить от пользования имуществом ребенка. Таким образом, законодатель постарался сделать максимально «прозрачным» процесс определения размера содержания ребенка. Onderhoudsbijdragen (LBIO) может рассчитать или перечитать сумму выплачиваемых алиментов, руководствуясь вышеназванными критериями.

Таким образом, практически во всех странах ЕС существует общий режим поощрения и поддержки заключения родителями соглашения о содержании ребенка. Во многих странах ЕС если родители принимают решение о заключении соглашения о содержании ребенка, мм предоставляется возможность обратиться к посреднику. При этом отмечалось, что к достоинствам соглашений о содержании ребенка относятся: быстрота заключения, отсутствие судебного разбирательства, отсутствие или незначительные денежные затраты, свобода определения его условий, сохранение отношений между родителями. К недостаткам соглашений об алиментном содержании ребенка можно отнести отсутствие единого требования во всех странах ЕС об утверждении судом ими нотариусом таких соглашений, что может привести к трудностям в их исполнении. Также при заключении соглашения родители не всегда руководствуются интересами детей, зачастую более «слабый» родитель бывает вынужден заключить соглашение на невыгодных для ребенка условиях [7, с.22-2227].

Список литературы:

[1] Лещенко Л. Заметки непостороннего // ЭЖ-Юрист. 2013. N 44. С. 16.

[2] Ксенофонтова Д.С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: монография. М.: Статут, 2018. 207 с.

[3] Sidan Kan Inte Hittas. Child support policy: An international perspective. [Электронный ресурс]. – 2007. – URL: http://www.forsa-kringskassan.se/sprak/ryska/!up/p/bl/04 (дата обращения – 11.08.2020).

[4] Familieretshuset. [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: https://familieretshuset.dk/om-familieretshuset/her-findedu-familieretshuset (дата обращения – 10.09.2020).

[5] Антокольская М.В. Правовое регулирование алиментных отношений в зарубежных странах // Семейное и жилищное право. 2018. N 1. С. 39 - 42.

[6] LBIO [Электронный ресурс]. – 2020. – URL:https://www.lbio.nl/algemene-informatie/ (дата обращения – 10.09.2020).

[7] Артемьева Ю.А. Оспаривание соглашение об уплате алиментов на несовершеннолетних детей // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. –Том XV 5. – С. 224–227.

Spisok literatury:

[1] Leshchenko L. Zametki nepostoronnego // EZH-YUrist. 2013. N 44. S. 16.

[2] Ksenofontova D.S. Pravovye garantii v sfere alimentirovaniya: monografiya. M.: Statut, 2018. 207 s.

[3] Sidan Kan Inte Hittas. Child support policy: An international perspective. [Elektronnyj resurs]. – 2007. – URL: http://www.forsa-kringskassan.se/sprak/ryska/!up/p/bl/04 (data obrashcheniya – 11.08.2020).

[4] Familieretshuset. [Elektronnyj resurs]. – 2020. – URL: https://familieretshuset.dk/om-familieretshuset/her-findedu-familieretshuset (data obrashcheniya – 10.09.2020).

[5] Antokol'skaya M.V. Pravovoe regulirovanie alimentnyh otnoshenij v zarubezhnyh stranah // Semejnoe i zhilishchnoe pravo. 2018. N 1. S. 39 - 42.

[6] LBIO [Elektronnyj resurs]. – 2020. – URL:https://www.lbio.nl/algemene-informatie/ (data obrashcheniya – 10.09.2020).

[7] Artem'eva YU.A. Osparivanie soglashenie ob uplate alimentov na nesovershennoletnih detej // Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki. – 2019. –Tom XV 5. – S. 224–227.

ЦУРИК Ирина Олеговна
Российский государственный университет правосудия
(г. Хабаровск),
магистерская программа: «Правосудие по гражданским,
административным делам и экономическим спорам»,
email: irina.tsurik@mail.ru

ВЕЩНЫЕ ПРАВА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ЧЛЕНОВ ИХ СЕМЕЙ НА ЖИЛЫЕ ПОМЕЩЕНИЯ. ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ

Аннотация. *В рассматриваемой статье посредством анализа действующего законодательства и правоприменительной практики исследуются актуальные проблемы доказывания в спорах о вещных правах военнослужащих и членов их семей на жилые помещения. Преодолевать данные проблемы призваны военные суды, но на практике наблюдаются ошибки в применении материального права и вынесение противоречивых решений. А между тем, возможность обеспечения жилыми помещениями военнослужащих обеспечивает им моральное удовлетворение, которое повышает эффективность и заинтересованность в службе. В статье описываются подходы к решению проблем в указанной области исследования.*

Ключевые слова: *военнослужащий, члены семьи военнослужащего, доказывание, ограниченное вещное право, жилищное право, административное судопроизводство.*

TSURIK Irina Olegovna
Russian state university of justice (Khabarovsk),
Master's program: «Justice in civil, administrative cases and economic disputes»

PROPERTY RIGHTS OF MILITARY PERSONNEL AND MEMBERS OF THEIR FAMILIES TO RESIDENTIAL PREMISES. PROBLEMS AND FEATURES OF PROOF

Annotation. *In this article, by analyzing the current legislation and law enforcement practice, the current problems of proof in disputes in administrative proceedings about the property rights of military personnel and their family members to residential premises are investigated. Military courts are called upon to overcome these problems, but in practice there are errors in the application of substantive law and contradictory decisions. Meanwhile, the ability to provide housing for military personnel provides them with moral satisfaction, which increases efficiency and interest in the service. The article describes approaches to solving problems in this area of research.*

Key words: *serviceman, family members of a serviceman, evidence, limited property law, housing law, administrative proceedings.*

В пользу различных отраслей российского права содержание понятия «член семьи» раскрывается в нескольких действующих нормативно-правовых актах. Различие состоит в том, что в семейном праве к членам семьи относятся только граждане, перечисленные в Семейном кодексе РФ. Сюда включают: супругов, родителей, усыновителей, опекунов, попечителей, родных и усыновленных детей, дедушек, бабушек, внуков, родных братьев и сестер, отчимов, мачех, пасынков, падчериц. В отношении военнослужащих термин «член семьи» определяется Федеральным законом «О статусе военнослужащих» (п. 5 ст. 2). На основании этой правовой нормы к членам семей военнослужащих, которые подпадают под распространение социальных гарантий и компенсаций, указанных в означенном Федеральном законе и иных актах, относят: супругу (супруга); детей, не достигших совершеннолетия; детей, превышающих 18-летний возраст, но ставших инвалидами до этого срока; детей в возрасте до 23 лет, обучающихся на очном обучении в образовательных учреждениях; граждан, находящихся на иждивении у военнослужащих [3].

Военнослужащие и их семья становятся участниками жилищных правоотношений в момент реализации их права на жилые помеще-

ния, в результате чего эти отношения становятся предметом регулирования жилищного законодательства. Следует учесть, что ФЗ «О статусе военнослужащих» и Жилищный кодекс Российской Федерации (далее - ЖК РФ) находятся в особом взаимоотношении. Так, ЖК РФ считается специальной нормой по отношению к этому ФЗ (на основании ч. 8 ст. 5 Жилищного кодекса), а при регулировании жилищных правоотношений военнослужащего и его семьи необходимо опираться на ч. 1 ст. 31 и ч. 1 ст. 69 ЖК РФ. С учетом озвученных обстоятельств обратим внимание на правовую позицию Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих» (п. 25), которая утверждает, что вопрос о праве на обеспечение жильём военнослужащего, членов его семьи (и тех, кого к ним относить) должен решаться в соответствии с нормами ЖК РФ и Семейного кодекса Российской Федерации [4].

Несмотря на то, что в военной сфере практически не наблюдается проблем при решении жилищного вопроса, усовершенствование порядка предоставления жилых объектов указанным гражданам зачастую приводит к недопониманиям со стороны командования воинскими частями. Это не редко порождает судебные прецеденты.

К вышеуказанному контексту примечательно кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ. На его основании представитель командира и жилищной комиссии 5 ОАО ФСБ России П.А.Г. указал, что квартира в собственности у дочери Г.Г. по месту прохождения истцом военной службы свидетельствует об его обеспеченности жилыми помещениями сверх установленной нормы по причине того, что он не предоставил в жилищный комитет сведений об этом обстоятельстве. Как результат: Г.Г. не имеет права состоять на жилищном учете по указанной причине. Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации определила, что с 2005 г. Г.Г. проходил службу в г. Елизово Камчатского края в 5 ОАО ФСБ России. В ноябре 2008 г. военнослужащий обратился к командованию и в жилищный комитет с заявлением о постановке его на жилищный учет для получения жилья после увольнения по месту жительства (г. Одинцово Московской области). В дальнейшем Г.Г. и его семья (дочь, жена) были приняты на жилищный учет. По истечении 7 лет (16.04.2015) военнослужащий был снят с жилищного учета. Обстоятельством, приведшем к такому решению, послужил тот факт, что гражданин не предоставил полные сведения при решении вопроса об обеспечении его жилым помещением. Выяснилось, что у него имелось дополнительное жилье, приведшее к обеспеченности оным сверх нормы. Тем не менее, судебное постановление было отменено. Жилищная комиссия приняла незаконное решение, а апелляционный суд пришел к следующему выводу: наличие собственной квартиры у дочери Г.Г. не может являться основанием для снятие его с жилищного учета, т.к. эта собственность не должна учитываться в данных обстоятельствах. Обоснованность решения суда подтверждается ЖК РФ (ч.1 ст. 31): Л.Г. (дочь военнослужащего) с 2001 г. проживает в другом городе (Ставрополь) отдельно от родителей, не является членом домохозяйства, не претендует на обеспеченность жильем со стороны государства.

Однако, обстоятельства свидетельствуют о том, что военнослужащий подавал заявку с учетом включения в нее своей дочери. Это подтверждают выписки протоколов заседаний жилищной комиссии. На их основании становится ясным то, что вопрос обеспечения жильем Г.Г. рассматривался неоднократно, как и состав его семьи. Служащий не предупреждал об изменениях в составе собственной семьи, принадлежности ребенка к другому домохозяйству и его отдельном проживании, наличию у дочери собственного жилого помещения. Только в июне 2015 г. Г.Г. написал заявление с просьбой о снятии его дочери с учета в жилищную комиссии. По факту, акт состоялся после того как было принято решение судебного органа о снятии его с учета на жилое помещение и осуществлен иск об оспаривании. Опираясь на ч. 3 и ч.4 52-ой статьи ЖК РФ можно прийти к выводу о том, что флотский военный суд пришел к неверному постановлению: при подаче заявления о принятии на жилищный учет лицо, осуществляющее данную процедуру, обязано предоставить все документы, чтобы подтвердить свое право на жилищный учет. Как выяснилось в ходе разбирательств фактическое положение дел было иным: Г.Г. при постановке вопроса об улучшении жилищных условий стремился получить квартиру от военного ведомства именно с учетом своего ребенка, которого включил в состав семьи (в действительности же она проживала на другой территории, отдельно, имела собственную жилплощадь и не могла быть включенной в заявление). Таким образом, военнослужащий хотел обзавестись дополнительной площадью при получении квартиры. То обстоятельство, что она проживала отдельно, правового значения не имело.

Следовательно, выводы флотского военного суда оказались неверными. Дочь истца сохранила регистрацию по месту прохождения службы сво-

его отца и не утратила статус члена семьи, что подтверждают и действия Г.Г., направленные на реализацию прав на жилье своей дочери, а также проживание им в ее квартире с женой. Таким образом, хоть Л.Г. и выехала в другой город для проживания, Г.Г. сохранил семейные отношения с владельцем жилой площади (своей дочерью), что автоматически приводит к тому, что ее квартира подлежит учету при принятии решения о жилищном вопросе отца. Квартира в г. Елизово Камчатского края имела дополнительные 12 кв. м. жилой площади, приходящейся на Г.Г., его дочь и супругу, что не позволяло военнослужащему находиться с сентября 2005 г. на жилищном учете.

Именно поэтому вывод жилищного органа о необоснованности притязаний Г.Г. на получение жилой собственности за счет военного ведомства является верным. На основании ЖК РФ (ч. 2 ст. 51 и п. 2 ч. 1 ст. 56) такие обстоятельства служат законным основанием для снятия гражданина с учета на жилое помещение. Получается, что результат работы суда первой инстанции (признание законным оспариваемого решения) можно считать положительным, тогда как решение суда апелляционной инстанции не верным. Такие нарушения повлияли на исход дела по причине действий апелляционного суда. Они требуют исправления, чтобы защитить охраняемые законом публичные интересы. Это прямое основание для отмены в кассационном порядке апелляции и сохранения в силе решения первого суда (военного гарнизонного) [5].

За 2019 г. гарнизонные военные суды округа рассмотрели 614 дел по 615 административным исковым обращениям, касающихся прав военнослужащих на реализацию возможности получения жилья. По сравнению с предыдущим годом имеется динамика на снижение количества дел подобного рода на 7,4 % (в 2018 г. было 663 судебных разбирательства). Доля же подобных дел в общем их объеме округа за год выросла на 1,1 % (с 14,1 % в 2018 г. до 15,2 % в 2019 г.), хоть и наблюдается тенденция к общему уменьшению судебных обращений (с 4696 дел в 2018 г. до 4041 дела в 2019 г.). Относительно дел, связанных с жилищными спорами, суды округа за 2019 г. допустили 25 ошибок несмотря на то, что стабильность постановлений судебных органов за истекший год увеличилась до 93,1 %. Чтобы качество ведения дел подобной категории росло, правильное понимание и применение норм материального права укрепилось, важно обращать внимание судей на сложные и проблемные варианты судебной практики, которые случились в 2019 г [6].

Следует отметить, что совершаемые судами ошибки связаны с тем, что они не всегда могут «прийти» к единой практике правоприменения из-за стремительного изменения жилищных законов и правовых актов. Диаметрально противоположные решения судебных учреждений приводят к формированию негативной репутации судебной власти в среде военнослужащих, снижая ее значимость и авторитет. Очень часто результатом неправильных решений является недостаточная подготовка к процедурам, недоскональное изучение вопроса и ситуации в делах, связанных с обеспечением жилищных прав военнослужащих.

Рассмотрим ключевые проблемы доказывания в спорах о вещных правах военнослужащих на жилые объекты в рамках судопроизводства административного характера. Для процессуальных отраслей права институт доказывания – важный компонент. Именно оно является «отправной точкой» при рассмотрении существа дела и дальнейшего его разрешения.

На практике часто встречаются случаи, когда происходит увольнение военнослужащего без предоставления ему жилого помещения, тогда как суд отказывает в праве восстановления на службе, не потребовав в ходе разбирательства от административного ответчика необходимых доказательств, свидетельствующих об изменении избранного ранее места жительства или отказе от предложенного бывшему военнослужащему жилого помещения, что привело к увольнению административного истца без его согласия до момента обеспечения жильем. На основании такого обстоятельства апелляционная инстанция может принять новое решение об удовлетворении административного искового заявления вместо отмененного постановления первичной инстанции. Возможно, полагаясь на добросовестность должностных лиц, суд не всегда истребует доказательства в достаточном объеме, в связи с чем, данная позиция нередко приводит к судебным ошибкам и к «долгому пути» к справедливости посредством обжалования. Чтобы суд вынес законное и обоснованное решение немаловажное значение имеет правильное определение предмета доказывания.

В части 2 ст. 56 ГПК указано, что «суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой стороне надлежит их доказывать, выносит обстоятельства на обсуждение, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались» [1]. Эта правовая норма согласуется с ч. 3 ст. 62 КАС РФ, которая гласит «Обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения административного дела, определяются судом в соответствии с нормами материального права, подлежащими применению к спорным публичным правоотношениям, исходя из требований и возражений лиц, участвующих в деле» [2]. В административном судопроизводстве, в отличие от

гражданского, в формировании предмета доказывания суд должен занимать более активную позицию, что позволяло бы в полной мере реализовать принцип состязательности в процессе [8].

Необоснованность судебного решения - это последствия допускаемых недостатков в требовании доказательств, и в определении предмета доказывания, по делам касающихся жилищных споров, что приводит к «хождению по инстанциям». В данном отношении проблему упущений в доказывании можно избегать, если суд будет исправно применять норму части 1 ст. 63 КАС РФ о праве самостоятельного истребования судом доказательств. На основании ч. 2 ст. 64 КАС РФ обстоятельства, которые установлены уже имеющем законную силу судебным актом по ранее рассмотренному гражданскому или административному делу либо по делу, разбираемому ранее арбитражным судом, не передоказываются еще раз и не могут оспариваться при нахождении в суде другого административного дела, если в нем участвуют лица, по отношению к которым установлены эти обстоятельства, или граждане той категории, в отношении которой установлены данные обстоятельства [2]. Следует обратить внимание на отсутствие учета обстоятельств, ранее установленных вступившими в законную силу решениями суда, приводящее к ошибкам в идентификации предмета доказывания в спорах об ограниченных вещных правах военнослужащих на жилые объекты и помещения.

В этом плане показательна практика Новороссийского гарнизонного военного суда, имевшая место 20 февраля 2017 г. Он вынес решение, удовлетворившее административное исковое заявление С., на основании которого гражданин требовал признать незаконность действий начальника ФГКУ (отказ в выделении ему и членам семьи жилищной субсидии). Суд возложил на ответчика в лице начальника ФГКУ обязанность по отмене принятого ранее незаконного решения об отказе в предоставлении семье военнослужащего С. жилищной субсидии и обязанность по предоставлению административному истцу требуемой субсидии.

В оправдание принятого ранее неверного решения начальник военного ведомства сослался на протоколы заседаний жилищной комиссии войсковой части, в которых не было учетной записи о военнослужащем как нуждающемся в жилом помещении для постоянного проживания. Это решение было оспорено гражданином С. в судебном порядке. Суд апелляционной инстанции признал решение жилищного органа законным, основываясь на том, что в материалах дела не обнаружено документальных доказательств того, что военнослужащий состоял на учете лиц, нуждающихся в жилье, предоставляемом по договору социального найма. В суде осталось без внимания то обстоятельство, что принятое ранее решение Новороссийским гарнизонным военным судом установило факт того, что на момент службы гражданин С. нуждался в таком жилом помещении. Получается, что законное решение ранее проведенного судебного разбирательства выявило обстоятельства, которые являются предметом доказывания в текущем судебном процессе по административному делу. И эти обстоятельства являются существенно значимыми для текущего дела гражданина С. Следовательно, принятое ранее постановление гарнизонного военного суда на основании ст. 84 КАС РФ обязано было войти в состав дела наряду с другими доказательствами. Но суд апелляционной инстанции этого не сделал. Допущенная ошибка в результате исправлена Судебной коллегией по делам военнослужащих, которая отменила апелляционное определение Северо-Кавказского окружного военного суда по причине существенного нарушения норм процессуального права. По итогам дело было направлено в тот же суд на перерассмотрение в апелляционном порядке [7].

Тем не менее, надо заметить, что проблемы, возникающие при доказывании в спорах о вещных правах военнослужащих на жилые помещения, и неспособность решить поставленные задачи, приводят к снижению качества правосудия, подрывая доверие военнослужащих к судебной власти. Отсутствие правовой защищенности и бытовой неустроенности военнослужащего понижает весомость военной службы. Минимизация шаблонных подходов в формировании судом доказательственной базы при разрешении жилищных споров военнослужащих с учреждениями военного ведомства сократит случаи пересмотра судебных решений и ошибок в применении норм материального и процессуального права.

Список литературы:

Нормативно-правовые акты:

[1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 31.07.2020).

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 N 21-ФЗ (ред. от 31.07.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020).

[3] Федеральный закон от 27.05.1998 N 76-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О статусе военнослужащих» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2020).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2014 N 8 (ред. от 28.06.2016) «О практике применения судами законодательства о воинской обязанности, военной службе и статусе военнослужащих».

Судебная практика:

[5] Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26.07.2016 N 211-КГ16-20.

[6] Справка о судебной практике по делам, связанным с реализацией права военнослужащих на жилище, за 2019 год. Утверждена постановлением президиума Южного окружного военного суда 8 апреля 2020 г. № 9.

[7] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 2 (2018) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.07.2018).

Основная и общая литература:

[8] Фокина М.А. Доказывание в административном судопроизводстве: проблемы эффективности правового регулирования.

Электронные источники:

[10] Краснодарский гарнизонный военный суд // URL: http://gvs.krd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=751 (дата обращения: 03.10.2020).

[11] Доказывание в административном судопроизводстве: проблемы эффективности правового регулирования // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=104608#05819058997964255 (дата обращения: 04.10.2020).

Spisok literatury:

Normativno-pravovye akty:

[1] Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 N 138-FZ (red. ot 31.07.2020).

[2] Kodeks administrativnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii ot 08.03.2015 N 21-FZ (red. ot 31.07.2020) (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.08.2020).

[3] Federal'nyj zakon ot 27.05.1998 N 76-FZ (red. ot 31.07.2020) "O statuse voennosluzhashchih" (s izm. i dop., vstup. v silu s 11.08.2020).

[4] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.05.2014 N 8 (red. ot 28.06.2016) "O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva o voinskoj obyazannosti, voennoj sluzhbe i statuse voennosluzhashchih".

Sudebnaya praktika:

[5] Kassacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po delam voennosluzhashchih Verhovnogo Suda RF ot 26.07.2016 N 211-KG16-20.

[6] Spravka o sudebnoj praktike po delam, svyazannym s realizaciej prava voennosluzhashchih na zhilishche, za 2019 god. Utverzhdena postanovleniem prezidiuma YUzhnogo okruzhnogo voennogo suda 8 aprelya 2020 g. № 9.

[7] Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii N 2 (2018) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 04.07.2018).

Osnovnaya i obshchaya literatura:

[8] Fokina M.A. Dokazyvanie v administrativnom sudoproizvodstve: problemy effektivnosti pravovogo regulirovaniya. Elektronnye istochniki:

[10] Krasnodarskij garnizonnyj voennyj sud // URL: http://gvs.krd.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=751 (data obrashcheniya: 03.10.2020).

[11] Dokazyvanie v administrativnom sudoproizvodstve: problemy effektivnosti pravovogo regulirovaniya // URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=C&n=104608#05819058997964255 (data obrashcheniya: 04.10.2020).

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ЛЫСЕНКО Е.Д.,
аспирант факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
e-mail: egorlysenko0@gmail.com

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОГО НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ

Аннотация. *В статье рассматривается становление нового для российского налогового права принципа добросовестного налогового администрирования, выявляются его характерные признаки, рассматриваются проблемы применения института на практике.*

Ключевые слова: *налоговое право, злоупотребление правом, добросовестное налоговое администрирование.*

LYSENKO E.D.,
post-graduate student of National research University "Higher school of economics"

PRINCIPLE OF FAIR TAX ADMINISTRATION

Annotation. *The genesis of the principle of fair tax administration was investigated in this article. Author identifies the main features of the principle and highlights problems of practical application of the principle.*

Key words: *tax law, abuse of rights, fair tax administration.*

Осуществление налоговыми органами своих полномочий иногда принимает формы, которые, по мнению налогоплательщиков (и иногда судов), противоречат целям налогового администрирования, хотя при этом формально и остаются в пределах установленных законом прав и обязанностей налогового органа. При этом, хотя подобное поведение налоговых органов не редкость, внимания эта проблема удостаивалась не так часто, как схожее, по существу, поведение налогоплательщиков, злоупотребляющих своими правами.

С 2018 г. благодаря судьям Верховного Суда РФ появился ряд важных для формирования практики правовых позиций, заложивших основы т.н. принципа «добросовестного налогового администрирования» [1]. Однако, полагаем, с учетом накопившихся в правоприменительной практике подходов, есть возможность перейти от анализа отдельных ситуаций недобросовестного налогового администрирования к рассмотрению принципа «добросовестного налогового администрирования» как единого целого.

Обобщение существующих подходов

Начать, полагаем, стоит с краткого обобщения тех правовых позиций, которые, так или иначе, затрагивают вопрос о добросовестном поведении налоговых органов.

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 14-П от 16.04.2004 г. сформулировал важный вывод: осуществление налогового контроля с целями, противоречащими действующему правопорядку, не допустимо. Такое поведение налоговых органов может рассматриваться либо как превышение полномочий, либо как осуществление полномочий вопреки их законной цели. КС РФ обращался к этой позиции и в дальнейшем1.

Идея о том, что полномочия по осуществлению налогового контроля имеют определенную цель, которая выступает неявным ограничителем полномочий инспекции, устанавливая пределы их осуществления по сравнению с буквальным содержанием текста НК РФ, неоднократно исполь-

[1] См., напр.: Постановление КС РФ от 17.03.2009 г. № 5-П // СПС «КонсультантПлюс».

зовалась в судебных актах Высшего Арбитражного Суда РФ, хотя и нет достаточных оснований утверждать, что имело место развитие предложенного КС РФ подхода. Один из примеров – категория дел, в которых обязанность налоговых органов применять расчетный метод обосновывалась, в том числе, «целями и задачами» налогового контроля[1]. В практике ВС РФ данный подход нашел отражение в делах о так называемой «действительной налоговой обязанности».

С 2018 г. Верховный Суд РФ в Определении по делу № А33-17038/2015 от 16.02.2018 г. (по заявлению ОАО «Бамтоннельстрой») ввел в оборот термин «добросовестное налоговое администрирование», содержание которого сводится к двум ключевым положениям: (1) налоговый орган должен учитывать законные интересы плательщиков налогов; (2) налоговый орган не должен создавать формальные условия для взимания налога сверх того, что требуется по закону[2]. При этом, несмотря на достаточно широкую и абстрактную формулировку принципа «добросовестного налогового администрирования», он был использован для разрешения весьма специфической ситуации[3]. Примечательно, что в мотивировочной части Определения дана ссылка, в т.ч. на Постановление КС РФ № 14П от 16.04.2004 г., что позволяет сделать вывод о преемственности правовых позиций.

В дальнейшем мы встречаем упоминание «принципа добросовестного налогового администрирования» в следующих актах ВС РФ:

- Определение по делу № А40-93786/2017 от 03.08.2018 г. (по заявлению АО «ВЭБ-Лизинг»), правовая позиция по которому вошла в п. 35 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2018) – нарушающим права налогоплательщика признано поведение инспекции, доначислившей налог, который хотя и не был уплачен в периоде проверки, в дальнейшем уплачен налогоплательщиком вне проверяемого периода (но до начала проверки);
- Определение по делу № А40-24375/2017 от 30.09.2019 г. (по заявлению ООО «Объединенные пивоварни Хайнекен») - нарушающим права налогоплательщика признано поведение инспекции, отказавшей в учете убытка прошлых лет в условиях неполной реализации налоговым органом полномочий по проверке обоснованности и документальной подтверждённости сформировавших убыток расходов;
- Определение по делу № А79-12226/2017 от 14.03.2019 г. (по заявлению ПАО «Химпром») - нарушающим права налогоплательщика признано поведение инспекции, отказавшей в праве на вычет НДС по формальным основаниям, не связанным с существом реализуемого права, по мотивам, обусловленным лишь удобством налогового администрирования[4];
- Определение по делу № А47-7120/2018 от 28.02.2020 г. (по заявлению ИП Воробьева В.А.) – нарушающим права налогоплательщика признано поведение инспекции, выявившей ошибку в определении вида и периода учета понесенных расходов, однако не учитывавшей право предпринимателя уменьшить налоговую базу на понесенные расходы с учетом их правильной квалификации.

В нижестоящих судах применение сформулированного ВС РФ принципа пока не получило широкого распространения, но в отдельных судебных актах данная правовая позиция уже нашла отражение [2].

Можно заметить, что дела, в которых применялся исследуемый принцип, затрагивают вопросы, которые ранее, до введения термина «добросовестное налоговое администрирование» в оборот разрешались судами с опорой на другие правовые позиции. В этом смысле ВС РФ не совершает революцию, а обеспечивает поступательное развитие и обобщение уже выработанных правоприменительной практикой подходов. Однако, что мы можем сказать о принципе «добросовестного налогового администрирования», рассматривая его отдельно?

[1] См.: Постановления Президиума ВАС РФ: от 10.04.2012 г. № 16282/11 по делу ИП Михеевой Е.Е.; от 19.07.2011 г. № 1621/11 по делу ОАО «Изд-во «Самарский Дом печати» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] См.: Определение СКЭС ВС РФ от 16.02.2018 г. № 302-КГ17-16602 по делу ОАО «Бамтоннельстрой» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Налоговый орган, не оспаривая факт излишней уплаты налога, настаивал на том, что налогоплательщик внес изменения в декларацию не в том периоде, когда следовало, хотя налогоплательщик придерживался ранее полученных от налогового органа разъяснений по данному вопросу.

[4] В данном деле налоговый орган отказал налогоплательщику в вычете НДС, поскольку имело место нарушение установленного Правительством РФ подзаконного регулирования оформления счетов-фактур (при расторжении договора купли-продажи продавец сам составил корректировочную счет-фактуру, а не получил соответствующую от покупателя). Суд пришел к выводу, что подзаконный акт направлен на обеспечение удобства администрирования, и отказ в праве на вычет исключительно по причине нарушения данного подзаконного акта противоречит принципу добросовестного налогового администрирования.

Анализ принципа добросовестного налогового администрирования в практике ВС РФ

Как следует из рассмотренных выше актов ВС РФ, добросовестным признается налоговое администрирование, при котором налоговый орган (1) учитывает законные интересы плательщиков налогов и (2) не создает формальные условия для взимания налога сверх того, что требуется по закону. Будем далее называть эти требования «критериями добросовестного налогового администрирования».

Представляется, что использование указанных критериев сопряжено с определенными сложностями. Большинство из них связаны с тем, что в рассмотренных выше определениях ВС РФ механизм применения данных критериев не раскрывается и мы видим только результат их приложения к конкретным ситуациям. Строго говоря, не во всех указанных выше определениях присутствует однозначный вывод о том, что поведение инспекции признается недобросовестным, что также не облегчает нам задачу.

Начнем с того, что понятие «законный интерес налогоплательщика» пока не раскрыто в законе или правоприменительной практике, соотношение «законного интереса» и «субъективного права» представляется не вполне очевидным и обсуждается на доктринальном уровне [3].

В рассмотренных выше определениях ВС РФ отсутствует прямое указание на те законные интересы налогоплательщиков, которые были нарушены поведением налогового органа. Можно предположить, что основной законный интерес налогоплательщиков, который не был учтен инспекцией, - не уплачивать налоги сверх размера, установленного законом. Однако если бы этот интерес был единственным, то разница между первым и вторым критериями добросовестного налогового администрирования отсутствовала бы.

Анализируя фактические обстоятельства рассмотренных ВС РФ дел, мы можем установить следующие законные интересы налогоплательщиков (кроме указанного выше), не учтенные налоговыми органами:

- интерес налогоплательщика в полном и всестороннем исследовании руководителем (заместителем руководителя) инспекции обстоятельств, влияющих на размер налоговой обязанности;
- интерес налогоплательщика в представлении налоговому органу сведений об обстоятельствах, влияющих на размер его налоговой обязанности (интерес в содействии налоговому органу);
- интерес в получении от налогового органа разъяснений в отношении порядка применения законодательства о налогах и сборах.

Игнорирование указанных законных интересов может повлечь возложение на налогоплательщика обязанности по уплате налога сверх того, что требуется по закону. Однако остается открытым вопрос о правовых последствиях ситуации, в которой нарушение законных интересов налогоплательщика не привело к излишней уплате налога.

Во-вторых, рассматривая второй критерий добросовестного налогового администрирования необходимо отметить, что взимание налога сверх того, что требуется по закону, является правонарушением и будет достаточным основанием для признания ненормативного правового акта, действия, бездействия неправомерным. Однако в нашем случае речь идет о создании неких условий, при которых «формальные» основания для уплаты налога созданы благодаря действиям налогового органа, но при этом, по всей видимости, отсутствуют «сущностные», экономические основания для его уплаты. В чем могут состоять такие «формальные условия»?

На конкретных примерах из рассмотренных ВС РФ дел мы можем сделать вывод, что создание таких формальных условий может принимать следующие формы:

- отказ налогового органа учитывать факт уплаты спорной суммы налога за пределами проверяемого периода;
- отказ налогового органа от реализации своих контрольных полномочий по проверке обстоятельств, которые улучшают положение налогоплательщика при наличии содействия со стороны последнего;
- отказ налогоплательщику в реализации его права исключительно по формальным основаниям, не связанным с существом права, исходя из соображений удобства администрирования;
- отказ налогового органа от следования ранее сформулированного им самим по запросу налогоплательщика разъяснения по вопросам применения законодательства о налогах и сборах.

Данные ситуации возможны по причине наличия у налогового органа полномочий, реализация которых предполагает определенную степень усмотрения конкретного должностного лица (исключить которое было бы невозможно). Реализуя контрольные полномочия по своему усмотрению, должностное лицо может руководствоваться целями, отличными от тех, которые преследовал законодатель, наделяя налоговые органы соответствующим полномочием. Следствием может

являться возложение на налогоплательщика обязанности по уплате налога в размере большем, нежели было бы возможно, если бы налоговый орган реализовывал свои полномочия в соответствии с их целями. На недопустимость именно такой ситуации указано в Постановлении КС РФ 14-П от 16.04.2004 г.

Здесь следует отметить, что в теории права поведение, соответствующее описанным выше признакам (осуществление права с намерением причинить вред другому лицу и в противоречии с назначением такого права) признается злоупотреблением правом. Вполне обоснованно было бы заключить, что в нашем случае речь идет о злоупотреблении налоговым органом своими полномочиями.

Таким образом, по итогам анализа судебных актов, описывающих применение принципа добросовестного налогового администрирования, можно заключить следующее.

Во-первых, в правоприменительной практике признается принципиальная возможность недобросовестного поведения налоговых органов, т.е. поведения, формально соответствующего букве закона, но противоречащего целям налогового контроля и/или причиняющего вред налогоплательщику (в виде создания условий для взимания налога сверх положенного по закону размера).

Во-вторых, с различными проявлениями такой недобросовестности правоприменительная практика сталкивается регулярно, что позволило судам выработать правовые позиции, направленные на противодействие подобному поведению налоговых органов. Развитие ВС РФ правоприменительной практики о принципе добросовестного налогового администрирования позволяет предположить, что происходит консолидация отдельных правовых позиций, существовавших ранее.

В-третьих, критерии добросовестного налогового администрирования сформулированы достаточно абстрактно, что, с одной стороны, позволяет данному принципу претендовать на универсальность, а с другой - затрудняет его непосредственное практическое применение. Однако, используя выработанные на сегодняшний день выводы ВС РФ по конкретным делам, можно установить признаки поведения налоговых органов, которые могут свидетельствовать о его недобросовестности (подобно тому, как недобросовестность налогоплательщика определялась через набор критериев, описанных в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 г. № 53). Примеры таких признаков были рассмотрены в статье.

Список литературы:

[1] Читая Р.Г. Добросовестность налогового администрирования // Налоговед. - 2018. - № 12.

[2] Блог А. Артюха. Добросовестное налоговое администрирование: всем и каждому? https://zakon.ru/blog/2020/6/3/dobrosovestnoe_nalogovoe_administrirovanie_vsem_i_kazhdomu

[3] Мосидзе Г.А. Категория законный интерес в налоговом законодательстве Российской Федерации // Юрид. наука. - 2017. - № 6.

Spisok literatury:

[1] Chitaya R.G. Dobrosovestnost' nalogovogo administrirovaniya // Nalogoved. - 2018. - № 12.

[2] Blog A. Artyuha. Dobrosovestnoe nalogovoe administrirovanie: vsem i kazhdomu? https://zakon.ru/blog/2020/6/3/dobrosovestnoe_nalogovoe_administrirovanie_vsem_i_kazhdomu

[3] Mosidze G.A. Kategoriya zakonnyj interes v nalogovom zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // Yurid. nauka. - 2017. - № 6.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «**ЮРКОМПАНИ**» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

КАМАРОВ Мурат Рашитович,
аспирант кафедры теории и истории
государства и права учреждения высшего
образования Университет управления «ТИСБИ»
e-mail: murat.r.kamarov@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНОПРАВОВЫХ СУБЪЕКТОВ, НАДЕЛЕННЫХ ПУБЛИЧНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: НА ПРИМЕРЕ ВЗЫСКАНИЯ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Аннотация. *Актуальность исследования вызвана широким распространением осуществления публично-правовых функций частноправовыми субъектами в общем и возможностью подобной практики в сфере исполнительного производства, в частности. Цель исследования состоит в том, чтобы изучить и сравнить эффективность правоприменительной деятельности публично-правовыми и частноправовыми субъектами на примере взыскания задолженности. В качестве сравниваемых явлений были выбраны статистические показатели деятельности по взысканию задолженности Федеральной службой судебных приставов РФ, а также коллекторскими организациями - на основе данных национальной ассоциации профессиональных коллекторских агентств. Кроме того, в качестве третьего измеряемого явления были выбраны показатели эффективности взыскания частных судебных исполнителей, осуществляющих деятельность в Казахстане, которые были сравнены с первыми двумя. Методология исследования основана на позитивистском подходе к экономическому анализу права. В результате, обоснована эффективность правоприменительной деятельности, осуществляемой частноправовыми субъектами, сравнимой с эффективностью деятельности публично-правовых субъектов. Автор приходит к выводу о необходимости дальнейшего изучения данного вопроса на основании актуальных статистических данных, что позволит в дальнейшем сделать вывод об эффективности правоприменительной деятельности, осуществляемой частноправовыми субъектами.*

Ключевые слова: *эффективность права, правоприменение, субъекты правоприменительной деятельности, экономический анализ права, коллекторская деятельность, исполнительное производство, взыскание задолженности.*

KAMAROV Murat Rashitovich,
PhD student of the Department of Theory
and History of State and Law of Institution of
Higher Education «The University of Management «TISBI»

PROBLEMS OF EFFICIENCY OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES OF PRIVATE LEGAL ENTITIES WITH PUBLIC POWERS: ON THE EXAMPLE OF DEBT COLLECTION

Annotation. *The relevance of the study is caused by the widespread implementation of public functions by private legal entities, and the possibility of such practices in the field of enforcement procedure. The purpose of the study is to examine and compare the efficiency of law enforcement activities by public and private entities on the example of debt collection. Statistical indicators of debt collection activity by the Federal bailiff service of Russia and collection organizations based on data from the National association of professional collection agencies were selected as the compared phenomena. As the third measured phenomenon, we selected indicators of the efficiency of private bailiffs operating in Kazakhstan. The research methodology is based on a positivist approach to the economic analysis of law. As a result, the effectiveness of law enforcement activities carried out by private legal entities is proved, which is comparable to the efficiency of public legal entities. The author comes to the conclusion that it is necessary to further study this issue on the basis of current statistical data, which will allow us to draw a conclusion about the efficiency of law enforcement activities carried out by private law entities in the future.*

Key words: *efficiency of law, law enforcement, subjects of law enforcement activity, economic analysis of law, collection activities, enforcement proceedings, debt collection.*

Традиционно в юридической науке существует мнение, что правоприменением является деятельность государственных органов и должностных лиц по принятию специальных решений в целях возникновения, изменения или прекращения правоотношений на основе действующих норм [19]. В то же время юридическая действительность преподносит нам примеры, когда частноправовые по своей организационно-правовой форме субъекты осуществляют правоприменительную деятельность, которая ранее была прерогативой исключительно публично-правовых субъектов. В качестве примера можно привести саморегулируемые организации, которые принимают решение о возможности ведения определенной хозяйственной деятельности отдельных субъектов, управляющие организации специальных административных районов, которые наряду с федеральной налоговой службой осуществляют регистрацию юридических лиц в качестве международных компаний. Одной из сфер общественных отношений, в которой наблюдается подобная либерализация, является сфера исполнительного производства. С одной стороны, ведутся разговоры о введении института частных судебных приставов, аналогично законодательству в Казахстане, с другой – частично частноправовые элементы наличествуют в виде возможности взыскания задолженности через коллекторские организации.

В настоящем исследовании, опираясь на экономический анализ права (в позитивистском его аспекте), мы попробуем рассмотреть эффективность деятельности коллекторских организаций по взысканию задолженности по сравнению с деятельностью судебных приставов, а также сравним эффективность взыскания судебными приставами в России с эффективностью взыскания частными судебными исполнителями в Казахстане.

В последнее время в Российской Федерации распространилось взыскание задолженности с физических лиц с помощью коллекторов и коллекторских организаций. Многие кредитные учреждения - банки и микрофинансовые организации - используют данный способ взыскания вместо взыскания путем обращения в судебные органы и возбуждения исполнительного производства. Говоря о причинах, по которым кредитные учреждения выбирают взыскание задолженности с помощью коллекторских организаций, необходимо изучить и сравнить эффективность данных способов взыскания.

Прежде всего, стоит отметить, что в России коллекторской деятельностью могут заниматься только юридические лица, к которым установлены определенные законодательные требования [20]. Данные юридические лица осуществляют деятельность в соответствии с кодом 82.91 “Деятельность агентств по сбору платежей и бюро кредитной информации”, которая включает в себя: 1) взыскание платежей по счетам и пересылку собранных платежей клиентам, включая услуги по взысканию долгов; 2) сбор информации, например, кредитной истории или послужного списка о физических лицах и компаниях и предоставление информации банковским учреждениям, розничным продавцам и пр., нуждающимся в оценке кредитоспособности этих физических лиц и компаний [8]. Юридические лица, планирующие осуществлять деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности (или коллекторскую деятельность), должны быть включены в реестр таких организаций. В настоящее время ведение данного реестра находится в компетенции Федеральной службы судебных приставов [13]. В данном реестре на конец мая 2020 г. было зарегистрировано 313 действующих юридических лиц, а также 33 юридических лица, исключенных из реестра [15].

Давая определение коллекторской деятельности, можно обратить внимание на определение Т.Ю. Астаповой: «На сегодняшний день в практической области под коллекторской деятельностью признают законную профессиональную систематическую деятельность организации, нацеленную исключительно на возврат просроченной задолженности, с использованием специализированных навыков и законных средств на досудебной стадии, стадии судебного разбирательства и исполнительного производства, в том числе путем приобретения долга» [1]. Так же можно обратить внимание на признаки коллекторской деятельности, которые были ранее выведены в юридической науке. Первые два признака описывают характер долговых обязательств, а вторые два - признака характер работы коллекторских организаций по взысканию задолженности.

1) однотипность денежных долгов, поступающих в работу;

2) внешняя бесспорность денежных долгов;

3) систематичность работы субъекта, специализирующегося преимущественно или исключительно на стимулировании должников к исполнению обязательств;

4) применение типовых алгоритмов работы [3].

По общему правилу, коллекторские организации работают с кредиторами по двум договорам – по договору цессии, выступая в качестве цессионария, а также на основании агентского договора, выступая в качестве агента. Дополнитель-

ному распространению договора цессии является то положение, что банковские организации обязаны резервировать денежные средства при выдаче займов, и с увеличением срока невозврата займа, данные резервы должны быть увеличены [12]. Однако, осуществляя переуступку таких задолженностей, банковские организации перестают резервировать данные средства и могут их направить на выдачу новых займов [2].

Прежде чем приступить к сравнению эффективности судебного способа взыскания задолженности и взыскания путем использования коллекторской деятельности, необходимо сделать оговорку, что взыскание путем использования коллекторской деятельности может как осуществляться самими коллекторскими организациями непосредственно, так и эти организации могут обращаться в судебные органы для получения решения по делу, а также обращаться впоследствии в службу судебных приставов для фактического взыскания. Кроме того, безусловно, стоит отметить, что коллекторские агентства сильно ограничены во взаимодействии с должниками, в то время как судебные приставы имеют широкие полномочия по взысканию задолженности с должников.

В целом, описывая показатели деятельности коллекторских организаций, за 2019 г. общий объем задолженности, переданной на взыскание коллекторам, составил 852 млрд - один триллион руб., из которых 399 млрд были переданы по договору цессии [14], остальные [7] - по агентскому договору[1]. Так, в 2019 г. среднемесячная доля взысканий составила 3.1% по договору цессии, а также 4.37% по агентскому договору [6]. Работая на основании договора цессии, коллекторские организации выкупают задолженность граждан за 1-15% от номинальной суммы долга [4]. Таким образом, высчитывая эффективность работы коллекторских агентств, их общая эффективность как по договору цессии, так и по агентскому договору составляет 3.775 - 3.863%. Анализируя эффективность работы коллекторских агентств, можно отметить, что в целом деятельность возврату просроченной задолженности, осуществляемая коммерческими организациями, является самоокупаемой и приносящей прибыль.

Предлагаем рассмотреть аналогичные показатели деятельности для Федеральной службы судебных приставов - общий объем денежных средств, подлежащих взысканию, объем взысканных денежных средств, и общая эффективность взыскания. В соответствии с ведомственной статистической отчетностью Федеральной службы судебных приставов за 2019 г. [9] общая сумма, подлежащая взысканию по исполнительным производствам, в 2019 г. составила 11 183 604 094 руб. В свою очередь, объем взысканных денежных средств складывается из:

1) средств, взысканных частично по прекращенным и оконченным исполнительным производствам - 27 187 191 руб.;

2) средств, добровольно перечисленных должниками - 241 969 512 руб.;

3) средств по повторно поступившим исполнительным документам - 10 287 766 руб.;

4) средств, взысканных путем направления копий исполнительных документов в организации для удержания периодических платежей - 6 765 673 руб.; а также

5) частично взысканных средств по неоконченным исполнительным производствам - 222 499 254 руб., что в общей сумме составляет 508 709 396 руб.

Таким образом, общая эффективность Федеральной службы судебных приставов по взысканию задолженности составляет 4.548%. Подобные результаты публиковались и в более ранних исследованиях эффективности Федеральной службы судебных приставов [5]. Сравнивая данные показатели с данными коллекторских агентств – 3.775 – 3.863%, можно сделать вывод, что деятельность по взысканию ФССП на 0.685 – 0.773% эффективнее, чем деятельность коллекторских агентств.

К сожалению, в настоящее время отсутствует полноценная статистика, которая могла бы дать нам представление о совокупных доходах, расходах и прибыли коллекторских агентства. Однако можно с уверенностью утверждать, что коллекторские агентства, являясь коммерческими организациями, не работают себе в убыток. В то же время Федеральная служба судебных приставов предоставляет открытую статистику по тем суммам, которые взыскиваются судебными приставами-исполнителями, а также по тем суммам, которые заложены в федеральном бюджете для финансирования ФССП. Так, в соответствии с Отчетом о санкционировании расходов федерального бюджета на 31 декабря 2019 г. лимит бюджетных обязательств Федеральной службы судебных приставов на 2019 г. составил 58 041 037 700 руб. [11]. В свою очередь, доход федерального бюджета от взыскания исполнительского сбора - 20 994 972 руб. за вычетом возврата исполнительского сбора, взысканного в предыдущие годы [10], т.е. на деятельность ФССП было потрачено 58 020 042 728 руб., что более чем в

[1] Данные по объему взыскания коллекторскими агентствами в соответствии с агентским договором есть только за девять первых месяцев 2019 г. - 453 млрд руб. Соответственно, за весь 2019 г. сумма могла составить 602 млрд руб. По итогам года банки отдадут в работу коллекторов долгов на сумму около полтриллиона руб.

100 раз превышает сумму взысканных денежных средств. Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на ограниченную возможность воздействия на должников, коллекторские агентства взыскивают задолженность в пропорции, сравнимых с ФССП. Однако, в отличие от Федеральной службы судебных приставов, деятельность коллекторских агентств не требует затрат государственного бюджета на принудительное исполнение судебных актов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что взыскание задолженности частными организациями экономически более эффективно, чем взыскание государственными органами, в частности Федеральной службой судебных приставов.

Для сравнения с некоторыми допущениями можно использовать статистические данные Республиканской палаты частных судебных исполнителей Республики Казахстан [16]. С 1 января 2016 г. в компетенцию частных судебных исполнителей перешли все категории исполнительных документов, за исключением документов о взыскании с государства, в пользу государства сумм свыше 1000 месячных расчетных показателей, дела о выселении, сносах, изъятии земельных участков, производимых в интересах государства, а также были расширены полномочия частных судебных исполнителей [18]. Так, за 2018 г. сумма, подлежащая взысканию частными судебными исполнителями. составляла 3 183 235 942 265.45 тенге. Объем взысканных денежных средств складывается из:

1) суммы, взысканной непосредственно судебными исполнителями - 139 384 750 200.013 тенге;

2) суммы, оплаченной должником до предъявления исполнительного документа - 4 523 206 820.28 тенге;

3) частично взысканной суммы - 140 641 435.51 тенге, что в общей сумме составляет 144 048 598 456 тенге. Процент взыскания составляет 78.61%, что намного больше показателей взыскания ФССП.

Разумеется, стоит оговориться, что традиционно деятельность по взысканию задолженности и исполнению судебных актов государственными органами расценивается как более надежная и лучше обеспечивающая права граждан, тем более, что принципиальное значение в процессуальном праве имеет наличие справедливых начал, обеспечивающих неуклонное соблюдение прав и свобод человека и гражданина [17]. Соответственно, при передаче функций по взысканию задолженности и исполнению судебных актов частным организациям необходимо предусмотреть должное функционирование контрольно-надзорных органов. Тем не менее, с точки зрения экономического анализа права взыскание задолженности и исполнение судебных актов частными организациями является более эффективным.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1) в данный момент в России взыскание задолженности с помощью частноправовых субъектов, обладающих правоприменительными полномочиями, не подменяет собой исполнение судебных актов публично-правовым субъектом. Кроме того, частноправовые субъекты в своей деятельности прибегают к помощи публично-правовых субъектов, что усложняет сравнение эффективности данных субъектов;

2) несмотря на ограниченную возможность воздействия, частноправовые субъекты взыскивают задолженность в пропорции, сравнимой с публично-правовыми субъектами. Однако в отличие от публично-правовых субъектов деятельность частноправовых субъектов не требует затрат государственного бюджета на принудительное исполнение судебных актов;

3) несмотря на различие правовых систем, является наглядным сравнение эффективности частноправовых субъектов в Казахстане и публично-правовых субъектов в России. На основании имеющихся данных можно сделать вывод о возможно большей эффективности частноправовых субъектов в области взыскания задолженности.

Список литературы:

[1] Астапова Т.Ю. О подходах к определению понятия «коллекторская деятельность» // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2014. - № 8. - С. 10.

[2] Ахмедов Р.М. и др. «Комментарий к Федеральному закону от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон “О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях”» (постатейный) // Юстицинформ. - 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Болдырев В.А., Шмаков В.Н. Коллекторская деятельность как современный экономико-правовой феномен // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2015. - № 6 (165). - С. 94–104.

[4] Гальперин М.Л. Принципы исполнительного производства. Версия 2.0 (Закон. – 2017. - № 10) // СПС «КонсультантПлюс»; Вишневская Ирина (Berkshire Advisory Group): «Клиентам нужны комплексные варианты решений» // Банковское обозрение. – 2014. - № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Занина Анна, Райский Андрей. Невзыскательная система // Коммерсантъ. - 2020. - 5 марта. - С. 11. Режим доступа: URL: https://www.kommersant.ru/doc/3566103 (дата обращения: 20.05.2020).

[6] Коллекторы увеличили взыскание // Национальная ассоциация профессиональных коллекторских агентств. - 2020. - 29 янв. Режим доступа: URL: https://www.napca.ru/publishing/11480/?sphrase_id=13649 (дата обращения: 20.05.2020).

[7] Национальная ассоциация профессиональных коллекторских агентств. - 2019. - 21 окт. Режим доступа: URL: https://www.napca.ru/press-tsentr/news/10416/ (дата обращения: 20.05.2020).

[8] ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 г. № 14-ст).

[9] Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей ФССП России за январь-декабрь 2019 г. (нарастающим итогом). Форма № 1-1. Разд. 2. Режим доступа: URL: http://fssprus.ru/statistics/ (дата обращения: 20.05.2020).

[10] Основные показатели работы судебных приставов-исполнителей ФССП России за январь-декабрь 2019 г. (нарастающим итогом). Форма № 1-1. Разд. 3. Режим доступа: URL: http://fssprus.ru/statistics/ (дата обращения: 20.05.2020).

[11] Отчет о санкционировании расходов федерального бюджета на 31 декабря 2019 г. Режим доступа: URL: http://fssprus.ru/2667905/ (дата обращения: 20.05.2020).

[12] Положение Банка России от 28.06.2017 г. № 590-П (ред. от 16.10.2019) «О порядке формирования кредитными организациями резервов на возможные потери по ссудам, ссудной и приравненной к ней задолженности».

[13] Постановление Правительства РФ от 19.12.2016 г. № 1402 «О федеральном органе исполнительной власти, уполномоченном осуществлять ведение государственного реестра юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, и федеральный государственный контроль (надзор) за деятельностью юридических лиц, включенных в указанный реестр».

[14] Самусева Светлана. Просрочка прибавила в цене // Коммерсантъ. - 2020. - 3 марта. - № 38. - С. 8. Режим доступа: URL: https://www.kommersant.ru/doc/4275460 (дата обращения: 20.05.2020).

[15] Сведения, содержащиеся в государственном реестре юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности. Режим доступа: URL: http://fssprus.ru/gosreestr_jurlic/ (дата обращения: 20.05.2020).

[16] Сравнительная таблица о работе по исполнению судебных актов ЧСИ за 2018 год. Форма № 4. Отчет о работе по исполнению судебных актов. Табл. № 2. Режим доступа: URL: http://zhso.kz/index.php?view=catalog&main_cat=14&cat_id=63 (дата обращения: 20.05.2020).

[17] Степаненко Р.Ф. Справедливость и законопорядок: теоретико-методологический аспект // Государство и право. - 2020. - № 6. - С. 79–89.

[18] Стратегический план Министерства юстиции Республики Казахстан на 2017–2021 годы. Утвержден приказом Министра юстиции Республики Казахстан от 29 декабря 2016 г. № 1207. Режим доступа: URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet/documents/details/2186?lang=ru (дата обращения: 20.05.2020).

[19] Сырых В.М. Теория государства и права. - М., 1998. - С. 256.

[20] Федеральный закон от 03.07.2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях».

Spisok literatury:

[1] Astapova T. Yu. O podhodah k opredeleniyu ponyatiya «kollektorskaya deyatel'nost'» // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. - 2014. - № 8. - S. 10.

[2] Ahmedov R.M. i dr. «Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 3 iyulya 2016 g. № 230-FZ «O zashchite prav i zakonnyh interesov fizicheskih lic pri osushchestvlenii deyatel'nosti po vozvratu prosrochennoj zadolzhennosti i o vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "O mikrofinansovoj deyatel'nosti i mikrofinansovyh organizaciyah"» (postatejnyj) // Yusticinform. - 2017 // SPS «Konsul'tantPlyus».

[3] Boldyrev V.A., Shmakov V.N. Kollektorskaya deyatel'nost' kak sovremennyj ekonomiko-pravovoj fenomen // Imushchestvennye otnosheniya v Rossijskoj Federacii. - 2015. - № 6 (165). - S. 94–104.

[4] Gal'perin M.L. Principy ispolnitel'nogo proizvodstva. Versiya 2.0 (Zakon. – 2017. - № 10) // SPS «Konsul'tantPlyus\»; Vishnevskaya Irina (Berkshire Advisory Group): «Klientam nuzhny kompleksnye varianty reshenij» // Bankovskoe obozrenie. – 2014. - № 4 // SPS «Konsul'tantPlyus».

[5] Zanina Anna, Rajskij Andrej. Nevzyskatel'naya sistema // Kommersant». - 2020. - 5 marta. - S. 11. Rezhim dostupa: URL: https://www.kommersant.ru/doc/3566103 (data obrashcheniya: 20.05.2020).

[6] Kollektory uvelichili vzyskanie // Nacional'naya associaciya professional'nyh kollektorskih

agentstv. - 2020. - 29 yanv. Rezhim dostupa: URL: https://www.napca.ru/publishing/11480/?sphrase_id=13649 (data obrashcheniya: 20.05.2020).

[7] Nacional'naya associaciya professional'nyh kollektorskih agentstv. - 2019. - 21 okt. Rezhim dostupa: URL: https://www.napca.ru/press-tsentr/news/10416/ (data obrashcheniya: 20.05.2020).

[8] OK 029-2014 (KDES Red. 2). Obshcherossijskij klassifikator vidov ekonomicheskoj deyatel'nosti (utv. Prikazom Rosstandarta ot 31.01.2014 g. № 14-st).

[9] Osnovnye pokazateli raboty sudebnyh pristavov-ispolnitelej FSSP Rossii za yanvar'-dekabr' 2019 g. (narastayushchim itogom). Forma № 1-1. Razd. 2. Rezhim dostupa: URL: http://fssprus.ru/statistics/ (data obrashcheniya: 20.05.2020).

[10] Osnovnye pokazateli raboty sudebnyh pristavov-ispolnitelej FSSP Rossii za yanvar'-dekabr' 2019 g. (narastayushchim itogom). Forma № 1-1. Razd. 3. Rezhim dostupa: URL: http://fssprus.ru/statistics/ (data obrashcheniya: 20.05.2020).

[11] Otchet o sankcionirovanii raskhodov federal'nogo byudzheta na 31 dekabrya 2019 g. Rezhim dostupa: URL: http://fssprus.ru/2667905/ (data obrashcheniya: 20.05.2020).

[12] Polozhenie Banka Rossii ot 28.06.2017 g. № 590-P (red. ot 16.10.2019) «O poryadke formirovaniya kreditnymi organizaciyami rezervov na vozmozhnye poteri po ssudam, ssudnoj i priravnennoj k nej zadolzhennosti».

[13] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 19.12.2016 g. № 1402 «O federal'nom organe ispolnitel'noj vlasti, upolnomochennom osushchestvlyat' vedenie gosudarstvennogo reestra yuridicheskih lic, osushchestvlyayushchih deyatel'nost' po vozvratu prosrochennoj zadolzhennosti v kachestve osnovnogo vida deyatel'nosti, i federal'nyj gosudarstvennyj kontrol' (nadzor) za deyatel'nost'yu yuridicheskih lic, vklyuchennyh v ukazannyj reestr».

[14] Samuseva Svetlana. Prosrochka pribavila v cene // Kommersant». - 2020. - 3 marta. - № 38. - S. 8. Rezhim dostupa: URL: https://www.kommersant.ru/doc/4275460 (data obrashcheniya: 20.05.2020).

[15] Svedeniya, soderzhashchiesya v gosudarstvennom reestre yuridicheskih lic, osushchestvlyayushchih deyatel'nost' po vozvratu prosrochennoj zadolzhennosti v kachestve osnovnogo vida deyatel'nosti. Rezhim dostupa: URL: http://fssprus.ru/gosreestr_jurlic/ (data obrashcheniya: 20.05.2020).

[16] Sravnitel'naya tablica o rabote po ispolneniyu sudebnyh aktov ChSI za 2018 god. Forma № 4. Otchet o rabote po ispolneniyu sudebnyh aktov. Tabl. № 2. Rezhim dostupa: URL: http://zhso.kz/index.php?view=catalog&main_cat=14&cat_id=63 (data obrashcheniya: 20.05.2020).

[17] Stepanenko R.F. Spravedlivost' i zakonoporyadok: teoretiko-metodologicheskij aspekt // Gosudarstvo i pravo. - 2020. - № 6. - S. 79–89.

[18] Strategicheskij plan Ministerstva yusticii Respubliki Kazahstan na 2017–2021 gody. Utverzhden prikazom Ministra yusticii Respubliki Kazahstan ot 29 dekabrya 2016 g. № 1207. Rezhim dostupa: URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet/documents/details/2186?lang=ru (data obrashcheniya: 20.05.2020).

[19] Syryh V.M. Teoriya gosudarstva i prava. - M., 1998. - S. 256.

[20] Federal'nyj zakon ot 03.07.2016 g. № 230-FZ «O zashchite prav i zakonnyh interesov fizicheskih lic pri osushchestvlenii deyatel'nosti po vozvratu prosrochennoj zadolzhennosti i o vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O mikrofinansovoj deyatel'nosti i mikrofinansovyh organizaciyah».

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «**ЮРКОМПАНИ**» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

МАРИНИЧЕВА Ольга Викторовна,
магистрант 1 курса Северо-Западного института
(филиала) Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА),
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор
Департамента правового регулирования
экономической деятельности Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОЦЕНТОВ АРБИТРАЖНОМУ УПРАВЛЯЮЩЕМУ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА ПОСЛЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЗАЛОГОВОГО ИМУЩЕСТВА

Аннотация. *В данной статье рассматривается порядок установления процентов по вознаграждению арбитражному управляющему в делах о несостоятельности (банкротстве), поднимаются проблемы по установлению процентов конкурсного управляющего, в т.ч. после реализации залогового имущества.*

Ключевые слова: *арбитражный управляющий, процедура банкротства, залоговое имущество.*

MARINICHEVA Olga Viktorovna,
1st year master's student of the North-Western Institute
(branch) of Kutafin University (MSAL)

Supervisor:
GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna
Doctor of Law, Professor
Department of legal regulation
economic activity of the Financial University
under the government of the Russian Federation

SETTING INTEREST TO THE ARBITRATION MANAGER IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS AFTER THE SALE OF COLLATERAL

Annotation. *This article discusses the procedure for setting interest on remuneration to the arbitration Manager in cases of insolvency (bankruptcy), raises problems on setting the interest of the bankruptcy Manager, including after the sale of collateral.*

Key words: *arbitration Manager, bankruptcy procedure, collateral.*

Профессия арбитражного управляющего в настоящее время является одной из самых популярных в сфере юридической деятельности. Она предполагает ведение процедур банкротства юридических и физических лиц, целью которых является максимальное удовлетворение требований кредиторов.

Заработная плата арбитражного управляющего зависит от нескольких составляющих. Во-первых, важным фактором выступает опыт. Во-вторых, играет роль объем работы, т.е. количество процедур, которые ведет арбитражный управляющий. В-третьих, количество процентов, порядок исчисления которых определен для каждой процедуры индивидуально. Размер процентов по вознаграждению утверждается судом в рамках дела о банкротстве, на основании предоставленного арбитражным управляющим расчета.

Остановимся на вопросе начисления процентов по вознаграждению арбитражного управляющего. В соответствии со ст. 20.6 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.06.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) арбитражный управляющий имеет право на установление процентов по вознаграждению. Однако

законодательством не урегулирован вопрос самостоятельного определения арбитражным судом размера процентов по вознаграждению арбитражного управляющего. Порядок расчета размера процентов определен отдельно для каждой процедуры банкротства.

В частности, для процедуры конкурсного производства проценты по вознаграждению начисляются по правилам п. 13 ст. 20.6 Закона о банкротстве по удовлетворенным требованиям. Проценты финансового управляющего исчисляются в размере 7% от размера реализации имущества должника в силу п. 17 ст. 20.6 Закона о банкротстве.

Однако если вопрос касается реализации залогового имущества, при установлении процентов вознаграждения арбитражного управляющего принято пользоваться дополнительно п. 13.1 постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 г. № 97 «О некоторых вопросах, связанных с вознаграждением арбитражного управляющего при банкротстве».

Особенность состоит в том, что проценты начисляются отдельно по требованиям каждого залогового кредитора и погашаются за счет выручки, полученной с реализации каждого предмета залога. При этом проценты, исчисляемые при удовлетворении требования залогового кредитора, утверждаются в пределах указанных 10 или 5%, в соответствии со ст. 138 Закона о банкротстве. В связи с тем, что целью проведения процедур несостоятельности является реализация имущества должника и максимальный расчет с кредиторами, то ст. 138 Закона о банкротстве применяется в процедурах реализации имущества гражданина и конкурсного производства.

В определении Верховного Суда РФ указано следующее: «Правовая природа вознаграждения арбитражного управляющего носит частноправовой встречный характер (п. 1 ст. 328 Гражданского кодекса Российской Федерации[1]) и является, по своей сути, платой за оказанные услуги по антикризисному управлению. Обязанность по выплате вознаграждения по общему правилу относится на должника (п. 2 ст. 20.6 Закона о банкротстве)»[2].

В судебной практике при решении вопроса об установлении процентов по вознаграждению арбитражного управляющего судьи не всегда верно трактуют и применяют п. 13.1 постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 г. № 97.

Обратимся к примеру конкретного судебного разбирательства. При рассмотрении заявления финансового управляющего об установлении суммы процентов по вознаграждению в размере 924 560 руб. один из основных кредиторов направил отзыв с возражениями об удовлетворении заявленных требований и поддерживал установление процентов в размере 302 000 руб. Суд первой инстанции определил, что вознаграждение финансового управляющего должно рассчитываться следующим образом: 5% от суммы реализации (15 100 000 руб.) равняется 755 000 руб.; кредиторы первой и второй очередей отсутствуют. При данных условиях размер удовлетворенных требований залогового кредитора составляет 14 345 000 руб. (15 100 000 руб. – 755 000 руб.). Суд установил проценты по вознаграждению финансового управляющего в размере 286 900 руб.[3]

Позднее арбитражный управляющий обратился с апелляционной жалобой об увеличении суммы вознаграждения финансового управляющего. Суд апелляционной инстанции указал, что суд первой инстанции необоснованно руководствовался ст. 138 Закона о банкротстве. Порядок удовлетворения требований кредиторов гражданина регулируется ст. 213.27 Закона о банкротстве. Право финансового управляющего на получение процентов к своему вознаграждению в процедуре реализации имущества должника предусмотрено п. 1, 3, 17 ст. 20.6, а также п. 3 ст. 213.9 Закона о банкротстве. В соответствии с п. 17 ст. 20.6 Закона о банкротстве в редакции, которая действовала на момент введения процедуры, размер процентов по вознаграждению арбитражного управляющего составляет 2% от суммы реализованного имущества должника. В суд финансовый управляющий может обратиться с заявлением об утверждении процентов по вознаграждению только после окончания расчетов с кредиторами.

Вместе с тем, в процедуре банкротства должника, залоговое имущество сдавалось в аренду. За период проведения процедуры на расчетный счет должника была перечислена сумма в размере 1 410 000 руб. в качестве арендных платежей. Как известно, в соответствии с п. 1, 3 ст. 3 Федерального закона № 367-ФЗ[4] после внесения изменений положения ГК РФ вступают в силу с 1 июля 2014 г. и применяются к правоотношениям, возникшим после дня вступления в силу этого

[1] ГК РФ Статья 328. Встречное исполнение обязательства. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020).

[2] Определение Верховного Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 февраля 2018 г. № 306-ЭС14-6837 по делу № А65-19446/2011.

[3] См.: Определение Арбитражного суда Ростовской области по делу № А53-26838/2015 от 07.09.2020 г. (резолютивная часть объявлена 05.09.2020 г.).

[4] См.: Федеральный закон от 21.12.2013 г. № 367-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации».

Закона. Таким образом, суд вынес постановление об изменении определения первой инстанции в части установления размера процентов по вознаграждению финансового управляющего, определил сумму процентов по вознаграждению в размере 302 000 руб.[1].

Данный факт судебной ошибки подтверждает актуальность проблемы правоприменения норм законодательства РФ в сфере банкротства.

Приведем следующие примеры судебной практики, а именно: определение Арбитражного суда г. Москвы от 23.03.2018 г. по делу № А40-156294/2016 от 23.03.2018 г., определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 24.05.2019 г. по делу № А56-34415/2016.

Представлена судебная практика по уменьшению процентов по вознаграждению конкурсного управляющего с 7 до 3%.

В связи с заявлением, первая инстанция установила проценты по вознаграждению конкурсного управляющего в размере 4 892 325,48 руб.[2] Однако единственный конкурсный кредитор, обратившийся с апелляционной жалобой, и суд апелляционной инстанции посчитали, что судья первой инстанции не учла важные нормы п. 8 Постановления Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 г. № 29[3] и п. 6 ст. 450.1 ГК РФ[4]. На основании данных норм, суд постановил определение Арбитражного суда Омской области отменить и установить проценты по вознаграждению в размере 3% от погашенных требований залогового кредитора, т.е. в размере 2 096 710 руб. 92 коп.[5]

Приведем пример судебной практики, в которой подобные казусы разрешены иным образом. Обратимся к постановлению Пятнадцатого Арбитражного апелляционного суда от 22.11.2017 г. по делу № А53-26838/2015.

Рассмотрим еще один пример судебной практики. Судом первой инстанции заявление конкурсного управляющего об установлении процентов удовлетворено в полном объеме[6]. Суд апелляционной инстанции по жалобе кредитора, руководствуясь аналогичными нормами, пришел к выводу, что конкурсный управляющий вправе установить проценты только после удовлетворения всех требований кредиторов, а не в отдельности, и отменил определение первой инстанции. В удовлетворении заявления об установлении процентов по вознаграждению конкурсного управляющего судом было отказано[7].

Конкурсный управляющий обратился в кассационную инстанцию с жалобой на вынесенное постановление. Суд отменил постановление и оставил в силе определение первой инстанции[8].

Таким образом, проанализировав судебную практику, можно сделать вывод о том, что в сфере банкротства нет единого подхода к применению правовых норм. Порядок расчета и установления процентов по вознаграждению арбитражному управляющему, установленный на данный момент, гарантирует независимость управляющего от иных субъектов в процедурах банкротства. Мнение С.А. Карелина и М.Е. Эрлиха о том, что размер вознаграждения напрямую зависит от результативности ведения процедур банкротства, является, на мой взгляд, обоснованным и как никогда актуальным. Такой подход повышает заинтересованность арбитражного управляющего в удовлетворении интересов всех участников процедуры, как главного фактора эффективности ведения данного рода процедур [1].

Список литературы:

[1] Карелина С.А., Эрлих М.Е. Роль арбитражного управляющего в механизме разрешения конфликта интересов // Право и экономика. Документы. Комментарии. Практика. - 2012. - № 3. - С. 19–25.

Spisok literatury:

[1] Karelina S.A., Erlih M.E. Rol' arbitrazhnogo upravlyayushchego v mekhanizme razresheniya konflikta interesov // Pravo i ekonomika. Dokumenty. Kommentarii. Praktika. - 2012. - № 3. - S. 19–25.

[1] См.: Постановление Пятнадцатого Арбитражного Апелляционного суда от 22.11.2017 г. по делу № А53-26838/2015 (резолютивная часть объявлена 17.11.2017 г.).

[2] См.: Определение Арбитражного суда Омской области от 14.10.2019 г. по делу № А46-21311/2017 (резолютивная часть объявлена 08.10.2019 г.).

[3] См.: постановление Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 г. № 29 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)"».

[4] См.: ГК РФ. Статья 450.1. Отказ от договора (исполнения договора) или от осуществления прав по договору "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020).

[5] См.: Постановление Восьмого Арбитражного апелляционного суда от 27.12.2019 г. (резолютивная часть объявлена 24.12.2019 г.)

[6] См.: Определение Арбитражного суда Республики Татарстан от 18.10.2013 г. по делу № А65-20315/2011.

[7] См.: Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2013 г. по делу № А65-20315/2011.

[8] См.: Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 19.02.2014 г. по делу № А65-20315/2011.

КАРАЖЕЛЯСКОВ Б.А.,
студент 3 курса Юридической школы Б6117(1)
Дальневосточного федерального университета
(г. Владивосток),
e-mail: lawyerush@gmail.com

КОСТЮКЕВИЧ К.А.,
студентка 3 курса Юридической школы Б6117(1)
Дальневосточного федерального университета
(г. Владивосток),
e-mail: kristinka_kostyukevich@mail.ru

Научный руководитель:
РАБЕЦ А.П.,
кандидат юридических наук, доцент,
e-mail: rabets.ap@dvfu.ru

ПРОБЛЕМА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ В ВИКИПЕДИИ

Аннотация. *В статье поднимается проблема нарушений авторских прав в Википедии и ответственности за это. Авторы стремятся раскрыть сущность проблемы и прийти к выводу о том, что ответственность за такого рода нарушения все-таки должна наступать. Делается попытка определить субъекта ответственности путем анализа положений действующего отечественного законодательства и политики конфиденциальности Википедии.*

Ключевые слова: *авторское право, ответственность, Википедия, правонарушения, проблема.*

KARAZHELYASKOV B.A.,
3rd year student of Law School B6117(1), Vladivostok FEFU,
e-mail: lawyerush@gmail.com

KOSTIUKEVICH K.A.,
3rd year student of Law School B6117(1), Vladivostok FEFU,
e-mail: kristinka_kostyukevich@mail.ru

Scientific supervisor:
RABETS A. P.
candidate of law, associate Professor

THE PROBLEM OF RESPONSIBILITY FOR COPYRIGHT BREACH IN WIKIPEDIA

Annotation. *In the article raises the problem of copyright violations in Wikipedia and responsibility for it. The authors seek to reveal the essence of the problem and come to the conclusion that responsibility for such violations must still occur. An attempt is made to determine the subject of responsibility by analyzing the provisions of current domestic legislation and Wikipedia's privacy policy.*

Key words: *copyright, responsibility, Wikipedia, offenses, problem.*

В последнее время в научном сообществе и среди законодателей ведутся активные дискуссии по поводу охраны, защиты авторского права в сети «Интернет». Проблемным остается вопрос об ответственности субъектов-нарушителей авторского права в информационно-телекоммуникационных сетях. Большинство нарушений допускается в рамках работы интернет-площадок, в которых разрешено свободное редактирование размещаемой информации. Одной из таких площадок является «Википедия». Полагаем, что необходимо для начала

понять, что представляет из себя данный интернет - ресурс.

«Википедия» - многоязычная универсальная интернет-энциклопедия, находящаяся в свободном доступе. Владельцем этого известного сайта является американская некоммерческая организация «Фонд Викимедиа». В Российской Федерации представителем Викимедия является «Викимедиа РУ», которая, собственно, также является некоммерческой организацией, созданной для способствования развитию проектов, связанных с созданием и распространением свободной для использования информации.

По статистическим данным за 2015 г. число зарегистрированных участников русской Википедии составляло порядка 1,7 млн. Полагаем, что число незарегистрированных пользователей порядком больше вышеназванной цифры. Что касается достоверности рассматриваемой интернет-площадки, то они вызывают большие вопросы, что подтверждается российской судебной практикой. Так, например, в постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.08.2016 г. суд посчитал, что распечатки с интернет-страниц «Википедии» как доказательства не обладают критериями достоверности при отсутствии каких-либо иных подтверждающих документов. При этом суд отметил, что информация, которая размещается на интернет - ресурсе, может быть изменена любым пользователем, который зарегистрирован на данном ресурсе. Ни авторы, ни участники, ни спонсоры, ни администраторы, ни операторы и ни лица, как-либо ещё связанные с «Википедией», не несут ответственности за появление модифицированной информации, а также за использование информации, содержащейся на этих интернет-площадках, либо которые были найдены по ссылкам с них, отмечает Пятнадцатый апелляционный суд[1]. Если обратиться к Политике Конфиденциальности «Википедии», то последняя представляет собой интернет-энциклопедию с открытым содержимым, при этом является добровольным объединением групп и личностей, которые создают единое хранилище данных.

Информация, которая находится на сайте, предоставляется свободно, без заключения договоров между пользователями и владельцами серверов, на которых он размещён, можно сказать, по доброй воле. Как отмечается в политике конфиденциальности, «Википедия» не будет отвечать за ущерб, который был нанесен, поскольку является добровольной организацией, которая организована для создания открытых культурных, информационных и образовательных ресурсов. Также никто в «Википедии» не несёт ответственности за изменение или же удаление какой-либо информации, которая была добавлена в нее или иные проекты так или иначе связанные с ней. Редактирование, а также распространение соответствующей информации может явиться нарушением нормативно-правовых актов в той стране, в которой используется эта интернет-площадка. При этом, как подчеркивается в политике конфиденциальности, «Википедия» не направляет пользователей к нарушению нормативно-правовых актов. Но аргументирует свою позицию тем, что серверы, на которых сохраняется информация, располагаются в США, поэтому «Википедия» имеет право пользоваться свободой слова и печати.

Таким образом, на наш взгляд, владельцы «Википедии», а также региональные представители, как информационные посредники, снимают с себя всю ответственность за нарушение авторского права.

Согласно Гражданскому Кодексу РФ (далее - ГК РФ) под информационными посредниками, согласно ст. 1253.1, п.1 ГК принято понимать лицо, которое осуществляет передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети; лицо, предоставляющее возможность для размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети; а также лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу[2].

В связи с этим возникает вопрос: кто будет отвечать в случае нарушения авторского права на произведение или иной объект авторского права (например, которое выразилось в форме модификации, копирования), размещённых автором на страницах «Википедии»?

Согласно п.3 ст. 1253.1 ГК РФ информационный посредник, который дает возможность для размещения материалов на своем сайте, не должен нести ответственности за нарушение интеллектуальных прав, которые имеют место в результате размещения в сети информации третьим лицом при наличии двух условии: 1) он не должен был знать и не знал о том, что использование результатов интеллектуальной деятельности, содержащихся в материале, является незакон-

[1] О взыскании компенсации за нарушение исключительных прав исполнителей и изготовителей фонограмм: постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.08.2016 № 15АП-826/2016 по делу № А53-1722/2014. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS015&n=117959#09673114874823858 (дата обращения: 21.02.2020)

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 23.02.2020)

ным (исходя из чего, можно сделать вывод о том, что посредник – это добросовестное лицо); 2) если же он получает заявление, оформленное письменно, от правообладателя о нарушении интеллектуальных прав с указанием конкретной страницы сайта, на которой размещен такой материал, и при этом своевременно принимает необходимые меры для пресечения нарушения интеллектуальных прав.

Интересна позиция Пленума Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 23.04.2019 N 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», который разъяснил ответственность информационных посредников. Так, в соответствии с п.78. обладатель сайта самостоятельно решает вопрос о том, как будет использоваться сайт, поэтому обязанность доказывания того, что материал, который включал средства индивидуализации или результаты интеллектуальной деятельности, на сайте размещен третьими лицами, а не самим владельцем сайта лежит на владельце сайта. Он должен, иначе говоря, доказать, что является информационным посредником[1].

Если же посредник не может представить необходимые доказательства, то считается, что он использует средства индивидуализации или результаты интеллектуальной деятельности. То есть в данной ситуации Пленум объясняет, что необходимо отходить от принципа презумпции невиновности. В сложившейся ситуации ответственность информационных посредников, имеет место только при наличии вины, которую они должны опровергнуть. Также презюмируется, что владельцем сайта необходимо считать администратора доменного имени, адресующего на соответствующий сайт.

Другие положения ст. 1250 ГК РФ (в частности о лицах, которые могут требовать применения мер защиты и о том, что эти меры защиты должны применяться только при нарушении права) подлежат применению к информационным посредникам по общему правилу. Исходя из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что «Википедия», как информационный посредник, даже при наличии отказа от ответственности по Российскому Законодательству должна быть привлечена к ответственности, в случае нарушения авторского права, если организация-владелец не докажет свою невиновность.

[1] О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 21.02.2020)

КИРЕЕВА Юлия Андреевна
студент Института заочного образования
Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ИВАНОВА Светлана Анатольевна,
доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента
правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при
Правительстве Российской Федерации,
e-mail: mail@law-books.ru

СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ ВЫМОРОЧНОГО И БЕСХОЗЯЙНОГО ИМУЩЕСТВА

Статья подготовлена в рамках написания выпускной квалификационной работы «Особенности наследования выморочного имущества».

Аннотация. *В статье рассматривается правовая природа бесхозяйного имущества и выморочного имущества, исследуются основания приобретения права собственности на бесхозяйное и выморочное имущество с целью выявления имеющихся различий, а также анализируется тенденция развития российского законодательства в данной сфере.*

Ключевые слова. *Наследственное право, бесхозяйное имущество, выморочное имущество, институт приобретения права собственности, институт наследования.*

KIREEVA Julia Andreevna,
student of the Institute of Correspondence Education
Financial University
under the Government of the Russian Federation,

Supervisor: ***IVANOVA Svetlana Anatolyevna,***
Doctor of Law, Professor, Professor, Department
regulation of the economic activities of the Financial University
The Government of the Russian Federation

RATIO OF LEGAL REGIMES FOR ESCHEATED AND OWNERLESS PROPERTY

The article was prepared as part of the writing of the final qualifying work «Features of inheritance of escheated property».

Annotation. *The article discusses the legal regimes for ownerless and escheated property, investigates the grounds for acquiring ownership of ownerless and escheated property in order to identify exiting differences, and analyzes the trend in the development of Russian legislation in this area.*

Key words. *Inheritance law, ownerless property, escheat, institute for the acquisition of property rights, inheritance institute.*

Вопрос наследования выморочного имущества в настоящее время регулируется в большинстве своем еще советскими нормативными правовыми актами, в которых понятие «выморочное имущество» отсутствовало как таковое, а использовалось понятие «имущество, перешедшее по праву наследования государству». Ряд юридических словарей трактует выморочное имущество как имущество, оставшееся после умершего без наследника владельца и перешедшее в казну, в том числе включая бесхозяйное имущество. [10] Это определе-

ние не единственное и, к примеру, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии трактует выморочное имущество исключительно как категорию наследуемого имущества, не затрагивая бесхозяйность. [9] Отсутствие единого «официального» определения можно обозначить как одну из нерешенных на сегодняшний день проблем, связанных с наследованием выморочного имущества.

Вместе с тем, представляется, что приравнивать выморочное имущество к бесхозяйному, исходя из действующих норм права и самой сути каждого такого имущества, нельзя. Между выморочным и бесхозяйным имуществом существует разница, и она достаточно велика. Прежде всего, следует отметить различие в приобретении каждого вида имущества. Так, приобретение права собственности на бесхозяйное имущество относят к первоначальному способу приобретения такого права, а на выморочное – к производному. Обусловлено это тем, что для получения в собственность бесхозяйного имущества не играет роли наличие каких-либо прав на такое имущество у других лиц, тогда как приобретение выморочного имущества исходит из права собственности его предыдущего владельца.

В соответствии с пунктом 3 статьи 225 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) бесхозяйные недвижимые вещи принимаются на учет органом, осуществляющим государственную регистрацию права на недвижимое имущество, по заявлению органа местного самоуправления, на территории которого они находятся. Но, как это часто бывает на практике, нередко органы местного самоуправления не обладают достаточной информацией о наличии на территории того или иного субъекта бесхозяйного имущества, которое можно оформить в собственность.

Отсутствует четкое регулирование вопросов принятия в собственность земельных участков, у которых отсутствует владелец. Суды одних регионов руководствуются нормами Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» и действуют в соответствии с принципами принятия в собственность бесхозяйного имущества, тогда как суды других регионов действуют в соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» и нормами о выморочном имуществе. [6]

Приобрести в собственность бесхозяйное имущество можно основываясь на принципах приобретательной давности, согласно которой в случае беспрерывного владения имуществом в течение пятнадцати лет (фактически – в течение восемнадцати лет, так как следует помнить о трехлетнем сроке исковой давности) и при отсутствии иных законных владельцев такого имущества, заинтересованное лицо вправе в судебном порядке заявить свои интересы на находящееся во владении бесхозяйное имущество и принять его в собственность.

Принятие в собственность имущества в порядке наследования представляет собой совершенно иной порядок. Здесь имеет место переход права собственности от умершего гражданина к его наследникам разными способами – в порядке наследования по закону, по завещанию или по наследственному договору, если таковые имеются.

Пунктом 1 статьи 1151 ГК РФ предусмотрены основания, по которым имущество признается выморочным. Выморочное имущество можно в некоторой степени признать и бесхозяйным, так как оно переходит в категорию брошенного. Однако наличие в российском законодательстве такого явления как универсальное правопреемство, по которому ко всем наследникам без исключения переходит не только имущество наследодателя, но и его обязательства, а также положений статьи 225 ГК РФ, определяющей, что бесхозяйное имущество – это исключительно вещи, традиционно характеризующиеся как имеющие четко определенную форму предметы не дают возможности приравнивать выморочное имущество к бесхозяйному и относить к каждому из них правовые особенности другого.

В состав наследства входит не только движимое и недвижимое имущество, но и имущественные права и обязанности, представляющие собой важнейший элемент наследства и предполагающие распространение на них принципа неизменности. [8] Данный принцип заключается в неизменности содержания прав и обязанностей, переходящих по наследству, то есть в придерживании наследниками того же порядка действий, который предполагал осуществлять наследодатель. Этот же принцип распространяется и на течение срока исковой давности, что означает неприменимость прерывания, приостановки и восстановления трехлетнего периода для предъявления требований кредитора к наследникам. В отношении залога и частного сервитута как явлений имущественных прав и обязанностей можно говорить о принятии правопреемником наследодателя всех его обязанностей и сохранении всех действовавших на момент открытия наследства прав. Тот же принцип распространяется и на индивидуальную, солидарную, долевую, субсидиарную ответственность.

Для включения предмета в состав наследства необходимо обязательное обременение его правом собственности или правом пожизненного

наследуемого владения со стороны наследодателя. Не обремененная такими правами вещь, иными словами бесхозяйная, не может по российскому законодательству являться объектом наследования.

Различия в категориях бесхозяйного и выморочного имущества поддерживаются и теоретиками, например, Н.С. Суворовым, исследовавшим римское право. [7] Казна вступала в обязанности наследника и заявляла свои права на имущество наследодателя наравне со всеми, что не соответствует принципам получения бесхозяйного имущества. Однако присутствуют и иные точки зрения, когда авторы в своих работах заявляют о сходстве правовых режимов выморочного имущества и бесхозяйного. Например, К.П. Победоносцев, говорил о праве оккупации в отношении оставшегося без наследников имущества, как это до настоящего времени происходит в США, Франции или Англии. [5] Имущество, оставшееся без владельца, должно перейти к государству, но в данном случае, как пишет К.П. Победоносцев, это влечет возникновение у государства наследственных обязательств.

Кроме того, выморочное имущество может перейти к государству исключительно единым целым и не допускает отказа со стороны его приобретателя, в то время как бесхозяйное имущество переходит к собственнику по каждому предмету в отдельности, и происходит этот процесс по желанию. Приравнивание выморочного имущества к бесхозяйному в корне противоречит основополагающей сути каждого из них и приводит к неверной трактовке не только самих правовых режимов, но и способов их дальнейшей реализации участниками гражданского оборота, выбору законодательных норм, регулирующих правоотношения на различных этапах, а также не вполне соответствует целям, на которые каждое из озвученных выше видов имущества направлено.

Список литературы:

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 года.

[3] Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – ст. 3018.

[4] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. – 2012. – № 127.

[5] Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть вторая: Права семейственные, наследственные и завещательные. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/16/page_45.html (дата обращения – 24.09.2020).

[6] Румянцев Ф.П. Невостребованные земельные доли как выморочное имущество, проблемы наследования в публичную собственность // Нотариус. – 2018. – № 3. – с. 39-41.

[7] Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/8/page_21.html (дата обращения – 24.09.2020).

[8] Тордия И.В., Савченко С.А. Принципы обязательного права (Международный и национальный аспекты). – Lex Russica. – 2016. – № 10. – с. 131-141.

[9] Официальный сайт Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии. URL: https://rosreestr.gov.ru (дата обращения – 24.09.2020).

[10] Интернет-портал «Большой юридический словарь». URL: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law4.php (дата обращения – 24.09.2020).

Spisok literatury:

[1] Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994.

[2] Grazhdanskiy kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.11.2001.

[3] Federalnii zakon ot 24.07.2020 № 101-FZ «Ob oborote zemel' selskohozyaistvennogo naznacheniya» // SZ RF. – 2002. – № 30. – st. 3018.

[4] Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 29.05.2012 № 9 «O sudebnoi praktike po delam o nasledovanii» // Rossiiskaya gazeta. – 2012. – № 127.

[5] Pobedonostsev K.P. Kurs grazhdanskogo prava. Chast' vtoraya: Prava semeystvennie, nasledstvennie i zaveshatelnie. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/16/page_45.html (data obrasheniya – 24.09.2020).

[6] Rumyantsev F.P. Nevostrebovannie zemelnie doli kak vimorochnoye imushestvo, problemi nasledovaniya v publichnuyu sobstvennost' // Notarius. – 2018. – № 3. – s. 39-41.

[7] Suvorov N.S. Ob yuridicheskih litsah po rimskomu pravu. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/8/page_21.html (data obrasheniya – 24.09.2020).

[8] Tordiya I.V., Savchenko S.A. Printsipi obyazatelnogo prava (Mezhdunarodnii i natsionalnii aspekti). – Lex Russica. – 2016. – № 10. – s. 131-141.

[9] Ofitsialnii sait Federalnoi sluzhbi gosudarstvennoi registratsii, kadastra i kartografii. URL: https://rosreestr.gov.ru (data obrasheniya – 24.09.2020).

[10] Internet-portal «Bolshoi yuridicheskii slovar'». URL: https://petroleks.ru/dictionaries/dict_big_law4.php (data obrasheniya – 24.09.2020).

КОВАЛЕНКО Алина Михайловна,
студентка 3 курса заочной магистратуры
«Юрист для частного бизнеса и власти»
Финансового университета при Правительстве РФ,
email: alkovalenk888@gmail.com

Научный руководитель:
СВИРИДОВА Екатерина Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации»,
e-mail: mail@law-books.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЫПЛАТЫ КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА НА ОБЪЕКТЫ МОДЫ И ДИЗАЙНА

Аннотация. *В данной статье рассматриваются особенности, сложившиеся в судебной практике Российской Федерации, которые необходимо учесть при взыскании в судебном порядке компенсации за нарушение интеллектуальных прав на объекты дизайна и моды.*

Ключевые слова: *интеллектуальная собственность, объекты моды, дизайн, защита дизайна, способы защиты прав на интеллектуальную собственность, компенсация, взыскание компенсации.*

KOVALENKO Alina Mikhailovna,
3rd year student of off-site master program
«Lawyer for private business and government»
of Financial University under the Government of the Russian Federation

Supervisor:
SVIRIDOVA Ekaterina Alexandrovna,
Candidate of Law, Associate Professor, FSOBU VO «Financial University»
under the Government of the Russian Federation «

FEATURES OF PAYMENT OF COMPENSATION FOR VIOLATION OF EXCLUSIVE RIGHT TO OBJECTS OF FASHION AND DESIGN

Annotation. *This article discusses the main features that have been developed in the court practice of the Russian Federation, which must be taken into account when recovering in court compensation for violation of intellectual property rights to design and fashion objects.*

Key words: *intellectual property, fashion objects, design, protection of design, methods of protecting intellectual property rights, compensation, recovery of compensation.*

Гражданско-правовое регулирование содержит ряд способов, благодаря которым можно защитить свои права на объект интеллектуальной собственности в случае посягательства на него со стороны третьих лиц. Однако по мнению большинства практиков наиболее эффективным из них является компенсация, как способ, позволяющий не только восстановить нарушенное право и возместить причиненный ущерб, но и наложить определенную санкцию на нарушителя. Тем не менее у этого способа защиты существуют определенные особенности в том числе в зависимости от объекта, которое лицо пытается защитить, которые необходимо учесть при обращении с требованием о взыскании компенсации.

За нарушение исключительного права на произведение в соответствии со статьей 1301 ГК РФ предусмотрена специальная компенсация в размере от десяти тысяч рублей до пяти миллионов рублей либо в двукратном размере стоимости экземпляров произведения, представляющая собой некий штраф. При этом следует отличать компенсацию от взыскания убытков. При предъявлении требований о взыскании убытков необходимо доказывание ряда обстоятельства, в частно-

сти, факт нарушения исключительного права, подтверждение причинения убытков, а также наличие причинно-следственной связи между противоправным поведением нарушителя и фактически понесенным размером убытков. Напротив, при компенсации за нарушение исключительных прав наличие причиненных убытков, а также доказывание причинно-следственной связи между ними и действиями нарушителя не требуется. При этом необходимо доказать факт нарушения, то есть, использования объекта интеллектуальной собственности без имевшегося согласия правообладателя в случаях, когда свободное использование произведения не было допущено. Стоит отметить, что в соответствии с действующим регулированием даже отсутствие вины нарушителя не освобождает его от ответственности и применения мер по защите прав, а также не исключает его обязанность прекратить неправомерное использование объекта интеллектуальной собственности. Данные разъяснения дополнительно содержатся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – «Постановление Пленума ВС РФ № 10») [1].

Конкретный размер присуждаемой компенсации определяет непосредственно суд в зависимости от всех фактических обстоятельств с учетом требований разумности, а также соразмерности компенсации последствиям нарушения. Суды могут также учитывать любые обстоятельства, связанные с результатом интеллектуальной деятельности, срок неправомерного использования объекта интеллектуальной собственности, наличие и степень вины правонарушителя, многократность допущенного им нарушения, понесенные имущественные или неимущественные потери правообладателя. Тем не менее, как было дополнительно разъяснено судом в пункте 61 Постановления Пленума ВС РФ № 10 «заявляя требование о взыскании компенсации истец должен представить обоснование размера взыскиваемой суммы, подтверждающее соразмерность требуемой им суммы компенсации допущенному нарушению». Однако несмотря на существование многочисленных разъяснений на практике чаще всего точное понимание обстоятельств, которыми руководствовался суд при определении размера компенсации, отсутствует.

В отношении объектов моды взыскание компенсации также является часто используемым и эффективным средством восстановления и защиты нарушенных прав, что позволяет восстановить его имущественные и неимущественные права и интересы.

Например, требование о компенсации было предъявлено в деле ООО «Грассер», которое являлось истцом, против ответчиков Степановой Ольги и ООО «БидФокс» [2]. Истец предлагал онлайн курсы по кройке, а также моделированию швейных изделий, в свою очередь ответчик являлся разработчиком рабочей тетради к курсу под наименованием «Cut&Sew Base», темой которой также являлась кройка и моделирование швейных изделий. По мнению истца ответчики совершали заимствования из его курса, чем нарушили его исключительное право, в связи с чем истец требовал взыскать компенсацию в размере 1 700 000 рублей, а также удалить с сайтов сети «Интернет» вышеназванный курс. При этом позиция ответчиков концентрировалась на том, что выкройки и обучающие тексты в принципе не охраняются как объекты авторского права. Учебные тетради являются не более, чем описанием необходимых действий для раскроя и моделирования швейных изделий, в связи с чем совпадение каких-либо слов или выражений обусловлено лишь использованием тождественной лексики отрасли. В отношении выкроек ответчики указывали, что они являются не более, чем обычным чертежом, который невозможно построить иным способом.

Первая инстанция, а именно арбитражный суд города Москвы поддержал ответчиков и отказал в удовлетворении исковых требований в полном объеме. В первую очередь суд поставил вопрос, являются ли соответствующие выкройки результатом творческого труда. Однако регулирование в отношении квалификации результатов творческой деятельности отсутствует, вследствие чего суд истолковал данные понятия исходя из общепринятого понимания. Он определил творчество как «интеллектуальную деятельность, результатом которой является создание интеллектуального продукта, ранее неизвестного». Из этого определения можно выделить, что результат творческой деятельности должен отвечать таким признакам как новизна и оригинальность. При этом, в данном деле также речь шла об идеях раскроя изделия, что в действительности исходя из положений статьи 1259 ГК РФ не могло защищаться авторским правом [3]. Курс по выкройке и обучающиеся тексты могли бы стать объектом авторского права в случае их создания творческим трудом и, как следствие, обладания признаками новизны и оригинальности, но в данном деле суд не усмотрел наличие таких признаков. Тексты являлись обыденными, состояли из стандартных описаний схемы действий для выкройки, моделирования и устранения недостатков кроя и не были оригинальными даже по манере повествования. В отношении самих выкроек суд также согласился с

позицией ответчика, указав на то, что по своей сути они представляют собой не что иное, как обычный чертеж или схему будущего швейного изделия. В таком виде выкройки представлены в любых как учебных, так и практических пособиях по кройке и моделированию изделия, в связи с чем они не отвечают признакам новизны и уникальности. Кроме того, суд указал на то, что сами модели изображенных изделий являлись классическими, в связи с чем также не являлись оригинальными. Таким образом, ответчики не копировали ни текстов, ни выкроек истца, но в связи с тем, что оба учебных пособия созданы на одну тему, совпадение некоторых элементов не может свидетельствовать о плагиате ответчиков.

Вышеприведенная судебная практика показывает, что в делах, связанных с защитой объектов дизайна или их элементов первый и самый важный вопрос, который предстоит проанализировать суду, а подлежит ли тот или иной объект защите. Для ответа на этот вопрос на помощь приходит сложившаяся судебная практика, описывающая признаки, которыми должен обладать тот или иной объект для получения охраны и защиты. Объект должен быть обязательно создан творческим трудом, что чаще всего подразумевает его оригинальность и новизну. Однако в соответствии с пунктом 28 ранее действующего Постановления № 5/29 признаки новизны, оригинальности и уникальности, предъявляемые к произведениям, не являются обязательными. Данный подход также был поддержан последующей судебной практикой, например, Судом по интеллектуальным правам, где он указал, что законодательством не установлены никакие специальные условия для признания того или иного объекта авторским правом и, как следствие, для предоставления ему защиты, в связи с чем действует презумпция защиты объекта авторским правом в силу только лишь факта создания такого объекта [4]. Даже если речь идет о непоименованном объекте, таковой может подлежать защите в случае, если он представляет собой неповторимое творческое произведение, которое явным образом отличается или вовсе не совпадает со всеми схожими

Также следует рассмотреть еще одно дело из практики арбитражных судов в Российской Федерации. Истец обратился в суд с иском сразу к трем ответчикам о защите прав на результат интеллектуальной деятельности и взыскании компенсации в размере 6 000 000 рублей [5]. Истец являлся автором дизайна и обладал исключительными правами на дизайны различных видов одежды, которые были отчуждены автором произведений по договору о создании произведений-объектов авторских прав и отчуждении прав. Однако затем истцом было обнаружено, что ответчик, являющийся представителем магазинов «Fix price», предлагал товары, сходными до степени смешения по дизайну с объектами истца. Суд указал, что лишь правообладатель вправе использовать результат интеллектуальной деятельности и распоряжаться им по своему усмотрению любым не противоречащим закону способом. Кроме того, именно правообладатель может разрешать или запрещать использование принадлежащего ему объекта третьим лицам. Однако отсутствие прямого запрета на его использование не презюмирует согласие правообладателя на такое использование. В данном деле ответчики использовали дизайн истца без его согласия в рамках осуществления ими коммерческой деятельности.

Одним из интересных аспектов вышеприводимого дела также является то, что суд, среди прочего, исследовал вопрос схожести дизайна по результатам визуального сравнения представленных обеими сторонами вещественных доказательств. По итогу суд пришел к выводу об очевидном сходстве обоих товаров, что подтвердило при наличии всех иных обстоятельств плагиат дизайна со стороны ответчиков. Как следствие, мы можем говорить о том, что в спорах о копировании дизайна проведение судебной экспертизы не всегда является обязательным элементом несмотря на то, что чаще всего вывод о тождественности дизайнов делается именно исходя из выводов экспертизы несмотря на их сходство при беглом осмотре [6]. Имеет значение даже детальное расположение всех элементов на предмете, их цвета, а также формы, изменение которых может придать дизайну достаточный уровень оригинальности и докажет творческий и уникальный характер создания произведения.

Придя к выводу о наличии достаточных оснований для взыскания компенсации, суд приступил к исследованию вопроса наличия вины и степени ее тяжести для определения достаточного для восстановления нарушенных прав истца размера компенсации. Суд, проанализировав все обстоятельства совершения деликта, указал на умысел ответчика, а также на то, что «исходя из принципов разумности и справедливости», размер компенсации в размере 6 000 000 рублей, первоначально заявленный истцом, должен быть снижен до 600 000 рублей. В данном случае вывод о размере компенсации был определен судом исключительно по внутреннему убеждению, но не обоснован иными аргументами, позволяющими утвердить действительные причины снижения размера компенсации. Возможно, в данном контексте следует говорить о том, что вопрос об определении размера компенсации должен быть поставлен в более жесткие рамки регулирования

и разрешаться в зависимости от фактических обстоятельств, но с конкретным обоснованием судом тех причин, по которым он посчитал разумным и справедливым установление именно такого размера компенсации. Иначе при существенном снижении компенсации создается впечатление об ущемлении прав правообладателя и его результатов интеллектуальной деятельности, раз их копирование может быть «возмещено» существенно более низкой суммой компенсации.

Следует отметить, что дискреция по снижению размера компенсации предоставлена судам лишь в случае нарушения прав на несколько объектов интеллектуальной собственности одним действием, что и было допущено в вышеописанном деле. Однако вопрос о снижении размера компенсации крайне часто вставал перед судами в спорах, когда такого права законом им предоставлено не было. Своеобразную точку в этом вопросе поставил Конституционный суд [7, 8]. У Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда возник вопрос в связи с тем, что предъявленный стороной размер компенсации был явно несоразмерен допущенным нарушениям, однако суд не мог его снизить по собственному усмотрению. Конституционный суд отметил, что в этой части непредставление судам возможности снизить размер компенсации «если она многократно превышает поддающийся исчислению реальный ущерб от нарушения» не соответствует Конституции Российской Федерации. Суд должен руководствоваться принципами равновесия интересов сторон, разумности и справедливости, вследствие чего ему необходимо предоставить большую свободу в определении размера компенсации и его снижении в случае необходимости.

В другом деле арбитражного суда города Москвы был также рассмотрен спор об использовании дизайна одежды [9]. Истец являлся обладателем исключительных авторских прав на дизайн маскировочного костюма «ОМОН» и «ОМСН» для сотрудников подразделений МВД РФ. Ответчик же, МВД РФ, разместил на сайте сети «Интернет» документацию об открытом аукционе на закупку такой формы одежды. Вместе с документацией им были размещены и фотографии изделий, визуально не отличающиеся от объектов, авторское право на которые принадлежало истцу. Доказав факт неправомерного использования формы одежды, суд продолжил исследование вопроса о взыскании компенсации в размере 5 000 000 рублей. Однако суд присудил лишь 320 000 рублей, поскольку, по его мнению, «разумной и справедливой» компенсацией является ее минимальный размер за каждое использованное произведения. В отличие от предыдущих дел, суд, помимо общего указания на разумность и справедливость, обосновал, что данный размер был присужден им исходя из того, что МВД РФ предлагало истцу рассмотреть вопрос о передаче исключительных прав, однако именно истец выразил отказ от такой передачи, хотя он должен был понимать, что дизайн будет использоваться правоохранительными органами. Таким образом, именно в результате действий истца размер возможных убытков, связанных с использованием МВД РФ исключительных прав на дизайн, увеличился. Именно из-за этого суд посчитал наиболее справедливым взыскание минимального размера компенсации.

На наш взгляд, вышеприведенное дело отлично демонстрирует пример аргументации суда в обоснование снижения размера компенсации. Суду удалось учесть как интересы истца, права которого были нарушены в результате использования его дизайна, так и интересы ответчика, который отчасти был вынужден использовать дизайн без соответствующего согласия правообладателя. Таким образом, можно сделать вывод о том, что судебная практика очевидным образом демонстрирует нам, что взыскание компенсации представляется эффективным способом защиты нарушенного права на дизайн одежды, как способ, не предполагающий наложение на правообладателя чрезмерного бремени доказывания. Тем не менее, необходимо крайне внимательно подходить к обоснованию размера компенсации, предлагаемого ко взысканию, и приводить сразу же убедительные доводы установления высокого размера компенсации для упрощения анализа всех фактических обстоятельств судами, а также их убеждения принять позицию правообладателя.

Список литературы:

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».

[2] Решение Арбитражного суда города Москвы от 05.04.2019 по делу № А40-60319/2018 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ № 314-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 4247.

[4] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 18.12.2017 № С01-394/2017 по делу № А65-12234/2016 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».

[5] Решение Арбитражного суда города Москвы от 26.02.2019 по делу № А40-183373/2018

// Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».

[6] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 03.09.2015 № 09АП-14070/2015-ГК по делу № А40-5706/2014 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».

[8] Постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».

[9] Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.10.2010 № 09АП-25012/2010 по делу № А40-131971/2009 // Документ опубликован не был. Источник – СПС «Консультант Плюс».

Spisok literatury:

[1] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 23, 2019 No. 10 «On the application of part four of the Civil Code of the Russian Federation» // The document was not published. Access source – ATP «Consultant Plus».

[2] Decision of the Moscow Arbitration Court dated 05.04.2019 in case No. A40-60319/2018 // The document was not published. Access source – ATP «Consultant Plus».

[3] The Civil Code of the Russian Federation (part four) of December 18, 2006 No. 230-FZ No. 314-FZ // SZ RF. 2006. No. 52. Art. 4247.

[4] Ruling of the Intellectual Property Court dated 18.12.2017 No. C01-394 / 2017 in case No. A65-12234/2016 // The document was not published. Access source – ATP «Consultant Plus».

[5] Decision of the Arbitration Court of the City of Moscow dated 02.26.2019 in case No. A40-183373/2018 // The document was not published. Access source – ATP «Consultant Plus».

[6] Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 03.09.2015 No. 09AP-14070/2015-ГК in case No. A40-5706/2014 // The document was not published. Access source – ATP «Consultant Plus».

[7] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.12.2016 No. 28-P «In the case of checking the constitutionality of subparagraph 1 of Article 1301, subparagraph 1 of Article 1311 and subparagraph 1 of paragraph 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the requests of the Arbitration Court of the Altai Territory» // The document was not published. Access source – ATP «Consultant Plus».

[8] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 24, 2020 No. 40-P «In the case of checking the constitutionality of subparagraph 2 of paragraph 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the request of the Fifteenth Arbitration Court of Appeal» // The document was not published. Access source – ATP «Consultant Plus».

[9] Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated October 27, 2010 No. 09AP-25012/2010 in case No. A40-131971/2009 // The document was not published. Access source – ATP «Consultant Plus».

ЮРКОМПАНИ
www.law-books.ru

Юридическое издательство «**ЮРКОМПАНИ**» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ГОНЧАРОВ Игорь Александрович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин Северо-Кавказского филиала
Российского государственного университета правосудия
(г. Краснодар),
e-mail: goncharov.1476@mail.ru

ПРАВОВОЙ СТАТУС МУНИЦИПАЛЬНОГО ИМУЩЕСТВА И ПРАВО МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация. *В демократическом социальном государстве правовой статус муниципального имущества и право муниципальной собственности регулируются гражданскими кодексами, законодательством о муниципиях, а также специальными актами, являющимися источниками административного и муниципального права. Объективная оценка содержания современного конституционного регулирования муниципальной собственности предполагает учет этого и некоторых других моментов. В статье автор исследует особенности правового статуса муниципального имущества на примере некоторых зарубежных стран и России.*

Ключевые слова: *собственность, право собственности, гражданское право, римское право, земля, государство.*

GONCHAROV Igor Alexandrovich,
Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer in the Department of State Legal Disciplines
of the North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar)

LEGAL STATUS OF MUNICIPAL PROPERTY AND THE RIGHT OF MUNICIPAL PROPERTY IN THE SOCIAL STATE

Annotation. *In a democratic social State, the legal status of municipal property and the right of municipal ownership are governed by civil codes, legislation on municipalities, and special acts that are sources of administrative and municipal law. An objective assessment of the content of modern constitutional regulation of municipal property involves taking into account this and some other points. In the article, the author explores the features of the legal status of municipal property on the example of some foreign countries and Russia.*

Key words: *property, ownership, civil law, Roman law, land, state.*

Во многих зарубежных странах муниципальная собственность, по образному выражению испанского исследователя Ф. Гарридо-Фальи, «совершила прыжок» из гражданского и административного права на конституционный уровень. Это означает, что сначала имели место разработка текущего законодательства и формирование доктрины, а уже потом отдельные аспекты регулирования муниципальной собственности обрели конституционную форму.

Содержание конституционных норм о муниципальной собственности довольно однообразно, особенно когда речь идет о регулировании муниципальной собственности в связи с регулированием статуса местных органов. Что же касается концепций муниципальной собственности, заложенных в правовое регулирование экономических отношений, то они весьма разнообразны, однако этот факт чаще всего не получает отражения на конституционном уровне [13].

За конституционными нормами о муниципальной собственности в разных зарубежных странах стоят различные муниципальные системы, распределение полномочий по уровням власти достаточно индивидуально, что неизбежно отражается и на отношениях муниципальной собственности. Специфика муниципий как института состоит в разнообразии, которое отражает их адаптированность, приспособленность именно к особым местным условиям. Усилению разнообразия (в том числе, правового статуса) способствует перенесение регулирования основ статуса муниципий на уровень субъектов федерации. Так,

например, в Аргентине вопросы статуса муниципий (муниципалитетов) изначально по Конституции регулировались провинциями [14]. Реформа Конституции, проведенная в 1994 г., усилила гарантии муниципалитетов, обязав провинции «гарантировать муниципальную автономию, устанавливая объем и содержание муниципальной компетенции по институциональным, политическим, административным, экономическим и финансовым вопросам» (ст. 173) [1]. За данными конституционными нормами стоит такое разнообразие моделей муниципальной автономии, что, по мнению некоторых аргентинских авторов, новое положение ст. 123 только усложнило ситуацию, поскольку вывести понятие автономии из имеющихся правовых моделей не представляется возможным [2, 3].

С точки зрения правового регулирования статуса муниципалитетов на уровне провинций аргентинские ученые выделяют три большие группы: квазиполная автономия, когда принцип автономии на конституционном уровне не провозглашается, не устанавливается право принимать собственный устав, но в остальном муниципалитеты обладают необходимым набором полномочий (конституции провинций Мендоса, Энтре-Риос, Тукуман, Санта-Фе, Буэнос-Айрес); ограниченная автономия, при которой в конституции включаются положения об институциональной автономии, но уставы утверждают провинции (Неукен, Чубут, Сальта); полная автономия, под которой понимается конституционно установленное признание автономии муниципалитетов во всех областях, указанных в ст. 123 Конституции Аргентины (все остальные провинции) [1]. Этот аспект также, как правило, считается уровнем текущего законодательства и не получает отражения на конституционном уровне. Нередко по конституционным нормам сложно определить, находится ли муниципальное имущество на праве собственности или речь идет об ином вещном праве (хозяйственного ведения, оперативного управления), какими правами обладает муниципия в отношении имущества, которым его наделяет государство для осуществления государственных функций, и т. д. Для того чтобы понять действительное содержание конституционных норм, необходимы постоянное обращение к текущему законодательству и его углубленный анализ, что невозможно сделать в рамках настоящей работы в отношении даже группы стран [5, 6].

Анализ конституционного регулирования муниципальной собственности в этой работе не претендует на сколько-нибудь полное раскрытие реального содержания конституционных норм. В контексте рссматриваемой темы выявление характерных особенностей конституционного регулирования муниципальной собственности в зарубежных странах даже в общем плане позволяет поставить вопрос о том, что именно законодатель в разных странах считает применительно к муниципальной собственности настолько важным, чтобы включить соответствующие положения в конституцию [23]. С доктринальной точки зрения проблемы муниципальной собственности изучаются прежде всего цивилистами и административистами, а там, где муниципальное право выделилось из последнего, то и специалистами по муниципальному праву. Доктрина муниципальной собственности носит ярко выраженный национальный характер [12]. Это связано с разнообразием муниципальных образований не только в разных странах, но нередко и внутри одного государства (особенно федеративного), особенностями их правового регулирования, объемом и характером имущества в муниципальной собственности, особенностями правового регулирования его статуса, направлением реформирования муниципального управления и отводимой муниципальной собственности роли в этих реформах и т.д. [24, 25]

Можно выделить общие концепции и теории, характерные для отдельных регионов, например трактовка муниципальной собственности как экономической основы муниципальных образований в определенной части пост-оветского пространства, патримониальная концепция в странах Латинской Америки и т.д. Но и в этом случае можно говорить только об определенной степени общности, поскольку и национальное законодательство, и практика его реализации, а соответственно, и доктрина различны [4]. Большая часть концепций относительно муниципальной собственности по понятным причинам относится к сфере муниципального и административного права, они разрабатывались соответствующими специалистами. Однако поскольку муниципальная сфера попадает в той или иной степени в конституции, она становится и объектом конституционно-правовых исследований. Существует ряд национальных концепций, объясняющих положения конституций. При этом решения органов конституционного контроля часто затрагивают такие аспекты конституционного регулирования, которые раньше «ускользали» от внимания исследователей, поскольку их практическая значимость была неочевидна. Они также стимулируют исследования в данной области, заставляя ученых больше внимания уделять интерпретации соответствующих конституционных положений, создавая целостную и увязанную во всех частях, включая муниципальную собственность, концепцию, например концепцию экономической конституции [12].

Вызовы времени в виде широкомасштабной урбанизации прямо затрагивают муниципальные образования в различных аспектах. Соответствующие конституционные положения о градостроительстве, появившиеся в конституциях, ставят вопрос о соотношении этих норм с конституционными нормами о муниципальной автономии [21, 22].

О понятии муниципальной собственности в конституциях зарубежных стран. Термин «муниципальный» используется в настоящей работе как обобщающий для местного уровня организации власти, безотносительно к конкретным формам (управлению или самоуправлению), существующим в конкретной стране. Однако в зарубежной литературе с термином «муниципальный» связывается не любое управление на местах, а определенная степень автономии от органов государства. В этом случае обособлена и собственность этих муниципальных образований, она не рассматривается как часть государственной собственности (хотя и здесь имеются исключения) [8, 20].

Если местные органы власти и управления входят в систему органов государства, то реализуются иные отношения собственности. Например, в социалистических странах система органов власти построена на основе концепции «системы советов», при которых органы власти всех уровней составляют единую иерархическую систему [10, 11].

Определенная часть объектов единой государственной собственности выделяется в оперативное управление различных органов, включая местные органы власти. Очевидно, что при таком подходе в социалистических странах вопрос о собственности на местном уровне власти не возникает. Именно поэтому там активно разрабатывалась и продолжает разрабатываться «теория оперативного управления». Если обратиться к конституциям КНР, Кубы, СРВ и КНДР, то в них при относительно подробном регулировании статуса местных органов и определении их задач в области хозяйственного строительства отсутствуют положения о какой-то их обособленной собственности, поскольку все находящееся в их распоряжении имущество является частью общенародной (государственной) собственности и исходя из этого факта круг их полномочий в отношении данного имущества вторичен.

Такой подход в социалистических странах воплощается в конституционных формулировках, отражающих роль местных органов как органов государства. В Конституции Кубы содержится гл. XII «Местные органы народной власти», охватывающая ст. 103-119. Статья 103 определяет ассамблеи народной власти, образуемые в политико-территориальных единицах, как «высшие органы государственной власти на местах», которые управляют хозяйственными организациями местного подчинения в сфере производства и услуг [7, 9]. Статья 119 Конституции СРВ гласит:

«Народные Советы являются органами государственной власти на местах, выражают волю, интересы и право народа на коллективное хозяйствование, избираются местным населением, несут ответственность перед ним и вышестоящими органами государственной власти».

Аналогичные нормы имеются в конституциях КНДР и КНР. Иначе говоря, ни о какой «муниципальной собственности» в том узком смысле слова, в котором этот термин используется в зарубежной и современной российской литературе и с которым связывается определенная степень автономии муниципальных институтов, говорить нельзя [26].

С содержательной точки зрения вещные права местных органов власти в социалистических странах весьма близки к правам собственности в постсоциалистических странах, где определенная степень автономии за местными органами признается (при сохранении высокой степени централизации). Такой пример «гибридного» регулирования дает нам, например, Конституция Казахстана, в части 1 ст. 6 которой устанавливается, что «в Республике Казахстан признаются и равным образом защищаются государственная и частная собственность». В части. 2 этой же статьи содержится следующее положение: «Субъекты и объекты собственности, объем и пределы осуществления собственниками своих прав, гарантии их защиты определяются законом». В разд. VIII «Местное государственное управление и самоуправление» Конституции Казахстана имеется положение о том, что к ведению местных исполнительных органов относится «управление муниципальной собственностью» (подп. 2 п. 2 ст. 87). Очевидно, что при таком регулировании муниципальная собственность может выступать как разновидность либо государственной, либо частной собственности [15, 16]. Часть 1 ст. 191 Гражданского кодекса Казахстана 1994 г. конкретизирует эти конституционные положения. Частная собственность выступает как собственность граждан и негосударственных юридических лиц и их объединений. Государственная собственность выступает в виде республиканской и коммунальной собственности (ч. 2 ст. 192). В ч. 3 ст. 192 урегулированы вопросы коммунальной собственности. Коммунальная собственность состоит из местной казны и имущества, закрепленного за коммунальными юридическими лицами в соответствии с законодательными актами. Средства местного

бюджета и иное коммунальное имущество, не закрепленное за государственными юридическими лицами, составляют местную казну [26].

Таким образом, коммунальная собственность рассматривается как разновидность государственной собственности. Это в цеом соответствует той своеобразной модели организации местной власти, которая заложена в Конституции Казахстана: во-первых, местные представительные органы, формируемые населением, считаются органами местного государственного управления наряду с местными органами исполнительной власти; во-вторых, местные представительные органы организационно не связаны с местными органами исполнительной власти; в-третьих, и те, и другие в организационно-правовом отношении не связаны с местным самоуправлением, которое может осуществляться как непосредственно, так и через другие органы местного самоуправления [27, 28].

Что касается давно сложившихся систем с относительно значительной степенью автономии местного уровня власти, как, например, в США, Канаде, Западной Европе или в Латинской Америке, то относительно конституционного понятия муниципальной собственности можно отметить следующее [13, 14]. Во всех странах в той или иной степени разработано понятие муниципальной собственности, но раскрывается оно по-разному (и с помощью разных терминов) в зависимости от того, как ее статус урегулирован в законодательстве, каков состав и статус муниципальных имуществ и других объектов муниципальной собственности. Соответственно, это отражается и наконституционном регулировании. Например, в Испании и испаноязычных странах Латинской Америки сложилось понятие, которое широко используется для характеристики хозяйственного комплекса муниципальных органов, - «муниципальное достояние» («patrimonio municipal»).

В середине XX в. упоминания о собственности местного самоуправления появляются в конституциях стран, освободившихся от колониальной зависимости, в связи со становлением или реформами местного самоуправления [17]. В социалистических странах, как известно, местного самоуправления в западном понимании не существовало. Вся система социалистического государства была построена на принципе создания единой системы государственных органов, в том числе и на местах, в которой нижестоящие органы действовали под руководством вышестоящих и были им подотчетны. В конституциях социалистических стран имелись специальные главы, посвященные регулированию статуса местных органов государственной власти и местных органов государственного управления. Эти органы, как уже указывалось, наделялись определенной частью единой государственной социалистической собственности для оперативного управления [18].

Список литературы:

[1] Аргентинская Республика: конституционный строй, права человека, выборы. Пер. с исп. – Санкт-Петербург, 2017. - С. 15.

[2] Гоц Е.В., Лазарева И.Л., Матвеева М.А., Моргунова Г.А., Попов К.И., Расулов А.В., Филиппова М.Ю., Химич Т.М., Эфиндиев Т.С. Правоведение. Учебник для студентов транспортных вузов. - Москва, 2013.

[3] Жарова А.К. Информационные конфликты. Правовые аспекты / Условия реализации прав граждан и организаций на основе информационных технологий. Сборник. Институт государства и права РАН. – М., 2010. С. 143-158.

[4] Жарова А.К. Информация. Правовые проблемы обращения информации. - Москва, 2006.

[5] Жарова А.К. Международные правовые концепции борьбы с распространением вредной информации // Бизнес-информатика. 2010. № 4 (14). С. 46-53.

[6] Жарова А.К. Место сетевого информационного сообщества в системе правового регулирования // Репутациология. 2009. № 3 (4). С. 29-46.

[7] Жарова А.К. О конфликте интересов субъектов в информационных отношениях // Государство и право. 2011. № 4. С. 42-49.

[8] Жарова А.К. О необходимости правовой классификации операторов сети Интернет // Бизнес-информатика. 2011. № 3 (17). С. 60-65.

[9] Жарова А.К. О подходе к классификации информационно-технологических услуг // Государство и право. 2014. № 3. С. 32-38.

[10] Жарова А.К. О правовом регулировании технологического обеспечения информационного взаимодействия субъектов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 3. С. 186-199.

[11] Жарова А.К. О соотношении персональных данных с IP-адресом. Российский и зарубежный опыт // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2016. № 1 (19). С. 61-67.

[12] Жарова А.К. Особенности осуществления розничной купли-продажи по сети Интернет // Государство и право. 2012. № 8. С. 109-113.

[13] Жарова А.К. Особенности процесса правовой идентификации человека в Интернете // Информационное право. 2016. № 3. С. 30-35.

[14] Жарова А.К. Правовая классификация лицензий на программное обеспечение // Информационные ресурсы России. 2010. № 2 (114). С. 38-41.

[15] Жарова А.К. Правовая классификация угроз и рисков в информационной сфере // Вопросы оборонной техники. Серия 16: Технические средства противодействия терроризму. 2016. № 7-8 (97-98). С. 130-138.

[16] Жарова А.К. Правовое регулирование обращения информации в Интернет. - Москва, 2006.

[17] Жарова А.К. Риски информационной безопасности и возможности правового регулирования криптовалюты в России // Информационное право. 2018. № 4. С. 11-16.

[18] Мальцева С.В., Абашкин В.Л., Артемов С.В., Великанова Н.П., Голанд М.Ю., Дискин И.Е., Жарова А.К., Карасев О.И., Комаров М.М., Кузнецова И.А., Куценко Е.С., Ляпина С.Ю., Медовников Д.С., Наумов С.А., Оганесян Т.К., Рудник П.Б., Савеленок Е.А., Соколов А.В., Федин П.С., Шаламков С.А. и др. Инновационный менеджмент. Учебник / Москва, 2016.

[19] Матвеева М.А. Внесение поправок в Конституцию Российской Федерации: общетеоретические проблемы многообразия конституционно-законотворческих производств // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 4 (31). С. 79-81.

[20] Матвеева М.А. Мониторинг правотворчества: проблема теоретического обоснования // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 2 (33). С. 44-47.

[21] Матвеева М.А. Нормотворчество и правотворчество: теоретические проблемы соотношения понятий // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 3 (34). С. 42-47.

[22] Матвеева М.А. Правотворчество как юридическая деятельность // Новый юридический журнал. 2014. № 3. С. 160-164.

[23] Матвеева М.А. Теоретические и методологические проблемы юридической процессуальной формы правотворчества // Право и государство: теория и практика. 2015. № 3 (123). С. 30-34.

[24] Матвеева М.А. Теоретические основы соотношения нормотворчества и правотворчества // Образование и право. 2014. № 11-12 (63-64). С. 32-40.

[25] Матвеева М.А. Теория правотворчества в отечественной юриспруденции // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2014. № 1 (32). С. 37-41.

[26] Новые конституции стран Восточной Европы и Азии (1989-1992): Сб. конституций. – М., 2009. С. 321.

[27] Полякова Т.А., Жарова А.К. Научный семинар «Проблемы информационного права и информационной безопасности» // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2017. Т. 12. № 1. С. 172-188.

[28] Сапаргалиев Г. Конституционное право Республики Казахстан. Алматы, 1998. С. 315-334.

Spisok literatury:

[1] Argentinskaya Respublika: konstitucionnyj stroj, prava cheloveka, vybory. Per. s isp. – Sankt-Peterburg, 2017. - S. 15.

[2] Goc E.V., Lazareva I.L., Matveeva M.A., Morgunova G.A., Popov K.I., Rasulov A.V., Filippova M.YU., Himich T.M., Efindiev T.S. Pravovedenie. Uchebnik dlya studentov transportnyh vuzov. - Moskva, 2013.

[3] Zharova A.K. Informacionnye konflikty. Pravovye aspekty / Usloviya realizacii prav grazhdan i organizacij na osnove informacionnyh tekhnologij. Sbornik. Institut gosudarstva i prava RAN. – M., 2010. S. 143-158.

[4] Zharova A.K. Informaciya. Pravovye problemy obrashcheniya informacii. - Moskva, 2006.

[5] Zharova A.K. Mezhdunarodnye pravovye koncepcii bor'by s rasprostraneniem vrednoj informacii // Biznes-informatika. 2010. № 4 (14). S. 46-53.

[6] Zharova A.K. Mesto setevogo informacionnogo soobshchestva v sisteme pravovogo regulirovaniya // Reputaciologiya. 2009. № 3 (4). S. 29-46.

[7] Zharova A.K. O konflikte interesov sub»ektov v informacionnyh otnosheniyah // Gosudarstvo i pravo. 2011. № 4. S. 42-49.

[8] Zharova A.K. O neobhodimosti pravovoj klassifikacii operatorov seti Internet // Biznes-informatika. 2011. № 3 (17). S. 60-65.

[9] Zharova A.K. O podhode k klassifikacii informacionno-tekhnologicheskih uslug // Gosudarstvo i pravo. 2014. № 3. S. 32-38.

[10] Zharova A.K. O pravovom regulirovanii tekhnologicheskogo obespecheniya informacionnogo vzaimodejstviya sub»ektov // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2012. № 3. S. 186-199.

[11] Zharova A.K. O sootnoshenii personal'nyh dannyh s IP-adresom. Rossijskij i zarubezhnyj opyt // Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informacionnoj sfere. 2016. № 1 (19). S. 61-67.

[12] Zharova A.K. Osobennosti osushchestvleniya roznichnoj kupli-prodazhi po seti Internet // Gosudarstvo i pravo. 2012. № 8. S. 109-113.

[13] Zharova A.K. Osobennosti processa pravovoj identifikacii cheloveka v Internete // Informacionnoe pravo. 2016. № 3. S. 30-35.

[14] Zharova A.K. Pravovaya klassifikaciya licenzij na programmnoe obespechenie // Informacionnye resursy Rossii. 2010. № 2 (114). S. 38-41.

[15] Zharova A.K. Pravovaya klassifikaciya ugroz i riskov v informacionnoj sfere // Voprosy obo-

ronnoj tekhniki. Seriya 16: Tekhnicheskie sredstva protivodejstviya terrorizmu. 2016. № 7-8 (97-98). S. 130-138.

[16] Zharova A.K. Pravovoe regulirovanie obrashcheniya informacii v Internet. - Moskva, 2006.

[17] Zharova A.K. Riski informacionnoj bezopasnosti i vozmozhnosti pravovogo regulirovaniya kriptovalyuty v Rossii // Informacionnoe pravo. 2018. № 4. S. 11-16.

[18] Mal'ceva S.V., Abashkin V.L., Artemov S.V., Velikanova N.P., Goland M.Yu., Diskin I.E., Zharova A.K., Karasev O.I., Komarov M.M., Kuznecova I.A., Kucenko E.S., Lyapina S.Yu., Medovnikov D.S., Naumov S.A., Oganesyan T.K., Rudnik P.B., Savelenok E.A., Sokolov A.V., Fedin P.S., SHalamkov S.A. i dr. Innovacionnyj menedzhment. Uchebnik / Moskva, 2016.

[19] Matveeva M.A. Vnesenie popravok v Konstituciyu Rossijskoj Federacii: obshcheteoreticheskie problemy mnogoobraziya konstitucionno-zakonotvorcheskih proizvodstv // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2013. № 4 (31). S. 79-81.

[20] Matveeva M.A. Monitoring pravotvorchestva: problema teoreticheskogo obosnovaniya // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 2 (33). S. 44-47.

[21] Matveeva M.A. Normotvorchestvo i pravotvorchestvo: teoreticheskie problemy sootnosheniya ponyatij // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 3 (34). S. 42-47.

[22] Matveeva M.A. Pravotvorchestvo kak yuridicheskaya deyatel'nost' // Novyj yuridicheskij zhurnal. 2014. № 3. S. 160-164.

[23] Matveeva M.A. Teoreticheskie i metodologicheskie problemy yuridicheskoj processual'noj formy pravotvorchestva // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2015. № 3 (123). S. 30-34.

[24] Matveeva M.A. Teoreticheskie osnovy sootnosheniya normotvorchestva i pravotvorchestva // Obrazovanie i pravo. 2014. № 11-12 (63-64). S. 32-40.

[25] Matveeva M.A. Teoriya pravotvorchestva v otechestvennoj yurisprudencii // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. 2014. № 1 (32). S. 37-41.

[26] Novye konstitucii stran Vostochnoj Evropy i Azii (1989-1992): Sb. konstitucij. – M., 2009. S. 321.

[27] Polyakova T.A., Zharova A.K. Nauchnyj seminar «Problemy informacionnogo prava i informacionnoj bezopasnosti» // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2017. T. 12. № 1. S. 172-188.

[28] Sapargaliev G. Konstitucionnoe pravo Respubliki Kazahstan. Almaty, 1998. S. 315-334.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ПРАВО И ЭКОНОМИКА

УДК 342.9
ББК 67.401

СИНЕЛЬНИКОВА Наталья Александровна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного
и муниципального права Саратовской
государственной юридической академии
e-mail: n_sinelnikova@list.ru

СООТНОШЕНИЕ НАЛОГОВОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НАЛОГАХ И СБОРАХ

Аннотация. *В статье проводится анализ ответственности за правонарушения в области налогов и сборов. Автором рассмотрены понятия административной и налоговой ответственности, проводится сравнение налоговой и административной ответственности за нарушения законодательства о налогах и сборах. Описываются подходы ученых и исследователей к соотношению видов налоговой и административной ответственности. Автором сделан вывод о самостоятельной природе института налоговой ответственности.*

Ключевые слова: *налоги, налоговое правонарушение, налоговая ответственность, административная ответственность.*

SINELNIKOVA Natalia Alexandrovna,
PhD in Law, associate Professor of the
Department of Administrative and Municipal Law
of the Saratov State Law Academy

THE RATIO OF TAX AND ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR VIOLATION OF LEGISLATION ON TAXES AND FEES

Annotation. *The article analyzes the responsibility for violations in the field of taxes and fees. The author considers the concepts of administrative and tax liability, compares tax and administrative liability for violations of legislation on taxes and fees. Approaches of scientists and researchers to the correlation of types of tax and administrative responsibility are described. The author makes a conclusion about the independent nature of the Institute of tax responsibility.*

Key words: *taxes, tax offense, tax liability, administrative liability.*

В соответствии с действующим законодательством каждый дееспособный гражданин России в течение всей своей сознательной жизни регулярно выплачивает налог в пользу государства.

Своевременная уплата налогов является обязательной. Однако на практике юридические и физические лица допускают несвоевременную уплату налогов и других обязательных платежей в связи с рядом объективных и субъективных причин [1, с. 132].

Попытка уклониться от уплаты налогов может служить основанием для привлечения юридических и физических лиц к различным видам ответственности, как налоговой, так и административной.

По мнению многих отечественных ученых, поиск отличительных черт административной и налоговой ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах представляет собой важную теоретическую проблему.

А.В. Демин выделил три различных подхода к решению данного вопроса: 1. Существует административная ответственность за налоговые правонарушения; какие-либо основания для выделения в отдельный вид налоговой ответственности (включая употребление самого термина «налоговая ответственность») отсутствуют. 2. Налоговая ответственность представляет собой новый, самостоятельный вид юридической ответственности, обладающий значительной отраслевой спецификой. 3. Налоговая ответственность является особой разновидностью административной ответственности [2].

А.В. Демин рассматривает налоговую ответственность как разновидность административной ответственности, имеющей специфические особенности в сфере производства по делам о нало-

говых правонарушениях. Выделяя в институте налоговой ответственности общую, особенную и процессуальную часть, он указывает, что первые две по своей природе тождественны административной ответственности, и лишь процессуальная часть обладает известной спецификой. Анализ общих положений налоговой ответственности показывает: какие-либо принципиальные отличия ее правовых основ от административной ответственности отсутствуют. Это касается принципов, деликтоспособности субъектов, формы вины, индивидуализации наказания, системы взысканий и других аспектов. А.В. Демин предлагал консолидировать составы налоговых правонарушений, предусмотренных Налоговым кодексом РФ, и составы административных в Кодексе РФ об административных правонарушениях [2].

С.Я. Боженок признает некоторые специфические черты налоговой ответственности, но полагает при этом, что она не является самостоятельным видом юридической ответственности, а по предмету и методу правового регулирования обладает той же правовой природой, что и административная, и является ее разновидностью [3, с. 2 – 4].

Налоговую ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности понимает, например, А.А. Гогин: «Налоговая ответственность является самостоятельным видом юридической ответственности, содержащим в себе позитивную и негативную формы реализации, которые, в свою очередь, имеют различные категории проявления и определенные границы. Налоговая ответственность имеет три основания: нормативное, фактическое и процессуальное, применяемые в строго изложенной последовательности. Отсутствие хотя бы одного из них делает применение мер ответственности нереальным. Налоговая ответственность выполняет не только превентивную и карательную функции, но и восстановительную» [4, с. 6].

Существуют и другие точки зрения, согласно которым налоговую ответственность рассматривают в качестве разновидности финансово-правовой ответственности [5. с. 534].

Для решения вопроса относительно самостоятельности налоговой ответственности необходимо определить достаточно ли отличительных черт у данного вида ответственности для выделения ее в отдельный вид.

Термин «налоговая ответственность» активно употребляется в науке налогового права, хотя в Налоговом кодексе РФ отсутствует его легальное определение.

Более того, термин «налоговая ответственность» упоминается в Налоговом кодексе РФ лишь единожды - в п. 8 ст. 101, который устанавливает требования к содержанию решения о привлечении к ответственности за совершение налогового правонарушения. Названный правоприменительный акт должен содержать собственно решение о привлечении налогоплательщика к налоговой ответственности за конкретные налоговые правонарушения с указанием статей Налогового кодекса РФ, предусматривающих данные правонарушения, и применяемые меры ответственности [6].

Обратим внимание на ст. 106 НК РФ, в которой дана достаточно строгая дефиниция налогового правонарушения. В соответствии с данной статьей налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, плательщика страховых взносов, налогового агента и иных лиц, за которое НК РФ установлена ответственность [6]. Отсюда следует, что ответственность за правонарушения устанавливается только Налоговым кодексом РФ. Таким образом, ответственность, установленная КоАП РФ, не является налоговой ответственностью и относится к ответственности за нарушение законодательства о налогах и сборах.

В соответствии со ст. 10 НК РФ порядок привлечения к ответственности и производство по делам о налоговых правонарушениях осуществляются в порядке, установленном гл. 14, 15 НК РФ, а производство по делам о нарушениях законодательства о налогах и сборах, содержащих признаки административного правонарушения или преступления, ведется в порядке, установленном соответственно законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях и уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Следовательно, можно увидеть, что законодатель разграничивает понятия налоговое правонарушение и нарушение законодательства о налогах и сборах.

Так же отметим, что в ст. 108 НК РФ закреплено положение, согласно которому назначенный организации налоговый штраф не снимает с ее должностных лиц иной ответственности, установленной законом, в т.ч. КоАП РФ. Это значит, что за одно и то же нарушение из числа перечисленных в НК РФ штраф может следовать одновременно для организации — по соответствующей статье НК РФ и лично для кого-то из должностных лиц (директора, главбуха и др.) — уже по статье КоАП РФ. Все это может свидетельствовать о самостоятельном характере налоговой ответственности.

Вопросы административной ответственности подробно изучались в трудах проф. Н.М.

Конина. Так, под данным видом юридической ответственности им понимается предусмотренная законодательством правовая ответственность за совершенное административное правонарушение, связанная с применением административных наказаний (санкций) [7, с. 150].

Административная ответственность в области налогов и сборов и налоговая ответственность помимо различий в законодательном регулировании имеют и различную правовую природу. Так, КоАП РФ предусмотрен целый спектр административных наказаний, начиная с предупреждения и заканчивая обязательными работами и административным арестом [8]. Но за нарушения в сфере налогообложения налагается штраф, т.е. к налоговому правонарушению не применимы иные виды административного взыскания.

Отметим, что при привлечении к административной ответственности необходимо, чтобы налоговая инспекция составила протокол; затем суд выносит решение на основании составленного протокола. Причем для привлечения к административной ответственности установлен сокращенный срок исковой давности - один год. То есть вполне может оказаться, что привлечь к налоговой ответственности организацию возможно по причине того, что трехлетний срок привлечения к ответственности еще не истек, а вот привлечь должностное лицо к административной ответственности уже не получится.

Таким образом, проанализировав действующее законодательство, можно сделать вывод, что налоговая ответственность обладает специфическими признаками и ее нельзя отождествлять с административной ответственностью в сфере правонарушений законодательства о налогах и сборах.

Список литературы:

[1] Токова Л.Д., Кириленко К.В. Роль налогового контроля в обеспечении налоговой безопасности государства [Электронный ресурс] // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2014. - № 3. - С. 132. Режим доступа: http://kaspy.asu.edu.ru/?articleId=745 (дата обращения: 20.07.2020).

[2] Демин А.В. Налоговая ответственность: проблема отраслевой идентификации [Электронный ресурс] // Сайт «Сейцас.ру» - Режим доступа: https://www.lawmix.ru/comm/7078?page=2 (дата обращения: 20.07.2020).

[3] Боженок С.Я. Штрафы и пени, установленные налоговым законодательством, как разновидность неналоговых доходов // Налоги. - 2009. - № 4. - С. 2–4.

[4] Гогин А.А. Теоретико-правовые вопросы налоговой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2002. [Электронный ресурс] // Сайт «disserCat — электронная библиотека диссертаций» – Режим доступа: https://www.dissercat.com/content/teoretiko-pravovye-voprosy-nalogovoi-otvetstvennosti (дата обращения: 20.07.2020).

[5] Крохина Ю.А. Финансовое право России: учеб. / Ю.А. Крохина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М., 2011. – 720 с.

[6] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 20 июля 2020 г.) // СЗ РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3824; 2020. - № 30. – Ст. 4745.

[7] Конин Н.М. Административное право России: учеб. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 448 с.

[8] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 20 июля 2020 г.) // СЗ РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1; 2020. - № 30. – Ст. 4744.

Spisok literatury:

[1] Tokova L.D., Kirilenko K.V. Rol' nalogovogo kontrolja v obespechenii nalogovoj bezopasnosti gosudarstva [Jelektronnyj resurs] // Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura. № 3. 2014. S. 132 – Rezhim dostupa: http://kaspy.asu.edu.ru/?articleId=745 (data obrashhenija: 20.07.2020)

[2] Demin A.V. Nalogovaja otvetstvennost': problema otraslevoj identifikacii [Jelektronnyj resurs] // Sajt «Sejcas.ru» - Rezhim dostupa: https://www.lawmix.ru/comm/7078?page=2 (data obrashhenija: 20.07.2020)

[3] Bozhenok S.Ja. Shtrafy i peni, ustanovlennye nalogovym zakonodatel'stvom, kak raznovidnost' nenalogovyh dohodov // Nalogi. 2009. - № 4. - S. 2 - 4.

[4] Gogin A.A. Teoretiko-pravovye voprosy nalogovoj otvetstvennosti: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2002. [Jelektronnyj resurs] // Sajt «disserCat — jelektronnaja biblioteka dissertacij» – Rezhim dostupa: https://www.dissercat.com/content/teoretiko-pravovye-voprosy-nalogovoi-otvetstvennosti (data obrashhenija: 20.07.2020)

[5] Krohina Ju.A. Finansovoe pravo Rossii: uchebnik / Ju.A. Krohina. – 4-e izd., pererab. I dop. – M.: Norma: INFRA-M, 2011. – 720 s.

[6] Nalogovyj kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 31.07.1998 № 146-FZ (red. ot 20 ijulja 2020 g.) // SZ RF. - 1998. - № 31. - St. 3824; 2020 - №30. – St. 4745.

[7] Konin N.M. Administrativnoe pravo Rossii: ucheb.- M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2006. – 448 s.

[8] Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarushenijah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 20 ijulja 2020 g.) // SZ RF. - 2002. - № 1 (ch. 1). - St. 1; 2020. - № 30. – St. 4744.

ГОРБУНОВА Олеся Сергеевна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: os-bakunova@mail.ru

ПИЛЬНИКОВА Ирина Федоровна,
старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного аграрного университета,
г. Екатеринбург, e-mail: pilnikovai@mail.ru

ПИЛЬНИКОВ Леонид Николаевич,
старший преподаватель кафедры
сервиса транспортных и технологических машин и оборудования АПК
Уральского государственного аграрного университета,
e-mail: pilnikov960@mail.ru

МАЛЬКОВА Юлия Вадимовна,
старший преподаватель кафедры бухгалтерского учета и аудита
Уральского государственного аграрного университета, г. Екатеринбург,
e-mail: malkova0404@mail.ru

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОРГАНИЗАЦИИ АГРАРНОЙ СФЕРЫ

Аннотация. *Сельское хозяйство играет огромную роль в продовольственной безопасности страны, в обеспечении рабочих мест на селе, обеспечении промышленности сырьем, но в силу природно-климатических, экологических, биологических и иных факторов стало непривлекательным для инвесторов. Тем не менее роль сельского хозяйства растет в современных условиях, что заставляет инвесторов присмотреться к данной отрасли. Получение отдачи от отрасли возможно, хоть и не очень быстро. Предприятия аграрной сферы должны создать такие условия труда работникам, которые позволят эффективно и устойчиво развивать производство организаций, обеспечивающих продовольственную безопасность региона и страны в целом, а возможно это путем инвестиций в сельское хозяйство.*

Ключевые слова: *сельское хозяйство, инвестиции, инвестиции в основной капитал сельского хозяйства, аграрная сфера, предприятия аграрной сферы, капитальные вложения, финансовые вложения, производительность труда, земельные угодия.*

GORBUNOVA Olesya Sergeevna,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of Accounting Training and Audit,
Ural State Agrarian University

PILNIKOVA Irina Fedorovna,
Art. Department of Accounting and Audit Precedents,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

PILNIKOV Leonid Nikolaevich,
associate professor of the Department of Service Transport and Technology Machine
and Defense of the Agro-Industrial Complex of the Ural State Agrarian University

MALKOVA Julia Vadimovna,
Art. Department of Accounting and Audit Precedents,
Ural State Agrarian University, Yekaterinburg

INVESTMENT ACTIVITIES AND AGRARIAN ORGANIZATIONS

Annotation. *Agriculture plays a huge role in the country's food security, in providing jobs in rural areas, and in providing industry with raw materials, but due to climatic, environmental, biological, and other factors, it has become unattractive for investors. Nevertheless, the role of agriculture is growing in modern conditions, which makes investors look at this industry. Getting a return on the industry is possible, though not very fast. Agricultural enterprises should create such working conditions for employees that will allow them to effectively and sustainably develop the production of organizations that ensure the food security of the region and the country as a whole, and this is possible through investment in agriculture.*

Key words: *agriculture, investments, investments in fixed capital of agriculture, agricultural sector, agricultural enterprises, capital investments, financial investments, labor productivity, land.*

Целью исследования является рассмотрение перспектив инвестиционной деятельности в аграрной сфере. Задачи исследования: изучить особенности, преимущества и недостатки инвестиций в АПК; проанализировать финансовые вложения организаций Свердловской области по видам экономической деятельности; проанализировать инвестиции в нефинансовые активы и основной капитал; сделать выводы. Методология: основой эмпирического исследования является статистический метод анализа демографических показателей сельскохозяйственных организаций, показателей капитала и финансовых вложений, а также анализ показателей сайта Управления федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области.

Основная часть: инвестиции в сельское хозяйство, в силу особенностей сельскохозяйственного производства, не могут дать быструю отдачу от вложений, так как сам процесс получения продукции связан с живыми организмами, а именно с физиологией растений и животных. Поэтому аграрная сфера зачастую не вызывает доверия и не привлекает инвесторов.[6]

Однако в современных условиях инвесторам стоит присмотреться к отраслям сельского хозяйства. Антироссийские санкции заставили предприятия отрасли работать на внутренний рынок, заменять импортную продукцию отечественной.

Таблица 1 - Преимущества и недостатки инвестиций в АПК

Преимущества инвестиций	Недостатки инвестиций
Льготное налогообложение и частичная компенсация расходов на материалы, субсидии	Длительный срок окупаемости вложений
Выгодные условия по кредитам	Неэффективные страховые механизмы
Цены на сельхозпродукцию постоянно растут	Низкий рост производительности труда
Стоимость земельных угодий постоянно растёт	Финансовый результат зависит от природно-климатических и сезонных факторов, а также от биологических факторов [7]

Согласно данным Управления федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области в 2019 г. общий объем финансовых вложений в организации сельского хозяйства, составил 4795,7 млн. рублей (0,2% от общего объема финансовых вложений организаций области), организаций по производству пищевых продуктов - 27137,3 млн. рублей (0,9%) [5].

Накопленный объем финансовых вложений организаций сельского хозяйства на конец 2019 г. составил 3690,7 млн. рублей (0,3% от общего объема финансовых вложений, накопленных организациями области), организаций по производству пищевых продуктов - 11903,2 млн. рублей (1,1%).

Таблица 1 - Финансовые вложения организаций Свердловской области по видам экономической деятельности, млн руб.[8]

Показатели	2019 г.			Накоплено на конец 2019 г.		
	всего	в том числе		всего	в том числе	
		долго-срочные	кратко-срочные		долго-срочные	кратко-срочные
Всего	3145954,9	233643,8	2912311,1	1133062,6	858904,5	274158,1
из них организации с основным видом деятельности: сельское хозяйство	4795,7	540,9	4254,9	3690,7	1334,5	2356,2
производство пищевых продуктов	27137,3	6970,7	20166,6	11903,2	10279,6	1623,6

В 2019 г. инвестиции в нефинансовые активы организаций сельского хозяйства, составили 6,7 млрд. рублей (96,9% приходилось на инвестиции в основной капитал); организаций по производству пищевых продуктов – 2,4 млрд. рублей (88,3%).

Таблица 2 - Инвестиции в нефинансовые активы в 2019 г., млн. рублей

Показатели	Всего	из них по организациям с основным видом деятельности:	
		сельское хозяйство	производство пищевых продуктов
Инвестиции в нефинансовые активы	241885,5	6651,2	2374,5
в том числе: инвестиции в основной капитал	239104,1	6447,2	2096,3
инвестиции в непроизведенные нефинансовые активы	2781,4	204,0	278,2

По структуре инвестиции в основной капитал распределились следующим образом.

Таблица 3 - Видовая структура инвестиций в основной капитал в 2019 г., млн. рублей [8]

Показатели	Всего	из них по организациям с основным видом деятельности:	
		сельское хозяйство	производство пищевых продуктов
Инвестиции в основной капитал	239104,1	6447,2	2096,3
в том числе: жилые здания и помещения	25441,9	-	-
здания (кроме жилых) и сооружения, расходы на улучшение земель	78084,0	1496,2	387,9

машины, оборудование, включая хозяйственный инвентарь и другие объекты	126284,9	2451,3	1672,4
объекты интеллектуальной собственности	6063,6	-	36,0
прочие инвестиции	3229,7	2497,2	-
из них: затраты на формирование рабочего, продуктивного и племенного стада	2440,6	2440,2	-

Основным источником инвестиций организаций сельского хозяйства и по производству пищевых продуктов являлись собственные средства. На их долю (по соответствующим организациям) приходилось от общего объема инвестиций в основной капитал 73,2% и 65,9%.[1] Доля бюджетных средств организаций сельского хозяйства составила 7,0%; организациями по производству пищевых продуктов бюджетные средства не использовались.

В 2019 г. объем инвестиций в основной капитал на развитие сельского хозяйства составил 2,6% в общем объеме инвестиций области, на производство пищевых продуктов – 0,8%.

Таблица 4 - Инвестиции в основной капитал по видам экономической деятельности, млн. рублей[8]

Показатели	2019 г.	В процентах к итогу
Инвестиции в основной капитал	239104,1	100
из них по видам экономической деятельности: сельское хозяйство	6226,6	2,6
из него: растениеводство	1336,9	0,6
животноводство	4797,0	2,0
производство пищевых продуктов	2020,4	0,8
Исходя из назначения основных средств, т.е. той сферы деятельности, в которой они будут функционировать.		

В сельской местности в 2019 г. введены жилые дома общей площадью жилых помещений 454,9 тыс. кв. метров, из них 414,5 тыс. кв. метров построено индивидуальными застройщиками[2].

За счет нового строительства и реконструкции введены следующие производственные мощности и объекты коммунального хозяйства.

Таблица 5 – Ввод сельскохозяйственных объектов за счет инвестиций

Показатели	2019 г.
Помещения для крупного рогатого скота, тыс. мест	2,1
Птицефабрики яичного направления, тыс. кур-несушек	71,3
Теплицы под стеклом, тыс. кв. м	0,1
Зерносеменохранилища, тыс. тонн единовременного хранения	4,5

Хранилища для картофеля, овощей и фруктов для организаций сельского хозяйства, тыс. тонн единовременного хранения	
Цехи комбикормовые, тонн в сутки	80,0
Кормоцехи для животноводства, тонн в сутки	71,0
Газовые сети к производственным объектам сельскохозяйственного назначения, км	1,0
Газовые сети, построенные в сельской местности, км	134,2

Проведенный анализ показывает несомненное положительное влияние инвестиций на аграрную сферу. Растет объем производства, улучшается качество и экологичность продукции, создаются социальные условия для жизни селян.

Список литературы:

[1] Горбунова О.С., Петрякова С.В., Радионова С.В., Пильников Л.Н. Роботизация тепличных комплексов в сфере цифровизации экономики сельского хозяйства // Образование и право. - 2019. - № 4. - С. 123-130.

[2] Зарубина Е.В. Управление персоналом и управление человеческими ресурсами в современных российских организациях // Аграрное образование и наука. 2016. № 4. С. 29.

[3] Лялина Т.М., Набоков В.И., Горбунова О.С. Инновационная деятельность организаций животноводства региона и человеческий капитал //Аграрный вестник Урала. 2015. № 2 (132). С. 91-93.

[4] Набоков В.И., Некрасов К.В., Скворцов Е.А. Целесообразность использования робототехники в сельском хозяйстве // Московский экономический журнал. - 2018. - № 4. - С. 30.

[5] Огородников П.И., Коваленко Г.Л., Спешилова И.В. Внедрение современного техсервиса оборудования ферм молочного скотоводства как фактор динамического развития производства молока / // Вестник АПК Верхневолжья. – 2018. – № 2(42). – С. 70–72.

[6] Спешилова, И.В. Инновационная модель развития технического сервиса и ремонта оборудования в молочном скотоводстве / И.В. Спешилова // Сборник статей Международной научно–практической конференции «Институциональные и инфраструктурные аспекты развития различных экономических систем». – Уфа: АЭТЕРНА. – 2016. – С. 180–183.

[7] Инвестиции в сельское хозяйство https://hiterbober.ru/investment-tools/kak-investirovat-v-selskoe-hozyajstvo.html

[8] Официальный сайт Управления федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области (http://http://sverdl.gks.ru)

[9] Министерство сельского хозяйства Российской Федерации [электронный ресурс] / Режим доступа – http://www.mcx.ru/

Spisok literatury:

[1] Gorbunova O.S., Petryakova S.V., Radionova S.V., Pil'nikov L.N. Robotizaciya teplichnyh kompleksov v sfere cifrovizacii ekonomiki sel'skogo hozyajstva // Obrazovanie i pravo. - 2019. - № 4. - S. 123-130.

[2] Zarubina E.V. Upravlenie personalom i upravlenie chelovecheskimi resursami v sovremennyh rossijskih organizaciyah // Agrarnoe obrazovanie i nauka. 2016. № 4. S. 29.

[3] Lyalina T.M., Nabokov V.I., Gorbunova O.S. Innovacionnaya deyatel'nost' organizacij zhivotnovodstva regiona i chelovecheskij kapital //Agrarnyj vestnik Urala. 2015. № 2 (132). S. 91-93.

[4] Nabokov V.I., Nekrasov K.V., Skvorcov E.A. Celesoobraznost' ispol'zovaniya robototekhniki v sel'skom hozyajstve // Moskovskij ekonomicheskij zhurnal. - 2018. - № 4. - S. 30.

[5] Ogorodnikov P.I., Kovalenko G.L., Speshilova I.V. Vnedrenie sovremennogo tekhservisa oborudovaniya ferm molochnogo skotovodstva kak faktor dinamicheskogo razvitiya proizvodstva moloka / // Vestnik APK Verhnevolzh'ya. – 2018. – № 2(42). – S. 70–72.

[6] Speshilova, I.V. Innovacionnaya model' razvitiya tekhnicheskogo servisa i remonta oborudovaniya v molochnom skotovodstve / I.V. Speshilova // Sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno–prakticheskoj konferencii «Institucional'nye i infrastrukturnye aspekty razvitiya razlichnyh ekonomicheskih sistem». – Ufa: AETERNA. – 2016. – S. 180–183.

[7] Investicii v sel'skoe hozyajstvo https://hiterbober.ru/investment-tools/kak-investirovat-v-selskoe-hozyajstvo.html

[8] Oficial'nyj sajt Upravleniya federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Sverdlovskoj oblasti i Kurganskoj oblasti (http://http://sverdl.gks.ru)

[9] Ministerstvo sel'skogo hozyajstva Rossijskoj Federacii [elektronnyj resurs] / Rezhim dostupa – http://www.mcx.ru/

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ПРОНЧЕВА Надежда Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук,
доцент, старший научный сотрудник
Института прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН,
e-mail: proncheva@yandex.ru

ТРЕТЬЯКОВА Ирина Владиславна,
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры методологии социологических исследований
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
e-mail: silvervessel@bk.ru

О РАЗВИТИИ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ

Аннотация. *Работа посвящена анализу эволюции информационного пространства, приведшей к цифровизации, которая затрагивает все сферы общественной жизни. В значительной степени это затронуло базовая отрасль общественной жизни – экономику. В России успешно развиваются элементы цифровой экономики. Этому способствует законодательная база, постепенно формируемая российскими властями. Цифровые площадки, сквозные технологии, теория больших чисел и многое другое – составляют ядро цифровой экономики. Использование новейших цифровых технологий приводит к повышению эффективности бизнес-процессов и всей экономической системы.*

Ключевые слова: *цифровизация, цифровые технологии, цифровая экономика, цифровые площадки, эффективность цифровой экономики.*

PRONCHEVA Nadezhda Gennadievna,
Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor,
Senior Research Scientist of Keldysh Institute of Applied Mathematics
of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

TRETIAKOVA Irina Vladislavna,
Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor
of the Department of Sociological Research Methodology
of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

ON THE DEVELOPMENT OF THE DIGITAL ECONOMY IN RUSSIA

Annotation. *The paper analyzes the evolution of the information space that led to digitalization, which affects all spheres of public life. To a large extent, this affected the basic branch of public life – the economy. Elements of the digital economy are successfully developing in Russia. This is facilitated by the legislative framework that is gradually being formed by the Russian authorities. Digital platforms, end – to-end technologies, big number theory, and much more form the core of the digital economy. The use of the latest digital technologies leads to an increase in the efficiency of business processes and the entire economic system.*

Key words: *digitalization, digital technologies, digital economy, digital platforms, efficiency of the digital economy.*

Результатом развития информационно-коммуникационных технологий стала компьютеризация и информатизация общества [6; 12]. Эти техно-социальные процессы способствовали повышению качества жизни как в России, так и во всем мире [11; 19; 20]. В настоящее время в России процесс информатизации находится в фазе цифровизации. Этому явлению способствовала тенденция, в основе которой лежит цифровое представление информации [7]. Процесс цифровизации общества в России происходит стремительно. Особенно это проявилось в период пандемии коронавируса в 2020 году [8].

«Передовой» в процессе цифровизации является цифровая экономика. Даже до начала непосредственно эпохи цифровизации, экономика уже была достаточно «цифровой» (т.к. ее инструментарий имел дело с «числовыми» данными). Очевидно, что эта сфера, как ни какая другая, нуждается в цифровой трансформации, поскольку, даже на фоне бурно развивающейся теории больших данных, ее объем достаточно велик.

Несмотря на «юный возраст» цифровой экономики уделяют внимание не только исследователи, но и руководство нашей страны. Президент Российкой Федерации В.В. Путин отмечал: «Цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути – это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества. И конечно, формирование цифровой экономики – это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкурентности отечественных компаний, позиций страны на мировой арене на долгосрочную перспективу, по сути на десятилетия вперёд» [14].

Следует заметить, что полного, развернутого определения цифровой экономики, по нашему мнению, до сих пор нет. Подробный анализ существующих подходов можно найти в работе Г. Головенчик [4]. На наш взгляд, дать полное и исчерпывающее определение цифровой экономике на сегодняшний день нельзя. Нужно посмотреть, через какое-то время как она будет развиваться. На взгляд авторов, в качестве основного определения в настоящее время можно считать то, которое дано в учебнике «Цифровая экономика» [17, с. 270]: «Цифровая экономика – это хозяйственная деятельность общества, а также совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления, основанная на новых методах генерирования, обработке, хранения, передачи данных, а также цифровых компьютерных технологиях». В другом учебном пособии «Основы цифровой экономики» [9, с. 10] определение дополняется словами «электронной коммерции», «применение информационно-коммуникационных систем». Полагаем, что этих определений и дополнений понятий для «цифровой экономики», достаточно.

В начале XXI века началась четвертая промышленная революция, которая основывается на цифровых технологиях, и влечет за собой высокие темпы развития, глубинные изменения во всех сферах общественной жизни, различные способы коммуникации. К. Шваб [18, с. 27 – 37] выделяет три блока мегатрендов этого этапа промышленной революции: физический (беспилотные транспортные средства, 3D-печать, новейшая робототехника, новые материалы), цифровой (взаимодействие между благами и людьми на базе цифровых технологий) и биологический (синтетическая биология, биоинжерения). Все это поднимает современную науку и практику на небывалую высоту с соответствующими требованиями и ответственностью ко всем участникам в этих процессов субъектов. Однако основной составляющей этого этапа промышленной революции следует считать вступление в свою активную фазу информационного общества.

Предварительно необходимо выделить изменения, которые произошли в момент трансформации информационной революции в цифровую форму, и что для этого должно было произойти. Информационное общество – это важная ступень в развитии современной цивилизации, связанной с созданием глобальной виртуальной социальной среды [13], увеличением масштаба доступа обычных людей к информационно-коммуникационным ресурсам, ростом количества коммуникационных контактов, масштабирование доступности к различным информационным продуктам и услугам.

Структура экономической деятельности за последнее время прошла ряд этапов:

- информатизация общества;
- электронная коммерция;
- электронный бизнес;
- сетевая экономика;
- цифровая экономика.

Об основах информационного общества мы уже сказали, что, практически, не требует специального пояснения.

Электронная коммерция, по нашему мнению, - это деятельность, связанная с реализацией товаров, услуг с использованием информационных технологий во взаимодействии между многочисленными покупателями и продавцом. Электронные коммуникации на базе компьютерных сетей во многом способствуют этому процессу. Быстрота работы этих систем во многом способствует регистрации, оформлению, определении стоимости процесса продажи требуемых производителем товаров. Электронный бизнес изначально базировался на интегрированной системе, используя механизм добавочной стоимости продукта. Механизм учитывает соотношение поставщиков и потребителей; анализ и контроль учета рынка сбыта; онлайн консультаций и др.

Сетевая экономика основывается на использовании сети Интернета, которая дает возможность использования сложную многоуровневую сетевую структуру между различными участниками. Она начала развиваться во второй декаде XXI века, когда включились в действие новые

социальные Веб-технологии [15; 20]. И, наконец, цифровой бизнес, или цифровая экономика, что сегодня представляет наибольший интерес.

На уровне России, учитывая региональную специфику, ситуация выглядит следующим образом. Профильная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [10] имеет следующую структуру и предусматривает развитие по следующим направлениям:

- в первом разделе проводятся общие положения программы, а также многие особенности ее реализации;
- второй раздел посвящен текущим и перспективным социально-экономическим условиям, дается характеристика роли цифровых технологий, оценивается состояние нормативной в этой сфере. Обращается внимание на то, что в современной России созданы достаточные условия для цифровизации экономики: существует необходимая инфраструктура науки и инноваций, существует постоянный рост широкополосного Интернета, рынка облачных услуг, цифровых платформ. При этом серьезные проблемы наблюдаются при использовании информационно-коммуникационных технологий на уровне местного самоуправления. Их применение, по мнению авторов программы, необходимо вывести на новый качественный уровень;
- в третьем разделе определяется положение Российской Федерации на глобальном цифровом рынке. При этом указывается, что она занимает 40-е место по готовности к внедрению цифровой экономики со значительным отрывом от десятки лидирующих стран. Значительное внимание уделяется индексу DESI, который оценивает эффективность развития цифровой экономики в Евросоюзе;
- в четвертом разделе выделяются основные направления развития цифровой экономики на период до 2024 г.: нормативное регулирование, кадры и образование, формирование исследовательских компетенций технических заделов, информационная инфраструктура и информационная безопасность. Уточняются основные цели по каждому из указанных направлений;
- в пятом разделе рассматривается управление развитием цифровой экономики. Эта система включает в себя представителей всех заинтересованных сторон: органов государственной власти, бизнеса, гражданского общества, научно-образовательного сообщества. Она делится на три уровня: стратегический, оперативный и тактический. Отмечается при этом, что одной из важнейших задач управления является поддержка стартапов и субъектов малого и среднего предпринимательства;
- в шестом разделе установлены целевые показатели, основные параметры, которые необходимо достичь к 2024 году по всем входящим в программу направлениям.

Большую часть документа занимает подробный план по его реализации. Для каждого направления приводится список задач, время их реализации и сроки достижения определенных результатов (на 2018, 2020 и 2024 гг.). План действий включает в себе вопросы по обеспечению информационной безопасности. Кроме того, в ней по каждому направлению приводится список индикаторов и их ожидаемых значений. Поясним некоторые направления цифровизации экономики, предусмотренные программой «Цифровая экономика Российской Федерации». Что касается «нормативного регулирования», то здесь предлагается назначить ответственный федеральный орган, учредить и зарегистрировать центр компетенций. В дальнейшем – разработать концепцию мер по совершенствованию правового регулирования и план ее реализации, которая должна быть дополнена системами среднесрочных мероприятии, возникающих в связи с развитием цифровой экономики.

Важно отметить, что данная программа предписывает принять нормативные акты, устраняющие препятствия развитию цифровой экономики, создать правовые условия для формирования единой цифровой среды, сбора, хранении и обработки данных.

По направлению «кадры» и «образование» особое внимание уделяется раннему выявлению, поддержке и сопровождению талантливых обучающихся на основе профиля компетенции персональных траекторий развития, поддержка педагогов и организаций, работающих с талантами. Также ставится задача по переподготовке сотрудников 100 крупнейших предприятий России, запуск программ цифровой грамотности старшего поколения.

По направлению «формирование исследовательских компетенций» и «технических заделов», основное внимание уделяется применению сквозных технологий, системе определения их критериев (не менее 10), выделению организаций-лидеров. Планируется создание сети цифровых платформ для проведения исследований в этой области и выявления технических препятствий на этом пути. Планируется обеспечить реализацию к концу 2020 г. не менее 10 компаний, использующих сквозные технологий, а 2024 г. – не менее 30. В направлении «информационная инфраструктура» речь идет о дальнейшем разви-

тии телекоммуникационных средств, доступности всех участников сетевых контактов. В итоге, доля домохозяйств, имеющих широкополосный доступ к сети Интернет (не менее 100 Мбит/с) должна к 2024 г. составить 97%, а доля России в мировом объеме услуг по хранению и обработке данных – не менее 10% [10].

Самым емким по объему является направление информационная безопасность (третья часть дорожной карты). Ключевыми словами здесь являются «информационный суверенитет» (контроль над российским сегментом Интернета), борьба противоправными действиям (киберпреступность и др.). С этой целью планируется перевод маршрутицации трафика российского сегмента сети на территорию России.

На всех объектах информационной инфраструктуры к 2024 г. должно быть обеспечено преимущественное использование отечественного оборудования. Причем стоимостная доля закупаемого органами власти и компаниями с государственным участием телекоммуникационного оборудования иностранного производства должна сократиться до 50%, программного обеспечения – до 10%, доля хозяйствующих субъектов, использующих национальную платежную систему, - вырасти с 25 до 90% [5].

В настоящее время в России наблюдается рост цифровой экономики. Совокупный объем цифровой экономики России растет в девять раз быстрее, чем ВВП страны и с 2013 по 2017 гг. увеличился на 59% . В 2017 г. доля цифровой экономики составляла 3,9% ВВП [1].

Как отмечалось выше, новые цифровые технологии изменили модель поведения компаний, повысили их экономическую эффективность и структуру затрат. Даже в традиционных отраслях все чаще стали применять такие методы цифровизации, как анализ больших объемов данных, стремление все больше использовать метод сквозных технологий, когда научно разработанный метод используется самой же компанией.

Объем государственного финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в России соответствует уровню развитых стран, составляя 0,4% ВВП. В то же время, доля частных инвестиций в исследования и разработки оставляет желать лучшего и составляет всего 0,7% от российского ВВП, что существенно меньше, чем в США (1,9%) или Германии (2%). То есть область венчурного финансирования можно считать в цифровизацию экономики России существенной проблемой [1].

Чтобы кардинально поправить эту ситуацию, следует содействовать привлечению прямого частного инвестирования через так называемые краудфандинговые платформы (привлечение «народных средств» на различные проекты) и создание соответствующей нормативно-правовой базы для функционирования таких площадок [2].

В соответствии с Федеральным законом «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10] сервисы, организующие краудфандинг, обязаны будут раскрывать данные о своей деятельности и осуществлять жесткий контроль над поступающими средствами. Кроме того, цифровая платформа должна будет зарегистрироваться в качестве юридического лица и внести себя в список операторов инвестиционных платформ. Объем собственных средств таких компаний должен быть не менее 5 млн. рублей. Как уже говорилось, Центробанк намерен ограничить сумму вложений в рамках этой платформы до 50 тыс. рублей от одного инвестора в течение одного года и до 500 тыс. рублей от одного инвестора суммарно.

В рамках уже упомянутой нами программы «Цифровая экономика Российской Федерации» к 2024 г. в сфере инфраструктуры в России преодоление цифрового неравенства, а во всех труднодоступных районах страны должна быть установлена надежная связь. Этому и многому другому в процессах цифровизации должны способствовать центры обработки данных (ЦОД). По всей видимости, в Российской Федерации должны быть созданы такие центры, которые бы по своей мощности во многом превосходили многие зарубежные аналоги. Тогда наверняка снизятся многие угрозы, исходящие как изнутри, так из-за рубежа, включая кибератаки и прочее.

Кроме того, появится большая сервисная площадка для внутренних пользователей с практически неограниченными возможностями для работающих в различных сегментах цифровой экономики. В завершении назовем позитивные эффекты цифровой экономики, которые наиболее полно и удачно сформулировал Д.А. Бахман [3]:

1. Цифровые технологии способствуют социальной и финансовой вовлеченности населения и повышают доступность, качество и удобство получения услуг в таких важных областях, как медицина, образование, муниципальные и государственные услуги, культура;

2. Цифровые технологии позволяют создавать комфортные для жизни безопасные города;

3. Появляются централизованные системы контроля состояния городской инфраструктуры. Это системы видеонаблюдения, контроля качества уборки общественных территорий, автоматизированные сортировщики мусора, роботы-пылесосы и роботы-пожарные;

4. Применение цифровых технологий помогает улучшить деловой и инвестиционный климат.

Добавим к этому, что масштабный процесс цифровизации позволит взять под контроль практически весь экономический комплекс, сделать экономический рост постоянным и необратимым процессом.

Список литературы:

[1] Ашинова М.К., Доргушаова А.К. Цифровая экономика: позитивные эффекты и вероятные риски / Цифровая экономика: новая реальность: сборник статей по итогам международной научно-практической видеоконференции, посвященной 25-летию вуза. – Майкоп: Кучеренко О.В., 2018. – С. 216–223.

[2] Ашинова М.К., Чиназирова С.К., Костенко Р.В. Цифровая трансформация отрасли финансовых услуг / Математические основы разработки и использование машинного интеллекта: сборник научных статей, посвященных 70-летию со дня рождения доктора технических наук, профессора Лябаха Н.Н. – Майкоп: Кучеренко В.О., 2018. – С. 4–13.

[3] Бахман Д.А. Перспективы развития цифровой экономики. // Новые технологии. 2019. № 2(48). – С.149–157.

[4] Головенчик Г. Теоретические подходы к определению понятия «цифровая экономика» [Электронный ресурс] // Наука и инновации. 2019. № 2. – С. 40–45. – Режим доступа: http https://doi.org/10.29235/1818-9857-2019-2-40-45 (дата обращения: 17.07.2020).

[5] Мильчаков М.В. Особенности финансовой поддержки регионов при реализации национальных проектов // Научно-исследовательский финансовый институт. Финансовый журнал. 2019. № 3. – С. 22–37.

[6] Монахов Д.Н., Монахова Г.А., Монахов Н.В., Прончев Г.Б. Дистанционные образовательные технологии в условиях инновационного развития России. – М.: МАКС Пресс, 2013. – 132 с.

[7] Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. От цифры к цифровому обществу // Вопросы политологии. 2020. Т. 10. № 6(58). – С. 1763-1771.

[8] Монахова Г.А., Монахов Д.Н., Прончев Г.Б. Социальные аспекты трансформации российского образования в условиях цифровизации // Образование и право. 2020. № 6. – С. 208-214.

[9] Основы цифровой экономики: учебное пособие / коллектив авторов; под ред. М.И. Столбова, Е.А. Бренделевой. – М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2018. – 238 с.

[10] Программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р / Правительство России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (дата обращения: 17.07.2020).

[11] Прончев Г.Б. Об особенностях виртуальных социальных сред Интернета, способствующих социальным девиациям // Образование и право. 2020. № 3. – С. 200–208.

[12] Прончев Г.Б., Монахов Д.Н., Прончева Н.Г. Информационно-коммуникационные технологии как причина социального неравенства // Политика и общество. 2018. № 2. – С. 1–10.

[13] Прончев Г.Б., Прончева Н.Г., Гончарова И.В., Прончев К.Г. Медиаглобализация: информационные угрозы // Образование и право. 2019. № 7. – С. 11–18.

[14] Путин В.В. Выступление на заседании Совета при Президенте по стратегическому развитию и приоритетным проектам 5 июля 2017 года / Президент России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54983 (дата обращения: 17.07.2020).

[15] Сушко В.А., Прончев Г.Б., Третьякова И.В. Лидерский потенциал в организациях малого и среднего бизнеса // Образование и право. 2017. № 7. – С. 208–218.

[16] Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] / Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201908020032?index=1&rangeSize=1 (дата обращения: 17.07.2020).

[17] Хасаншин И.А., Кудряшов А.А., Кузьмин Е.В., Крюкова А.А. Цифровая экономика. Учебник для вузов. – М.: Горячая линия – Телеком, 2019. – 288 с.

[18] Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. – 138 с.

[19] Шинкарецкая Г.Г. Цифровизация – глобальный тренд мировой экономики // Образование и право. 2019. № 8. – С. 119–123.

[20] Sushko V.A., Pronchev G.B., Shisharina E.V., Zenkina O.N. Social and economic indices of forming the quality of life // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. – P. 10839–10849.

Spisok literatury:

[1] Ashinova M.K., Dorgushaova A.K. Cifrovaya ekonomika: pozitivnye effekty i veroyatnye riski / Cifrovaya ekonomika: novaya real'nost': sbornik statej po itogam mezhdunarodnoj nauchno-praktich-

eskoj videokonferencii, posvyashchennoj 25-letiyu vuza. – Majkop: Kucherenko O.V., 2018. – S. 216–223.

[2] Ashinova M.K., Chinazirova S.K., Kostenko R.V. Cifrovaya transformaciya otrasli finansovyh uslug / Matematicheskie osnovy razrabotki i ispol'zovanie mashinnogo intellekta: sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyh 70-letiyu so dnya rozhdeniya doktora tekhnicheskih nauk, professora Lyabaha N.N. – Majkop: Kucherenko V.O., 2018. – S. 4–13.

[3] Bahman D.A. Perspektivy razvitiya cifrovoj ekonomiki. // Novye tekhnologii. 2019. № 2(48). – S.149–157.

[4] Golovenchik G. Teoreticheskie podhody k opredeleniyu ponyatiya «cifrovaya ekonomika» [Elektronnyj resurs] // Nauka i innovacii. 2019. № 2. – S. 40–45. – Rezhim dostupa: http https://doi.org/10.29235/1818-9857-2019-2-40-45 (data obrashcheniya: 17.07.2020).

[5] Mil'chakov M.V. Osobennosti finansovoj podderzhki regionov pri realizacii nacional'nyh proektov // Nauchno-issledovatel'skij finansovyj institut. Finansovyj zhurnal. 2019. № 3. – S. 22–37.

[6] Monahov D.N., Monahova G.A., Monahov N.V., Pronchev G.B. Distancionnye obrazovatel'nye tekhnologii v usloviyah innovacionnogo razvitiya Rossii. – M.: MAKS Press, 2013. – 132 s.

[7] Monahov D.N., Pronchev G.B. Ot cifry k cifrovomu obshchestvu // Voprosy politologii. 2020. T. 10. № 6(58). – S. 1763-1771.

[8] Monahova G.A., Monahov D.N., Pronchev G.B. Social'nye aspekty transformacii rossijskogo obrazovaniya v usloviyah cifrovizacii // Obrazovanie i pravo. 2020. № 6. – S. 208-214.

[9] Osnovy cifrovoj ekonomiki: uchebnoe posobie / kollektiv avtorov; pod red. M.I. Stolbova, E.A. Brendelevoj. – M.: Izdatel'skij dom «Nauchnaya biblioteka», 2018. – 238 s.

[10] Programma «Cifrovaya ekonomika Rossijskoj Federacii». Utverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28 iyulya 2017 g. № 1632-r / Pravitel'stvo Rossii. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf (data obrashcheniya: 17.07.2020).

[11] Pronchev G.B. Ob osobennostyah virtual'nyh social'nyh sred Interneta, sposobstvuyushchih social'nym deviaciyam // Obrazovanie i pravo. 2020. № 3. – S. 200–208.

[12] Pronchev G.B., Monahov D.N., Proncheva N.G. Informacionno-kommunikacionnye tekhnologii kak prichina social'nogo neravenstva // Politika i obshchestvo. 2018. № 2. – S. 1–10.

[13] Pronchev G.B., Proncheva N.G., Goncharova I.V., Pronchev K.G. Mediaglobalizaciya: informacionnye ugrozy // Obrazovanie i pravo. 2019. № 7. – S. 11–18.

[14] Putin V.V. Vystuplenie na zasedanii Soveta pri Prezidente po strategicheskomu razvitiyu i prioritetnym proektam 5 iyulya 2017 goda / Prezident Rossii. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54983 (data obrashcheniya: 17.07.2020).

[15] Sushko V.A., Pronchev G.B., Tret'yakova I.V. Liderskij potencial v organizaciyah malogo i srednego biznesa // Obrazovanie i pravo. 2017. № 7. – S. 208–218.

[16] Federal'nyj zakon ot 02.08.2019 № 259-FZ «O privlechenii investicij s ispol'zovaniem investicionnyh platform i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] / Gosudarstvennaya Duma Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii. – Rezhim dostupa: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201908020032?index=1&rangeSize=1 (data obrashcheniya: 17.07.2020).

[17] Hasanshin I.A., Kudryashov A.A., Kuz'min E.V., Kryukova A.A. Cifrovaya ekonomika. Uchebnik dlya vuzov. – M.: Goryachaya liniya – Telekom, 2019. – 288 s.

[18] Shvab K. CHetvertaya promyshlennaya revolyuciya. – M.: Eksmo, 2016. – 138 c.

[19] Shinkareckaya G.G. Cifrovizaciya – global'nyj trend mirovoj ekonomiki // Obrazovanie i pravo. 2019. № 8. – S. 119–123.

[20] Sushko V.A., Pronchev G.B., Shisharina E.V., Zenkina O.N. Social and economic indices of forming the quality of life // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. V. 11. № 18. – P. 10839–10849.

ЗАКРЕВСКАЯ Яна Анатольевна,
научный сотрудник сектора прогнозирования мировой экономики и политики, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН)
e-mail: Yana888@list.ru

АВТОМОБИЛЬНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. *Автомобильная промышленность России играет важную роль в экономике нашей страны, являясь одним из ключевых секторов, обладающим мощным мультипликативным эффектом, а также стимулирует развитие ряда других отраслей. Несмотря на это, новейшая история отечественного автопрома постоянно сталкивается с чередой кризисов и системных проблем, которые, в свою очередь, являются катализаторами переоснащения действующих предприятий, создания новых конкурентоспособных модельных рядов. Российский автопром на современном этапе находится в условиях жесткой конкуренции, и от того, какие условия будут созданы, какая стратегия развития будет выбрана, зависит будущий облик данной отрасли в долгосрочной перспективе. В статье приведена динамика производства и продаж моторных транспортных средств, легковых автомобилей России и мира, отображена динамика доли перепроизводства, рассмотрены факторы, положительно влияющие на покупательское настроение, и отмечены возможные факторы, способные затормозить развитие отечественного авторынка.*

Ключевые слова: *автомобильная промышленность, экономика, Россия, легковые автомобили, моторные транспортные средства, перепроизводство, динамика производства и продаж, конкуренция.*

ZAKREVSKAYA Yana Anatolievna,
Research Fellow, World Economy and Policy Forecasting Sector, E.M. Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (IMEMO)

RUSSIAN AUTOMOTIVE INDUSTRY AT THE PRESENT STAGE

Annotation. *The Russian automotive industry plays an important role in the economy of our country, being one of the key sectors with a powerful multiplier effect, and also stimulates the development of a number of other industries. Despite this, the recent history of the domestic automotive industry is constantly facing a number of crises and systemic problems, which, in turn, are catalysts for the re-equipment of existing enterprises and the creation of new competitive model series. The automotive industry of our country at the present stage is in conditions of fierce competition, and the future appearance of this industry in the long term depends on what conditions will be created, what development strategy will be chosen. The article presents the dynamics of production and sales of motor vehicles, cars of Russia and the world, reflects the dynamics of the share of overproduction, considers factors that positively affect the buying mood, and noted possible factors that can slow down the development of the domestic car market.*

Key words: *automotive industry, economy, Russia, cars/passenger cars, motor vehicles, overproduction, production and sales dynamics, competition.*

Автомобильная промышленность России является одной из ведущих отраслей отечественной промышленности, - ее предприятия обеспечивают около 1 млн рабочих мест, а благодаря мультипликативному эффекту приблизительно 4.5 млн человек заняты

в смежных отраслях экономики страны: электротехнической, металлургической, химической, электронной, легкой и т.д. Несмотря на это, новейшая история автопрома России постоянно сталкивается с рядом кризисов (кризис 2008 - 2009 гг., кризис 2014 - 2015 гг., кризис 2020 г.) и системных проблем, препятствующих развитию предприятий автомобильной промышленности (слабый продуктовый набор, низкое качество комплектующих российских поставщиков, отсутствие политики стимулирования НИОКР, несовершенство нормативного и правового регулирования и пр.).

На современном этапе в развитии отечественного автопрома государство играет важную роль. И речь идет не только об экстренной поддержке данной отрасли в кризисные годы, но и о долгосрочной перспективе, для которой разрабатываются стратегии развития данной отрасли («Стратегия развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2020 года» и «Стратегия развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2025 года» [1]). Однако, несмотря на вмешательство государства [2] и поступление иностранных инвестиций, уровень конкурентоспособности автомобильной промышленности России остается низким. В первую очередь, данная проблема объясняется технологическим отставанием российских компаний от мировых концернов, что связано с недостаточным финансированием НИОКР в этой сфере.

В мировом рейтинге по суммарному объему производства Россия с 11-го места [3] в 2018 г. опустилась на 13-е место [4] в 2019 г., опережая Турцию и уступая Канаде. Таким образом, в 2019 г. с конвейеров страны сошли 1.7 млн моторных транспортных средств, в т.ч. 1.5 млн легковых транспортных средств, что составляет 1.9% и 2.3% от общемирового объема соответственно.

Для современного мирового автопрома свойственна проблема перепроизводства. Особенно ярко она проявляется в легковом автомобилестроении, где ежегодно объём производства опережает объем продаж на 2-3 млн ед. *(рис. 1).* Главными причинами такого явления можно назвать невысокий спрос в развитых странах и переоцененный спрос на формирующихся рынках.

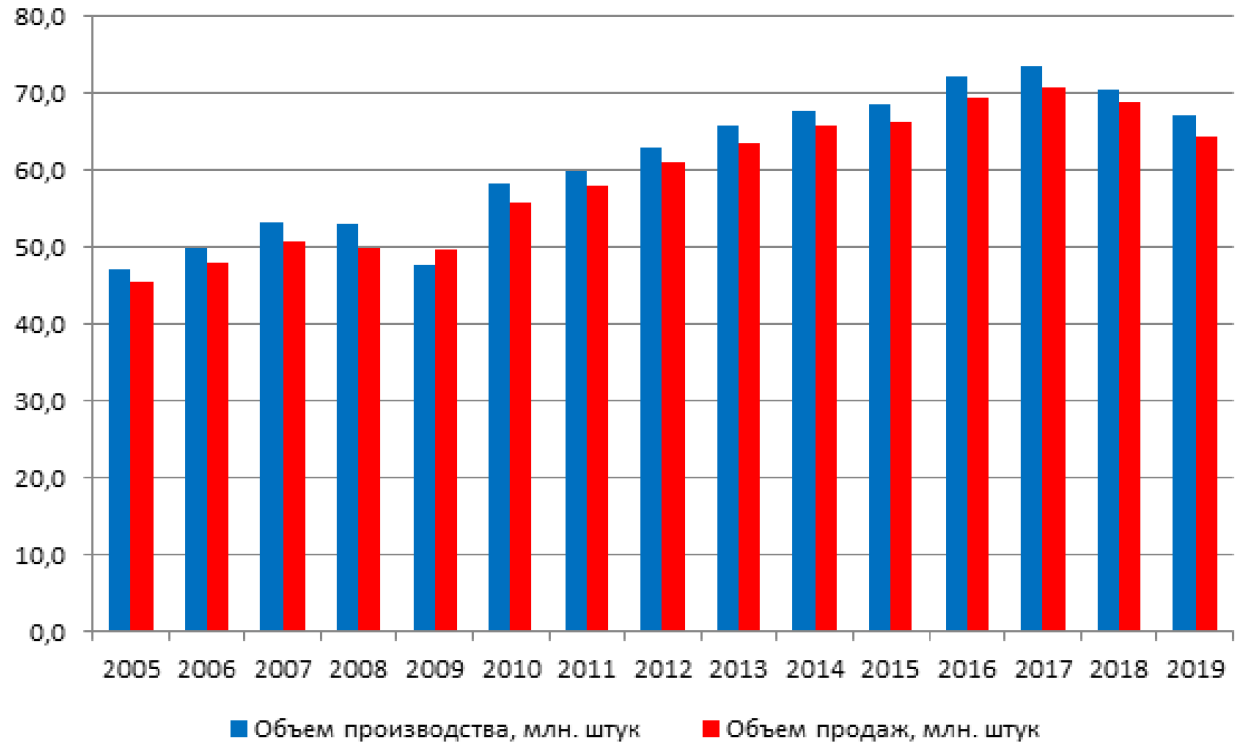


Рис. 1. Динамика мирового производства и объем продаж легковых автомобилей за период 2005 - 2019 гг. [5]

Если мы обратимся к *рис. 2,* где отображена динамика доли перепроизводства (отношение разницы объема производства и продаж к объему производства), то увидим, что за период 2005 - 2019 гг. она колеблется в среднем в районе 3-4%, достигая своего максимума в 2008 г. – 5.4%. И лишь в 2009 г. данный показатель составил -3.9%, когда объем продаж превысил показатель объема производства на 1.9 млн ед. В 2018 и в 2019 гг. данный показатель составил 2.6% и 4.2% соответственно. Проблема перепроизводства может решаться благодаря такому явлению, как «сборка под заказ», однако, учитывая средние сроки изготовления, заявленные автопроизводителями (более 40 дней, в некоторых случаях 6 месяцев), выход из сложившейся ситуации на данном этапе невозможен.

Отметим, что в региональном срезе проблема перепроизводства свойственна государствам Европы и Азии, в то время как для стран Африки, Южной Америки, Австралии и СНГ характерна другая картина.

Рис. 2. Динамика доли перепроизводства от общего объема производства легковых автомобилей в мире за период 2005 - 2019 гг. [6]

Так, до 2014 г. включительно общий объем производства моторных транспортных средств в России, как и легковых транспортных средств, был значительно меньше соответствующего объема продаж. Разница компенсировалась импортом зарубежных автомобилей. Начиная с 2015 г., показатели объема производства и продаж транспортных средств фактически сравнялись (с незначительным опережением объема потребления), данная ситуация продолжается и по сей день *(рис. 3, 4).* Причиной произошедшего стало ослабление национальной валюты, что напрямую отразилось на платежеспособности населения.

На *рис. 3* и *4* четко прослеживаются два кризиса.

Первый кризис пришелся на конец 2008–2009 г. и совпал с мировым кризом. Российская автомобильная промышленность в этот период оказалась одной из наиболее пострадавших отраслей экономики. Так, производство легковых автомобилей в 2009 г. сократилось на 59.2% и составило 0.6 млн ед. В 2008 г. данный показатель был равен 1.5 млн ед. с приростом в 14% по сравнению с 2007 г. Общий объем продаж новых легковых автомобилей в 2009 г. упал на 49.4% и составил 1.5 млн ед. против 2.9 млн ед. в 2008 г.

Рис. 3. Динамика производства и продаж новых моторных транспортных средств в России за период 2005 - 2019 гг. [7]

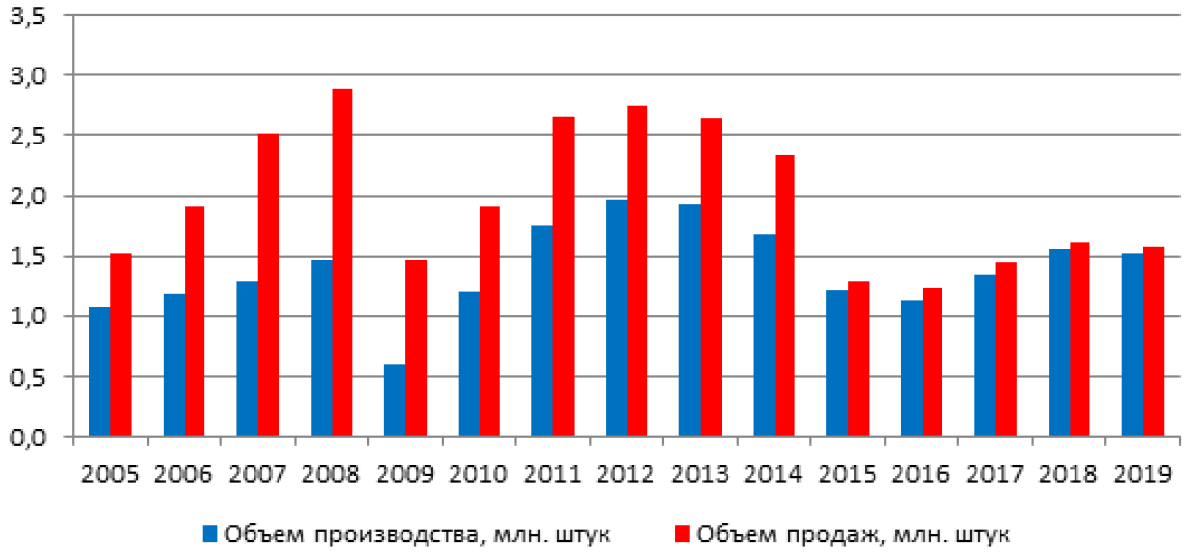


Рис. 4. Динамика производства и продаж новых легковых автомобилей в России за период 2005 - 2019 гг. [8]

В период мирового финансового кризиса Правительству РФ пришлось предпринимать целый ряд мер для поддержки данной отрасли. Это и обеспечение финансовой устойчивости национальных автопроизводителей, поддержка кредитования физических лиц, государственная закупка автомобильной техники. Все предпринятые меры оказались ненапрасными, и уже в 2010 г. объем производства легковых автомобилей составил 1.2 млн ед. с приростом в 101.6%.

Второй кризис автомобильной отрасли страны произошел в 2014 - 2015 гг. и длился по 2016 г. включительно. Изначально данный кризис был вызван государственными санкциями, внешнеполитическим давлением и носил локальный характер, не зависящий от поведения мирового авторынка *(рис. 1, 3, 4)*. Результатом этого стало падение покупательной способности населения и снижение инвестиционной активности, что напрямую вызвало падение внутреннего спроса. Основная тенденция, наблюдавшаяся со стороны покупателей в период кризиса – это обращение к вторичному рынку автомобилей, что и позволило отечественному автопрому удерживаться «на

плаву». Именно в этот период произошел уход ряда иностранных автопроизводителей из Российской Федерации, начался процесс концентрации автомобильного рынка, что привело к созданию лидерской группы автопроизводителей, в которую вошли те, кто сделал ставку на локальное производство, а не на импорт. Иными словами, данный кризис стал толчком для начала процесса серьезной трансформации авторынка России и формирования его новой модели.

Для поддержания отрасли государство начало финансирование сразу нескольких программ по поддержке автомобильного рынка. В 2014 г. было принято решение о возобновлении программы утилизации [9], в 2015 г. сделали ставку на trade-in, что позволяло обменять свой старый автомобиль на новый с доплатой разницы в стоимости. Государство также сделало ставку на программу льготного автокредитования, льготного лизинга [10] и на программу промышленных субсидий [11].

В 2017 г. прирост продаж новых легковых автомобилей составил 16.9% к предыдущему году, в абсолютном выражении данный показатель составил 1.4 млн ед. против 1.2 млн ед. в 2016 г. Данная ситуация стимулировала и увеличение объема производства легковых автомобилей. Так, в 2017 г. данный показатель составил 1.3 млн ед., что на 19.8% больше предыдущего года. В 2018 г. прослеживалась тенденция укрепления рынка, с приростом в 16% (производство легкового автотранспорта) и 10.9% (продажи нового легкового автотранспорта).

Факторы, положительно повлиявшие на покупательское настроение в 2017 - 2018 гг.:

- накопление отложенного спроса – наверное, это самый сильный психологический мотиватор, который стал катализатором для роста российского автомобильного рынка;
- цикл смены автомобиля (3-5 лет);
- стабилизация валютного курса и уровня цен;
- государственная поддержка отечественного авторынка;
- доступность кредитных средств;
- скидочные программы дилеров и автопроизводителей.

По итогам 2019 г. объем производства легкового автотранспорта в стране составил 1.5 млн ед., характеризуясь падением в 2.6% к 2018 г. Продажа новых легковых автомобилей сократилась до 2.4%. На рис. 5 приведен график объема продаж легковых транспортных средств на крупнейших рынках мира и в России.

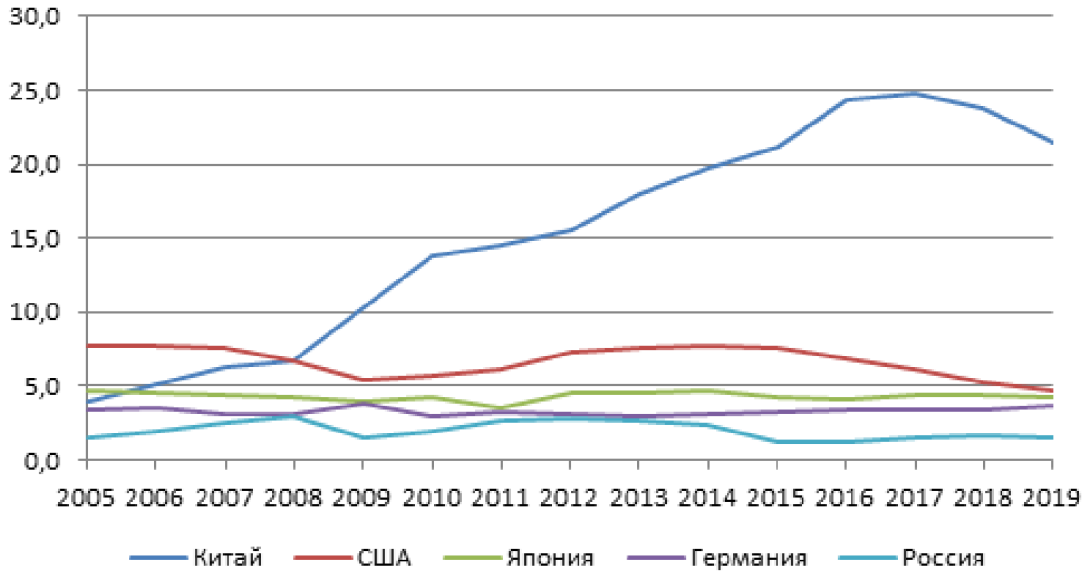


Рис. 5. Объем продаж легковых автомобилей на крупнейших рынках мира и в России за период 2005 - 2019 гг., млн ед. [12]

На *рис. 5* видно, что бесспорным мировым лидером по продаже легковых транспортных средств с 2008 г. является Китай, перенявший первенство у США. Третью строчку занимает Япония, чьи продажи колеблются в среднем в районе 4.3 млн ед. на протяжении всего рассматриваемого периода. Продажи Германии в среднем составляют 3.3 млн ед., России – 2.0 млн ед.

На *рис. 6 и 7* представлены динамика продаж легковых автомобилей и темпы прироста ВВП в России и в мире соответственно. На *рис. 7* особенно наглядно прослеживается прямая зависимость продаж от изменения темпов прироста ВВП.

Рис. 6. Динамика продаж легковых транспортных средств, млн ед., и темпов прироста ВВП, %, в России [13]

Рис. 7. Динамика продаж легковых транспортных средств, млн ед., и темпов прироста ВВП, %, в мире [14]

Возможные факторы, которые смогут затормозить развитие отечественного авторынка в послекризисный период:

- снижение покупательной способности населения;
- нестабильность, как экономическая, так и политическая;
- государственные санкции;
- рост цен на новые автомобили;
- рост цен на подержанные автомобили (как альтернатива новым авто).

Два последних фактора напрямую вызваны недавним продолжительным кризисом и обусловлены банальным желанием автопроизводителей заработать и компенсировать понесенные убытки.

Отметим, что, начиная с 2019 г., в условиях кризиса, произошла трансформация поведения потребителя, обусловленная отказом от покупки новых и подержанных авто в пользу таких услуг, как каршеринг, такси, а если говорить о крупных мегаполисах, то это – автомобили по подписке (длительная аренда) и райдшеринг (совместное использование личного автомобиля). То есть совершенно очевидно, что автомобиль из категории собственности переходит в категорию услуги. А само автомобилестроение превращается в «мировое», группируемое на территориях отдельных стран.

К сожалению, первая половина 2020 г. охарактеризовалась трудными временами не только для отечественного автомобилестроения и мирового автопрома, но и мировой экономики в целом. Ситуация, связанная с COVID-19, в одночасье буквально обрушила весь автопром. Из нового прогноза, данного специалистами Ассоциации европейского бизнеса (АЕБ), стало ясно, что экономическое падение будет не только во второй половине 2020 г., но и продолжится в 2021 г. [15], а это значит, что для автомобильной промышленности настали не самые легкие времена. На автомобильном рынке России вряд ли остались игроки, которые с оптимизмом смотрят в будущее: ожидаемый рост цен на автомобили из-за решения об очередной индексации утильсбора, недостаточный спрос, который необходимо постоянно поддерживать госсубсидиями. Можно сказать, что российский автопром, находясь в трудном положении, сейчас стоит на развилке, и от решений, принимаемых сегодня, зависит будущий облик отечественной автомобильной промышленности в долгосрочной перспективе. Речь идет не только о последствиях кризиса (на фоне ограничений из-за коронавируса), который является самым крупным в истории современного автопрома, по данным АЕБ. Основная проблема, предопределяющая дальнейшее развитие, состоит в том, что современная автомобильная промышленность России в том виде, в котором она существует сегодня, с тем качеством производства и уровнем обслуживания, с постепенным сближением цен на европейские аналоги, находясь под грузом таких проблем, развивается крайне медленно, показывая низкую конкурентоспособность. Интегрирование в мировой автопром с его глобальной конкуренцией может способствовать развитию данной отрасли.

Список литературы:

[1] URL: http://static.government.ru/media/files/EVXNIplqvhAfF2Ik5t6l6kWrEIH8fc9v.pdf (дата обращения: 1.08.2020).

[2] URL: http://government.ru/orders/selection/401/ (дата обращения: 1.08.2020).

[3] URL: http://www.oica.net/category/production-statistics/2018-statistics/ (дата обращения: 1.08.2020).

[4] URL: http://www.oica.net/category/production-statistics/2019-statistics/ (дата обращения: 1.08.2020).

[5] Составлено по данным Международной организации производителей автомобилей. URL: http://www.oica.net/production-statistics/ (дата обращения: 1.08.2020).

[6] Составлено по данным Международной организации производителей автомобилей. URL: http://www.oica.net/production-statistics/ (дата обращения: 1.08.2020).

[7] Составлено по данным Международной организации производителей автомобилей. URL: http://www.oica.net/production-statistics/ (дата обращения: 1.08.2020).

[8] Составлено по данным Международной организации производителей автомобилей. URL: http://www.oica.net/production-statistics/ (дата обращения: 1.08.2020).

[9] URL: http://government.ru/dep_news/14583/ (дата обращения: 10.08.2020).

[10] URL: http://static.government.ru/media/files/zrH59ckEbhuS9L4EeGKjqwh6ahXBDPtq.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

[11] URL: http://static.government.ru/media/files/41d4b65b1e15fd37a148.pdf (дата обращения: 10.08.2020).

[12] Составлено по данным Международной организации производителей автомобилей. URL: http://www.oica.net/wp-content/uploads/pc_sales_2019.pdf (дата обращения: 1.08.2020).

[13] URL: Составлено по данным Европейской ассоциации автопроизводителей https://www.acea.be/publications/article/acea-pocket-guide (дата обращения: 19.07.2020).

[14] Составлено по данным Европейской ассоциации автопроизводителей. URL: https://

www.acea.be/publications/article/acea-pocket-guide (дата обращения: 19.07.2020).

[15] URL: https://aebrus.ru/upload/iblock/eef/COVID_19-consequences-ENG-post-release.pdf (дата обращения: 3.09.2020).

Spisok literatury:

[1] URL: http://static.government.ru/media/files/EVXNIplqvhAfF2Ik5t6l6kWrEIH8fc9v.pdf (data obrashcheniya: 1.08.2020).

[2] URL: http://government.ru/orders/selection/401/ (data obrashcheniya: 1.08.2020).

[3] URL: http://www.oica.net/category/production-statistics/2018-statistics/ (data obrashcheniya: 1.08.2020).

[4] URL: http://www.oica.net/category/production-statistics/2019-statistics/ (data obrashcheniya: 1.08.2020).

[5] Sostavleno po dannym Mezhdunarodnoj organizacii proizvoditelej avtomobilej. http://www.oica.net/production-statistics/ (data obrashcheniya: 1.08.2020).

[6] Sostavleno po dannym Mezhdunarodnoj organizacii proizvoditelej avtomobilej. http://www.oica.net/production-statistics/ (data obrashcheniya: 1.08.2020).

[7] Sostavleno po dannym Mezhdunarodnoj organizacii proizvoditelej avtomobilej. http://www.oica.net/production-statistics/ (data obrashcheniya: 1.08.2020).

[8] Sostavleno po dannym Mezhdunarodnoj organizacii proizvoditelej avtomobilej. http://www.oica.net/production-statistics/ (data obrashcheniya: 1.08.2020).

[9] URL: http://government.ru/dep_news/14583/ (data obrashcheniya: 10.08.2020).

[10] URL: http://static.government.ru/media/files/zrH59ckEbhuS9L4EeGKjqwh6ahXBDPtq.pdf (data obrashcheniya: 10.08.2020).

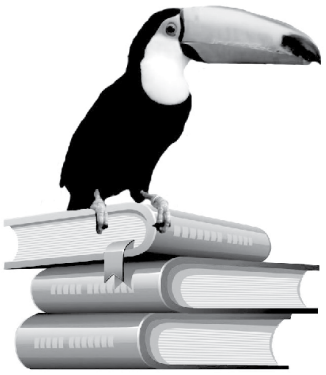
[11] URL: http://static.government.ru/media/files/41d4b65b1e15fd37a148.pdf (data obrashcheniya: 10.08.2020).

[12] Sostavleno po dannym Mezhdunarodnoj organizacii proizvoditelej avtomobilej http://www.oica.net/wp-content/uploads/pc_sales_2019.pdf (data obrashcheniya: 1.08.2020).

[13] URL: Sostavleno po dannym Evropejskoj associacii avtoproizvoditelej https://www.acea.be/publications/article/acea-pocket-guide (data obrashcheniya: 19.07.2020).

[14] Sostavleno po dannym Evropejskoj associacii avtoproizvoditelej https://www.acea.be/publications/article/acea-pocket-guide (data obrashcheniya: 19.07.2020).

[15] URL: https://aebrus.ru/upload/iblock/eef/COVID_19-consequences-ENG-post-release.pdf (data obrashcheniya: 3.09.2020).



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

СЫТНИКОВ Дмитрий Олегович,
доцент Академии управления МВД России
e-mail: mail@law-books.ru

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФОРМ И МЕТОДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

Аннотация. *В статье автором рассмотрены подходы к определению форм и методов деятельности органов внутренних дел по обеспечению прав и свобод личности. Отмечено, что рассматриваемые формы и методы деятельности ОВД РФ служат определенными гарантиями реализации прав и свобод, поскольку направлены на предупреждение, выявление, нейтрализацию и устранение причин нарушений этих прав.*

Ключевые слова: *формы и методы деятельности органов внутренних дел, обеспечение прав и свобод личности.*

SYTNIKOV Dmitry Olegovich,
associate Professor of the Academy of management
of the Ministry of internal Affairs of Russia

APPROACHES TO DETERMINING THE FORMS AND METHODS OF ACTIVITY OF INTERNAL AFFAIRS BODIES TO ENSURE THE RIGHTS AND FREEDOMS OF THE INDIVIDUAL

Annotation. *In the article, the author considers approaches to determining the forms and methods of activity of internal Affairs bodies to ensure the rights and freedoms of the individual. Observed that the current forms and methods of work of the internal Affairs of the Russian Federation serve certain guarantees of rights and freedoms, as it is aimed at the prevention, detection, neutralization and elimination of the causes of human rights violations.*

Key words: *forms and methods of activity of internal Affairs bodies, ensuring the rights and freedoms of the individual.*

Сложность и многогранность правообеспечительного механизма личности в нашей стране имеет потребность в особом системном подходе к рассмотрению функционирования его субъектов, деятельность которых направлена на достижение основной его цели. Представляется очевидным, что та масштабная работа, которая ежедневно проводится органами внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ) в рамках реализации этого механизма, представляет собой четко структурированную систему действий, подчиняющихся определенным правилам. То же можно сказать и о средствах, используемых ими в конкретных направлениях осуществляемой правоохранительной деятельности. Одной из задач, которая возникает перед исследователем в этой связи, является детальное изучение форм и присущих им методов их деятельности, направленных на охрану и защиту прав и свобод индивидов.

Под формами в общей теории права понимается «практическое выражение деятельности по реализации функций того или иного органа в конкретных условиях» [1]. Говоря об органах исполнительной власти, под формой управленческой деятельности следует понимать «внешнее организационно-правовое выражение конкретных, однородных действий, цель совершения которых – практическое осуществление функций определенного органа» [2], т.е. заслуживающим внимания должно быть признано внешнее проявление урегулированного правом способа совершения конкретных действий, реализация которого будет способствовать достижению поставленной цели. Форму деятельности в рассматриваемом контексте можно рассматривать как «дозволенный или урегулированный законом способ деятельности ОВД РФ при осуществлении конкретных полномочий» [3]. Функции полиции, таким образом, определяются конкретными направлениями и задачами, определяемыми законодательством в качестве цели ее создания. Формы же, в свою очередь, направлены на достижение поставленной цели, посредством реализации объединенных в рамках конкретизирующих ее задач практических действий.

В целях реализации таких функций и полноценного использования имеющихся в распоряжении форм деятельности, органы внутренних дел имеют в своем распоряжении определенный набор приемов, средств и методов воздействия на различные сферы общественной жизни. При этом к методам такой деятельности можно отнести «совокупность законных способов и средств решения задач управления, при применении которых гарантировано соблюдение прав и законных интересов субъектов правоотношений, возникающих в сфере правообеспечения» [4]. Вышесказанное позволяет нам под методом деятельности рассматривать некоторую совокупность упорядоченных на основе законодательства действий, направленных на достижение ожидаемых результатов в процессе решения той или иной конкретизированной еще на уровне целеполагания задачи. Внешнее проявление такой деятельности раскрывается посредством реализации присущих субъекту такой деятельности форм, выступающих необходимостью для достижения положительного результата. Проводя исследование заявленной темы, необходимо сосредоточить свое внимание на тех из них, которые в действительности способны нейтрализовать объективные и субъективные препятствия, с которыми сталкивается индивид при реализации признаваемых за ним прав и свобод.

Следуя традиционным для научной литературы подходам, среди таковых выделим правовые и неправовые (именуемые организационными) формы деятельности органов публичной власти. Так, Т.Н. Радько и Д.В. Пожарский, рассматривая формы реализации функций государства, рассматривают последние как «способы его практической деятельности, направленной на претворение в жизнь целей государства и решение общесоциальных задач. Среди них следует различать правовые и организационные (фактические) формы» [5]. Тот же подход вполне закономерно возможно распространить и на деятельность ОВД РФ при выявлении их роли и значения в правообеспечительном механизме личности. В частности, к таковым предлагается отнести: применительно к юридическим (правовым) – правотворчество (правоустановление) и правоприменение (правоисполнение), организационные же (неправовые), обуславливаются в каждом конкретном случае присущими данным правоохранительным органам профилактическими, техническими, пропагандистскими и прочими мерами воздействия [6]. Согласимся, что такие формы строго регламентированы законом, конкретизируются и реализуются в определенных методах деятельности, нацелены на поддержание должного уровня режима законности в государстве, в т.ч. в сфере взаимодействия его с обществом.

Все эти формы деятельности, безусловно, взаимодействуют друг с другом, образуя единство рассматриваемого механизма. Например, не представляется возможным использование организационных (неправовых) форм без подкрепления их соответствующим правовым инструментарием, обеспечивающим законность деятельности ОВД РФ при обеспечении конституционных прав и свобод индивида. Только в своей совокупности они выражают существо целостного процесса функционирования органов внутренних дел в правообеспечительной сфере граждан. Стоит отметить, что граница между указанными формами не отличается четким очертанием, в своем взаимодействии они дополняют, а иногда и взаимозаменяют друг друга. Однако для лучшего усвоения их содержания, необходимо их рассматривать в отдельности.

Используя правовые формы при обеспечении прав личности, ОВД РФ осуществляют, в первую очередь, нормотворческую и правоприменительную деятельность. В рамках первой из них данные органы, находясь в структуре исполнительной ветви государственной власти, осуществляют разработку, принятие, изменение, дополнение и отмену ведомственных нормативных правовых актов, нацеленных на регламентацию порядка предоставления соответствующих государственных услуг, качество оказания которых само по себе самым непосредственным образом сказывается на удовлетворенности граждан функционированием механизма правообеспечения. Подобные акты вводят работу конкретных подразделений и служб в рамки уважения личности человека, осознания необходимости защиты их прав, а также безусловного служения интересам общества и государства.

Отметим, что правовые акты нормативного характера, принимаемые в системе МВД России, конкретизируют положения вышестоящего по юридической силе законодательства, делают более понятными его положения для самого широкого круга субъектов использования. Подобное предъявляет к ним самые строгие требования, без соблюдения которых о положительной их роли в правообеспечительном механизме говорить не приходится. Так, в самых общих чертах, они должны согласовываться и ни в коем случае не противоречить Конституции РФ, общепризнанным принципам и нормам международного права, международным договорам РФ, федеральным конституционным и федеральным законам, иным актам палат парламента, актам Президента и Правительства нашей страны. Кроме того, они должны четко следовать правилу, закрепленному

в конституционном акте государства, согласно которому ограничение прав и свобод личности возможно только на основании федерального закона и только в той мере, которая необходима для защиты конституционного строя, прав и законных интересов граждан, обеспечения безопасности государства.

Функция нормативного регулирования в сфере внутренних дел (в т.ч. и правообеспечительной сфере личности) возложена на Министерство внутренних дел РФ и реализуется его Центральным аппаратом во главе с Министром[1]. В целях повышения эффективности осуществляемых ведомством мер по совершенствованию правового обеспечения деятельности его сотрудников, бал создан и в настоящее время функционирует особый совещательно-консультативный орган – Экспертный совет МВД России по вопросам нормотворческой работы[2].

Лишь беглый взгляд на нормативные правовые акты, принимаемые в ходе реализации обозначенной работы, позволяет сделать вывод о том, что их предписания направлены не только на упорядочение организационной деятельности отдельных сотрудников и даже целых подразделений, но и на установление определенного порядка реализации гражданами принадлежащих им субъективных прав и свобод[3]. Таким образом, рассматриваемая обеспечительная форма деятельности может быть разделена на внутреннее и внешнее правотворчество.

К первому из них можно причислить издание норм, нацеленных на охрану и защиту прав и свобод самих сотрудников ОВД РФ (предоставление единовременной социальной выплаты на приобретение или строительство жилья, компенсационные выплаты и предоставление дополнительного отдыха в связи с установлением ненормированного рабочего времени, медицинское обеспечение и предоставление страховых выплат в связи с получением вреда здоровью, либо смертью сотрудника и т.п.). Внешнее же правотворчество направлено на регламентацию самого процесса обеспечения должностными лицами ОВД РФ прав и свобод других людей (различные административные регламенты в сфере дорожного движения, в сфере оборота оружия, в сфере регистрации обращений и т.п.).

Нельзя обойти вниманием и такой важный аспект правотворческой деятельности, как выступление с правотворческой инициативой в рамках принятия актов более высокой юридической силы. Реализуется она в деятельности Правительства РФ, членом которого одновременно является Министр внутренних дел. В этом случае действие правообеспечительного механизма личности проявляет себя как в установлении дополнительных гарантий реализации таких прав, так и, возможно, в установлении каких-либо их ограничений, связанных с достижением конституционно провозглашенных целей и решением затрагивающих большую часть общества задач.

Схожей по своей сути выступает и форма по применению норм права. Правоприменительная деятельность является одним из наиболее действенных инструментов реализации правовых норм. При этом такая деятельность выступает еще и в форме управленческого ресурса, т.к. самым непосредственным образом выражается в воздействии на участников общественных отношений при помощи присущих субъекту такого воздействия властных полномочий, предусмотренных нормой права.

В самом общем виде правоприменительная компетенция рассматриваемых нами органов имеет множество общего с подобным ее проявлением в деятельности иных властных органов государства. И в том, и в другом случае им присущи общие черты и признаки. Так, например, при вынесении акта правоприменения, уполномоченные на то должностные лица обязаны руководствоваться общими принципами справедливости, целесообразности и обоснованности принимаемого в отношении конкретного лица решения, а также такого важного принципа, как законность и при этом должны исходить из необходимости обеспечения возможности защиты имеющихся у него прав в полном объеме.

Тем не менее, спецификой правоприменения ОВД РФ является возможность использования различных мер принудительного воздействия на волю участников правоотношений, необходимых как для обеспечения прав отдельных лиц, так и поддержания законности и правопорядка. Это может быть наложение сотрудником полиции предусмотренного нормой права взыскания на

[1] См.: Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2016. - № 52 (ч. V). - Ст. 7416.

[2] См.: приказ МВД РФ от 30 декабря 2018 г. № 906 «Об утверждении Положения об Экспертном совете МВД России по вопросам нормотворческой работы». URL: https://мвд.рф/mvd/sovorg/rulemaking

[3] См., напр.: приказ МВД России от 5 мая 2018 г. № 275 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации». URL: http://www.pravo.gov.ru, 28.06.2018; приказ МВД России от 12 сентября 2013 г. № 707 «Об утверждении Инструкции об организаций рассмотрения обращений граждан в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Росс. газ. 2014. 17 янв.

лицо, совершившее административное правонарушение[1], составление следователем процессуального протокола в отношении лица, задержанного по подозрению в совершении уголовно наказуемого преступления[2] и др.

Методы, характерные для правоприменительной формы деятельности, представляется необходимым разделить на регулятивные и охранительные. Подобное позволит не только выявить специфику рассматриваемого вида деятельности, но и позволит проследить их динамику. Регулятивные используются в управленческо-распорядительном направлении функционирования рассматриваемых органов и служат для разрешения как внешнеорганизационных (например, осуществление функции по надзору и контролю за лицами, условно-досрочно освобожденными из мест лишения свободы), так и внутриорганизационных (например, направление на обследование военно-врачебной комиссии с целью установления тяжести вреда, причиненного здоровью) вопросов. Охранительные же проявляют себя в опосредованном участии ОВД РФ в административно-управленческих отношениях и напрямую не связаны с совершением их участниками правонарушений. Тем не менее, именно они в большей степени, ввиду более широкого круга их распространения, оказывают непосредственное влияние на возможности участников правоотношений по беспрепятственному использованию принадлежащих им прав и свобод. Сюда можно включить, например, осуществление функций по обеспечению безопасности дорожного движения, миграционный учет граждан и т.п. Подобная деятельность напрямую не обеспечивает защиту прав индивидов, однако приобретает по отношению к последним охранительный характер, с которым как раз-таки и связывается действительная реализация личностью предоставляемых ей возможностей.

Более выраженной конкретностью применительно к объекту правового воздействия обладают неправовые (организационные) формы деятельности ОВД РФ. В рассматриваемой сфере они проявляются в охране общественного порядка в местах массового пребывания граждан, отстаивании их социальных благ, поддержании должного уровня профессиональной компетенции сотрудников, позволяющих им ориентироваться в способах и средствах защиты прав и свобод, разъяснить нуждающимся порядок отстаивания и восстановления нарушенного права. Они создают сами условия, необходимые для полноценной и беспрепятственной правореализации, а в случае необходимости обеспечивающие незамедлительное реагирование на их нарушения, в т.ч. и применение необходимых мер правового принудительного воздействия.

Именно эти методы, как представляется, можно назвать доминирующими элементами в процессе функционирования механизма правообеспечения личности. Так, мероприятия по охране имущества при чрезвычайной ситуации, розыск похищенных ценностей и иные мероприятия, проводимые органами внутренних дел, сами по себе выступают в роли тех гарантий, от реализации которых зависит фактическая полнота правового статуса личности. В этом и проявляется специфика рассматриваемого субъекта.

Деятельности ОВД РФ в правообеспечительном механизме личности присуще использование специфических средств и способов правового воздействия, которые раскрывают себя в определенных методах работы. К основным из них можно отнести метод убеждения и метод принуждения. Убеждение, как известно, заключается в склонении к добровольному соблюдению тех требований, которые закреплены в норме права, основанному на их внутреннем признании, включении их в свою модель поведения как осознанной необходимости. Данному методу присуща широкая многогранность. В качестве непосредственных способов в данном случае можно перечислить такие из них как обучение, разъяснение, агитация, пропаганда, обмен опытом и т.п. Высокую эффективность в данном случае приобретают примеры из личной жизни, различные рекламные кампании, неформальный, небюрократический подход к своим обязанностям, своевременная работа с обращениями граждан и многое другое. Усиливать воздействие средств убеждения также может доверительная атмосфера и позитивный моральный климат в коллективах, система организации труда, а также эффективный контроль.

Результатом действия такого механизма будет являться усвоение и принятие истинных социальных ценностей, положительное изменение сознания и поведения личности и их коллективов, развитие стремления соблюдать правовые и прочие социальные нормы. При воздействии с помощью убеждения у противостоящего субъекта формируется восприятие действительности, соответствующее тому, кто осуществляет такое воздействие, оно приобретает черты схожих нравственных принципов. В обществе в результате такой целенаправленной работы складывается понимание необходимости четкого соблюдения

[1] См.: Кодекс Российской Федерации об административных нарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - № 1 (ч. 1). - Ст. 1.

[2] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СЗ РФ. - 2001. - № 52 (ч. 1). - Ст. 4921.

его членами правовых и нормативных предписаний.

Эффективно себя проявляет такой метод и в сфере превенции отклоняющегося от нормы поведения. Воздействуя на волю и сознание человека, без присущей иным методам силовой компоненты, он служит цели побуждения индивида либо к поведению, которое правомерно и осмысленно, либо к добровольному и самостоятельному отказу от реализации противозаконных действий. Все это, безусловно, способствует поддержанию либо восстановлению общего состояния ненарушаемости, что, в свою очередь, выступает в качестве предназначения правообеспечительного механизма основных прав и свобод личности.

Тем не менее, широкое распространение в деятельности ОВД РФ получает и метод принуждения. В отличие от предыдущего, его суть сводится к навязыванию личности единственно возможного варианта поведения и основывается он на использовании организационно-силовых способов воздействия на волю и сознание субъектов правоотношений. Реализован данный метод может быть непосредственно как путем применения установленных в законодательстве мер пресечения и принуждения, так и посредством осознания индивидом самой угрозы такого применения. Достоинства его сводятся к тому, что искореняются сами мотивы маргинального или иного отклоняющегося поведения. Общественно полезное же его проявление, наоборот, поощряется.

Кроме того, как уже было отмечено, данный метод содержит в себе возможности насильственного поведения сотрудников ОВД РФ, допускающего, в числе прочего, применение физической силы, специальных средств, а также огнестрельного оружия при наличии определенных обстоятельств, преследующих целью защиту прав и свобод людей. Важно понимать, что цель такого применения, однако, не сводится к причинению правонарушителю нравственных или физических страданий, что, казалось бы, справедливым для первобытнообщинного строя. Его предназначение – непосредственное удовлетворение интересов лица, чье право было попрано неправомерными действиями правонарушителя, а опосредованно – удовлетворение запросов общества на поддержание общего состояния правопорядка в государстве и, тем самым, действительности правообеспечительного механизма личности.

Метод государственного принуждения, по мнению ученых, раскрывается в деятельности ОВД РФ посредством применения мер административно-правового и уголовно-правового (уголовно-процессуального) принуждения [7]. И тот и другой вид включает в себя превентивные меры (такие как осмотр зданий и помещений, проверка документов), а также меры взыскания (административный арест, лишение свободы). Меры принуждения в деятельности ОВД, таким образом, представляют собой применяемые сотрудниками полиции средства как силового, так и не силового воздействия на правонарушителя, обеспечивающие защиту и охрану прав и свобод индивида в соответствии с требованиями законодательства.

В ситуациях чрезвычайного характера значительно повышается правообеспечительная деятельность ОВД РФ, а именно во время различных катастроф и стихийных бедствий, эпидемий, а также присущих для крупных городов-мегаполисов массовых беспорядков и совершения терактов. В подобных экстренных ситуациях присущие человеку права, касаемые его здоровья, жилищной сферы, собственности, здоровой экологии и иные права попадают в повышенную зону их нарушения и, следовательно, вызывают необходимость их оперативной и безоговорочной защиты. Защита и обеспечение прав и свобод людей в подобных случаях приобретает повышенную сложность по определенным объективным причинам. Поскольку только от эффективной деятельности сотрудников ОВД РФ зависит полноценное состояние механизма правообеспечения и законных интересов граждан, предотвращение паники, недопустимость совершения тяжких и особо тяжких преступлений, оперативность оказания требуемой помощи людям.

Еще одним компонентом механизма правообеспечения личности выступает реализация правозащитных полномочий ОВД РФ в отношении определенных категорий нуждающихся лиц. Это может быть связано в первую очередь с посягательством на жизнь и здоровье индивидов, а также безопасность их имущества. К этой группе, помимо судей, можно отнести должностных лиц правоохранительных органов, в отношении которых предусмотрено законом осуществление мер безопасности, а также социальной и защиты правовой, в связи с осуществлением последних своей профессиональной деятельности[1]. В этом случае сотрудники ОВД РФ в рассматриваемом нами механизме могут выступать с различных сторон, а в качестве компенсаторного механизма законодательством предусматриваются различные меры защиты, в т.ч. социальной (выплата компенсаций и страховых сумм).

Особого внимания заслуживает и такая форма деятельности органов внутренних, как реагирование на поступающие в их территориальные органы заявления, жалобы и обращения. В дан-

[1] См.: Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СЗ РФ. - 1995. - № 17. - Ст. 1455.

ном контексте стоит согласиться с мнением А.Б. Смушкина, связанным с тем, что данный элемент защиты (как часть правообеспечения) может иметь эффект только в том случае, если властные органы государства и управления будут оперативно действовать при выявленных нарушениях прав граждан, а также профессионально относиться к своим обязанностям [8]. В нашей стране в ОВД такая помощь предоставляется как российским гражданам, так и иным категориям лиц (лицам без гражданства и иностранцам), в т.ч. и их законным представителям. В данном случае имеются определенные формы контроля за принимаемыми в ходе такой деятельности решениями и осуществляемыми действиями[1].

Однако при ближайшем рассмотрении в этой сфере видится немало проблемных и нерешенных моментов. Слабые места отмечают как сами практические работники, так и отдельные исследователи. В качестве примера уместно привести мнение Н.А. Чертовой, которая, выделяя достаточность усилий рассматриваемых нами органов, направленных на борьбу с преступностью и охрану общественного порядка, признает малую их эффективность в природоохранительной сфере, некоторых иных сферах, связанных с удовлетворением культурных и социально-экономических потребностей личности [9].

Следует согласиться с выводами отдельных исследователей о том, что для наиболее правильного определения положения ОВД РФ в правозащитной сфере (как элемента правообеспечительного механизма) необходимо конкретизировать и увеличить их компетенцию по участию в механизме защиты прав и свобод личности. Наиболее актуальным видится предложение о необходимости разработки специального нормативного акта в форме Основ законодательства РФ о правах человека, определяющего основные задачи и конкретные цели деятельности правозащитных учреждений [10].

Кроме того, видится правильным в качестве одного из направлений деятельности министерств, управлений и отделов МВД России по субъектам предусмотреть тесное взаимодействие их с полномочным представителем Президента России в федеральном округе, а также с уполномоченными по правам человека и по правам ребенка в субъектах РФ в сфере обеспечения и защиты прав и свобод граждан, в т.ч. и защиты интересов своих сотрудников.

[1] См.: приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Росс. газ. 2014. 14 нояб.

Исходя из всего сказанного, можно заключить, что сфера взаимоотношений между органами, подразделениями и службами МВД РФ и гражданами государства представляет собой своеобразную «лакмусовую бумажку» состояния механизма обеспечения прав и свобод в нашей стране. Рассматриваемые нами органы олицетворяют собой правопорядок, защищенность его членов общества, а также являются видимым инструментом государственной власти по поддержанию должного уровня национальной безопасности, показателем ее фактического отношения к людям и закону. Только поэтому неэффективность деятельности ОВД РФ воспринимается населением возмущенно, а нередко и с недовольством на государство в целом. И наиболее остро в данном случае воспринимаются недоработки в правообеспечительной сфере. Следовательно, плодотворная настройка деятельности этих властных органов в структуре механизма правообеспечения личности – одна из перспективных задач, стоящих перед современной юридической наукой.

Органы внутренних дел во взаимодействии с иными частями рассматриваемого механизма могут быть рассмотрены в качестве эффективного средства достижения основополагающей цели демократического правового государства – уважения прав и свобод человека. Именно эти органы имеют ту совокупность форм и методов присущей им деятельности, которые способны существенным образом повысить качество предоставляемых обществу услуг, обеспечить такой режим в стране, который позволяет беспрепятственно реализовать свои права, свободы и законный интерес каждому, кто на легитимных основаниях находится на его территории. Очевидно, что в последнее время возрастает здесь роль общественного контроля за деятельностью отдельных подразделений и должностных лиц.

Рассматриваемые формы и методы деятельности ОВД РФ служат определенными гарантиями реализации прав и свобод, поскольку направлены на предупреждение, выявление, нейтрализацию и устранение причин нарушений этих прав.

Список литературы:

[1] Комаров С.А. Общая теория государства и права: курс лекций. - 2-е, испр. и доп. - М., 1995. – 312 с. – С. 79, 80; Теория государства и права: курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. - М.: ЗЕРЦАЛО, 1998. – 466 с. – С. 84; Теория права и государства: учеб. / под ред. проф. В.В. Лазарева. - М.: Право и Закон, 1996. – 424 с. – С. 340–343; Теория государства и права: учеб.-метод. пособие для курсантов 1-х курсов / сост.: А.Н. Бабай, Д.А. Бари-

нов, А.Л. Вязов и др. - Хабаровск, 1999. - Ч. 1. – 163 с. – С. 30, 31.

[2] Князева И.И. Органы внутренних дел в механизме обеспечения конституционного права граждан Российской федерации на проведение публичных мероприятий: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2012. – 193 с. – С. 132.

[3] Старосьяк Е. Правовые формы административной деятельности. - М., 1959. – С. 30.

[4] Административная деятельность органов внутренних дел: учеб. / под ред. Л.Л. Попова. - М.: Академия МВД СССР, 1987. – С. 130.

[5] Радько Т.Н., Пожарский Д.В. Теоретические вопросы понятия и классификации функций государства // Общая теория права: история и современное состояние (К 110-летию А.И. Денисова): монография / отв. ред. М.Н. Марченко. – М., 2018. – 416 с. – С. 350; Кроткова Н.В. Общая теория права: история и современное состояние. К 110-летию со дня рождения А.И. Денисова (1906–1984) // Государство и право. 2017. № 4.

[6] Оболонков Д.В. Классификация форм и методов осуществления государством своих функций // Вестник Московского ун-та МВД России. – № 4. – 2007. - С. 51, 52; Сурнин М.Ю. Виды правовой политики и формы ее реализации в Российской Федерации // Власть и управление на Востоке России. – 2006. - № 4 (37). – С. 130–135; Бухтерева М.А. Формы реализации функций государства: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2002. – 26 с.

[7] Мичурина О.В. О применении принуждения при проведении следственных действий // Законодательство. - 2006. - № 4. - С. 27–31; Дихтиевский П.В. Теоретические проблемы определения административно-правового принуждения в сфере обеспечения личной безопасности // Журнал росс. права. - 2004. - № 11. - С. 9–15; Стахов А. Виды административного принуждения // Росс. юстиция. - 2001. - № 9. - С. 14.

[8] Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». – ООО «Новая правовая культура». - 2006. - С. 38.

[9] Чертова Н.А. Роль ОВД и перспективы их деятельности в обеспечении экологической безопасности России // Государство и право. - 2006. - № 5. - С. 35–40.

[10] Анисимов П.В., Папичев Н.В. Правовое регулирование защиты прав человека / под ред. Ф.М. Рудинского. - Волгоград: ВА МВД России, 2003. - С. 94.

Spisok literatury:

[1] Komarov S.A. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij. - 2-e, ispr. i dop. - M., 1995. – 312 s. – S. 79, 80; Teoriya gosudarstva i prava: kurs lekcij / pod red. M.N. Marchenko. - M.: ZERCALO, 1998. – 466 s. – S. 84; Teoriya prava i gosudarstva: ucheb. / pod red. prof. V.V. Lazareva. - M.: Pravo i Zakon, 1996. – 424 s. – S. 340–343; Teoriya gosudarstva i prava: ucheb.-metod. posobie dlya kursantov 1-h kursov / sost.: A.N. Babaj, D.A. Barinov, A.L. Vyazov i dr. - Habarovsk, 1999. - Ch. 1. – 163 s. – S. 30, 31.

[2] Knyazeva I.I. Organy vnutrennih del v mekhanizme obespecheniya konstitucionnogo prava grazhdan Rossijskoj federacii na provedenie publichnyh meropriyatij: dis. … kand. yurid. nauk. – M., 2012. – 193 s. – S. 132.

[3] Staros'yak E. Pravovye formy administrativnoj deyatel'nosti. - M., 1959. – S. 30.

[4] Administrativnaya deyatel'nost' organov vnutrennih del: ucheb. / pod red. L.L. Popova. - M.: Akademiya MVD SSSR, 1987. – S. 130.

[5] Rad'ko T.N., Pozharskij D.V. Teoreticheskie voprosy ponyatiya i klassifikacii funkcij gosudarstva // Obshchaya teoriya prava: istoriya i sovremennoe sostoyanie (K 110-letiyu A.I. Denisova): monografiya / otv. red. M.N. Marchenko. – M., 2018. – 416 s. – S. 350; Krotkova N.V. Obshchaya teoriya prava: istoriya i sovremennoe sostoyanie. K 110-letiyu so dnya rozhdeniya A.I. Denisova (1906–1984) // Gosudarstvo i pravo. 2017. № 4.

[6] Obolonkov D.V. Klassifikaciya form i metodov osushchestvleniya gosudarstvom svoih funkcij // Vestnik Moskovskogo un-ta MVD Rossii. – № 4. – 2007. - S. 51, 52; Surnin M.Yu. Vidy pravovoj politiki i formy ee realizacii v Rossijskoj Federacii // Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii. – 2006. - № 4 (37). – S. 130–135; Buhtereva M.A. Formy realizacii funkcij gosudarstva: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. – M., 2002. – 26 s.

[7] Michurina O.V. O primenenii prinuzhdeniya pri provedenii sledstvennyh dejstvij // Zakonodatel'stvo. - 2006. - № 4. - S. 27–31; Dihtievskij P.V. Teoreticheskie problemy opredeleniya administrativno-pravovogo prinuzhdeniya v sfere obespecheniya lichnoj bezopasnosti // Zhurnal ross. prava. - 2004. - № 11. - S. 9–15; Stahov A. Vidy administrativnogo prinuzhdeniya // Ross. yusticiya. - 2001. - № 9. - S. 14.

[8] Smushkin A.B. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 2 maya 2006 g. № 59-FZ «O poryadke rassmotreniya obrashchenij grazhdan Rossijskoj Federacii». – OOO «Novaya pravovaya kul'tura». - 2006. - S. 38.

[9] Chertova N.A. Rol' OVD i perspektivy ih deyatel'nosti v obespechenii ekologicheskoj bezopasnosti Rossii // Gosudarstvo i pravo. - 2006. - № 5. - S. 35–40.

[10] Anisimov P.V., Papichev N.V. Pravovoe regulirovanie zashchity prav cheloveka / pod red. F.M. Rudinskogo. - Volgograd: VA MVD Rossii, 2003. - S. 94.

Сюе Хунъянь,
аспирант Сианьского университета иностранных языков (Китай),
старший преподаватель Сианьского нефтяного университета (Китай),
e-mail: 275668701@qq.com

О СТРАТЕГИЯХ ПЕРЕВОДА КИТАЙСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗДАНИЯ «СИ ЦЗИНЬПИН О ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ»)

Аннотация. *В данной статье рассматриваются основные переводческие стратегии, используемые при переводе китайского политического текста «Си Цзиньпин о государственном управлении». Автор работы приходит к выводу о том, что в процессе перевода необходимо гибко использовать такие приёмы перевода, как добавления, опущения, описательный перевод и другие, чтобы сделать текст перевода доступным для рецептора.*

Ключевые слова: *стратегии перевода, экспликация, упрощенный перевод, политический текст.*

Xue Hongyan,
PhD student of Xi'an International Studies University(China),
senior lecturer of Xi'an Shiyou University(China)

ON STRATEGIES FOR TRANSLATING CHINESE POLITICAL DISCOURSE: A CASE STUDY OF THE RUSSIAN VERSION OF GOVERNANCE OF CHINA

Annotation. *This article discusses the main translation strategies used in the translation of the Russian Version of Governance of China. The author comes to the conclusion that it is necessary to flexibly use such translation techniques as addition, omission, descriptive translation and others in the process of translation in order to make the translation text accessible to the receptor.*

Key words: *translation strategies, explication, simplified translation, political text.*

«Си Цзиньпин о государственном управлении» — сборник произведений Председателя КНР Си Цзиньпина, содержащих его основные идеи о социализме с китайской спецификой новой эпохи. До сих пор уже опубликованы два тома данного сборника, и они переведены уже более чем на 20 языков, в том числе на русский. Книги привлекли широкое внимание китайских и зарубежных читателей и получили положительные отклики. В данной статье анализируется русский перевод второго тома «Си Цзиньпина о государственном управлении» и установлено о том, что с целью сделать текст перевода более ясным и доступным для русских читателей, переводчик в основном использует такие переводческие стратегии, как экспликация, упрощенный перевод и т.д.

I. Экспликация как стратегия перевода «Си Цзиньпин о государственном управлении»

По определению французских ученых Ж.П. Вине и Ж. Дарбельне, экспликация обозначает в тексте перевода добавление имплицитной информации, содержащейся в контексте или ситуации [1, с.81]. И русский учёный В.Н. Комиссаров определил экспликацию как "лексико-грамматическая трансформация, при которой лексическая единица исходного языка (ИЯ) заменяется словосочетанием, эксплицирующим ее значение, т.е. дающим более или менее полное объяснение или определение этого значения на переводящий язык (ПЯ). С помощью экспликации можно передать значение любого без эквивалентного слова в оригинале" [3, с.185]. По мнению китайского учёного Кэ Фэя, экспликация как стратегия перевода обозначает не только трансформацию видов языковой когезии, но и добавление эксплицитной информации в тексте перевода, которая помогает пониманию читателей ПЯ, и сделает перевод более ясным и доступным [4, с.304]. По определению разных ученых об экспликации можно увидеть, что экспликация обозначает и добавление имплицитной информации, не выраженной в ори-

гинале, и изменение необходимых элементов, которые помогают читателю понять текст перевода, чтобы текст перевода более доступен для читателей ПЯ. Цель экспликации заключается в том, чтобы облегчить и гарантировать понимание читателей ПЯ, которые не владеют исходным языком [7]. Дальше рассмотрим такие конкретные способы экспликации, как добавления, описательный перевод и т.д., которые используются при переводе «Си Цзиньпин о государственном управлении».

(1) Добавления слов

Приём лексических добавлений – прием перевода, который характеризуется использованием в переводе дополнительных лексических единиц для передачи имплицитных элементов смысла оригинала [3, с.249]. Много элементов смысла, являясь в исходном тексте невыраженными, подразумеваемыми, должны быть выражены в переводном тексте с помощью дополнительных лексических единиц. Так как у читателей ПЯ нет соответствующих фоновых знаний, и для них подразумеваемый смысл должен быть передан переводчиком с помощью добавлений слов. Таким образом, прием лексических добавлений помогает сделать перевод более ясным и доступным, гарантирует читаемость текста перевода и восприятие читателей ПЯ. Например:

1. 搞的像《潜伏》一样

Перевод: Как в телесериале «Тайный агент» [5, 214]

2. 贫困县全部摘帽

Перевод: Чтобы все бедные уезды могли снять с себя ярлык «бедного уезда» [5, 107]

Подчеркнутые части “телесериал” и “бедный уезд” в переводе - это то, что добавляет переводчик, и данные добавления делают текст перевода более понятным для читателей ПЯ. Например, в оригинале выражение “潜伏” - это название телесериала, известного почти каждому в Китае. Китайские читатели могут понять, что это означает, как только видят это выражение. Но для русских читателей данное выражение незнакомо, и они не знают, что это значит. Таким образом, переводчик добавляет слово “телесериал” к выражению «Тайный агент», чтобы читатели ПЯ смогли понять текст перевода. Во втором примере “贫困县全部摘帽» обозначает, что всем бедным уездам удалось ликвидировать бедность, то есть у этих уездов не будет названия “бедный уезд”. “Снять ярлык” - это образная метафора, и название “бедный уезд” сравнивают с ярлыком, вывести бедные уезды из нищеты - именно как снять ярлык. Если выражение “摘帽» только дословно переводится как “снять с себя ярлык”, то русскоязычная аудитория не может понять его истинный смысл. Переводчик добавляет «бедный уезд» к слову “ярлык”, чтобы сделать смысл выражения более ясным, помочь читателей ПЯ понять оригинальный текст и таким образом достичь цели общения.

(2) Описательный перевод

Описательный перевод - это изложение, свободная передача содержания (смысла) переводимого текста в другой форме и другими словами [6]. Данный способ перевода представляет собой способ передачи безэквивалентной лексики, заключающийся в раскрытии значения исходной единицы с помощью словосочетаний, и также прием перевода, который заключается в описании средствами другого языка обозначенного понятия. К этому приему прибегают, если в языке перевода нет соответствующей номинации или она не известна переводчику. Как наиболее универсальный прием, описательный перевод способен помочь переводчику в самых сложных условиях. Ниже мы рассмотрим некоторые примеры, в которых переведены сокращения и идиомы путем применения описательного перевода.

а. Перевод сокращений

Описательный перевод используется в таких случаях, когда в переводящем языке нет эквивалентного сокращения. При переводе сокращений политических терминов данный способ применяется достаточно широко, что обусловлено спецификой политик разных стран и, соответственно, отсутствием тех или иных реалий. Сокращения в книге «Си Цзиньпин о государственной политике» включают в себя в основном два вида: сокращения с цифрами(например, “四风”、“三农”、“三去一降一补” и т.д.) и сокращения без цифр(например, “高精尖缺”、“亲诚惠容” и т.д.). Данные сокращения политических терминов характеризуются лаконичностью, отличается китайской спецификой и богатыми коннотациями. К ним отсутствуют сокращения-эквиваленты в русском языке. В данных случаях необходимо применять описательный способ перевода, чтобы облегчить и гарантировать восприятие читателей ПЯ. В противном случае, если читатели не смогут понять, мы потеряем смысл перевода текста.

Описательный перевод - способ перевода, который включает в себя раскрытие значения реалии с помощью развернутых словосочетаний, раскрывающих признаки обозначаемого лексической единицей явления. Часто встречаются такие случаи, когда вместо самого сокращения в переводе приводится его объяснение. Приведём примеры.

3. 突出“高精尖缺”导向

Перевод: Нужно придавать особо важное значение тому, чтобы задавать направление

работ в областях высоких, точных, самых передовых и отсутствующих у нас технологий [5, 291].

4. 加强对小微企业、“三农”和偏远地区的金融服务...

Перевод: усилить финансовое обслуживание микропредприятий, крестьян, села, сельского хозяйства и отдалённых районов ... [5, 409]

Иногда при переводе сокращений используются комбинированные способы, например, дословный перевод + описательный перевод, это значит дословный перевод сокращения иностранным сокращением с комментариями или с примечаниями внизу страницы или в конце текста. Например,

5. 纠正“四风”问题

Перевод: Исправляя «4 вредных поветрия»: формализм, бюрократизм, гедонизм и любовь к роскошеству [5, 201].

b. Перевод идиом

Для перевода идиомы оптимальным переводческим решением является поиск идентичного идиоматического выражения. Однако следует признать, что число подобных соответствий в двух языках крайне ограничено. Л.Ф. Дмитриева утверждает, что в целях объяснения смысла идиоматического выражения, которое не имеет в русском языке ни аналога, ни эквивалента и не подлежит дословному переводу, переводчику необходимо прибегнуть к описательному переводу [2, с. 121]. Например,

6. 喊口号、练虚功、摆花架，只是叶公好龙

Перевод: Ограничиться выкрикиванием лозунгов, пустой суетой, устраивать показуху, как Е-гун в древней притче, который кричал, что любит драконов, но любил их лишь на словах [5, 158]

В данном примере при переводе используется описательный перевод. “叶公好龙”- это фразеологизм с намеками, который обозначает, что человек называет что-то своим хобби, а на самом деле это не его настоящее хобби, а даже его страх или отвращение. В русском языке нет соответствующей идиомы для передачи одного и того же значения. Таким образом, переводчик использует описательный перевод для передачи аллюзии фразеологизма как “Е-гун в древней притче, который кричал, что любит драконов, но любил их лишь на словах”, так, чтобы целевая аудитория смогла понять текст перевода. В русском переводе «Си Цзиньпин о государственном управлении» существует немало подобных примеров, например, идиома “化干戈为玉帛”переводится как “превращение враждебности в дружелюбие” и т.д.

В общем, путём применения стратегии экспликации можно раскрыть имплицитную информацию и фоновые знания в переводе. Хотя объем перевода увеличился, но данная стратегия перевода позволяет достичь высокой степени понятности и точности, гарантировать читаемость перевода.

II. Упрощенный перевод как стратегия перевода «Си Цзиньпин о государственном управлении»

Упрощенный перевод, также известный как приём опущения, является методом, прямо противоположным приему лексических добавлений. При данном способе перевода опускаются слова, которые являются семантически избыточными при восприятии текста. Перевод китайского политического текста может сопровождаться как приемом лексических добавлений, так и опущением избыточных элементов в соответствии с языковыми и стилистическими нормами языка перевода. Исследуя русский перевод «Си Цзиньпин о государственном управлении», мы обнаружил, что приём опущения достаточно широко используется при переводе. В качестве примера мы рассмотрим упрощение названий и повторяющихся структур в переводе «Си Цзиньпин о государственном управлении».

(1) Упрощение названий

Названия книг и тематических разделов являются ключевыми элементами, которые привлекают читателей к чтению. Правильный и лаконичный перевод названия поможет привлечь внимание иностранных читателей и вызвать их желание читать. Таким образом, необходимо сделать перевод кратким и заметным, чтобы читатели ПЯ могли узнать основное содержание с первого взгляда. Если названия книг и тематических разделов дословно переведены с китайского языка на русский, то из-за различий двух языков перевод может показаться многословным в русском языке. Таким образом, с учётом языковых и стилистических норм русского языка необходимо применять упрощенный перевод при переводе названий книги и тематических разделов «Си Цзиньпин о государственном управлении».

Возьмем в качестве примера перевод названия книги «习近平谈治国理政(Си Цзиньпин о государственном управлении)». В данном названии два выражения “治国” и “理政” являются синонимичными. Использование двойных синонимов в китайском языке является характерным. Для русского языка такое явление не характерно, поэтому при переводе необходимо опустить один из синонимов и заменить два слова одним. В данном случае имеет место прием опущения. Таким образом, словосочетания “治国(править страной)” и “理政(управлять политикой)” должны быть сокращены

только в одно. И название «习近平谈治国理政» переводится как: “Си цзиньпин о государственном управлении”. Перевод названия может легко вызвать у читателя предположение о том, что в книге Си Цзиньпин говорит об основных направлениях политики Китая.

Кроме того, опущены переводчиком и избыточные элементы в названиях тематических разделов русского перевода «Си Цзиньпин о государственном управлении». Большинство названий тематических разделов в оригинале представляет собой слоганы с повелительным наклонением, и многие из них слишком длинны, что, если дословно переведены на русский, то перевод недостаточно лаконичен, итак необходим способ опущения. Нужно упростить название так, чтобы сохранить и выделить ключевые слова или семантическое ядро оригинальных названий в переводе. В книге «Си Цзиньпин о государственном управлении» всего 17 тематических разделов. И при переводе названий 11 тем из них используется приём опущения. Рассмотрим примеры.

7. 坚持“一国两制”，推进祖国统一

Перевод: “Одна страна - две системы”

8. 推进中国特色大国外交

Перевод: Дипломатия великой державы с китайской спецификой

9. 促进“一带一路”国际合作

Перевод: Международное сотрудничество в рамках инициативы “один пояс - один путь”

10. 推动构建人类命运共同体

Перевод: Создание сообщества единой судьбы человечества

В вышеприведенных примерах переводчик применяет приём опущения в соответствии с языковыми и стилистическими нормами русского языка, умеренно сокращая названия и опуская такие глаголы, как “坚持”, “推进”, “促进”, “推动”, не имеющие практического значения. Таким образом, ключевые слова или семантическое ядро в оригинальных названиях могут быть сохранены и выделены, чтобы перевод был доступен для читателей ПЯ.

(2) Упрощение повторяющейся структуры

11. 做到忠于党、忠于国家、忠于人民、忠于法律

Перевод: Преданность партии, государству, народу и закону[5, 169]

12. 深入学习马克思列宁主义、毛泽东思想，深入学习邓小平理论、“三个代表”重要思想、科学发展观，深入学习十八大以来党的理论创新成果

Перевод: Глубоко изучить марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна, а также теорию Дэн Сяопина, важнейшие положения концепции “тройного представительства”, концепцию научного развития и результаты теоретического новаторства партии, достигнутые после XVIII съезда КПК[5, 158]

Чтобы усилить речь и выделить ключевые моменты, в китайских политических текстах часто используют большое количество повторяющихся слов и параллельных структур, каких у русских принято избегать. Таким образом, если переводчик дословно переводит эти повторяющиеся слова и параллельные структуры с китайского языка на русский, то переводный текст кажется русскоязычной аудитории многословным и ей трудно понять основную точку зрения говорящего. Поэтому в данном случае переводчик часто применяет способ опущения, при котором не наносят ущерба прямому смыслу оригинала, а делают текст перевода более ясным и доступным. Поэтому в первом вышеприведённом примере четыре слова “忠于” в оригинале сокращаются до одного “преданность” в переводе, а во втором примере три словосочетания“深入学习” в исходном тексте упрощены до одного «глубоко изучить» в переводном тексте. Упрощенный перевод позволяет избавиться от переводизма и китаизма в переводе, сделать перевод более лаконичным, тем самым значительно повысить читабельность перевода.

Итак, чтобы облегчить трудность читателей ПЯ при чтении, необходимо использовать некоторые методы перевода, при которых переводчик опускают избыточную информацию исходного текста.

Заключение. Таким образом, при переводе политических текстов переводчик должен гибко использовать такие приёмы перевода, как добавления, опущения, описательный перевод и другие, для того чтобы точно передавать имплицитную культурную информацию читателям ПЯ, упрощать выражение в соответствии с языковыми привычками целевого языка и применять более знакомые читателям языковые единицы, и таким образом сделать текст перевода более доступным для рецепторов, достичь цели перевода политических текстов.

Список литературы:

[1] Klaudy, Kinga.2004. Explicitation. M. Baker. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Shanghai: SFLEP. C.81.

[2] Дмитриева Л.Ф. Английский язык. Курс перевода. Ростов н/Д, 2005.

[3] Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа,1990. 253с.

[4] Кэ фэй. Экспликация и импликация в переводе // Обучение и исследование иностранных языков.2005 , № 4. С. 304.

[5] Си Цзиньпин. Си Цзиньпин о государственном управлении. Т. 2. — Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2017.

[6] Толковый переводоведческий словарь. - 3-е издание, переработанное. — М.: Флинта: Наука. Л.Л. Нелюбин. 2003.

[7] Ян Лиюнь, Экспликация в художественном переводе //Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. 2017.

Spisok literatury:

[1] Klaudy, Kinga.2004. Explicitation. M. Baker. Routledge Encyclopedia of Translation Studies. Shanghai: SFLEP. S.81.

[2] Dmitrieva L.F. Anglijskij yazyk. Kurs perevoda. Rostov n/D, 2005.

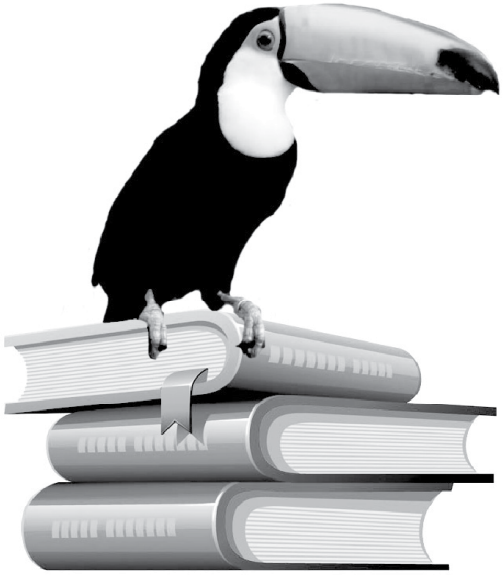
[3] Komissarov V.N. Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty). – M.: Vysshaya shkola,1990. 253s.

[4] Ke fej. Eksplikaciya i implikaciya v perevode // Obuchenie i issledovanie inostrannyh yazykov.2005, № 4. S. 304.

[5] Si Czin'pin. Si Czin'pin o gosudarstvennom upravlenii. T. 2. — Pekin: Izd-vo literatury na inostrannyh yazykah, 2017.

[6] Tolkovyj perevodovedcheskij slovar'. - 3-e izdanie, pererabotannoe. — M.: Flinta: Nauka. L.L. Nelyubin. 2003.

[7] Yan Liyun', Eksplikaciya v hudozhestvennom perevode //Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. 2017.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий отделом Института законодательства
и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
профессор Московского городского педагогического университета
e-mail: mail@law-books.ru

НОВИКОВА Кира Станиславовна,
аспирант Института законодательства и
сравнительного правоведения при Правительстве РФ
e-mail: mail@law-books.ru

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СУБЪЕКТ СУДЕБНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

Часть статьи, написанная Д.А. Пашенцевым, подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

Аннотация. *В статье исследованы перспективы использования искусственного интеллекта при осуществлении правосудия. Искусственный интеллект рассматривается как субъект толкования права при вынесении судебных актов, обозначены теоретические проблемы правового регулирования искусственного интеллекта в процессе судопроизводства, исследован статус «робота-судьи». В качестве перспективы развития электронного правосудия в Российской Федерации рассмотрена возможность принятия «смарт-решений» искусственным интеллектом.*

Ключевые слова: *применение права, толкование права, искусственный интеллект, робот-судья, «смарт-решение», цифровые технологии.*

PASHENTSEV Dmitry Alekseevich,
Doctor of Law, Professor,
head of the Department of the Institute of legislation
and comparative law under the government of the Russian Federation,
Professor of the Moscow city pedagogical University

NOVIKOVA Kira Stanislavovna,
postgraduate student of the Institute of legislation and
comparative law Under the government of the Russian Federation

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A SUBJECT OF JUDICIAL INTERPRETATION OF LAW

Part of the article, written by D.A. Pashentsev, was prepared with the financial support of the RFBR, scientific project 18-29-16219 «Innovations in the mechanisms of law-making and legal implementation in the context of digital technologies development».

Annotation. *The article examines the prospects for using artificial intelligence in the administration of justice. Artificial intelligence is considered as a subject of interpretation of law when making judicial acts, theoretical problems of legal regulation of artificial intelligence in the course of legal proceedings are identified, and the status of a «robot judge» is investigated. The possibility of making «smart decisions» by artificial intelligence is considered as a perspective for the development of electronic justice in the Russian Federation.*

Key words: *application of law, interpretation of law, artificial intelligence, robot judge, «smart decision», digital technologies.*

В современных условиях юридическая сфера общества все сильнее испытывает воздействие со стороны цифровых технологий, широкое использование которых в перспективе может существенно поменять ряд важных параметров юридической деятельности [4, с. 196]. Это относится как к правотворчеству, так и к правоприменению. Важнейшим правоприменительным органом является суд. В последние годы ученые-правоведы, а также публицисты все чаще пишут о цифровизации судопроизводства [3, с. 141 - 150]. Представляется, что в этом процессе можно выделить два главных аспекта. Первый из них связан с использованием тех богатых возможностей, которые представляют цифровые технологии, для совершенствования вспомогательных аспектов деятельности судов. Речь идет, например, о подготовке документов, об автоматическом ведении протоколов судебных заседаний и т.д. Второй аспект состоит в возможном использовании искусственного интеллекта, также являющегося цифровой технологией, для принятия судебного решения, т.е. фактически о замене судьи-человека на робота, который становится субъектом правоприменения.

Первый аспект вызывает, как правило, только вопросы технического характера. Разумное использование новых технологий может облегчить работу судов, повысить скорость рассмотрения дел, облегчить выполнение судебными работниками вспомогательных функций.

Второй аспект – роботизация непосредственно судейской деятельности – вызывает обоснованные сомнения. Может ли робот полноценно заменить судью-человека? Как быть в этом случае с судебным усмотрением, предполагающим не только юридическую, но иногда и нравственную оценку ситуации и представляемых доказательств? Как построить эффективный контроль за деятельностью судьи-робота и теми решениями, которые он выносит?

Разграничение этих двух аспектов можно связать с разделением самого искусственного интеллекта. В.К. Андреев справедливо пишет о наличии прикладного (слабого) искусственного интеллекта, который решает одну или несколько задач, а также о создании «универсального (сильного) интеллекта, по сути, аналога человеческого мозга, способного решать любые интеллектуальные задачи» [1, с. 60]. Представляется, что серьезных теоретических проблем в вопросах использования «слабого» искусственного интеллекта в судебной деятельности нет. Но вопрос об использовании сильного интеллекта остается пока открытым.

В 2011 г. в газете “The New York Times” была опубликована статья Дж. Маркова о перспективах и возможностях замещения юристов цифровыми технологиями в судах [11]. Юристов предлагалось заменить роботами только на стадии сбора доказательств с целью сокращения судебных издержек. Сбербанк России в 2017 г. начал использовать роботов-юристов в процессе подготовки исковых заявлений, в результате чего были проведены масштабные сокращения работников-юристов [6]. Московский городской суд начал внедрять электронные технологии ведения протоколов судебных заседаний.

В последнее время дискуссионным является вопрос возможности применения искусственного интеллекта непосредственно в сфере вынесения судебных решений [2]. Речь идет уже не о возможности использования цифровых технологий в подготовительной деятельности юристов, а об использовании искусственного интеллекта при осуществлении правосудия. Быстрое развитие цифровых технологий, имеющих в основе функционирования искусственный интеллект, вызывает необходимость теоретического осмысления возможности их использования в данном качестве.

Электронное правосудие является одним из трех структурных элементов электронного государства [8, с. 5, 6]. На сегодняшний день во многих странах уже внедрены и активно используются отдельные элементы электронного правосудия, в связи с чем важно определить пределы использования современных информационных технологий при осуществлении правосудия, в т.ч. определить возможность и перспективы замены судьи искусственным интеллектом.

Актуальность вопроса повышается в связи с теми практическими шагами в данной сфере, которые предпринимаются в ряде государств. Так, в 2018 г. в Дубае было анонсировано проведение судебного процесса без участия судьи. Возможность замены судьи искусственным интеллектом также была анонсирована в Белоруссии, при этом отмечается, что в ближайшем будущем искусственному интеллекту можно передать рассмотрение дел по административным правонарушениям.

В Бразилии уже используется программа «Электронный судья», которая анализирует свидетельские показания и вещественные доказательства при дорожно-транспортных происшествиях, квалифицирует административное правонарушение и формирует обоснование для последующего вынесения судом решения.

В Германии активно разрабатывается программа “Elterngeld” («Деньги родителей»), которая принимает решение по искам о детских пособиях [5]. В качестве достоинства данной программы необходимо отметить открытый исходный код,

который обеспечивает прозрачность принятия решения.

В Китайской провинции Шаньдун искусственный интеллект применяется в уголовном судопроизводстве по таким категориям дел, как убийство, грабеж, изнасилование и покушение на государственную безопасность.

В США уже давно используют искусственный интеллект для принятия досудебных решений. В Эстонии проходит тестирование робота-судьи для решения споров, вытекающих из договорных отношений. Аналогичные программы также используются в Сингапуре и Франции.

Необходимо отметить, что статус «цифрового» судьи или, другими словами, «робота-судьи» в зарубежных странах до сих пор не определен, и решения, принятые искусственным интеллектом, все равно принимаются от лица судьи-человека, что вызывает немало сложностей при обжаловании такого решения.

В России искусственный интеллект также рассматривается в контексте перспективного развития правосудия. Об этом свидетельствует, в частности, Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».

О необходимости тщательной проработки научной основы использования искусственного интеллекта в судебной деятельности свидетельствует принятие Европейской этической хартии по использованию искусственного интеллекта в судебных системах и их окружении.

Данный документ является первым европейским документом, содержащим принципы использования искусственного интеллекта в судебных системах. Одним из наиболее важных принципов является принцип открытости и беспристрастности, который фактически означает открытый доступ к алгоритму работы искусственного интеллекта. Кроме того, судья должен быть наделен правом «отходить» от решения искусственного интеллекта, т.е. не согласиться с предложенным ему «смарт-решением». Использование информационных технологий судебной деятельности также не должно иметь безальтернативный характер.

В доктрине под искусственным интеллектом, как правило, понимают науку и технологию программирования компьютерных машин на выполнение тех функций, которые в случае выполнения их человеком потребуют от человека интеллектуальных усилий [7]. В качестве основных признаков искусственного интеллекта можно выделить его автономность, т.е. возможность функционирования без участия человека, а также самообучаемость.

Ряд ученых отмечали немалое сходство логики искусственного интеллекта и логики юридической науки: «Иногда вся система может представляться в виде некоторой мощной метафоры, которая облегчает решение задачи благодаря резко выраженным свойствам аналогий. Изучение их близко к рассмотрению случаев в юридической школе» [9, с. 278].

Проведенный Университетским колледжем Лондона эксперимент показал высокую точность результатов рассмотрения дел в суде – 79% и одновременно с этим выявил главный недостаток применения искусственного интеллекта при анализе материалов дела – невозможность понять фабулу рассматриваемого дела. Такой результат поставил под сомнение полную замену судьи роботом до тех пор, пока не будет разработан алгоритм, позволяющий в полной мере учитывать факты, содержащиеся в материалах рассматриваемого дела [10, с. 240].

Судья, выносящий судебное решение, осуществляет при этом толкование права применительно к конкретному делу. Передача искусственному интеллекту функции принятия судебных решений фактически означает передачу ему функции толкования права. И если раньше в теории права было принято считать, что субъектом толкования права является лицо или орган, устанавливающий содержание нормативных правовых актов с целью их реализации, то в ближайшее время к субъектам судебного толкования может прибавиться искусственный интеллект, а точнее алгоритм, в основе которого лежит выбор и применение той или иной нормы к конкретным правоотношениям.

Судья в процессе толкования права использует основные способы толкования правовых норм, такие как грамматический, логический, системный, историко-политический и т.д. Кроме того, в процессе толкования права суд исследует существование официального толкования или разъяснения нормы права высшей судебной инстанцией. Деятельность суда в процессе принятия решения основана на нормах процессуального законодательства, которыми закреплены такие принципы, как разумность, справедливость, равноправие. Необходимо также отметить, что судья руководствуется внутренним убеждением, которое зависит от его личности и условий ее формирования. Нравственная оценка дела пока (возможно, и в будущем) доступна только человеку как личности и не доступна роботу, даже функционирующему на основе искусственного интеллекта.

Именно совокупность указанных действий позволяет судье выявить смысл правовой нормы и применить ее в каждом конкретном случае.

Результатом судебного толкования является судебный акт, следовательно, в ближайшем будущем нас ждут «смарт-решения», «смарт-определения», «смарт-постановления» и т.д. И если «смарт-контракт» уже успешно закрепился в юридической деятельности, то термин «смарт-решение» представляется почти фантастическим. Анализ принятия решений суда искусственным интеллектом в зарубежных странах доказывает необходимость теоретической проработки данного термина.

В настоящее время «смарт-решение» можно определить, как решение суда, принятое искусственным интеллектом, в процессе принятия которого, искусственный интеллект толкует правовые нормы на основании определённого алгоритма и введенных данных. К безусловным преимуществам цифровых решений суда следует отнести: 1) непредвзятость при принятии решения, при этом необходимо отметить важность корректности внесения данных, на основании которых алгоритм сможет вынести судебное решение; 2) скорость обработки всех имеющихся данных, в т.ч. схожих судебных актов. Данное преимущество позволит исключить принятие противоположных решений по аналогичных делам; 3) отсутствие арифметических ошибок при осуществлении расчетов; 4) отсутствие коррупционного фактора. Несмотря на это, необходимо отметить опасность применения смарт-технологий в процессе принятия судебного решения, т.к. искусственному интеллекту недоступны такие категории, как чувство ответственности, самоанализа, справедливости, разумности.

Применительно к российскому судопроизводству использование искусственного интеллекта при вынесении решения представляется возможным. Искусственный интеллект можно применять в делах с простой фабулой спора, например, в расчетных делах, где значительную долю решения занимают математические расчеты (например, определение долей при наследовании). Искусственный интеллект может оценить доказательства, представленные в материалах дела, рассматриваемого в порядке упрощенного производства, особенно в случаях, когда ответчик не отрицает факт наличия задолженности (например, подписан акт сверки взаиморасчетов). Применение искусственного интеллекта возможно в процессе принятия решений по делам с однотипной фабулой спора, которая отличается только цифровыми показателями. Данная инновация позволит уменьшить риск математических ошибок и опечаток, и, кроме того, позволит судье посвятить больше времени делам со сложной фабулой спора, где непосредственно важна оценка доказательств и обстоятельств судебного дела.

Кроме того, активное использование «смарт решений» может являться средством обеспечения принципа единообразия судебной практики. При этом утверждать предложенное «смарт-решение» или осуществлять выбор между такими решениями должен непосредственно судья-человек, который непосредственно и будет нести ответственность за принятый акт.

Таким образом, суть использования искусственного интеллекта в процессе принятия решения должна заключаться не в передаче искусственному интеллекту функции толкования права, а в создании судье условий для принятия наиболее справедливого решения. Использование искусственного интеллекта в судебном процессе на современном этапе должно состоять не в конструировании новой модели отношений, основанной на наделении робота-судьи статусом правоприменителя, а в органическом включении цифровых технологий в уже существующую модель судопроизводства. Таким образом, говорить о замене судьей роботом преждевременно. Тем не менее, активность внедрения искусственного интеллекта в судебную деятельность является делом времени, и вопрос теоретической проработки использования такой инновации остается открытым.

Список литературы:

[1] Андреев В.К. Динамика правового регулирования применения искусственного интеллекта // Журнал росс. права. - 2020. - № 3. - С. 58–68.

[2] Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. - М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016.

[3] Закаева П.Р., Новикова К.С. Перспективы и допустимые пределы влияния современных цифровых технологий на развитие и функционирование судебной власти: зарубежный опыт и российские реалии // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху. - М.: Инфра-М, 2019. - С. 141–157.

[4] Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник СПбУ. Сер.: Право. - 2019. - № 2. – С. 196–209.

[5] Леонтьев С. Компьютеры вскоре заменят судей [Электронный ресурс]. URL: http://hitech.vesti.ru/article/619618/ (дата обращения: 18.07.2020).

[6] Робот-юрист заменит 3000 сотрудников Сбербанка // Ведомости. - 2017. - 12 янв. URL: https://vedomosti.ru/finance/news/2017/01/12/672785-robot-yurist-ostavit-bez-raboti (дата обращения: 18.07.2020).

[7] Ролинсон П., Ариевич Е.А., Ермолина Д.Е. Объекты интеллектуальной собственности,

создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового режима в России и за рубежом // Закон. - 2018. - № 5. - С. 63–71.

[8] Тихонова С.В. Электронное государство: теоретическая модель и этап государствогенеза // Информационное право. - 2014. - № 6. - С. 5, 6.

[9] Уинстон П.Г. Искусственный интеллект / пер. с англ. В.Л. Стефанюка; под ред. Д.А. Поспелова. - М.: Мир, 1980.

[10] Юридическая концепция роботизации: монография / Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова и др.; отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. - М.: Проспект, 2019.

[11] Markoff J. Armies of expensive lawyers replaced by cheaper software // The New York Times. - 2011. - 4 March. URL: http://www.nytimes.com/2011/03/05/science/05legal.html (дата обращения: 18.07.2020).

Spisok literatury:

[1] Andreev V.K. Dinamika pravovogo regulirovaniya primeneniya iskusstvennogo intellekta // Zhurnal ross. prava. - 2020. - № 3. - S. 58–68.

[2] Bostrom N. Iskusstvennyj intellekt: Etapy. Ugrozy. Strategii / per. s angl. - M.: Mann, Ivanov i Ferber, 2016.

[3] Zakaeva P.R., Novikova K.S. Perspektivy i dopustimye predely vliyaniya sovremennyh cifrovyh tekhnologij na razvitie i funkcionirovanie sudebnoj vlasti: zarubezhnyj opyt i rossijskie realii // Transformaciya pravovoj real'nosti v cifrovuyu epohu. - M.: Infra-M, 2019. - S. 141–157.

[4] Zaloilo M.V., Pashencev D.A. Nacional'nyj pravoporyadok Rossii v usloviyah cifrovizacii // Vestnik SPbU. Ser.: Pravo. - 2019. - № 2. – S. 196–209.

[5] Leont'ev S. Komp'yutery vskore zamenyat sudej [Elektronnyj resurs]. URL: http://hitech.vesti.ru/article/619618/ (data obrashcheniya: 18.07.2020).

[6] Robot-yurist zamenit 3000 sotrudnikov Sberbanka // Vedomosti. - 2017. - 12 yanv. URL: https://vedomosti.ru/finance/news/2017/01/12/672785-robot-yurist-ostavit-bez-raboti (data obrashcheniya: 18.07.2020).

[7] Rolinson P., Arievich E.A., Ermolina D.E. Ob»ekty intellektual'noj sobstvennosti, sozdavaemye s pomoshch'yu iskusstvennogo intellekta: osobennosti pravovogo rezhima v Rossii i za rubezhom // Zakon. - 2018. - № 5. - S. 63–71.

[8] Tihonova S.V. Elektronnoe gosudarstvo: teoreticheskaya model' i etap gosudarstvogeneza // Informacionnoe pravo. - 2014. - № 6. - S. 5, 6.

[9] Uinston P.G. Iskusstvennyj intellekt / per. s angl. V.L. Stefanyuka; pod red. D.A. Pospelova. - M.: Mir, 1980.

[10] Yuridicheskaya koncepciya robotizacii: monografiya / N.V. Antonova, S.B. Bal'haeva, Zh.A. Gaunova i dr.; otv. red. Yu.A. Tihomirov, S.B. Nanba. - M.: Prospekt, 2019.

[11] Markoff J. Armies of expensive lawyers replaced by cheaper software // The New York Times. - 2011. - 4 March. URL: http://www.nytimes.com/2011/03/05/science/05legal.html (data obrashcheniya: 18.07.2020).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЕМ

ПОПОВА Екатерина Игоревна,
кандидат экономических наук,
доцент кафедры программирования и автоматизации
бизнес-процессов Шадринский государственный педагогический университет,
e-mail:978073@mail.ru

БАЛАНДИН Александр Анатольевич,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры программирования и автоматизации бизнес-процессов
Шадринский государственный педагогический университет,
e-mail:978107@mail.ru

ДЕДЮХИН Данил Дмитриевич,
Студент Шадринский государственный педагогический университет,
e-mail:becreation@yandex.ru

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. *Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме дистанционного образования. Целью статьи является анализ изучения применения форм дистанционного обучения в образовании на современном этапе развития общества. на основе сравнения с классической формой получения образования. В статье анализируются преимущества и недостатки дистанционной формы обучения. Рассматривается возможный потенциал развития дистанционного образования. Эмпирическую базу исследования составляют результаты социологических опросов преподавателей Шадринского государственного педагогического университета. В результате определено, что дистанционное образование будет более эффективным, если будут разработаны методики и технологии, учитывающие традиции российского образования.*

Ключевые слова: *дистанционное обучение, дистанционное образование, информатизация общества. дистанционное образовательные технологии, информационные технологии.*

POPOVA Ekaterina Igorevna,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Department of Programming and Automation of Business Processes
Shadrinsk State Pedagogical University

BALANDIN Alexander Anatolievich,
Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Department of Programming and Automation of Business Processes
Shadrinsk State Pedagogical University

DEDYUKHIN Danil Dmitrievich,
Student Shadrinsk State Pedagogical University

DISTANCE EDUCATION: MODERN REALITIES AND PROSPECTS

Annotation. *The article is devoted to the current problem of distance education. The purpose of the article is to analyze the study of the application of forms of distance learning in education at the present stage of development of society. based on comparison with the classical form of education. The article analyzes the advantages and disadvantages of distance learning. The possible potential for the development of distance education is being considered. The empirical basis of the research is formed by the results of sociological surveys of teachers of Shadrinsk State Pedagogical Univer-*

sity. As a result, it was determined that distance education will be more effective if methods and technologies are developed that take into account the traditions of Russian education.

Key words *and phrases: distance learning, distance education, informatization of society. distance educational technologies, information technologies.*

Введение. В условиях, когда новые кризисные ситуации порождают собой неопределённость и хаос, немаловажен и тот факт, что за любым серьёзным кризисом в любой сфере жизни общества, следует такой же стремительный процесс адаптации и развития, примером подобного, в данном случае, выступает образование. Говоря о дистанционном обучении, в первую очередь следует понимать, что его появление не является внезапным событием, во все времена потребность в образовании сохранялась на высоком уровне, а с появлением интернета и ускорением темпов научного прогресса, данный запрос приобретает всё большие масштабы, из чего следует, что появление дистанционного обучения – это не банальный ответ на кризисные события, а новый, полноценный способ получения образования, который получил дополнительное ускорение в развитии за счёт внешних факторов.

С учётом стремительного развития, как самого дистанционного образования, так и средств, необходимых для его обеспечения, на текущий момент приведено значительное количество различных определений данного понятия. Так, В.Г. Домрачеев представляет дистанционное обучение в качестве «новой ступени обучения с применением информационных технологий на основе видеотехники» [3, с. 11]. По мнению А.Н. Тихонова, это «систематическое целенаправленное обучение, независимое от времени и пространства [8, с. 167]. В более широком смысле раскрывает понятие «дистанционное образование» А.А. Андреев: «Дистанционное образование – синтетическая, интегральная гуманистическая форма обучения, базирующаяся на использовании широкого спектра традиционных и новых информационных технологий и их технических средств, которые применяются для доставки учебного материала, его самостоятельного изучения, диалогового обмена между преподавателем и обучающимся, причём процесс обучения в общем случае некритичен к их расположению в пространстве и во времени, а также к конкретному образовательному учреждению.» [1]. Более емкое понятие «дистанционное обучение» представлено В.П. Тихомировым и В.И. Солдаткиным. Они характеризуют дистанционное обучение как «интерактивный образовательный процесс, реализуемый в специфической дидактической системе» [7].

Основная часть. Современное дистанционное обучение является одним из динамичных и быстро развивающихся секторов высшего образования. Стремительное развитие информационных технологий в настоящее время позволяет дистанционному обучению конкурировать с традиционной моделью обучения. Следует отметить, что в западных странах дистанционное обучение уже давно применяется для разных форм обучения и имеет широкое распространение, чем в России. Так, согласно экспертным данным, в зарубежных странах дистанционное обучение пользуется большей популярностью, чем в России, так дистанционное обучение выбирают более 70% зарубежных студентов, в России же намного меньше.

Следует отметить, что внедрение электронного обучения в России и за рубежом является одним из элементов непрерывного, открытого образования, которое составляет основу информационного общества.

Развитие информационных технологий и информатизация общества приводит к изменениям сущности образования и его внешних форм. Чтобы учитывать и удовлетворить новые возросшие потребности общества под воздействием информационных технологий меняются и формы образовательных услуг, становится востребованным электронное обучение, которое позволяет обеспечить растущий спрос на образовательные услуги.

Если в самом начале развития дистанционное обучение было задумано для того, чтобы люди, которые уже получили очное образование, могли просто повышать свою квалификацию «не выходя из дома». В настоящее время дистанционное обучение используют для обучения обучающихся на дому при наличии ограниченных физических возможностей, рекомендаций от медиков и по другим причинам. Появление более современной техники позволили расширить возможности применения дистанционных форм обучения [6, с.203].

Пандемия коронавируса внесла свои коррективы в учебный процесс, как школ, так и вузов, и СПО, которым пришлось отказаться от очной формы обучения в сторону дистанционной. И несмотря на то, что многие учебные заведения в своих образовательных учреждениях использовали электронное обучение с применением автоматизированных систем дистанционного обучения, таких как Moodle, «Прометей», «Доцент», WebTutor и др. они также были не готовы к широкому их применению в период пандемии. В результате резкого перехода к дистанционному формату

и включения в этот процесс всех обучающихся учебного заведения, сразу обнажился весь спектр проблем данной формы обучения, который включает в себя коммуникативные, учебные, организационные и технические трудности [5].

Подавляющее большинство преподавателей не были профессионально подготовлены к дистанционной форме обучения. Обучающиеся также не были готовы к работе в данном формате – сложности возникают вследствие их индивидуальных особенностей, условий обучения, умения использовать компьютерные технологии и Интернет-ресурсы. В настоящее время не существует дистанционных программ, которые учитывали бы определенные индивидуальные особенности каждого обучающегося [5, с.112].

Если рассматривать дистанционное обучение, как следующую ступень развития образования, то те перспективы, которое оно имеет бесспорно заставляют задуматься над его значительными преимуществами перед классической формой получения образования даже на текущий момент. Но не станем отрицать тот факт, что присутствует и скептический настрой по отношению к данной форме образования, в первую очередь в его эффективности. Заметим и то, что опросы среди преподавателей из зарубежных стран говорят о том, что существует эффект повышения качества получаемых знаний при использовании дистанционной формы обучения даже над очным форматом – данное мнение не разделяют отечественные преподаватели, так как именно этот вывод можно сделать из аналогичных вопросов, проводимых на территории нашего государства. Следует отметить, что недостаточная изученность дистанционного обучения побудила авторов статьи к проведению социологического исследования. Цель исследования заключается в обосновании необходимости применения дистанционного обучения в образовательном процессе российских вузов. Ключевыми задачами являются изучение мнения преподавателей в отношении внедрения дистанционного обучения в деятельности Шадринского государственного педагогического университета, выявление достоинств и недостатков данной формы обучения.

Результаты опроса показали, что лишь 48% опрошенных преподавателей активно применяли формы дистанционного обучения, 49% очень редко использовали дистанционное обучение.

На вопрос *«Каким Вы видите место дистанционного обучения в Вузах?»* Большинство преподавателей видят дистанционное обучение в качестве вспомогательного обучения, а не основного, так считают 87% опрошенных.

На вопрос *«Считаете ли Вы, что обучение будущего – это обучение через сеть Интернет?»*

Наиболее популярным ответом было «это будет одной из технологий, но не ведущей» так ответили 74,6 % анкетируемых. Вариант ответа «Будущее – за личным общением преподавателя и студента» выбрали 10,12% анкетируемых и «Никогда техника не заменит человека» - 12,65%. Только 2,5% опрошенных ответили «Да, несомненно –это обучение будущего».

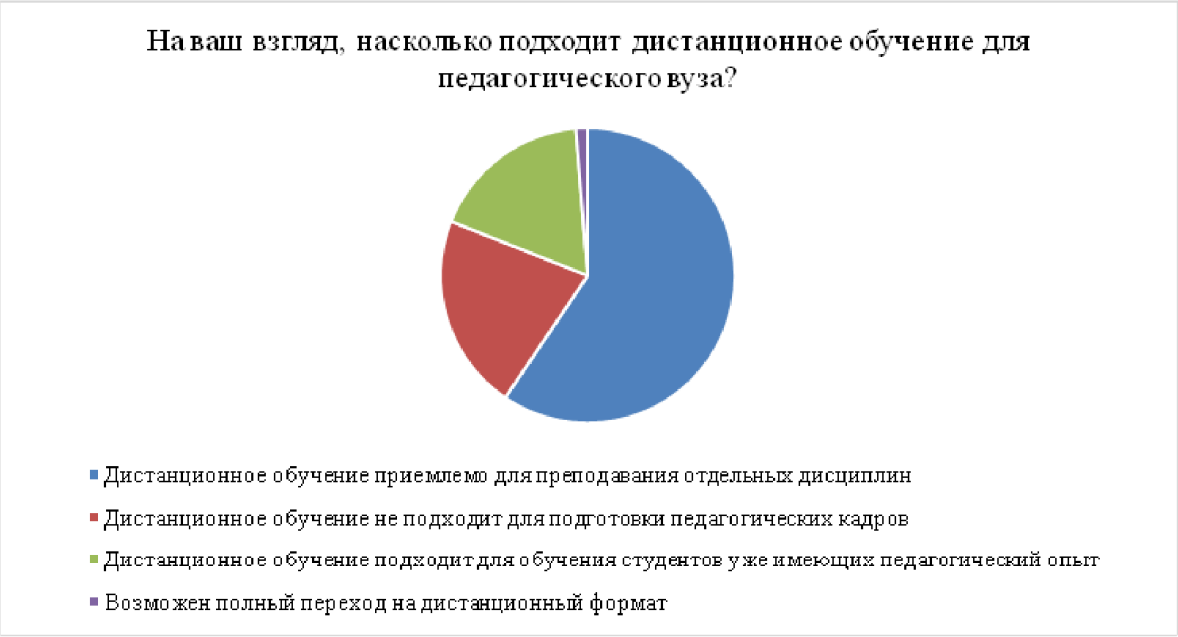
На вопрос *«Как Вы считаете, при дистанционном обучении улучшится качество образо-*

вания?» большинство анкетируемых ответили «Нет, только ухудшится» - 48,10% опрошенных, «Да, при условии хороших методик» – 35,44% опрошенных, «Нет, ничего не изменится» - 10,12% опрошенных.

Большинство преподавателей не считают дистанционное обучение качественной формой, тому есть ряд причин, так для направлений подготовки, наибольшей составляющей которых является практика, дистанционный формат обучения остаётся значительно менее эффективным по своему качеству, чем очное, дистанционная форма обучения не подходит для направлений подготовки, существенным аспектом которых является общение с людьми и работа в команде. Кроме этого, отсутствуют гарантии, что выполненная обучающимся работа – выполнена им самостоятельно, так как невозможно обеспечить достаточный уровень контроля, то качество получаемого образования в значительной степени зависит от самого обучающегося.

В период пандемии все преподаватели вынуждены были перейти на дистанционный формат преподавания своих дисциплин. Поэтому педагоги должны были оценить свой уровень подготовки применения информационных технологий в учебном процессе. На вопрос *«Как Вы оцениваете уровень применения Вами информационных технологий в учебном процессе?»* большинство опрошенных оценили свой уровень применения информационных технологий в учебном процессе, как средний – 62% опрошенных. «На продвинутом уровне» применяли информационные технологии- 22,78% анкетируемых, как «начальный уровень» оценили 10,12% опрошенных, а на «высоком уровне» только 3,8% анкетируемых ответили.

На вопрос *«На ваш взгляд, насколько подходит дистанционное обучение для педагогического вуза?»* большинство опрошенных ответили, что дистанционное обучение «приемлемо для преподавания отдельных дисциплин» данный вариант ответа выбрали 59,49% опрошенных. «Не подходит для подготовки педагогических кадров» ответили 21,51% опрошенных. «Подходит для обучения студентов уже имеющих педагогический опыт» - 17,7%. И лишь 1,3% опрошенный ответил, что «Возможен полный переход на дистанционный формат».



Лишь отдельные дисциплины возможно вести в дистанционном формате, есть предметы, которые требуют непосредственного очного участия обучающихся и преподавателей.

На вопрос *«Какие трудности, по Вашему мнению, являются наиболее значимыми при реализации дистанционного обучения?»* можно было выбрать несколько вариантов ответов.

Наиболее популярные ответы были: «Отсутствие личного общения со студентами и другими преподавателями» - 63,29% анкетируемых, «Несоответствие нормативов реальному времени, которое затрачивается на качественную проверку работ, в том числе и неоднократную» - отметили 59,49% опрошенных. «Существует целый ряд практических навыков, которые можно получить только при выполнении реальных (а не виртуальных) практических и лабораторных работ» -58,22% анкетируемых. «Слабость процедуры проверки авторства выполняемых заданий» - 45,56% анкетируемых. «Ограниченная возможность влиять на дисциплину в аудитории, контролировать степень вовлеченности студентов в образовательный процесс» - 44,3% опрошенных. «Информационная перегруженность: большое количество сообщений, получаемых по электронной почте для чтения, возникающая сложность обдумывания и ответа на них» - 37,9% опрошенных.

Можно сделать вывод, что на территории нашего государства процесс становления дистанционной формы обучения ещё в значительной степени не завершён, как минимум можно сказать, что он значительно отстаёт от зарубежной практики.

Подводя итог, выделим положительные и отрицательные аспекты дистанционного обучения. Среди положительных можно выделить:

- Гибкий график получения образования (независимо от временных факторов и местонахождения).
- Модульность (удобная аккумуляция курсов в отдельные блоки, позволяющая самостоятельное подстраивать программу под успехи или нужды отдельного обучающегося).
- Финансовая эффективность (менее затратно в материальном отношении);
- Индивидуализация обучения (студент способен самостоятельно построить свой план обучения и выполнение заданий).
- Практика развития навыков адаптации (дистанционное образование способно предоставить практику способностей студента к самостоятельности и самообучению, поиску

информации и адаптации к необычным условиям ведения обучения).

- Высокая степень актуализации материала (ввиду значительной степени использования сети интернет, программного обеспечения, компьютерной техники – всё это позволяет регулировать и адаптировать, как учебные программы, так и сам процесс получения знаний максимально быстрым способом, вслед за изменениями внешней среды).
- Доступность (дистанционное обучение способно удовлетворить потребности в образовании для множества учеников и студентов не только в конкретной стране, но и по всему миру, более того дистанционное обучение позволяет получать качественное образование как людям в возрасте, так и людям страдающими определёнными заболеваниями, которые не позволяют получать образование в очном формате).
- Открытость (особенность работы с сетью интернет и компьютерной техникой – позволяет создать доступную базу данных, включающую себя все материалы обучения, которые можно будет просматривать неограниченный временной промежуток, причём это касается не только сухого текста или изображений, но в том числе и записи непосредственно самих лекций и иных материалов, необходимых для обучения).

Если рассматривать мировой опыт развития дистанционной формы обучения, можно предположить, что те преимущества, которые даёт данная форма получения образования, может, впоследствии, сделать её даже более массовой, чем классическая форма получения образования, ввиду сравнительно более низкой стоимости и объективно большей степени доступности для потребителя. Если сопоставить эти факторы с внешней средой, где навыки саморазвития и самообучения становятся наиболее необходимыми для полноценной жизни в современном обществе, то это всё чаще заставляет задуматься о постоянно растущем потенциале дистанционного образования в современных реалиях.

Несмотря на выделенные положительные аспекты дистанционного образования, существуют и отрицательные моменты, которые тоже необходимо учитывать, выделим их [2;4;9]:

- Не подходит для школьного образования (ввиду того, что задача школьного образования состоит в построении необходимых фундаментальных жизненных навыков, крайне важных в том числе и для успешного освоения программ дистанционного обучения – можно сделать вывод, что использование дистанционного обучения нецелесообразно на данной ступени образования).
- Не подходит для направлений подготовки, наибольшей составляющей которых является практика (на текущем этапе технологического развития остаётся невозможным компенсировать отсутствие реальных практических мероприятий, поэтому данное направление подготовки при использовании дистанционного формата обучения остаётся значительно менее эффективным по своему качеству, чем очное).
- Не подходит для направлений подготовки, существенным аспектом которых является общение с людьми и работа в команде (только голосовое общение не способно полноценного компенсировать необходимые навыки, которые развиваются исключительно при живой кооперации).
- Необходимость развитых навыков самоконтроля, самостоятельности, личной заинтересованности в получении образования у обучающегося.
- Проблемы с контролем успеваемости (нельзя гарантировать, что выполненная обучающимся работа – выполнена им самостоятельно, так как невозможно обеспечить достаточный уровень контроля, то качество получаемого образования в значительной степени зависит от самого обучающегося).
- Необходимость навыков компьютерной грамотности.
- Значительная теоретизация обучения.

Заключение. Из всего вышеописанного можно сделать вывод об абсолютно реальной перспективе полноценного всеобщего развития дистанционной формы обучения, но также нам стоит понимать, что это только лишь одна из форм получения образования, которая на текущий момент развития как общества, так и научно-технического прогресса – не является панацеей для любых задач. Но отметим и то, что данная форма обучения имеет как свой запрос среди потребителя, так и собственную нишу в которой определённые направления обучения могут показывать, если не повышенные, то идентичные показатели в сравнении с классической формой получения образования. Что и позволяет заключить следующее – дистанционное обучение безусловно, на текущий момент, в определённой степени является следующей ступенью на пути развития процесса получения образования, которое, как и классический аналог имеет как сильные, так и слабые стороны, что обязательно надо учитывать при его осуществлении.

Таким образом, в период пандемии дистанционная форма обучения показала свои преиму-

щества и недостатки перед традиционной формой обучения обострились и ранее существовавшие дискуссии относительно ее эффективности. Следует отметить, что развитие дистанционного образования является мировым трендом, в связи с этим необходимо продумать новые методики применения дистанционных форм обучения совместно с традиционными формами, которые бы включали более тесные контакты обучающихся с педагогами.

Список литературы:

[1] Андреев А.А. К вопросу об определении понятия «дистанционное образование» // Дистанционное образование. – 1997. – № 4.

[2] Андрюхина Т.Н. Дистанционное обучение в вузе // Вестник Самарского государственного технического университета. Сер. Психолого-педагогич. науки. 2015. № 2 (26).

[3] Домрачеев В.Г. Дистанционное обучение: возможности и перспективы //Высшее образование в России. 1994. № 3.- С. 11.

[4] Кислухина И.А. Использование дистанционных образовательных технологий в системе высшего образования: проблемы и перспективы // УЭкС. 2017. № 9 (103).

[5] Коморникова О.М. Попова Е.И Проблемы развития дистанционного образования в России. Вестник Шадринского государственного педагогического института. 2020. № 2(46). - С.111-114.

[6] Коняева Е.А. Дистанционное образование и его педагогические принципы // Всероссийская студенческая научно-практическая конференция «Актуальные проблемы образования: позиция молодых»: материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2016. С. 202-204.

[7] Тихомиров В.П., Солдаткин В.И. Дистанционное обучение: к виртуальным средам знаний [Электронный ресурс] // Научно-практический журнал «Открытое образование». Режим доступа: http://www.e-joe.ru/sod/99/2_99/st158 (дата обращения: 18. 09.2020).

[8] Тихонов А.Н., Абрамешин А.Е. Управление современным образованием: социальные и экономические аспекты. М.: Вита-пресс, 1998. 284 с.

[9] Чванова М.С., Киселева И.А. Проблемы дистанционного обучения в сети Интернет // Вестник российских университетов. Математика. 2017. № 5-2.

[10] Шатуновский В.Л., Шатуновская Е.А. Ещё раз о дистанционном обучении (организация и обеспечение дистанционного обучения) // Вестник науки и образования. 2020. № 9-1 (87).

Spisok literatury:

[1] Andreev A.A. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «distancionnoe obrazovanie» // Distancionnoe obrazovanie. – 1997. – № 4.

[2] Andryuhina T.N. Distancionnoe obuchenie v vuze // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. Psihologo-pedagogich. nauki. 2015. № 2 (26).

[3] Domracheev V.G. Distancionnoe obuchenie: vozmozhnosti i perspektivy // Vysshee obrazovanie v Rossii. 1994. № 3.- S. 11.

[4] Kisluhina I.A. Ispol'zovanie distancionnyh obrazovatel'nyh tekhnologij v sisteme vysshego obrazovaniya: problemy i perspektivy // UEkS. 2017. № 9 (103).

[5] Komornikova O.M. Popova E.I Problemy razvitiya distancionnogo obrazovaniya v Rossii. Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta. 2020. № 2(46). - S.111-114.

[6] Konyaeva E.A. Distancionnoe obrazovanie i ego pedagogicheskie principy // Vserossijskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Aktual'nye problemy obrazovaniya: poziciya molodyh»: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 2016. S. 202-204.

[7] Tihomirov V.P., Soldatkin V.I. Distancionnoe obuchenie: k virtual'nym sredam znanij [Elektronnyj resurs] // Nauchno-prakticheskij zhurnal «Otkrytoe obrazovanie». Rezhim dostupa: http://www.e-joe.ru/sod/99/2_99/st158 (data obrashcheniya: 18. 09.2020).

[8] Tihonov A.N., Abrameshin A.E. Upravlenie sovremennym obrazovaniem: social'nye i ekonomicheskie aspekty. M.: Vita-press, 1998. 284 s.

[9] Chvanova M.S., Kiseleva I.A. Problemy distancionnogo obucheniya v seti Internet // Vestnik rossijskih universitetov. Matematika. 2017. № 5-2.

[10] Shatunovskij V.L., Shatunovskaya E.A. Eshchyo raz o distancionnom obuchenii (organizaciya i obespechenie distancionnogo obucheniya) // Vestnik nauki i obrazovaniya. 2020. № 9-1 (87).

Хуа Мэньжоу,
Магистрант Пекинского Университета
авиации и космонавтики
e-mail: 15524465907@163.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОЙ НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ В РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОГО РОМАНА ЛЮ ЦЫСИНЯ)

Аннотация. *В статье рассмотрены этапы развития китайской научной фантастики и ее распространение по странам Запада, в том числе и России. Охарактеризовано понятие научно-фантастической литературы. Озвучены наиболее влиятельные авторы в этом жанре, получившие популярность за пределами Китая. Дана характеристика основным романам Лю Цысиня и показаны причины их популярности среди российских читателей. Высказаны предположения о дальнейшем эволюционировании китайской фантастики России и ее адаптированности к русскоязычной публике.*

Ключевые слова: *китайская научная фантастика, Лю Цысинь, китайская фантастика в России, научная фантастика, развитие китайской научной фантастики, романы Лю Цысиня, «Задачи трех тел», «Темный лес».*

Hua Menzhou,
Master of the Beijing University of Aviation and Cosmonautics

DISTRIBUTION AND DEVELOPMENT OF CHINESE SCIENCE FANTASY IN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE SCIENTIFIC FANTASTIC NOVEL BY LIU CIXIN)

Annotation. *The article examines the stages of development of Chinese science fiction and its spread across Western countries, including Russia. The concept of science fiction literature is characterized. The most influential authors in the genre, who have gained popularity outside of China, are voiced. Characteristics of the main novels of Liu Cixin are given and the reasons for their popularity among Russian readers are shown. Suggestions are made about the further evolution of Chinese fiction in Russia and its adaptation to the Russian-speaking public.*

Key words: *Chinese science fiction, Liu Cixin, Chinese fiction in Russia, science fiction, the development of Chinese science fiction, the novels of Liu Cixin, «The Problems of Three Bodies», «The Dark Forest».*

1. Происхождение и развитие китайской научной фантастики

Научно-фантастическая литература – это особый вид литературного жанра, который в основном описывает влияние научно-технического развития на мир, показывая облик будущего мира и изменения, которые приносят технологии в жизнь людей. Научно-фантастическая литература обладает многими уникальными свойствами благодаря своей особой форме. Ее атрибуты фантастической литературы придают ей красоту фантазии, в то время как ее научная природа устанавливает определенные границы этой фантазии научными методами, поэтому научно-фантастическая литература – это фантастическая литература, основанная на науке. С момента первой промышленной революции влияние науки и техники на человека геометрически возросло, и сегодня она стала неотъемлемой частью человеческой жизни, наряду с предметами повседневного пользования, и научная фантастика, несомненно, является литературным жанром, который лучше всего отражает влияние науки и техники на человечество. Фактически, научная фантастика появилась почти одновременно с промышленной революцией, и уже в 1812 году Мэри Шелли, жена английского поэта Шелли, выпустила первый настоящий научно-фантастический роман «Франкенштейн». С тех пор этот литературный жанр получил огромное развитие в западных странах, пройдя несколько этапов, таких как «Золотой век», «Движение новой волны», «Киберпанк», «став одним из главных полей литературных достижений во второй половине 20 века» [6].

Китайская научная фантастика зародилась в конце эпохи династии Цин, что связано не только с тем значением, которое придавалось романам в то время, но и неотделимо от интереса к стремительному развитию западной науки и технологий. После 1949 года, в контексте национального бума индустриализации, настала кульминация создания научной фантастики. Появились Чжэн Вэньгуан, Тун Энчжэн, Сяо Цзяньхэн, Йе Чжишань, Лю Синши и другие писатели-фантасты [7]. И даже вплоть до того, что «Народная литература» и другие основные издания стали публиковать фантастические романы. Но научная фантастика почти исчезла в середине-конце 1980-х. В 1990-е годы научная фантастика получила новый виток жизни. Увеличилось не только количество научно-фантастических публикаций, но и сформировалось «новое поколение» писателей-фантастов в лице Ван Цзинькана, Хань Суна, Хэ Си и Лю Цысиня, и сложилось общее мнение, что научная фантастика – это жанр литературы [8].

Лю Цысинь является одним из самых влиятельных современных китайских писателей-фантастов. С 1999 года, когда он опубликовал свой рассказ «Китовая песня» в журнале «Мир научной фантастики», он опубликовал 7 романов, 6 сборников и более 30 коротких рассказов, а также стал многократным лауреатом китайской премии в области научной фантастики Galaxy [3]. Начиная с 2012 года работы Лю Цысиня постепенно переводились для зарубежных рынков и получили мощный отклик. Он не только завоевал множество международных наград, но и имеет большую читательскую аудиторию за рубежом. Лю Цысинь также стал первым азиатом, получившим высшую награду в научно-фантастической литературе. С тех пор как «Задача трех тел» завоевала премию Хьюго и мировую славу, культурные и академические круги стали все больше интересоваться Лю Цысинем и его научно-фантастическим творчеством. Канонизируемая трилогия «Задача трех тел» – это не только личный шедевр Лю Цысиня, но и важнейшее достижение китайской научной фантастики с момента ее возрождения в середине 1990-х годов. Помимо этого, более проницательные ученые отмечают, что в отличие от ограниченной и тривиальной современной популярной литературы, научно-фантастические творения Лю Цысиня отражают стремление к «восстановлению целостности».

2. Распространение научной фантастики Лю Цысина в России

С момента официального выпуска романов Лю Цысиня крупнейшим российским издательством в октябре 2017 года и до публикации в октябре 2019 года 1 056-страничной трилогии «Задача трех тел» [4]. Фактически, каждый перевод стал бестселлером в крупнейших российских книжных магазинах. Произведения Лю Цысина в свое время превзошли произведения Мо Яня по количеству читателей, комментариев и популярности в России и являются настоящим образцом китайской литературы, «вошедшей» в Россию.

В 3-м выпуске российского журнала «Мир фантастики» за 2015 год дизайн обложки, введение главного редактора и содержание освещают тему китайской научной фантастики. Основной текст начинается с миниатюры с китайской тематикой о Цинь Шихуане. За ним следует статья по истории китайской научной фантастики, в котором подтверждается статус Лю Цысиня как одного из «трех великих полководцев китайской научной фантастики», а также представляется сам Лю Цысинь и его творческий процесс. После введения в новой книге следует интервью с Лю Цзысинем. Это первое интервью, взятое российским журналистом у Лю Цысиня и первое интервью, взятое российским журналистом у китайского писателя-фантаста. В нем рассказывается о настоящем и будущем научной фантастики в Китае, а также даются комментарии к некоторым работам Лю Цысиня [9].

После того, как Лю Цысинь получил премию Хьюго за «Задачу трех тел», серия книг также вошла в этап интенсивного перевода. Русский перевод «Задачи трех тел» выполнен с английского перевода Кена Лю. Стимулом для перевода стало получение романом премии Хьюго за лучший роман. Это можно почерпнуть из воспоминаний русской переводчицы «Задачи трех тел» Ольги Глушковой, которая неофициально опубликовала перевод в 2016 году и приобрела определенное влияние. После выхода романа в свет российский критик Борис Невский написал рецензию на роман. По его мнению, успех романа заключается в увлекательном сюжете, китайском настроении, содержательности и интересных идеях, но в романе также есть стилистические преувеличения, подражания другим произведениям и недостаток тонких образов персонажей [1].

После официального выхода «Темного леса» в 2018 году российский критик Александр Стрепетилов прислал статью с обзором романа. Он считает, что в «Тёмном лесу» писатель отступил от принципов твёрдой научной фантастики в пользу фантастики гуманитарной, персонажи обогатились [10]. В работе удается сделать некоторые интересные моменты и выстроить неожиданные повороты, но повествование слишком фрагментарно, нет необходимости в любовной линии, а научность нужно укреплять. Третью часть, офи-

циально опубликованную в 2018 году, Стрепетилов прокомментировал, что «Вечная жизнь Смерти» является крупнейшей из трилогии, охватывающей столетия, а также имеет несколько сюжетных линий, но основная история менее последовательна, главный герой менее убедителен, а научность уступает первой части. Что касаемо реакции читателей, то после публикации трилогии, аудитория постепенно расширилась от поклонников научной фантастики до простых российских читателей. Многие читатели сказали, что они впервые читают китайскую научную фантастику, а также впервые читают китайские литературные произведения. Они заинтересовались историей Культурной революции и игрой «Три тела», а также согласились с авторским объяснением природы разумных существ и законов существования Вселенной [2]. Сразу после выхода трилогии издательство ЭКСМО продолжило выпуск приквела к «Задаче трех тел» – «Шаровая молния» в июне 2019 года, а также выпустило как бумажную, так и электронную версию романа. Что касается реакции читателей, роман был гораздо менее хорошо воспринят, чем трилогия «Задача трех тел», как с точки зрения читательской аудитории, так и с точки зрения читательской оценки. Российские читатели восхищаются трудолюбием главного героя, но большие монологи и заурядный сюжет романа, в свою очередь, делают его недостаточно привлекательными.

3. Будущее и перспективы распространения китайской научной фантастики в России

Научно-фантастические произведения Лю Цысиня получили широкое признание не только зарубежной литературной элиты, но и рядовых читателей, что, несомненно, является важным прорывом в процессе распространения современной китайской литературы за рубежом. Признание зарубежной литературной элиты часто выражается в крупных наградах за зарубежные переводы, что также означает, что литературное качество произведения признано профессионалами на международном уровне. Однако китайская литература может по-настоящему «выйти в мир», только в том случае, если она действительно попадет в книжные списки миллионов обычных читателей, вместо того, чтобы остаться на полках библиотек. Поэтому китайские литературные произведения должны не только обеспечивать глубину мышления, но и учитывать читательские предпочтения и эстетические интересы читателей, чтобы избежать дилеммы, когда произведение завоевывает множество наград в международных академических кругах, но мало интересно для широкой читательской аудитории [5]. Выход из вышеописанной дилеммы может быть следующим:

1. Усиление научного аспекта работы. Китай переживает беспрецедентный исторический переход от традиционной экономической модели, основанной на демографическом дивиденде и трудоемкой промышленности, к новому современному обществу, движимому научно-техническими инновациями и институциональными преимуществами. В этом процессе интенсивно развиваются передовые технологии, такие как космические технологии, квантовая физика, искусственный интеллект, связь 5G, биогенетика, блокчейн и многое другое. То, как эта технология будет известна, понята и принята населением, станет культурной основой для успешного перехода страны.

В этом процессе создатели научной фантастики должны активно контактировать, изучать и усваивать последние научные и технические открытия и достижения, повышать свою научную грамотность и преобразовывать ее в творческие материалы. Благодаря мероприятиям и встречам с учеными, организуемым научно-техническими предприятиями правительственных или неправительственных организаций, мы можем войти на передовую линию и установить тесный контакт, чтобы технологии и научная фантастика смешивались и дополняли друг друга, создавая превосходные работы, которые действительно отражают научные концепции и дух времени.

2. Создание эстетического измерения произведений. Для того, чтобы научная фантастика стала достоянием общественности, «выйти из круга» и «разорвать круг» являются важными звеньями. Это требует от авторов широкого понимания эстетической специфики различной целевой аудитории, различных медиа-форм и даже различного культурного происхождения. чтобы они могли тактично, стратегически и новаторски интегрировать различные формы искусства и выражения, вырваться из узкого круга саморазвлечения и самоограничения, и по-настоящему быть любимыми публикой и принимаемыми обществом.

В этом измерении есть много примеров, которые можно использовать для справки. Например, набирают популярность китайская манга и китайские продукты, которые с большим успехом объединяют традиционную культуру с 2D, индустрией моды и рынком производственных продуктов. Кроме того, рынок детской литературы находится на подъеме, создавая удивительные экономические и социальные преимущества. Однако, как рынок детской научной фантастики, он по-прежнему остается голубым океаном, ожидающим, пока все больше желающих изменят менталитет и создадут произведения научной фанта-

стики, подходящие для чтения сотнями миллионов детей и признаваемые ими.

3. Углубление измерения гуманизма произведений. Как показано в феноменальном фильме «Блуждающая Земля», воображаемый глобальный экологический кризис полностью перевернул привычный нам мировой порядок. Показанный в фильме эстетический опыт незнаком нам, но не совсем оторван от реальности. Размышления и предупреждения общественности о настоящей окружающей среде, человеческих отношениях, технологиях и ценностях, вызванные просмотром фильмов, намного превосходят любые формы научно-популярной пропаганды и идеологической обработки. В этом ценность и значение научной фантастики.

Во многих произведениях научной фантастики поддерживается гуманистическая настороженность по отношению к науке, высказываются серьезные мысли об экологическом кризисе, злоупотреблении технологиями, этике жизни. Научная фантастика – это не только восхищение наукой, но и тревожный сигнал. И эта благоговейная двойственность формирует внутреннее противоречие и уникальное мышление научной фантастики. Чем больше люди полагаются на науку, тем больше они верят в науку, и в то же время, чем больше они испытывают благоговейный трепет и сомнения по поводу науки, тем больше они должны выходить за рамки видения науки и нуждаться в гуманистической заботе, но такого рода трансцендентность и забота больше не могут существовать отдельно от науки, они все равно должны сосуществовать с наукой. Это гуманистическое измерение, благодаря которому научная фантастика может прийти в массы.

Основываясь на реальности и смотря в будущее, способствовать органичной интеграции научных и технологических инноваций с гуманистической заботой и строить «научно-техническое гуманистическое сообщество». Как сказал известный американский писатель-фантаст Брюс Стерлинг: «Сегодняшний мир – это на самом деле мир, изображенный в научной фантастике». Передовые технологии, предсказываемые научной фантастикой, такие как клонирование человека, космические технологии и искусственный интеллект, постепенно становятся реальностью, быстро меняют образ жизни и среду обитания людей и постоянно влияют на психологию общества. Тем не менее, многие люди не имеют глубокого понимания сложных структур и моделей функционирования интеллектуальных технологий, а неопределенность, вызванная технологическими инновациями и кризисом «постчеловеческой» эпохи, стала общей проблемой, преследующей все человечество. Научно-фантастическая литература основана на постоянно меняющихся естественных науках и фундаментальных теориях и один за другим создает современные мифы для читателей в век науки и разума. Ее фантастические, шокирующие эффекты – это то, что в основном ищут читатели, и это важная причина, по которой китайская научно-фантастическая литература получает большое внимание в процессе «выхода в мир». Поэтому современное китайское литературное творчество должно не только основываться на многовековой истории и традициях Китая, но и уделять дополнительное внимание будущему развитию и тенденциям Китая и мира, чтобы создавать больше произведений, которые являются национальными и глобальными, современными и перспективными, что также является фундаментом для выхода китайской литературы в мир.

Список литературы:

[1] Главный фантаст Поднебесной – Лю Цысинь. URL: https://dtf.ru/read/23693-glavnyy-fantast-podnebesnoy-lyu-cysin (дата обращения: 15.09.2020)

[2] Как китаец Лю Цысинь стал звездой мировой фантастики. URL: https://www.labirint.ru/now/lyu-cysin/ (дата обращения: 18.09.2020)

[3] Китайские научно-фантастические сообщества и журналы в интернете. / Конференция «Ломоносов 2015». URL: https://conf.spbstu.ru/archive/Lomonosov_2015/ data/7032/uid45015_report.pdf (дата обращения: 20.09.2020)

[4] Лю Цысинь, автор «Задачи трёх тел», – о китайской фантастике и не только. URL: https://www.mirf.ru/book/liu-cixin-interview/ (дата обращения: 18.09.2020)

[5] Лю Цысинь. «Назад в рай» – обзор десятилетия создания научной фантастики. // Южная литература, 2010, № 10.

[6] Олдис Брайан, Уингров Дэвид. Пикник на триллион лет: История научной фантастики. / Пер. Шу Вэй, Сунь Фали, Сунь Даньдин. – Издательство: Аньхой вэньи чубаньшэ, 2011 г. – 672 с.

[7] Расцвет китайской фантастики. URL: https:// www.livelib.ru/translations/post/28433-rastsvet-kitajskoj-fantastiki-chast-1 (дата обращения: 17.09.2020)

[8] Сломанные звезды. Новейшая китайская фантастика. / Составитель: Кен Лю. – М. : Эксмо, fanzon, 2020. – 480 с.

[9] Стрепетилов, А. Лю Цысинь. Вечная жизнь Смерти. // Мир фантастики – 2018, № 10. – С. 31.

[10] Стрепетилов, А. Лю Цысинь. Темный лес. // Мир фантастики – 2018, № 8. – С. 22.

Spisok literatury:

[1] Glavnyj fantast Podnebesnoj – Lyu Cysin'. URL: https://dtf.ru/read/23693-glavnyy-fantast-podnebesnoy-lyu-cysin (data obrashcheniya: 15.09. 2020)

[2] Kak kitaec Lyu Cysin' stal zvezdoj mirovoj fantastiki. URL: https://www.labirint.ru/now/lyu-cysin/ (data obrashcheniya: 18.09.2020)

[3] Kitajskie nauchno-fantasticheskie soobshchestva i zhurnaly v internete. / Konferenciya «Lomonosov 2015». URL: https://conf.spbstu.ru/archive/Lomonosov_2015/ data/7032/uid45015_report.pdf (data obrashcheniya: 20.09.2020)

[4] Lyu Cysin', avtor «Zadachi tryoh tel», – o kitajskoj fantastike i ne tol'ko. URL: https://www.mirf.ru/book/liu-cixin-interview/ (data obrashcheniya: 18.09.2020)

[5] Lyu Cysin'. «Nazad v raj» – obzor desyatiletiya sozdaniya nauchnoj fantastiki. // Yuzhnaya literatura, 2010, № 10.

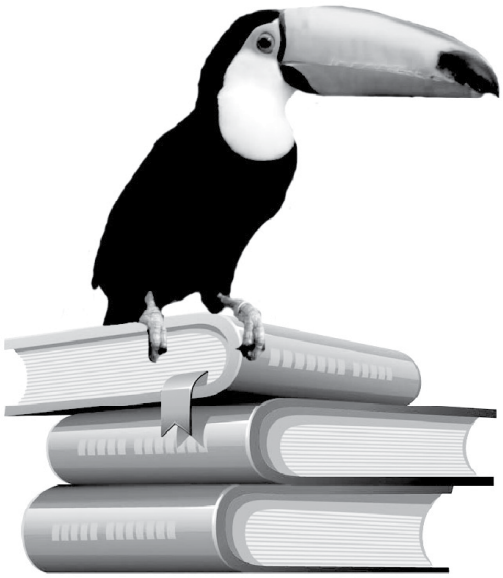
[6] Oldis Brajan, Uingrov Devid. Piknik na trillion let: Istoriya nauchnoj fantastiki. / Per. SHu Vej, Sun' Fali, Sun' Dan'din. – Izdatel'stvo: An'hoj ven'i chuban'she, 2011 g. – 672 s.

[7] Rascvet kitajskoj fantastiki. URL: https://www.livelib.ru/translations/post/28433-rastsvet-kitajskoj-fantastiki-shast-1 (data obrashcheniya: 17.09.2020)

[8] Slomannye zvezdy. Novejshaya kitajskaya fantastika. / Sostavitel': Ken Lyu. – M. : Eksmo, fanzon, 2020. – 480 c.

[9] Strepetilov, A. Lyu Cysin'. Vechnaya zhizn' Smerti. // Mir fantastiki – 2018, № 10. – S. 31.

[10] Strepetilov, A. Lyu Cysin'. Temnyj les. // Mir fantastiki – 2018, № 8. – S. 22.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Чжан Вэй,
аспирант Рязанского государственного университета им. Есенина (Россия), преподаватель русского языка Чанчуньского научно-технического института
e-mail: xiaotuzhangwei@163.com

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ МОЛОДЁЖНОГО СЛЕНГА НА УРОКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В КИТАЕ

Аннотация. *Объектом изучения является речь студентов вуза. Молодежный сленг называют особым языком и культурой моды. Как репрезентативный язык, молодёжный сленг является важным видом коммуникации, связующим мостом для общения между китайскими и русскими студентами колледжей. Появление, развитие и применение молодёжного сленга в речи в определённой степени показывают русский язык и русскую культуру.*

Ключевые слова: *культурная мода, молодёжный сленг, применение молодёжного сленга, русская культура.*

Zhang Wei,
Changchun Sci – Tech University of China

PROBLEMS OF APPLYING YOUTH SLANG IN THE LESSON RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN CHINA

Annotation. *The object of study is the speech of University students. Youth slang is called a special language and culture of fashion. As a representative language, youth slang is an important communication type, a bridge between Chinese and Russian College students. Russian language and culture are shown to a certain extent by the appearance, development and application of youth slang in speech.*

Key words: *cultural fashion, youth slang, application of youth slang, Russian culture.*

Для нас, преподавателей русского языка как иностранного очень важно знать все пласты русского языка. Знание молодежного сленга помогает преподавателю на занятиях, т.к. современная молодежь любит передавать свои эмоции через определенные символы.

Среди трех функций языка, а именно: коммуникативной функции, функции культурного хранения и направляющей функции, - особенно важна функция культурного хранения. Она хранит в языке историю, культуру, традиции и обычаи народа, распространяет ценное богатство социальной, материальной и духовной культуры на поколения вперед, поэтому необходимо сочетать культурные фоновые знания с преподаванием русского языка [1]. Существует слово в молодёжном сленге «автомат», оно произошло от словосочетания «автоматический зачет», т.е. получить зачёт автоматически за посещение занятий и хорошую работу на них: «Мне препод автомат поставил».

В процессе изучения не трудно заметить, что в начальном этапе молодёжный сленг – это закрытый язык, но со временем он становится открытым. Говорящие пользуются сленговыми словами, чтобы общаться со своими группами легко и тайно. Они считают, что молодёжный сленг – свой, а не чужой [2]. Но благодаря развитию и распространению современной техники сегодня мы полагаем, что молодёжный сленг - всё равно закрытый язык, точнее, относительно закрытый. Мы часто слышим сленговые слова в университете, студенты часто общаются при помощи них, поэтому преподаватели тоже знают обозначения сленга, т.е. молодёжный сленг не просто инструмент общения, но и популярный язык [3].

В связи с особенностью и функцией молодёжного сленга применение его в преподавании полезно, особенно для изучающих китайский язык.

1. Применение русского молодежного сленга в обучении устному русскому языку.

Правильное использование молодежного сленга в устном обучении русскому языку полезно для развития коммуникативных способностей студентов. Молодежный сленг лаконичен, ярок и резок. Сленг является более живым, удобным и личным, чем стандартный язык в общении. Студенты колледжей - основная масса молодых пользователей сленга, поэтому как языковая форма с высокой частотой употребления, их юмористиче-

ские, популярные и практические коммуникативные функции очень подходят для устного обучения. Это может улучшить коммуникативную компетентность студентов, чтобы интегрировать обучение сленгу в классе. Следует отметить, что при устном обучении русскому языку, сталкиваясь с феноменом сленга, преподаватели должны объяснять культурные предпосылки знания соответствующего сленга, а также использовать современные методы обучения для углубления понимания студентами культурных особенностей сленга. Например, вы можете ввести в контекст сленг, затем позволить студентам угадать его значение и понять смысл, скрытый между строк.

2. Применение русского молодежного сленга в обучении чтения.

Сленг лаконичен, ярок и полон философии и ритма, его легко запомнить и распространить. Поэтому преподаватели должны добавлять больше таких знаний на уроках. Курс чтения – это важный курс для расширения мышления и знаний студентов. На уроках чтения преподаватели не только просят студентов обратить внимание на использование сленга, но и позволяют студентам использовать языковые характеристики сленга, чтобы найти скрытую эмоциональную окраску сатиры, насмешки, зависти и любви в лексике (в дискурсе), чтобы понять русские обычаи и культурные предпосылки. Руководство студентов к активному участию в обучении, использование характеристик сленга яркого образа, юмора и юмора для повышения читательского энтузиазма студентов, например, они чувствуют удовольствие от обучения чтению, углубляют понимание сленга.

Студенты усваивают знания с легкостью и удовольствием. Для того чтобы закрепить знания, полученные в аудитории вместе с преподавателем, студенты должны получить домашнее задание после занятия. Прелесть сленга заключается в том, что он может передать смысл живо и ярко. Изучение сленга заставляет студентов изучать русскую культуру в чтении, искать скрытый смысл в тексте, в речи.

3. Применение русского молодежного сленга в обучении перевода.

Языковые особенности русского молодежного сленга, такие как яркий образ, короткие и искрометные словосочетания, полны веселья, они дают чувство легкости и юмора. Как точно использовать его языковые особенности, реализовать конверсию между русским молодежным сленгом и китайским языком, а также перевести русский молодежный сленг на язык, соответствующий китайским привычкам выражения, стало фокусом обучения переводу.

Эти слова транслитерируются непосредственно, когда они не могут найти правильные слова для перевода, которые могут выразить смысл слов лаконично и ярко. Однако мы должны подчеркнуть, что транслитерации следует избегать при переводе сленга, чтобы избежать путаницы культуры и понимания. Использование сленга в обучении переводу может стимулировать интерес студентов к обучению. Правильное использование сленга создаст особые языковые эффекты, усилит выразительную силу языка и сделает переводимые произведения более изящными и очаровательными [4].

В последние годы, как в российских, так и в китайских учебных заведениях, появляется много исследователей, написавших докторскую или магистерскую диссертацию по изучению молодежного сленга. Большинство ученых принимают реалистическое отношение к изучению молодежного сленга, т.е. признают и принимают его существование, и больше не придерживаются негативного отношения [4]. Это изменение свидетельствует о том, что языковое сообщество начало соглашаться с правом молодежного сленга как разновидности языковой вариации. Лингвисты понимают, что люди не способны исключить сленг из литературного языка. Сейчас больше и больше русистов исследуют русский молодёжный сленг [4]. Это полно доказывает его практичность и актуальность.

Список литературы:

[1] Никитина Т.Г. Современный молодёжный лексикон в лингвокультурологическом и лексикографическом аспектах // Псковский гос. ун-т. - Псков: Наука, 2012. - 328 с.

[2] Чжао Вэй. Исследование молодёжного сленга // Народное изд-во Хэйлунцзяна. - Хэйлунцзян: Наука, 2000. - 344 с.

[3] URL: https://moluch.ru/archive/200/49143/ (дата обращения: 11.05.2020).

[4] Савельев М.А. К вопросу о молодёжном сленге (на примере молодёжного сленга обучающихся колледжа) // Молодой учёный. - 2018. - 84 с.

Spisok literatury:

[1] Nikitina T.G. Sovremennyj molodyozhnyj leksikon v lingvokul'turologicheskom i leksikograficheskom aspektah // Pskovskij gos. un-t. - Pskov: Nauka, 2012. - 328 s.

[2] Chzhao Vej. Issledovanie molodyozhnogo slenga // Narodnoe izd-vo Hejlunczyana. - Hejlunczyan: Nauka, 2000. - 344 s.

[3] URL: https://moluch.ru/archive/200/49143/ (data obrashcheniya: 11.05.2020).

[4] Savel'ev M.A. K voprosu o molodyozhnom slenge (na primere molodyozhnogo slenga obuchayushchihsya kolledzha) // Molodoj uchyonyj. - 2018. - 84 s.

ИННОВАЦИИ

АБДУЛЛАЕВА Сабина Шихсеидовна,
ассистент кафедры «философии и религиоведения»
Владимирского государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, преподаватель Колледжа
инновационных технологий и предпринимательства
Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
e-mail: amirseiidova.sabina@yandex.ru

ОТНОШЕНИЕ ИУДАИЗМА К ИНТЕРНЕТУ

Аннотация. *Авторы статьи проводят краткий анализ отношения иудейских раввинов к интернет пространству, в контексте их негативной или положительной оценки, так как благодаря глобальной сети не только верующий человек, но и люди интересующиеся вопросами религии могут найти необходимую им информацию вероучительной направленности, а также дает возможность прикоснуться к святыням благодаря VR (виртуальной реальности). В силу того, что иудаизм считается довольно закрытой религией, отыскать нужный материал на данную тему достаточно сложно, но, несмотря на относительно негативное отношение к интернету со стороны еврейских священнослужителей возникает в соответствии с современной информационно-технической картиной мира необходимость в создании полностью безопасных интернет ресурсов для посетителей религиозных сайтов.*

Ключевые слова: *иудаизм, раввин, интернет, сайт, безопасность, Toldot.ru, евреи.*

ABDULLAEVA Sabina Shihseiidovna,
the assistant of «philosophy and religious studies» department
of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, teacher
of College of innovative technologies and entrepreneurship
of Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs

JUDAISM'S RELATIONSHIP TO THE INTERNET

Annotation. *The authors of the article conduct a brief analysis of the attitude of Jewish rabbis to the Internet space, in the context of their negative or positive assessment, since thanks to the global network, not only a believer, but also people interested in religious issues can find the information they need in a doctrinal direction, and also gives the opportunity to touch the shrines thanks to VR (virtual reality). Due to the fact that Judaism is a fairly closed religion, to find material on this topic is quite difficult, but in spite of the significantly negative attitude to the Internet from the Jewish priests occurs in accordance with the modern information technology world, the need to create a totally safe Internet resources for visitors of religious sites.*

Key words: *Judaism, Rabbi, Internet, site, security, Toldot.ru, Jews.*

На сегодняшний день интернет (далее: интернет пространство, всемирная паутина, мировая сеть, всемирная сеть, глобальная сеть, виртуальное пространство, киберпространство) практически полностью пронизывает все сферы нашей жизнедеятельности, и религия не стала в этом исключением. Многие предприниматели, общественные деятели, простые рабочие и т.д., считают, что если твоей трудовой деятельности, бизнеса и т.п., нет в интернете, то у него нет и будущего. Религия не является бизнесом, но в соответствии с современной информационной картиной мира возникает вопрос – может ли быть у религии будущее без мировой сети.

В статье автор рассматривает отношение современных равви́нов (в иудаизме учёное звание, обозначающее квалификацию в толковании Торы и Талмудана) на создание интернет порталов религиозного характера иудейской направленности как одной из трех мировых религий. В толковом словаре русского языка (1935 – 1940) под редакцией Ушакова Дмитрия Николаевича, иудайзм, иуде́йство (др.-греч. Ἰουδαϊσμός), «иудейская религия» – это религия, возникшая в первом тысячелетии до н.э., в Палестине и распростра-

нившаяся среди евреев [2]. Так как иудейство считается довольно закрытой вероучительной системой, найти информацию на данную тему достаточно сложно, но еврейский русскоязычный сайт «Toldot.ru – Иудаизм и евреи» помогает нам отыскать как можно больше материала, предлагая весь спектр статей про иудейскую религию.

Рав Авраам Коэн, основатель и директор сайта «Toldot.ru – Иудаизм и евреи» и других программ организации русскоязычных религиозных евреев «Толдот Йешурун», в своей статье «Осторожно, Интернет!» (2012) пишет о вреде интернета в целом и то, что раввины даже запрещают пользоваться киберпространством. Авраам Коэн отмечает, что любой современный человек пользуется интернетом в большей или меньшей степени, так как глобальная сеть стала реальностью, но, несмотря на это, многие люди отчетливо осознают возникшую опасность зависимости от мировой сети. Человечество стало проводить достаточно большое количество времени перед экраном компьютеров, телефонов и планшетов, тем самым заменяют реальное общение на виртуальную реальность, следовательно, перестают по-настоящему общаться со своими близкими, отдаляются от семьи и т.д. А это всего лишь простая зависимость, не говоря уже о том, что существуют тяжелые формы зависимости – зависимость от компьютерных игр, порно-зависимость, азартные игры, безвылазная жизнь в социальных сетях и т.п. В итоге, интернет кроме пользы (доступность информации, удобство покупок и т.д.) может приносить и большой вред (разрушенные семьи, отравленная психика, множество асоциальных людей, которые не хотят ничем заниматься, а только проводят большую часть своего времени в сети) [1]. Раввины предостерегают людей от VR (виртуальной реальности) во избежание тяжелых форм киберзависимости, выступают за строгое ограничение пользования киберпространством, тем более использование его детьми. А тем людям, которым он не нужен для работы, вообще рекомендовано отказаться.

Несмотря на то, что многие раввины запрещают пользоваться интернетом по причине возникновения тяжелой формы зависимости у человека, Рав Авраам Коэн отмечает необходимость создания полностью безопасного еврейского сайта, посвященного вопросам религиозного характера, касающегося непосредственно самого иудаизма. Например, на сайте «Toldot.ru – Иудаизм и евреи», нет нескромных вызывающих картинок, новостей и злословия, не разрешают пользователям комментировать, как и что им хочется. Таким образом, человек, который зайдет туда, не опасается, что увидит что-то недозволенное, прочитает что-то неуместное или случайно перескочит на страницу с оскорбительным для него содержанием. В соответствии с информацией сайта «Toldot.ru – Иудаизм и евреи», в прошлом году на него зашло более пяти миллионов пользователей, следовательно, люди искали и получили необходимое представление об иудаизме на русском языке, значит, есть большая польза от работы создателя и работающего персонала самого веб-портала [1]. При этом принцип построения данного интернет-сайта – это альтернатива общепринятому сайту в интернете, но без спамеров, рекламы, разного рода ссылок и т.п.

Создатель интернет-сайта «Toldot.ru – Иудаизм и евреи», Авраам Коэн уверен, что за всемирной мировой паутиной стоит будущее, так как намного облегчает поиск необходимой информации, но важным во все времена остается безопасность. Многие организации и люди по всему миру осознают опасность неограниченной доступности интернет пространства – насилие, разврат, обучение террору и т.д. – это лишь крайние проявления вседозволенности. Тем самым даже нерелигиозные люди ищут «чистый» интернет, остерегаясь вседозволенности.

На сегодняшний день существует много религиозных евреев, которые пользуются этим сайтом. Они живут в отдаленных местах, следовательно, у них нет возможности слушать уроки раввинов, и данный портал дает им возможность учиться иудейской религиозности. Например, Рав Авраам Коэн говорит, что не малое количество людей во время обеденного перерыва на работе вместо того, чтобы смотреть новости, слушают уроки на «Toldot.ru – Иудаизм и евреи». Также можно встретить верующих людей, которые полностью отказались от пользования интернетом дома, они передают флешки с просьбой переписать серии уроков с веб-сайта «Toldot.ru», которые хотели бы послушать, без выхода в интернет пространство.

Таким образом, можно сделать вывод, что интернет сайт «Toldot.ru – Иудаизм и евреи» предназначен в основном для учебы, изучения Торы, или для обращения к раввину. Также на данном сайте можно прочитать огромное количество статей про иудаизм, евреев и Израиль. В онлайн магазине крупнейшего интернет ресурса по иудаизму «Toldot.ru» представлен огромный выбор книг на самые разные еврейские темы, также можно заказать кошерные мезу́зы (прикрепляемый к внешнему косяку двери в еврейском доме свиток пергамента духсустуса из кожи ритуально чистого (кошерного) животного, содержащий часть текста молитвы Шма) и тфилин (элемент молитвенного облачения иудея), любую атрибутику для Субботы (Шабба́т, седьмой день недели в иудаи-

зме, суббота, в который Тора предписывает евреям воздерживаться от работы) и праздников.

Необходимое также отметить еврейский интернет сайт «Стена Плача Иерусалим» (загадать желание и передать записку онлайн), который позволяет верующим виртуально прикоснуться к такой святыне иудеев, как «Стена Плача Иерусалим». Благодаря такой услуге вашу просьбу к Богу положат между камней древней стены. Знаменитая «Стена́ Пла́ча», «За́падная Стена́» или «Ха-Ко́тель ха-Маарави» (ивр., הַכֹּתֶל הַמַּעֲרָבִי, Косель) – это великий памятник архитектуры, одна из главных святынь иудаизма и земли иерусалимской. Ежедневно святую еврейскую «Стену» в Иерусалиме посещают тысячи туристов и паломников со всего мира. Каждый из них считает своим долгом вознести молитву, оставить записку с пожеланием в щелях религиозного памятника. Но, к большому сожалению, не у всех есть такая возможность. Для того чтобы передать записку в «Западную Стену» сегодня не обязательно ехать за сотни километров, вы можете написать и передать письмо в «Косель» на данном сайте. Это особенно важно для тех людей, кто по причине физического или материального состояния не в силах совершить путешествие в Иерусалим. Сайт «Begthelord» был создан для того, чтобы помочь всем желающим передать их молитвы к Богу в «Стену Плача» в Иерусалиме. Воспользовавшись данным сайтом, вы получаете отличную возможность узнать, как правильно написать молитвенную записку, а далее произвести онлайн отправку ее в Иерусалим в «Стену Плача». Создатели сайта заявляют то, что для них является важным процесс качественной передачи просьб и молитв каждого верующего человека.

Список литературы:

[1] Сайт Toldot.ru – Иудаизм и евреи. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://toldot.ru/ (дата обращения: 23.12.2019).

[2] Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ushakovdictionary.ru/ (дата обращения: 13.01.2020).

[3] Стена Плача Иерусалим. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ru.begthelord.com/ (дата обращения: 22.01.2020).

Spisok literatury:

[1] Sajt Toldot.ru – Iudaizm i evrei. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://toldot.ru/ (data obrashcheniya: 23.12.2019).

[2] Tolkovyj slovar' russkogo yazyka / Pod red. D.N. Ushakova. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: https://ushakovdictionary.ru/ (data obrashcheniya: 13.01.2020).

[3] Stena Placha Ierusalim. [Elektronnyj resurs] – Rezhim dostupa: http://ru.begthelord.com/ (data obrashcheniya: 22.01.2020).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ХАСАНОВА Айгуль Азаматовна,
Магистрант,
Уфимский филиал Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Уфимский филиал Финуниверситета), г. Уфа, Россия, ФГБОУ ВО Башкирский ГАУ, Уфа, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ФАРРАХОВА Фаниса Фаузетдиновна,
кандидат экономических наук, доцент,
ФГБОУ ВО Башкирский ГАУ, г. Уфа, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА БИОАКТИВОВ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ В СООТВЕТСТВИИ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ СТАНДАРТАМИ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические аспекты развития бухгалтерского учета, оценки и составления отчетности биологических активов аграрном секторе экономики. Указаны критерии, по которым организации относят ресурсы к биологическим активам, приоритетные направления развития бухгалтерского учета, оценки и составления отчетности. В условиях перехода на МСФО законодательное регулирование бухгалтерского учета в России предприятий аграрного сектора экономики является несовершенным и требует доработки и уточнения. В частности, необходимым является обеспечение регламентации учетного процесса операций с биологическими активами.*

Ключевые слова: *учет, оценка, справедливая стоимость, биологический актив, биотрасформация, рост, воспроизводство, дегенерация.*

KHASANOVA Aigul Azamatovna,
Master's degree course, Ufa Branch of the Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education «Financial University under the Government of the Russian Federation» (Ufa Branch of the Financial University), Ufa, Russia, Bashkir state agrarian university, Ufa, Russia

FARRAKHOVA Fanisa Fauzetdinovna
Ph.D. assistant professor, Bashkir state agrarian university, Ufa, Russia

THEORETICAL ASPECTS OF IMPROVING THE ACCOUNTING OF BIO-ASSETS IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE ECONOMY IN ACCORDANCE WITH INTERNATIONAL STANDARDS

Annotation. *The article discusses the theoretical aspects of the development of accounting, evaluation and reporting of biological assets in the agricultural sector of the economy. The criteria used by organizations to classify resources as biological assets, as well as priority areas for the development of accounting, evaluation, and reporting are indicated. In the context of the transition to IFRS, the legal regulation of accounting in Russia for enterprises in the agricultural sector of the economy is imperfect and requires improvement and clarification. In particular, it is necessary to ensure the regulation of the accounting process of transactions with biological assets.*

Key words: *accounting, evaluation, fair value, biological asset, biotransformation, growth, reproduction, degeneration.*

Тенденция последних лет свидетельствует о повышенном интересе к сельскому хозяйству. Жители России не только возвращаются к аграрному труду в виде своих собственных дачных участков, но и стремятся к более углублённой «натурализации». Более того, научно обосновано, что аграрный бизнес в любой рыночной экономике является одной из важнейших сфер предпринимательства. Так как сельскохозяйственное дело относится к одному из видов бизнеса, здесь также существуют используемые активы, требующие правильного и своевременного учета в финансовой и бухгалтерской отчетности. Эволюция системы бухгалтерского учета России в современных условиях направлена на сближена стандартов национального и международного свойства, что способствует повышению самостоятельности предприятий в выборе методов и вариантов ведения учета.

МСФО (LAS) (раздел 41 «Сельское хозяйство») сталкивается с рядом проблем при применении в практике российских предпринимателей [1]. Они связаны, в первую очередь, с некоторыми различиями межнациональных и отечественных положений при организации учета сельхоздеятельности.

Термин «биоактивы» в отечественном учете не использовался, тогда как в международных стандартах он применяется. Требуется гармонизация российских и международных стандартов в силу того, что все сильнее проявляется глобализация мировых процессов. Важно отметить, что в российской системе регулирования бухучета отсутствуют конкретные указания того, что представляют собой биологические активы и как вести их учет. Западные участники учета применяют эту категорию достаточно давно, но и в РФ на протяжении последнего десятилетия активно обсуждают вопрос принятия ПБУ, связанного с этой тематикой. Правда, многие компании страны уже сегодня сталкиваются с необходимостью решения вопросов, касающихся отражения в бухгалтерском учете и отчетности используемых ими биоактивов [5]. Следует разработать методические рекомендации для сельскохозяйственных структур по переходу на межнациональные стандарты и предложить ключевые принципы для подготовки отчетности в соответствии с требованиями МСФО. Они станут базисом для внедрения Учетной политики, учитывающей международные стандарты. Формирование такой политики и плана счетов важно организовать так, чтобы она охватывала все потенциальные и реальные направления учета биоактивов, критерии их признания, отражение в отчетности и учете, начисление амортизации [1], [2].

Для финансового учета биологических активов применяется исключительно один стандарт МСФО: LAS 41. Согласно нему (LAS 41 «Сельское хозяйство») под биологическими активами (biological assets) понимаются живущие растения и представители животного мира. С другой стороны, не каждого представителя флоры и фауны можно считать бизнес-активом, что требует некоторых уточнений. Итак, биологические активы – живые существа (растения, животные, птицы и т.п.), которые приносят выгоду сельскохозяйственному предприятию. Они напрямую соприкасаются с отслеживанием результатов биотрансформации. Под термином «биотрансформация» подразумевают рост, вырождение, производство и размножение, которые способны вызвать количественно-качественные изменения в биоактиве. Как упоминалось выше, в стандартах бухучета Российской Федерации понятия «биологические активы» не наблюдается. Тем не менее, термин достаточно часто используется в работах российских специалистов и ученых, тесно связанных с бухучетом на предприятиях АПК, занимающихся проблемой соединения национальной и международной практик бухучета.

Согласно МСФО классификация биологических активов имеет нижеследующую структуру *(таблица 1).*

Таблица 1. Классификация биологических активов на основе МСФО 41

Классификационные группы биоактивов	Подгруппы классификации	Примеры
1. Потребляемые биологические активы	1.1. Зрелые	Пшеница в период уборки, скот для продажи
	1.2. Незрелые	Посевы ржи в период роста, крупный рогатый скот, не достигший зрелости

2. Плодоносящие биологические активы	2.1. Зрелые	Плодоносящие насаждения: яблони, груши, виноград. Дойные коровы.
	2.2. Незрелые	Плодоносящие насаждения и продуктивные животные, которые находятся в стадии роста.

Стоит отметить, что разнообразие мнений ученых о термине «биоактивы» и о сути их классификации так или иначе сводится к LAS 41, не сильно дифференцируясь по существу. Для фиксирования динамики различных показателей используется оценка биологических активов: количественная (поголовье, вес, длина, площадь и т.п.); качественная (процентное содержание жира, типоразмеры, прочность волокон и др.).

Она осуществляется как в момент первичного признания биоактива, так и периодически согласно требованиям отчетности. При обоих вариантах биологический актив должен оцениваться справедливо на момент учета за вычетом расходов на их реализацию (согласно п.12 LAS 41). Под справедливой оценкой подразумевается такая сумма денежных средств, которую готовы заплатить независимые эксперты. К расходам на сбыт относят: пошлины, сборы и налоги, связанные с передачей собственности, комиссионные дилеров или брокеров при их наличии.

Справедливое определение стоимости подразумевает деление их на соответствующие однородные группы: возраст скота, одна порода, среда обитания и т.п. Необходимо понимать, что оценивание может иметь ряд трудностей и является актуальным лишь на момент проведения. Постоянная биотрансформация и иные факторы могут значительно повлиять на стоимость. В современной практике для этого применяется ряд правил.

1. Позиция активного рынка.

При биржевой торговле биоактивом актуально использовать текущую котировку на него.

2. Последняя сделка.

При отсутствии активно торгующего рынка биофондом следует признать справедливой цену, которая имелась ранее на этом рынке, если за время отчетного периода не наблюдалось существенных потрясений в этой сфере.

3. Корректировка цен с опорой на аналоги.

В качестве эталона выбирается сходный биоактив и при помощи корректирующих коэффициентов определяется его цена.

4. Отраслевые показатели.

Справедливой будет считаться стоимость, оцененная в среднем по отрасли или сектору.

5. Дисконтированная стоимость.

Без учета факторов биотрансформации определяется величина денежных потоков на основании дисконтирующего коэффициента.

6. Себестоимость.

Бывают ситуации, когда данный метод наиболее объективен. В частности, после вложения денежных средств в актив еще не успела пройти биотрансформация (посажена картошка как раз перед датой учета) либо оценка пока не оказывает влияния на стоимость (саженцам 1 год, но плодоносить они станут в возрасте 5 лет). И бухгалтерская, и финансовая отчетности должны раскрывать следующую информацию о биологических активах: размер прибыли / убытка за текущий отчетный период; описание и характеристика групп активов; с учетом особенностей функционирования предоставить количественные и качественные показатели по каждой категории; список биоактивов, имеющих определенные ограничения или находящихся в залоге; специфика финансовых рисков; сведения о выверке.

Приобретение биологических активов сразу же показывает разницу между отечественным и международным способом учет. Так, в РФ они первично оцениваются и приходуются на счете ПБУ 7 «Основные средства» или 9 «Запасы» (когда приобретается актив, который не будет использован в текущем периоде). Согласно МСФО имеется другой подход: биоактивы подлежат оценке только в управлении их биотрансформацией, тогда как приобретение оных не рассматривается в стандарте. Следовательно, международные положения более точно отражают справедливую цену актива за вычетом расходов на продвижение и сбыт. В качестве упрощения учета биологических активов в МСФО 41 даны примеры последних, полученной сельхозпродукции и конечных результатов переработки после получения или сбора *(таблица 2)* [4].

Таблица 2. Показатели характеристики биологических активов согласно МСФО (IAS) 41

Биоактивы	Сельхозпродукция	Конечный результат переработки или сбора
Овцы	Шерсть	Пряжа, ковер
Деревья в лесопосадке	Вырубленные деревья	Бревна, пиломатериалы
Растения	Хлопок	Нить, одежда
	Собранный тростник	Сахар
Молочный скот	Молоко	Сыр
Свиньи	Туши	Колбасные изделия, консервированная ветчина
Кустарники	Лист	Чай, высушенный табак
Виноградники	Виноград	Вино
Плодово-ягодные деревья	Собранные фрукты	Фрукты, прошедшие переработку

К биологическим активам не относят: земельные участки; рабочий скот (он учитывается по другому стандарту); животных из других сфер деятельности и не имеющих отношения к получению прибыли от сельскохозяйственной деятельности (цирк, зоопарк, заповедники); одно- или многолетние насаждения, не преследующие цель получить доход сельхоз назначения (защитные лесополосы, цветы для украшения, клумбы и кустарники). В случае наличия активной торговой площадки для данной категории биоактивов в их текущем состоянии, справедливая цена при их оценке устанавливается на этом основании. Если же имеется несколько рынков, то подбирается тот, который больше всего подходит под контекст функционирования компании. В частности, при наличии трех биржевых площадок логичнее использовать ту, на которой предприятие собирается торговать, даже если цена там ниже.

Возможна ситуация (о чем говорилось выше), когда активного рынка не существует. В этом случае целесообразно использовать для вычисления стоимости один из показателей:

– последняя сделка на рынке (при условии, что за этот период не наблюдалось кардинальных изменений в сфере);

– аналогичная цена (в качестве образца берется сходный актив, скорректированный по некоторому критерию);

– соответствующие показатели в отрасли (например, цена коровы в перерасчете на килограмм мяса или стоимость насаждений садоводства в расчете на гектар).

При подсчете справедливой цены немаловажно отразить потенциально возможные колебания потоков денег, которые учитываются при согласовании сделки экспертными, осведомленными и желающими совершить покупку контрагентами.

В бухучете и финансовой отчетности следует отражать прибыли или убытки, которые образуются:

– в момент первоначального признания биоактивов по справедливой цене за минусом расходов на реализацию;

– при первичном признании продукции сельхозназначения (при сборе, получении продукции);

– в случаях изменения стоимости биологических активов за вычетом расходов на сбыт по причинам биотрансформации или иным.

В частности, убыток при первоначальном признании биологического актива может возникать именно в связи с тем, что расходы на продажу вычитаются из его справедливой стоимости. А прибыль может возникать при первоначальном признании биологического актива – как, например, в момент рождения теленка. Правила, нормы, стандарты, позволяющие вести учет таких активов должным образом, нечетко прописаны в РБУ.

Российская нормативная база при признании доходов и расходов (прибылей и убытков) призывает руководствоваться требованиями ПБУ 9/99 «Доходы организации» и ПБУ 10/99 «Расходы организации». Министерство финансов РФ на официальном сайте опубликовало проект «Био-

логические активы» федерального стандарта бухучета для предприятий госсектора, что свидетельствует об актуальности проблемы. Означенный документ определяет порядок отражения биологических активов в бухучете субъектов учета на протяжении роста и размножения активов, а также особенности первичной оценки объектов в момент сбора. На текущее время для этого используется федеральный стандарт «Запасы», который планируется заменить для сборной продукции. Пока что проект имеет узкую направленность: распространяется лишь на те активы, что предназначены для деятельности по биотрансформации. Тем не менее, первый шаг сделан.

Согласно программе разработки федеральных стандартов, утвержденной приказом Минфина России от 28.02.2018 № 36н, его планируется ввести в действие с 1 января 2021 года. Специфика реформирования бухгалтерского учета в России связана с гармонизацией его развития в отношении международных положений в области финансовой отчетности. Для эффективного развития аграрного сектора экономики России необходимо иметь адекватную рыночным отношениям систему представления учетной информации, позволяющую с максимальной отдачей использовать все имеющиеся ресурсы сельскохозяйственной организации. В современных условиях развитие системы бухгалтерского учета, направленное на сближение требований национальных и международных стандартов, способствует большей самостоятельности организации в вопросах выбора вариантов и методов ведения учета. Нормативное регулирование учета и отчетности отечественных сельскохозяйственных предприятий должно направляться на сближение с нормами международных стандартов финансовой отчетности (МСФО), приоритетной целью которых является удовлетворение потребностей внутренних и внешних заинтересованных пользователей финансовой отчетности в релевантной информации, необходимой для принятия управленческих решений.

Список литературы:

[1] Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (ред. от 26.07.2019 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Положение по бухгалтерскому учету «Учетная политика организации» (ПБУ 1/2008): утверждено приказом Минфина РФ от 06 окт. 2008 г. № 106н (ред. от 28.04.2017) // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Положение по бухгалтерскому учету «Учет материально-производственных запасов» (ПБУ 5/01): утверждено приказом Минфина РФ от 09 июня 2001 г. № 44н: (ред. от 16.05.2016) // СПС «КонсультанПлюс».

[4] Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 41 «Сельское хозяйство» (введен в действие на территории Российской Федерации приказом Минфина России от 28.12.2015 г. № 217н) (ред. от 11.07.2016) // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Шишкоедов Н.Н. Актуальные вопросы организации учета биологических активов / Пищевая промышленность: бухгалтерский учет и налогообложение. № 6. – 2012.

[6] Фаррахова Ф.Ф. Особенности бухгалтерского учета формирования основного стада животных / Ф.Ф. Фаррахова, Л.Р. Сайфутдинова / Актуальные вопросы бухгалтерского учета, статистики и информационных технологий. Сборник научных статей. Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, Башкирский государственный аграрный университет. Уфа, 2016. С. 100-103.

Spisok literatury:

[1] Federal'nyj zakon ot 6 dekabrya 2011 g. № 402-FZ «O buhgalterskom uchete» (red. ot 26.07.2019 g., s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2020) // SPS «Konsul'tantPlyus».

[2] Polozhenie po buhgalterskomu uchetu «Uchetnaya politika organizacii» (PBU 1/2008): utverzhdeno prikazom Minfina RF ot 06 okt. 2008 g. № 106n (red. ot 28.04.2017) // SPS «Konsul'tantPlyus».

[3] Polozhenie po buhgalterskomu uchetu «Uchet material'no-proizvodstvennyh zapasov» (PBU 5/01): utverzhdeno prikazom Minfina RF ot 09 iyunya 2001 g. № 44n: (red. ot 16.05.2016) // SPS «Konsul'tanPlyus».

[4] Mezhdunarodnyj standart finansovoj otchetnosti (IAS) 41 «Sel'skoe hozyajstvo» (vveden v dejstvie na territorii Rossijskoj Federacii prikazom Minfina Rossii ot 28.12.2015 g. № 217n) (red. ot 11.07.2016) // SPS «Konsul'tantPlyus».

[5] SHishkoedov N.N. Aktual'nye voprosy organizacii ucheta biologicheskih aktivov / Pishchevaya promyshlennost': buhgalterskij uchet i nalogooblozhenie. № 6. – 2012.

[6] Farrahova F.F. Osobennosti buhgalterskogo ucheta formirovaniya osnovnogo stada zhivotnyh / F.F. Farrahova, L.R. Sajfutdinova / Aktual'nye voprosy buhgalterskogo ucheta, statistiki i informacionnyh tekhnologij. Sbornik nauchnyh statej. Ministerstvo sel'skogo hozyajstva Rossijskoj Federacii, Bashkirskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet. Ufa, 2016. S. 100-103.

МИХАЙЛИНА Екатерина Борисовна,
студентка 1 курса магистратуры
40.04.01 Юриспруденция,
Самарский государственный экономический университет, г. Самара
e-mail: frau4u@yandex.ru

Научный руководитель:
ЛОШКАРЕВ Андрей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент,
Самарский государственный экономический университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В ШВЕЙЦАРИИ И ГЕРМАНИИ КАК ПОЗИТИВНЫЙ ПРИМЕР ДЛЯ ЛЕГИТИМИЗАЦИИ ЕЕ В РФ.

Аннотация. *В статье рассмотрены основы правового регулирования криптовалюты и системы реестра распределенных данных, примеры их использования в бизнесе и на государственном уровне, формы правового контроля, налогообложения и преференций для участников рынка. Также проанализированы показатели инновационных и производственных достижений, перспективы и проблемы внедрения.*

Ключевые слова: *цифровая экономика; криптовалюта; реестр распределенных данных; инвестиции; экосистема; политика; ICO; STO; AML; KYC; блокчейн; биткоин; технологии; Швейцария; Германия; Россия; ГИИ; ИВК.*

MIKHAILINA Ekaterina Borisovna,
1st year student of magistracy, 40.04.01 Jurisprudence,
Samara state University of Economics, Samara city

Scientific supervisor:
LOSHKAREV Andrey Viktorovich,
Candidate of Juridical Sciences, docent, Samara state University of Economics

LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCIES IN SWITZERLAND AND GERMANY AS A POSITIVE EXAMPLE FOR LEGITIMIZING IT IN THE RUSSIAN FEDERATION.

Annotation. *The article discusses the basics of legal regulation of cryptocurrencies and distributed data registry systems, examples of their use in business and at the state level, forms of legal control, taxation and preferences for market participants. Indicators of innovation and production achievements, prospects and problems of implementation are also analyzed.*

Key words: *digital economy; cryptocurrency; distributed ledger technology; investment; ecosystem; policy; ICO; STO; AML; KYC; blockchain; bitcoin; technology; Switzerland; Germany; Russia; GII; CPI.*

Криптовалютный рынок неуклонно развивается и захватывает интерес все большего количества пользователей. Крупнейшие компании, например Overstock, PayPal, Microsoft и многие другие, официально принимают оплату виртуальной валютой. Они оценили ее глобальные преимущества, такие как скорость транзакций, снижение затрат, доступ к базе новых пользователей, отслеживаемость и прозрачность. Криптовалюта уже доказала не просто свою жизнеспособность, но и прорывную динамику и огромный потенциал. Естественно, правительства стран мира уже не могут игнорировать цифровые валюты, возникает неизбежный выбор: либо власти должны ее узаконить и иметь возможность регулирования, либо криптовалюта может нанести чрезвычайный урон экономике, политике и других сферам, перейдя «в тень» и работая на преступность и терроризм или просто «утекая» в другие страны.

К тому же, мощная система Блокчейн (реестр распределенных данных, цепочка блоков), на

которой основана самая известная криптовалюта Биткоин, может использоваться не только для создания цифровых активов, но и для разработки платформ, экосистем, как международных, так и национальных; для сбора, хранения, структурирования больших объемов информации, а главное их передачи и взаимодействия пользователей в защищенной от несанкционированного доступа и изменения данных среде [1], например Factom (компания применяет реестр в сфере управления данными), Everledger (создали реестр, в котором хранятся «цифровые паспорта» на каждый бриллиант, с его с историческими данными, доступ к которым предоставляется по запросу от заинтересованных лиц или правоохранительных органов), 2WAY.IO, ShoCard, Guardtime, BlockVerify, HYPR, Onename (используют систему для идентификации прав доступа пользователей), а также системы автоматизации бизнес-процессов внутри компаний, которые можно использовать на государственном уровне. Естественно, криптовалюта: ее форма и технология создания и трансформации - главная угроза для коррупции и бюрократии, что заставляет опасаться внедрения данных технологий на высшем уровне заинтересованных лиц и структур.[2, 3].

Далее приведены несколько стран, категорически не приемлющих криптовалюту в своем государстве и соответственно их индекс восприятия коррупции (далее — ИВК) ежегодного рейтинга от авторитетного антикоррупционного центра «Transparency International» по итогам 2019 года, опубликованных 23 января 2020 года. Чем ближе этот показатель к минимальному значению 0, тем больше коррумпированность, максимальное значение 100 соответствует отсутствию коррупции (идеальное значение).

- Эквадор — обещают конфискацию и уголовную ответственность (запрет криптовалют с 2014 года). ИВК 38 — не очень позитивный результат. Лучше чем в предыдущие периоды, но для сравнения в Швейцарии — 85, в Германии - 80;
- Боливия — в плане криптовалюты наиболее жестокие санкции. Показательно для профилактики будущих «преступлений с криптовалютой» арестованы более 60 человек, во избежании использования не регулируемой правительством страны единственной национальной денежной единицы: незаконно использовать «какую-либо валюту, которая не была выпущена и не контролируется правительством». ИВК — 31, есть над чем работать.
- Киргизия — категорически против использования криптовалюты и ее аналогов, в связи с этим опубликовали Заявление о запрете хождения виртуальных валют на их территории; видимо граждане понимают ответственность, хоть и концептуальную (прогнозируемую, самостоятельно каждым отдельно, так как соответствующих НПА нет), так как скачивание копий официального кошелька биткоина с ip-адресов, Киргизсцами минимально и те зафиксированы до.. Заявления. ИВК — 30.
- Бангладеш — для безопасности своих граждан упреждают от использования виртуальных денег, так как «в валюте отсутствует центральная платежная система, в результате чего потребители становятся финансово уязвимыми», и ввели уголовную ответственность за соответствующее правонарушение, точнее преступление. Ожидаемо низкий ИВК — 26 [3, 4].

Однако есть ряд государств, которые предпочитают взять цифровой бизнес под контроль, нежели дальнейщий расцвет коррупции, теневой экономики и спонсирование терроризма.

Швейцария — нейтральная и успешная. Первенство во всех рейтингах (особенно Индекс лучшей жизни из года в год, ГИИ — «глобальный индекс инноваций», соответственно конкурентноспособность, экономика, образование, и т. д.).

«Криптодолина» - Швейцарский Цуг — высокотехнологичный криптовалютный центр; один из лучших для ICO (Initial Coin Offering - первичное размещение монет-токенов для инвесторов будущих проектов, предложение монет - криптовалюты.. «мое дело — предложить, Ваше быстро купить», иначе не ICO) и STO (Security Token Offerings — «предложение токена-ценной бумаги» – форма инвестирования блокчейн-проектов, по-нашему превращаем токены в актив рынка ценных бумаг, также называется эмиссия инвестиционных токенов).

Здесь власти уделяют особое внимание правовому регулированию и контролю над цифровыми финансами. Совершенствование борьбы по AML (инструменты по противодействию с «отмыванием денежных средств Он-лайн»), соблюдение норм AML - обязательно. Выпущено официальное руководство по ICO, оно одобрено FINMA (Swiss Financial Market Supervisory Authority – Управление надзора за операциями финансового рынка Швейцарии). Парламент Швейцарии наделил FINMA полной властью над всеми финансовыми и страховыми организациями страны. Управление неоднократно заявляло о своей приверженности принципу «один бизнес – одни правила».

В Швейцарии для упрощения правового регулирования токены разделены на три вида: платёжные (payment tokens), служебные (utility

tokens), имущественные (asset tokens) и отдельным блоком идёт, сочетающая в себе признаки основных типов токенов так называемая гибридная форма. ICO рассматриваются в качестве ценных бумаг. Платёжные токены не являются законным средством платежа, но могут быть легально использованы в таком качестве (по согласованию сторон). Чтобы начать криптовалютнай бизнес необходимо получить подтверждение FINMA. Для неурегулированных законом активов нельзя использовать существующие лицензии, например как до недавнего времени, для бизнеса по продаже прав DLT (Distributed Ledger Technology - Технология распределенного реестра), однако специальные разрешения уже разрабатываются правительством (Закон «О блокчейне» вступит в законную силу в начале 2021 года), а вот для операций с биткоинами — лицензии и вовсе не нужны.

Главный принцип правового регулирования в Швейцарии — прозрачность, легальность, соблюдение правил и норм FINMA и требований AML (ANTI MONEY LAUNDERING — противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем) и KYC (Know Your Customer — знай своего клиента). Криптохолдинги облагаются налогом на богатство (обязательное декларирование). Налоги на прирост капитала и компенсацию убытков распрастраняются только на профессиональных трейдеров ЦФА (цифровые финансовые активы). То есть налогами облагаются только операции на коммерческой основе.

Классификация криптоактивов (токенов) здесь произведена следующим образом.

- Разменный — классическая криптовалюта, такие как Эфириум или Биткоин. Его используют для оплаты товаров и услуг, или для сохранения платежной стоимости.
- Ютилити — по свойствам схож с купоном, то есть обменять его на продукт или услугу можно только в конкретной экосистеме, построенной эмитентом токена.
- Инвестиционный — соотносим с ценными бумагами, швейцарское законодательство допускает рассматривать инвестиционные токены именно наравне с ними, также как акции, облигации, фьючерсы или др.

Саму криптовалюту власти соотносят с фиатными деньгами, поэтому она не облагается налогом на добавленную стоимость. В упомянутом выше Швейцарском городе Цуг вот уже как 2 года, биткоинами можно оплачивать различные услуги, в том числе коммунальные. 3 сентября швейцарский кантон Цуг начал принимать налоговые платежи в биткоинах и Ethereum.

Благодаря такой открытой, прогрессивной политике и позитивному правовому регулированию, Швейцария занимает 1-е место среди 49 стран с высоким уровнем дохода; первая среди экономик 39 стран Европы; уже десятый год подряд - является мировым лидером в области инноваций: высокие показатели производительности по всем семи областям ГИИ — Глобальный или мировой инновационный индекс.

Особо должна отметить блестящую инновационную экосистему, обеспечивающую сотрудничество университетов и промышленности, занимающую 2–е место в мире.[2, 4]. Одна из первых в Европе разработала правовое регулирование криптовалюты Германия. Отношение к ЦФА в юрисдикции «взвешенно-благожелательное». Еще в 2011 году BaFin (Bundesanstalt fur Finanzdienstleistungsaufsicht – Федеральное управление финансового надзора Германии) классифицировал криптовалюту в качестве финансовых инструментов. Операции с криптовалютами, связанные с бизнесом по предоставлению финансовых услуг на коммерческой основе или банковской деятельностью, могут осуществляться только после получения письменного разрешения BaFin. Очередное определение криптовалюты дано в Заявлении BaFin от 02.03.2020 г. Если компании ведут деятельность, связанную с криптовалютами, они обязаны получить соответствующую лицензию, в соответствии с требованиями пятой директивы ЕС (5AMLD EU), однако в противном случае, штрафные санкции не налагаются, вменена обязанность в ее получении в установленные законом сроки.

Криптобиржи (платформы для торговли виртуальными деньгами) здесь регистрируются в качестве финансовых компаний и должны соответствовать двум критериям: уставной капитал не менее 730 000 евро, обязательная отчетность в «четко регламентированные термины BaFin». Совет по туризму Германии одобрил биткоин в качестве «приемлемого платежного средства». Для проведения сделок купли-продажи с криптовалютами, банки обязаны получить одобрение BaFin. В стране запущен совместный проект Wertpapierhandels Bank и Solaris Bank в качестве сервиса по торговле криптовалютами. Также стоит упомянуть онлайн-сервис международного однорангового кредитования Bitbond. В качестве системообразующей платформы он использует биткойны.

Если криптовалюта продается в срок до 1 года с момента покупки, такая операция облагается подоходным налогом налогом на прирост капитала, если через год и более - налог не начисляется, при этом действует налоговый вычет в размере 600 евро. Также налогом на доход облагается майнинг, как создание цифровой валюты. Из определения следует:

Криптовалюты — это цифровая ценность

Биткоины – расчётные единицы и частные деньги, соответственно с их транзакций налог не взимается.

Германия — одна из первых стран в Европе, в которой реализован такой инновационный проект - онлайн-сервис международного однорангового кредитования Bitbond, в котором финансовыми инструментами являются биткоины. [5, 6].

Должна отметить, что аналогично Российскому Центробанку (ИВК России составляет 28, соответственно 137 место из 180 возможных), Национальный банк Германии (Deutsche Bank) с опасением относится к криптовалюте, утверждая, что они стимулируют киберпреступность и повышают риск мошенничества. В связи с этим требует запретить виртуальную валюту и предупреждает о неблагоприятных возможных последствиях. Однако правительство и общество в целом не подвергают сомнению легитимность криптовалюты.

В глобальном рейтинге инновационных экономик Bloomberg Innovation Index 2020 Германия в первый раз за последние 7 лет заняла первое место, обогнав посоянного лидера Южную Корею. Абсолютное превосходство над другими экономиками мира в рейтинге принесли 4 показателя из семи: интенсивность исследований и разработок, производство добавленной стоимости, эффективность образования и концентрация исследований. [2, 7].

Финансовые институты с интересом изучают криптовалюту, ищут способы ее регулирования и интеграции ее механизмов в свою деятельность, с целью сделать отношения во всех сферах жизни общества более честными и прозрачными. Правительства ведущих стран мира, понимают неизбежность и необходимость цифровых инструментов, поэтому смело эксперемитируют с внедрением указанных технологий и систем, получая позитивные результаты и корректируя законодательство по мере необходимости и возникновения новых видов отношений.

В Российской Федерации в рамках национального проекта «Цифровая экономика» одной из главных целей заявлено стимулирование экономики и повышение ее эффективности за счет новых технологий и инвестиций в инновации. Однако, в действительности мы видим несовершенность и абсолютную неактуальность, по сравнению с современными методами правового регулирования в успешных экономиках мирового уровня, российского законодательства, в котором регулятор всячески избегает признания криптовалюты в качестве активов, как в Швейцарии, или финансовых инструментов, как в Германии. Напротив, новый Федеральный Закон от 31.07.2020 №259-ФЗ (который должен вступить в силу с нового 2021 года) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не только не дает правового статуса цифровой валюте, но наоборот, вносит противоречия и неопределенность в возможности ее выпуска, использования и обращения. Указанные в НПА цифровые финансовые активы, являющиеся по сути цифровыми ценными бумагами по российскому праву вряд ли могут рождать интерес на международном рынке. Также как и до принятия Закона, Россия остается непривлекательной юрисдикцией для криптобирж (конвертация цифровой валюы или использование ее в качестве средства платежа, является не законным для резидентов РФ), также как для инвестиций (в том числе ICO, STO и пр. старт-апов). Кроме того, на данный момент наблюдается отток ИТ-кадров, получающих вознаграждения, как правило, в цифровой иплементации, в страны с позитивным правовым полем в соответствующих сферах.

Без разработки определенных лицензий, разрешений, четких и понятных правовых норм и систем регулирования для действительно комфортного развития цифрового бизнеса и оборота цифровых валют, направления поддержки развития ИТ-привлекательности, заявленные руководством России не могут быть осуществлены, соответственно инвестиции получают прогрессивные страны, использующие достоинства криптосферы и контролирующие ее законность. Затрачивая огромные бюджетные средства на громкие национальные проекты, российский законодатель отказывается от мощного инструмента, пытаясь его игнорировать и прямым текстом отправляя его в другие юрисдикции. Вместо того, чтобы вооружиться эффективными разработками того же Евросоюза в плане стандартов AML и KYC, российские власти потворствуют развитию коррупции и теневой цифровой экономики.

Главные вопросы, которые должны решаться для инноватизации и цифровизации экономики — это способы и формы регулирования центральным банком, не препятствующие развитию технологий и их распрастранению, безусловная легальность правоотношений, достижении их прозрачности и 100%-ной идентификации, лицензирование торговли, безопасность частных, коммерческих и публичных данных, при этом их четкая структуризация и неприкосновенность от вторжений. Данная проблема является глобальной, поэтому задача должна решаться не только на национальных уровнях, а объединенными усилиями всего прогрессивного мирового сообщества, частью которого может стать Российская Федерация.

Список литературы:

[1] Основы цифровой экономики: учебник и практикум для вузов / М.Н. Конягина [и др.]; ответственный редактор М. Н. Конягина. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 235 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-13476-6. — Текст: электронный // ЭБС Юрайт [сайт]. — URL: https://urait.ru/bcode/459173 (дата обращения: 28.09.2020).

[2] Введение в «Цифровую» экономику / А.В. Кешелава В.Г. Буданов, В.Ю. Румянцев и др.; под общ. ред. А.В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И.А. Зимненко. – ВНИИГеосистем, 2017. – 28 с. (На пороге «цифрового будущего». Книга первая)

[3] «Habr». https://habr.com/ru/company/wirex/blog/397999/ Дата обращения 30.09.2020г.

[4] Transparency International 2020. https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/ Дата обращения 03.10.2020г.

[5] Cornell University, INSEAD, WIPO | Год издания: 2020 . The Global Innovation Index. Официальный сайт. В соответствии с требованиями лицензии Creative Commons — Attribution (BY) 3.0 IGO. https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4514 Дата обращения 30.09.2020.

[6] «Finance Magnates Ltd.» Дата обращения 01.10.2020.

[7] Bloomberg L.P. https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-18/germany-breaks-korea-s-six-year-streak-as-most-innovative-nation. Дата обращения 02.10.2020.

Spisok literatury:

[1] Osnovy cifrovoj ekonomiki: uchebnik i praktikum dlya vuzov / M.N. Konyagina [i dr.]; otvetstvennyj redaktor M. N. Konyagina. — Moskva: Izdatel'stvo YUrajt, 2020. — 235 s. — (Vysshee obrazovanie). — ISBN 978-5-534-13476-6. — Tekst: elektronnyj // EBS YUrajt [sajt]. — URL: https://urait.ru/bcode/459173 (data obrashcheniya: 28.09.2020).

[2] Vvedenie v «Cifrovuyu» ekonomiku / A.V. Keshelava V.G. Budanov, V.YU. Rumyancev i dr.; pod obshch. red. A.V. Keshelava; gl. «cifr.» kons. I.A. Zimnenko. – VNIIGeosistem, 2017. – 28 s. (Na poroge «cifrovogo budushchego». Kniga pervaya)

[3] «Habr». https://habr.com/ru/company/wirex/blog/397999/ Data obrashcheniya 30.09.2020g.

[4] Transparency International 2020. https://transparency.org.ru/research/indeks-vospriyatiya-korruptsii/ Data obrashcheniya 03.10.2020g.

[5] Cornell University, INSEAD, WIPO | God izdaniya: 2020 . The Global Innovation Index. Oficial'nyj sajt. V sootvetstvii s trebovaniyami licenzii Creative Commons — Attribution (BY) 3.0 IGO. https://www.wipo.int/publications/en/details.jsp?id=4514 Data obrashcheniya 30.09.2020.

[6] "Finance Magnates Ltd." Data obrashcheniya 01.10.2020.

[7] Bloomberg L.P. https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-01-18/germany-breaks-korea-s-six-year-streak-as-most-innovative-nation. Data obrashcheniya 02.10.2020.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ЧУПИНА Ирина Павловна,
доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента и экономической
теории Уральского государственного
аграрного университета
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ВОРОНИН Борис Александрович,
доктор экономических наук,
профессор кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного
аграрного университета
e-mail: irinacupina716@gmail.com

ЖУРАВЛЕВА Людмила Анатольевна,
кандидат философских наук, доцент,
заведующая кафедрой философии Уральского государственного
аграрного университета
e-mail: zhuravleva08@gmail.com

ЗАРУБИНА Елена Васильевна,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии Уральского государственного
аграрного университета
e-mail: ethos08@mail.ru

СИМАЧКОВА Наталья Николаевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры менеджмента и экономической теории
Уральского государственного
аграрного университета
e-mail: nikolina73@yandex.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ОРГАНИЗАЦИЯХ АГРАРНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ

Аннотация. *Аграрный сектор экономики играет важную роль в развитии экономики страны в целом и в обеспечении продовольственной безопасности. Поэтому повышение его конкурентоспособности необходимо как для производства качественных товаров внутри страны, так и в связи с санкциями. Основополагающее значение здесь имеет человеческий капитал. Инновационное развитие экономики и внедрение новых технологий во все сферы экономики, в т.ч. и в аграрный сектор, требует от кадрового персонала высокого уровня развития человеческого капитала для ускоренного развития производительности труда. Пока ресурсный потенциал в аграрном секторе экономики используется не всегда эффективно, о чем свидетельствует низкий уровень производительности труда. Для того чтобы человеческий капитал был на более высоком уровне, необходима модернизация не только на предприятиях, но и в сфере образования. Необходимо новое техническое оснащение предприятий и внедрение инноваций для дальнейшего развития каждого отдельно взятого предприятия, а затем и для конкурентоспособности сельскохозяйственных предприятий. Новая форма в образовательной среде необходима для переподготовки сотрудников по новым программам в сфере новых технологий, а также создание на каждом предприятии системы обучения сотрудников на основе программ дополнительного обучения, повышения квалификации и переквалификации. Поэтому человеческий капитал играет основную роль для повышения конкурентоспособности как отдельно взятого предприятия, так и аграрного сектора экономики в целом.*

Ключевые слова: *человеческий капитал, аграрный сектор, конкурентоспособность, инновационные процессы, система образования, квалификация сотрудников.*

CHUPINA Irina Pavlovna,
doctor of Economics, Professor Department of management and law of the Ural state University agrarian University

ZHURAVLEVA Lyudmila Anatolyevna,
candidate of philosophy, associate Professor, head of the Department of philosophy of the Ural state University agrarian University

ZARUBINA Elena Vasilyevna,
candidate of philosophy, associate Professor Department of philosophy of the Ural state University agrarian University

RUCHKIN Alexey Vladimirovich,
candidate of social Sciences, associate Professor Department of management and economic theory of Ural state University state agrarian University

SIMACHKOVA Natalia Nickolaevna,
candidate of historical Sciences, associate Professor of the Department of management and rights of the Ural state University agrarian University

REALIZATION OF HUMAN CAPITAL IN ORGANIZATIONS OF THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE ECONOMY

Annotation. *The agricultural sector of the economy plays an important role in the development of the country's economy as a whole and in ensuring food security. Therefore, improving its competitiveness is necessary both for the production of high-quality goods within the country and in connection with sanctions. Human capital is fundamental here. The innovative development of the economy and the introduction of new technologies in all spheres of the economy, including the agricultural sector, requires a high level of human capital development from personnel to accelerate the development of labor productivity. So far, the resource potential in the agricultural sector of the economy is not always used effectively, as evidenced by the low level of labor productivity. In order for human capital to be at a higher level, modernization processes are needed not only in enterprises, but also in the field of education. There is a need for new technical equipment of enterprises and the introduction of innovations for the further development of each individual enterprise, and then for the competitiveness of agricultural enterprises. A new form in the educational environment is necessary for retraining employees for new programs in the field of new technologies, as well as the creation of an employee training system at each enterprise based on additional training, advanced training and retraining programs. Therefore, human capital plays a major role in improving the competitiveness of an individual enterprise and the agricultural sector of the economy as a whole.*

Key words: *human capital, agricultural sector, competitiveness, innovative processes, education system, qualification of employees.*

Реализация человеческого капитала в организациях аграрного сектора экономики зависит от многих условий, которые мы назовем объективными и субъективными факторами. Цель реализации человеческого капитала – получение дохода, как самого человека, так и предприятия, где данный капитал используется [1, с. 107].

Переход к постиндустриальному обществу характерен повышением уровня интеллектуального развития, повышением роли инновация и научных достижений в разных секторах экономики. Экономический рост все в большей степени обеспечивается за счет интенсивных факторов, где основным ресурсом становится человеческий капитал. Поэтому в современном обществе к

молодым специалистам предъявляются более высокие требования, чем это было ранее. Научный прогресс постоянно растет, и инновационное развитие изменяется ускоренными темпами. Поэтому человек должен владеть в совершенстве не только ранее накопленными знаниями, но и создавать новые, в виде передовых научных идей и новых видов товаров и услуг.

В современном мире производственные способности человека формируются в форме человеческого капитала, который является комплексом творческих способностей, характерных для инновационной стадии развития общества. И в сельских территориях человеческий капитал становится одним из основных показателей устойчивого развития сельского хозяйства [2, с. 27]. В целях важнейшей задачи продовольственной безопасности страны формирование человеческого капитала является стратегической задачей государства.

Для развития человеческого капитала необходима инвестиционная поддержка. И данная поддержка должна идти не только от самого индивида, но и со стороны работодателя. Человеческий капитал должен приносить его владельцу стимул для развития, поэтому должен быть инвестиционно привлекательным.

Инвестиции должны способствовать отдаче эффективной деятельности и иметь положительный эффект от вложенных средств, который будет являться окупаемым. Рассмотрим плюсы и минусы инвестирования в человеческий капитал в аграрном секторе.

К сильным сторонам можно отнести:

- повышение конкурентоспособности человеческого капитала;
- повышение квалификационных навыков;
- решение проблем по дефициту кадров в сельской местности на сельскохозяйственных предприятиях;
- более эффективную отдачу от человеческого капитала по сравнению с отдачей физического капитала [3, с. 87].

Слабыми сторонами можно назвать:

- инвестирование человеческого капитала – это затраты, которые не всегда являются оправданными;
- инвестирование в человеческий капитал в аграрном секторе находится на низком уровне в связи с ограниченными финансовыми возможностями сельскохозяйственных предприятий;
- длительный период отдачи от вложений в человеческий капитал;
- низкая мотивация и работников, и работодателей от небольшого инвестирования [4, с. 56].

Далее рассмотрим возможные угрозы и положительный эффект от реализации человеческого капитала в организациях АПК на основании плюсов и минусов, которые нами были указаны.

К угрозам следует отнести, как мы уже говорили выше, низкую окупаемость инвестиций в развитие человеческого капитала. Не нужно игнорировать и такой момент, как миграция сельских жителей. Так же к угрозам необходимо отнести и моральное изнашивание человеческого капитала через какой-то промежуток времени, особенно сейчас, когда и техника, и знания устаревают довольно быстро в эпоху цифровизации экономики. А это значит, что инвестиции, потраченные на человеческий капитал, который быстро устаревает, не получили свою полную отдачу. Из этого выходит следующая причина – деградация человеческого капитала. А из этой причины по цепочке взаимосвязи выявляется снижение мотивационной составляющей самого работника к трудовой деятельности [5, с. 67].

Из положительных моментов нужно выделить расширенную возможность трудоустройства, при условии, что работник обладает современными знаниями применения своего интеллектуального капитала на предприятиях аграрной сферы экономики. Также положительным моментом будет и рост доходов сельского населения от эффективного применения человеческого капитала. Рост доходов приведет к мотивации для создания новой интеллектуальной базы и новых возможностей для использования человеческого капитала. Как итог этому – повышение качества жизни в сельской местности. А качество жизни можно обеспечить только достойной заработной платой.

В настоящее время мы не можем сказать, что заработная плата работников в сельскохозяйственных организациях вполне достаточна для реализации и развития каждого из них своего человеческого капитала. Реализация Государственной программы также не очень сильно влияет на повышение качества жизни сельского населения [6, с. 71]. В аграрном секторе экономики проявляется такая особенность: низкий уровень жизни сельского населения, с одной стороны, не позволяет полноценно развиваться человеческому капиталу. С другой – только ускоренный рост и внедрение цифровизации и инновационных технологий будут способствовать повышению в сельской местности развитию человеческого капитала.

В современных условиях хозяйствования на предприятиях аграрного сектора экономики необходимы новые подходы к развитию человеческого капитала для решения сложных социально-экономических проблем. Задачами же должны стать определение основных направлений инновацион-

ного развития и эффективное внедрение инноваций в производственные процессы.

Для эффективной реализации человеческого капитала необходимо реализовать стратегические и тактические задачи, такие как иметь научно-обоснованный инструментарий на предприятиях, который позволил бы оценить состояние и эффективность использования человеческого капитала. Необходимо просчитать и структуру затрат на человеческий капитал. А из этого выявляется и степень его направленности. Так же следует учитывать и политику организации и базироваться на комплексном мониторинге состояния человеческого капитала [7, с. 49].

Рассмотрим основные направления реализации человеческого капитала в организациях аграрного сектора экономики.

В первую очередь нужна оценка самого человеческого капитала, или по-другому, планирование человеческих ресурсов. Сам процесс планирования человеческих ресурсов представляет собой потребность в кадровом составе организации в зависимости от квалификации персонала. Несовершенное планирование часто приводит к потере ценных ресурсов, и, наоборот, эффективное планирование в отношении человеческих ресурсов и человеческого капитала приводят к положительным результатам.

Далее нужно сказать и о требованиях, которые в настоящее время предъявляются к человеческому капиталу. Каждое предприятие от человеческого капитала желает получить максимум прибыли. Поэтому человеческий капитал должен способствовать росту производительности труда и совершенствованию бизнес-процессов на конкретном предприятии. Инвестиции, которые были вложены в человеческий капитал на предприятии, должны быть меньше величины приращенного дохода. Основные требования, предъявляемые к человеческому капиталу: высшее образование в престижном вузе; знание современных компьютерных программ; знание иностранных языков; креативность мышления; быстрое реагирование на изменение окружающей среды. Можно перечислить еще ряд признаков, таких как стремление к саморазвитию, инициативность и др. [8, с. 295].

Если затронуть структуру затрат на развитие человеческого капитала, то на предприятиях в последнее время почти везде используются курсы повышения квалификации для сотрудников, стажировки за рубежом или в крупных компаниях страны, программы переквалификации. Данные программы способствуют дополнительному развитию человеческого капитала. Необходимо отметить здесь и безопасность рабочего места, что позволяет снижать профессиональные риски и повышать производительность труда.

Следующим моментом необходимо назвать регулирование рынка труда. Заработная плата на рынке труда выступает объектом регулирования между спросом и предложением. Довольно значимым фактором являются и социальные гарантии, а также продолжительность рабочего дня.

Устойчивое развитие сельских территорий также зависит для совершенствования человеческого капитала. Это возможности социально-экономического развития сельских территорий, сохранение сельского образа жизни и сельской культуры при внедрении в производство модернизации и инновационных технологий [9, с. 32].

Сейчас в сельской местности социальная инфраструктура не становится лучше, многие деревни и села исчезают с карты страны именно из-за ухудшения и исчезновения социальной инфраструктуры – с каждым годом уменьшается количество школ в сельской местности, продуктовых магазинов и фельдшерских пунктов, не говоря уже о транспортной составляющей. Поэтому городской образ жизни становится наиболее привлекательным. Среди привлекательных сторон многие сельские жители называют бытовые условия, доступ к образованию и обучению детей, возможности для своей реализации.

В советское время и в первые годы постсоветского периода существовала система стимулирования молодежи по возвращению на село. Сельскую молодежь, которая обучалась сельским профессиям, поддерживали колхозными стипендиями и для них были установлены лимиты приема в сельскохозяйственные вузы. В рамках программы «Обеспечение жильем молодых семей и молодых специалистов на селе» выделяются субсидии на жилье. Но данная программа покрывает только 4% необходимого жилья для молодых специалистов. И хотя власти на региональном уровне пытаются «притормозить» негативную тенденцию с помощью тех же программ «Земский доктор», «Сельский фельдшер», «Городская среда» и др., результаты пока не впечатляют [10, с. 63].

Улучшение жилищных условий, несомненно, если не полностью, то частично сможет улучшить демографическую и кадровую проблемы на селе. Многие молодые семьи не спешат иметь детей именно в связи с нехваткой жилой площади. Кроме того, система здравоохранения в сельской местности также на низком уровне.

Все эти проблемы необходимо решать в ближайшее время. Только в этом случае человеческий капитал в сельской местности сможет развиваться. Необходимо учитывать и такие моменты, как изменение требований к привлекательности труда. То есть если мы говорим о совершенствовании человеческого капитала, то наравне с этим

должен совершенствоваться и сельскохозяйственный труд – внедрение в производственные процессы новых инноваций и технологий.

Основными направлениями участия аграрного бизнеса в управлении человеческим капиталом нужно отнести повышение социальной ответственности бизнеса. Но и здесь есть ряд негативных факторов. Найти инвесторов для развития сельских территорий непросто. Пашню бизнесмены берут охотно, но вкладывать инвестиции в развитие села не хотят. Преимуществом должны пользоваться предприниматели из местной среды. И обе проблемы – и инвестиций, и инфраструктуры следует решать параллельно. Кроме того, важно организовать не только производство продукции, но и оказать помощь в создании структур для ее реализации как на внутреннем рынке, так и на экспорт. Без помощи государства здесь не обойтись.

Что касается инвестирования в человеческий капитал на подготовку и переподготовку кадров, то в настоящее время кадры для аграрных предприятий готовят профессиональные лицеи и высшие учебные заведения. В стране 59 вузов выпускают специалистов высшего звена в аграрной сфере, а также 162 сельскохозяйственных колледжа. Обучаются в них более 458 тыс. студентов. Из всех студентов 86% получают специальности сельскохозяйственной направленности, остальные специальности необходимы для развития сельской инфраструктуры. Тем не менее, кадровый дефицит специалистов с высшим образованием составляет в аграрном секторе более 79 тыс. чел. [11, с. 54].

В чем же тогда причина дефицита кадров? Причина одна – молодежь не желает возвращаться жить в село после получения образования, и молодые специалисты пытаются остаться в городе и работать даже не по своей специальности ради закрепления в городах. Только третья часть выпускников вузов и техникумов аграрной направленности возвращаются в свои села и устраиваются на работу в сельскохозяйственные предприятия.

Сейчас аграрный сектор нуждается в специалистах, которых не хватает. Статистические данные дают отчетность, что замещение должности руководителя предприятия – вакансии более 8 тыс. чел., агрономов – более 9 тыс. чел., зоотехников – более 10 тыс., ветврачей – более 10 тыс., высокая потребность наблюдается и в специалистах среднего звена, и в людях рабочих профессий. Получается парадокс – в одних муниципальных образованиях идет отток рабочей силы, т.к. негде работать, а в других – дефицит рабочих кадров. Причина еще и в том, что сельский труд тяжелый сам по себе и низко оплачиваемый. Сельский труд считается не престижным и в силу его сезонности. Заработок зависит от реализованной продукции. Среднемесячная заработная плата сельского труженика в два раза ниже, чем в других отраслях экономики. Поэтому и увеличивается разрыв между городом и деревней. Разрыв между бедностью в сельской местности и достатком в городской среде. Поэтому и поступить учиться в университеты сельским школьникам сложно, т.к. стартовый капитал родителей минимальный [12, с. 5].

Вузы расположены в основном только в крупных городах, поэтому большую часть студентов составляют городские школьники. Из анкетирования школьников сельской местности выявляется и такая тенденция, что большая часть сельской молодежи не хотят получать сельскохозяйственные специальности и возвращаться после окончания вуза обратно на село. Только 9% школьников стремятся к получению сельскохозяйственных профессий и дальнейшей работе в сельской местности. Этому тоже есть объяснение. Процесс внедрения в сельское производство новых технологий продвигается намного медленнее, чем в других отраслях. А ручной труд для молодежи не является привлекательным.

Еще одним из недостатков улучшения человеческого капитала является недостаточная связь образовательных учреждений с сельскохозяйственными предприятиями. Поэтому у студентов возникают сложности с прохождением производственной практики. Раньше производственной базой для прохождения практики являлись учебные хозяйства вузов. После проведения в России аграрных реформ часть учхозов утратила свой статус. Так как сумма государственной поддержки сократилась, то производство стало нерентабельным. Поэтому учебные практики уменьшили базу практики, а кафедрам приходится сокращать опыты, которые ранее проводились на полях. Поэтому снизилось внедрение в производство новых сортов сельскохозяйственных растений. По статистике ежегодно остаются невостребованными до 50% законченных научно-технических разработок. Кроме этого кризис еще настиг учебные заведения и в плане обновления материальной базы – современной компьютеризации.

Согласно мониторингу Минобрнауки РФ, который был проведен еще в 2012 г., неэффективными были признаны 46% аграрных вузов. Поэтому сейчас проходит процесс объединения вузов. Для примера можно привести Омский государственный аграрный университет, который был создан на базе ветеринарного института. Саратовский государственный аграрный университет создан на базе Академии ветеринарной медицины, Сельскохозяйственной академии и Агроинженер-

ного университета. Эти университеты в настоящее время являются самыми крупными и успешно функционирующими в аграрной сфере. Плановое укрупнение учебных заведений продолжается и сейчас. Это влечет за собой увеличение объемов финансирования образовательного и научного процессов, что очень важно, потому что физический износ оборудования в вузах составляет более 60%.

Но нужны не только структурные изменения и финансирование материальной базы аграрных вузов. Необходимы изменения и в самом образовании. Сегодня на предприятия аграрного профиля требуются работники, обладающие современными знаниями, особенно на такие предприятия, где используются современные технологии. Работодатели требуют от будущего работника современные знания и высокую квалификацию. Поэтому перед вузами стоят новые задачи в этом направлении.

Модернизация в образовании должна снять данную проблему. В основе модернизации аграрного образования, прежде всего, должна быть доступность образования для сельской молодежи. Большое значение имеет и подготовка высококвалифицированных кадров для сельского хозяйства. Современное образование должно формировать кругозор, который охватывал бы всю систему сетевых взаимоотношений между различными компонентами агросферы.

Кроме того, если во всех аграрных вузах будет создана модель взаимодействия между вузом, бизнесом и государственными учреждениями, то это позволит инновационную составляющую развитием прямых связей с передовыми сельскохозяйственными предприятиями. Важным аспектом модернизации аграрного образования могут стать и международные отношения в аграрной образовательной сфере. Здесь нужно сказать о повышении гибкости образовательных программ и преодолении узкой профильности в подготовке специалистов для аграрного сектора экономики.

На основании всего выше сказанного подведем итоги. Необходимо отметить, что учебные заведения аграрной сферы должны стать активными участниками процесса интернационализации образования. А это значит, что нужно наращивать экспорт образовательных услуг и иметь с иностранными партнерами такую систему взаимоотношений, которая будет отражать в первую очередь интересы нашей страны.

Отметим, что критериями эффективности управления человеческим капиталом в аграрном секторе является удовлетворение качественной и количественной потребности аграрных предприятий в человеческих ресурсах. Аграрные вузы должны готовить высококвалифицированных специалистов, используя последние достижения в области науки и техники. При этом для освоения инновационных технологий и их внедрения в производство необходимы курсы повышения квалификации и курсы переподготовки для сотрудников сельскохозяйственных предприятий.

Немаловажное значение имеет и рост доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей. Для этого нужна не только господдержка сельским предприятиям и кооперативам, но и тесная связь аграрных предприятий и сферы бизнеса в целях инновационных вложений. Конечно же, огромное значение имеет повышение уровня жизни и качества жизни сельского населения для повышения конкурентоспособности аграрного сектора экономики.

Список литературы:

[1] Чупина И.П. Современное социально-экономическое положение аграрных предприятий региона // Аграрный вестник Урала. - 2011. - № 4 (83). – С. 107–109.

[2] Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Фатеева Н.Б., Петрова Л.Н. Совершенствование подготовки высококвалифицированных специалистов для агропромышленного комплекса // Московский экономический журнал. - 2018. - № 3. – С. 27.

[3] Петренко Т. Исследование человеческого капитала как фактора экономического роста. – М.: LAP Lambert Academic Publishing, **2018**. – **392** с.

[4] Смыслов Д.А. Построение индикатора человеческого капитала социальных групп. – М.: Синергия, **2018**. – **249** с.

[5] Дедов С.В., Шишкин А.Ф., Гордиенко Н.С. Теоретические и методологические подходы к оценке человеческого капитала // Финансы и кредит. - 2018. - № 2. – С. 64–69.

[6] Чупина И.П. Формирование конкурентной среды на продовольственном рынке // Аграрный вестник Урала. - 2012. - № 11–2 (106). – С. 70–72.

[7] Бездудная А. Методы формирования человеческого капитала. - М.: LAP Lambert Academic Publishing, **2018**. – 100 с.

[8] Боткин О.И., Сутыгина А.И., Сутыгин П.Ф., Кудрявцева Н.Ю. Роль человеческого капитала в сельском хозяйстве России // Проблемы региональной экономики. - 2014. - № 2. – С. 292–301.

[9] Иванченко И.С. Теория человеческого капитала // Креативная экономика. - 2016. - № 18. – С. 32.

[10] Сутыгина А.И., Кудрявцева Н.Ю. Человеческий капитал в сельском хозяйстве: формирование и оценка // Вестник Удмуртского ун-та. - 2015. - № 2. – С. 60–65.

[11] Соболева И. Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопросы экономики. - 2019. - № 9. – С. 51–70.

[12] Салихов Б.В. Сущность и объектная структура человеческого капитала // Финансы и кредит. - 2016. - № 17. – С. 2–10.

Spisok literatury:

[1] Chupina I.P. Sovremennoe social'no-ekonomicheskoe polozhenie agrarnyh predpriyatij regiona // Agrarnyj vestnik Urala. - 2011. - № 4 (83). – S. 107–109.

[2] Zarubina E.V., Simachkova N.N., Fateeva N.B., Petrova L.N. Sovershenstvovanie podgotovki vysokokvalificirovannyh specialistov dlya agropromyshlennogo kompleksa // Moskovskij ekonomicheskij zhurnal. - 2018. - № 3. – S. 27.

[3] Petrenko T. Issledovanie chelovecheskogo kapitala kak faktora ekonomicheskogo rosta. – M.: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. – 392 c.

[4] Smyslov D.A. Postroenie indikatora chelovecheskogo kapitala social'nyh grupp. – M.: Sinergiya, 2018. – 249 c.

[5] Dedov S.V., Shishkin A.F., Gordienko N.S. Teoreticheskie i metodologicheskie podhody k ocenke chelovecheskogo kapitala // Finansy i kredit. - 2018. - № 2. – S. 64–69.

[6] Chupina I.P. Formirovanie konkurentnoj sredy na prodovol'stvennom rynke // Agrarnyj vestnik Urala. - 2012. - № 11–2 (106). – S. 70–72.

[7] Bezdudnaya A. Metody formirovaniya chelovecheskogo kapitala. - M.: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. – 100 c.

[8] Botkin O.I., Sutygina A.I., Sutygin P.F., Kudryavceva N.Yu. Rol' chelovecheskogo kapitala v sel'skom hozyajstve Rossii // Problemy regional'noj ekonomiki. - 2014. - № 2. – S. 292–301.

[9] Ivanchenko I.S. Teoriya chelovecheskogo kapitala // Kreativnaya ekonomika. - 2016. - № 18. – S. 32.

[10] Sutygina A.I., Kudryavceva N.Yu. Chelovecheskij kapital v sel'skom hozyajstve: formirovanie i ocenka // Vestnik Udmurtskogo un-ta. - 2015. - № 2. – S. 60–65.

[11] Soboleva I. Paradoksy izmereniya chelovecheskogo kapitala // Voprosy ekonomiki. - 2019. - № 9. – S. 51–70.

[12] Salihov B.V. Sushchnost' i ob"ektnaya struktura chelovecheskogo kapitala // Finansy i kredit. - 2016. - № 17. – S. 2–10.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

МЕЛЕНТЬЕВ Андрей Валерьевич,
преподаватель кафедры профессиональной подготовки
Восточно-Сибирский институт МВД России (г. Иркутск)
e-mail: ANDREI30303@yandex.ru

ЭТАПЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Аннотация. *В статье рассмотрены понятие и сущность патриотизма, военно-патриотического воспитания с точки зрения педагогической науки, проведен анализ этапов патриотического воспитания, форм и методов патриотического воспитания. Подчеркивается мысль о том, что важной составной частью воспитательного процесса в современной российской школе является формирование патриотизма. Присутствует анализ нормативно-правовых актов РФ, регулирующих данную сферу общественных отношений. Представлены рекомендации, которые могут найти своё дальнейшее применение в практической деятельности.*

Ключевые слова: *патриотизм, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинский, военно-патриотическое воспитание, формы патриотического воспитания, методы патриотического воспитания.*

MELENTIEV Andrey Valerievich,
teacher of the Department of professional training
East Siberian Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia,
Irkutsk

STAGES OF PATRIOTIC EDUCATION IN RUSSIA

Annotation. *The article considers the concept and essence of patriotism, military-Patriotic education from the point of view of pedagogical science, analyzes the stages of Patriotic education, forms and methods of Patriotic education. It is emphasized that an important part of the educational process in modern Russian schools is the formation of patriotism. There is an analysis of the legal acts of the Russian Federation regulating this sphere of public relations. Recommendations that can be applied in practice are presented.*

Key words: *patriotism, A. S. Makarenko, V. A. Sukhomlinsky, military-Patriotic education, forms and methods of Patriotic education.*

Отечественный исторический опыт убедительно свидетельствует о том, что все суровые испытания, выпавшие на долю нашей страны, выдвигали на первый план уникальные черты и качества ее народа: героизм, мужество, стойкость, волю к победе во имя своего отечества. Духовным и нравственным фундаментом, на котором строились благородные порывы народа, позволившие выдержать высочайшее напряжение духовных и физических сил, был и остается российский патриотизм, прошедший путь многовекового формирования и заставляющий говорить о себе как о феноменальном и неординарном явлении мировой истории.

Сегодня Россия переживает период кардинальных социально- политических изменений. За достаточно короткий исторический отрезок времени трансформировались социальные структуры и институты, претерпели серьезные изменения ценности, нормы, мировоззренческие установки и ориентиры людей. Вместе с тем, следует признать, что в последние годы усилилось внимание государства и общества к проблеме нравственного, патриотического воспитания молодежи. Об этом свидетельствует и нормативно-правовая база государства. Так, Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 гг.» в числе приоритетных направлений государственной молодежной политики провозглашает воспитание гражданственности и патриотизма, подготовку молодых людей к военной службе, подготовку молодежи к участию в общественно-политической жизни страны, государственной деятельности и управлению, создание условий для выдвижения способных и компетентных молодых людей в

органы государственной власти, увеличение числа учреждений по работе с молодежью, повышение деловой и социальной активности молодежи [1].

Что такое патриотизм, следует ли учить патриотизму и в какой форме – эти и другие вопросы относительно патриотического воспитания в России являются на сегодняшний день актуальными по той простой причине, что наступило то время, когда необходимо обернуться назад и вспомнить имена героев, которым мы обязаны жизнью, вспомнить историю своей страны, которую пытаются переписать, базовые ценности, культуру.

На сегодняшний день мы наблюдаем тревожную картину, когда на наших глазах разрушают в прямом и переносном смысле память людей, уничтожая многочисленные памятники советским войнам. А ведь именно мемориалы поддерживают память тех исторически судьбоносных событий, подвигов солдат от поколения к поколению. Закономерно мнение Х.С. Шагбановой, что подвиг – это мужественный поступок, который воспринимается и запечатлевается не только в памяти современников, но и будущими поколениями [13]. Понятие «патриот» впервые появилось в 1716 году. На Руси патриотизма в современном понимании не существовало. Долгое время патриотизм был связан не с любовью к стране, а с преклонением правителю. Само слово «государство», в привычном для нас понимании, появилось только к XVI веку.

Истоки становления патриотизма обращены к философии древней Греции. «Патриотизм в греческом обществе становится тем средством, с помощью которого решается ряд жизненно важных проблем, связанных с выживанием социума». Платон и Аристотель обосновывают сложившуюся традицию понимания патриота-гражданина, выделяя в качестве отличительного признака патриотизма тождественные по смыслу понятия «общего блага» и «гражданственности».

«Новейшая военная энциклопедия» определяет патриотизм в современном понимании – это любовь к родине, своему народу, стремление своими действиями служить их интересам, защищать от врагов [8]. Аналогичное определение содержится и в «Советском философском словаре» [9]. Таким образом, патриотизм - это определенный вид эмоциональной привязанности к определенному виду объекта. Объектом патриотической привязанности является «определенный вид территориально сконцентрированного сообщества поколений, к которому принадлежит Патриот и выживание и процветание которого он глубоко ценит

Патриотизм – это любовь к своей стране. Это чувство, которое должно быть внутри человека, получить свое правильное развитие и сопровождать человека на протяжении всего жизненного пути при решении им задач и принятии правильных решений.

Патриотическое воспитание — это цель всей образовательной программы и все предметы в совокупности должны иметь направленность патриотического воспитания, главная функция патриотического воспитания заключается в формировании достойного гражданина Российской Федерации, который своим личным трудом должен содействовать развитию своей страны. Согласимся с представителями экспертного сообщества, что одним из способов патриотического воспитания является формирование патриотического сознания, которое представляет собой систему идей, взглядов, традиций, чувств и настроений наций, социальных групп, личности, определяющих мотивы патриотического поведения по развитию и защите Отечества [3]. И, конечно же, гражданин России должен обладать такими качествами как самоорганизация, ответственность, иметь духовно-нравственные идеалы.

Приоритетное значение патриотического воспитания обусловлено, в том числе, наличием процесса демократизации, многопартийностью. Вместе с тем, использование потенциала демократического патриотизма выходит за рамки сферы образования и должно быть частью того, как учащиеся и преподаватели взаимодействуют друг с другом в разных дисциплинах. Согласно Постановлению Правительства РФ от 30.12.2015 г. № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 гг.» целью государственной политики в сфере патриотического воспитания является создание условий для повышения гражданской ответственности за судьбу страны, повышения уровня консолидации общества для решения задач обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации, укрепления чувства сопричастности граждан к великой истории и культуре России, обеспечения преемственности поколений россиян, воспитания гражданина, любящего свою Родину и семью, имеющего активную жизненную позицию [1].

В основу концепции положен опыт таких выдающихся педагогов как Антон Семенович Макаренко, Василий Александрович Сухомлинский. А.С. Макаренко, согласно позиции ЮНЕСКО, относится к четырем педагогам, определившим способ педагогического мышления в 20 веке. Педагог большое внимание уделял воспитанию человека с точки зрения воспитания гражданина, у которого есть патриотическая позиция и граж-

данская ответственность, который способен реагировать на социальные проблемы. На сегодняшний день данные требования приобретают особую актуальность.

Основной акцент А.С. Макаренко делал на необходимости привития у молодежи умений и навыков жить насущными интересами народа: от настоящего патриота требуется не только «героическая вспышка», но и длительная, мучительная, нажимная работа, часто даже очень тяжелая, неинтересная, грязная [6, с. 399]. Что же касается педагогической системы, созданной выдающимся педагогом В.А. Сухомлинским, то здесь необходимо отметить следующее: «Познание, постижение человеком своей Родины, становление в нашей душе патриотической сердцевины, патриотическое воспитание в годы детства, отрочества и ранней юности, духовно богатая, деятельная, самоотверженная жизнь патриота - это самые тонкие, самые сложные вещи в том безграничном переплетении идей, поступков, убеждений, мыслей, стремлений, которое называется патриотическим воспитанием» [10, с. 112]. Духовное богатство личности является составной частью духовного богатства нации в целом. То, как человек говорит, насколько виртуозно он умеет владеть своей культурой речи, зависит уровень его духовной культуры. «Важнейшим средством воздействия на ребенка, облагораживающим его чувства, душу, мысли, переживания являются красота и величие, сила и выразительность родного слова … Через посредство слова ребенок становится сыном народа» [12, с. 79].

«Школа превращается в подлинный очаг культуры лишь тогда, когда в ней царят четыре культа: культ Родины, культ человека, культ книги и культ родного слова» [12, с. 80]. Патриотизм – это нравственная категория, в которой «органично переплетается любовь к малой Родине с её народом, природой, традициями и культурой и чувство любви, верности, уважения к своему государству, готовность служить своему Отечеству, и, если нужно, то отдать жизнь за него» [11, с. 84]. Добровольный труд и общественная активность являлись основными чертами патриотизма того времени.

Патриотическое воспитание - это целенаправленная деятельность не только органов государственной власти, институтов гражданского общества, но, в первую очередь, семьи - по формированию ценных качеств. «Семейная трудовая подготовка имеет самое важное значение для будущей квалификации человека» [7, с. 27]. Ведь именно в семье ребенок получает базовые знания об окружающем мире, о таком чувстве как любовь к матери, отцу, о таких качествах как уважение к своим родителям, окружающим людям, честность, добропорядочность, преданность, верность своему Отечеству. По мере развития таких качеств, происходит становление личности, патриотическое воспитание человека. С таким фундаментом пока еще маленький человек выходит на следующий этап, по мере прохождения каждого из этапов получает новые знания. Поэтому так важно на каждом этапе приложить все усилия для качественного процесса воспитания чувства патриотизма. Таким образом, можно говорить о том, что патриотическое воспитание проходит в несколько этапов. Первый этап патриотического воспитания находит свое отражение в семье, затем ребенок идет в детский сад, школу, ВУЗ. Воспитание чувства патриотизма у дошкольников – сложный процесс, результат которого напрямую зависит от профессионализма педагога, его личной убежденности и вдохновения. Этот процесс связан с такими понятиями как любовь к близким, к детскому саду, к родному городу, к своей стране. Педагоги используют различные формы (экскурсии, чтение художественной литературы и т.п.) и методы (наблюдение, рассказ, беседы, личный пример) работы по воспитанию чувства патриотизма. Большая значимость этого этапа патриотического воспитания состоит в том, что именно мировоззрение педагога, его суждения, жизненная позиция оказывают влияние на процесс воспитания.

Цель патриотического воспитания школьников заключается в развитии таких качеств как любовь и уважение к своей семье, традициям, уважение к истории своей страны. Среди основных мероприятий по патриотическому воспитанию следует отметить тематические классные часы, праздничные встречи с ветеранами, личные беседы, соревнования, выездные экскурсии, поездки, ознакомление с историей. Особую роль в патриотическом воспитании школьников играет внеклассная работа по организации встреч с интересными людьми.

М.В. Ломоносов считал, что воспитание человека-патриота, человека-гражданина, честного труженика должно стать главной целью педагогического процесса. Потребность жить «для пользы Отечества» должно быть мерилом жизненного смысла [5, с. 24–25]. Основные качества защитника Отечества – патриотизм и верность воинскому долгу. Это два понятия, которые тесно взаимосвязаны между собой, поскольку чувство долга перед Родиной находит свое выражение посредством патриотизма. В свою очередь, чувство долга может принимать различные формы в зависимости от конкретных обстоятельств. Это может быть гражданский долг, воинский долг, товарищеский долг и т.д. В этой связи, представляется актуальным, начиная со школьного возраста проведения соответствующей физической и военной подготовки. Учитывая срок службы в

армии в России 1 год, подготовить полноценные кадры за это время достаточно сложно, для примера в США служба в армии добровольная, с заключением контракта от 2 до 6 лет.

Следующий этап патриотического воспитания находит свое развитие в вузе. Именно военные вузы выполняют важную функцию в развитии военно-патриотического воспитания будущих офицеров, поскольку обладают достаточной базой для формирования патриотических ценностей. Государство не может быть сильным без развития у граждан с раннего возраста патриотических чувств, готовности к реализации функций защиты Отечества. Н.М. Конжиев, исследователь в области военно-патриотического воспитания, утверждает « … военно-патриотическое воспитание нельзя свести к начальной подготовке и сообщению некоторых сведений по гражданской обороне. Воспитание у учащихся готовности к защите Родины требует широкого социально-педагогического подхода к его осуществлению» [4, с. 3–4]. Военное-патриотическое воспитание курсантов военных вузов в педагогической науке понимается как составная часть патриотического воспитания, организованная, целенаправленная, систематическая деятельность государственных институтов, учреждений, общественных организаций, штабов, командиров по формированию и развитию у личного состава патриотических ценностей, желания добросовестно выполнять воинский долг, навыков вооруженной защиты Отечества, а также знание и преумножение воинских традиций [2].

Среди форм и методов, используемых в военизированном вузе по военное-патриотическому воспитанию следует отметить такие как индивидуальные и групповые беседы, лекции, викторины, соревнования, конференции, совещания, собрания, встречи с ветеранами, просмотр тематических документальных фильмов и т.д. Особую роль играет военно-патриотическое воспитание экстремальными видами спорта, поскольку результат проведения военных операций в горах напрямую зависит от уровня соответствующей физической подготовки, которая имеет свою специфику по сравнению с ведением боевых действий на равнинных плацдармах. Скалолазание и альпинизм – горные экстремальные виды спорта, когда физическая нагрузка сопряжена с риском для жизни. При данных видах спорта используются общие приемы для обеспечения безопасности при подъеме на высоту и спуске. Альпинизм связан с восхождением на горы, в то время как скалолазание – лазание по естественному или искусственному рельефу. С помощью данных видов спорта идет процесс формирования лучших человеческих качеств: ответственность за жизнь другого, внимание, взаимопонимание.

Для того, чтобы беспрепятственно выполнить любую задачу, например, штурм здания через окно, используются навыки фасадного или промышленного альпинизма, кроме того, немаловажную роль играет психологическая готовность, в данном случае речь идет о сотрудниках специальных подразделений, к работе на высоте в экстремальных условиях и ее формирование: стресс генные факторы, борьба с дистрессом, повышение барьера стрессоустойчивости, способы индивидуальной психологической подготовки, аутогенная тренировка, идеомоторная тренировка, навыки саморегуляции. Таким образом, чувство патриотизма возникает и формируется с рождения ребенка. Ребенок видит впервые лицо матери, ее улыбку, отвечает на ее ласки и заботу. Он впервые видит небо над головой, зелень листвы и зимний снег, все это откладывается в его сознании и душе. Любовь к родителям и близким дополняется чувствами дружбы и товарищества к одногодкам и одноклассникам в школе, вузе; повседневная жизнь с ее походами и поездками по стране также углубляет чувство патриотизма. Чувство любви к «малой родине» сменяется более широким чувством к Родине большой – всей России.

Человек начинает ощущать себя частицей своего народа, носителем языка и культуры. Он гордится успехами своей страны и огорчается ее неудачами. Сознание того, что твой народ выдвинул из своей среды выдающихся писателей, музыкантов, художников, ученых, военных, политических деятелей наполняет сердце чувством гордости.

Чувство патриотизма питается всем лучшим и благородным, что человек успел сделать на благо людей, на благо Родины. Он как бы отдал ей частицу себя, и сам стал ее частью. Он впитал главные духовные ценности своего отечества и в какой-то мере передал их другим – своим детям, своим близким всем тем, кто у него учился быть человеком. Он усвоил нравственные понятия и принципы своего народа, живет в согласии с ними и уже не может иначе. И неважно, что собой представляет его страна: это небольшое государство или могучая держава – все равно, это его страна, и он гордится ею, и испытывает чувства национальной гордости, являясь ее гражданином. И, наконец, его страна имеет свою историю и свою культуру – это славные дела предков, это эстафета, которую они передали ему, и он не только гордится ими, но и чувствует ответственность за их достойное продолжение. Вот, сколько граней, сколько составляющих включено в такое, на первый взгляд, простое и ясное понятие «патриотизм». Патриотизм - это не только любовь к Родине. Патриотические начала формирует у индивида стремление своими действиями служить интересам общества и государства.

Список литературы:

[1] Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 года № 1493 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 гг.» [Электронный ресурс]. – URL:http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf (дата обращения: 14.07.2020).

[2] Государственно-патриотическое воспитание в военнослужащих в военном вузе / А.М. Абассов и [и др.]; под ред. В.А. Зайцева, Ю.А. Гурьева. Воронеж: ВАИУ, 2009. – 185 с.

[3] Журавлева Л.А., Кружкова Т.И. Гуманитарное образование в развитии российского социума и воспитании человека: тем. сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 12-13 апреля 2018г.) / Рос. ун-т транспорта, Гуманитар. ин-т, Шадр. гос. пед. ун-т ; гл. ред. д-р полит. наук А.А.Горбунов; науч. ред. д-р филос. наук А.П. Ветошкин. – Шадринск: ШГПУ. 2018. – С. 248–257.

[4] Конжиев Н.М. Вопросы теории и методики военно-патриотического воспитания. – Петрозаводск, 1990. – 16 с.

[5] Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. В 10 т. Т. 6. – М.; Л., 1959. – С. 24–25.

[6] Макаренко А.С. Доклад в педагогическом училище // Сочинения. Т. 7. Публицистика. Рассказы и очерки. Статьи о литературе и рецензии. Переписка с А.М. Горьким. – М.: Акад. пед. наук РСФСР, 1952. – С. 308-321.

[7] Макаренко А.С. Педагогические работы 1936-1939 // Педагогические сочинения: в восьми томах. Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – 809 с.

[8] Новейшая военная энциклопедия. Сила и гордость новой России / Горкин А.П. и др. (ред.). – М.: РИПОЛ классик, 2007. – 1664 с.

[9] Советский философский словарь [Электронный ресурс]. – URL: https://rus-sovetsky-filosof-dict.slovaronline.com/1060-патриотизм (дата обращения: 14.07.2020).

[10] Сухомлинский В.А. Мудрая власть коллектива (Методика воспитания коллектива) / пер. с укр. Н. Дангуловой. – М.: Молодая гвардия, 1975. 239 с.

[11] Сухомлинский В.А. Родина в сердце / [вступительная статья Л. Голованова] / 2-е изд. – М.: Молодая гвардия, 1980. – 175 с.

[12] Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям. – М.: Концептуал, 2016. – 312 с.

[13] Шагбанова Х.С. Роль художественной литературы в формировании личности сотрудника Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // NB: Административное право и практика администрирования. 2020. № 1. – С. 31–41. – URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=33405 (дата обращения: 14.07.2020).

Spisok literatury:

[1] Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30 dekabrya 2015 goda № 1493 «O gosudarstvennoj programme «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossijskoj Federacii na 2016-2020 gg.» [Elektronnyj resurs]. – URL:http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkH1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf (data obrashcheniya: 14.07.2020).

[2] Gosudarstvenno-patrioticheskoe vospitanie v voennosluzhashchih v voennom vuze / A.M. Abassov i [i dr.]; pod red. V.A. Zajceva, YU.A. Gur'eva. Voronezh: VAIU, 2009. – 185 s.

[3] ZHuravleva L.A., Kruzhkova T.I. Gumanitarnoe obrazovanie v razvitii rossijskogo sociuma i vospitanii cheloveka: tem. sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Moskva, 12-13 aprelya 2018g.) / Ros. un-t transporta, Gumanitar. in-t, SHadr. gos. ped. un-t ; gl. red. d-r polit. nauk A.A.Gorbunov; nauch. red. d-r filos. nauk A.P. Vetoshkin. – SHadrinsk: SHGPU. 2018. – S. 248–257.

[4] Konzhiev N.M. Voprosy teorii i metodiki voenno-patrioticheskogo vospitaniya. – Petrozavodsk, 1990. – 16 s.

[5] Lomonosov M.V. Poln. sobr. soch. V 10 t. T. 6. – M.; L., 1959. – C. 24–25.

[6] Makarenko A.S. Doklad v pedagogicheskom uchilishche // Sochineniya. T. 7. Publicistika. Rasskazy i ocherki. Stat'i o literature i recenzii. Perepiska s A.M. Gor'kim. – M.: Akad. ped. nauk RSFSR, 1952. – S. 308-321.

[7] Makarenko A.S. Pedagogicheskie raboty 1936-1939 // Pedagogicheskie sochineniya: v vos'mi tomah. T. 4. – M.: Pedagogika, 1984. – 809 s.

[8] Novejshaya voennaya enciklopediya. Sila i gordost' novoj Rossii / Gorkin A.P. i dr. (red.). – M.: RIPOL klassik, 2007. – 1664 s.

[9] Sovetskij filosofskij slovar' [Elektronnyj resurs]. – URL: https://rus-sovetsky-filosof-dict.slovaronline.com/1060-patriotizm (data obrashcheniya: 14.07.2020).

[10] Suhomlinskij V.A. Mudraya vlast' kollektiva (Metodika vospitaniya kollektiva) / per. s ukr. N. Dangulovoj. – M.: Molodaya gvardiya, 1975. 239 s.

[11] Suhomlinskij V.A. Rodina v serdce / [vstupitel'naya stat'ya L. Golovanova] / 2-e izd. – M.: Molodaya gvardiya, 1980. – 175 s.

[12] Suhomlinskij V.A. Serdce otdayu detyam. – M.: Konceptual, 2016. – 312 s.

[13] SHagbanova H.S. Rol' hudozhestvennoj literatury v formirovanii lichnosti sotrudnika Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya. 2020. № 1. – S. 31–41. – URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=33405 (data obrashcheniya: 14.07.2020).

КОРЯКИНА Анжелина Анатольевна,
Кандидат философских наук,
доцент Института зарубежной филологии и регионоведения,
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
e-mail: koryakina1@gmail.com
Scopus Author ID: 57208190201,
Web of Science Researcher ID: H-1384-2015,
SPIN-code: 9646-4855

ЗАРУБЕЖНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. *Статья посвящена проблеме межкультурного обучения. Автором рассматриваются зарубежные подходы к вышеуказанной проблеме. Выявлено, что область исследований межкультурного обучения первоначально была акцентирована на межкультурной коммуникации. Международные организации сосредоточили внимание на поощрении культурного разнообразия, на развитии межкультурного обучения и межкультурного диалога. В последнее время большое внимание уделяется развитию межкультурной компетен***тности.**

Ключевые слова: *межкультурное обучение, межкультурная компетентность, межкультурная коммуникация.*

Anzhelina A. KORIAKINA,
PhD (Philosophy), Associate Professor of Institute
of foreign philology and regional studies, M.K. Ammosov
North-Eastern federal university

FOREIGN APPROACHES TO THE PROBLEM OF INTERCULTURAL LEARNING

Annotation. *The article is devoted to the problem of intercultural learning. The author examines foreign approaches to the above problem. It is revealed that the field of intercultural learning research was originally defined by the emphasis on intercultural communication. International organizations focused on promoting cultural diversity, on the development of intercultural learning and intercultural dialogue. Recently, much attention has been paid to the development of intercultural competence.*

Key words: *intercultural learning, intercultural competence, intercultural communication.*

Теория и практика межкультурного обучения находятся в постоянном развитии. В статье показано, как межкультурное обучение и связанные с ним концепции постоянно ставятся под сомнение, переопределяются и вновь разрабатываются для ответа на вызовы меняющегося мира. Известно, что межкультурность создает возможность коммуникации посредством диалога для лучшего взаимопонимания участников социальной жизни. Анализируя эффективность межкультурной коммуникации, ученые подчеркивают самотрансформационные действия, ориентированные на позитивное изменение и развитие. Они видят необходимость развития такой межкультурной компетентности, которая будет способствовать позитивной динамике межкультурных взаимодействий [2, 12].

Таким образом, межкультурная коммуникация означает способность общения между представителями разных культур, включая групповые и индивидуальным отношения и взаимодействия. Она помогает преодолеть недопонимание, возникающее из-за различий культур, систем ценностей или религий. Существует множество подходов к понятию межкультурной коммуникации. Краткий обзор этих концепций представлен ниже. В начале и середине XX века такие ученые, как Бейтсон, Зиммель, Мид и другие исследователи заложили основу для понимания ключевых межкультурных проблем [1, 7, 11]. Работа Холла, The Silent Language, положила начало межкультурным исследованиям, не в последнюю очередь потому, что Холл использовал в своем труде понятие «межкультурная коммуникация» [4].

По мере того, как эта область становилась все более популярной, ученые разработали новые способы понимания, анализа и представления межкультурных реалий. Роджерс и Тан рассмотрели основные научные работы по межкультурной коммуникации и предложили способ объединить основные подходы как континуум отличий [8].

Они предполагают, что Холл [4], Хофстеде [5], Тромпенаарс и Хэмпден-Тернер [14], Шварц [10], Эрли и Анг [3] представляют разные, но частично совпадающие межкультурные отличия.

Шварц в качестве таковых определил *универсальные* ценности, вытекающие из самых основных потребностей людей. Он определил набор общих ценностей, которые имеют сходные значения в различных культурах. Считается, что они отражают различные решения проблем человеческой деятельности, которые общества находят. Например:

- Консерватизм против Автономии (акцент на сохранении статус-кво, или на творчестве и положительном опыте);
- Иерархия против эгалитаризма (неравное распределение власти или содействие благосостоянию других);
- Мастерство против Гармонии (использование мира в личных интересах или для гармоничного вписывания в окружающую среду) [10].

Хофстеде в качестве межкультурных отличий определил *национальные культурные* различия между нациями согласно социальным системам и коллективным ценностям. Он определил набор культурных свойств, характерных для различных наций:

- Большое расстояние против Малого расстояния (ожидания относительно равных прав или различий в уровне власти);
- Индивидуализм против Коллективизма (постоять за себя или действовать преимущественно как член группы);
- Мужественность против Женственности (оценка конкурентоспособности и материальных благ или оценка отношений и качества жизни);
- Высокий и низкий уровень неопределенности (предпочтение правилам и структурам или гибкость и ориентация на риск);
- Долгосрочная и краткосрочная ориентация (важность придается будущему по сравнению с прошлым и настоящим) [5].

Тромпенаарс и Хэмпден-Тернер межкультурным отличием считали *организационную* адаптацию в бизнес-контекстах. Они определили то, как национальные различия могут проявлять себя в бизнес среде:

- Универсализм против партикулизма (фокус на правилах или отношениях);
- Сообщество против личности (функционирование в группе или в качестве отдельного лица);
- Нейтральные эмоции против Аффективных эмоций (показать или скрыть эмоции);
- Диффузный против специфического (ответственность, конкретно назначенная или диффузно принятая);
- Достижения против Приписывания (нужно проявить себя, чтобы получить статус, или статус дается);
- Последовательный против синхронного (делать одно дело за раз или несколько дел сразу);
- Внутренняя или Внешняя ориентация (контролировать окружение или быть под его контролем) [14].

Холл в качестве отличий определил межличностное индивидуальное поведение и скрытые культурные роли управления им. Он сосредоточился на межличностных аспектах межкультурного общения и определил два измерения культуры, которые характеризуют способ взаимодействия людей:

- Высокий контекст против низкого контекста (передача минимальной информации и неявные аспекты или включение большей информации для прояснения смысла);
- Монохронная временная ориентация против Полихронной временной ориентации (жесткий фокус на одной задаче за раз или фокус на межличностных отношениях без временных ограничений) [4].

Эрли и Анг представляли себе определенной отличительной чертой *внутриличностное* познание и мотивацию, влияющие на индивидуальную реакцию на ситуацию. Они ввели понятие культурного интеллекта как способность эффективно адаптироваться к новым культурным условиям и предложили следующие категории:

- Познание (знание о культурах);
- Метапознание (возможность собрать воедино имеющуюся информацию для формирования целостной картины);
- Мотивация (желание узнавать о межкультурных связях);
- Поведение (соответствующие вербальные и невербальные действия во взаимодействиях с людьми из разных культур) [3].

На основе вышеуказанных исследований на международном институциональном уровне основное внимание уделялось рассмотрению и поощрению культурного разнообразия.

Организация Объединенных Наций, Совет Европы и Европейский Союз разработали декларации, конвенции и договоры, адресованные решению проблемы культурного разнообразия, поощрению и защите разнообразия путем инвестирования ресурсов в программы и исследова-

ния по межкультурному обучению/образованию и, в последнее время, межкультурному диалогу.

Всеобщая декларация о культурном разнообразии вместе с Конвенцией ЮНЕСКО 2005 года о Защите и поощрению разнообразия форм культурного самовыражения предлагают правовую основу для признания культурного разнообразия в качестве «общего наследия человечества», которое должно быть сохранено. На европейском уровне Декларация Совета Европы о культурном разнообразии способствует сосуществованию и обмену различных культурных опытов. Таким образом, один из основных лозунгов межкультурного обучения «Учиться жить вместе» является человеческой необходимостью.

Согласно ей, адекватная учебная программа для обучения совместному проживанию (и обучению) должна способствовать: (а) активному участию учащихся в совместном обучении (б)согласованности между целями группы и ее действиями, (в) раскрытию потенциалов учащихся и (г) осознанию самих себя частью целого универсума[9].

Согласно Леклерку, «межкультурное образование - это не столько вопрос обучения чему-то другому, а скорее вопрос преподавания по-другому в рамках существующих учебных программ» [6].

В 2007 году ЮНЕСКО опубликовало Руководство по межкультурному образованию - практический ресурс для педагогов, учащихся, политиков и членов сообщества, который рассматривает межкультурное образование как «ответ на задачу обеспечить качественное образование для всех». Он продвигает три основных принципа межкультурного образования.

1. Межкультурное образование уважает культурную самобытность учащегося путем предоставления адекватного и качественного образования для всех.

2. Межкультурное образование обеспечивает каждого учащегося культурными знаниями, взглядами и навыками, необходимыми для активного и полноценного участия в жизни общества.

3. Межкультурное образование дает всем учащимся культурные знания, умения и навыки, которые содействуют уважению, пониманию и солидарности между людьми, этническими, социальными, культурными и религиозными группами и нациями.

В 2008 году Совет Европы и Европейская комиссия разработали Программу межкультурных городов для помощи городам в их работе с разнообразием как положительным фактором. Межкультурные города – это города, которые имеют разнообразное население, включая людей разных национальностей и разного происхождения, говорящих на разных языках или имеющих разные религии/убеждения. Большинство граждан рассматривают разнообразие как ресурс, а не проблему, и признают, что все культуры меняются, когда они сталкиваются друг с другом на общественной арене. Городские власти публично защищают уважение разнообразия и плюралистическую городскую идентичность. Город активно борется с предрассудками и дискриминацией и обеспечивает равные возможности для всех путем адаптации своих структур управления, учреждений и услуг к потребностям разнообразного населения, без подрыва принципов прав человека, демократии и верховенства закона.

В последнее время все более распространенной стала концепция межкультурной компетентности. Согласно Шпицбергу и Чангнон, «межкультурная компетентность - это надлежащее и эффективное управление взаимодействием между людьми, которые в той или иной степени представляют другую или отличающуюся эмоциональную, когнитивную и поведенческую ориентацию ... Группы не взаимодействуют - взаимодействуют индивиды ... Степень, в которой индивиды проявляют их групповую или культурную принадлежность и особенности - вот что делает взаимодействие межкультурным процессом» [12; 7].

К примеру, активно развивается методика проведения кросс-культурных тренингов и университетских курсов по межкультурной коммуникации. В последнее время по примеру США европейские университеты ввели в образовательные программы учебные курсы по межкультурной коммуникации [13]. При этом оценивание уровня сформированности межкультурной компетентности, как правило, сводилось к проверке знания фактической информации о других культурах посредством стандартизированного тестирования.

Межкультурная компетентность оказывается в фокусе внимания методики обучения иностранным языкам. Благодаря М. Байраму в методике преподавания иностранных языков рождается новое представление о компетентном в иноязычном общении индивиде, согласно которому обучение не должно быть нацелено только на овладение культурой изучаемого языка. Целью обучения становится обеспечение учащихся компетентности, позволяющей успешно общаться с носителями разных языков и культур вне зависимости от того, принадлежат ли они к доминирующей культуре страны изучаемого языка [2].

На данном этапе в университетах всего мира продолжается активная интеграция обязательных курсов, посвященных проблемам межкультурного общения, теперь уже в учебные планы более широкого спектра специальностей.

Совет Европы разработал модель под названием «Компетенции для демократической культуры», чтобы помочь образовательным системам подготовить учащихся к эффективному участию в демократической культуре и к мирной жизни вместе с другими в культурно разнообразных обществах. Компетенции, описанные в модели, являются обучаемыми, оцениваемыми и сгруппированы в следующие категории: ценности, отношения, знания и критическое понимание, а также навыки. Межкультурное образование рассматривается как образование, имеющее первостепенное значение для демократических процессов в обществах с культурным разнообразием.

Что касается молодежной работы, то европейские учреждения разработали за эти годы различные кампании, программы, инструменты и ресурсы для поощрения межкультурного обучения, межкультурного диалога и межкультурных компетенций.

Департамент по делам молодежи Совета Европы ставит межкультурное обучение, наряду с образованием в области прав человека, в центр своей деятельности, особенно в молодежной деятельности в европейских молодежных центрах. Акция «Все разные - все равны» и Движение против ненависти также подчеркивает важность межкультурного диалога как инструмента для борьбы с дискриминацией и расизмом. Межкультурная компетентность занимает центральное место в их работе и выходит за рамки традиционного взгляда на культуру как на статичную концепцию.

В 2015 году Совет Европы в партнерстве с Европейским молодежным союзом опубликовало «Руководство по межкультурному диалогу в неформальной учебной/образовательной деятельности» как инструмент для поддержки организаторов молодежных мероприятий в их обращении к межкультурному диалогу в своих проектах.

Таким образом, внимание к проблеме межкультурного обучения растет, но оно еще далеко от идеального. Исследования и практика требуют расширения возможностей межкультурного диалога, развития межкультурной компетентности, более широкого применения межкультурного подхода во всех областях образования.

Список литературы:

[1] Bateson, G. Steps to an ecology of mind: Collected essays in anthropology, psychiatry, evolution, and epistemology. San Francisco, CA: Chandler, 1972.

[2] Byram M.S. Teaching and Assessing Intercultural Communicative Competence. Clevedon, Philadelphia, Toronto, Sydney, Johannesburg, 1997.

[3] Earley, P. C. and Ang, S. Cultural Intelligence: Individual Interactions Across Cultures, Stanford Business Books, Stanford, CA, 2003.

[4] Hall E. T. The Silent Language, Doubleday, New York, 1959

[5] Hofstede, G. Culture's Consequences: International Differences in Work Related Values, Sage Publications, Newbury Park, CA, 1980.

[6] Leclercq J. M. "The Lessons of Thirty Years of European Co-operation for Intercultural Education", Council of Europe Steering Committee for Education, Strasbourg, 2002.

[7] Mead, M. Culture and commitment: a study of the generation gap. London: The Bodley Head, 1975.

[8] Rogers P. and Tan J. S. "Fifty Years of Intercultural Study: A Continuum of Perspectives for Research and Teaching", Michigan Ross School of Business Working Paper Series Working Paper No. 1104, 2008, available at: http://ssrn.com/abstract=1132328, accessed 9 July 2020.

[9] Scatolini S. A., Van Maele J. and Bartholomй M. "Developing a curriculum for 'learning to live together': building peace in the minds of people", in European perspectives on internationalization, 2010, available at: www.exedrajournal.com/docs/s-internacionalizacao/10-133-158.pdf, accessed 9 July 2020.

[10] Schwartz, S. H. "A theory of cultural values and some implications for work", Applied Psychology: An International Review, 48(1): 23-47, 1999

[11] Simmel, G. The sociology of Georg Simmel. Glencoe, IL: Free Press, 1950.

Spitzberg B. H. and Changnon G. "Conceptualizing Intercultural Competence", in [12] Deardorff D. K. (ed.), The Sage Handbook of Intercultural Competence, Sage, Thousand Oaks, CA, 2009.

[13] Spencer-Oatey H., Franklin P. Intercultural Interaction: A Multidisciplinary Approach to Intercultural Communication. NY, 2009.

[14] Trompenaars F. and Hampden-Turner C. Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business (second edition), McGraw-Hill, New York, 1997.

БУГАЕНКО Татьяна Федоровна,
член Союза художников России,
член международной ассоциации изобразительных искусств - АИАП ЮНЕСКО,
доцент, профессор кафедры Дизайн института Дизайна,
Экономики и Сервиса Омского государственного Технического университета,
e-mail: artistan@bk.ru

МЕТОДИКА ОБУЧЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Аннотация. *Представленное исследование посвящено вопросу методике преподавания академической живописи в системе высшего образования в контексте исторического развития. Цель данной работы раскрыть основные этапы формирования профессиональных навыков и компетенций будущих выпускников, обучающихся по направлению изобразительного искусства. Методология исследования построена на основе анализа многолетней работы со студентами. Сделан вывод о преемственности и ускорении процесса художественного образования, а также активации творческого потенциала студентов вузов России.*

Ключевые слова: *образование, высшая школа, живопись, натюрморт, этюд, образовательные компетенции, изобразительное искусство.*

BUGAENKO Tatiana Fedorovna,
member of the Union of Artists of Russia,
the International Association of Fine Arts - UNESCO AIAP, Associate Professor,
Professor of the Department of Design at the Institute of Design,
Economics and Service, Omsk State Technical University

METHODS OF TEACHING ACADEMIC PAINTING IN HIGHER SCHOOL

Annotation. *The presented research is devoted to the issue of teaching methods of academic painting in the system of higher education in the context of historical development. The purpose of this work is to reveal the main stages of the formation of professional skills and competencies of future graduates studying in the field of fine arts. The research methodology is based on the analysis of many years of work with students. The conclusion is made about the continuity and acceleration of the process of art education, as well as the activation of the creative potential of students of Russian universities.*

Key words: *education, high school, painting, still life, sketch, educational competence, fine arts.*

Введение. Значительные изменения происходят в системе современного высшего образования в области изобразительных искусств из года в год. Поменялась методика преподавания живописи в вузах. Но основные цели и задачи остаются неизменны. Это, в первую очередь, уровень профессиональных компетенций выпускников художественных вузов, владение основами академической живописи, навыками работы с цветом, а также их желание продолжать самосовершенствоваться как художники.

Основная часть. Обучение изобразительному искусству, в частности живописи, имеет большой исторический опыт. Начиная с первых живописных мастерских, появившихся более пятисот лет назад, до художественных факультетов двадцатого века. Преподавание живописи в студиях художников имело ряд последовательных этапов, которые должен был освоить обучающийся. Начиналось обучение с приготовления красок, растирания пигментов, замешивания красочной пасты, подготовки палитры для мастера-художника. По мере освоения работы с художественными материалами, изучения свойств палитры красок, связующего вещества и основы для живописи, росло мастерство обучающегося. Необходимым аспектом в данном процессе было наблюдение за работой художника. Долгие дни проходили, прежде чем подмастерью доверяли написать незначительный элемент в картине или росписи. В начале двадцатого века появляются ремесленные, а позже и художественные училища. Преподавание в училищах велось сразу по нескольким направлениям. Это академический

рисунок, живопись, скульптура и композиция. Лучшие художники современности с удовольствием передавали свой опыт студентам. С появлением художественных отделений в вузах доля гуманитарных, технических, прикладных дисциплин возросла, а творческих, напротив, сократилась. В новейшей истории, с разделением обучения в высшей школе на две составляющие - бакалавриат и магистратуру, этот процесс усилился.

Стоит сказать, что интенсивность преподавания повысилась. Скорость восприятия и способность к обучению студентов вышли на первый план. С развитием информационных технологий образовательный процесс получил новый импульс, появилась возможность изучения шедевров мировой живописи, доступность к лучшим музейным коллекциям, образцам высокого искусства в открытых источниках информационно-телекоммуникационной системы «Интернет». Методика преподавания также предусматривает быстрое освоение приемов изобразительного мастерства. Дисциплина «академическая живопись» изучается на первых курсах, занятия обычно скомпонованы по две-три пары подряд.

Учитывая различную базовую подготовку студентов, задача преподавателя вывести всех студентов на относительно ровный высокий уровень профессиональной компетенции. Занятия проходят в группах, все работы в течение занятия и по окончании, доступны для обзора и анализа. В процессе обучения работа происходит самыми распространенными и подходящими материалами – гуашью на ватманской бумаге. Гуашь – кроющая краска, разводится водой, экологически безопасна, прекрасно зарекомендовала себя в изобразительном искусстве. Работать гуашью можно «корпусно», перекрывая слой за слоем, а можно легкими лессировками, полупрозрачными мазками. Начинать работу следует с темных тонов, прокладывая тени, основной колор предметов постановки без применения белил, так как в составе каждого пигмента гуашевых красок входят белила, делающие краску непрозрачной, то при многократном нанесении мазков приводит к прожуханию, обесцвечиванию красок, так как белила из всех слоев краски поднимаются на последний, верхний слой.

Программа по академической живописи первого курса в основном предполагает написание натюрмортов. Натюрмортом (от франц. nature morte — буквально «мертвая природа») принято называть изображение неодушевлённых предметов, объединенных в определенную композиционную группу.[1, с.5].

Следует отметить, что работа над живописным этюдом из предметов быта – это прекрасная школа. Изучение материальной среды и окружающего пространства проще осваивать на неодушевленных предметах с постоянным источником освещения. Студент вырабатывает навык ведения работы в строгой последовательности: рисунок и компоновка, первая пропись, прокладка основного тона, света и рефлексов.

Первый этап в освоении живописи натюрморта – ахроматическая живопись в технике «гризайль», задача которой научить студента работать с тоном, грамотно компоновать в листе светотеневое решение постановки.

Преподаватель постепенно усложняет натюрмортную постановку, вводит драпировки, элементы интерьера, располагает предметы на разных уровнях относительно линии горизонта, и в зависимости от точки зрения обучающегося. Освещенность также играет ключевую роль. Здесь возможности для оттачивания мастерства безграничны. Подсветка постановки софитами, расположение предметов против света из окна – контражур, на зеркальных поверхностях с отражением, игра с различными фактурами, использование прозрачных изделий из цветного стекла.

Тематический натюрморт – следующий этап в изучении академической живописи. На этом этапе уместно включать в постановки гипсовые копии античных масок, головы, торса, а затем и фигуры человека, что послужит переходным моментом к живописи живой модели с натуры. Работа с натуры предполагает определенную уверенность, скорость и навык работы с цветом. Учитывая постепенное сокращения продолжительности образования, задача педагога заключается в том, чтобы научить студентов максимально быстро работать всеми живописными средствами, владеть знаниями цветовой гармонии, колорита, использовать доступные техники, что легче достигается на примере живописного натюрморта. «Для того чтобы стать хорошим художником, надо даже спать с альбомом и карандашом. Надо рисовать и рисовать с жизни». Архип Иванович Куинджи [2].

Заключение. В основе методики преподавания академической живописи в вузе лежит освоение одного из самых распространенных жанров искусства – натюрморта, что продиктовано его наглядностью и доступностью. Живописный натюрморт, как основа определения окружающей среды, решает сразу несколько задач: способствует формированию вкуса и росту творческого потенциала студента, развивает умение решать композиционные задачи, передавать воздушную и линейную перспективы, изображать разнообразные фактуры и материалы, а также выполнять цветовую и тоновую лепку формы предметов. Именно работа над натюрмортом способствует активации творческой активности и самостоятельности студентов.

Список литературы:

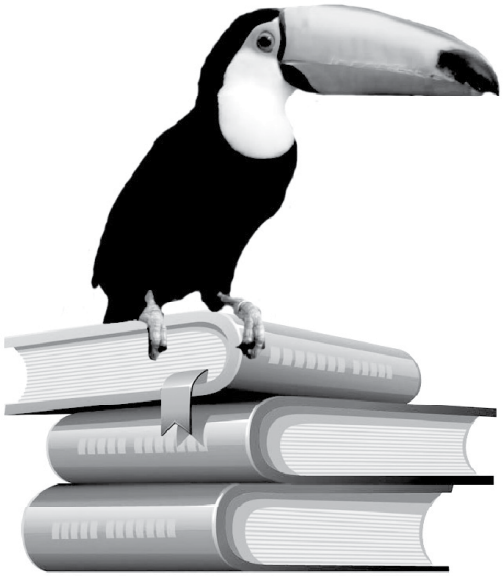
[1] Пучко А.С., Триселев А.В. Методика работы над натюрмортом // Москва. Просвещение. 1982.

[2] Афоризмы и цитаты про живопись [Электронный ресурс] / Сайт Citaty.su – Режим доступа: https://citaty.su/aforizmy-i-citaty-pro-zhivopis (дата обращения: 10.10.2020).

Spisok literatury:

[1] Puchko A.S., Triselev A.V. Metodika raboty nad natyurmortom // Moskva. Prosveshchenie. 1982.

[2] Aforizmy i citaty pro zhivopis' [Elektronnyj resurs] / Sajt Citaty.su – Rezhim dostupa: https://citaty.su/aforizmy-i-citaty-pro-zhivopis (data obrashcheniya: 10.10.2020).



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

УДК 37.036.5

МИХАЙЛОВ Александр Николаевич,
доктор педагогических наук,
филиал Российского государственного
социального университета в г. Анапе,
e-mail: mixajlov53an@mail.ru

МОРГАЙЛИК Марианна Александровна,
кандидат политических наук,
доцент филиала Российского государственного
социального университета в г. Анапе,
e-mail: morgajlikma@rgsu.net

НАУМОВА Алина Геннадьевна,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма
филиала Сочинского государственного университета в г. Анапе,
e-mail: alina3302@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СРЕДНИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы патриотического воспитания и патриотических ценностных ориентиров обучающихся колледжей. Подчеркивается роль культурных основ и традиционных ценностей в патриотическом воспитании студентов технических вузов, в осознании ими славного исторического прошлого России, формировании активной жизненной позиции. Раскрывается опыт патриотического воспитания в колледжах г. Анапы.*

Ключевые слова: *традиционные ценности, российская культура, патриотическое воспитание, дисциплины социально-гуманитарного цикла, активная гражданская позиция, облачные технологии.*

MIKHAILOV Alexander Nikolaevic,
doctor of pedagogical Sciences,
the Branch of the Russian State Social University
in Anapa

MORGAILIK Marianna Alexandrovna,
candidate of Political Science,
associate Professor of the Branch of the Russian State
Social University in Anapa

NAUMOVA Alina Gennadievna,
candidate of historical Sciences,
associate Professor of the Department of social and cultural services
and tourism of The Branch of Federal State Budget Educational
Institution of Higher Education «Sochi State University»
in the city of Anapa

THE MAIN DIRECTIONS OF PATRIOTIC EDUCATION IN THE SYSTEM OF TRAINING AND EDUCATIONAL WORK OF SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION ORGANIZATIONS

Annotation. *The article reveals the concept of patriotism in modern socio - economic conditions. The issues of patriotic education and patriotic value guidelines of college students are considered. Attention is drawn to patriotism as an integral part of the spiritual and moral orientation of the individual.*

The measures of educational work of military-patriotic and historical-cultural orientation, as well as prevention of extremism and strengthening of tolerance are analyzed. The experience of the patriotic work of participants in the educational environment in colleges in Anapa is presented.

Key words: *educational environment, patriotism, signs of patriotism, patriotic education, principles of patriotic education, active civic position. civic responsibility, patriotism, integrated methodology, innovative pedagogical technologies.*

Современная образовательная система в России является главным социальным институтом развития патриотического воспитания молодежи. Актуальность патриотического воспитания в системе учебно-воспитательной работы организаций среднего профессионального образования обусловлена:

- необходимостью подробного анализа накопленного опыта патриотического воспитания обучающихся среднего профессионального образования (СПО) и определения его основных направлений;

- снижением внимания со стороны контролирующих организаций, министерств и ведомств к вопросу патриотическому воспитания в системе СПО [1].

В связи с этим, «патриотическое воспитание в системе учебно-воспитательной работы профессиональных образовательных организаций является актуальным вопросом в современной педагогической среде» [3].

Изучение научной литературы показало, что понятие патриотизма не претерпело каких-либо серьезных смысловых изменений, хотя существует уже много веков. Под патриотизмом понимается «преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу, гордость за их прошлое и настоящее, готовность к их защите. Патриотизм является важнейшим духовным достоянием личности, характеризует высший уровень ее развития и проявляется в ее активной самореализации на благо Отечества» [2].

Проанализировав ряд научных точек зрения в отношении понятия «патриотизм», мы установили, что данное понятие во всех толкованиях определяют следующие признаки:

- уважение, любовь и преданность своей Родине;

- созидательный характер деятельности каждого человека на благо своей страны, народа, всей планеты и всего человечества;

- готовность защищать Отечество, ставить на первый план интересы страны и общества;

- готовность к самопожертвованию во имя Отечества и народа;

- территориальная привязанность к месту рождения (малая Родина).

Для изучения опыта патриотического воспитания обучающихся среднего профессионального образования (СПО) в г. Анапе, а также определения его основных направлений развития нами было проведено исследование.

Практика учебно-воспитательной работы показывает, что патриотическое воспитание в системе среднего профессионального образования играет ключевую роль в реализации образовательно-воспитательного процесса. Влияет на формирование всесторонне развитой личности [10].

В ходе исследования в каждой образовательной организации среднего профессионального образования г. Анапы формировался особый настрой сознания и ценностных установок обучающихся, зарождалось зерно формирования ответственности и бережного отношения молодежи к себе, окружающему миру, государству.

Для установления исходного состояния актуальности патриотизма среди молодёжи был проведен мониторинг участников образовательного процесса. В диагностике приняли участие 200 человек, основную категорию составляли обучающиеся в возрасте 16–17 лет.

Проведенное анкетирование позволило сделать следующие выводы: 1) обучающиеся колледжей и техникумов г. Анапы хорошо понимают значение термина «патриотизм»; 2) подавляющее большинство обучающихся считают себя патриотами; 3) наибольшую значимость для студентов представляют такие проявления патриотизма, как любовь и дружба; 4) в иерархии жизненных ценностей студентов приоритет отводится морально-нравственным ценностям и чертам личности.

Кроме того, нами было установлено, что доминирующая роль в формировании патриотических чувств принадлежит семье и школе, т.е. той социальной среде, в которой человек проводит основное время и которая должна иметь все необходимые ресурсы, позволяющие актуализировать потребность человека принадлежать своей стране, ощущать гордость за нее.

По словам Президента России, «продуманная, созвучная восприятию современной молодежи и, главное, честная, патриотическая повестка должна укреплять в новых поколениях проверенные самой жизнью базовые ценности, которые отражают наши традиции, национальную идентичность, весь исторический путь России с ее испытаниями и триумфами» [9].

В ходе учебно-воспитательных мероприятий патриотическому воспитанию уделялось внима-

ние на всех учебных дисциплинах [8, с. 79]. Особое значение здесь играл цикл гуманитарных дисциплин: истории, русского языка и литературы.

Преподаватели гуманитарных дисциплин использовали активные формы работы: семинары, дискуссии, деловые игры. Следует отметить, что на занятиях воспитание патриотизма осуществлялось опосредовано, прежде всего, через содержание изучаемого материала. Причем воспитательный аспект был органично вплетен в контекст занятия.

В настоящее время происходит информатизация общества и у обучающихся происходит формирование информационной культуры. Поэтому вопросам патриотического воспитания уделялось время и на занятиях по информатике. Преподавателями использовались облачные технологии.

Под ними понимают технологии распределённой обработки данных, в которой компьютерные ресурсы и мощности предоставляются пользователю как интернет-сервис. Активное применение в образовательной деятельности облачных технологий обусловлено тем, что по сравнению с традиционными учебно-методическими средствами они обеспечивают новые возможности, а существующие функции урока реализуются с более высоким качеством [12, с. 118].

Так, с помощью ресурса Google.docs обучающиеся СПО филиала РГСУ создали презентацию «И помнит мир спасённый», которая была приурочена ко Дню освобождения города Анапы от немецко-фашистских захватчиков. В своей работе обучающиеся рассказали об анапчанах, которые проявили самоотверженность, отвагу в борьбе с неприятелем. Их имена увековечены на Аллее Славы нашего города.

Патриотическое воспитание на уроках информатики с использованием облачных технологий препятствует превращению обучающегося в неразборчивого потребителя информационно-телекоммуникационных услуг. Оно создает новую коммуникативную культуру, основанную на осмыслении полученной информации, расширяет кругозор обучающихся, учит критическим подходам к различным источникам, манипулирующим фактами и искажающим исторические факты, формирует способность противостоять потоку негативной, антигуманной, антипатриотической информации [11].

В ходе нашего исследования в организациях СПО г. Анапы большое внимание было уделено внеаудиторным мероприятиям военно-патриотической направленности. «Здесь особая роль принадлежит Великой Отечественной войне - она оставила глубочайший след в судьбах всех народов Советского Союза и в судьбах народов Российской Федерации, неотделима от истории каждой российской семьи», - заявил Президент России [9].

В рамках месячника Защитника Отечества, обучающиеся участвовали в муниципальном конкурсе допризывной молодежи «Призывник 2019», в мероприятиях Центральной библиотечной системы, эстафете «Один день из армии». Во всех учебных учреждениях СПО были проведены пятидневные учебные сборы по базовой военной подготовке; встречи с выпускниками, отслужившими в рядах российской армии и ветеранами Великой отечественной войны; конкурс военно-патриотической песни. В рамках памятных дат в истории России был организован митинг, посвященный Дню вывода советских войск из Афганистана [4, с. 257].

Мероприятия, направленные на гармонизацию межнациональных и межконфессиональных отношений, профилактику экстремизма и укрепление толерантности. Высоким гражданско-патриотическим потенциалом обладают молодежные акции, традиционно реализуемые волонтерами колледжей и техникумов г. Анапы. Это всевозможные профилактические, добровольческие и донорские мероприятия: «Георгиевская ленточка», «Мы – граждане России», «Моя профессия – моё будущее», «Россия – моя страна!» [4, с. 258].

Значимым фактором в формировании гражданско-патриотических качеств личности являлось и приобщение обучающихся к здоровому образу жизни. Были организованы и проведены уроки ГТО (история развития и современность); товарищеские встречи по спортивным играм, спортивные фестивали с участием образовательных учреждений города.

Таким образом, проведённое исследование в колледжах и техникумах в г. Анапе позволило нам прийти к определенным обобщениям, а также сделать гипотетические предположения и выводы.

Патриотическое воспитание представляет одну из частей воспитания личности в целом. Неправильно его рассматривать вне трудового, культурного, морального, физического воспитания. Недостаточно познакомить учащихся в процессе воспитательной работы с событиями прошлого, художественным, культурным наследием. Важно не просто знать даты тех или иных событий фактов, но и понимать причинно-следственные связи исторического пространства и времени.

Структура патриотического воспитания должна включать в себя ряд компонентов, среди которых наиболее важные: военно-технический, психолого-педагогический, культурно-исторический, социально-политический, духовно-нравственный и физический компоненты.

Для формирования и развития у обучающихся чувства патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества необходимо воспитание в средних образовательных учреждениях направить на развитие личности, создавать условия для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства.

Список литературы:

[1] Валуев В.Г. Пути формирования патриотизма в современной России // Вестник Поволжской академии гос. службы. - 2008. - № 3 (16). - С. 45–49.

[2] Вырщиков А.Н., Кусмарцев М.Б. Патриотическое воспитание молодёжи в современном российском обществе: монография. - Волгоград: НП ИПД «Авторское перо», 2006. - С. 131–135.

[3] Лебедев В., Тюрина Н.А. О некоторых направлениях решения проблемы патриотического воспитания молодежи в современных условиях // СМИ. Журналистика. Реклама: [Электронный ресурс http://www.librero.ru/article/social/patriotic.html от 19 апреля 2010 г.].

[4] Михайлов А.Н., Наумова А.Г., Стародуб К.А Проблемы профориентационной работы в вузе и пути их решения // Образование и право. 2019. - № 4. – С. 255–259.

[5] Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 12.05.2019) // Росс. газ. - 2012. - 31 дек.

[6] О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 // СЗ РФ. – 2012. - № 52. - Ст. 7477.

[7] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - 4-е изд., доп. – М.: Азбуковник, 1999. - 944 с.

[8] Осипов Д., Алексеева М.Я. Роль уроков истории в патриотическом воспитании учащихся // Науч.-метод. электр. журнал «Концепт». - 2016. - Т. 30. - С. 79–81.

[9] Путин В.В. О патриотизме. URL: https://ria.ru/20200521/1571795466.html

[10] Разумовская С.В. Гражданско-патриотическое воспитание студентов в контексте философско-педагогических идей И.А. Ильина // Креативность гуманитарного образования: духовно-ценностные и интеллектуальные аспекты: сб. ст. - Екатеринбург: Росс. гос. проф.-пед. ун-т. - Екатеринбург, 2014. - С. 215–220.

[11] Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий: в 2 т. / Г.К. Селевко. - М.: НИИ школьных технологий, 2006. - Т. 2 (Сер. «Энциклопедия образовательных технологий»).

[12] Снопко Н.М. Постановка эффективного патриотического воспитания студентов вузов // Новые педагогические исследования. - 2007. - № 2. - С. 118–120.

Spisok literatury:

[1] Valuev V.G. Puti formirovaniya patriotizma v sovremennoj Rossii // Vestnik Povolzhskoj akademii gos. sluzhby. - 2008. - № 3 (16). - S. 45–49.

[2] Vyrshchikov A.N., Kusmarcev M.B. Patrioticheskoe vospitanie molodyozhi v sovremennom rossijskom obshchestve: monografiya. - Volgograd: NP IPD «Avtorskoe pero», 2006. - S. 131–135.

[3] Lebedev V., Tyurina N.A. O nekotoryh napravleniyah resheniya problemy patrioticheskogo vospitaniya molodezhi v sovremennyh usloviyah // SMI. Zhurnalistika. Reklama: [Elektronnyj resurs http://www.librero.ru/article/social/patriotic.html ot 19 aprelya 2010 g.].

[4] Mihajlov A.N., Naumova A.G., Starodub K.A Problemy proforientacionnoj raboty v vuze i puti ih resheniya // Obrazovanie i pravo. 2019. - № 4. – S. 255–259.

[5] Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29.12.2012 g. № 273-FZ (v red. ot 12.05.2019) // Ross. gaz. - 2012. - 31 dek.

[6] O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda: Ukaz Prezidenta RF ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666 // SZ RF. – 2012. - № 52. - St. 7477.

[7] Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka. - 4-e izd., dop. – M.: Azbukovnik, 1999. - 944 s.

[8] Osipov D., Alekseeva M.Ya. Rol' urokov istorii v patrioticheskom vospitanii uchashchihsya // Nauch.-metod. elektr. zhurnal «Koncept». - 2016. - T. 30. - S. 79–81.

[9] Putin V.V. O patriotizme. URL: https://ria.ru/20200521/1571795466.html

[10] Razumovskaya S.V. Grazhdansko-patrioticheskoe vospitanie studentov v kontekste filosofsko-pedagogicheskih idej I.A. Il'ina // Kreativnost' gumanitarnogo obrazovaniya: duhovno-cennostnye i intellektual'nye aspekty: sb. st. - Ekaterinburg: Ross. gos. prof.-ped. un-t. - Ekaterinburg, 2014. - S. 215–220.

[11] Selevko G.K. Enciklopediya obrazovatel'nyh tekhnologij: v 2 t. / G.K. Selevko. - M.: NII shkol'nyh tekhnologij, 2006. - T. 2 (Ser. «Enciklopediya obrazovatel'nyh tekhnologij»).

[12] Snopko N.M. Postanovka effektivnogo patrioticheskogo vospitaniya studentov vuzov // Novye pedagogicheskie issledovaniya. - 2007. - № 2. - S. 118–120.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: G.Maystrenko@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ КОЛОНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности предупреждения правонарушающего поведения осужденных подростков на основе комплексного применения общих и индивидуальных мер воспитательно-профилактического воздействия. Представлены рекомендации по улучшению профилактической работы среди осужденных в воспитательных колониях.*

Ключевые слова: *несовершеннолетний, осужденный, воспитательная колония, профилактика правонарушений, индивидуальная профилактика, уголовно-исполнительная система.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
PhD in Law, Senior Researcher of Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

SOME ASPECTS OF INDIVIDUAL PREVENTION VIOLATIONS IN EDUCATIONAL COLUMNS OF THE PENAL SYSTEM

Annotation. *The article examines the features of the prevention of delinquent behavior of convicted adolescents on the basis of the complex application of general and individual measures of educational and preventive influence. Recommendations for improving preventive work among convicts in educational colonies are presented.*

Key words: *minor, convicted person, educational colony, crime prevention, individual prevention, penal system.*

Согласно ведомственным нормативным актам основной целью профилактической работы в учреждениях УИС является недопущение правонарушений со стороны содержащихся в них лиц посредством системы специальных мероприятий, направленных на предупреждение (предотвращение и пресечение) противоправных действий. В криминологии различают общую, групповую и индивидуальную профилактику правонарушений. Обозначенная последней представляет собой, прежде всего, работу с лицами, состоящими на профилактическом учете, с помощью определенного набора средств и методов воспитательного воздействия.

Следует отметить, что в профилактике правонарушений в местах лишения свободы, в том числе в ВК, участвуют все их сотрудники и работники во взаимодействии служб [8, с. 63– 66; 9, с. 234-238]. Однако если постановку осужденного на профилактический учет может инициировать любой представитель персонала ВК, то ответственность за проведение профилактической работы с конкретными осужденными несут только закрепленные за ними сотрудники, т. е. лица начальствующего состава. С учетом возрастных особенностей спецконтингента ВК и указанного требования к профессиональной подготовке сотрудников, отвечающих за проведение профилактической работы с осужденными, представляется, что за подучетными лицами в воспитательных колониях должны закрепляться преимущественно сотрудники, имеющие звания среднего и старшего начсостава. Недопустимо закреплять за ними лиц рядового и младшего начсостава, а также стажеров, как не имеющих достаточного опыта оперативно-служебной деятельности и поэтому не являющихся наиболее подготовленными в профессиональном отношении [2, с. 95]. Наряду с этими косвенными признаками профессиональной подготовки, следует учитывать и индивидуальные качества сотрудников, закрепляемых за подучетными лицами. Главные из них – способ-

ность найти подход к своему подопечному, неравнодушие, справедливость, искреннее желание помочь подростку измениться к лучшему. На практике чаще всего такими «опекунами» по должностному положению оказываются начальники отрядов, старшие воспитатели, воспитатели отрядов и отделений ВК.

Проведение индивидуальных бесед с осужденными как метод индивидуальной профилактики правонарушений с содержательной стороны представляет собой педагогический метод убеждения, элементами которого являются объяснение, изложение, разъяснение, поучение, наставление, внушение, пример. При всей кажущейся простоте этого метода воспитательно-профилактического воздействия его использование требует не только определенной подготовки к его применению в каждом конкретном случае, но и общей профессиональной, психолого-педагогической готовности сотрудника. Образно говоря, убеждение должно быть убедительным во всех отношениях: логически доказательным, педагогически оправданным, психологически уместным, нравственно состоятельным. Для этого воспитатель сам должен быть воспитанным, всесторонне подготовленным, эмоционально уравновешенным и т. д. [7, с. 177].

Привлечение осужденного к общественно полезному труду, учебе, участию в работе самодеятельных организаций как направление индивидуальной профилактической работы с подучетным лицом охватывает практически весь процесс исправительно-воспитательного воздействия на это лицо и в рамках настоящего пособия может быть охарактеризовано лишь в общих чертах. Значение общественно полезного труда как средства исправления осужденных, в том числе и особенно, отбывающих лишение свободы, общепризнано и никем не оспаривается, за исключением тех случаев, когда тема труда осужденных используется в идеологических целях. Обязанность осужденных трудиться в полной мере соответствует международным стандартам обращения с осужденными. Такой подход вполне оправдан и, более того, закономерен. Во-первых, занятие трудом является естественным, объективно обусловленным состоянием человека как социального существа. Во-вторых, труд оказывает положительное воздействие на моральный облик личности, поскольку в процессе общественно полезного труда формируются ее основные нравственные качества: трудолюбие, добросовестность, бережливость, уважение к другим участникам трудовой деятельности, потребность вести честный образ жизни, бережное отношение к результатам своего и чужого труда, своей и чужой собственности и др.

Для несовершеннолетних, многие из которых до осуждения нигде не работали и не учились, обязанность трудиться тем более объективно необходима, что их личность еще окончательно не сформировалась, но уже нравственно деформирована. К тому же безделье, праздность в условиях социальной изоляции еще больше деформирует духовно-нравственное здоровье человека. Поэтому несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание в ВК, привлекаются к труду в соответствии с трудовым законодательством Российской Федерации, учитывающим их возрастные особенности. Более того, как и всем осужденным к лишению свободы, им запрещается прекращать работу для разрешения трудовых конфликтов. Отказ от работы или ее прекращение без уважительных причин согласно УИК РФ (ч. 6 ст. 103 и ч. 1 ст. 116) являются злостными нарушениями установленного порядка отбывания наказания и могут повлечь применение мер взыскания и материальную ответственность [1].

Проблема привлечения осужденных подростков к труду в современных условиях состоит не в допустимости или недопустимости их трудоиспользования, а в том, чтобы обеспечить полную трудовую занятость и получение ими той производственной квалификации и овладения теми специальностями, которые будут востребованы на рынке труда после их освобождения из колонии. Этой задаче должна быть подчинена вся система подготовки и повышения квалификации воспитанников как в профессиональных училищах, так и в учебно-производственных (трудовых) мастерских или непосредственно на рабочих местах в процессе производственного обучения. Пока приходится констатировать, что, как показывает практика, многие специальности, приобретенные осужденными в ВК, в условиях рыночной стихии остаются невостребованными. Это усугубляется нежеланием основной массы воспитанников работать по приобретенным в ВК специальностям. Согласно их опросу готовность работать после освобождения по этим специальностям выразили лишь 25 % респондентов [2, с. 149]. Привлечение воспитанников ВК к учебе преследует как общегуманитарные, так и прикладные цели [10, с. 76–84]. Во всех исправительных учреждениях организуется обязательное получение осужденными, не достигшими 30 лет, общего образования (ч. 1 ст. 112 УИК РФ) [1]. В воспитательных колониях с учетом возрастных и психологических особенностей несовершеннолетних осужденных в целях их исправления и подготовки к самостоятельной жизни организуется единый учебно-воспитательный процесс, включающий: формирование у осужденных законопослушного поведения, добросовестного отношения к труду и

учебе, получение начального профессионального образования, профессиональной подготовки, повышение образовательного и культурного уровня. Указанные виды образования и профессиональной подготовки воспитанников осуществляются на базе вечерней общеобразовательной школы, профессионально-технического училища и учебно-производственной (трудовой) мастерской (ст. 141 УИК РФ) [1].

В общеобразовательной школе воспитанники получают основное общее и среднее (полное) общее образование. К учебе в этих школах ежегодно привлекается до 85 % осужденных. В большинстве школ ВК открыты начальные и специальные (коррекционные) классы. Это обусловлено тем, что в воспитательных колониях растет число педагогически запущенных, неграмотных и имеющих психические аномалии подростков
[5, с. 12]. Учителя школ как полноправные сотрудники ВК, наряду с участием в учебном процессе, ведут с осужденными индивидуальную воспитательную работу, организуют внешкольную и внеклассную работу.

Во внеклассной воспитательной работе с осужденными положительно зарекомендовали себя разнообразные кружки по интересам, руководителями которых являются учителя школ и мастера профессиональных училищ. В частности, эффективной формой трудового и эстетического воспитания являются кружки технического и художественно-прикладного творчества. В кружковой работе проявляются элементы самоуправления: избирается актив, распределяются обязанности между воспитанниками. Каждый кружок работает по программе, составленной руководителем. Программу рекомендуется составлять так, чтобы часть занятий была рассчитана на получение теоретических знаний, а другая – на приобретение практических умений и навыков. При этом теоретические сведения должны быть логическим продолжением обучения воспитанников на уроках математики, физики, биологии, химии и др. Этим достигается социально полезная направленность и воспитательный эффект кружковой работы [6, с. 24].

Начальное профессиональное образование несовершеннолетних в ВК осуществляется по общим образовательным стандартам и программам, адаптированным к условиям лишения свободы, в профучилищах, находящихся в ведомственном подчинении ФСИН России. Теоретические знания подростки закрепляют в рамках трудового процесса на предприятиях или в учебно-производственных (трудовых) мастерских [4, с. 87].

Использование в воспитательном процессе возможностей родственных и иных положительных связей предполагает их привлечение для оказания профилактического воздействия на несовершеннолетних. Непременным условием использования их возможностей в воспитательно-профилактических целях представляется наличие авторитета названных связей в глазах подростка. Принято считать, что родственники, особенно близкие, могут оказать положительное влияние на осуждённого подростка. Однако печальное явление социального сиротства, которое получило распространение в российском обществе, если не прямо, то косвенно отрицает такую уверенность. Поэтому в беседах с профилактируемыми следует исподволь выяснять, кто из их окружения является для них авторитетным лицом, чтобы по возможности привлечь такое лицо для участия в воспитательно-профилактическом процессе. «Положительной связью» может оказаться даже человек с криминальным прошлым, конечно, при условии, что он порвал с ним, ведёт законопослушный образ жизни и на примере собственных ошибок и заблуждений может оказать позитивное влияние на подростка, состоящего на профилактическом учёте. Положительное воздействие на несовершеннолетних могут оказать и лично незнакомые с ними люди, например спортсмены, артисты, детские писатели, поклонниками которых являются подростки и которые с их согласия могут привлекаться для участия не столько в индивидуальный, сколько в индивидуально-групповой («массовой») профилактике правонарушений при проведении встреч с воспитанниками ВК в рамках благотворительных акций, шефских связей, творческих отчётов и т.п. Среди других форм и методов положительного влияния на подучётных лиц следует выделить программы психологической и психокоррекционной помощи несовершеннолетним с учётом их возрастных различий и характерологических особенностей, подробно рассмотренных в специальной литературе.

Список литературы:

[1] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. Федерального закона от 1 апреля 2020 г. № 96-ФЗ) [Электронный ресурс]. – URL: //http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.07.2020).

[2] Актуальные проблемы деятельности воспитательных колоний ФСИН России: материалы научно-практич. конф.: В 2-х ч. Ч. 1. – М.: НИИ ФСИН России, 2008. – 248 с.

[3] Багреева Е.Г., Данилин Е.М. Возвращение к Макаренко. – М.: НИИ ФСИН России. 2006. – 160 с.

[4] Бовтун С.М. Взаимодействие профессионального училища и учебно-производственной мастерской по трудовой адаптации несовершеннолетних осужденных // Опыт работы воспитательных колоний ФСИН: Сборник материалов передового опыта. – М.: НИИ ФСИН России, 2008. – 164с.

[5] Бубеннова О. Важное звено перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2004. № 6. – С. 11–13.

[6] Казакова Д.Р. Личность несовершеннолетних преступников, лишённых свободы // Человек: преступление и наказание. 2007. № 4.

[7] Организационно-правовые, учебно-воспитательные, социально-психологические основы деятельности воспитательных колоний в 2 ч. Ч. 1. – Рязань, 2008.

[8] Рябых С.Б. Актуальные проблемы правового регулирования исполнения и отбывания уголовного наказания в отношении осужденных, содержащихся в воспитательных колониях // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 2 (20). – С. 63– 66.

[9] Серых А.Г. Проблемы применения мер поощрения и взыскания к осужденным к лишению свободы в воспитательных колониях // Законность и правопорядок в современном обществе. 2012. № 8. С. 234-238.

[10] Тимошенко М.А. Проблемы реализации права на образование несовершеннолетними, отбывающими наказание в воспитательных колониях ФСИН РФ // Технологии формирования правовой культуры в современном образовательном пространстве: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Волгоград: Волгоградский государственный аграрный университет, 2016. – С. 76–84.

Spisok literatury:

[1] Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 8 yanvarya 1997 g. № 1-FZ (v red. Federal'nogo zakona ot 1 aprelya 2020 g. № 96-FZ) [Elektronnyj resurs]. – URL: //http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 12.07.2020).

[2] Aktual'nye problemy deyatel'nosti vospitatel'nyh kolonij FSIN Rossii: materialy nauchno-praktich. konf.: V 2-h ch. Ch. 1. – M.: NII FSIN Rossii, 2008. – 248 s.

[3] Bagreeva E.G., Danilin E.M. Vozvrashchenie k Makarenko. – M.: NII FSIN Rossii. 2006. – 160 s.

[4] Bovtun S.M. Vzaimodejstvie professional'nogo uchilishcha i uchebno-proizvodstvennoj masterskoj po trudovoj adaptacii nesovershennoletnih osuzhdennyh // Opyt raboty vospitatel'nyh kolonij FSIN: Sbornik materialov peredovogo opyta. – M.: NII FSIN Rossii, 2008. – 164s.

[5] Bubennova O. Vazhnoe zveno perevospitaniya nesovershennoletnih pravonarushitelej // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2004. № 6. – S. 11–13.

[6] Kazakova D.R. Lichnost'nesovershennoletnih prestupnikov, lishyonnyh svobody // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2007. № 4.

[7] Organizacionno-pravovye, uchebno-vospitatel'nye, social'no-psihologicheskie osnovy deyatel'nosti vospitatel'nyh kolonij v 2 ch. Ch. 1. – Ryazan, 2008.

[8] Ryabyh S.B. Aktual'nye problemy pravovogo regulirovaniya ispolneniya i otbyvaniya ugolovnogo nakazaniya v otnoshenii osuzhdennyh, soderzhashchihsya v vospitatel'nyh koloniyah // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2015. № 2 (20). – S. 63– 66.

[9] Seryh A.G. Problemy primeneniya mer pooshchreniya i vzyskaniya k osuzhdennym k lisheniyu svobody v vospitatel'nyh koloniyah // Zakonnost' i pravoporyadok v sovremennom obshchestve. 2012. № 8. S. 234-238.

[10] Timoshenko M.A. Problemy realizacii prava na obrazovanie nesovershennoletnimi, otbyvayushchimi nakazanie v vospitatel'nyh koloniyah FSIN RF // Tekhnologii formirovaniya pravovoj kul'tury v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. – Volgograd: Volgogradskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet, 2016. – S. 76–84.

ПЬЯНКОВ Матвей Николаевич,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация, e-mail.ru: Matwcha@mail.ru

КОНСПИРАЦИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Важнейшим условием, обеспечивающим высокую эффективность агентурной работы оперативных подразделений УИС в их борьбе с преступностью, является ее негласный характер, который достигается применением комплекса различных мер конспирации. Конспирация присуща тем видам деятельности, где субъекты преследуют противоположные цели, где сталкиваются интересы сторон, а их отношения носят характер конфликта.*

Ключевые слова: *уголовно-исполнительная система, оперативные подразделения, конспирация, оперативно-розыскная деятельность, агентурная работа.*

PYANKOV Matvey Nikolaevich,
Senior Researcher of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

CONSPIRACY OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES IN THE PENAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The most important condition for ensuring the high efficiency of the intelligence work of the operational units of the penal system in their fight against crime is its tacit nature, which is achieved by using a complex of various conspiracy measures. Conspiracy is inherent in those types of activities where the subjects pursue opposite goals, where the interests of the parties collide, and their relationship is in the nature of a conflict.*

Key words: *penitentiary system, operational units, conspiracy, operational-search activity, undercover work.*

В настоящее время в правоохранительных органах продолжает осуществляться широкий комплекс мероприятий по реформированию, не исключением остается и уголовно-исполнительная система, направленных на модернизацию и совершенствование организации их деятельности в целях первоочередного решения задач противодействия преступности, ставшей в России реальной угрозой национальной безопасности [1]. Вопросы совершенствования организационной и нормативной правовой базы деятельности уголовно-исполнительной системы, в том числе, их оперативных подразделений постоянно находятся в поле зрения экспертного сообщества [2; 3; 6; 7; 8; 9]. Актуальным аспектом является и порядок осуществления оперативными подразделениями уголовно-исполнительной системы деятельности по обеспечению соблюдения принципа конспирации в агентурной работе, от уровня которой зависит не только эффективность оперативно-розыскного противодействия преступности, но и личная безопасность оперативных сотрудников, а также конфиденциально содействующих и сотрудничающих с ними лиц [6; 7; 8; 9].

В общих чертах под конспирацией, применительно к оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД) УИС, понимается сохранение в тайне ее сил, средств и методов, организационных и тактических аспектов осуществления. Необходимость соблюдения принципа конспирации обусловлена тем, что подготовку и проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), действия их участников невозможно сделать абсолютно скрытыми от посторонних лиц и лиц, являющихся объектом ОРД [4; 5]. Все они происходят в условиях реального времени и места, осуществляются конкретными лицами. В то же время возможно, необходимо и целесообразно представить ОРМ и иные законные действия оперативных сотрудников и конфидентов таким образом, чтобы окружающими они воспринимались как обыденные, не имеющие отношения к деятельности оперативно-розыскных органов. Конспиративность при подготовке и проведении ОРМ (осуществлении ОРД) имеет еще одно важное назначение. Она, в частности, позволяет не

допустить преждевременной или необоснованной компрометации объектов ОРМ, является мерой обеспечения прав лиц, оказывающих содействие или сотрудничающих с субъектами ОРД, условием обеспечения личной безопасности участников мероприятий и др. [10, с. 31]. Изучение организации агентурной работы на местах показывает, что востребованность средств конспирации является индикатором реальности, жизнеспособности и эффективности агентурной сети. Вместе с тем, на сегодняшний день в деятельности оперативных подразделении по обеспечению конспиративности в процессе агентурной работы существует немало противоречий и недостатков, нуждающихся в принятии незамедлительных мер нормативного правового и организационно-тактического характера.

По мнению практиков, в настоящее время дела оперативного учета проверяются различными контролирующими и надзирающими органами, в том числе сотрудниками прокуратуры, в несколько раз чаще обычного.

Кроме того, среди личного состава оперативных подразделений, которые непосредственно занимаются агентурной работой, укоренилось недоверие к эффективности взаимодействия с подразделениями информационно-регистрационного архивного фонда и соблюдению в процессе данного взаимодействия законодательного принципа конспирации, в том числе обязательного требования сохранения конфиденциальности негласного сотрудничества и содействия конфидентов. Только четверть опрошенных сотрудников оперативных подразделений считает, что существующий порядок помещения и хранения в информационной системе оперативно-розыскной информации сведений, полученных от негласного аппарата, в состоянии полностью обеспечить конфиденциальность.

С учетом указанных обстоятельств, необходимо тщательно изучить теоретические и прикладные основы деятельности оперативных подразделений по обеспечению конспирации в агентурной работе с целью преодоления обозначенных выше негативных тенденций и противоречий, а также выработки научно обоснованных предложений и рекомендаций по дальнейшему совершенствованию рассматриваемого направления оперативно-служебной деятельности в соответствии с принципами и положениями законодательного и ведомственного нормативного правового регулирования.

Список литературы:

[1] Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс] //http://base.consultant.ru (дата обращения: 14.07.2020).

[2] Бубенко Н.И. Оперативно-розыскная деятельность как форма управленческой деятельности: административно-правовой аспект // Актуальные проблемы современной юридической науки. – Сургут, 2012. – С. 48–54.

[3] Брылев В.И., Лях Л.А. Оперативно-розыскная деятельность // Международный журнал экспериментального образования. 2014. № 8–2. – С. 119–121.

[4] Взаимодействие следственных и оперативных подразделений ОВД на этапе выявления, раскрытия и расследования преступлений: учеб.–метод. пособие / Г.П. Афонькин, Т.В. Астишина, А.В. Кузьмин, Е.В. Маркелова. – 2-е изд. перераб. и доп. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2013. – 51 с.

[5] Земскова А.В. Правовые проблемы использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – 175 с.

[6] Елинский В.И. Основы методологии теории оперативно-розыскной деятельности: Монография. – М.: Шумилова И.И., 2001. – 227 с.

[7] Лапин Е.С. Оперативно-розыскная деятельность. Правовые и теоретические основы: учебник и практикум для вузов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 343 с.

[8] Маркушин А.Г. Оперативно-розыскная деятельность: учебник и практикум для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – 342 с.

[9] Оперативно-розыскная деятельность: Учебник / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова, А.Ю. Шумилова. – М.: ИНФРА–М, 2004. – 848 с.

[10] Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА–М, 2012. – 688 с.

Spisok literatury:

[1] Ukaz Prezidenta RF ot 12 maya 2009 g. № 537 «O strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii do 2020 goda» [Elektronnyj resurs] //http://base.consultant.ru (data obrashcheniya: 14.07.2020).

[2] Bubenko N.I. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' kak forma upravlencheskoj deyatel'nosti: administrativno-pravovoj aspekt // Aktual'nye problemy sovremennoj yuridicheskoj nauki. – Surgut, 2012. – S. 48–54.

[3] Brylev V.I., Lyah L.A. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' // Mezhdunarodnyj zhurnal eksper-

imental'nogo obrazovaniya. 2014. № 8–2. – S. 119–121.

[4] Vzaimodejstvie sledstvennyh i operativnyh podrazdelenij OVD na etape vyyavleniya, raskrytiya i rassledovaniya prestuplenij: ucheb.– metod. posobie / G.P. Afon'kin, T.V. Astishina, A.V. Kuz'min, E.V. Markelova. – 2-e izd. pererab. i dop. – Domodedovo: VIPK MVD Rossii, 2013. – 51 s.

[5] Zemskova A.V. Pravovye problemy ispol'zovaniya rezul'tatov operativno-rozysknyh meropriyatij v ugolovno-processual'nom dokazyvanii: dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 1998. – 175 s.

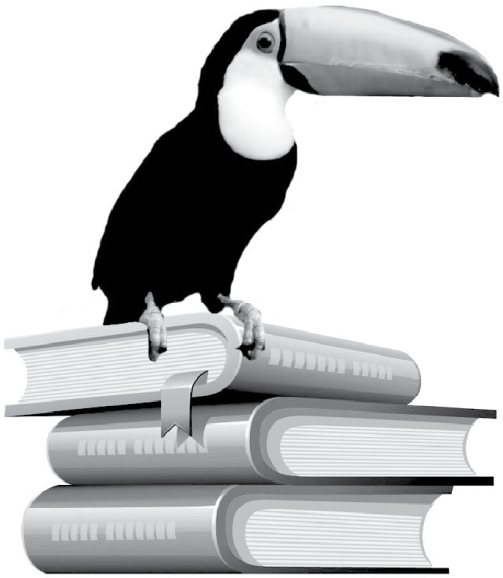
[6] Elinskij V.I. Osnovy metodologii teorii operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Monografiya. – M.: SHumilova I.I., 2001. – 227 c.

[7] Lapin E.S. Operativno-rozysknaya deyatel'nost'. Pravovye i teoreticheskie osnovy: uchebnik i praktikum dlya vuzov. – 4-e izd., pererab. i dop. – M.: YUrajt, 2019. – 343 s.

[8] Markushin A.G. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebnik i praktikum dlya vuzov. – 5-e izd., pererab. i dop. – M.: Yurajt, 2020. – 342 s.

[9] Operativno-rozysknaya deyatel'nost': Uchebnik / Pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova, A.Yu. SHumilova.
– M.: INFRA–M, 2004. – 848 c.

[10] Teoriya operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Uchebnik. – 2-e izd., pererab. i dop. / Pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova. – M.: INFRA–M, 2012. – 688 s.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

Денис Сергеевич МИЦ,
кандидат юридических наук,
эксперт Парламентской Ассамблеи Организации Договора
о коллективной безопасности (ОДКБ)
(Россия, Санкт-Петербург, ул. Шпалерная, 47, 191015); e-mail: a-83@bk.ru;
ORCID ID: 0000-0002-6238-8501.

ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу проявлений правовой культуры, гражданской зрелости, цивилизованности как сущности общества. В статье дается оценка позиций процессуалистов и законодателей по проблематике преобладания крайности в учете положений зарубежного законодательства, воспроизводящие сложности в правовой преемственности, которая обоснованно является основой полноценного государственного развития. Многолетняя общественная практика опытно подтверждает необходимость добросовестной комплексной оценки поступающих для возможного включения различных правовых новаций. При этом долгие споры по процессуальной регламентации важнейших процессуальных институтов, в частности возбуждение уголовного дела и других формируют предпосылки противодействия реализации совершенствования уголовного процесса, в том числе по причине дисбаланса интересов противоборствующих сторон и средств их реализации, а также механизмов создания и внедрения надежных гарантий прав участников уголовного судопроизводства. Делается вывод о кризисе в уголовном правосудии, который связан с отступлением от целей и задач судебной реформы, в том числе в сфере обеспечения превентивного правосудия, в этой связи дается авторская позиция по данному вопросу. В современных условиях расширяется конфликтность интересов процессуальных противников, в этой связи средством достижения оптимизации путей достижения процессуальных целей является принятие тактически значимых решений и реализации конкретных тактических приемов. Представленная теоретическая модель включает оценку набора взаимосвязанных компонентов, что способствует в ходе ассиметричных действий развиваться в едином направлении. В будущем развитие и внедрение факторного анализа в рассматриваемой сфере позволит оценить состояние и перспективы развития рассматриваемой системы государственной деятельности.*

Ключевые слова: *уголовный процесс; национальная безопасность Российской Федерации; предварительное расследование; познание; доказывание; оперативно-розыскная деятельность.*

Denis Sergeevich MITS,
candidate of law,
expert of the parliamentary Assembly of the collective security Treaty Organization
(CSTO) (47 Shpalernaya street, 191015, St. Petersburg, Russia).

OPTIMIZATION OF THE CRIMINAL PROCESS AND ENSURING THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *The article is devoted to the analysis of manifestations of legal culture, civic maturity, civility as the essence of society. The article assesses the positions of procedural and legislators on the issue of the predominance of extreme in the consideration of the provisions of foreign legislation, reproducing the difficulties in legal continuity, which is reasonably the basis for full-fledged state development. Long-standing public practice has experimentally confirmed the need for a good-faith integrated assessment of the various legal innovations that are being made for possible inclusion. At the same time, long disputes on the procedural regulation of the most important procedural institutions, in particular the initiation of criminal proceedings and others, form the prerequisites for counteracting the implementation of the improvement of the criminal process, including due to the imbalance of interests of the warring parties and the means of their implementation, as well as mechanisms for creating and implementing reliable guarantees of the rights of participants in criminal*

proceedings. It is concluded that the criminal justice crisis derogates from the goals and objectives of judicial reform, including in the field of preventive justice, in this regard the author's position on this issue is given. In modern conditions, the conflict of interests of procedural opponents is expanding, in this regard, the means of achieving optimization of ways to achieve procedural goals is the adoption of tactically significant decisions and the implementation of specific tactics. The presented theoretical model involves the evaluation of a set of interconnected components, which helps in the course of asymmetric actions to develop in a single direction. In the future, the development and introduction of factor analysis in the area under consideration will make it possible to assess the state and prospects for the development of the state activity system under consideration.

Key words: *criminal procedure; national security of the Russian Federation; preliminary investigation; cognition; proof; operational search activity.*

Введение. Российское уголовно-процессуальное право выделяется уникальностью с учетом различных национальных ценностей. Уголовно-процессуальное право выработало свои неповторимые позиции, которые возможно оптимизировать при применении важных теоретических аспектов в сфере обеспечения национальной безопасности (реализуемые органами государственной власти правовые меры противодействия угрозам национальной безопасности и удовлетворения национальных интересов [объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития]). При этом учет национальных ценностей (свобода, независимость, гуманизм, межнациональный мир и согласие, единство культур многонационального народа, уважение социальных и конфессиональных традиций, патриотизм) и процесс формирования обновленной процессуальной политики создает базу для эффективной уголовно-процессуальной реализации.

Уголовно-процессуальные основы являются источником силы, приводящей стадии уголовного процесса в действие. Данные основы способствуют активизации системы обеспечения национальной безопасности (совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и находящиеся в их распоряжении инструментов) ключевыми юридически гарантированными компонентами, что предусмотрено основной ее задачей – достижения состояния защищенности личности, общества и государства от внешних угроз, при котором обеспечивается реализация прав и свобод граждан Российской Федерации, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации).

Особый характер уголовно-процессуальной формы и уголовно-процессуальных гарантий связан со спецификой правовой природы общих постулатов и методологических закономерностей, а также назначением уголовного процесса. Формализация названного процесса происходит за счет различных уголовно-процессуальных ресурсов при неукоснительном соблюдении специальных процессуальных гарантий. Из этой специфики явствует практическая закономерность познания и преобразования с вербальными и невербальными особенностями. В этой связи реализация назначение различных процедур связана с этими логическими позициями.

Диагностика уголовно-процессуальной деятельности отражает агрессивное влияние на уголовно-процессуальное право концепции прав и свобод человека, которая не вполне учитывает существующие национальные интересы и ценности Российской Федерации, установленные в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Диагностирование различных корневых, институциональных, отраслевых, основных и непосредственных факторов способствует выявлению, предупреждению и последующему, в том числе рамках уголовного процесса пресечению агрессивного влияния. При этом учет корневого фактора, связанного с институтом соблюдения прав и свобод человека выделены в сущности национальной безопасности Российской Федерации, а также является основой для национальных ценностей и интересов. Нравственные нормы вбирают в себя комплекс обычаев, действующих в сфере уголовного процесса. Они касаются неформальных, но нравственно выдержанных отношений между участниками уголовного судопроизводства, а также возникающих в связи с осуществлением процессуальных действий на основе внутреннего убеждения и правосознания [1].

Преодоление правового нигилизма в обществе возможно путем формирования более авторитетного уголовного процесса через морально-правовые регуляторы, что подтвердит не только теорию нравственных категорий, но и станет фактором развития в правоприменительной деятельности. При этом данная ситуация усиливается необратимым процессом цифровизации как вектора развития экономики и права.

Подходы к основным принципам. Отдельная личность не имеет конкурентной ценности, при этом общество состоит из этих личностей, но каждая из них нуждается в абстрактном гуманизме как закономерность заботы (обеспечения). Уголовно-процессуальное право, являясь частью общесоциального регулирования, не занимает центральное место, оно прочно занято конституционным правом. При этом нравственность единственный устойчивый критерий уровня правосознания в социуме. Ценностные ориентиры предлагают поддержание справедливости в указной среде, посредством реализации базовой национальной ценности Российской Федерации – гуманизма. Автономность морали в обществе и отсутствие законодательных положений по данному вопросу ставят в тупик реализацию множество принципов сформированные законодателем за многие годы.

Государство самостоятельно без своих должностных лиц не существует. Международное право не обеспечивает защиту основных прав и свобод человека и гражданина или общественных интересов от произвола государственной власти. Адрес данного обеспечения направлен на конкретные должностные лица. В этой связи уголовный процесс связан с повышенной персонификацией, в том числе в отношении властных действий.

Актуальным остается поиск способов включения в уголовно-процессуальное право принципа правовой определенности. Искомый принцип правовой определенности в исключительных случаях будет ограничен презумпцией истинности. Данный факт определяет целесообразность установления универсальных пределов действий в УПК РФ, что будет способствовать объективному разрешению уголовного дела.

Особенности предварительного расследования. В современных условиях Российская Федерация находится в устойчивой динамике воздействия как положительных, так и отрицательных факторов, что требует для системы предварительного расследования наиболее адекватного реагирования. Правовое регулирование предварительного следствия и регламентация соответствующих процедур максимально связаны с реализацией прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе.

Права личности являются содержанием различных правовых институтов, которые допускают государственное вмешательство. В отдельных положениях УПК РФ, в частности связанных с институтом возбуждения уголовного дела, отсутствуют закрепленные права для отдельных лиц, что напрямую отсекает намерение законодателя предлагать для них какую-либо ответственность. Следует отметить, что уникальность уголовного дела может не совпадать с унифицированными подходами к правосудности и формализации. При этом начальная стадия уголовного процесса возбуждение уголовного дела в Российской Федерации исключительный институт, который отсутствует в других странах.

Доказывание и познание. Доказывание является базовым содержанием уголовного процесса, через функцию содействие выполняются задачи уголовно-процессуальной деятельности, задействующая различных участников. Общая характеристика задействования включает в себя: 1) конкретное целеполагание; 2) адресный характер; 3) правомочия и полномочия. При этом оценка элемента доказывания позволяет выяснить его значение в данном процессе. Доктринальный подход при рассмотрении вопросов доказывания уголовного процесса связан с условиями: 1) сбалансированной автономности; 2) активизация содержания различных приемов; 3) совершенствование правового регулирования; 4) оптимизация правоприменительной практики.

При выявлении сущности истины, которая достигается доказыванием, имеет место спор в научном сообществе на предмет поиска согласованного значения. Научное познание имеет свои явные достижения в уголовно-процессуальном праве, в частности доказывание. Научный подход привносит положительные способы сближения теоретической значимости и практической значимости.

В теории доказывание воспринимается, как самостоятельное явление при этом мысленные представления в ходе данного сложного процесса конкретизируют разные предпосылки оценки источников доказательства. Доказательства как оформленные с требованиями УПК РФ познавательный образ признают фиктивность процессуальных функций и равноправии сторон, в том числе, при собирании и формирования доказательств [2]. Знание об объекте изучения является соответствующим реальности с учетом достигнутых данным субъектом конкретных выводов.

При этом процессуальная форма это больше чем возможность правовой легализации различных доказательственных закономерностей, она способствует балансу средств и методов доказывания с учетом национальных ценностей. Вопрос использования доказательств полученных не процессуальным путем будет не изменено исключаться из любой научно-правовой повестки, даже при рассмотрении оптимальных условий для легализации результатов оперативно-розыскной деятельности. Таким образом, правовое регули-

рование механизма использования в доказывание уголовного процесса результатов оперативно-розыскной деятельности возможно через признание данных результатов в качестве иных источников доказательства.

Оперативно-розыскная деятельность – установление истины. Для уголовного преследования не достаточно профессионально обнаружить посредством оперативно-розыскных мероприятий искомые сведения, существует потребность в оформлении их в целях придачи для органов предварительного расследования. Оперативно-розыскные мероприятия и следственные действия формируют реализацию оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса с учетом волевых усилий и действий субъектов данного процесса посредством установления истины. Оперативно-розыскная деятельность в отличие от уголовного процесса предоставляет возможность выявлять, предупреждать и пресекать все виды криминальных угроз на всех стадиях уголовно-процессуальной деятельности и вне данной деятельности [3]. Следует отметить, что оперативно-розыскная деятельность нуждается в устойчивом совершенствование с учетом современных специальных знаний. При этом попытка включения оперативно-розыскного кодекса в российскую нормативную правовую базу осуществляется достаточное время. Основное положение данного кодекса направлены на легализацию результатов оперативно-розыскной деятельности в ходе доказывания (уголовный процесс). При этом данная тенденция существует на пространстве многих государств – участников СНГ. Однако российское уголовно-процессуальное право максимально далеко от позиций Содружества. В настоящее время данный вопрос находится в устойчивой теоретической обработке, но вмонтировать итоги данных наработок возможно лишь по отношению выбора следственных действий.

Оптимизация и сближение процедур. При определении подходов по оптимизации законодательства следует учитывать практику заимствования их правовых порядков отдельных государств, которые сталкиваются со схожими проблемами. Тенденция изменения участников уголовного процесса связанно: 1) с принципами и требованиями уголовно-процессуального права (принципы это деятельные требования, требования зависят от целей); 2) с оптимизацией и сближением процедур установления обстоятельств, в том числе на законопроектном уровне.

Оптимизация охраны прав и законных интересов личности зависит: 1) от изменения отношений государства и личности; 2) от конкретизации в Конституции и законодательстве Российской Федерации; 3) от совершенствования доктрины и содержания уголовного процесса.

Расширение процессуальных (в том числе, следственных) действий связанно: 1) с надлежащим правовым регулированием; 2) с регламентацией специфики возбуждения уголовного дела; 3) с особенностью предварительной проверки.

Осуществление в ходе возбуждения уголовного дела различных процедур обосновывает с учетом положений УПК РФ принятие итоговых решений в зависимости: 1) от производства предварительной проверки; 2) от оптимизации сроков исполнения; 3) от ограничения процессуального принуждения; 4) гарантий конституционных прав и свобод человека и гражданина. Остается насущным обеспечение безопасности правоохранительной системы, а также резервирование и группирование сил в целях обеспечения предварительного расследования.

Заключение. Сущность уголовного процесса реализация познавательного результата и выполнение, связанное с этой процедурой и различных требований. Причинно-следственная связь уголовного процесса способствует переходу от оценки различных факторов к разрешению барьеров влияющих на скорое рассмотрение детерминантов рассматриваемой деятельности, в том числе, сопутствующей. Нюансы повышения эффективности судебного контроля по уголовным делам в основном связаны с законодательной регламентацией оптимизированной судебно-контрольной процедуры и ее дальнейшей практической реализацией. Внедрение новых технологий в уголовное судопроизводство осуществляется с опережением всех других этапов уголовного процесса в связи с должной системой обеспечения данной безопасности. Уголовный процесс связан с нравственностью и ответственным поведением, в том числе в ходе реализации антикриминальной функции государства. Для реализации данного замысла важны следующие позиции, в частности воспроизводство попыток преодоления уголовному процессу: 1) толкование объективных и правовых положений связанных с реализацией уголовного преследования и уголовного судопроизводства; 2) связь правовых средств и конкретной социальной обстановки; 3) понимание сущности антикриминальной функции государства. Моделирование воспроизводства попыток преодоления уголовному процессу в общем виде включает в себя следующие условие для локализации:

1) преодоление уголовному процессу следует учитывать в современном уголовно-процессуальном праве;

2) автономность обвиняемого и потерпевшего, в том числе в вопросах личного взаимодействия;

3) уголовное судопроизводство должно базироваться на выверенном балансе интересов всех участников уголовного процесса.

4) обеспечение собственного взаимодействия отдельных участников уголовного процесса;

5) поиск и применение дополнительных согласительных процедур;

6) поиск и осуществление дополнительных способов реализации национальной ценности Российской Федерации – гуманизма;

7) поиск и внедрение естественных направлений обеспечения уголовного процесса со стороны отдельных представителей институтов гражданского общества.

Данная локализация на практике будет эффективно реализована при дальнейшем изучении личностно-ориентированных моделей. Устранение выделенных противоречий позволит скорректированному определению сущности и содержания отдельных вопросов, в том числе, в области уголовного преследования. Для законодателя является актуальным и возможно практическое воплощение оптимизации правозащитных и восстановительных процедур в уголовном процессе. Но следует избегать искусственного возвеличивания идей по внедрению в российское уголовно-процессуальное право англо-саксонских аналогов. При этом важна очень осторожная и последовательная оптимизация.

Список литературы:

[1] Антонов И.А., Кодрат И.Н., Сальников В.П. Нравственно-правовые начала уголовного судопроизводства // Мир политики и социологии. 2019. № 6. С. 133–145.

[2] Лазарева В.А. Концепция формирования доказательств в свете принципа состязательности и перспективы ее развития // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2019. № 1 (36). С. 22–27.

[3] Мелихов А.И., Костюченко Н.И. Роль и значение оперативно-разыскной деятельности и уголовного процесса в обеспечении национальной безопасности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. С. 86–93.

Spisok literatury:

[1] Antonov I.A., Kodrat I.N., Sal'nikov V.P. Nravstvenno-pravovye nachala ugolovnogo sudoproizvodstva // Mir politiki i sociologii. 2019. № 6. S. 133–145.

[2] Lazareva V.A. Koncepciya formirovaniya dokazatel'stv v svete principa sostyazatel'nosti i perspektivy ee razvitiya // Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2019. № 1 (36). S. 22–27.

[3] Melihov A.I., Kostyuchenko N.I. Rol' i znachenie operativno-razysknoj deyatel'nosti i ugolovnogo processa v obespechenii nacional'noj bezopasnosti // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2020. S. 86–93.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

НИКОЛАЕВА Юлия Валентиновна,
доктор юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
сектора уголовного права,
уголовного процесса и криминологии
Института государства и права РАН
e-mail: mail@law-books.ru

12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

ЗАЩИТА ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБНОВЛЯЕТСЯ, ПРОБЛЕМЫ ОСТАЮТСЯ

Аннотация. *Статья посвящена анализу уголовной политики в сфере обеспечения прав несовершеннолетних с учетом 23-летнего периода действия УК РФ. Автор исследует теорию и практику охраны несовершеннолетних от преступных посягательств. Подвергая комплексному анализу действующие уголовно-правовые нормы, автор приходит к неутешительному выводу о нарушении законодателем элементарных правил юридической техники, что, несомненно, влияет на эффективность защиты несовершеннолетних.*

Ключевые слова: *уголовная политика, юридическая техника, несовершеннолетний, преступления против несовершеннолетних, безопасность, уголовно-правовая норма, суицид, лицо, достигшее 18-летнего возраста, преступления против половой неприкосновенности.*

NIKOLAEVA Yulia Valentinovna,
Doctor of Law, associate Professor,
leading researcher of the criminal law sectors,
criminal procedure and criminology,
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

12.00.08 – criminal law and criminology; criminal Executive law

PROTECTION OF THE RIGHTS OF MINORS: THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION IS BEING UPDATED, BUT PROBLEMS REMAIN

Annotation. *The article analyzes the criminal policy in the field of ensuring the rights of minors, taking into account the 23-year period of the criminal code of the Russian Federation. The author explores the theory and practice of protecting minors from criminal attacks. Subjecting the current criminal law norms to a comprehensive analysis, the author comes to the disappointing conclusion that the legislator violated the basic rules of legal technique, which undoubtedly affects the effectiveness of the protection of minors.*

Key words: *criminal policy, legal technique, minor, crimes against minors, security, criminal law norm, suicide, a person who has reached the age of 18, crimes against sexual integrity.*

Права ребенка всегда находятся в центре внимания многих международных и национальных документов, а охрана их прав, несомненно, имеет свои особенности. Не случайно еще в 1959 г. ООН приняла Декларацию прав ребенка, которая посвящалась защите прав несовершеннолетних детей.

Вводя в нормотворческий оборот термин «несовершеннолетний», государства не просто устанавливают юридическую границу между несовершеннолетием и совершеннолетием, но и создают тем самым автономную демографическую (возрастную) группу людей - носителей специфических прав и обязанностей. В первую очередь.

это связано с необходимостью особой специальной юридической защиты несовершеннолетних. Возрастные особенности, обусловливающие затруднительную адаптацию несовершеннолетнего к меняющимся условиям жизни, могут быть компенсированы только повышенной правовой защитой лиц, не достигших совершеннолетия. Не случайно одна из задач Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ от 22.03.2017 г. № 520-рв, посвящена именно защите прав несовершеннолетних, созданию условий для формирования достойной жизненной перспективы. Это положение в полной мере можно отнести к политике государства в области охраны интересов несовершеннолетних от преступных посягательств.

Общеизвестно, что дети – это будущее любого государства. И нам небезразлично, в какие руки мы передадим нашу страну, и сумеет ли подрастающее поколение сохранить и приумножить ее богатства. В Российской Федерации нерешенными остается огромное количество проблем, связанных с обеспечением прав несовершеннолетних, что закономерно приводит к мысли о необходимости совершенствования законодательства и о создании действенных механизмов практической реализации принятых законов. Однако в течение последних лет в России сложилась сложная криминальная ситуация. Причин тому множество: это и неустойчивое состояние экономики, передел собственности, и имущественное расслоение общества, и вооруженные конфликты, неуправляемые миграционные процессы, и утрата значительной частью населения жизненных ценностей и ориентиров.

В этих условиях несовершеннолетние, как социальная группа, отличающаяся особой подверженностью негативным воздействиям социума, оказались наиболее уязвимыми и незащищенными и в физическом, и в духовно-психологическом плане. Так же за последние годы в России усилилось внимание ученых, политиков, общественных деятелей и средств массовой информации к проблемам, связанным с положением несовершеннолетних в семье и обществе.

Небольшой жизненный опыт, зависимость от родителей или иных законных представителей приводят к тому, что несовершеннолетний не имеет реальной возможности защищать свои права столь же эффективно, как это может делать взрослый человек. Отсюда возникает необходимость повышенной, по сравнению с другими субъектами права, правовой защиты законных интересов несовершеннолетних. На сегодняшний день уже очевидно, что становление правового демократического государства в России невозможно без реального обеспечения прав и свобод несовершеннолетнего.

Следует отметить, что особую значимость защита прав ребенка приобретает в рамках уголовного права, т.к. именно данный сегмент правовой системы затрагивает отношения, связанные с наиболее значимыми социальными ценностями, такими как жизнь, здоровье, свобода и неприкосновенность личности, ее личных и имущественных прав, что, в свою очередь, предполагает и исключительно серьезные правовые последствия в случае нарушения правовых предписаний в обозначенной сфере. Статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ показывают, что в отношении несовершеннолетних чаще всего совершаются посягательства, связанные с вовлечением их в запрещенные виды деятельности, нарушающие право на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, собственность и др. Несовершеннолетние в возрасте до 14 лет чаще становятся потерпевшими от преступных посягательств, нежели подростки в возрасте от 14 до 17 лет.

К сожалению, в настоящее время в России система защиты прав несовершеннолетних как сферы социальной политики не отвечает потребностям современного правового демократического государства, что предполагает необходимость активизации законодательных мер в данном направлении.

Изменения, вносимые в Уголовный кодекс РФ за более чем 20-летний период его действия, и современное его состояние приводят к общему однозначному выводу: государство озабочено вопросами усиления защиты несовершеннолетних от преступных посягательств. Уголовная политика в этом направлении идет по различным путям. Например, по пути криминализации деяний, учитывая реалии сегодняшнего дня, усиления ответственности за некоторые виды посягательств в отношении несовершеннолетних и т.д.

Так, противодействие алкоголизации подрастающего поколения нашло свое отражение в Федеральном **законе** от 21.07.2011 г. № 253-ФЗ, которым введена ст. 151.1 УК РФ об ответственности за розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции. Федеральным законом от 29.02.2012 г. № 14-ФЗ в ст. 242.1 УК РФ установлена ответственность за изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних, а в ст. 242.2 УК РФ - за использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов. В ст. 240.1 УК РФ Федеральным законом от 28.12.2013

г. № 380-ФЗ установлена ответственность за получение сексуальных услуг несовершеннолетнего. Федеральным законом от 07.06.2017 г. № 120-ФЗ УК РФ дополнен рядом статей, направленных на «сбережение» несовершеннолетних. В их числе: ст. 110.1 («Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»), ст. 110.2 («Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства»), ст. 151.2. («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего»). Примеры можно продолжить.

В Пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» отмечается, что примером такой опасной деятельности являются случаи вовлечения лицами, достигшими 18-летнего возраста, подростков в «трейнсерфинг» (проезд на крыше поезда) или иные виды смертельно опасного «зацепинга», руфинг (незаконное проникновение на крыши высоких зданий) либо в иные занятия, в т.ч. игры по типу «Беги или умри», когда ребенку предлагается перебежать дорогу как можно ближе перед движущимся транспортом.

В социальных сетях найдены примеры, когда публикуются инструкции ЗЦПЧ (зацеперской путевой части), в т.ч. с зацепом для велосипеда с рекомендациями для подростков, интересующихся этим видом смертельно опасной деятельности. По данным МВД России, в 2016 г. было травмировано 253 подростка, из них 117 детей со смертельным исходом (2015 г. - 218 пострадавших детей, из которых 99 с летальным концом). Учитывая, что указанные действия носят латентный характер и часто фиксируются под видом несчастного случая безотносительно факта нарушения правил использования железнодорожного транспорта, приведенные цифры – это лишь «надводная часть айсберга».

Защита детей от информации, побуждающей к суициду и опасному для жизни поведению, относится к одной из задач национальной безопасности и уже является требованием действующего законодательства[1].

Но так ли на самом деле эффективна уголовная политика в сфере обеспечения прав несовершеннолетних? Как известно, эффективность любого нормативного правового акта, в т.ч. и Уголовного кодекса Российской Федерации, зависит не только от деятельности правоприменителя (его профессионализма, высокого уровня правосознания и т.д.). Во многом вопросы эффективности лежат в плоскости качества самого закона. К числу важнейших условий такой эффективности можно отнести соблюдение логических правил в процессе формулирования правовых норм, имея в виду их внутреннюю (частей внутри статьи, статей между собой и т.д.) и внешнюю (между нормами различных нормативных правовых актов) согласованность. Данные проблемы уже неоднократно становились предметом научной дискуссии [1; 2; 3].

Вот лишь некоторые примеры отсутствия такой согласованности. Для удобства восприятия соотнесем их с признаками состава преступления, который, как известно, является единственным основанием уголовной ответственности.

Признаки потерпевшего. Изучение уголовно-правовых норм показывает, что несовершеннолетний потерпевший может быть признан в качестве как конструктивного признака основного состава (например, ст.150, 151, 151.1, 242.1, 242.2 и др. УК РФ), так и квалифицирующего (например, п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «г» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 202 и др. УК РФ), при этом законодатель использует различную терминологию. Например, «новорожденный ребенок» (ст. 106 УК РФ), «в отношении несовершеннолетнего» (например, квалифицированные составы в статьях 110, 110.1 и др. УК РФ), «в отношении заведомо несовершеннолетнего» (например, квалифицированные составы в ст. 117, 126, 127, 202 и др. УК РФ), «несовершеннолетних детей» (ч. 1 ст. 157 УК РФ), «детей» (ст. 357 УК РФ), «не достигшего четырнадцатилетнего возраста» (п. «б» ч. 4 в статьях 131 и 132 УК РФ), «с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста» (например, ч. 1 ст. 135 УК РФ), с лицом, достигшим двенадцатилетнего возраста, но не достигшим четырнадцатилетнего возраста (например, ч. 3 ст. 124 УК РФ), и т.п.

Напомним, что признаки, закрепленные в диспозициях уголовно-правовых норм Особенной части УК РФ, имеют двойное значение – при наличии их совокупности речь идет об основании уголовной ответственности или его отсутствии. Кроме того, исходя из взаимосвязи материальных и процессуальных норм, именно данные признаки представляют собой предмет доказывания и, определенным образом, задают вектор раскрытия и расследования преступления.

Такое разнообразие законодательного закрепления признаков несовершеннолетнего потерпевшего в некоторых случаях возражений не вызывает и допустимо. В частности, когда речь

[1] Текст документа приведен в соответствии с публикацией на сайте http://asozd.duma.gov.ru/ по состоянию на 09.03.2017 г. // «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.07.2020).

идет об убийстве матерью новорожденного ребенка или о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних и др. Однако здесь налицо и проблемная часть – в частности, закрепляя признак потерпевшего, законодатель указывает или, наоборот, не указывает на «заведомость».

В науке уголовного права этот вопрос вызывает острую и справедливую дискуссию. Позиция законодателя в решении данного вопроса не вполне ясна и логична. Налицо законодательная «игра» с данным признаком, имея в виду его изъятие в соответствии с Федеральным законом РФ от 29.02.2012 г. № 14-ФЗ лишь из некоторых составов преступлений, например, п. «б» ч. 2 ст. 127.1, п. «б» ч. 2 ст. 127.2 УК РФ и др. И более позднее включение его же в другие составы, например, п. «б» ч. 2 ст. 230.1 УК РФ «Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте» Федеральным законом от 22.11.2016 г. № 392-ФЗ, которым данное деяние было криминализировано, как преступное.

Не вносит ясности и Верховный Суд РФ. Так, в п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» дана рекомендация следующего содержания: «Применяя закон об уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных статьями 131 - 135 УК РФ, в отношении несовершеннолетних, судам следует исходить из того, что квалификация преступлений по соответствующим признакам (к примеру, по пункту «а» части 3 статьи 131 УК РФ) возможна лишь в случаях, когда **виновный знал или допускал** (выделено нами. – *Ю.В.*), что потерпевшим является лицо, не достигшее восемнадцати лет или иного возраста, специально указанного в диспозиции статьи Особенной части УК РФ»[1]. Полагаем, что подобное разъяснение некоторым образом не только не стыкуется с содержанием интеллектуального и волевого моментов умысла (ст. 25 УК РФ) и принципом вины (ст. 5 УК РФ), но и прямо им противоречат. Раскрывая содержание как прямого, так и косвенного умысла, законодатель четко определяет, что преступление признается совершенным с прямым или косвенным умыслом, если лицо **осознавало** общественную опасность своих действий (бездействия), под которым принято понимать достоверное знание, в данном случае о признаках потерпевшего (потерпевшей), включая и возраст.

Признаки объективной стороны - остановимся лишь на некоторых из них. Федеральными законами от 29.02.2012 г. № 14-ФЗ и от 27.07.2009 г. № 215-ФЗ справедливо была усилена охрана половой неприкосновенности несовершеннолетних. Для этого ст. 133 УК РФ дополнена ч. 2, а ст. 134 и 135 УК РФ усилили охрану несовершеннолетних от различных ненасильственных способов сексуального воздействия в отношении них, путем дифференциации ответственности в зависимости от возраста несовершеннолетнего потерпевшего. Соотношение объективных признаков названных выше составов, показывает, что преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 133 УК РФ, по степени общественной опасности принципиально отличается от преступлений, предусмотренных в ст. 134 и 135 УК РФ. Речь идет о том, что виновный удовлетворяет свое сексуальное желание, если можно так сказать, «преодолевая не хочу несовершеннолетнего» путем шантажа, угрозы уничтожением, повреждением или изъятием имущества либо с использованием материальной или иной зависимости потерпевшего (потерпевшей). В ст. 134 и 135 УК РФ несовершеннолетний потерпевший добровольно соглашается на сексуальные контакты с виновным. Однако законодатель придерживается иного мнения, что нашло непосредственное отражение в санкциях анализируемых норм. Так, в ч. 2 ст. 133 УК РФ максимальное наказание соответствует лишению свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового, в статьях 134 и 135 УК РФ - лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет либо пожизненным лишением свободы. Учитывая положения ст. 15 УК РФ о категориях, преступление, предусмотренное в ст. 133 УК РФ, отнесено к средней тяжести, предусмотренные в ст. 133, 134 УК РФ – как особо тяжкие. Правовые последствия для лиц, их совершивших, принципиально разные.

Определенную озабоченность вызывают преступления, связанные с вовлечением несовершеннолетних в различные запрещенные виды деятельности, и относящиеся к специальным видам подстрекательства, в их числе преступления, предусмотренные ст. 150, 230, 240 УК РФ и т.д. За последние несколько лет были криминализованы самые разные деяния, относящиеся к специальным видам подстрекательства. Напри-

[1] См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Режим доступа: «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2018).

мер, Федеральным законом от 24.07.2002 г. № 103-ФЗ криминализовано деяние «Содействие террористической деятельности» (ст. 205.1 УК РФ), Федеральным законом от 25.07.2002 г. № 112-ФЗ – «Организация деятельности экстремистской организации» (ст. 282.2 УК РФ). В научной литературе уже высказывались критические замечания в адрес законодателя, касающиеся содержательных и технико-юридических недостатков, в т.ч. и данных норм [4; 5; 6]. Проблемным до сих пор остается факт отсутствия и в основном, и в квалифицированных составах данных преступлений законодательного закрепления несовершеннолетнего в качестве потерпевшего.

В части защиты несовершеннолетних от подобного рода воздействия проблемных вопросов здесь видится несколько. Во-первых, возникает ситуация, когда санкции в ч. 1 ст. 205.1, ч. 1.1 ст. 205.1 или ч. 1.1 ст. 282.2 УК РФ УК РФ предусматривает наказание, отличающееся повышенной репрессией, чем в ч. 4 ст. 150 УК РФ. Хотя преступления, в совершение которых вовлекаются склоняемые, во всех анализируемых составах относятся в категории тяжких или особо тяжких. Во-вторых, учитывая правила конкуренции уголовно-правовых норм, действия виновного лица, вовлекающего несовершеннолетнего в запрещенные виды деятельности, подлежат квалификации по ч. 4 ст. 150 УК РФ, со всеми вытекающими отсюда правовыми последствиями, учитывая санкцию и категорию данного преступления.

Подобные примеры, касающиеся законодательных ошибок при описании объективных признаков составов преступлений против несовершеннолетних, можно продолжить.

Не проясняет ситуацию и Верховный Суд РФ в части, касающейся момента окончания вовлечения, трактуя этот вопрос в различных постановлениях по-разному. Так, в одном из них дается разъяснение следующего содержания: «Под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления или совершение антиобщественных действий следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление или антиобщественные действия. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление или антиобщественные действия, разжигания чувства зависти, мести и иных действий (п. 42)»[1]. По сути, Верховный Суд РФ устранил существовавшее ранее противоречие[2] между положениями Общей части УК РФ о подстрекательстве и нормами Особенной части УК РФ о моменте окончания преступлений с признаками специальных видов подстрекательства. Однако до конца существующее противоречие так и не устранено, поскольку сохраняется п. 27 другого постановления Пленума Верховного Суда РФ[3], по которому склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 230 УК РФ) может выражаться в любых умышленных действиях.., совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов лицом, на которое оказывается воздействие. При этом для признания преступления оконченным не требуется, чтобы склоняемое лицо фактически употребило наркотическое средство, психотропное вещество или их аналог.

Еще один проблемный аспект касается фиксации *признаков субъекта*, в частности, в квалифицированных видах преступлений против несовершеннолетних. Признаки несовершеннолетнего потерпевшего отражены, например, в п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «а» ч. 3 ст. 110.1, п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ. Изучение диспозиций данных и других уголовно-правовых норм показало, что лишь в двух случаях (п. «в» ч. 4 ст. 228.1 и ч. 2 ст. 242 УК РФ) законодатель четко закрепляет признаки субъекта – деяния совершены лицом, достигшим 18-летнего возраста. Исходя из специфики ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, мы не учитываем включение признаков субъекта в данные квалифицированные составы.

Подобное неоднородное закрепление признаков свидетельствует о дефектах юридической техники при формулировании признаков субъекта в квалифицированных составах преступлений против несовершеннолетних. Учитывая значение признаков состава преступления как основания уголовной ответственности, можно сделать вывод, что отсутствие четкой унификации заставляет правоприменителя «додумывать» недостающие или избыточные признаки, что, несомненно, влияет на квалификацию преступлений, эффективность правоприменения и защиту несовершеннолетних жертв преступлений. Не проясняет ситуа-

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних».

[2] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 г. № 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» (п. 8).

[3] См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами».

цию и Верховный Суд РФ, обходя многие вопросы в своих постановлениях[1].

Отдельного внимания заслуживают ***санкции норм о преступлениях против несовершеннолетних и практика назначения наказания.*** Вот лишь некоторые позиции, вызывающие недоумение. Федеральным законом от 16.10.2012 г. № 172-ФЗ ч. 1 ст. 73 УК РФ была дополнена положением, запрещающим применять условное осуждение к лицам, осуждаемым за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста. С точки зрения метода правового регулирования данную норму можно отнести к императивной. Статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ[2] свидетельствует об обратном. Наилучшим образом это можно увидеть в таблицах ниже.

Таблица 1

Сведения о применении условного осуждения к лицам, совершившим преступления, предусмотренные ч. 3 ст. 134 УК РФ и ч. 2 ст. 135 УК РФ

Анализируемые показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Осуждены по ч. 3 ст. 134 УК РФ							
Осуждено всего лиц	186	194	241	303	279	296	257
Из них к лишению свободы	149	159	201	255	242	254	221
Осуждено условно к лишению свободы	24	19	21	29	16	21	17
% осужденных условно от осуждено всего	12,90	9,79	8,71	9,57	5,73	7,09	6,61
Осуждены по ч. 2 ст. 135 УК РФ							
Осуждено всего лиц	103	112	97	105	144	179	189
Из них к лишению свободы	88	105	93	99	139	161	167
Осуждено условно к лишению свободы	10	3	0	0	2	7	11
% осужденных условно от осуждено всего	9,70	2,68	0	0	1,38	3,91	5,82

Как известно, задача предупреждения преступлений достигается различными средствами, к числу которых можно отнести и конфискацию имущества. Проблемные вопросы уже становились предметом научной дискуссии [7]. Не останавливаясь на правовой природе указанной меры уголовно-правового воздействия, приведем некоторые статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ[3]. Здесь сразу очертим анализируемый круг преступлений, совершаемых против несовершеннолетних только теми, которые связаны с использованием, втягиванием и т.д. детей в порноиндустрию. Сложно представить, что лица, совершающие такие преступления, помимо достижения иных низменных целей, не преследуют корысть. Так вот, цифры

[1] Мы не обнаружили соответствующего комментария в следующих постановлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних»;постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 03.11.2016) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» и др.

[2] См.: URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362(дата обращения: 20.07.2020).

[3] См.: URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362 (дата обращения: 19.04.2018)

убедительно свидетельствуют, что, несмотря на наличие тенденции к расширению случаев применения конфискации, в целом, она все же не носит массовый характер. Сведения о количестве лиц, в отношении которых применена конфискация, представлены в таблице ниже.

Таблица 2

Сведения о числе осужденных и числе лиц, которым назначена конфискация имущества

Анализируемые показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Осуждено всего лиц по ст. 228-245 УК РФ	114.500	119.816	119.531	109.070	107.800	95.785	81.478
Из них за незаконные действия и нарушение правил обращения с наркотическими средствами, психотропными и сильнодействующими веществами (ст. 228 - 234 УК РФ)	109.167	114.471	114.543	103.671	102.217	90.876	78.284
Конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ) из всего лиц по ст. 228 - 245 УК РФ	124	204	443	645	829	1248	1423
Конфискация имущества (ст. 104.1 УК РФ) из всего лиц по ст. 228 - 234 УК РФ	120	193	434	614	795	1187	1392

Представленные в *табл. 2* данные позволяют предположить, что конфискация не применяется либо применяется крайне слабо к лицам, совершающим преступления против несовершеннолетних и связанных с их использованием в порноиндустрии. В таблице ниже мы представили сведения Судебного департамента при Верховном Суде РФ[1] о числе осужденных за анализируемые преступления, связанные с порноидустрией.

Таблица 3

Сведения о числе осужденных по ст. 240, 241, 242.1 УК РФ

Анализируемые показатели	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Осуждено всего лиц по ст. 240 УК РФ	83	84	102	69	54	80	50
Осуждено всего лиц по ст. 241 УК РФ (включая ст. 241 УК РФ старой редакции)	541	553	390	426	393	371	286
Осуждено всего лиц по ст. 242 УК РФ (число осужденных по данной статье в стар. ред., до ФЗ от 29.02.2012 № 14-ФЗ и с ред. ФЗ от 29.02.2012 № 14-ФЗ)	180	165	166	203	217	246	245
Осуждено всего лиц по ст. 242.1 УК РФ (число осужденных по данной статье в стар. ред., до ФЗ от 29.02.2012 № 14-ФЗ и с ред. ФЗ от 29.02.2012 № 14-ФЗ)	144	181	183	169	197	210	186

[1] Там же.

Сопоставление данных, приведенных в *табл. 2 и 3*, позволяет сделать именно такой вывод: конфискация имущества практически не применяется в отношении лиц, которые растлевают несовершеннолетних, втягивая их в порноиндустрию.

Таким образом, изложенное выше позволяет с уверенностью утверждать, что за более чем 20-летний период существования ныне действующего Уголовного кодекса РФ, уголовная политика идет по пути усиления охраны несовершеннолетних от преступных посягательств. Однако эффективность такой охраны во многом зависит не только от правоприменителя, учитывая принцип разделения властей. И здесь центральное место занимает законодатель. Мы лишь фрагментарно затронули проблемную часть теории и практики охраны несовершеннолетних, ставших жертвами преступлений, ясно лишь одно - назрела острая необходимость в:

– комплексном научном осмыслении проблем охраны несовершеннолетних потерпевших;

– разработке и принятии проекта федерального закона «О внесении изменений в статьи УК РФ о защите прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших».

Пора приводить уголовно-правовые нормы к единообразию и соблюдению требований внутренней и внешней согласованности.

Ведь во многом эффективность достигается путем закрепления в нормативных правовых актах четких, однозначно понимаемых законодательных установлений. Учитывая повышенную репрессивность уголовного закона, его направленность на охрану жизненно важных общественных отношений, это положение приобретает особое значение.

Список литературы:

[1] Кругликов Л.Л., Смирнова Л.Е. Унификация в уголовном праве. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр пресс», 2008 – 312 с.

[2] Николаева Ю.В. Дифференциация ответственности за посягательства на интересы несовершеннолетних в уголовном праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Николаева Юлия Валентиновна; [Место защиты: Росс. ун-т дружбы народов]. – М., 2012. - 63 с.

[3] Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной политики. - М.: Проспект, 2014. - 292 с.

[4] Рарог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lex Russica. - 2017. - № 4. - С. 155–178;

[5] Алиева С.Ю. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности и проблемы противодействия (региональное исследование): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Махачкала, 2014. - С. 11, 27.

[6] Рарог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lex Russica. - 2016. - № 11. - С. 46–60.

[7] Карпов К.Н. Когда не применяется конфискация имущества // Законность. - 2017. - № 12. - С. 36–40.

Spisok literatury:

[1] Kruglikov L.L., Smirnova L.E. Unifikaciya v ugolovnom prave. – SPb.: Izd-vo R. Aslanova «Yuridicheskij centr press», 2008 – 312 s.

[2] Nikolaeva Yu. V. Differenciaciya otvetstvennosti za posyagatel'stva na interesy nesovershennoletnih v ugolovnom prave Rossii: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.08 / Nikolaeva Yuliya Valentinovna; [Mesto zashchity: Ross. un-t druzhby narodov]. – M., 2012. - 63 s.

[3] Babaev M.M., Pudovochkin Yu. E. Problemy rossijskoj ugolovnoj politiki. - M.: Prospekt, 2014. - 292 s.

[4] Rarog A.I. Ugolovnyj kodeks Rossii protiv terrorizma // Lex Russica. - 2017. - № 4. - S. 155–178;

[5] Alieva S. Yu. Vovlechenie nesovershennoletnih v sovershenie prestuplenij terroristicheskoj napravlennosti i problemy protivodejstviya (regional'noe issledovanie): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. - Mahachkala, 2014. - S. 11, 27.

[6] Rarog A.I. Ugolovno-pravovye pozicii zakonodatelya i pravoprimenitelya // Lex Russica. - 2016. - № 11. - S. 46–60.

[7] Karpov K.N. Kogda ne primenyaetsya konfiskaciya imushchestva // Zakonnost'. - 2017. - № 12. - S. 36–40.

КУЛАЖНИКОВ Вадим Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры государственно-правовых и
гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института МВД России,
e-mail: kulazh@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА: ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО ПРАВА

Аннотация. *Статья посвящена вопросам международно-правового регулирования противодействия финансированию терроризма. Автор рассматривает международно-правовые акты в области противодействия финансированию терроризма. Исследуется национальное законодательство и правоприменительная практика в данной области. Предлагаются меры по совершенствованию уголовно-правовых норм об ответственности за финансирование терроризма.*

Ключевые слова: *терроризм, террористическая деятельность, противодействие терроризму, финансирование терроризма, национальная безопасность, международное право, уголовное право.*

KULAZHNKOV Vadim Vladimirovich,
PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of State Law and Civil Law Disciplines
of theVladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of Russia

COUNTERTING THE FINANCING OF TERRORISM: PROBLEMS OF INTERNATIONAL AND RUSSIAN LAW

Annotation: *The article is devoted to the issues of international legal regulation of countering the financing of terrorism. The author examines international legal acts in the field of countering the financing of terrorism. The national legislation and law enforcement practice in this area is studied. Measures are proposed to improve the criminal law provisions on liability for the financing of terrorism.*

Key words: *terrorism, terrorist activity, countering terrorism, financing of terrorism, national security, international law, criminal law.*

На сегодняшний день крайне актуальным является укрепление международного сотрудничества в поддержании законности и правопорядка на основе верховенства права [11, с. 183]. Мир и безопасность на Планете в значительной степени зависят от того, насколько усилия мирового сообщества, направленные на предотвращение, пресечение и наказание терроризма и любых форм его финансирования, окажутся эффективными не только на международном, но и на внутригосударственном уровнях. Важно осознавать, что современная тенденция распространения терроризма по всему миру ставит все новые задачи в сфере разработки и внедрения инновационных методов противодействия терроризму как комплексному явлению [10, с. 43].

Организация Объединенных наций (далее – ООН) активизировала деятельность по борьбе с преступлениями террористической направленности в 1972 г., учредив первый Специальный комитет по международному терроризму, при содействии которого 6 декабря 1994 г. была принята Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма [1], предписывающая государствам выполнять свои обязательства по Уставу ООН и другим положениям международного права в отношении борьбы с международным терроризмом для скорейшей и окончательной его ликвидации (п. 5). Программным международным нормативным правовым актом, ориентированным на противодействие финансированию терроризма, является Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, принятая ООН 9

декабря 1999 г. [3] (далее – Конвенция о борьбе с финансированием терроризма), устанавливающая обязанность государств-ее участников принимать такие меры, какие могут оказаться необходимыми, в том числе, в соответствующих случаях в области внутреннего законодательства, для обеспечения того, чтобы преступные деяния, подпадающие под действие настоящей Конвенции, ни при каких обстоятельствах не подлежали оправданию по каким бы то ни было соображениям (ст. 6).

Конвенция о борьбе с финансированием терроризма также обязывает государства, признающие ее, принимать в соответствии с принципами своего внутреннего права необходимые меры для того, чтобы определить, обнаружить, заблокировать или арестовать любые средства, используемые или выделенные в целях финансирования терроризма (ст. 8).

В Конвенции о борьбе с финансирование терроризма разработан комплекс мер, направленных на расширение сотрудничества государств в анализируемой области, среди которых:

1) изменение, при необходимости, их внутреннего законодательства для воспрепятствования или противодействия подготовке в пределах их соответствующих территорий к совершению этих преступлений на их территории или за ее пределами (ч. 1 ст. 18);

2) принятие мер по наблюдению за работой всех агентств, осуществляющих денежные переводы, а также по выявлению или отслеживанию физического перемещения наличных средств и оборотных документов на предъявителя через границу (п. «а», «б» ч. 2 ст. 18);

3) обмен точными и проверенными данными в соответствии с их внутренним законодательством и координации административных и других мер, принимаемых, когда это необходимо, в целях предупреждения совершения терроризма и его финансирования (ч. 3 ст. 18);

4) обмен информацией через Международную организацию полиции (Интерпол) (ч. 4 ст. 18);

5) направление государством-участником, в котором предполагаемый преступник подвергается уголовному преследованию, сообщения в соответствии со своим внутренним законодательством или применимыми процедурами об окончательных результатах разбирательства Генеральному секретарю ООН, который направляет эту информацию другим государствам-участникам (ст. 19);

6) оказание государствами-участниками максимальной помощи друг другу в связи с уголовными расследованиями, уголовным преследованием или процедурами выдачи в связи с преступлениями, признаваемыми финансированием терроризма (ст. 12).

Регулируются нормами международного права и иные вопросы взаимной правовой помощи или выдаче в целях борьбы с терроризмом [2]. Следует признать, что в настоящее время противодействие финансированию терроризма является «одной из наиболее актуальных стратегических задач, стоящих как перед Россией, так и перед всем цивилизованным миром» [8, с. 3]. Исследователи констатируют, что опыт мирового сообщества по борьбе с террористической деятельностью показывает, что именно финансовая самодостаточность терроризма является одной из наиболее острых проблем, возникающих при противодействии ему со стороны правоохранительной системы [9, с. 71].

Российская Федерация демонстрирует приверженность расширению сотрудничества борьбе с терроризмом, в т.ч. с его финансированием, принимая активное участие в деятельности международных организаций, ратифицируя соответствующие конвенции и соглашения, а также имплементируя их положения национальным законодательством. Подобная позиция нашего государства была убедительно продемонстрирована в процессе разработки и принятия Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 14 июня 2001 г. [4] (далее – Шанхайская конвенция). Одним из программных положений Шанхайской конвенции по праву может быть отмечено отраженное в п. 5 ст. 6 принятие на себя обязанности государствами - ее участниками по принятию мер, направленных на предупреждение, выявление и пресечение финансирования, поставок вооружения и боеприпасов, оказания иного содействия любым лицам и (или) организациям для совершения деяний, признаваемых актами терроризма, сепаратизма или экстремизма.

Принятие Российской Федерацией обязательств перед мировым сообществом по противодействию террористической деятельности послужило побудительным мотивом признания финансирования терроризма уголовно-противоправным деянием, направленным против общественной безопасности. В Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ 5 октября 2009 г. повышение уровня финансирования террористической деятельности и материально-технической оснащенности террористических организаций было отмечено в качестве одной из основных тенденций современного терроризма (пп. «е» п. 1) [7]. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) в ч. 4 ст. 205.1 устанавливает ответственность за финансирование терроризма, наравне с

совершением преступлений террористической направленности или руководством их совершением [5]. При этом под финансированием терроризма, согласно примечанию к ст. 205.1 УК РФ, понимается:

– предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения хотя бы одного из преступлений (статьи перечислены в примечании);

– предоставление или сбор средств для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из перечисленных преступлений;

– предоставление или сбор сред для обеспечения организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), созданных или создаваемых для совершения хотя бы одного из преступлений, перечисленных в данной части приложения [5].

За финансирование терроризма УК РФ предусмотрены суровые меры наказания – лишение свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет или пожизненное лишение свободы [5].

Уголовная ответственность за финансирование терроризма – ответная реакция государства на совершение данного преступления, реализуемая в рамках уголовно-правовых охранительных отношений, в то же время с полной ответственностью можно утверждать, что противодействие данному преступлению наиболее эффективно до его совершения, т.е. в форме превенции. С целью противодействия финансированию терроризма, по мнению автора, следует, прежде всего, расширить перечень мер, указанных в ст. 4 Федерального закона от 7 июля 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» [6], включив в этот перечень такую форму финансового мониторинга, как контроль за движением денежных средств посредством обезличенных переводов, вплоть до полной идентификации участников электронных платежей или запрета банковских операций с анонимными лицами. На целесообразность введения данной меры указывают, в частности, С.Ю. Богомолов [8, с. 198], В.В. Ульянова [12, с. 9].

Представляется, что и уголовное законодательство Российской Федерации не должно оставаться в стороне от проблем усиления ответственности за финансирование терроризма, повлекшее наступление реальных последствий. Для достижения подобного правового положения (прежде всего, в контексте соответствия международным нормам) следует дополнить ст. 205.1 УК РФ ч. 5 следующего содержания: «5. Финансирование международного терроризма» с указанием на подлежащие применению виды наказания. Правовая основа противодействию финансированию терроризма, представленная в национальном законодательстве подобным образом, будет соответствовать международной доктрине и правовым мирового сообщества установкам в борьбе с терроризмом.

Список литературы:

[1] Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма. Принята Резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1994 // Действующее международное право. Т. 3. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 90–94.

[2] Конвенция о взаимной правовой помощи и выдаче в целях борьбы с терроризмом. Принята на пятой Конференции министров юстиции франкоязычных стран Африки 16.05.2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://un.org (дата обращения: 31.07.2020).

[3] Международная Конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма. Принята Резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9.12.1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://eurasiangroup.org/ru/restricted/international_conv.pdf (дата обращения: 31.07.2020).

[4] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14.06.2001 // Собрание законодательства РФ. 13.10.2003. № 41. Ст. 3947.

[5] Уголовный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 31.07.2020).

[6] Федеральный закон от 07.08.2001 №115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (в ред. от 20.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 31.07.2020).

[7] Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 05.10.2009 // Российская газета. № 198. 20.10.2009.

[8] Богомолов С.Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. … канд. юрид. наук. – Н.–Новгород, 2016. – 253 с.

[9] Вахрушев Г.Е. Международно-правовое регулирование противодействия финансирова-

нию терроризма // Бизнес в законе. 2013. № 3. – С. 65–71.

[10] Павшукова А.Ю. Международно-правовые аспекты регулирования борьбы с финансированием терроризма [Электронный ресурс] // Оригинальные исследования (ОРИС). 2020. Т. 10. № 7. – С. 36–45. – Режим доступа: URL: http://www.ores.su original-research.ru (дата обращения: 31.07.2020).

[11] Рыжов В.Б. Международная преступность: понятие, доктринальное и правовое обоснование методов противодействия ей на современном этапе // Образование и право. 2018. № 4. – С. 183–192.

[12] Ульянова В.В. Противодействие финансированию терроризма: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2010. – 184 с.

Spisok literatury:

[1] Deklaraciya o merah po likvidacii mezhdunarodnogo terrorizma. Prinyata Rezolyuciej 49/60 General'noj Assamblei OON ot 09.12.1994 // Dejstvuyushchee mezhdunarodnoe pravo. T. 3. – M.: Moskovskij nezavisimyj institut mezhdunarodnogo prava, 1997. – S. 90–94.

[2] Konvenciya o vzaimnoj pravovoj pomoshchi i vydache v celyah bor'by s terrorizmom. Prinyata na pyatoj Konferencii ministrov yusticii frankoyazychnyh stran Afriki 16.05.2008 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://un.org (data obrashcheniya: 31.07.2020).

[3] Mezhdunarodnaya Konvenciya OON o bor'be s finansirovaniem terrorizma. Prinyata Rezolyuciej 54/109 General'noj Assamblei OON ot 9.12.1999 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://eurasiangroup.org/ru/restricted/international_conv.pdf (data obrashcheniya: 31.07.2020).

[4] Shanhajskaya konvenciya o bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom ot 14.06.2001 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 13.10.2003. № 41. St. 3947.

[5] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii / Federal'nyj zakon ot 13.06.1996 № 63-FZ (v red. ot 31.07.2020) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 31.07.2020).

[6] Federal'nyj zakon ot 07.08.2001 №115-FZ «O protivodejstvii legalizacii (otmyvaniyu) dohodov, poluchennyh prestupnym putem, i finansirovaniyu terrorizma» (v red. ot 20.07.2020) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 31.07.2020).

[7] Koncepciya protivodejstviya terrorizmu v Rossijskoj Federacii, utverzhdennaya Ukazom Prezidenta RF ot 05.10.2009 // Rossijskaya gazeta. № 198. 20.10.2009.

[8] Bogomolov S.YU. Otvetstvennost' za finansirovanie terrorizma: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie: dis. … kand. yurid. nauk. – N.–Novgorod, 2016. – 253 s.

[9] Vahrushev G.E. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie protivodejstviya finansirovaniyu terrorizma // Biznes v zakone. 2013. № 3. – S. 65–71.

[10] Pavshukova A.Yu. Mezhdunarodno-pravovye aspekty regulirovaniya bor'by s finansirovaniem terrorizma [Elektronnyj resurs] // Original'nye issledovaniya (ORIS). 2020. T. 10. № 7. – S. 36–45. – Rezhim dostupa: URL: http://www.ores.su original-research.ru (data obrashcheniya: 31.07.2020).

[11] Ryzhov V.B. Mezhdunarodnaya prestupnost': ponyatie, doktrinal'noe i pravovoe obosnovanie metodov protivodejstviya ej na sovremennom etape // Obrazovanie i pravo. 2018. № 4. – S. 183–192.

[12] Ul'yanova V.V. Protivodejstvie finansirovaniyu terrorizma: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. – Ekaterinburg, 2010. – 184 s.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «**ЮРКОМПАНИ**» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ХАРАБАРА Иван Витальевич,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета,
e-mail: peter_12342@mail.ru

СТАДИИ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В АСПЕКТЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. *Автор ставит задачу представить уголовно-правовую оценку стадий совершения преступлений в аспекте уголовно-правовых отношений. В статье рассмотрено понятие «уголовная ответственность». Определены признаки состава преступления и отграничение уголовной ответственности от смежных нарушений. Представлены критерии общественной опасности.*

Ключевые слова: *уголовно-правовые отношения, стадии преступлений, уголовный процесс, уголовное право, преступность.*

KHARABARA Ivan Vitalievich,
Post-Graduate Student, Department of Criminal Law Disciplines,
Institute of Social and Humanitarian Education,
Moscow Pedagogical State University

STAGES OF THE CRIME IN THE CONTEXT OF CRIMINAL LAW RELATIONS

Annotation. *The author sets the task of presenting a criminal legal assessment of the stages of committing crimes in the aspect of criminal law relations. The article deals with the concept of "criminal responsibility". The features of the corpus delicti and the delimitation of criminal liability from violations have been determined. A recognized hazard is presented.*

Key words: *criminal law relations, stages of crimes, criminal procedure, criminal law, crime.*

На протяжении истории человека не всегда понимание стадий совершения преступления было таким, как изложено в настоящем уголовном кодексе. Науке уголовного права известны различные позиции относительно наименования и количества стадий преступления. Так, например, высказывались мнения относительно Уголовного Кодекса РСФСР 1960 г. Отдельные правоведы признавали стадиями преступления исполнение состава преступления и наступление преступных последствий. Но такая точка зрения подверглась жесткой критике. Либо, в Уложении о наказаниях 1845 г. ст. 241 устанавливала уголовную ответственность за замышление преступления. Отечественная наука уголовного права отвергла такой принцип и установила, что сформирование умысла, как не объективированный вовне психологический процесс, не может быть предметом уголовно-правовых отношений [12]. Эволюция вопроса понимания стадий преступлений, взгляды правоведов по этой теме весьма интересны для исследования и могут, бесспорно, вызвать интерес у заинтересованного читателя.

Преступное поведение, по своему содержанию отличается от непреступного. Цели, мотивы, принятие решения направлены на совершение общественно опасного деяния. Они формируют вину - умысел либо неосторожность, как психическое отношение к общественно опасному деянию [11]. В умышленных преступлениях появление намерения совершить преступление именуется формированием умысла, замышлением преступления. В действительности формирование умысла (злоумышление), не может быть предметом уголовно-правовых отношений. Общепризнанный принцип уголовного права гласит: «мысли ненаказуемы». Безнаказанность формирования умысла проистекает и в т.ч. из конституционного права свободы мыслей и убеждений [1]. По тем же основаниям не имеет уголовно-правового значения обнаружение умысла в словах, письменно. В самом по себе обнаружении умысла не содержится никакой общественной опасности. Часто такое обнаружение даже мешает исполнению задуманного, ибо намерение «злоумышленника» становится достоянием третьих лиц [5].

Преступление как разновидность поведения человека содержит все признаки такого поведения. Оно протяженно во времени и пространстве, обладает всеми психофизиологическими и психическими признаками поведения личности. Физическому действию либо воздержанию от него (бездействию) предшествует психологический процесс, связанный с мотивацией, установлением цели и принятием решения. Он побуждает лицо к физическому действию (бездействию), выступает причиной деяния. Принятие решения - совершать или не совершать определенное деяние - является конечным итогом механизма мотивации и установления цели [8].

Уголовно-правовое значение имеют лишь стадии умышленного преступления. Конечно, неосторожные преступления также имеют протяженность во времени. Однако ввиду того, что неосторожные поступки до наступления последствий в уголовно-правовом отношении нейтральны, о стадиях их совершения говорить не приходится [5].

Изложенное позволяет сделать ряд заключений: а) сформирование умысла на совершение преступления находится вне пределов уголовно-правовых отношений; б) обнаружение умысла не есть стадия совершения преступления; в) обнаружение умысла нельзя смешивать с угрозой совершения преступления, подстрекательством к совершению преступления или призывами и иными «словесными» преступлениями, предусмотренными в уголовном законе. Стадии совершения преступления - это этапы, которые проходит преступление в своем развитии от начала (подготовительных действий) до конца (наступление общественно опасных последствий). Стадии отличаются между собой характером совершаемых действий (бездействия) и степенью выполнения преступного замысла [9].

Первой стадией совершения преступления являются приготовительные действия, которые создают условия совершения преступления. Это приобретение орудий и средств преступления, создание группы, разработка плана, изучение обстановки последующего совершения преступления, слежка за потерпевшим и другие действия. Чем тяжелее и сложнее преступления, тем основательнее, как правило, приготовительные к нему действия [13].

Создав необходимые условия, субъект переходит ко второй стадии совершения преступления - к исполнению состава преступления. Он приступает к тем действиям (бездействиям), которые входят в объективную сторону соответствующих составов преступлений. Они указаны в диспозициях соответствующих норм Уголовного кодекса РФ [2]. Так, субъект скупает и перепродает товары при спекуляции, изымает имущество при хищении, наносит телесные повреждения при убийстве. Именно эти действия составляют причину преступных последствий, они порождают их с неизбежностью в силу их социально правовой сущности. Эта стадия исполнения состава преступления является решающей для достижения преступного результата, достижения цели мотивированной и умышленной преступной деятельности [6]. Так, совершая приготовления, виновный создает условия для совершения преступления, в то время как в момент покушения он начинает непосредственно выполнять объективную сторону преступления [9]. Приготовлением к преступлению признаются любые способы умышленного создания виновным условий для совершения преступления [4]. Покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от виновного обстоятельствам [10].

Оконченное преступление имеет место в тех случаях, когда в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного статьей Особенной части Уголовного кодекса РФ [2]. Уголовно-правовое значение имеют стадии лишь умышленного преступления. Неосторожные поступки до наступления вредных последствий в уголовно-правовом отношении нейтральны, так как не создают общественной опасности, стадии их совершения не криминализируются Уголовным кодексом РФ [2]. Разные стадии характеризуются разной степенью общественной опасности. Стадии совершения преступления - это существенно различающиеся между собой этапы осуществления преступления, движимого прямым умыслом. Значение стадий совершения преступления заключается в определении квалификации преступления, его степени общественной опасности.

Характерным для приготовительных действий является то, что они: 1) лишь создают условия для совершения преступления; 2) не создают непосредственной угрозы объекту уголовно-правовой охраны; 3) прерываются вынужденно, по причинам, не зависящим от воли виновного. Состав приготовления к преступлению имеет самостоятельную уголовно-правовую оценку и особенности по сравнению как с составом оконченного преступления, так и с составом покушения на преступление. Эта специфика относится к объективным признакам и субъективной стороне приготовительных действий.

- при приготовлении к преступлению отсутствует непосредственное воздействие на объект задуманного преступления. Например, вор приоб-

рел отмычки для того, чтобы совершать кражи из квартир. Объектом будущей кражи является собственность, однако приобретение орудия преступления еще не означает непосредственного воздействия на такой охраняемый уголовным законом объект, как собственность [14].

- любые приготовительные к преступлению действия образуют объективную сторону приготовления к преступлению, однако они не входят в объективную сторону готовящегося преступления. Например, лицо в целях совершения грабежей приобретает огнестрельное оружие. Объективную сторону грабежа будет составлять насильственное лишение собственности другого человека. Приобретение огнестрельного оружия не образует объективной стороны грабежа. Таким образом, состав приготовления к преступлению характеризуется собственной самостоятельной объективной стороной [9]. Субъективная сторона приготовления характеризуется только прямым умыслом, ведь приготовление - это целенаправленна деятельность. Лицо сознает, что оно совершает приготовительные действия в любой форме, предвидит, что с их помощью совершит преступление, и желает их совершения. Неосторожное создание условий для совершения преступления приготовлением не признается. Приготовление к совершению преступления следует отличать от обнаружения умысла. Обнаружение умысла представляет собой проявление во вне (словесно, письменно или иным путем) намерения совершить конкретное преступление. Здесь еще нет общественно опасных действий. Поэтому обнаружение умысла не признается стадией совершения преступления. Приготовление же характеризуется не только намерением совершить преступление, но и определенными конкретными действиями. Создающими условия для последующего совершения преступления.

С объективной стороны приготовление к преступлению характеризуется также тем, что оно может быть совершено только путем действия. Так как Уголовный кодекс перечисляет лишь активные формы данной стадии совершения преступления. Ни одна из этих форм преступного поведения не может быть осуществлена путем бездействия.

Специфика объективной стороны состоит в том, что преступление при этом не было доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам. В этом случае нужно обратить внимание на два момента:

- приготовительные действия не должны образовывать самостоятельное оконченное преступление;

- необходимо, чтобы преступная деятельность лица по подготовке задуманного лицом преступления не была доведена до конца именно по независящим от лица обстоятельствам. То есть преступная деятельность была прервана не по воле виновного [9].

Анализ нормы позволяет выделить признаки приготовления:

Во-первых, приготовление - самый «ранний» вид совершения преступления, его специфика состоит в том, что, по существу, оно не ставит в непосредственную опасность объект посягательства, а создает условия для совершения преступления в последующем. То есть эти действия отделены от совершения преступления промежутком времени или расстоянием [15].

Во-вторых, следующий характерный признак - преступление не доводится до конца по не зависящим от виновного обстоятельствам (возникли дополнительные трудности, усилена охрана, попал в поле зрения работников милиции).

Следует отличать приготовление от незначительного создания условий для совершения преступления. Так, покупка сумки, в которой виновный намеревается унести похищенное, не представляет реальной общественной опасности, в силу чего признается малозначительным. В законе дан примерный перечень действий виновного лица, составляющих объективную сторону приготовления к преступлению. Это:

а) приискание средств или орудий совершения преступления - получение в распоряжение любым способом (покупка, получение в долг, возврат долга, находка, хищение, обмен и тому подобное).

б) изготовление орудий или средств совершения преступления - полное видоизменение предмета, когда он теряет старые свойства и приобретает новые (виновный вытачивает нож из напильника, при этом предмет теряет свойства напильника и приобретает свойства ножа).

Законодатель под средствами подразумевает предметы материального мира, применяемые для совершения задуманного преступления, а также приспособления, облегчающие его реализацию (транспортные средства, чтобы скрыться от преследования, снотворное, чтобы усыпить жертву, поддельные документы, чтобы совершить хищение). Под орудиями понимаются любые предметы, которыми исполняется задуманное преступление и с помощью которых непосредственно причиняются общественно опасные последствия (огнестрельное и холодное оружие, взрывчатые вещества, взрывные устройства, простые бытовые предметы) [8]. Отличие средств от орудий заключается в том, что орудие используется в процессе непосредственного осуществления преступления, тогда как средство — на стадии создания условий для совершения преступления

с тем, чтобы облегчить его реализацию [8]. Некоторые правоведы отождествляют средства и орудия совершения преступления. В конкретной ситуации одна и та же вещь может быть либо орудием, либо средством совершения преступления. Например, субъект использовало лом в качестве средства, чтобы открыть гараж. Открыв гараж, субъект обнаружил в нем его хозяина и убил его ломом, использовав его как орудие преступления.

Под изготовлением понимается технологический процесс создания средств и орудий преступления. Причем, изготовление может производиться как промышленным, так и кустарным способом (поддельные документы, оружие). В отличие от приспособления, в данном случае указанные средства и орудия создаются заново. Разумеется, замысел виновного на их использование в конкретных преступных целях должен возникнуть заранее — только в этом случае изготовление средств и орудий можно рассматривать в качестве стадии преступления [9].

в) приспособление орудий или средств преступления - частичное изменение предмета, делающее его более пригодным для совершения преступления (изготовление обреза из охотничьего ружья в целях совершения разбойного нападения). Сговор на совершение преступления предполагает, что два и более лица, достигших возраста уголовной ответственности, договариваются совместно совершить одно или несколько преступлений [7]. Сговор касается преступления в целом, а не отдельных его деталей по сокрытию, допустим, следов преступления, транспортировке и сбыту похищенного и тому подобное. Признаками, позволяющими отнести сговор к приготовлению, можно назвать:

1) цели объединения двух и более лиц для совершения одного или нескольких преступлений, отнесенных законодателем к тяжким или особо тяжким;

2) сговор должен состояться до начала выполнения объективной стороны конкретного состава преступления;

3) подготовительная преступная деятельность прервана помимо воли виновных.

е) иное умышленное создание условий для совершения преступления может проявляться в разнообразных действиях. Например, разработка плана совершения преступления, заблаговременное создание условий для совершения преступления (отключение электроэнергии или сигнализации на объекте), подбор соучастников и распределение между ними ролей и др. Главный смысл этих действий в том, что они делают в последующем реально возможным преступление [6].

В теории и в судебной практике выделяют несколько видов покушений: оконченное, неоконченное, и негодное покушение. Основанием для их выделения выступает степень завершенности действий, выполненных виновным, их близость к моменту окончания преступления [3]. Покушение негодным способом: виновный применяет методы, путем использования которых совершить преступление невозможно. Например, вместо того, чтобы ввести яд в кровь потерпевшего, насыпает его на кожу, что не причиняет существенного вреда. В уголовно-правовой литературе иногда говорится о покушении на нереальный или не существующий объект. Примером такому покушению можно привести следующую ситуацию. Убийца совершает несколько выстрелов потерпевшего, полагая, что это он и есть. Но в конечном итоге выясняется, что убийца производил выстрелы в муляж (куклу). Или, например, лицо похищает предметы, полагая, что они имеют особую ценность, но каковыми в действительности не являются.

Так, преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного конкретной нормой Особенной части Уголовного кодекса РФ [2]. В отличие от неоконченного, оконченное преступление характеризуется полным соответствием содеянного указанным в законе объективным и субъективным признакам [16]. Важно отметить, что стадии совершения умышленного преступления имеют значение для квалификации содеянного в случае, окончено либо не окончено преступление, а если не окончено, то на какой стадии было прервано - приготовительных действий либо исполнения объективной стороны состава. При этом следует учитывать, что каждая предшествующая стадия совершения преступления поглощается последующей и самостоятельного квалификационного значения не имеет.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. – М.: Юридическая литература, 2014. – 63 с.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] // http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.06.20200).

[3] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ахметшин Х.М., Дубовик О.Л.,ДьяковС.В.идр./Под общ. ред. Ю.И. Скуратова и В.М. Лебедева. – 3. изд., изм. и доп. – М.: НОРМА: ИНФРА– М, 2001. – 880 с.

[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Арендаренко А.В., Афанасьев Н.Н., Батюкова В.Е., Ветров Н.И. и др. – М.: Проспект, 1997. – 760 с.

[5] Бурчак Ф.Г. Квалификация преступлений. – Киев, Юринком, 1995. – 208 с.

[6] Войтус Н.К., Ева Р.С. Уголовное право: Учебное пособие. – М., Высшее образование, 1999.

[7] Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. – М.: Госюриздат, 1959. – 255 с.

[8] Караулов В.Ф. Стадии совершения преступления. – М.: ВЮЗИ, 1982. – 59 с.

[9] Кругликов Л.Л., Савинов В.Н. Квалифицирующие обстоятельства: понятие, виды, влияние на квалификацию преступлений. – Ярославль: Изд– во ЯрГУ, 1989. – 88 с.

[10] Российское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. – М.: Спарк, 1997. – 454 с.

[11] Советское уголовное право. Общая часть: Учебник / Под. ред. Беляева Н.А., Ковалева М.Н. – М.: Юридическая литература, 1977. – 544 с.

[12] Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления. М.: Госюриздат, 1957. – 364 с.

[13] Уголовное право. Общая часть: Учебник / Отв. ред. И.Я. Козаченко. — 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – 720 с.

[14] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / Афиногенов С.В., Ермакова Л.Д., Здравомыслов Б.В., Караулов В.Ф., и др.; Отв. ред.: Здравомыслов Б.В. – М.: Юристъ, 1996. – 509 с.

[15] Учебник уголовного права / Под ред. Кудрявцева В.Н. и Наумова А.В. – М.: Спарк, 1996. – 412 с.

[16] Якубов В.С. Время совершения преступления // Российская юстиция. 1997. № 8. – С. 35–36.

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii ot 12 dekabrya 1993 g. – M.: Yuridicheskaya literatura, 2014. – 63 s.

[2] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs] // http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 12.06.20200).

[3] Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Ahmetshin H.M., Dubovik O.L., D'yakov S.V. i dr. / Pod obshch. red. YU.I. Skuratova i V.M. Lebedeva. – 3. izd., izm. i dop. – M.: NORMA: INFRA– M, 2001. – 880 s.

[4] Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii / Arendarenko A.V., Afanas'ev N.N., Batyukova V.E., Vetrov N.I. i dr. – M.: Prospekt, 1997. – 760 c.

[5] Burchak F.G. Kvalifikaciya prestuplenij. – Kiev, YUrinkom, 1995. – 208 s.

[6] Vojtus N.K., Eva R.S. Ugolovnoe pravo: Uchebnoe posobie. – M., Vysshee obrazovanie, 1999.

[7] Grishaev P.I., Kriger G.A. Souchastie po ugolovnomu pravu. – M.: Gosyurizdat, 1959. – 255 s.

[8] Karaulov V.F. Stadii soversheniya prestupleniya. – M.: VYUZI, 1982. – 59 s.

[9] Kruglikov L.L., Savinov V.N. Kvalificiruyushchie obstoyatel'stva: ponyatie, vidy, vliyanie na kvalifikaciyu prestuplenij. – YAroslavl': Izd– vo YArGU, 1989. – 88 s.

[10] Rossijskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': Uchebnik / Pod red. V.N. Kudryavceva i A.V. Naumova. – M.: Spark, 1997. – 454 s.

[11] Sovetskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': Uchebnik / Pod. red. Belyaeva N.A., Kovaleva M.N. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1977. – 544 s.

[12] Trajnin A.N. Obshchee uchenie o sostave prestupleniya. M.: Gosyurizdat, 1957. – 364 s.

[13] Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast': Uchebnik / Otv. red. I.Ya. Kozachenko. — 4-e izd., pererab. i dop. – M.: Norma, 2008. – 720 s.

[14] Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Obshchaya chast': Uchebnik / Afinogenov S.V., Ermakova L.D., Zdravomyslov B.V., Karaulov V.F., i dr.; Otv. red.: Zdravomyslov B.V. – M.: Yurist», 1996. – 509 c.

[15] Uchebnik ugolovnogo prava / Pod red. Kudryavceva V.N. i Naumova A.V. – M.: Spark, 1996. – 412 s.

[16] Yakubov V.S. Vremya soversheniya prestupleniya // Rossijskaya yusticiya. 1997. № 8. – S. 35–36.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России,
e-mail: G.Maystrenko@yandex.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ, ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ ИЛИ СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ

Аннотация. *В статье анализируются современные научно-практические проблемы уголовной ответственности за незаконное задержание, заключение под стражу и содержание под стражей, рассматриваются вопросы об обстоятельствах отягчающих данную ответственность и факторы, которые могут послужить основанием освобождения от нее.*

Ключевые слова: *права человека, неприкосновенность личности, задержание, арест, заключение под стражу, подозреваемый, уголовная ответственность, международные стандарты.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,
PhD in Law, Senior Researcher of Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR UNLAWFUL DETENTION, DETENTION OR DETENTION

Annotation. *The article analyzes modern scientific and practical problems of criminal liability for illegal detention, remand in custody and remand in custody, discusses the circumstances that aggravate this responsibility and the factors that can serve as the basis for exemption from it.*

Key words: *human rights, personal inviolability, detention, arrest, detention, suspect, criminal responsibility, international standards.*

При исследовании правовых аспектов соблюдения прав и свободы человека и гражданина, экспертным сообществом проводится анализ международных и национальных правовых актов. В правовом положении личности, регулируемом нормами международного права и внутренним законодательством, особое место занимает ее неприкосновенность (inviolability of person) как особое состояние, гарантирующее защиту ее от задержания или заключения под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом [7] (далее – УПК РФ).

Право каждого человека на свободу и личную неприкосновенность определено во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. (ст. 3) [1], в Международном пакте о гражданских и политических правах от 12 декабря 1966 г. (ст. 9) [2], и Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (ст. 5) [3]. Специализированным международным нормативно-правовым документом, защищающим личность от незаконного и необоснованного задержания или заключение под стражу, является Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме принятого 9 декабря 1988 г. [4] (далее – Свод принципов). Данным документом устанавливается, что арест, задержание или заключение под стражу осуществляются только в строгом соответствии с положениями закона и осуществляется компетентными должностными лицами или лицами, уполномоченными законом для этой цели (Принцип 2).

В уголовном судопроизводстве с целью возбуждения дела направленного на разрешение уголовно-правового конфликта (осуществления правосудия), международное право допускает возможность ограничения в строго определенных ситуациях. В качестве одного из основополагающих принципов правового положения человека и гражданина, неприкосновенность личности закреплена в ст. 22 Конституции Российской Федерации [5] и ст. 10 УПК РФ [7]. Право на свободу и личную неприкосновенность, обеспечивается так же и мерами уголовно-правовой защиты, а в частности, наличием в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) ст. 301, которая пред-

усматривает ответственность за незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей [6].

Фактическим основанием уголовной ответственности за незаконное задержание, заключение под страже или содержание под стражей, выступает сам факт совершения преступления, а юридическим основанием – наличие в деянии лица состава преступления. Непосредственным объектом преступления, предусмотренного в ст. 301 УК РФ, является установленный нормативными правовыми актами порядок (совокупность обязательных для исполнения требований и ограничений) задержания, заключения под стражу, а также содержания под стражей, а дополнительным – личная свобода и неприкосновенность личности [6]. В научных исследованиях встречается разные подходы к определению незаконного задержания за административное правонарушение и за преступление [11, с. 9]. Представляется, что в силу непродолжительного (в сравнении с мерой пресечения и наказанием по приговору суда) характера административного задержания, рассмотрение его в аналогичном ключе (в том числе – при решении вопроса об уголовной ответственности) не оправданно.

Процессуальные основания, порядок задержания и содержания под стражей подозреваемого, урегулированы в главе 12 УПК РФ, избрания меры пресечения в виде заключения под стражу – в ст.ст. 97, 108, 109 УПК РФ [7], а организационно-правовые аспекты и правовое положение лиц, содержащихся под стражей, – Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [8]. Таким образом, можно утверждать, что ст. 301 УК РФ обладает бланкетным характером, и для квалификации указанного в ней деяния, а также определения ответственности за него необходимо обращаться к специализированным нормативно-правовым актам. Свод принципов констатирует:

– «арест», как акт задержания лица по подозрению в совершении какого-либо правонарушения или по решению какого-либо органа;

– «задержание» – как состояние задержанного лица, т.е. любого лица, лишенного личной свободы не в результате осуждения за совершение правонарушения;

– «заключение» – как состояние заключенного лица, по решению суда, т.е. лишение свободы на определенный срок.

Объективная сторона заключается в действиях, направленных против свободы и личной неприкосновенности личности, а субъективная – в прямом умысле. Для наступления уголовной ответственности в данном случае, является мотив совершения преступления, предусмотренного ст. 301 УК РФ [6]. Но в ходе рассмотрения данного вопроса, исследователями указывается на проблему, которая не обладает особой значимостью, если только не содержит в себе квалифицирующего признака, предусмотренного в Общей части УК РФ. Примером может служить совершение преступления из мести за правомерные действия других лиц, а также с целью скрыть другое преступление или облегчить его совершение (п. «е» 1ч. 1 ст. 63 УК РФ) [6]. В подобной ситуации лицо задерживается по подозрению в совершении преступления, которое оно не совершало, и может быть помещено в изолятор временного содержания (ИВС) для оказания на него незаконного воздействия (угрозы, шантаж, причинение вреда здоровью) с целью принудить дать определенные показания и даже физического устранения. Если факт совершения подобных действий будет доказан, то ответственность наступает по совокупности ст. 301 УК РФ и ст. 63 УК РФ, или соответствующей ст. ст. 301 УК РФ и п. «к» (или другого пункта) ч. 2 ст. 105 УК РФ, ст. 301 и 119 УК РФ и т.п. [6]. Главным признаком, определяющим направленность умысла и особенности объективной стороны данного преступления, учитываемым при квалификации, а также в процессе реализации уголовной ответственности, является заведомый характер деяния. Оно означает осознание лицом незаконность своих действий (задержание без должного основания, заключение под стражу при отсутствии судебного решения, содержание под стражей после отмены этого решения или истечения срока заключения).

Другой (после заведомости) признак – незаконный характер действий, о которых идет речь в ст. 301 УК РФ [6], т.е. несоблюдение норм УПК РФ [7], регламентирующих порядок применения меры пресечения и продления ее действия. Таким образом, «незаконным считается заключение под стражу, если: а) отсутствуют указанные в законе основания для этого; б) нарушаются правила и порядок избрания данной меры пресечения» [9, с. 214].

Добросовестное заблуждение лица относительно обстоятельств задержания и избрания меры пресечения в виде заключения под стражу, исключает ответственность за преступление, предусмотренное ст. 301 УК РФ [6]. Отягчающим данное преступление обстоятельством, согласно ч. 3 ст. 303 УК РФ, признается совершение деяния, предусмотренного ч. 1 и ч. 2 данной статьи, повлекшего тяжкие последствия. В случае доказанности вины лица предусмотрено наказание в виде принудительных работ на срок до пяти лет либо лишение свободы на срок от трех до восьми лет [6]. Ответственность по ч. 3 ст. 301 УК РФ

наступает, если деяние носило умышленный характер, а последствия – неосторожный [6]. Разумно предположить, что лицо, предотвратившее наступление подобных последствий, а также своевременно заявившее о незаконности задержания или заключения под стражу, должно быть освобождено от уголовной ответственности. Во избежание трудностей и разночтений, которые могут возникнуть при разрешении подобных ситуаций, следует признать целесообразным дополнение ст. 301 УК РФ примечанием в следующей редакции: «Примечание. Лицо, добровольно заявившее о незаконном задержании подозреваемого либо незаконном содержании под стражей подозреваемого или обвиняемого, либо своевременно принявшее меры, направленные на освобождение указанных лиц, либо предотвратившее иные опасные последствия, которые могли наступить для задержанного иди содержащегося под стражей, освобождается от уголовной ответственности, если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Вопрос о своевременности принятия подобных мер может быть разъяснен в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда РФ. В частности, своевременное принятие мер, направленных против незаконного задержания, может иметь место незамедлительно после доставления задержанного в органы внутренних дел, а против незаконного заключения по стражу и содержания под стражей – при рассмотрении судом ходатайства дознавателя или следователя об избрании или продлении меры пресечения в виде заключения под стражу. Таким образом, приведенный подход к решению вопроса об уголовной ответственности за незаконные задержание, заключение под стражу и содержание под стражей, способен определить конечный результат в разночтении и противоречивом истолковании ст. 301 УК РФ и тем самым послужить методологической и правовой основой, обеспечивающей единство правоприменительной практики [6].

Список литературы:

[1] Всеобщая декларация прав человека. Принята Резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // Российская газета. № 67. 05.04.1995.

[2] Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04. 1976. № 17. Ст. 291.

[3] Конвенция о защите прав человека и основных свобод.Заключена в Риме 04.11.1950 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

[4] Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме. Принят Резолюцией 43/173 на 43-ей сессии Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1988 // Правовые основы деятельности системы МВД России. Сборник нормативных документов. Т. 2. – М.: ИНФРА-М, 1996. – С. 147–157.

[5] Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 [Электронный ресурс]. – URL: //http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.07.2020).

[6] Уголовный кодекс Российской Федерации / Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL: //http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.07.2020).

[7] Уголовно-процессуальный кодекс/ Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 31.07.2020) [Электронный ресурс]. – URL: //http://www.consultant.ru (дата обращения: 12.07.2020).

[8] Федеральный закон от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (в ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства РФ. 17.07.1995. № 29. Ст. 2759.

[9] Амосов А.Е. Уголовная ответственность за незаконные заключение под стражу и содержание под стражей: проблема толкования законодательного текста // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2. – С. 211–218.

[10] Глухова Е.В. Вопросы реализации в отечественном уголовном судопроизводстве рекомендаций международного права о содержании под стражей лиц // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 2. – С. 67–71.

[11] Дадаев Х.М. Уголовная ответственность за незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2007. – 175 с.

Spisok literatury:

[1] Vseobshchaya deklaraciya prav cheloveka. Prinyata Rezolyuciej 217 A (III) General'noj Assamblei OON ot 10.12.1948 // Rossijskaya gazeta. № 67. 05.04.1995.

[2] Mezhdunarodnyj pakt o grazhdanskih i politicheskih pravah. Prinyat rezolyuciej 2200 (HKHI) General'noj Assamblei OON ot 16.12.1966 // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 28.04. 1976. № 17. St. 291.

[3] Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnyh svobod.Zaklyuchena v Rime 04.11.1950 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 2. St. 163.

[4] Svod principov zashchity vsekh lic, podvergaemyh zaderzhaniyu ili zaklyucheniyu v kakoj by to ni bylo forme. Prinyat Rezolyuciej 43/173 na 43-ej

sessii General'noj Assamblei OON ot 09.12.1988 // Pravovye osnovy deyatel'nosti sistemy MVD Rossii. Sbornik normativnyh dokumentov. T. 2. – M.: INFRA-M, 1996. – S. 147–157.

[5] Konstituciya Rossijskoj Federacii. Prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 [Elektronnyj resurs]. – URL: //http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 12.07.2020).

[6] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii / Federal'nyj zakon ot 13.06.1996 № 63-FZ (v red. ot 31.07.2020) [Elektronnyj resurs]. – URL: //http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 12.07.2020).

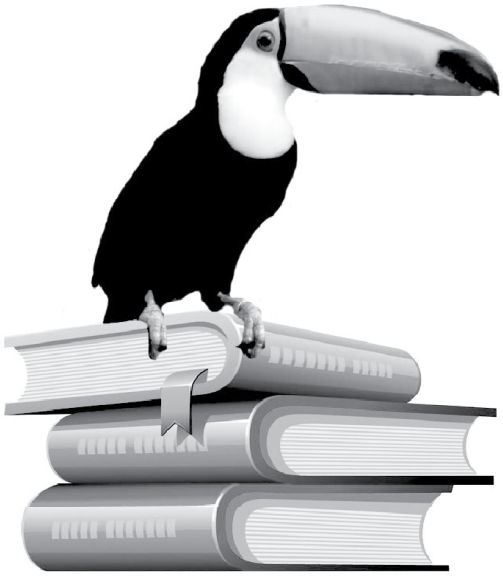
[7] Ugolovno-processual'nyj kodeks/ Federal'nyj zakon ot 18.12.2001 № 174-FZ (v red. ot 31.07.2020) [Elektronnyj resurs]. – URL: //http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 12.07.2020).

[8] Federal'nyj zakon ot 15.07.1995 № 103-FZ «O soderzhanii pod strazhej podozrevaemyh i obvinyaemyh v sovershenii prestuplenij» (v red. ot 27.12.2019) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 17.07.1995. № 29. St. 2759.

[9] Amosov A.E. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnye zaklyuchenie pod strazhu i soderzhanie pod strazhej: problema tolkovaniya zakonodatel'nogo teksta // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2008. № 2. – S. 211–218.

[10] Gluhova E.V. Voprosy realizacii v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve rekomendacij mezhdunarodnogo prava o soderzhanii pod strazhej lic // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2017. № 2. – S. 67–71.

[11] Dadaev H.M. Ugolovnaya otvetstvennost' za nezakonnye zaderzhanie, zaklyuchenie pod strazhu ili soderzhanie pod strazhej: dis. … kand. yurid. nauk. – Krasnodar, 2007. – 175 s.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

УДК 34.096

ЛОБАЧ Дмитрий Владимирович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
российского и зарубежного права Института
права Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса
e-mail: dimaved85@mail.ru

СМИРНОВА Евгения Александровна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры трудового
и экологического права Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток
e-mail: smirnova.ea@dvfu.ru
ORCID 0000-0002-7606-4444

МИРОШНИЧЕНКО Ольга Игоревна,
кандидат юридических наук,
заведующая кафедрой теории и истории
государства и права Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток
e-mail: olga-star.05@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНЫЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРТЕРРОРИЗМУ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-00009.

Аннотация. *В статье рассматривается зарубежный опыт уголовно-правового противодействия кибертерроризму, представляющему собой нетипичную разновидность традиционного терроризма. Отмечается, что, хотя в системе современного международно-правового противодействия терроризму всё ещё нет единого универсального определения данному явлению, однако кибертерроризм как деструктивное явление социальной действительности начинает получать правовую оценку в национальном уголовном законодательстве разных стран, что предполагает установление уголовной ответственности за его различные проявления. Анализируются два подхода криминализации общественно опасных деяний, квалифицируемых как кибертерроризм. В рамках первого подхода противоправные действия, совершаемые посредством использования информационно-коммуникационных технологий в сети Интернет, могут охватываться расширенной дефиницией террористического акта за счёт включения в объективную сторону этого преступления обобщенной формы возможных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий. На примере российского опыта противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации в части криминализации неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру (КИИ) обосновывается вывод, что компьютерные атаки против объектов КИИ в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений также можно квалифицировать как террористический акт. В рамках второго подхода кибертерроризм на законодательном уровне закреплен в качестве самостоятельного преступления.*

Ключевые слова: *терроризм, компьютерные преступления, кибертерроризм, теракт, критическая информационная инфраструктура.*

LOBACH Dmitry Vladimirovich,
PhD in Law,
associate Professor of theory and history
Russian and foreign law Institute
rights of the Vladivostok state University
University of Economics and service

SMIRNOVA Evgenia Aleksandrovna,
PhD in Law,
senior lecturer of the Department of labor
and environmental law School
Far Eastern Federal University,
Vladivostok

MIROSHNICHENKO Olga Igorevna,
PhD in Law,
head of the Department of theory and history
States and Law school rights
Far Eastern Federal University,
Vladivostok

NATIONAL CRIMINAL LAW EXPERIENCE IN COUNTERING CYBER TERRORISM IN MODERN CONDITIONS

The research was carried out with the financial support of the RFBR in the framework of scientific project No. 20-511-00009.

Annotation. *The article presents the foreign experience of criminal-legal counteraction to cyberterrorism, which is an atypical variety of traditional terrorism. It is noted that although in the system of modern international legal counteraction to terrorism there is still no single universal definition of this phenomenon, however, cyber terrorism as a destructive phenomenon begins to operate a legal assessment in the national criminal legislation of different countries, which implies the establishment of criminal responsibility for its various manifestations. Two approaches to the criminalization of socially dangerous acts classified as cyber terrorism are analyzed. Within the framework of the first approach, illegal actions committed through the use of information and communication technologies in the network, a terrorist act due to the inclusion in the objective form of this generalized activity of actions that create the danger of death of people, causing significant property damage or the onset of grave consequences. Based on the example of the Russian experience in combating crimes in the field of computer information in terms of critical information infrastructure (CII), the conclusion is substantiated that computer attacks against CII facilities in order to destabilize the activities of authorities or international organizations, or influencing their decision-making can also be qualified as a terrorist act. Within the framework of the second version, cyber terrorism is enshrined at the legislative level as an independent development.*

Key words: *terrorism, computer crimes, cyber terrorism, terrorist attack, critical information infrastructure.*

Широкое распространение и интенсивное применение информационно-коммуникационных технологий в условиях цифровой трансформации социальных отношений предопределяет сущностные изменения природы преступности, выражаемые в увеличении криминальных актов, которые совершаются в информационном пространстве [26; 27]. Действительно, даже поверхностный анализ состояния и динамики преступлений, совершаемых в интернет-пространстве, свидетельствует о тенденции криминализации Интернета по мере роста цифровых ресурсов и увеличения количества лиц, интегрированных в цифровое взаимодействие. При этом криминализация Интернета выражается в совершении преступлений в сфере компьютерной информации (например, неправомерный доступ к компьютерной информации, распространение вредоносных программ, неправомерное воздействие на критическую информационную

инфраструктуру), преступлений против собственности (хищение чужого имущества посредством мошенничества, вымогательство), завладении чужими конфиденциальными данными, нарушении аутентичности данных с последующим их использованием в противоправных целях (подлог), распространение информации с запрещенным контентом (детская порнография, экстремистские идеи), нарушении авторских и смежных прав. Особое внимание в научной литературе [1] и средствах массовой информации обращается на использование преступниками интернет-пространства и информационно-коммуникационных технологий в целях противоправного воздействия на органы власти и (или) создание атмосферы страха в обществе, что обусловливает зарождение кибертерроризма как нетипичного вида традиционного терроризма [2]. Подобное обособление происходит в результате расширения информационно-коммуникационных отношений в сети Интернет, интенсивного развития современных цифровых технологий и активной интеграции систем управления в цифровое пространство. Кибертерроризм как принципиально новое явление криминогенного характера в современных условиях не имеет четких правовых критериев в юридической науке, что предопределяет сложности в части его отграничения от смежных понятий (например, кибератака, кибервойна, хактивизм, кибершпионаж, преступления в сфере компьютерной информации) [3]. В свою очередь, отсутствие идентифицируемых признаков этого явления приводит к разнообразию релевантных представлений и предложений относительно выработки наиболее приемлемого определения данного вида терроризма. Ситуация во многом усугубляется еще и тем фактом, что в системе международного конвенционного механизма противодействия терроризму отсутствует легальное закрепление данного деструктивного явления, а региональные конвенции в области информационной безопасности лишь в некоторых случаях регламентируют привязку отдельных проявлений терроризма к компьютерным преступлениям. Например, ст. 15 Конвенции Лиги арабских государств «О борьбе с преступлениями в области информационных технологий» [4] от 2010 г. раскрывает юридическое содержание преступлений, связанных с терроризмом, совершенных путем информационных технологий. К таким преступлениям относятся: распространение и пропаганда идей и принципов террористических групп; финансирование и подготовка террористических операций, а равно обеспечение связи между террористическими организациями; распространение методов изготовления взрывчатых веществ в целях использования в террористических операциях; распространение религиозного фанатизма, разногласий и религиозной вражды. Обязательным контекстным признаком выступает условие совершения этих деяний, которое выражается в использовании информационных технологий. Похожая ситуация наблюдается в Конвенции Африканского Союза «О кибербезопасности и защите персональных данных» [5] от 27 июня 2014 г., где в п. «b» ч. 1 ст. 30 определено, что государства-участники должны принять необходимые нормативно-правовые меры, закрепляющие в качестве отягчающего обстоятельства использование информационно-коммуникационных технологий для совершения краж, мошенничества, сокрытия похищенного имущества, злоупотребления доверием, вымогательства, отмывания денег и терроризма.

Вместе с тем, кибертерроризм как деструктивное явление социальной действительности начинает получать правовую оценку в национальном законодательстве отдельных стран, что предполагает установление уголовной ответственности за его различные проявления. При этом прослеживаются два подхода в криминализации деяний, охватываемых данным понятием.

В рамках первого подхода кибертерроризм как самостоятельное юридическое понятие в национальном законодательстве отсутствует, однако юридическая конструкция правовых норм, регламентирующих ответственность за террористический акт, в контексте расширенного толкования допускает регулятивную экстраполяцию этих норм в отношении других общественно опасных деяний, не указанных в диспозиции самой нормы. Проиллюстрировать сказанное можно на примере отдельных уголовных законов государств, являющихся членами Содружества Независимых Государств. Так, анализируя диспозиции правовых норм о терроризме (террористическом акте) в ряде национальных уголовных законов, усматривается унифицированный подход в закреплении неисчерпывающего (открытого) перечня общественно опасных деяний, составляющих объективную сторону терроризма. В частности, в ст. 214 УК Азербайджана [6], ст. 217 УК Армении [7], ст. 255 УК Казахстана [8], ст. 239 УК Киргизии [9], ст. 179 УК Таджикистана [10], ст. 278 УК Молдавии [11], ст. 271 УК Туркменистана [12], ст. 258 УК Украины [13] и ст. 205 УК России [14] объективная сторона терроризма (террористического акта) выражается в совершении взрыва, поджога или других действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или других общественно опасных последствий. В этом случае способы совершения террористического акта определяются через законодательное закрепление наиболее типичных действий (взрыва, поджога), а также указывается

обобщенная форма возможных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных тяжких последствий. Таким образом, законодатель подчеркивает основное характерное свойство этих действий – их общеопасный характер, а с другой стороны, указывает на обязательные свойства взрыва, поджога и иных подобных действий – их реальную способность повлечь обозначенные в законе последствия [15]. В российской судебной правоприменительной практике к тяжким последствиям относят: причинение тяжкого вреда здоровью хотя бы одному человеку, а также средней тяжести вреда здоровью двум и более лицам; дезорганизацию деятельности органов государственной власти и местного самоуправления; длительное нарушение работы предприятия (предприятий) и (или) учреждения (учреждений) независимо от их ведомственной принадлежности, формы собственности, организационно-правовой формы; существенное ухудшение экологической обстановки (например, деградация земель, загрязнение поверхностных и внутренних вод, атмосферы, морской среды и иные негативные изменения окружающей среды, препятствующие ее сохранению и правомерному использованию, устранение последствий которых требует длительного времени и больших материальных затрат) [16].

В контексте расширенного перечня деяний, приводящих к тяжким последствиям в свете российской судебной правоприменительной практики, актуализируется вопрос о возможности наступления обозначенных последствий посредством совершения кибератак на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации. С одной стороны, российский законодатель еще в 2017 г. криминализировал неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру государства [17]. Уголовно-правовая норма ст. 274.1 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за создание, распространение и (или) использование компьютерных программ либо иной компьютерной информации, заведомо предназначенных для неправомерного воздействия на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, в т.ч. для уничтожения, блокирования, модификации, копирования информации, содержащейся в ней, или нейтрализации средств защиты указанной информации. Данная норма по способу закрепления является бланкетной, т.к. отсылает к Федеральному закону от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [18]. В ст. 2 данного Закона дается легальное определение критической информационной инфраструктуре, под которой понимаются объекты критической информационной инфраструктуры (далее – КИИ, объекты КИИ), а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов. В свою очередь, объекты критической информационной инфраструктуры определяются как информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления субъектов критической информационной инфраструктуры. Дается и определение компьютерной атаки, определяемой как целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на объекты КИИ, сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов, в целях нарушения и (или) прекращения их функционирования и (или) создания угрозы безопасности обрабатываемой такими объектами информации. Несмотря на то что в определении компьютерной атаки отсутствует указание на наступление тяжких последствий, указанных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1, однако эти последствия предполагаются исходя из категорирования объектов критической информационной инфраструктуры в соответствии со ст. 7 рассматриваемого Закона. В ч. 2 данной статьи регламентируется, что категорирование объектов КИИ осуществляется исходя из социальной значимости (которая выражается в оценке возможного ущерба, причиняемого жизни или здоровью людей, возможности прекращения или нарушения функционирования объектов обеспечения жизнедеятельности населения, транспортной инфраструктуры, сетей связи, а также максимального времени отсутствия доступа к государственной услуге для получателей такой услуги), политической значимости (выражается в оценке возможного причинения ущерба интересам Российской Федерации в вопросах внутренней и внешней политики), экономической значимости (выражается в оценке возможного причинения прямого и косвенного ущерба субъектам критической информационной инфраструктуры и (или) бюджетам Российской Федерации), экологической значимости, которая выражается в оценке уровня воздействия на окружающую среду, и значимости объекта критической информационной инфраструктуры для обеспечения обороны страны, безопасности государства и правопорядка.

Более подробные значения показателей возможного причинения вреда объектам КИИ, дифференцируемым по трем категориям, отражены в постановлении Правительства РФ от 8 февраля 2018 г. № 127 «Об утверждении правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации,

а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений» [19].

Таким образом, последствия от неправомерного воздействия на объекты КИИ Российской Федерации также могут совпадать с негативными последствиями при террористическом акте (например, возникновение опасности гибели человека, причинение значительного имущественного ущерба, устрашение населения, ухудшение экологической обстановки и др.), а в случае, если преследуется цель дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, то по правилам конкуренции правовых норм окончательная квалификация должна происходить по ч. 1 ст. 205 УК РФ, т.е. как террористический акт. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации будет являться только способом совершения террористического акта, подлежащего правовой оценке только с учетом остальных элементов состава преступления (в частности, объекта и субъективной стороны).

В рамках второго подхода в уголовном законодательстве зарубежных стран имеются специальные нормы, которые устанавливают ответственность не только за традиционные преступления террористического характера, но и непосредственно за кибертерроризм как самостоятельное преступление террористического характера. Проиллюстрировать данный подход можно на примере уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за кибертерроризм в уголовных законах Грузии, Индии, США и Великобритании.

Так, например, в 2006 г. грузинский законодатель криминализировал кибертерроризм (ст. 324.1 УК Грузии), под которым понимается противоправное завладение охраняемой законом компьютерной информацией, ее использование или угроза использования, создающие опасность наступления тяжких последствий, совершенных в целях устрашения населения или (и) воздействия на органы власти [20]. В сравнении с основным составом преступления террористического акта (ст. 323 УК Грузии) кибертерроризм выступает его частным проявлением.

Широкое легальное определение понятия «кибертерроризм» дано в Законе Индии «Об информационных технологиях» от 2000 г. (Information Technology Act). В соответствии со ст. 66F этого документа кибертерроризм охватывает следующие случаи.

Во-первых, это действия, совершенные любым лицом с намерением угрожать единству, целостности, безопасности или суверенитету Индии или посеять страх среди народа или его отдельной группы. К таким действиям относятся: запрещенный доступ или запрещение доступа любому лицу, официально имеющему право доступа к компьютерным ресурсам; попытка войти в компьютерный ресурс или получить к нему доступ, не имея на то официального права или превышая объем санкционированного доступа; распространение компьютерного вируса или содействие в его распространении, что приводит к смерти или наносит травмы людям или причиняет ущерб собственности или уничтожает ее, или создает условия, которые могут привести к смерти или травмированию людей, порче или уничтожению собственности; распространение компьютерного вируса или содействие в его распространении с осознанием того, что такие действия с большой вероятностью приведут к повреждению или нарушению системы жизнеобеспечения общества или к неблагоприятному воздействию на важную информационную инфраструктуру.

Во-вторых, это сознательные действия, связанные с намеренным входом в компьютерный ресурс или получением к нему доступа, не имея на то официального права или превышая объем санкционированного доступа, что обусловливает получение доступа к информации, данным или компьютерной базе данных, которые являются закрытыми по соображениям безопасности государства или отношений с другими странами, или к любой закрытой информации, данным или компьютерной базе данных, использование которых при получении такого доступа, как считается, может нанести вред интересам суверенитета и целостности Индии, безопасности государства, добрососедским отношениям с другими государствами, общественному порядку, нормам приличия и морали, или может привести к неуважению суда, к диффамации или подстрекательству к совершению правонарушения, или может быть выгодно для любого иностранного государства, группы лиц или иных объединений, совершающих преступление кибертерроризма [21].

Предметный анализ криминообразующих признаков данного определения показывает, что по логике индийского законодателя обязательным контекстуальным элементом кибертерроризма является общественная опасность действий, совершаемых в компьютерной информационной среде, которая выражается в угрозе для публичных интересов страны. Обращает на себя внимание тот факт, что Закон Индии «Об информационных технологиях» от 2000 г. предписывает не только, чтобы правонарушитель действовал с целью, присущей терроризму (намерение поставить под угрозу единство, целостность, безопас-

ность или суверенитет Индии или создать атмосферу страха в обществе или отдельной группы), но также и то, чтобы преступление причиняло иные тяжкие последствия – смерть, вред здоровью, нарушение услуг, влияющих на критически важную информационную инфраструктуру.

Не менее интересным представляется опыт криминализации деяний, составляющих кибертерроризм, в федеральном уголовном законодательстве США. Нормативно-правовые начала противодействия преступлениям в сфере компьютерной информации закреплены в подразделе 1030 титула 18 Акта о компьютерном мошенничестве и злоупотреблениях (The Computer Fraud and Abuse Act (CFAA), 18 U.S.C. 1030). В своем нынешнем выражении преступления против компьютерной информации (киберпреступления) представлены семью видами криминальных актов: взлом правительственных компьютеров; взлом компьютеров, приводящий к воздействию на правительственную, кредитную, финансовую или компьютерную информацию; повреждение правительственного, банковского компьютера или компьютера, используемого или затрагивающего внутреннюю или внешнюю торговлю; совершение мошенничества через несанкционированный доступ к правительственному компьютеру, банковскому компьютеру или компьютеру, используемому во внутренней или внешней торговле; угроза повреждения правительственного, банковского компьютера или компьютера, который используется во внутренней или внешней торговле; незаконный оборот паролей для правительственного компьютера, а также влияние такого оборота на внутреннюю или внешнюю торговлю; использование компьютера для шпионажа [22].

В соответствии с подразд. 2332b титула 18 Акта о патриотизме от 2001 г. (террористические акты, выходящие за национальные границы) к преступлениям террористического характера были отнесены деяния, совершаемые через использование компьютера и связанные со шпионажем, а также акты, связанные с распространением вредоносных программ, кодов или команд, причиняющих ущерб компьютеру, а также преднамеренное получение доступа к защищенному компьютеру без авторизации, что приводит к причинению ущерба и убыткам. При этом под убытками в рамках этой диспозиции понимаются любые разумные расходы, связанные с причинением вреда, в т.ч. расходы, понесенные в связи с реагированием на преступление, проведением оценки ущерба, восстановлением данных до исходного состояния, возмещением потерянного дохода и иных косвенных расходов, понесенных из-за прерывания обслуживания [23]. Под акты кибертерроризма подпадают только деяния, выражаемые в распространении вредоносных программ и неправомерном доступе к компьютеру, которые совершаются в отношении только определенных компьютеров или компьютерных систем, используемых исключительно для правительства США, банка или другого финансового учреждения, интересов правительства отдельного штата или компьютеры, которые используются внутренней или внешней торговлей.

Представляется интересным национальный опыт нормативно-правового регулирования отношений в сфере противодействия терроризму в киберпространстве, отраженный в Законе Великобритании о терроризме от 2006 г. (The Terrorism Act 2006). В вводной части Закона дается легальное определение терроризма, под которым понимаются противоправные деяния, а равно угроза таких деяний, которые совершаются для воздействия на правительство или международную организацию или запугивания общества (части общества) с намерением продвижения политических, религиозных или идеологических идей. В соответствии с п. 2 объективная сторона этого преступления охватывает серьезное насилие в отношении человека, значительный имущественный ущерб, создание угрозы для жизни человека, создание серьезных рисков для здоровья и безопасности всего населения или его части, а также деяния, совершаемые с намерением серьезного вмешательства или в целях серьезного нарушения работы электронной системы [24]. Из данной дефиниции видно, что терроризм (точнее акт терроризма) как преступление против общественной безопасности может совершаться не только традиционными способами (причинение вреда жизни, здоровью, а также имущественного ущерба), но и посредством противоправного вмешательства в электронные системы или нарушение их работы. Несмотря на то что в Законе отсутствует нормативное определение того, что такое электронные системы и в чем именно должно выражаться вмешательство в их работу, однако современные реалии, отражающие интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий и возможности дистанционного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры, в совокупности с предпринимаемыми мерами противодействия информационным угрозам позволяют сделать достаточное предположение о нетипичном (нетрадиционном) виде террористического акта. В свою очередь, террористический акт, совершаемый посредством использования информационно-коммуникационных технологий против электронных систем, может быть конкретизирован через положения Закона о

неправомерном использовании компьютеров от 1990 г. [25].

Таким образом, противоправное использование информационно-коммуникативных технологий в отношении компьютерной информации, компьютерных систем и сетей в критических сегментах государства и в частном секторе, которые создают опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба или наступления иных общественно опасных последствий (например, сбой системы электроснабжения, дезорганизация работы предприятий, входящих в военно-промышленный комплекс, нарушение работы транспорта и др.) также целесообразно рассматривать в качестве одного из общественно опасных способов совершения террористического акта. При этом кибертерроризм как негативное явление социальной действительности проявляет амбивалентную криминогенную сущность. С одной стороны, объективная сторона кибертерроризма охватывает противоправные действия, связанные с использованием информационно-коммуникативных технологий, а с другой – эти действия направлены против публичных интересов государства, проявляемых в общественной безопасности и общественном порядке.

Список литературы:

[1] Frolova E.E., Polyakova T.A., Dudin M.N., ect. Information security of Russia in the digital economy: the economic and legal aspects // Journal of Advanced Research in Law and Economics. - 2018. - Vol. 9. - № 1. - P. 89–95.

[2] Janczewski L.J., Colarik A.M. Cyber Warfare and Cyber Terrorism. - New York: Information science reference, 2008. - 532 p.; Colarik A.M. Cyber Terrorism: Political and Economic Implications. - Hershey, 2006. - P. 2–7.

[3] Brickey J. Defining Cyberterrorism: Capturing a Broad Range of Activities in Cyberspace // Westpoint CTC Sentinel. - 2012. - Vol. 5. - Iss. 8. - P. 4–6; Theohary C.A., Rollins J.W. Cyberwarfare and Cyberterrorism: In Brief [Электронный ресурс]. The Federation of American Scientists. Режим доступа: https://fas.org/sgp/crs/natsec/R43955.pdf

[4] Arab Convention on Combating Information Technology Offences [Электронный ресурс]. Asian school of cyber laws. Режим доступа: https://www.asianlaws.org/gcld/cyberlawdb/GCC/Arab%20Convention%20on%20Combating%20Information%20Technology%20Offences.pdf

[5] Конвенции Африканского Союза «О кибербезопасности и защите персональных данных» (Малабо, 27 июня 2014 г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.sbs.ox.ac.uk/cybersecurity-capacity/system/files/African%20Union%20Convention%20on%20CyberSecurity%20%26%20Personal%20Data%20Protection_1.pdf

[6] Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 1 сентября 2000 г. [Электронный ресурс]. СПС «Юрист». Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353

[7] Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Национального Собрания Республики Армения. Режим доступа: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus

[8] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. [Электронный ресурс]. СПС «Юрист». Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252

[9] Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 г. [Электронный ресурс]. СПС «Юрист». Режим доступа: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840

[10] Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. [Электронный ресурс]. СПС «Юрист». Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325#pos=4656;-60

[11] Уголовный кодекс Республики Молдова от 18 апреля 2002 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт парламента Республики Молдова. Режим доступа: http://lex.justice.md/ru/331268/

[12] Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. [Электронный ресурс]. СПС «Юрист». Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31295286#pos=6;-106

[13] Уголовный кодекс Украины от 5 апреля 2001 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Верховной Рады Украины. Режим доступа: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14#Text

[14] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

[15] Ткаченко В.В., Ткаченко С.В. Российский терроризм: проблемы уголовной ответственности: монография. - М.: ИНФРА-М., 2015. - С. 38.

[16] О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) [Электронный ресурс]. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

[17] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации Федеральный закон» [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 194-ФЗ. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

[18] О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

[19] Об утверждении правил категорирования объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также перечня показателей критериев значимости объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации и их значений [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 8 февраля 2018 г. № 127. Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

[20] Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. / науч. ред. З.К. Бигвава / пер. с груз. И. Мериджанашвили. - СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001; Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г. [Электронный ресурс]. Законодательный вестник Грузии. Режим доступа: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426

[21] Understanding cybercrime: Phenomena, challenges and legal response. September 2012. - P. 221, 222. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.itu.int/ITU-D/cyb/cybersecurity/docs/Cybercrime%20legislation%20EV6.pdf

[22] Charles D. Cybercrime: A Sketch of 18 U.S.C. 1030 and Related Federal Criminal Laws [Электронный ресурс]. The Federation of American Scientists. Режим доступа: https://fas.org/sgp/crs/misc/RS20830.pdf

[23] Uniting and strengthening America by providing appropriate tools required to intercept and obstruct terrorism (USA Patriot Act) Act of 2001 [Электронный ресурс]. United States Government Publishing Office. Режим доступа: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ56/pdf/PLAW-107publ56.pdf

[24] The Terrorism Act 2006 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.gov.uk/government/publications/the-terrorism-act-2006

[25] Computer Misuse Act 1990 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/enacted

[26] Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Новые векторы развития информационного права в условиях цивилизационного кризиса и цифровой трансформации // Государство и право. 2020. № 5. С. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7

[27] Полякова Т.А., Минбалеев А.В., Кроткова Н.В. Обзор Международной научно-практической конференции «Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право» – Первые Бачиловские чтения // Государство и право. 2018. № 9. С. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9

Spisok literatury:

[1] Frolova E.E., Polyakova T.A., Dudin M.N., ect. Information security of Russia in the digital economy: the economic and legal aspects // Journal of Advanced Research in Law and Economics. - 2018. - Vol. 9. - № 1. - P. 89–95.

[2] Janczewski L.J., Colarik A.M. Cyber Warfare and Cyber Terrorism. - New York: Information science reference, 2008. - 532 p.; Colarik A.M. Cyber Terrorism: Political and Economic Implications. - Hershey, 2006. - P. 2–7.

[3] Brickey J. Defining Cyberterrorism: Capturing a Broad Range of Activities in Cyberspace // Westpoint CTC Sentinel. - 2012. - Vol. 5. - Iss. 8. - P. 4–6; Theohary C.A., Rollins J.W. Cyberwarfare and Cyberterrorism: In Brief [Elektronnyj resurs]. The Federation of American Scientists. Rezhim dostupa: https://fas.org/sgp/crs/natsec/R43955.pdf

[4] Arab Convention on Combating Information Technology Offences [Elektronnyj resurs]. Asian school of cyber laws. Rezhim dostupa: https://www.asianlaws.org/gcld/cyberlawdb/GCC/Arab%20Convention%20on%20Combating%20Information%20Technology%20Offences.pdf

[5] Konvencii Afrikanskogo Soyuza «O kiberbezopasnosti i zashchite personal'nyh dannyh» (Malabo, 27 iyunya 2014 g.) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.sbs.ox.ac.uk/cybersecurity-capacity/system/files/African%20Union%20Convention%20on%20CyberSecurity%20%26%20Personal%20Data%20Protection_1.pdf

[6] Ugolovnyj kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 1 sentyabrya 2000 g. [Elektronnyj resurs]. SPS «Yurist». Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=30420353

[7] Ugolovnyj kodeks Respubliki Armeniya ot 29 aprelya 2003 g. [Elektronnyj resurs]. Oficial'nyj sajt Nacional'nogo Sobraniya Respubliki Armeniya. Rezhim dostupa: http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1349&lang=rus

[8] Ugolovnyj kodeks Respubliki Kazahstan ot 3 iyulya 2014 g. [Elektronnyj resurs]. SPS «Yurist». Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=31575252

[9] Ugolovnyj kodeks Kyrgyzskoj Respubliki ot 2 fevralya 2017 g. [Elektronnyj resurs]. SPS «Yurist». Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/m/document?doc_id=34350840

[10] Ugolovnyj kodeks Respubliki Tadzhikistan ot 21 maya 1998 g. [Elektronnyj resurs]. SPS «Yurist». Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30397325#pos=4656;-60

[11] Ugolovnyj kodeks Respubliki Moldova ot 18 aprelya 2002 g. [Elektronnyj resurs]. Oficial'nyj sajt parlamenta Respubliki Moldova. Rezhim dostupa: http://lex.justice.md/ru/331268/

[12] Ugolovnyj kodeks Turkmenistana ot 12 iyunya 1997 g. [Elektronnyj resurs]. SPS «Yurist». Rezhim dostupa: https://online.zakon.kz/document/?-doc_id=31295286#pos=6;-106

[13] Ugolovnyj kodeks Ukrainy ot 5 aprelya 2001 g. [Elektronnyj resurs]. Oficial'nyj sajt Verhovnoj Rady Ukrainy. Rezhim dostupa: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2341-14#Text

[14] Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus».

[15] Tkachenko V.V., Tkachenko S.V. Rossijskij terrorizm: problemy ugolovnoj otvetstvennosti: monografiya. - M.: INFRA-M., 2015. - S. 38.

[16] O nekotoryh voprosah sudebnoj praktiki po ugolovnym delam o prestupleniyah terroristicheskoj napravlennosti: Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 09.02.2012 g. № 1 (red. ot 03.11.2016) [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus».

[17] O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i stat'yu 151 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona «O bezopasnosti kriticheskoj informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii Federal'nyj zakon» [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 26.07.2017 g. № 194-FZ. Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus».

[18] O bezopasnosti kriticheskoj informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]: Federal'nyj zakon ot 26.07.2017 g. № 187-FZ. Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus».

[19] Ob utverzhdenii pravil kategorirovaniya ob"ektov kriticheskoj informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii, a takzhe perechnya pokazatelej kriteriev znachimosti ob"ektov kriticheskoj informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii i ih znachenij [Elektronnyj resurs]: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 8 fevralya 2018 g. № 127. Rezhim dostupa: SPS «Konsul'tantPlyus».

[20] Ugolovnyj kodeks Gruzii ot 22 iyulya 1999 g. / nauch. red. Z.K. Bigvava / per. s gruz. I. Meridzhanashvili. - SPb.: Izd-vo «Yuridicheskij centr Press», 2001; Ugolovnyj kodeks Gruzii ot 22 iyulya 1999 g. [Elektronnyj resurs]. Zakonodatel'nyj vestnik Gruzii. Rezhim dostupa: https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426

[21] Understanding cybercrime: Phenomena, challenges and legal response. September 2012. - P. 221, 222. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.itu.int/ITU-D/cyb/cybersecurity/docs/Cybercrime%20legislation%20EV6.pdf

[22] Charles D. Cybercrime: A Sketch of 18 U.S.C. 1030 and Related Federal Criminal Laws [Elektronnyj resurs]. The Federation of American Scientists. Rezhim dostupa: https://fas.org/sgp/crs/misc/RS20830.pdf

[23] Uniting and strengthening America by providing appropriate tools required to intercept and obstruct terrorism (USA Patriot Act) Act of 2001 [Elektronnyj resurs]. United States Government Publishing Office. Rezhim dostupa: https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ56/pdf/PLAW-107publ56.pdf

[24] The Terrorism Act 2006 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://www.gov.uk/government/publications/the-terrorism-act-2006

[25] Computer Misuse Act 1990 [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/18/enacted

[26] Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Novye vektory razvitiya informacionnogo prava v usloviyah civilizacionnogo krizisa i cifrovoj transformacii // Gosudarstvo i pravo. 2020. № 5. S. 75–87. DOI: 10.31857/S013207690009678-7

[27] Polyakova T.A., Minbaleev A.V., Krotkova N.V. Obzor Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Informacionnoe prostranstvo: obespechenie informacionnoj bezopasnosti i pravo» – Pervye Bachilovskie chteniya // Gosudarstvo i pravo. 2018. № 9. S. 138–148. DOI: 10.31857/S013207690001525-9

ПЬЯНКОВ Матвей Николаевич,
старший научный сотрудник
ФКУ НИИ ФСИН России,
г. Москва, Российская Федерация
e-mail.ru: Matwcha@mail.ru

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *В статье рассматривается вопросы взаимодействия оперативных подразделений следственных изоляторов пенитенциарной системы России. Акцентируется внимание на аспектах правового регулирования такого рода общественных отношений. Анализируются отдельные вопросы роли оперативных структур в безопасности уголовно-исполнительной системы.*

Ключевые слова: *оперативные подразделения, следственные изоляторы, взаимодействие, уголовно-исполнительная система, правовое регулирование.*

PYANKOV Matvey Nikolaevich,
Senior Researcher of Research Institute
of theFederal Penitentiary Service of Russia,
Moscow, Russian Federation

INTERACTION BETWEEN OPERATIONAL DIVISIONS OF INTERANAL AFFAIRS AGENCIES AND PRE-TRIAL DETENTION CENTERS OF THE RUSSIAN FEDERATATIONS PENAL ENFORCEMENT SYSTEM

Annotation. *The article examines the issues of interaction between operational units of pre-trial detention centers of the Russian penitentiary system. The attention is focused on the aspects of legal regulation of this kind of social relations. Some issues of the role of operational structures in the security of the penitentiary system are analyzed.*

Key words: *operational subdivisions, pre-trial detention centers, interaction, penal system, legal regulation.*

На основе общих принципов оперативно-розыскной деятельности, закрепленных в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» (конспирация, сочетание гласных и негласных методов и средств) при обязательном соблюдении конституционных принципов [1]. На таких принципах как законность, равенство граждан перед законом, уважение и соблюдение прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее - ОРД) строится взаимодействие между оперативными подразделениями органов внутренних дел (далее - ОВД) и следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы (далее - УИС) [3; 5]. От качества взаимодействия оперативных подразделений различных структур в процессе решения оперативных задач зависть эффективность борьбы с преступностью [9, с. 54–58].

Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 является одним из основных документов определяющим основные направления и полномочия правоохранительных органов в указной сфере [6]. Однако содержащийся в названном Указе перечень направлений совместной деятельности не отражает всего спектра взаимосвязанных направлений деятельности органов внутренних дел и уголовно-исполнительной системы.

Общие правила организации деятельности органов исполнительной власти установлены Типовым регламентом взаимодействия федеральных органов исполнительной власти [7]. Порядок взаимодействия федеральных органов исполнительной власти в ходе осуществления ими действий по реализации государственных функций и оказанию государственных услуг, включая образование координационных и совещательных органов, определяется нормативными правовыми актами Президента Российской Федерации,

Правительства Российской Федерации, а также согласованными или совместными актами федеральных органов исполнительной власти.

На уровне межведомственного взаимодействия необходимо отметить следующие нормативные правовые акты, раскрывающие порядок взаимодействия:

- приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, ФСБ России, СК России, ФСКН России ФТС России, ФСИН России от 14 мая 2013 г. № 192/420/279/15/229/1071/293 «Об утверждении Положения об организации межведомственного взаимодействия по противодействию преступлениям, совершаемым организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями)»;

- приказ МВД России, Минюста России от 11 сентября 1998 «Об утверждении Инструкции об организации взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации и учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации в сфере оперативно-розыскной деятельности»;

- приказ МВД России, ФСИН России от 02 июня 2014 г. № 039/012 «О мерах по совершенствованию взаимодействия оперативных подразделений территориальных органов МВД России по субъектам Российской Федераций, следственных изоляторов».

Также порядок взаимодействия предусмотрен иными нормативными документами:

- соглашение об обмене информацией в электронном виде № 1/23-637-01/1/11940 от 18 декабря 2012 г. Предметом данного соглашения являются организация обмена сведениями, содержащимися в автоматизированных информационных системах и представляющими интерес при выявлении возложенных на ФСИН России и МВД России задач;

- соглашение «О взаимодействии между МВД Российской Федерации и ФСИН России по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений в сфере экономики» (рег. № 7/3-122507, 8-49483 от 29 августа 2016 г.).

Совместные приказы правоохранительных органов, затрагивающих вопросы взаимодействия территориальных органов МВД России и ФСИН России на региональном уровне, существуют в каждом субъекте страны.

Например: приказ ГУ МВД России по Краснодарскому краю и УФСИН Российской Федерации по Краснодарскому краю от 28 февраля 2013 г. № 283/168 «О координационно-методическом совете», регламентирует взаимодействие оперативных подразделений ГУ МВД России по Краснодарскому краю и УФСИН России по Краснодарскому краю. Основной формой взаимодействия является проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее - ОРМ), в том числе оперативно-технических. Работа координационно-методического совета осуществляется на основе планирования и коллегиальности в решении вопросов ОРД при их обсуждении, совместные заседания проводятся по мере необходимости, итоги заседания оформляются протоколами. Поддерживаем точку зрения А.В. Быкова о том, что углубленный анализ состояния правового обеспечения ОРД и УИС, дает основание утверждать, что ни в Федеральном законе об ОРД [2], ни в Уголовно-исполнительном кодексе РФ (далее – УИК РФ) [4], ни в других вышеупомянутых законодательных актах не прописан механизм взаимодействия оперативных подразделений учреждений и органов УИС с оперативными подразделениями других государственных органов, осуществляющих ОРД [8, с. 6-10]. Отдельные элементы этого механизма лишь просматриваются в Законе об ОРД (ст. 6, 7, 13, 14) [2] и УИК РФ (ст. 84) [4]. Прямое указание применительно к следственным изоляторам УИС содержится в ст. 13 Закона об ОРД, где предписано, что «оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, вправе проводить совместно с работниками уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскные мероприятия в следственных изоляторах уголовно – исполнительной системы». Следовательно, законодатели исходили из того, что вопросы взаимодействия органов, осуществляющих ОРД, более уместно регламентировать на подзаконном, межведомственном уровне [2].

Работа по взаимодействию оперативных подразделений следственных изоляторов УИС и ОВД осуществляется не только на территории следственных изоляторов УИС, но за ее пределами, что продиктовано обстоятельствами расследования преступлений, а также предусмотрено на законодательном уровне.

Согласно Федеральному закону об ОРД [2] и УИК РФ [4] допускается проведение ОРМ за пределами следственных изоляторов УИС в случаях:

- предупреждения, раскрытия подготовленного, совершаемого или совершенного в учреждениях и органах УИС преступления подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными и (или) иными лицами;

- исполнения поручения следователя, руководителя следственного органа, органа дознания, определения суда по находящимся в их производстве уголовным делам и материалами проверки сообщений о преступлениях;

- исполнения заданий иных субъектов ОРД в рамках межведомственного взаимодействия.

Система правового регулирования осуществления ОРД оперативными подразделениями ОВД и следственными изоляторами УИС на федеральном и региональном уровне успешно реализуется на практике. Однако, касаемо правового регулирования взаимодействия двух ведомств при осуществлении ОРД, можно сделать вывод, что оно более сформировано на региональном уровне. Вопросы межведомственного взаимодействия оперативных подразделений ОВД и следственных изоляторов УИС на федеральном уровне носят общий характер, механизм и алгоритм взаимодействия законодательно не закреплены. Рассматривая оперативные подразделения ОВД и следственных изоляторов УИС можно говорить о способны эффективно функционировать не изолировано, а в рамках единой системы во взаимодействия, не смотря на их самостоятельность в системе правоохранительных органов. В науке управления есть распространенная точка зрения о том, что взаимодействие - это одна из форм управления как направленного воздействия, осуществляемого для достижения конкретной цели [9]. Можно выделить такие виды взаимодействия, как гласное и негласное. Прежде всего, это относится к реализации непосредственно оперативно-розыскной информации в процессе взаимодействия и вытекает из самой сущности ОРД, сформулированные в соответствующих статьях Закона об ОРД [2].

Процесс совместной согласованной деятельности можно подразделить на этапы: организационный и тактический. Организационный этап включает в себя рабочие встречи между субъектами взаимодействия, формулирование целей и задач, согласование взаимных прав и обязанностей, определение порядка обмена информацией, подготовку совместных документов и т.д. Тактический этап взаимодействия заключается в реализации намеченных целей и задач с использованием выработанных практикой и теорий тактических приемов, методов и форм совместной согласованной деятельности.

Взаимодействие можно сгруппировать по следующим направлениям:

- совместное проведение совещаний по конкретным организационным, оперативно-розыскным, следственным направлениям;
- аналитическая деятельность и планирование, принятие на его основе управленческого решения;
- двусторонний обмен информацией;
- ресурсный (силы и средства) обмен;
- разработка и издание совместных межведомственных подзаконных актов, обзоров и методических рекомендации по взаимодействию.

Наиболее часто встречающиеся формы взаимодействия оперативных подразделений органов внутренней службы и следственных изоляторов УИС это: проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов, межведомственных совещаний, рабочих встреч по вопросам проведения совместных мероприятий.

В 2019 г. ГУ МВД России по г. Москве состоялось 36 рабочих встреч с руководящим составом подразделений ФСИН России по г. Москве, в ходе которых обсуждались вопросы обмена оперативно значимой информацией, проведения совместных оперативно-розыскных и специально-технических мероприятий, в том числе направленных на выявление и пресечение преступлений коррупционной направленности.

В декабре 2019 г. состоялось два координационных совещания руководителей правоохранительных органов Пермского края по вопросам «О повышении эффективности межведомственного взаимодействия правоохранительных органов в сфере борьбы с коррупционными преступлениями».

Регулярно проводятся совместные координационные совещания с УФСИН России по Московской области при начальнике ГУ МВД России по Московской области, на которых рассматриваются вопросы организации взаимодействия оперативных подразделений ГУ МВД и ФСИН России по субъекту Российской Федерации в части профилактики, предупреждения и раскрытия преступлений, реализации совместных приказов, а также подводятся итоги по данному направлению оперативно-служебной деятельности.

Одним из положительных примеров данной формы взаимодействия является решения координационного совещания правоохранительных органов Кемеровской области от 20 февраля 2020 г. № 1 «О состоянии организации взаимодействия правоохранительных органов Кемеровской области при осуществлении оперативно-розыскной деятельности». В соответствии с п. 1.6.2 данного решения за линией взаимодействия с правоохранительными органами закреплены 17 сотрудников ГУФСИН России по Кемеровской области. Приказом ГУ МВД России по Кемеровской области от 31 марта 2020 г. № 131 «О назначении оперативных сотрудников ГУ МВД России, ответственных за взаимодействие с ГУФСИН России по Кемеровской области», закреплено 19 сотрудников оперативных подразделений, в должностные инструкции которых внесены обязанности по взаимодействию с учреждениями ФСИН, в том числе СИЗО. Таким образом, на региональном уровне в целях решения вопросов в рамках взаимодействия опе-

ративных подразделений МВД России с УИС ежеквартально проводятся координационные совещания, на которых рассматриваются проблемные аспекты взаимодействия и принимаются меры по их устранению, на постоянной основе осуществляется комплекс мероприятий, направленных на обмен информацией, для этого создаются все необходимые условия.

На совещаниях рассматриваются следующие вопросы:

- результаты взаимодействия оперативных служб в раскрытии преступлений, зарегистрированных на территории субъекта страны;
- противодействие преступлениям, совершенным с использование IT- технологий;
- борьба с организованной преступностью с учетом содержащихся в учреждениях и следственных изоляторах УИС авторитетов, лидеров уголовно-криминальной среды;
- разработка лиц, содержащихся в следственных изоляторах УИС, по инициативным заданиям территориальных органов внутренних дел и другим.

Нередко в территориальных ОВД для успешного взаимодействия между ведомствами назначаются ответственный сотрудник, кроме того, в большинстве регионов успешно апробирована система межведомственных рабочих совещаний, на которых рассматриваются вопросы оперативного сопровождения уголовных дел. В рамках оперативного учета разрабатываются совместные планы. Таким образом, можно определить, что взаимодействие между оперативными подразделениями органов внутренних дел и следственных изоляторов УИС организовано по следующим направлениям: а) направление заданий сотрудниками оперативных подразделений ОВД в оперативные подразделения следственных изоляторов УИС на разработку подозреваемых, обвиняемых и осужденных; в) проверка оперативными подразделениями ОВД явок с повинной и информации, поступающей из следственных изоляторов УИС в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных; г) взаимный обмен оперативно значимой информацией между оперативными подразделениями ОВД и следственными изоляторами УИС; д) совместное проведение ОРМ оперативными подразделениями ОВД и следственными изоляторами УИС.

В целях повышения эффективности деятельности оперативных подразделений ОВД и следственных изоляторов УИС по раскрытию преступлений в следственных изоляторах УИС представляется возможным внести следующие предложения:

Предложения нормативно-правового характера:

1. Целесообразно разработать единообразный правовой регламент (инструкцию) взаимодействия оперативных подразделений ОВД с оперативными подразделениями следственных изоляторов УИС.

2. Для надлежащего законодательного обеспечения ОРД в специфических условиях следственных изоляторах УИС необходимо обсудить возможность разработки и введения в УИК РФ [4] новой главы, специально посвященной вопросам организации ОРД в следственных изоляторах УИС.

Предложения организационно-управленческого характера:

1. В целях разрешения существующих вопросов и повышения эффективности взаимодействия оперативных подразделений ОВД и следственных изоляторов УИС представляется целесообразным продолжить проведение совместных рабочих встреч и совещаний по рассмотрению вопросов реализации конкретных мер в отношении разрабатываемых лиц.

Предложение организационно-тактического характера:

1. Организовать повышение квалификации сотрудников оперативных подразделений ОВД и следственных изоляторов УИС путем проведения совместных межрегиональных семинаров с целью обмена положительным опытом и выработки практических навыков противодействия преступлениям коррупционной направленности.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс]. – URL: //http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.07.2020).

[2] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. – URL: //http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.07.2020).

[3] Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы: Закон Российской Федерации от 21.07.1993 г. № 5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993 № 33, ст. 1316.

[4] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (посл. ред.) [Электронный ресурс]. – URL: //http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.07.2020).

[5] Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний: Указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 г. № 1314 // Собрание

законодательства Российской Федерации. 2004. № 42. Ст. 4109.

[6] О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью: Указ Президента Российской Федерации от 18.04.1996 г. № 567 [Электронный ресурс]. – URL: //http://www.consultant.ru (дата обращения: 14.07.2020).

[7] О типовом регламенте взаимодействия федеральных органов исполнительной власти: утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 19.01.2005 г. № 30 (ред. от 1.01.2020 г., изм., внес. Постановлением Правительства Российской Федерации от 1.02.2020 г. № 71 [Электронный ресурс]. – URL: http:// www.pravo.gov.ru (дата обращения: 14.07.2020).

[8] Быков А.В. К проблеме правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе // Человек: преступление и наказание. 2018 . Т. 26 (1-4), № 1. – С. 6–10.

[9] Миняшева Г.И. Понятие и значение взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и Федеральной службы исполнения наказаний // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. № 2. – С. 54–58.

Spisok literatury:

[1] Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. [Elektronnyj resurs]. – URL: //http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 14.07.2020).

[2] Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti: Federal'nyj zakon ot 12.08.1995 g. № 144-FZ (posl. red.) [Elektronnyj resurs]. – URL: //http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 14.07.2020).

[3] Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugolovnye nakazaniya v vide lisheniya svobody: Zakon Rossijskoj Federacii ot 21.07.1993 g. № 5473-1 // Vedomosti S»ezda narodnyh deputatov i Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii. 1993 № 33, st. 1316.

[4] Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 08.01.1997 № 1-FZ (posl. red.) [Elektronnyj resurs]. – URL: //http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 14.07.2020).

[5] Voprosy Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13.10.2004 g. № 1314 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2004. № 42. St. 4109.

[6] O koordinacii deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov po bor'be s prestupnost'yu: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 18.04.1996 g. № 567 [Elektronnyj resurs]. – URL: //http://www.consultant.ru (data obrashcheniya: 14.07.2020).

[7] O tipovom reglamente vzaimodejstviya federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti: utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 19.01.2005 g. № 30 (red. ot 1.01.2020 g., izm., vnes. Postanovleniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 1.02.2020 g. № 71 [Elektronnyj resurs]. – URL: http:// www.pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 14.07.2020).

[8] Bykov A.V. K probleme pravovogo regulirovaniya operativno-rozysknoj deyatel'nosti v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2018 . T. 26 (1-4), № 1. – S. 6–10.

[9] Minyasheva G.I. Ponyatie i znachenie vzaimodejstviya operativnyh podrazdelenij organov vnutrennih del i Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazanij // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2017. № 2. – S. 54–58.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство «**ЮРКОМПАНИ**» издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

ЮРИДИЧЕСКИЙ АРХИВ

УДК 34.05; 341.01; 342.1; 349.4
ББК 67.9; 67.400; 67.40

КОРОЛЕВ Сергей Викторович,
доктор юридических наук, профессор ГУЗ,
главный научный сотрудник Института
государства и права РАН
e-mail: sko.05@mail.ru

ЛЯЛИНА Ирина Сергеевна,
кандидат юридических наук,
научный сотрудник Института
государства и права РАН
e-mail: irlyalina@yandex.ru

САНГАДЖИЕВА Клавдия Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент ГУЗ,
федеральный судья РФ в отставке

«ИНДЕЙСКИЙ ВОПРОС» США В ФОКУСЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И АНГЛИЙСКОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ПРАВА

For what is the land but the profit thereof? [1]
Sir Edward Coke [2]

Аннотация. *«Индейский вопрос» США - слишком сложное явление. Авторы сузили его до вопроса о том, каким образом индейцы утратили свои земли не только фактически, но и юридически. Однако даже в узком юридическом контексте «индейский вопрос» представляет собой запутанный клубок аргументов из международного, конституционного, договорного, деликтного и, не в последнюю очередь, английского земельного права. В начале XIX в. американские юристы и политики нашли «решение индейского вопроса» на стыке идеологии международного права и традиционной практики английского земельного права (real estate law). Авторы отмечают, что юристы и политики США XIX в. существенно деформировали предложенную ещё Гроцием и творчески переработанную Пуфендорфом международно-правовую теорию оккупации (завладения). Вместо нее американский политический истеблишмент распространял т.н. теорию проживания, которая преподносилась как законная интерпретация классической теории оккупации в терминах Гроция и Пуфендорфа. Официальный статус теория проживания или пользования получила в решении Верховного суда США по делу «Джонсон против М'Интоша» 1823 г. Вопреки идеологическим предрассудкам, североамериканские индейцы не были кочевниками в строгом смысле этого слова, как, например, средневековые монголы. Индейцы традиционно практиковали т.н. гендерное земледелие, т.е. сельским хозяйством занимались только женщины. При этом индейские семьи пользовались т.н. функциональными правами на землю, например, право собирать целебные травы на определенном поле, право охотиться там, куда ушло стадо бизонов, при условии, что бизоны не перешли границу, отделяющую земли одного племени от земель другого. Во многом похожим было и обычное земельное право средневековой Англии. Однако в XIX в. английское земельное право из объективного права функциональных прав на землю окончательно превратилось в «право огороженных участков» (enclosure). Авторы делают вывод, что обычное земельное право североамериканских индейцев (за исключением гендерного аспекта), как и средневековое английское право функциональных прав на землю, является более адекватным ответом на вызовы глобального экологического кризиса, чем господствующее во всем мире абсолютное «право огороженных участков».*

Ключевые слова: *«индейский вопрос» в США, теория международного права, английское земельное право, преимущественные права на землю, (абсолютное) право собственности на землю.*

KOROLEV Sergey Victorovich,
Doctor of Law, is a chief scientific researcher at the State and Law Institute (RAS), full professor

LYALINA Irina Sergeevna,
PhD in Law, a senior scientific researcher at the State and Law Institute (RAS)

SANGAJIEVA Klavdia Vasilevna,
PhD in Law and a retired federal judge, associate professor at the State Lan Use University

THE AMERICAN "INDIAN QUESTION" IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL LAW THEORY AND THE ENGLISH REAL ESTATE LAW

Annotation. *The American 'Indian question' is a very complex phenomenon. The authors have narrowed it to the question of how the American Indians forfeited their lands not only actually but also legally. Even in the narrow legal frame the 'Indian question' turns out to be an interplay of arguments from the domains of international, constitutional, private - both contract and torts – law, and – last but not least – English real estate law. In the beginning of the 19th century, American lawyers and politicians did 'solve' the 'Indian Question' at the juncture of the international law ideology and the practice of the English real estate law adjudication. The authors single out, that American lawyers and politicians of the 19th century have mutilated the international law occupation theory established by Grotius and further elaborated by Pufendorf. Instead, the American political establishment propagated the so called tenants theory, which was sold as a legitimate 'interpretation' of the classical occupation theory in terms of Grotius and Pufendorf. The American tenants theory acquired its official status in the case Johnson vs. M'Intosh of 1823. Against the ideological prejudice, American Indians were no nomadic people in the strict sense like medieval Mongols. American Indians were traditionally engaged in agriculture but there was a gender bias of it, i.e. only women were agricultural workers. Indian families were beneficiaries of functional real estate rights. For example, the same family may have an access to a field with a multitude of healing herbs on it or have a right to follow buffaloes wherever they go, provided, that the buffaloes have not crossed the border that separates the lands of the one tribe from the lands of another. The medieval English common law was very much like this. But, in the beginning of the 19th century the English law of functional real estate rights eventually evolved into the law of real estate enclosures. The authors conclude that the common Indian land law, if we dismiss the gender aspect of it, as well as the English medieval law of functional real estate rights are more adequate to face the challenge of the global ecological crisis, than the globally dominant law of real estate enclosures.*

Key words: *the American "Indian question", international law theory, English real estate law, preemption rights, fee simple.*

Приведенное в эпиграфе изречение сэра Кока (1552–1634) - одного из самых известных и противоречивых английских юристов – удачно иллюстрирует пропасть между растворенным в природе самосознанием «краснокожего дикаря» и жаждой наживы хрестоматийного английского землевладельца. Здесь, на наш взгляд, кроется разгадка «индейского вопроса», который символизирует (ещё одно) «столкновение цивилизаций» в духе Сэмюэля Хантингтона [3]. При взаимном цивилизационном отторжении между аборигенами и европейскими переселенцами не надо быть марксистом, чтобы исключить какую-либо возможность взаимопонимания между ними и признать неизбежность их фатального конфликта в духе бинарной теории «друг – враг» Карла Шмитта [4].

Как видим, «индейский вопрос» в США – слишком обширная тема, чтобы уместиться в «прокрустово ложе» юриспруденции. По необходимости мы вынуждены сузить его до – казалось бы – чисто юридического вопроса о том, как североамериканские индейцы полностью «потеряли свои земли» в период с XVII до начала XX в. [5]. Но и здесь никак не удается удержать анализ в рамках одной «главенствующей» отрасли права.

Ясно лишь одно: с точки зрения истории права «индейский вопрос» в США – это безнадежно запутанный клубок аргументов из области международного, конституционного, частного (договорного и деликтного) и – не в последнюю очередь – английского земельного права. Забегая вперед, можно утверждать, что генезис проблемы скорее лежит на стыке *идеологии* тогдашнего международного права и традиционной *практики* английского (колониального) земельного права (real estate law).

В этой связи, уместно провести одну историческую параллель: Российская Империя «утратила» Аляску на основании договора 1867 г. между Россией и Североамериканскими штатами. Этот договор (treaty) по форме и содержанию носит международно-правовой характер. Похожие «договоры» (treaties) английские колониальные власти, а затем и независимые североамериканские штаты заключали и с индейскими племенами, т.е. с их вождями. Но можно ли проводить полную аналогию между договором о продаже Аляски 1867 г. и «договорами» между индейцами и европейскими переселенцами о «продаже» земли?

Как замечает Стюарт Баннер, действительно, «были транзакции, которые назывались “treaties”, но они, разумеется, не были настоящими контрактами, так как индейцы не давали *согласия* на продажу своей земли. В отличие от европейских поселенцев у индейцев были иные представления о собственности, так что они не могли понимать, *что* европейцы подразумевают под “продажей”» [6].

Мы видим в этой цитате, что Баннер сразу же подменяет международно-правовое понятие “treaty” частноправовым термином “contract”. Разумеется, мы далеки от мысли считать, что известный американский исследователь не разграничивает эти понятия. Скорее, невольный «симбиоз» этих терминов объясняется выше указанной запутанностью «индейского вопроса». В самом деле, если индейцы не знали, что именно означает само английское слово “contract”, то откуда им было узнать разницу между частноправовым контрактом и международно-правовым договором? Откуда они могли знать, что международное право возникло как “jus belli ac pacis“ [7] и что новая система права имела своего уникального автора – голландца Гуго Гроция (1583 - 1645)?

Кто знает, если бы Гроций был среди ранних кураторов «индейского вопроса», то, быть может, американская трактовка его теории завладения (оккупации) не превратилась бы в теорию пользования (проживания) в духе Джона Маршалла (см. ниже). Как бы то ни было, аргументация Гроция «работает» на сторону аборигенов и, соответственно, против утвердившейся в 20 годы XIX в. указанной доктрины Маршалла. Вот что утверждает Гроций: «Любые места, которые оказались во владении от имени суверена, или от имени целого народа, хотя и не разделенные на наделы между индивидами, не могут считаться пустующими, но считаются собственностью первого завладевшего, будь то король или целый народ» [8].

Голос Гроция не остался «гласом вопиющего в пустыне». Не менее знаменитый младший современник Гроция профессор международного права в Гейдельберге Сэмюэль Пуфендорф (1632 - 1694) оригинально переработал начатую Гуго Гроцием универсальную концепцию международного права. В рамках этой концепции Пуфендорфу удалось придать римской цивилистической концепции “occupation” (завладение) международно-правовое звучание. В частности, как раз для целей международного права как – в идеале - «права мирного сосуществования» Пуфендорф переосмыслил институт собственности. В этом же ракурсе он развивал и собственную теорию оккупации, или завладения. Как сказано выше, термин “occupation” применялся ещё римскими юристами как обоснование господства, скажем, над res nullius [9] того лица, кто эту вещь нашел. Если нашедший субъективно намерен завладеть этой вещью, то два этих момента – объективное обнаружение и субъективное присвоение – являются необходимыми и достаточными для возникновения права собственности на данную вещь. Римские юристы даже допускали, что обнаруженный кем-то в море необитаемый остров, также позволяет «первооткрывателю» заявить свое право господства над ним в терминах “occupation” [10].

В интерпретации Пуфендорфа теория завладения, или оккупации означает, что народ имеет право на определенную территорию по факту своего пребывания на ней, т.е. по факту своего проживания на этой территории. Но Пуфендорф как представитель не только международного, но и естественного (разумного) права сделал существенные оговорки. Они – как и аргументы Гроция – впоследствии получили своеобразное переосмысление в решениях судов США по т.н. «индейскому вопросу» [11].

С точки зрения естественного (разумного) права согласно Пуфендорфу – в отличие от Гроция – оккупации (завладению) вещей предшествует их распределение: «те же вещи, которые не были приписаны определенному лицу в первоначальном распределении вещей, уступаются первому, кто их занял» [12]. Далее, ссылаясь на Гроция, который разделял доминиум (собственность в абсолютном смысле) на первоначальный и производный, Пуфендорф поясняет, в чем эти

два вида отличаются друг от друга. В первом случае «собственность изначально вводится в определенную вещь, во втором случае уже установленная собственность переводится с одного человека на другого» [13].

В первом предложении этой цитаты Пуфендорф, похоже, ещё придерживается логики римского “ius rerum” [14]. Он буквально погружает идею собственности в конкретную вещь, которая как бы притягивает к себе «своего» собственника. Однако во втором предложении Пуфендорф, похоже, колеблется между позицией римских юристов и точкой зрения Гроция [15].

Для последнего собственность – это, прежде всего, личное *право, статус* субъекта, а не юридическое свойство *вещи*. Более того, то, что современные цивилисты называют вещным правом, для Гроция скорее есть *casus specialis* [16] личного права. Право – это «*моральное качество,* присовокупленное к лицу, позволяющее ему *иметь или делать что-либо по справедливости*» [17]. По Гроцию, скорее статус индивида как собственника «притягивает» к нему его «собственную вещь», а не наоборот. В интерпретации Гроция собственность следует за *лицом*, а не человек как бы прикладывается к *вещи* и, тем самым, опознается - или нет - как «её» собственник, как это следует из логики “ius rerum” и римской цивилистики.

Далее, Пуфендорф – уже без оглядки на Гроция – приводит примеры рационального первоначального распределения собственности на вещи, которые изначально находились в общем имуществе. Такое распределение согласно Пуфендорфу может быть осуществлено на основании отеческого решения, по общему согласию, по жребию, или же по индивидуальному выбору. Те вещи, которые не стали объектами первоначального распределения, по общему мнению, будут достоянием того, кто ими завладеет, т.е. того, «кто первым их физически захватит с намерением удержать их для себя» [18].

Что касается недвижимости, то Пуфендорф считает важным снабдить выше указанные аргументы, имеющие силу только для движимых вещей, существенными оговорками: «Что касается завладения недвижимыми вещами и, особенно, землей, то мы должны раздельно рассмотреть случай, когда это сделано одним лицом и случай, когда это сделано несколькими сразу. Можно считать, что отдельное лицо завладело земельным участком, когда оно его культивирует или обозначило его определенными границами. Однако эти границы не должны вмещать в себя больше того, *что* одна семья, даже (со временем. – *Авт.*) значительно преумноженная, сможет правдоподобно поддерживать. Ведь если, например, муж со своей женой был доставлен на пустующий остров, достаточный для содержания мириадов людей, то будет наглостью с его стороны требовать весь остров для себя на основании титула оккупации (первоначального завладения. – *Авт.*) и стараться изгнать тех, кто высадился на другой части острова» [19].

Согласно Пуфендорфу, следует различать индивидуальный (сингулярный) титул оккупации и коллективный (универсальный) титул оккупации. Последний закрепляется за неким «множеством людей сразу». Коллективный титул оккупации – в отличие от индивидуального – имеет международно-правовое значение. Он охватывает не только недвижимость, но все движимые и «самодвижущиеся» вещи, включая минеральные объекты, а также всю флору и фауну в пределах всего оккупированного «тракта» земельной поверхности. Важное юридическое отличие первого титула оккупации от второго заключается в том, что индивидуальный титул оккупации в принципе отчуждаем, даже в пользу «первого встречного». Коллективный же титул оккупации не подлежит отчуждению и принадлежит «одному и тому же государству» [20], или народу.

Теория оккупации Пуфендорфа до сих пор актуальна: её отзвуки, например, соприсутствуют в российском законодательстве о малочисленных народах России, прежде всего, в части их приоритетных прав на землепользование в местах их постоянного обитания. Правда, эти приоритетные коллективные права во многом придавлены «нефтегазовым» менталитетом государственной политики России, но здесь не место развивать эту тему.

В Новом Свете вопреки благим намерениям и разумной позиции Гроция и Пуфендорфа теория оккупации приобрела зловещий смысл и фактически предопределила дальнейшие судьбы североамериканских индейцев. Произошло это, прежде всего, тщанием влиятельных американских юристов. В знаменитом решении по делу *Джонсон против М’Интоша* 1823 г. председатель Верховного суда Джон Маршалл сформулировал до сих пор господствующий тезис о том, что индейцы не являются собственниками земель, в которых проживают, а являются только пользователями, или «держателями» земельных угодий (tenants) [21]. Этот тезис невозможно согласовать с только что рассмотренными доктринами оккупации Гроция и Пуфендорфа. Как мы видели, согласно международно-правовой доктрине оккупации титул завладения, или оккупации должен принадлежать аборигенам, т.е. индейцам.

Поскольку трайбализм и клановое мышление тогдашних индейцев несовместимы с моделью *индивидуальной* оккупации земельного

участка, то остается только проанализировать модель коллективной оккупации новых (пустующих) земель определенным индейским племенем, скажем, на востоке современных США. При условии, что земли были действительно пустующими и что данное племя решило обосноваться на этой вновь открытой земле, мы получаем безупречный титул коллективной оккупации соответствующего тракта данным индейским племенем.

Что касается европейских переселенцев, то теория оккупации Пуфендорфа здесь неприменима ни в терминах индивидуального, ни коллективного титула оккупации как обоснование их права собственности. Отдельно взятые переселенцы на раннем этапе становления североамериканских колоний Великобритании и Франции могли приобретать титулы на землю лишь посредством заключения контрактов с аборигенами [22]. Оставался, разумеется, и альтернативный способ силового захвата земель, но он даже в контексте международного «военного права» (Kriegsrecht) не может считаться безупречным.

Именно поэтому уже на уровне конституционного права США «индейский вопрос», который мы здесь сузили до вопроса о том, каким образом индейцы утратили свои земли, попал в перекрестье сразу двух взаимно связанных доктрин, а именно (1) доктрины открытия (doctrine of discovery) и (2) доктрины завоевания (doctrine of conquest). Таким образом, политика завоевания преподносилась американскими политиками и юристами не в терминах неприкрытой внешней агрессии, а как один из возможных модусов поведения «первооткрывателя». При этом опция завоевания была как бы «зарезервирована» именно за «первооткрывателем», а не за прочими «опоздавшими» колониальными державами.

В силу международно-правового континуитета США как победитель в войне за независимость (1775–1783) унаследовали статус «первооткрывателя» Северной Америки от Великобритании. В ходе этой войны и в первые годы независимости возникла правовая неопределенность, поскольку право колониальной Англии уже «уходило», а национальное право независимых США еще не «пришло». Такое пребывание общества между старым и новым правопорядком называют «аномией», т.е. дословно «беззаконием».

Более того, поскольку США возникли как конфедерация, каждый штат развивал собственное право, порой без оглядки на правовую политику других штатов. Соответственно, что было «юридической обязанностью» в одном штате, могло быть «свободой» в другом. Лишь постепенно и с большим трудом партии федералистов из Вашингтона удавалось внедрять единые федеральные стандарты по всей стране. Оплотом федералистов стал и Верховный суд под председательством знаменитого Джона Маршалла.

Таким образом, «индейский вопрос» в США как вопрос об утрате индейцами своих земель невозможно анализировать вне контекста доктрины открытия, доктрины завоевания и принципа федерализма. Однако, несмотря на факт правовой неопределенности в первые годы независимости, период аномии в США не имел таких катастрофических последствий, как период затяжной аномии после краха Российской империи. Дело в том, что многие колониальные акты Британской короны, особенно в отношении судеб аборигенов и мест их обитания, были молчаливо интегрированы в независимое национальное право США.

Что касается английского земельного права, особенно в части приобретения, отчуждения и аренды земельных участков, то весь категориальный аппарат и юридическая техника американских юристов по земельным спорам ничем не отличались от деятельности их английских коллег. Соответственно, как в колониальную эпоху, так и по достижении независимости все сделки с недвижимостью в США по *форме* и *процедуре* должны были следовать канонам английского прецедентного права земельных участков (real estate law). Как видим, у нашего «индейского вопроса» - две параллельные истории: «одна о том, как индейцы фактически утратили свои земли, а другая о (позитивном. – *Авт.*) праве, которое принципиально указывало, каким образом (governed how) индейцы должны были утрачивать свои земли. По отдельности эти истории понять невозможно» [23].

В краткий период аномии после войны за независимость земельные спекулянты США в частном порядке стали заключать сделки купли-продажи крупных массивов земель, которые принадлежали тем или иным индейским племенам и в контексте колониального права Великобритании не подлежали отчуждению. Спекулянты рассчитывали на то, что национальные администрации независимых штатов рано или поздно легализуют эти сделки.

Фатальная ошибка большинства этих спекулянтов заключалось в том, что они не учли тот факт, что в силу международно-правового континуитета от Британской короны к независимым североамериканским штатам перешел и *суверенитет*, прежде всего, *территориальный*. В терминах английского земельного права территориальный суверенитет включает в себя институт преимущественных прав на землю (preemption rights). В контексте «индейского вопроса» в США преимущественные права на землю означали, прежде всего, что все части территории того или иного штата, обитаемые индейскими племенами, являются публичной собственностью этого штата.

А дальше начинаются чудеса колонизаторского мышления: признавая территориальный суверенитет над «индейскими земельными массивами» штата, власти штата отказывались распространять на индейцев также и *персональный* суверенитет [24]. С одной стороны, индейцы могли заключать с европейскими переселенцами сделки купли-продажи земельных участков, но, с другой - индейцы не обладали искоспособностью в американских судах.

В результате, преимущественное право на землю, еще заселенную индейцами, было «зарезервировано» за европейскими переселенцами, а именно как «привилегия, предоставленная правительством фактическому поселенцу на определенном участке публичного домена, выкупить этот участок по фиксированной цене при исключении всех других заявителей» [25]. При такой колонизаторской трактовке преимущественных прав на землю индейское население стало восприниматься лишь как «*quantité negligeable*» [26], а их право собственности на землю как неполная, ущербная собственность.

Англо-американские земельные спекулянты издавна продавали земельные участки вместе с людьми, которые на них проживали. Однако эти люди, как правило, имели статус пользователей, или «жильцов» (tenants). И как часто случалось в истории английского земельного права, сама *форма* договора становилась определяющей *содержание* сделки. Отсюда, купля-продажа объекта земельной недвижимости (вместе с проживающими на нем лицами), постепенно вытеснила из сознания «бледнолицых» американцев представление о том, что индейцы являются собственниками тех земель, на которых проживают. Они стали восприниматься лишь как «жильцы» у своих «лендлордов». Последними являлись правительства независимых штатов.

Когда Джон Маршалл в 1823 г. официально сформулировал доктрину проживания в деле *Джонсон против М'Интоша,* общественное мнение было уже готово воспринять ее как аксиому. Вопреки намерениям Маршалла, который вовсе не был врагом индейцев, доктрина проживания фактически открыла дверь политике массовой депортации (removal) индейских племен в резервации на Западе страны с катастрофическими последствиями для судеб автохтонной цивилизации Северной Америки.

Выводы

1. Англо-американский институт «земельной собственности», как свидетельствует история английского земельного права (land law, or real estate law) в период между XV и XIX вв., имеет одну фатальную цезуру, которая отграничивает *функциональную* систему индивидуального землепользования от зональной системы личных прав на земельный участок. В указанный период разные функциональные права на один и тот же участок могли принадлежать разным людям (один имел право собирать хворост в данном участке леса, другой имел право заниматься на этом же участке бортничеством, третий имел право ловить рыбу в пруду, расположенном в этом же участке и т.п.).

2. Как и сельская беднота в доиндустриальной Англии, индейцы еще до их депортации (removal) в резервации западнее реки Миссисипи обладали личными правами землепользования, которое в чем-то напоминало функциональную, а не зональную систему землепользования. Основанием прекращения права землепользования участком служило «земельно-правовое desuetudo», т.е. неиспользование этого участка по назначению в течении двух лет. В этом случае любой другой индеец данного племени мог «завладеть» этим участком, если имел интерес и серьезное намерение его обрабатывать.

3. К XIX в. в Великобритании система функционального землепользования в сельском хозяйстве почти полностью была вытеснена исключительными правами на все ресурсы в границах единого земельного участка. Эта система землепользования является господствующей практически во всех т.н. цивилизованных странах. На своей родине она известна под именем «enclosure», что означает «замыкание, ограждение» данного участка от всех внешних, т.е. всех, кроме носителя абсолютного права собственности на данный участок.

4. Английские филантропы XIX в. надеялись, что система «огражденных участков» поможет беднейшим слоям населения стать экономически самостоятельными, что у них появится мотивация к тяжелому труду и бережливости. Государственная казна будет избавлена от необходимости как-то поддерживать жалкое существование бедноты, а общественный порядок станет более безопасным с уменьшением нищенского и криминального сословия.

5. В США также в XIX в. получила распространение аналогичная система землепользования, которая стала называться “allotment system”, т.е. система земельных наделов. Политический резонанс она приобрела, прежде всего, как попытка реформировать публично-правовой институт индейских резерваций, где функционировали только личные права землепользования, а не собственности на землю, в частноправовую систему в перспективе отчуждаемых индивидуальных земельных участков.

6. В современную эпоху глобального экологического кризиса есть основание всерьез рас-

смотреть концепцию «Нового средневековья» [27], например, в контексте функциональных (частичных) прав пользования природными ресурсами. Это, разумеется, означает, что *зональная* система исключительных прав должна быть пересмотрена. Скажем, если собственник лесного массива не в состоянии обеспечить надлежащее санитарное состояние деревьев, то в рамках функциональной системы лесопользования дачники прилегающего садового товарищества могли бы выполнять функцию лесных экологов, собирая для своих нужд валежник, расчищая лес от поваленных деревьев и т.п.

Список литературы:

[1] Англ. «Но что такое земля, как не выгода от неё?».

[2] Sheppard St. (ed.) The Selected Writings of Sir Edward Coke [1884] in 3 vol. – Vol. 2. – Indianapolis: Liberty Fund, 2003. – P. 609.

[3] Huntigton S. Ph. The Clash of Civilizations and Remaking of the World Order [1996]. – Simon and Schuster, 2011. – 368 p.

[4] Schmitz M. Die Freund-Feind Theorie Carl Schmitts. – Wiesbaden: Springer, 1965. – 256 s.

[5] Banner St. How the Indians Lost Their Land. – Cambridge, London: The Belknap Press of Harvard UP, 2005. – 343 p.

[6] Banner St. How the Indians Lost Their Land. – Cambridge (Masa.), London: The Belknap Press of Harvard UP, 2005. – P. 1.

[7] Лат. «Право войны и мира».

[8] Grotius H. The Rights of War and Peace. (trans. by A.C. Campbell). - Washington, DC: M. Walker Dunne, 1901. - P. 91.

[9] Лат. «Ничейная вещь».

[10] Mousourakis G. Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition. – Heidelberg, N.Y., Dordrecht, London: Springer. 2015. - P. 118, 119.

[11] Здесь не место рассматривать эту интересную тему. Она заслуживает особого исследования.

[12] Pufendorf S. On the Law of Nature and of Nations in Eight Books // The Political Writings of Samuel Pufendorf / ed. C.L. Carr; translator M.J. Seidler. – N.Y., Oxford: Oxford UP, 1994. – P. 180.

[13] Pufendorf S. On the Law of Nature and of Nations in Eight Books // The Political Writings of Samuel Pufendorf / ed. C.L. Carr; translator M.J. Seidler. – N.Y., Oxford: Oxford UP, 1994. – P. 186.

[14] Лат. «право вещей», т.е. объективное право собственности на «вещи» в широком смысле.

[15] Ittersum, van M. J. Profit and Principle: Hugo Grotius, Natural Rights Theories and the Rise of Dutch Power in the East Indies (1595–1615). – Leiden, Boston: Brill, 2006.

[16] Лат. «Частный случай».

[17] Tuck R. Natural Rights Theories. Their Origin and Development [1979]. – Cambridge: Cambridge UP, 1998. - P. 74.

[18] Pufendorf S. On the Law of Nature and of Nations in Eight Books // The Political Writings of Samuel Pufendorf / ed. C.L. Carr; translator M.J. Seidler. – N.Y., Oxford: Oxford UP, 1994. – P. 186.

[19] Pufendorf S. On the Law of Nature and of Nations in Eight Books // The Political Writings of Samuel Pufendorf / ed. C.L. Carr; translator M.J. Seidler. – N.Y., Oxford: Oxford UP, 1994. – P. 187.

[20] Pufendorf S. On the Law of Nature and of Nations in Eight Books // The Political Writings of Samuel Pufendorf / ed. C.L. Carr; translator M.J. Seidler. – N.Y., Oxford: Oxford UP, 1994. – P. 187.

[21] Robertson L.G. Conquest by Law: How the Discovery of America Dispossessed Indigenous Peoples of Their Lands. – Oxford: Oxford UP, 2005. - P. X.

[22] Здесь не место рассматривать юридическую природу этих контрактов и, прежде всего, вопрос о том, шла ли здесь вообще речь о юридической сделке в смысле любой системы западного права.

[23] Banner St. How the Indians Lost Their Land. – Cambridge (Masa.), London: The Belknap Press of Harvard UP, 2005. – P. 5.

[24] Индейцы получили гражданство США лишь после Первой мировой войны.

[25] Black H.C. Black's Law Dictionary. 6th ed. - St. Paul (Minn.): West Publishing Company, 1990. – P. 1178.

[26] Фр. «Величина, которой можно пренебречь».

[27] Minc A. Le Nouveau Moyen Age. – Paris: Gallimard, 1993. – 249 p.

Spisok literatury:

[1] Angl. «No chto takoe zemlya, kak ne vygoda ot neyo?».

[2] Sheppard St. (ed.) The Selected Writings of Sir Edward Coke [1884] in 3 vol. – Vol. 2. – Indianapolis: Liberty Fund, 2003. – P. 609.

[3] Huntigton S. Ph. The Clash of Civilizations and Remaking of the World Order [1996]. – Simon and Schuster, 2011. – 368 p.

[4] Schmitz M. Die Freund-Feind Theorie Carl Schmitts. – Wiesbaden: Springer, 1965. – 256 s.

[5] Banner St. How the Indians Lost Their Land. – Cambridge, London: The Belknap Press of Harvard UP, 2005. – 343 p.

[6] Banner St. How the Indians Lost Their Land. – Cambridge (Masa.), London: The Belknap Press of Harvard UP, 2005. – P. 1.

[7] Lat. «Pravo vojny i mira».

[8] Grotius H. The Rights of War and Peace. (trans. by A.C. Campbell). - Washington, DC: M. Walker Dunne, 1901. - P. 91.

[9] Lat. «Nichejnaya veshch'».

[10] Mousourakis G. Roman Law and the Origins of the Civil Law Tradition. – Heidel-berg, N.Y., Dordrecht, London: Springer. 2015. - P. 118, 119.

[11] Zdes' ne mesto rassmatrivat' etu interesnuyu temu. Ona zasluzhivaet osobogo issledovaniya.

[12] Pufendorf S. On the Law of Nature and of Nations in Eight Books // The Political Writings of Samuel Pufendorf / ed. C.L. Carr; translator M.J. Seidler. – N.Y., Oxford: Oxford UP, 1994. – P. 180.

[13] Pufendorf S. On the Law of Nature and of Nations in Eight Books // The Political Writings of Samuel Pufendorf / ed. C.L. Carr; translator M.J. Seidler. – N.Y., Oxford: Oxford UP, 1994. – P. 186.

[14] Lat. «pravo veshchej», t.e. ob»ektivnoe pravo sobstvennosti na «veshchi» v shiro-kom smysle.

[15] Ittersum, van M. J. Profit and Principle: Hugo Grotius, Natural Rights Theories and the Rise of Dutch Power in the East Indies (1595–1615). – Leiden, Boston: Brill, 2006.

[16] Lat. «Chastnyj sluchaj».

[17] Tuck R. Natural Rights Theories. Their Origin and Development [1979]. – Cam-bridge: Cambridge UP, 1998. - P. 74.

[18] Pufendorf S. On the Law of Nature and of Nations in Eight Books // The Political Writings of Samuel Pufendorf / ed. C.L. Carr; translator M.J. Seidler. – N.Y., Oxford: Oxford UP, 1994. – P. 186.

[19] Pufendorf S. On the Law of Nature and of Nations in Eight Books // The Political Writings of Samuel Pufendorf / ed. C.L. Carr; translator M.J. Seidler. – N.Y., Oxford: Oxford UP, 1994. – P. 187.

[20] Pufendorf S. On the Law of Nature and of Nations in Eight Books // The Political Writings of Samuel Pufendorf / ed. C.L. Carr; translator M.J. Seidler. – N.Y., Oxford: Oxford UP, 1994. – P. 187.

[21] Robertson L.G. Conquest by Law: How the Discovery of America Dispossessed In-digenous Peoples of Their Lands. – Oxford: Oxford UP, 2005. - P. X.

[22] Zdes' ne mesto rassmatrivat' yuridicheskuyu prirodu etih kontraktov i, prezh-de vsego, vopros o tom, shla li zdes' voobshche rech' o yuridicheskoj sdelke v smysle lyuboj sistemy zapadnogo prava.

[23] Banner St. How the Indians Lost Their Land. – Cambridge (Masa.), London: The Belknap Press of Harvard UP, 2005. – P. 5.

[24] Indejcy poluchili grazhdanstvo SShA lish' posle Pervoj mirovoj vojny.

[25] Black H.C. Black's Law Dictionary. 6th ed. - St. Paul (Minn.): West Publishing Com-pany, 1990. – P. 1178.

[26] Fr. «Velichina, kotoroj mozhno prenebrech'».

[27] Minc A. Le Nouveau Moyen Age. – Paris: Gallimard, 1993. – 249 p.

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич,
доктор юридических наук,
профессор, заведующий отделом теории права и
междисциплинарных исследований законодательства
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права
Московского городского педагогического университета,
e-mail: theory8@izak.ru

КОРТЕСЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСПАНИИ КАК ЭЛЕМЕНТ СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В позднее Средневековье в Европе начали формироваться сословно-представительные органы, которые многие авторы считают естественном развитием демократических принципов Античности, а также родоплеменной системы. В статье рассматриваются причины и процесс формирования кортесов в Испании как одного из элементов сословно-представительной системы. Сделан вывод о важной роли кортесов в развитии испанской государственности.*

Ключевые слова: *Испания, парламент, кортесы, сословно-представительная система.*

PASHENTSEV Dmitry Alekseevich,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory of Law and Interdisciplinary Studies of Legislation
of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation, Professor of the Department of Theory and History
of State and Law of Moscow City Pedagogical University

CORTES IN MEDIEVAL SPAIN AS AN ELEMENT OF THE CLASS-REPRESENTATIVE SYSTEM

Annotation. *In the late Middle Ages in Europe class-representative bodies was formed. Many researches consider them as a result of the natural development of democratic principles of Antiquity, as well as tribal German system. The article discusses the causes and process of formation of Cortes in Spain as one of the elements of the class-representative system.*

Ke ywords. *Spain, Parliament, Cortes, class-representative system.*

В современных условиях глобальные вызовы, инициирующие ситуацию политической нестабильности в мире, заставляют обратиться к переосмыслению вопросов организации и деятельности государственной власти, к поиску в накопленном историческом опыте тех идей, концепций и механизмов, которые в какой-то мере могут быть использованы сегодня. В числе прочего, это относится к исследованию исторического развития демократических учреждений, которые в разных странах имели свои особенности, отвечавшие национальным правовым традициям и «народному духу», о котором писали представители немецкой исторической школы права.

При рассмотрении средневековых представительных учреждений с позиций современной историко-правовой науки возникает множество вопросов. Можно ли считать их предшественниками современных демократических представительных органов или это совершенно самостоятельный независимый феномен? Можно ли вообще переносить на средневековые политические учреждения современные представления, которые связаны с совершенно иной эпохой, а следовательно, с формулировкой принципиально иных ценностей? Эти вопросы занимают многих ученых, которые проводят исследования в сфере истории права. С ними неразрывно связан и еще один вопрос: какой методологический подход необходимо применить, чтобы правильно решить указанные проблемы? При этом выбранный методологический подход может изменить перспективу видения проблемы, и мы получим такие результаты, которые, возможно, не ожидали. В указанном контексте представляет интерес рассмотрение вопросов возникновения и развития испанского сословно-представительного учреж-

дения эпохи Средневековья, которое затем, претерпев период упадка в связи с централизацией власти, вновь возникло на исторической арене, громко заявив о себе принятием первой испанской конституции 1812 г. Речь идет об испанском парламенте – кортесах, деятельность которого пока еще недостаточно подробно исследована в российской юридической науке.

Отметим, что исследование истории европейских сословно-представительных учреждений логично проводить на основе историко-антропологической научной теории, которая, с одной стороны, рассматривает явления с позиции исторической школы права, реконструируя существовавшую правовую традицию в ее обычно-правовом выражении, с другой стороны, учитывает положение современного антропоцентризма о субъекте права как центре правовой системы.

Опираясь на обозначенные методологические позиции, отметим, что в работе кортесов довольно большую роль играли представители так называемого «третьего сословия», хотя на сегодняшний день некоторые учёные (например, Е.Ю. Калинина) сомневаются в правильности применения этого термина. Оно очень схематично и не всегда отражает реальность. Но в целом смысл его ясен: речь идёт о непривилегированных сословиях, которые каким-то образом попадали в совещательные органы и могли работать над проектами, которые затем поступали на согласование королю. Это дало возможность наиболее последовательным сторонникам идеи демократического характера сословно-представительных монархий говорить о том, что в парламентах разных стран Европы проявлялся народный суверенитет (опять же, возможно, ошибка применять этот концепт к тому, что происходило в период Средневековья).

История кортесов включает в себя много столетий, и, разумеется, в этот период их значение, функции, роль менялись. Поэтому следует отметить наиболее важные моменты, характеризующие деятельность этого органа, сконструировать общую схему для дальнейших более подробных исследований.

В развитии кортесов можно отметить определённые закономерности, и эти же закономерности более или менее ярко проявятся, если мы рассмотрим истории других средневековых европейских сословно-представительных учреждений – парламентов.

Для родоплеменного строя характерно рассредоточение власти между разными органами. Властью в равной степени обладают старейшины, военные предводители, жрецы, народные собрания и другие. Каждый отвечает за свой участок деятельности. Нарушить право того или иного органа на принятие решений невозможно, так как это представляет собой нарушение всеобщего порядка, встроенного в мировой порядок. Народные собрания имеют очень важные функции, которые не может взять на себя никакой другой орган. При этом можно согласиться с позицией В.И. Фадеева, писавшего, что «не следует смешивать идею народного представительства, воплощающуюся в деятельности выборного коллегиального органа, призванного выражать во всей ее полноте народную волю, с некоторыми представительными, выборными началами, которые можно обнаружить уже в системе организации управления государственными делами в Древней Греции и Древнем Риме» [8, с. 838].

Далее следует период развития государства, одним из основных признаков которого считается отделение публичной власти от общества. Этот период характеризуется тем, что одна из представленных властных элит занимает особое место, встаёт над волей всех остальных членов общества, может почти беспрепятственно диктовать свою волю. Это не всегда воспринимается как узурпация, поскольку делегирование своих прав такому ответственному за всех лицу ведёт к наибольшей защищённости и упорядоченности. Народные собрания всё более вытесняются из сферы принятия решений. В этой ситуации возможны два варианта последующего развития событий. В одном случае власть настолько авторитарна, что подавляет народные собрания, во втором случае власть понимает, что ей необходима общественная поддержка. Тогда народные собрания могут институционализироваться в новой форме – в качестве прообразов будущих парламентов. Развитие их также неравномерно. В тех государствах, где появляется сословно-представительная система, власть не ослабляется, а наоборот может значительно укрепиться. Чем больше она укрепляется, тем меньше нуждается в этих учреждениях. В итоге их деятельность может затухать, а власть становиться абсолютистской, как произошло в России с земскими соборами. Но затем наступает период Нового времени, когда вновь проявляются идеи и идеалы народного представительства. Фактически наступает новый расцвет представительной (парламентарной) системы, который продолжается до сих пор.

В начале VIII в. на Пиренейский полуостров пришли арабы и разрушили вестготское государство, находившееся в процессе становления. В тех королевствах, которые уцелели, сохранились некоторые элементы прежней системы власти и управления, например, в лице соборов, в которых совместно принимали решения представители светской аристократии и духовные лица. В XII в. в результате долгих и трудных трансформаций вла-

сти при принятии политических решений оказалось необходимым привлечь к этому процессу представителей непривилегированных социальных групп (первые сведения об участии неаристократических групп датируется 1188 г., а более или менее постоянное их участие отсчитывается с 1202 г.). Это стало моментом формирования кортесов, то есть такого учреждения, в котором консультативными правами обладали представители основных сословий общества, кроме самых низших. В кортесах обсуждались религиозные и политические вопросы, но законодательной властью они не обладали [8, с.842]. Однако при этом король не мог принять решения по некоторым вопросам без одобрения кортесов: «обычная формула провозглашения закона …гласила: “Король с согласия кортесов постановил...”» [9, с.171]. Помимо этого представители сословий передавали королю наказы от пославших их сообществ, в которых высказывались просьбы и пожелания [3, с.198].

Всё это свидетельствует о том, что в Испании всегда существовали условия, при которых довольно широкие слои населения могли принимать участие в выработке политико-правовых решений. В Леоне и Кастилии доступ к участию в сословно-представительных органах население получило раньше, чем в других королевствах полуострова, а также ранее, чем в других европейских государствах [7, с. VII], если мы не берём в учёт существующую позицию о признании парламентами скандинавских органов типа тинга. Это не совсем верно, поскольку это, скорее, родоплеменная традиция, сохраняющаяся в период формирования государственности.

Вероятно, что одной из причин такого высокого уровня правосознания населения в Испании можно считать своего рода партнёрские отношения между государством и обществом. Народ был нужен аристократии и королю не только в качестве источника налогов, но и для борьбы с маврами, а главное, для заселения отвоёванных территорий. Для этого между властью и обществом заключались договоры, которые выражались в предоставлении привилегий и иммунитетов. Эти особые права были очень значимыми для кастильского и леонского обществ, как затем и для всех остальных народов, населявших Испанию. Всю свою историю они защищали их от посягательств, не давая власти увеличивать разрыв между собой и обществом. Для этого местные сообщества могли организовывать братства, которые могли на равных выступать во взаимоотношениях с аристократией и властью. В какой-то степени эти демократические начала тормозили становление государства. Соответственно, когда к власти пришёл Альфонс X, который начал создавать централизованную политическую систему в XIII в., которая получила свою реализацию в XIV-XV вв., кортесы начали терять своё влияние.

С другой стороны, уникальность ситуации в Кастилии объясняется и тем, что королям в ряде случаев были выгодны союзы с непривилегированными сословиями, поскольку это давало королю союзников против чрезмерного усиления аристократии. В других странах Европы разрыв между сословиями был более очевидным, что не позволяло создавать союзы короля с «третьим сословием». В Испании, как представляется, этот разрыв не был столь существенным. В результате короли приобрели союзника, а затем могли беспрепятственно избавиться от него, когда им понадобилось укреплять централизованную власть. Короли были заинтересованы в поддержке городов, и пытались заключать с ними и с клириками союзы против аристократии [2, с.320]. Как отметил Р. Альтамира-и-Кревеа, «обычно короли отваживались вести борьбу со знатью лишь косвенными методами, покровительствуя плебеям городов, естественным противникам дворян, и удовлетворяли их просьбы об уравнении в правах с представителями высших сословий» [1, с.271]. Итак, представители непривилегированных сословий находили контакт с королём, в то время как светские и церковные феодалы часто не имели серьёзного влияния на королевскую власть [5, с.12]. В поддержке крестьянства, как правило, короли не нуждались, но в Испании, в отличие от остальной Европы, складывались сильные сельские общины, с которыми королю приходилось считаться. Поэтому в кортесах мы нередко видим представителей крестьянства [4].

При этом король долгое время не обладал особыми методами воздействия на города и сельские общины, точнее у него не было других инструментов, помимо судебных функций, которые повсеместно за ним закреплялись. Однако и судебные функции король мог выполнять, только продираясь через многочисленные препятствия. Именно поэтому нередко исследователи указывают на то, что не только король пользовался городами для противовеса сеньорам, но как раз наоборот, это города использовали короля в своих интересах, в собственной борьбе с теми же аристократами [6, с.53]. С.Д. Червонов сравнивал города средневековой Испании с «государствами в государстве», поскольку они пользовались суверенитетом на своей территории, которая включала, в том числе, возможности использования собственного права и судопроизводства [10, с.158]. Альфонс X смог использовать судебные

функции для укрепления централизованной политической власти и системы управления.

Сословно-представительный характер политико-правовой системы средневековой Испании подчёркивается тем обстоятельством, что король и представители всех сословий должны были присутствовать на его заседаниях. Эпоха упадка кортесов связана с тем, что короля начинают замещать какие-либо другие лица, а представители тех или иных сословий позволяют себе не являться. Именно консолидированность кортесов обеспечивала успех этому органу власти, и с ее утратой начинается закономерный исторический процесс «размывания» сословно-представительной монархии, усиления абсолютистских тенденций. Кортесы в Испании сыграли важную историческую роль, способствуя на определенном этапе развития консолидации властных элит, укреплению государственного механизма, формированию нации как социального конструкта.

Список литературы:

[1] Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. – М.: Издательство иностранной литературы, 1951. – 519 с.

[2] История Европы. Т.2. Средневековая Европа. – М.: Наука, 1992. – 808 с.

[3] Корсунский А.Р. История Испании IX-XIII веков. – М.: Высшая школа, 1976. – 239 с.

[4] Кудрявцев А.Е. История Испании в средние века. - Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. — 250 с.

[5] Кучумов В.А. Становление сословно-представительной монархии в Арагоне и Каталонии в 12-15 вв. – Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. – М., 1990. – 22 с.

[6] Мадатов А.С. Очаги демократии в средневековом обществе // Вопросы политологии. 2015. №1. С. 45-60.

[7] Пискорский В. Кастильские кортесы в переходную эпоху от средних веков к новому времени (1188-1520). – Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1897. – 185 с.

[8] Фадеев В.И. Из истории народного представительства: возникновение сословно-представительных органов // Lex Russica. 2009. Т. 68. № 4. С. 837-863.

[9] Федосов П.А. Двухпалатные парламенты: европейский и отечественный опыт // Полис (Политические исследования). 2001. №1. С. 168-179.

[10] Червонов С.Д. Испанский средневековый город. – М., 2005. – 415 с.

Spisok literatury:

[1] Al'tamira-i-Krevea R. Istoriya Ispanii. – M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1951. – 519 s.

[2] Istoriya Evropy. T.2. Srednevekovaya Evropa. – M.: Nauka, 1992. – 808 s.

[3] Korsunskij A.R. Istoriya Ispanii IX-XIII vekov. – M.: Vysshaya shkola, 1976. – 239 s.

[4] Kudryavcev A.E. Istoriya Ispanii v srednie veka. - L.: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937. — 250 s.

[5] Kuchumov V.A. Stanovlenie soslovno-predstavitel'noj monarhii v Aragone i Katalonii v 12-15 vv. – Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoj stepeni kandidata istoricheskih nauk. – M., 1990. – 22 s.

[6] Madatov A.S. Ochagi demokratii v srednevekovom obshchestve // Voprosy politologii. 2015. №1. S. 45-60.

[7] Piskorskij V. Kastil'skie kortesy v perekhodnuyu epohu ot srednih vekov k novomu vremeni (1188-1520). – Kiev: Tipografiya Imperatorskogo universiteta Sv. Vladimira, 1897. – 185 s.

[8] Fadeev V.I. Iz istorii narodnogo predstavitel'stva: vozniknovenie soslovno-predstavitel'nyh organov // Lex Russica. 2009. T. 68. № 4. S. 837-863.

[9] Fedosov P.A. Dvuhpalatnye parlamenty: evropejskij i otechestvennyj opyt // Polis (Politicheskie issledovaniya). 2001. №1. S. 168-179.

[10] Chervonov S.D. Ispanskij srednevekovyj gorod. – M., 2005. – 415 s.

РЫБАКОВ Олег Юрьевич,
доктор юридических наук,
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философии и социологии
ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Москва,
e-mail: mail@law-books.ru

К ПРОБЛЕМЕ ЛЕГИТИМАЦИИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В ЕВРОПЕ В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ ВАРВАРСКИХ ГОСУДАРСТВ (V-X ВВ.). НА ПРИМЕРЕ АНГЛИИ, ИСПАНИИ, ФРАНЦИИ

Аннотация. *Одной из проблем, которые вызывают живой интерес в современной историко-правовой науке, можно считать проблему легитимности власти. Долгое время эта проблема в основном рассматривалась историками, но представляется, что для науки истории права, если мы рассуждаем о становлении государства, эта проблема достойна рассмотрения. В настоящей статье рассматриваются два основных способа легитимации королевской власти в Европе на примере Франции, Испании и Англии. Сравнительные метод в данном случае даёт обширную перспективу для исследований.*

Ключевые слова: *Легитимность, сакрализация власти, король, Франция, Испания, Англия, Средневековье, Европа.*

RYBAKOV Oleg Yu.,
Doctor of Law, Doctor of Philosophy,
Professor the head of the Department of philosophy and sociology
of «Kutafin Moscow State Law University (MSAL)», Moscow

PROBLEM OF LEGITIMATION OF ROYAL AUTHORITY IN EUROPE DURING THE FORMATION OF THE BARBARIAN STATES (V-X CENTURIES). EXAMPLE OF ENGLAND, SPAIN AND FRANCE

Annotation. *One of the problems that cause great interest in modern historical and legal science can be considered the problem of the legitimacy of power. For a long time this problem was mainly considered by historians, but it seems that for the science of the History of Law, in the framework of the formation of State, this problem is for the future research. This article discusses two main ways of legitimizing the Royal power in Europe on the example of France, Spain and England. Comparative method in this case gives a broad perspective for research.*

Key words: *Legitimacy, sacralisation of power, king, France, Spain, England, Middle Ages, Europe.*

Проблема легитимности и легальности государственной власти – одна из наиболее интересных в правовой науке. Это связано с тем, что по факту они часто не совпадают и не следуют одна за другой. Особенно явно этот разрыв наблюдается в средневековом обществе, когда государственная власть в лице короля находится в процессе становления. В рамках данного исследования предполагается применить сравнительный подход, чтобы выявить, как в ряде государств Европы происходил этот процесс в эпоху Средневековья. Этот период формирования государств, в котором особенно выпукло проявляются процессы эволюции будущей европейской системы права и политической системы. Для сравнения берутся такие раннегосударственные образования как Франция, Англия и Испания.

Итак, речь идёт не только о легальности власти, то есть «приобретении … легального статуса (легальности), что находит свое обоснование в соответствующих правовых актах, но и признание законности этой власти обществом, что не всегда связано с позитивным правом» [8, с.13]. Для этого необходимо создать аргументацию права того или иного лидера занять главенствующее положение. Поскольку принцип наследственности королевской власти устанавливался довольно долго, то каждый раз завоевателю трона нужно было доказать (как минимум, ближайшему окружению), почему именно этот человек, нарушивший уста-

новленные обычаи, имеет право и должен стать правителем. Обоснование – это ключевая проблема легитимации власти. Это обоснование может иметь мало общего с логикой, ещё меньше с существующим понятием о законности (например, когда предыдущий король смещается с трона путём убийства). Но существующая система пропаганды убеждает публику, что произошедшее логично, справедливо, необходимо для будущего процветания государства и каждого члена общества в отдельности.

Начало монархии в Европе связано прежде всего с обоснованием права того или иного рода передавать власть по наследству. Племенные вожди германских племён, которые строили современную Европу, не пользовались этим принципом. У германцев в их социально-правовой структуре выделялся старейшина как наиболее старый и авторитетный человек, который разрабатывал стратегию существования племени, а также вождь. Последний, напротив, должен был быть не слишком молодым, но и не пожилым, поскольку его основной функцией было военное руководство.

Королевская власть вырастает из вождеской с учётом положения и функций старейшины. В догосударственных союзах старейшина и вождь не передавали свои полномочия по наследству. Их власть была выборной. Наследственная власть может считаться признаком перехода от родоплеменной структуры к раннегосударственной. В Европе этот переход связан приблизительно с V-X вв.

В Англии в этот момент происходит период образования государства с помощью пришедших на остров германцев: готов, англов и саксов. Как отметил в своё время Д.М. Петрушевский, именно появление фигуры короля в основном, с политико-правовой точки зрения, отличает так называемых германцев Тацита от англо-саксов периода формирования государственности в Англии [5, с.26]. Король – это бывший вождь, который значительно расширил свои функции, хотя основной – по традиции – оставалась военная. Примерно та же ситуация складывается в этот период во Франции и Испании. В Испании правят вестготы, которые, правда, теряют власть с приходом на Пиренеи восточных завоевателей. Они создавали своё государство с V по VIII в. Затем они были отброшены на север, фактически слились с местным населением. Там до X в. выстраивалось варварское государство, в строительстве которого принимали участие вестготы, местные племена и ассимилировавшиеся римляне.

Самое главное отличие установившейся королевской власти от племенной заключалось в том, что глава политического образования - король как бы вышел за пределы социальной структуры, то есть перестал быть частью общества, встал над ним. Так в догосударственном германском обществе за убийство короля штраф (вергельд) равнялся штрафу за жизнь других свободных людей, по крайней мере, далеко не уходил от него. Король воспринимался как один из членов общества, но облечённый особыми полномочиями. Полностью, правда, король отделился от общества позже: на стыке между родоплеменным и раннегосударственным обществом продолжали действовать традиционные (племенные) и новые (раннегосударственные) институты. Традиционные институты, которые определялись по-новому, например, как уитангемот (собрание мудрых) в Англии – который был, по сути, аристократической частью народного собрания, сохраняли ряд привилегий, одной из которых можно считать избрание короля, а также в ряде случаев его низложение. Д. Клауде упоминает, что бывали случаи не просто избрания короля вестготов в Испании представителями знати, но «акт народного признания» [3, с.54], при том, что детали избрания остались неизвестны.

Таким образом, очевидно, что легитимность королевской власти в Англии в англо-саксонский период определялась, прежде всего, связями, сохранившимися с традиционными политико-правовыми институтами родоплеменных структур. Король не мог пойти против воли членов совета, и все основные решения принимались королём совместно с уитангемотом. В лучшем случае король мог сделать так, чтобы в составе совета оказалось как можно больше его сторонников, и тогда он мог оказывать существенное влияние на принимаемые решения.

Такое легитимирующее влияние аристократии было не по душе многим королям. Им хотелось закрепить всю полноту власти за собой. Для этого нужно было усилить существующую традицию, по которой, как правило, совет избирал на место умершего короля кого-либо из его рода, обычно самого достойного. С течением времени короли добились подтверждения власти старшего сына, а потом выстроенная система начала сама функционировать таким способом, что автоматически королём становился старший сын. Так сложилась наследственная система, при которой легитимация с помощью советов была не столь важна. Но при этом необходимость самой легитимации как таковой продолжала оставаться довольно существенной.

В средневековой Франции короли, пытавшиеся освободиться от опеки традиционных институтов и обычаев, свойственных родоплеменным

отношениям, использовали институт соправления, при котором старший (или выбранный действующим королём) сын уже при жизни отца становится его соправителем. Так принц получал возможность на практике приобрести полезные навыки управления, а также получал официальное признание своего права на престол. После этого, очевидно, он уже не нуждался в повторном утверждении со стороны королевского совета или представителей аристократии. Но это были эпизодические случаи, использовавшиеся тогда, когда, во-первых, король доверял своему сыну, что в Средневековье было не столь часто, а во-вторых, если существовала реальная угроза принцу или правящей семье со стороны аристократов (например, существовал другой претендент на престол). Схожая ситуация сложилась в Испании. Там выборные короли могли прибегать к процедуре соправительства, для того чтобы сохранить престол за членами своей семьи и установить более или менее чёткий порядок передачи престола [1, с.74]. У франков только после Гуго Капета (X в.) власть стала передаваться по наследству (а значит можно говорить и о том, что государственность укрепилась как факт).

Когда королевская власть стала наследственной, она отделилась не только от аристократов, которые составляли советы, в том числе, уитангемот в Англии. В правосознании населения сохранилась модель, согласно которой этот совет транслирует народную волю, хотя на деле это была воля, диктуемая аристократами. Королевское право как прообраз будущего государственного права конкурировало с местными обычаями и традициями, поэтому король, пытаясь установить единое законодательство, сталкивался с сопротивлением как со стороны аристократов, так и со стороны народа.

В Испании особенно характерна история короля Альфонсо X Мудрого (XIII в.), который создал основу для единой системы права на территории подведомственных ему земель. Это было огромное достижение своего времени, но ни аристократы, ни население, которое усмотрело угрозу в деятельности короля, не поддержали его. В результате он оказался преданным даже своей семьёй, хотя его идеи послужили для последующего становления государства и права. В том же XIII в Англии происходили похожие события. Короли забирали всё больше власти и всё менее прислушивались к сословиям, посягая, по их мнению, на древние права и обычаи. В результате это привело к «социальному кризису и его правовому разрешению принятием в 1215 году Великой хартии вольностей (свобод), установившей границы деспотическим притязаниям королей» [8, с.15], в которой, в частности, королям предписывалось давать клятву не посягать на древние вольности.

Второй внешней легитимирующей силой королевской власти можно считать её сакрализацию. «Обожествление подчеркивало существование принципиальной грани между олицетворявшим государство и, частично, благие космоупорядочивающие силы правителем и народом» [6, с.7]. В первую очередь сакрализация королевской власти осуществлялась христианской Церковью. Церкви нужно было решить вопрос своего встраивания в складывающуюся государственно-правовую систему, и она заняла значительное место одного из основополагающих элементов государственности. По сути, Церковь завершила формирование образа королевской власти, особенно в тех странах, где это имело большое традиционное значение.

Но до того как христианская Церковь стала одной из основных политических сил в средневековом европейском обществе, сакрализация королевской власти осуществлялась через связь с дохристианскими культами. «Представление о сакральном характере королевских родов отличалось в германских обществах значительной устойчивостью» [7, с.7]. Весьма вероятно, что это связано с ролью представлений о королях-волхвах (или жрецах), бытующих во всей Европе. Связь с богами, конечно же, важна для любого племенного вождя, короля или даже императора римлян, которые также периодически сверяли необходимость тех или иных действий с результатами гаданий. Христианская сакрализация королевской власти, прежде всего, выражалась в помазании, то есть освящении конкретной личности в силу занятия ею определённой должности. В каждом из государств эта процедура имела большее или меньшее значение. Наибольшее значение она имела во Франции, и не мудрено, что спор между многочисленными претендентами на власть завершался в Реймсе. Неважно, насколько более значимыми правами на престол обладал тот или иной претендент на власть, все правовые споры прекращались перед этой процедурой. В дохристианские времена короли, например, Хлодвиг, обращались к легендам и преданиям о генеалогической связи с богами и их служителями прошлых времён. Первым процедуру помазания прошёл Пипин Короткий во второй половине VIII в. Политически это было связано с тем, что в глазах общества этот правитель не имел очевидных прав занять престол, а потому ему требовалась дополнительная защита [2]. Как один из возможных вариантов была использована «божественная легитимация».

В Англии такое «подтверждение» статуса королевской власти со стороны Понтификата

было достаточно важным, хотя и не столь беспрецедентным, как у франков. В ом же VIII в. первое помазание было совершено в Англии. С одной стороны, это означало укрепление королевской власти, а с другой – Церкви, которая в тот период рассматривалась как компонент политической системы. Короли стремились прибавить к своему титулу слова «Божьей милостью», а также «христианнейший», что подчёркивало значимость власти, ту резкую границу, которая отделяла короля от всех его подданных. Всё это чаще всего даже не связывалось с личными претензиями того или иного короля на то, чтобы его считали «представителем» Бога на земле. Такой процедуры легитимации требовала объективно сама развивающаяся политико-правовая система. Тот, кто возглавлял эту систему должен был быть отделённым от общества и представителей аристократии, претендующих на власть.

Наименьшее значение эта процедура имела в Испании. Там помазание не имело решающего значения. Впрочем, в источниках упоминается, что Рецесвинт использовал определение своего правления «милостью божьей». По-видимому, как отмечает Ю.Б. Циркин, он был первым испанским королём, который прошёл процедуру коронации для легитимации своей власти [10, с.246]. При Вамбе обычай помазания вошёл в политико-правовую практику [4, с.283]. Вероятнее всего, это связано с римским наследием – с прагматичностью и значительно рациональностью римлян, их правом и политикой, хотя нередко учёные связывают сакрализацию с римской политико-правовой традицией обожествления императоров. Поэтому дать однозначное объяснение позиции вестготов в Испании довольно сложно. В Испании варвары столкнулись со сложившейся государственной системой и значительно романизировались. Германские вожди перескочили в политической эволюции целую ступень, в отличие от той же Британии, где варварское государство развивалось почти самостоятельно, испытывая минимальное влияние Империи. В любом случае, вестготы с наибольшим сомнением отнеслись к идеи сакрализации власти, и с чем это связано, сказать трудно. Испания стала очень зависима от Церкви значительно позже, уже к концу эпохи Средневековья, а возможно даже к началу Нового времени. В период вестготского правления даже когда католичество победило арианскую ересь, Церковь не приобрела, а то и потеряла своё политическое влияние. Короли постоянно вмешивались во внутренние дела Церкви и даже какое-то время пользовались правом назначения епископов (то есть король выполнял функции папы на территории будущей Испании) [1, с.77].

В результате рассмотрения основных механизмов внешней легитимации власти в трёх раннесредневековых государственных образованиях – будущих Англии, Франции и Испании – можно прийти к закономерному выводу о том, что самое большое значение для средневекового правосознания играет сакрально-символический способ легитимации, основной источником которой можно считать религию в той или иной форме [9]. Легитимация через единение властных и общественных структур со временем теряет своё значение, поскольку препятствует созданию государственной структуры, в частности – выделению и становлению публичной власти, оторванной от общества.

Список литературы:

[1] Альтамира-и-Кревеа Р. История Испании. – М.: Издательство иностранной литературы, 1951. – 519 с.

[2] Бабинцев Е.О. Ветхозаветные образы в коронационных обрядах средневековой Англии (в контексте сакральной легитимации королевской власти) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия, № 2, 2017, с. 113-120.

[3] Клауде Д. История вестготов. – СПб.: Евразия, 2002. – 285 с.

[4] Корсунский А.Р. Готская Испания. Очерки социально-экономической и политической истории. – М.: Издательство Московского университета, 1961. – 326 с.

[5] Петрушевский Д.М. Очерки из истории английского государства и общества в Средние века. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 224 с.

[6] Сакрализация власти в истории цивилизаций / Отв. ред. Бондаренко Д.М., Андреева Л.А., Коратаев А.В.. – М: Институт Африки РАН, 2005. – 242 с.

[7] Санников С.В. Архетипы национального семиозиса как факторы легитимации власти в транзитивном обществе (на примере королевской власти у франков на рубеже V-VI вв. // Universum: филология и искусствоведение, № 9 (43), 2017, с. 4-8.

[8] Смирнов Е.Р. О некоторых особенностях легитимации персонифицированной монархической власти в Англии (IX–XV века)// Юридическая наука, № 3, 2012, с. 13-17.

[9] Турыгин А.А. Формы легитимации королевской власти в средневековой германской истории// Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право», № 14 (57), 2010, с. 88-96.

[10] Циркин, Ю. Б. Испания от античности к Средневековью. - СПб. : Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История,2010. — 456 с.

Spisok literatury:

[1] Al'tamira-i-Krevea R. Istorija Ispanii. – M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1951. – 519 s.

[2] Babincev E.O. Vethozavetnye obrazy v koronacionnyh obrjadah srednevekovoj Anglii (v kontekste sakral'noj legitimacii korolevskoj vlasti) // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 7. Filosofija, № 2, 2017, s. 113-120.

[3] Klaude D. Istorija vestgotov. – SPb.: Evrazija, 2002. – 285 s.

[4] Korsunskij A.R. Gotskaja Ispanija. Ocherki social'no-jekonomicheskoj i politicheskoj istorii. – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1961. – 326 s.

[5] Petrushevskij D.M. Ocherki iz istorii anglijskogo gosudarstva i obshhestva v Srednie veka. – M.: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 1937. – 224 s.

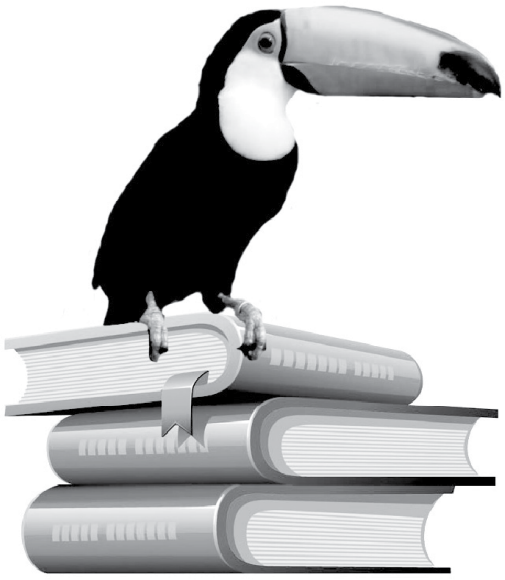
[6] Sakralizacija vlasti v istorii civilizacij/ Otv. red. Bondarenko D.M., Andreeva L.A., Korataev A.V.. – M: Institut Afriki RAN, 2005. – 242 s.

[7] Sannikov S.V. Arhetipy nacional'nogo semiozisa kak faktory legitimacii vlasti v tranzitivnom obshhestve (na primere korolevskoj vlasti u frankov na rubezhe V-VI vv. // Universum: filologija i iskusstvovedenie, № 9 (43), 2017, s. 4-8.

[8] Smirnov E.R. O nekotoryh osobennostjah legitimacii personificirovannoj monarhicheskoj vlasti v Anglii (IX–XV veka)// Juridicheskaja nauka, № 3, 2012, s. 13-17.

[9] Turygin A.A. Formy legitimacii korolevskoj vlasti v srednevekovoj germanskoj istorii// Vestnik RGGU. Serija «Jekonomika. Upravlenie. Pravo», № 14 (57), 2010, s. 88-96.

[10] Cirkin, Ju. B. Ispanija ot antichnosti k Srednevekov'ju. - SPb. : Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Nestor-Istorija,2010. — 456 s.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.

УДК-930

КУЛЕМИНА Людмила Борисовна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии и философии,
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет (МГГЭУ)
e-mail: kulemina@mggeu.ru

ГОСУДАРСТВО И ЕГО РОЛЬ В ПОДДЕРЖКЕ НАСЕЛЕНИЯ И ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *В статье рассказывается о роли государства и мерах, предпринимаемых властью с целью социальной поддержки военнослужащих и мирного населения в годы Великой Отечественной войны. Проводится сравнительный анализ социальных мероприятий, проводимых в различных регионах Советского Союза и некоторых государствах Запада. Автор стремится показать как положительные, так и отрицательные моменты этой политики.*

Ключевые слова: *социальная помощь, адресная помощь, пенсии, пособия, льготы.*

KULEMINA Lyudmila Borisovna,
candidate of sociology,
associate Professor of the Department
of sociology and philosophy, MSHEU

THE STATE AND ITS ROLE IN SUPPORTING THE POPULATION AND MILITARY PERSONNEL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Annotation. *The article describes the role of the state and the measures taken by the authorities to provide social support to military personnel and civilians during the great Patriotic war. A comparative analysis of social events held in various regions of the Soviet Union and some Western countries is carried out. The author aims to show both positive and negative aspects of this policy.*

Key words: *social assistance, targeted assistance, pensions, allowances, benefits.*

2020 год войдет в историю как год 75-летия победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Эту победу одержал советский народ, Красная Армия, оставив на полях сражений миллионы своих соотечественников. С тех пор мы отдаем дань памяти тем, кто не вернулся с войны, испытываем гордость и преклоняемся перед теми, кто выжил и до сих пор остается среди нас. Мы, все ныне живущие, и государство в целом являемся их вечными должниками.

Нет смысла перечислять все потери (помимо человеческих жертв), которые понесла наша страна и другие страны Европы. Они очень велики. Приходилось прилагать неимоверные усилия для обеспечения боеспособности армии и сохранения и создания более-менее приемлемых условий для мирного населения. Как справедливо отмечает А.Е. Любецкий [5, с. 21], каждый солдат, уходивший на фронт, хотел знать, что его семья не останется без поддержки. Понимало это и руководство страны, о чем свидетельствует целый ряд принятых законодательных норм, регулирующих различные аспекты социальной политики государства.

Сегодня вопросы материальной поддержки ветеранов, участников войны, военнослужащих, также находятся в центре внимания государства, о чем свидетельствуют беспрецедентные меры, предпринимаемые президентом и правительством. Невероятный интерес к этим вопросам проявляют и исследователи.

Если говорить о военном и послевоенном периодах, то на всех исследованиях лежал отпечаток прославления победы на фронтах боевых действий и в тылу, роль партии в этой победе. Более обширный фактический материал стал появляться после XX съезда партии. Однако уже в брежневскую эпоху в целом ряде трудов (и, в частности, в «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941 - 1945 гг.») вновь стала превозноситься роль партии и ее органов на местах в организации победы над врагом, но преуменьшались, а нередко, и замалчивались все трудности, с которыми приходилось сталкиваться населению [5, с. 15].

70-е годы были отмечены трудами (Т.Т. Гриценко, Ю.Е. Волкова и др.), в которых освещалась забота партии о детях военнослужащих, о материальном обеспечении семей фронтовиков. Иногда проскальзывали и недостатки, как, например, бюрократические проволочки при решении социальных вопросов.

Более широкие возможности в связи с открытием целого ряда источников у исследователей появились в годы перестройки. Чаще стали звучать темы о вкладе тружеников тыла (и прежде всего, женщин) в победу над врагом.

В 90-е годы и в настоящее время ученые стали более свободно выражать свое мнение, следствием чего стало появление целого ряда трудов, посвященных социальной политике в годы войны в регионах.

Так, А.Е. Любецкий изучал социальную политику в отношении семей военнослужащих в Уральском регионе. Отсюда на фронт ушло порядка 2 млн солдат и почти столько же прибыло эвакуированных из разных городов страны (почти половину прибывших составляли члены семей военнослужащих).

Он указывает, что изучение опыта проведения социальной политики в экстремальных условиях в период Великой Отечественной войны очень актуально и сегодня. Это позволяет увидеть не только преимущества (милосердное отношение к сиротам, эвакуированным детям фронтовиков и пр.) и достижения, но и просчеты (невнимание властей к проблеме взаимоотношений между местным населением и приезжими в связи с нередкими случаями проявления агрессивности по отношению к ним, плохое материальное и бытовое обслуживание эвакуированных), извлечь уроки и не допускать ошибок в настоящем, ибо боеспособность российской армии сегодня зиждется, в т.ч. и на материальном благополучии военнослужащих и членов их семей.

Тот факт, что вопросы социальной политики в годы войны находились в центре внимания руководства страны, подтверждает в своем исследовании и К.А. Насонов [8, с. 65]. Он утверждает, что в военный период не только увеличились размеры пенсий, пособий, но они были распространены на более широкий круг граждан.

Вопросам социальной защиты военнослужащих сухопутных войск России посвятил свой труд И.П. Гладких [1, с. 65]. Он провел ретроспективный анализ мер по социальной поддержке этого рода войск с момента их возникновения (период Киевской Руси, хотя официальное название этот род войск получил только в XX в.) и на протяжении всего XX в. Среди мер поддержки он выделил такие, как создание квартирной службы, призванной разрешать проблемы, возникающие с обеспечением жильем начальствующего состава (1924 г.), предоставление дополнительной жилой площади лицам, награжденным орденами и медалями, преподавателям военных вузов и пр., льготы по квартирной плате (1934 г.), предоставление санаторно-курортных путевок красноармейцам (1921 г.), организация домов отдыха (1932 г.). В военное время семьям погибших военнослужащих значительно увеличивались пособия, в первую очередь проводился ремонт жилых помещений. В послевоенное время специальные органы занимались трудоустройством инвалидов войны, оказывали помощь при проведении протезирования, военнослужащие освобождались от подоходного налога и пр. Целый ряд льгот был предусмотрен в Положении о льготах для военнослужащих, военнообязанных, лиц, уволенных с военной службы в отставку и их семей (принято Советом Министров СССР в 1981 г.), а также в нормативных актах, изданных в период с 1985 по 1991 г.

А.Ш. Кабирова изучала проблемы социальной защиты семей фронтовиков в Татарстане в 1941 - 1945 гг. В своей работе она сосредоточилась не столько на успехах местного руководства в обеспечении всем необходимым семей военнослужащих, сколько на недоработках и упущениях.

Вопросы оказания адресной социальной поддержки населению Саратовской области в годы войны осветил В.Н. Данилов. Он обратил внимание читателя не только на государственную помощь слабо защищенным категориям населения, но и на поддержку со стороны общественности.

На основе фактического и статистического материала А.В. Липатов и др. в своем исследовании показывают роль государства в повышении уровня жизни населения в годы войны в Сталинградской области. Особый акцент они делают на то, что социальная поддержка оказывалась постоянно.

О социальном положении семей военнослужащих Кировской области повествует Н.В. Чернышева. В частности, она указывает, что, несмотря на широкий спектр помощи нуждающимся семьям со стороны государства, этой помощи было недостаточно и многие семьи ощущали себя брошенными.

Безусловный интерес представляет тема финансового обеспечения военнослужащих в годы войны, рассмотренная в исследовании Д.В. Шуняковым. Он отмечает, что система денежного обеспечения носила поощрительный характер и привела, в итоге, к росту профессионального мастерства военнослужащих.

Таким образом, анализ приводимых источников подтверждает тот факт, что государство в период Великой Отечественной войны одной из

первостепенных и приоритетных задач считало социальное обеспечение, которое включало в себя пенсии, пособия, разовые денежные выплаты, освобождение некоторых категорий населения от налогообложения, снижение коммунальных платежей и многое др. [8, с. 66].

Вместе с тем, несмотря на обилие источников, тема социальной политики государства в годы войны и ее эффективность остаются до конца нераскрытыми.

Одним из главных нормативных документов, регулирующих вопросы социального обеспечения в годы войны, было постановление «О пенсиях и пособиях лицам высшего, старшего и среднего начальствующего состава сверхсрочной службы, специалистам рядового состава сверхсрочной службы и их семьям», принятое в 1941 г. СНК СССР. Повышались размеры пенсий и военнослужащим (в случае инвалидности) срочной службы, партизанам, работникам важнейших отраслей (железнодорожный, морской, речной транспорт, связь и пр.), чьи предприятия располагались в прифронтовой зоне [8, с. 66].

Что немаловажно, все военнослужащие получали денежное довольствие по меркам мирного времени (и в зависимости от занимаемой должности) и имели на руках т.н. вкладные книжки, получив, таким образом, возможность обналичить поступившие туда деньги в любом отделении Госбанка (специально создавались подвижные отделения). Что касается начальствующего состава, то они высылали своим семьям денежный аттестат, а те его могли обналичить по месту жительства [10, с. 69]. Во время заграничных походов советской армии денежное довольствие выплачивалось в валюте (25 видов). Например, рядовой, прослуживший один год, получал 8 руб. 50 коп., а старшина третьего года службы - 150 руб. Что касается командного состава, то выплаты варьировались от 550 до 3200 руб. в месяц [10, с. 70]. В случае убытия офицеров в действующую армию они получали полевые выплаты, увеличивались выплаты частям, особенно отличившимся на поле боя (например, гвардейские).

Повышенные выплаты получали военнослужащие наиболее ценных специальностей, а также наводчики, снайперы, водители. Ополченцы получали полевые деньги, а также за ними сохранялась средняя заработная плата на предприятии.

Что касается пенсий семьям военнослужащих (выплачивалась в случае гибели военнослужащего или пропажи его без вести) и пособий (100-150, 200 руб. на семью), то они были не велики, их размер зависел от многих факторов (места проживания, зарплаты военнослужащего до призыва). С учетом стоимости продуктов питания (например, на Урале 1 кг говядины стоил около 52 руб., картофеля более 7 руб., 1 л молока почти 13 руб.), прожить на эти деньги было крайне сложно [6, с. 213]. В Германии к началу войны военнослужащий Вермахта получал от 77.5 до 2800 рейхсмарок и при наличии семьи - пособие. На одну рейхсмарку можно было купить 3 кг хлеба, 0.5 кг свинины. Жены военнослужащих получали такие надбавки, что могли вообще не работать (однако к концу войны материальное положение военнослужащих и их семей стало значительно хуже). В США рядовой солдат получал 10 шиллингов в день и мог себе позволить купить многое [6, с. 215]. Вместе с тем, нельзя забывать, что, несмотря на низкие пенсии и пособия, семьи военнослужащих в СССР получали материальную поддержку в разных видах (продукты питания, промышленные товары и пр.) в условиях колоссальных человеческих и материальных потерь.

Большое внимание со стороны государства уделялось проблеме сохранения здоровья, улучшения питания детей. Так, дети, не достигшие возраста 12 лет, получали такое же количество хлеба, как и взрослые иждивенцы, в школах для детей организовывали бесплатные завтраки. Детей, оставшихся без попечения родителей, направляли в детские дома, суворовские и нахимовские училища.

Помимо государства большую помощь фронту, раненым военнослужащим, их семьям оказывали общественные организации. В первую очередь, это развитие массового донорского движения (кровь доноров спасала тысячи жизней). Посещение госпиталей, оказание помощи в уходе за ранеными, сбор и отправка на фронт теплой одежды и обуви (полушубки, валенки), различных подарков.

Немало внимания уделялось трудоустройству военнослужащих, ставших инвалидами. Их помещали в трудовые интернаты, обучали новым профессиям.

Попробуем разобраться, как была организована социальная поддержка семей фронтовиков в различных регионах нашей страны.

Одним из важнейших регионов, куда прибывали эвакуированные, стал Татарстан. Перед местными властями стояла задача обеспечения пособиями, жильем и пр. не только семей местных жителей, ушедших на фронт, но и вновь прибывших. Причем поданные от них заявления необходимо было рассматривать в трехдневный срок. К сожалению, несмотря на все предпринимаемы меры (согласно архивным материалам, ставшим доступными в настоящее время), многие решения оставались выполненными только на бумаге, нарушались сроки выплаты и размеры пособий. Семьям фронтовиков нередко предоставляли совершенно неприспособленные для

жизни помещения, страдали эвакуированные и от произвола владельцев частных домов. Введение карточной системы не снимало остроты продовольственной проблемы, т.к. имели место хищения продуктов (потом они появлялись на рынке по высочайшим ценам) [4, с. 129], в результате чего паек выдавался в значительно уменьшенном размере. Жены военнослужащих вынуждены были писать письма мужьям на фронт с просьбой о помощи. Поэтому массовым явлением стали письма-обращения фронтовиков к своему командованию за поддержкой. Такие официальные письма командующих к местным руководителям рассматривались в кратчайшие сроки и появлялась надежда на помощь. За годы войны семьям фронтовиков было выплачено 801.5 млн руб. [4, с. 131], что стало для них неплохим подспорьем. Вместе с тем, эта помощь часто приходила несвоевременно. Подобное бездушие чиновников наносило вред государству и подрывало в него веру народа.

На задержки выплаты пособий из-за неаккуратности в ведении делопроизводства (документы на пособия часто оформлялись на клочках бумаги, не подписывались и не подшивались в дела, иногда терялись) [3, с. 89], ошибки работников отдела соцзащиты жаловались и жители Красноярского края, хотя в целом семьям красноармейцев оказывалась значительная помощь и материальная и в бытовом плане.

Несвоевременно выдавались пенсии в 1942 г. и в Кировской области (задолженность составляла более 760 тыс. руб.) [9, с. 55]. К 1943 г. на учете состояло 323,8 тыс. семей военнослужащих и только половина из них обеспечивалась минимальными социальными гарантиями, остальные не получали ничего. Причины таких нарушений, к сожалению, все те же: отсутствие документов с фронта, неполученная вовремя информация, растраты, незаконное назначение пособий и пенсий (перевод средств из госбюджета лицам, не имеющим на это права и пр.).

Проявляло государство заботу о детях и матерях. Так, в Кировской области пособие получали более 11 тыс. многодетных семей и около 4 тыс. одиноких матерей. Однако в некоторых семьях фронтовиков дети умирали от голода (колхоз не помогал, т.к. надо было выполнить план хлебозаготовок на фронт) [9, с. 57]. Выход из создавшегося положения местные власти находили в трудоустройстве женщин, но к 1944 г. из чуть более миллиона семей военнослужащих только около 340 тыс. были трудоспособными, и они уже почти все работали. Положение несколько улучшилось к концу 1943 г.: детей определяли в детские сады, оказывали помощь в ремонте жилых помещений, заготовке дров и пр. Но в целом, несмотря на проводимые мероприятия, многие семьи страдали от отсутствия элементарной заботы и поддержки [9, с. 58].

Работа по социальной поддержке семей военнослужащих в Саратовской области, как отмечает В.Н. Данилов [2, с. 252], не имела должной четкости. Специальные отделы при исполкомах Советов, призванные контролировать эту работу, со всей силой заработали только к концу 1943 г. Ими было выявлено порядка 2 тыс. семей, незаконно обложенных налогами. Чиновники, допустившие подобные ошибки, строго наказывались. Помимо государственных органов большую помощь семьям фронтовиков оказывала общественность: население собрало порядка 13 млн руб., проводили месячники помощи семьям фронтовиков и пр.

Определенную заботу об инвалидах войны проявляли власти Саратовской области. В первую очередь, их стремились трудоустроить. Некоторые из них заняли руководящие должности председателей колхозов, директоров предприятий, бригадиров. Но многие работали сторожами и чернорабочими. Тот, кто не мог работать, получал пенсию, материальная помощь поступала и от общественных организаций (профсоюза, комсомола) в виде денежных выплат, помощи в ремонте жилых помещений, изготовлении протезов, выдачи муки и пр.

С целью исправления демографической ситуации, особую заботу власти проявляли к проблеме охраны материнства и детства. К 1945 г. многодетные и одинокие матери получили выплат на сумму 3,5 млн руб. Дети, особо нуждающиеся в диетическом питании, направлялись в специальные столовые. Проводились рейды по выявлению беспризорных детей, число которых за годы войны значительно выросло. Вместе с тем, 369 детей были усыновлены, некоторых брали на воспитание колхозы и совхозы, направляли в детские дома [2, с. 255].

В особой помощи и поддержке нуждались детские дома. На территории Саратовской области было 96 детских учреждений (интернатов, детских домов, спецшкол и пр.), в которых находились дети, чьи родители умерли от голода или были репрессированы, а также эвакуированные из различных областей страны. Местные органы власти предпринимали все меры для переоборудования помещений в дома-интернаты, создания элементарных бытовых условий, снабжения одеждой, обувью. К сожалению, большие проблемы возникали с питанием. Была вскрыта масса нарушений (воровство, подмена одних продуктов другими), санитарно-бытовые условия оставляли желать лучшего. Дети часто болели не только простудными заболеваниями, но и корью, туберкуле-

зом и другими серьезными заболеваниями. Шефскую помощь детдомам оказывали колхозы, совхозы, работницы фабрик. Многих детдомовцев определяли в ремесленные училища.

Большие проблемы в области были с размещением в детских домах испанских детей. Эти дома размещали в сельской местности в плохо пригодных помещениях, кроме того, значительная часть детей была заражена туберкулезом. Однако для этих домов выделяли дополнительную помощь в виде продуктов питания (мука, крупы, мясо, масло, молоко, сахар), медицинские осмотры проводились регулярно врачами, открыт детский санаторий. В общей сложности в Саратовской области испанские дети пробыли почти три года, некоторые из них после реэвакуации не захотели вернуться на родину [2, с. 257].

В Сталинградской области практически не было семьи, которую не затронула бы война. В связи с этим, перед руководством области стояли важнейшие задачи социальной поддержки инвалидов войны, семей фронтовиков, трудоустройства нуждающихся граждан, с которыми область справилась. Однако были выявлены в ходе проверок и нарушения. Например, неправильное назначение пособий, несвоевременная поставка топлива семьям, нехватка детских домов, рассмотрение жалоб граждан с нарушением сроков. Уже к концу 1943 г. была проведена большая работа по устранению отмеченных недостатков. Дети снабжались теплой одеждой, для поддержки семей военнослужащих в районы были направлены 112 т хлеба (1943 г.) с целью продажи особо нуждающимся гражданам из числа семей фронтовиков [7, с. 195]. Из жен фронтовиков создавали бригады, оказывающие помощь в ремонте квартир, женсоветы, поддерживающие семьи военнослужащих, проводились месячники в их поддержку. Например, в ходе одного из месячников было выявлено 53 ребенка-сироты, проживающих в ужасающих условиях. Некоторых из них направили в Суворовское училище, других - в ремесленное, остальных - в детдома.

Определенную помощь семьям в устройстве детей в детские учреждения оказывали органы образования: они выдали 1100 детских продуктовых пайков, на 7 тыс. руб. талонов на обувь и одежду. Распространенной мерой поддержки стал сбор добровольных отчислений в фонд помощи нуждающимся (собрано 3 463 750 руб.) [7, с. 196].

В целом, несмотря на неимоверно тяжелые военные годы и имеющиеся трудности, государственные органы и общественные организации Сталинградской области смогли своевременно решать возникающие бытовые проблемы нуждающихся в помощи семей военнослужащих.

В заключение хотелось бы отменить, что в суровые годы Великой Отечественной войны, руководство страны в лице государственных и партийных органов на основе принимаемых законодательных норм, смогло повысить социальную защищенность граждан, в частности военнослужащих и членов их семей. Основные направления деятельности включали в себя: выплату денежного довольствия по аттестатам, пенсий, пособий, трудоустройство бывших фронтовиков, членов их семей, помощь детям, обеспечение семей продуктами питания и товарами первой необходимости. Вместе с тем, нельзя не отметить, что одновременно увеличивалось количество требований, предъявляемых к лицам, рассчитывавшим на государственную помощь (например, пресловутый Приказ № 270, лишавший семьи фронтовиков, попавших в плен, права на пенсии, пособия и прочие льготы), применение дифференцированного подхода к различным категориям граждан и семей военнослужащих.

В этом вопросе Советский Союз был не одинок. Практически во всех странах к решению финансовых вопросов в отношении офицерского и рядового состава подходили дифференцированно. Выплаты рядовым были значительно ниже, офицеры могли обеспечить своим семьям приличное существование. Вместе с тем, понимая важность обеспечения семей военнослужащих, руководство стран в тяжелых условиях войны не могло платить повышенные денежные выплаты (особенно в СССР).

В начальный период войны и вплоть до конца 1943 г. даже с учетом колоссального объема работы, не был продуман механизм назначения денежных выплат. Плохо были подобраны кадры, допускались злоупотребления на местах, в различных регионах страны, что вызывало недовольство населения. Имела место недостаточная информированность граждан об их правах и полагающихся льготах. Однако постепенно удалось откорректировать социальную работу, что позволило государственным, партийным органам и общественным организациям (женсоветы, профсоюзы, комсомольцы, тимуровцы) решать своевременно все проблемы, связанные с денежными выплатами, трудоустройством фронтовиков-инвалидов и членов их семей, поддержать матерей, детей-сирот, сократить количество беспризорных. Уровень информированности населения смогли повысить с помощью органов печати, разъяснительной работы.

В целом, социальная поддержка государством военнослужащих и членов их семей позволила повысить боеспособность и мотивированность военнослужащих и, в конечном счете, одержать победу в Великой Отечественной войне.

Список литературы:

[1] Гладких И.П. Социальная защита военнослужащих сухопутных войск России // Омский научный вестник. - 2006. - С. 65–68.

[2] Данилов В.Н. Основные направления адресной социальной поддержки населения в годы Великой Отечественной войны: опыт Саратовской области // Известия Саратовского ун-та. - Т. 16. - Вып. 2. - 2016. - С. 233–238.

[3] Карюкина Ю.В. Мероприятия по поддержке семей военнослужащих в Красноярском крае. 1941 - 1945 гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. - 2016. - № 3. - С. 87–90.

[4] Кабирова А.Ш. Война и люди: проблемы социальной защиты семей фронтовиков в Татарстане в 1941-1945 гг. // Вестник Томского гос. ун-та. – 2011. - № 2(14). - С. 127–131.

[5] Любецкий А.Е. Государственная политика по отношению к семьям военнослужащих на Урале в годы Великой Отечественной войны: автореф. дис. … канд. ист. наук. - 2005. - 23 с.

[6] Любецкий А.Е. Государство и семьи военнослужащих в годы второй мировой войны: СССР, Германия, Великобритания - компаративный анализ // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. - № 3. - С. 211–218.

[7] Липатов А.В. Государственная и общественная поддержка семей военнослужащих в годы Великой Отечественной войны: на материалах Сталинградской области // Известия Волгоградского гос. педагогического ун-та. - 2017. - С. 192–198.

[8] Насонов К.А. Социальное обеспечение военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны: сущность, содержание и современное значение // Вестник Военного ун-та. – 2010. - № 3(23). - С. 65–70.

[9] Чернышева Н.В. Социальная политика государства в отношении семей военнослужащих в 1941-1945 гг. (на материалах Кировской области) // Вестник Вятского гос. ун-та. - 2012. - С. 54–59.

[10] Шуняков Д.В. Финансовое обеспечение военнослужащих Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Балтийского ун-та им. И. Канта. – 2018. - № 3. - С. 68–75.

Spisok literatury:

1] Gladkih I.P. Social'naya zashchita voennosluzhashchih suhoputnyh vojsk Rossii // Omskij nauchnyj vestnik. - 2006. - S. 65–68.

[2] Danilov V.N. Osnovnye napravleniya adresnoj social'noj podderzhki naseleniya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: opyt Saratovskoj oblasti // Izvestiya Saratovskogo un-ta. - T. 16. - Vyp. 2. - 2016. - S. 233–238.

[3] Karyukina Yu.V. Meropriyatiya po podderzhke semej voennosluzhashchih v Krasnoyarskom krae. 1941 - 1945 gg. // Social'no-ekonomicheskij i gumanitarnyj zhurnal Krasnoyarskogo GAU. - 2016. - № 3. - S. 87–90.

[4] Kabirova A.Sh. Vojna i lyudi: problemy social'noj zashchity semej frontovikov v Tatarstane v 1941-1945 gg. // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. – 2011. - № 2(14). - S. 127–131.

[5] Lyubeckij A.E. Gosudarstvennaya politika po otnosheniyu k sem'yam voennosluzhashchih na Urale v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: avtoref. dis. … kand. ist. nauk. - 2005. - 23 s.

[6] Lyubeckij A.E. Gosudarstvo i sem'i voennosluzhashchih v gody vtoroj mirovoj vojny: SSSR, Germaniya, Velikobritaniya - komparativnyj analiz // Problemy istorii, filologii, kul'tury. – 2016. - № 3. - S. 211–218.

[7] Lipatov A.V. Gosudarstvennaya i obshchestvennaya podderzhka semej voennosluzhashchih v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: na materialah Stalingradskoj oblasti // Izvestiya Volgogradskogo gos. pedagogicheskogo un-ta. - 2017. - S. 192–198.

[8] Nasonov K.A. Social'noe obespechenie voennosluzhashchih Krasnoj Armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny: sushchnost', soderzhanie i sovremennoe znachenie // Vestnik Voennogo un-ta. – 2010. - № 3(23). - S. 65–70.

[9] Chernysheva N.V. Social'naya politika gosudarstva v otnoshenii semej voennosluzhashchih v 1941-1945 gg. (na materialah Kirovskoj oblasti) // Vestnik Vyatskogo gos. un-ta. - 2012. - S. 54–59.

[10] Shunyakov D.V. Finansovoe obespechenie voennosluzhashchih Krasnoj Armii v gody Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik Baltijskogo un-ta im. I. Kanta. – 2018. - № 3. - S. 68–75.

АРТЕМЬЕВА Ю.А.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса
и международного частного права
Юридического института РУДН
e-mail: kafedra_gtp@mail.ru
Scopus ID: 57191875607,
orcid.org/0000-0002-8786-7285

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОГЛАШЕНИЯ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00092 А (получатель Артемьева Ю.А., Договорное регулирование алиментных обязательств по содержанию несовершеннолетних. Социально-правовое исследование российского и зарубежного опыта (на примере стран Евросоюза и США).

Аннотация. *Защита имущественных интересов ребенка после расторжения брака является одной из актуальных проблем семейного права не только в России. Правоведы всего мира ищут оптимальные пути обеспечения благополучия ребенка после распада семьи и интересов его родителей. Институт алиментного соглашения - новый институт российского права. В связи с этим несомненный интерес представляет опыт зарубежных правоведов, длительное время использующих алиментное соглашение как эффективное средство внесудебного разрешения проблемы обеспечения содержания ребенка после развода. В статье исследуются правовая регламентация алиментных обязательств в Германии и России.*

Предметом исследования является законодательство России и Германии, теоретические исследования, судебная практика.

При подготовке исследования использовались философские, общенаучные, частнонаучные методы познания теоретического и эмпирического материала, позволившие изучить нормы семейного, гражданского, гражданского процессуального права в их взаимосвязи, взаимозависимости, противоречивости с учетом всесторонности и объективности в исследовании.

Представляемое исследование способствует определению основных направлений совершенствования правовых норм российского законодательства, регламентирующих защиту материальных интересов несовершеннолетнего ребенка при распаде семьи, расширению знаний российских правоведов о семейном законодательстве Германии.

Ключевые слова: *алиментное соглашение, развод, расторжение брака, алиментные обязательства, благополучие несовершеннолетних, исковая давность, благополучие детей, несовершеннолетние дети.*

ARTEMYEVA Yulia A.,
PhD in Law, Professor of Civil Law of the Department
of Civil and Civil Procedural Law and Private
International Law of the Law Institute of the RUDN University.
Peoples' friendship University of Russia (RUDN University)

SOME ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF THE AGREEMENT ON THE PAYMENT OF ALIMONY IN RUSSIA AND GERMANY

The reported study was funded by RFBR, project 19-011-00092 A (reciepent Artemieva Yu. A., "Contractual regulation of maintenance obligations for the maintenance of minors. Socially legal study of Russian and foreign experience").

Annotation. *Protecting the property interests of a child after divorce is one of the topical problems in family law not only in Russia. Jurists around the world are looking for the best ways to ensure the well-being of the child after the breakdown of the family and the interests of his parents. The institution of the alimony agreement is a new institution of Russian law. In this regard, of undoubted interest is the experience of foreign legal scholars for a long time using the alimony agreement as an effective means of out-of-court resolution of the problem of ensuring the maintenance of a child after a divorce. The article examines the legal regulation of alimony obligations in Germany and Russia.*

The subject of the research is the legislation of Russia and Germany, theoretical research, judicial practice.

In preparing the study, philosophical, general scientific, special scientific methods of cognition of theoretical and empirical material were used, which made it possible to study the norms of family, civil, civil procedural law in their interrelation, interdependence, inconsistency, taking into account the comprehensiveness and objectivity in the study.

The presented research helps to determine the main directions of improving the legal norms of Russian legislation governing the protection of the material interests of a minor child in the event of a family breakdown, expanding the knowledge of Russian lawyers about German family legislation.

Key words: *alimony agreement, divorce, divorce, alimony obligations, well-being of minors, statute of limitations, well-being of children, underage children.*

В течение долгого времени институт алиментов был средством защиты супруга, сделавшего выбор в пользу работы по дому и уходу за детьми в браке. Алименты позволяли в случае развода обеспечить финансовую поддержку другого супруга, делавшего карьеру. В установлении данного института был и государственный интерес. Таким образом, уменьшалась нагрузка на государственные социальные фонды, которые перекладывали обязанность по материальной поддержке наиболее уязвимых членов общества (бывших домохозяек и детей) на бывших супругов. Социальная направленность государственной политики является основополагающей тенденцией развития современных государств. Российская Федерация не стала исключением и вслед за Советским Союзом обозначает защиту материнства, детства и семьи как основное направление своей политической деятельности в Конституции, Семейном кодексе РФ от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020). Укрепление семьи, эффективная правовая защита ее членов, приоритет интересов несовершеннолетних детей и нетрудоспособных членов семьи определяются как основополагающие принципы российской государственной политики. Многочисленные кардинальные преобразования, проходящие последние 20 лет в экономике, социальной сфере, мировоззрении, негативно сказались на институте семьи [2, p. 1236]. Рост количества разводов, экономические кризисы, влекущие снижение уровня доходов населения, неизбежно привели к росту количества детей, растущих вне брака, а следовательно, к снижению защищенности несовершеннолетних. Обращение автора к зарубежному опыту определяется и современной тенденцией к размыванию четких национальных границ, количество браков, обремененных иностранным элементом как в России, так и за рубежом требует не только осмысления и изучения зарубежного опыта, но и синхронизации российского национального права с учетом современных направлений совершенствования законодательства, обуславливающий необходимость изучения зарубежного законодательства и дальнейшего совершенствования отечественного [3, p. 860].

Сходство правового регулирования гражданских обязательств, семейных в России и Германии отмечается многими правоведами. Основные базовые принципы правовой регламентации алиментных обязательств одинаковы в праве России и Германии. Однако есть некоторые различия. Так, немецкие правоведы отождествляют понятия «алименты» и «содержание», в то время как отечественная правовая школа считает понятие «содержание» шире по объему, что влечет трудности при толковании норм, регулирующих отдельные виды алиментных отношений [4, p. 138].

Если немецкая правовая школа однозначно определяет алиментное соглашение как особый вид гражданского договора, то для российского права данная тема до сих пор остается дискуссионной. Между тем, разрешение данного вопроса имеет серьезные практические последствия. Структура действующего Семейного кодекса РФ позволяет прийти к трем подходам в понимании правовой природы соглашения.

Первый заключается в рассмотрении алиментного договора как гражданско-правового договора [4, p. 139]. Его сторонники отмечают признаки гражданско-правового договора в алиментном соглашении, такие как совпадающее волеизъявление его участников, направленное на установление, изменение или прекращение прав сторон, применение к заключению, исполнению,

прекращению и признанию недействительным договора об уплате алиментов норм Гражданского кодекса РФ, а также мнение, что семейное право является подотраслью гражданского права. Данного подхода придерживаются и немецкие правоведы, т.к. почти все правовые нормы, регулирующие алиментные отношения, содержатся в Гражданском уложении Германии [5, p. 39].

Второй подход основывается на позиции, что соглашение об уплате алиментов является семейно-правовым договором. Обособление от гражданско-правового происходит на основании особого субъектного состава, специфических характеристиках субъекта, основанных на его физиологических и психических признаках, ограничении равенства сторон, а также их имущественной самостоятельности и воли [2, p. 1236].

Третий подход рассматривает соглашение об уплате алиментов как конкретный юридический факт или семейно-правовой акт. Правоведы, придерживающиеся такой точки зрения, считают, что алиментные обязательства, возникающие из закона, не связаны напрямую с самим договором, поскольку договор сам по себе не является основанием возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей, а есть способ реализации уже существующих прав и обязанностей. Соглашение только изменяет установленное законом право и является способом определения формы уплаты алиментов [4, p. 140].

В независимости от указанных подходов обособление алиментных соглашений в системе договоренного права обусловлено спецификой предметной структуры, направленностью, порядком заключения и исполнения. Однако правовая сущность договора не ограничивается договорным характером, проявляясь другими сторонами в следующих аспектах. В соответствии с Семейным кодексом РФ нотариально заверенные соглашения об уплате алиментов имеют силу исполнительного документа (п. 2 ст. 100 СК РФ). Поэтому, помимо договора, алиментное соглашение является также и исполнительным документом. При нарушении алиментного соглашения нет необходимости обращаться для получения исполнительного листа в суде, а сразу представлять документы в службу судебных приставов.

Немецкое законодательство придерживается аналогичной позиции, наделяя особым статусом алиментные отношения для скорейшего разрешения противоречий. Для признания алиментного обязательства правомочная сторона, как правило, должна обратиться в суд или в Управление по делам молодежи (Jugendamt), или к нотариусу, чтобы получить подлежащий исполнению титул (vollstreckungsfähiger Titel), который позволяет принудительно взыскивать денежную сумму [5, p. 24]. Если алименты не уплачиваются, то требование подается в суд. Однако при наличии соглашений между родителями обязанность удовлетворить иск может быть признана нотариусом или Управлением по делам молодежи. Хотя сфера полномочий Управления по делам молодежи более ограничена, чем у нотариуса: Управление по делам молодежи может регистрировать обязательство по содержанию ребенка до достижения им возраста 21 года или требование матери или отца, вытекающее из рождения ребенка [6, p. 24].

Споры по искам о выплате алиментов относятся к семейному праву и рассматриваются судом по семейным делам (Familiengericht) [7, p. 42]. Судопроизводство регулируется Законом о судопроизводстве по семейным делам и делам неконфликтной юрисдикции (Gesetz über das Verfahren in Familiensachen und in den Angelegenheiten der freiwilligen Gerichtsbarkeit-FamFG) и Гражданским процессуальным кодексом (Zivilprozessordnung – ZPO) [8, p. 134].

Различаются в России и Германии и основания возникновения обязанностей по уплате алиментов. В Российской Федерации основанием для возникновения данной обязанности в отношении совершеннолетних детей по семейному праву является сложный состав юридических фактов, наличие которых применяется в только в совокупности. Алиментные обязательства возлагаются на родителей в силу факта родства или усыновления, при этом важным признаком является совокупный доход. В Германии алиментная обязанность возлагается на родителя на основании доказанного факта родства и выражается в удовлетворении совокупности необходимых жизненных потребностей в еде, крове, обучении профессии, соразмерному страхованию на случай болезни либо на случай возникновения потребности в уходе § 1578, 1610 Гражданского уложения Германии. Таким образом, размер выплачиваемого содержания зависит не только от дохода плательщика, но и потребностей ребенка [9, p. 112].

Предоставление содержания совершеннолетним детям в Германии зависит не только от возраста, но и от наступления их «экономической самостоятельности». Соответственно, алиментные обязательства прекращаются, когда ребенок получит возможность самостоятельно зарабатывать и содержать себя. Во многом данное различие обусловлено наличием в законодательстве Германии двух возрастных категорий совершеннолетних детей, одновременно обладающих правом на содержание, только в разном объеме.

Совершеннолетние дети в возрасте с 18 лет до 21 года имеют право на удовлетворение судом требования на получение содержания при наличии оснований, предусмотренных общими правилами в соответствии с § 1603 Гражданского уло-

жения Германии [9, p. 112]. К ним следует отнести: родство с родителями, возраст, факт получения общего школьного образования, проживание с родителями или родителем, отсутствие брака. Следует также отметить, что немецкий законодатель выделяет факт брака как основание на получение содержания, но ничего не говорит об отношениях партнерства, несмотря на то что в Германии с 2001 г. действует Закон «О зарегистрированном партнерстве» 2001 г., а правовой статус партнеров во многом аналогичен статусу супругов, состоящих в браке. Так, партнеры, как и супруги, обязаны заботиться друг о друге, как материально, так и морально, имеют право смену фамилии, уравнены в имущественных и наследственных правах. Судебная практика Германии пошла по пути распространения на институт партнерства и правовых норм о возможности получения содержания.

В случае вступления в брак обязанность по материальной помощи переходит к супругу. Показательным является классическое дело о взыскании содержания с отца на обучение ребенка, рассмотренное земельным судом Гамбурга [10, p. 98]. В иске истец, желая сохранить имущественную независимость от супруга, решил возложить данное обязательство по своему содержанию на родителей. Суд данное требование отклонил, поскольку вся ответственность по содержанию после брака ребенка возлагается на супругов. Однако в указанном правиле есть исключения. Обязательства по содержанию, состоящего в браке ребенка, переходят к его родственникам, если его супруг с учетом других своих обязательств не в состоянии предоставить без ущерба для собственного надлежащего благополучия содержание, § 1608 Гражданского уложения Германии [7, p. 42]. Безусловно, подобная практика кажется для российских граждан абсурдной. Российская судебная практика идет по однозначному пути о невозможности возложения на родителей обязанности по содержанию ребенка после достижения 18-летия. При этом факт получения ребенком образования, отсутствие стабильного дохода российскими судами во внимание не принимаются. Условие алиментного соглашения об уплате содержания ребенка после 18 лет, на период получения им образования, признаются недействительными [3, p. 861].

К совершеннолетним детям, достигшим возраста 21 года, применяются общие правила по содержанию родственников, указанные в § 1601–1615 Гражданского уложения Германии. В качестве таких оснований выделяются нуждаемость в материальной помощи, отсутствие стабильного экономического дохода, возможность со стороны родителей, без вреда для себя и другим нуждающимся лицам, осуществлять обязанность по содержанию. В очередности на получение алиментов данная категория является последней и идет после супруга. Немецкие правоведы считают, что совершеннолетние дети, не состоящие в браке, должны приравниваться в праве на алименты к несовершеннолетним детям при отсутствии у них стабильного источника дохода и надлежащего образования. Родители обязаны поощрять получение ребенком полноценного образования и финансировать его даже после достижения совершеннолетия. В случае прекращения обучения по болезни после выздоровления оплата обучения и материальная поддержка должна продолжиться [11, p. 223].

В соответствии со ст. 1629 Гражданского уложения Германии родители представляют ребенка совместно. Один из родителей может представлять ребенка самостоятельно, если родительская опека осуществляется самостоятельно, или если уполномочен принимать решение самостоятельно в силу закона (ст. 1628 Гражданского уложения Германии). Таким образом, общее правило состоит в том, что родители могут предъявлять иск от имени ребенка в качестве его законных представителей. Однако в соответствии с первым предложением п. 2 ст. 1629 и ст. 1795 Гражданского уложения Германии отец и мать не могут представлять интересы ребенка в тех случаях, если имеется конфликт интересов, т.е. в случае взыскания алиментов они не могут в полном объеме полноценно участвовать в судебном процессе. Для обеспечения интересов ребенка назначается лицо, именуемое «дополнительным опекуном» (Ergänzungspfleger). Именно он вправе представлять интересы ребенка при обращении в суд и заявлять иск от его имени [11, p. 4224]. Из этого правила есть исключение – иски о взыскании расходов на уход и удовлетворение базовых жизненных потребностей ребенка. Согласно п. 2 ст. 1629 Гражданского уложения Германии если родители несут солидарную родительскую ответственность за ребенка, то родитель, осуществляющий уход за ребенком, может предъявить другому родителю требование о выплате алиментов на содержание ребенка. Статья 1629(3) Гражданского уложения изменяет это положение в тех случаях, когда родители ребенка состоят в браке друг с другом, но живут раздельно или между ними ведется брачный процесс. В этом случае родителю разрешается предъявлять требования о содержании ребенка к другому родителю только от своего имени. Это делается для того, чтобы уберечь ребенка от психологически некомфортной ситуации и не втягивать его в бракоразводный процесс между родителями.

Алименты должны выплачиваться регулярно. Размер платежа определяется требованиями и потребностями стороны, имеющей право на

содержание, и платежеспособностью стороны, несущей ответственность за содержание. Высшие региональные суды Германии (Oberlandesgerichte) разработали в этой связи таблицы и руководящие принципы, которые помогают определить размер выплачиваемого содержания от потребностей ребенка в развитии, уходе, досуге. Дюссельдорфская таблица регулярно меняется с учетом изменений экономической ситуации в стране и используется в качестве основы для расчета уровня содержания детей не только при взыскании алиментов судами, но и при заключении алиментного соглашения [12, p. 254].

При изменении фактических обстоятельств, размер взыскиваемого содержания может быть изменен по требованию стороны, имеющей право на содержание, или стороны, несущей ответственность за содержание (ст. 1612a(1) Гражданского уложения). В соглашении размер алиментов может быть указан в процентах от минимального уровня содержания, действующего в любой данный момент времени. Минимальный уровень содержания регулируется п. 2 и 3 ст. 1612a(1) Гражданского уложения и увеличивается по трехбалльной шкале по мере взросления ребенка. Если же в соглашении указана индексная выплата алиментов, то размер выплат не зависит от возрастной категории. По общему правилу, жесткая ставка минимальных выплат на детей, начиная с 2020 г. в возрасте до шести лет, не менее 369 евро в месяц, а с 2021 г. - не менее 378 евро в месяц. Дети в возрасте от шести до 11 лет имеют право на получение 424 евро. Для детей старшего возраста в возрасте от 12 до 17 лет минимальное ежемесячное пособие на жизнь составит 497 евро в 2020 г. [4, p. 150].

Установленные требования по алиментному содержанию могут быть исполнены путем принудительного исполнения (Zwangsvollstreckung) [13, p. 122]. Злостное уклонение от исполнения алиментных обязательств, влечет уголовную ответственность. Лицо, нарушившее обязательство по содержанию ребенка, может быть приговорено к лишению свободы на срок до трех лет или к уплате штрафа. Однако с учетом интересов несовершеннолетнего, суд может приостановить исполнение решения и обязать осужденного выполнить свои обязанности по содержанию. Суд отменяет приостановление исполнения приговора, если осужденный совершает грубое однократное или постоянное нарушение постановления и тем самым дает основание полагать, что он может и далее нарушать обязательства по содержанию ребенка. В отношении лиц, впервые совершивших преступление, прокуратура, напротив, может временно воздержаться от предъявления обвинения или суд может временно прекратить уголовное производство при условии, что обвиняемому одновременно даны указания о соблюдении обязательств по содержанию в установленном размере и он добросовестно раскаивается и деятельно стремится исправить последствия нарушения [14, p. 198].

При необходимости суд для исполнения обязательств может дать указание судебному приставу (Gerichtsvollzieher) для изъятия движимого имущества в залог (Pfändung) в соответствии со ст. 808(1) Гражданского процессуального кодекса [15]. Случаи, в которых допускается такая форма залога, ограничены ст. 811 - 812. Арест имущества, находящегося в залоге, производится судом, осуществляющим исполнительное производство. Изъятие дохода плательщика подпадает под действие изъятий, изложенных в разд. 850 - 852 ГПК. Часть заработанного дохода должника освобождается от уплаты налога. Размер освобожденной суммы определяется не только уровнем дохода должника, но и тем, сколько людей имеют законное право на получение алиментов от должника. В качестве вспомогательного средства для расчета действует таблица пределов изъятий, включенная в качестве приложения к разд. 850c ГПК, который используется для определения пределов изъятий. Эта таблица регулярно пересматривается и при необходимости корректируется.

Если принудительное исполнение осуществляется на основании требования об обеспечении или требования, вытекающего из умышленно совершенного противоправного деяния (unerlaubte Handlung), ст. 850d и 850f ГПК суд, ведущий исполнительное производство, по заявлению кредитора может изменить объем заложенного имущества. При определении имущества, подлежащего залогу, суд учитывает потребности должника (п. 1 ст. 850f ГПК).

Для требований о взыскании алиментов установлен общий срок исковой давности три года. Срок начинает течь с момента, когда возникло право на требование и правомочная сторона была поставлена об этом в известность в соответствии с п. 1 ст. 199 Гражданского уложения Германии. Для задолженности, установленной решением суда или соглашением, действует 30-летний срок исковой давности. Срок начинает исчисляться со дня вступления в законную силу решения суда или установления подлежащего принудительному исполнению правового титула.

Семья является важнейшим социальным институтом общества, для ее поддержания и укрепления законодателями различных стран применяются комплексные подходы, позволяющие обеспечить соблюдение баланса интересов родителей и детей. Сочетание диспозитивных и императивных мер позволяет стимулировать родителей к добровольному добросовестному исполнению своих обязанностей под угрозой применения чрезвычайных мер наказания.

Список литературы:

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020).

[2] Frolova E.E., Zankovsky S.S., Dudin M.N., Zinkovsky S.B., Kirsanov A.N. Journal of Advanced Research in Law and Economics. - 2018. - Т. 9. - № 4. - С. 1236–1240.

[3] Ivanovskaya Natalya, Koncheva Valentina, Artemyeva Yulia and Sitkareva Elena. Current Problems of Concluding an Agreement on the Alimony Payment for Minors in Russia. Advanced Research in Law and Economics, [S. l.], v. 9, n. 3(33), p. 859-869, june 2018. ISSN 2068-696X.

[4] Artemyeva Yu. A. Legal control of duty support for minor children in Russia and the USA. International Journal of Innovation, Creativity and Change. United Kingdon. Primrose Hall Publishing Group Journals. ISSN22011323. P. 137-152. 7/12 – 2019.

[5] Volker Lipp (ред.): Реформа закона о содержании. 5-й Гёттинген семинар по семейному праву. (Правовые труды Гёттингена; Vol. 3). Университет-Верлаг, Гёттинген 2007, ISBN 978-3-938616-72-7.

[6] Иоганнес Мюндер. Семейное право. - 5-е изд. Luchterhand Verlag, Мюнхен 2005, ISBN 3-472-06151-0.

[7] Мартин Менне, Биргит Грундманн (ред.): Новый закон о содержании. Введение, законодательные процедуры, материалы с выборочными расчетами, примерами и резюме. - Бундесанзейгер-Верлаг, Кельн 2008, ISBN 978-3-89817-492-3.

[8] Maurer. Miinchener Kommentar zum BGB. – Miinchen, 2012. - S. 134.

[9] Pinto Alexandre Albuquerque. Die Folgen der Ehescheidung nach deutschem und brasilianischem Recht. - Miinchen, 2003. - S. 112–118.

[10] Reichelt-Pahl. Die Aufgabe des staatlichen Kindergeld und sein Einfluss auf den Unterhalt ehelichen Kinder. - Munster, 2011. - S. 98.

[11] Reinchol Zippelius. Das Wesen des Rechts, eine einfuhrung in die Rechtsphilosophie, 5 / Auflage. - Miinchen, 1997. - S. 233.

[12] Steffen Thomas. Nichteheliche Lebensgemeinschaften in England und Deutschland: Rechtsprobleme wahrend ihres Bestehens. Dissertation zur Erlagung des Grades eines Doktors der Rechte. – Bonn, 1991. - S. 254.

[13] Terpitz W. Terpitz J. Rechte der Jugendlichen von A-Z zwischen 14 und 18. 3 Auflage: Deutschen Taschenbuch. - 2000. - S. 121.

[14] Thiemann Oliver. Auswirkungen von Entfremdungen, Kontraktverweigerungen und Umgangsverteitelungen auf den Kindes- und Ehegattenunterhalt. - Bonn, 2000. - S. 198.

[15] Zivilprozessordnung [Электронный ресурс] www: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/ (дата обращения: 3.09.2020).

Spisok literatury:

[1] Semejnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.1995 g. № 223-FZ (red. ot 06.02.2020).

[2] Frolova E.E., Zankovsky S.S., Dudin M.N., Zinkovsky S.B., Kirsanov A.N. Journal of Advanced Research in Law and Economics. - 2018. - T. 9. - № 4. - S. 1236–1240.

[3] Ivanovskaya Natalya, Koncheva Valentina, Artemyeva Yulia and Sitkareva Elena. Current Problems of Concluding an Agreement on the Alimony Payment for Minors in Russia. Advanced Research in Law and Economics, [S. l.], v. 9, n. 3(33), p. 859-869, june 2018. ISSN 2068-696X.

[4] Artemyeva Yu. A. Legal control of duty support for minor children in Russia and the USA. International Journal of Innovation, Creativity and Change. United Kingdon. Primrose Hall Publishing Group Journals. ISSN22011323. R. 137-152. 7/12 – 2019.

[5] Volker Lipp (red.): Reforma zakona o soderzhanii. 5-j Gyottingen seminar po semejnomu pravu. (Pravovye trudy Gyottingena; Vol. 3). Universitet-Verlag, Gyottingen 2007, ISBN 978-3-938616-72-7.

[6] Iogannes Myunder. Semejnoe pravo. - 5-e izd. Luchterhand Verlag, Myunhen 2005, ISBN 3-472-06151-0.

[7] Martin Menne, Birgit Grundmann (red.): Novyj zakon o soderzhanii. Vvedenie, zakonodatel'nye procedury, materialy s vyborochnymi raschetami, primerami i rezyume. - Bundesanzejger-Verlag, Kel'n 2008, ISBN 978-3-89817-492-3.

[8] Maurer. Miinchener Kommentar zum BGB. – Miinchen, 2012. - S. 134.

[9] Pinto Alexandre Albuquerque. Die Folgen der Ehescheidung nach deutschem und brasilianischem Recht. - Miinchen, 2003. - S. 112–118.

[10] Reichelt-Pahl. Die Aufgabe des staatlichen Kindergeld und sein Einfluss auf den Unterhalt ehelichen Kinder. - Munster, 2011. - S. 98.

[11] Reinchol Zippelius. Das Wesen des Rechts, eine einfuhrung in die Rechtsphilosophie, 5 / Auflage. - Miinchen, 1997. - S. 233.

[12] Steffen Thomas. Nichteheliche Lebensgemeinschaften in England und Deutschland: Rechtsprobleme wahrend ihres Bestehens. Dissertation zur Erlagung des Grades eines Doktors der Rechte. – Bonn, 1991. - S. 254.

[13] Terpitz W. Terpitz J. Rechte der Jugendlichen von A-Z zwischen 14 und 18. 3 Auflage: Deutschen Taschenbuch. - 2000. - S. 121.

[14] Thiemann Oliver. Auswirkungen von Entfremdungen, Kontraktverweigerungen und Umgangsverteitelungen auf den Kindes- und Ehegattenunterhalt. - Bonn, 2000. - S. 198.

[15] Zivilprozessordnung [Elektronnyj resurs] www: https://www.gesetze-im-internet.de/zpo/ (data obrashcheniya: 3.09.2020).

УДК 338.245

ЕРМАКОВ Дмитрий Николаевич,
доктор политических наук,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры истории общественных
движений и политических партий исторического
факультета Московского государственного
университета им. М.В. Ломоносова
e-mail: dermakow@mail.ru

ПОПОВ Григорий Германович,
кандидат экономических наук, доцент,
старший научный сотрудник научно-исследовательской
лаборатории актуальной истории Института
общественных наук Российской академии народного
хозяйства и государственной службы (РАНХиГС)
при Президенте Российской Федерации
e-mail: popov-gg@ranepa.ru;
GGPopov2009@mail.ru

БЕРЕЗКИНА Оксана Степановна,
кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры истории общественных движений
и политических партий исторического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
e-mail: os-berezkina@yandex.ru

МАЛАШКИНА Ольга Фёдоровна,
старший преподаватель Департамента инновационного менеджмента
в отраслях промышленности Института космических технологий
Инженерной академии Российского университета дружбы народов
e-mail: romanova_of@mail.ru

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО АВИАСТРОЕНИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. *Статья посвящена развитию военного авиастроения в СССР в межвоенный период с точки зрения выявления связей между стратегическими решениями и производственными результатами на разных хронологических этапах развития отрасли. Авторы определяют ключевые факторы феномена роста советского авиастроения в 30-е годы. Делается вывод, что советское военное авиастроение могло добиться удовлетворительных результатов к концу 30-х годов при темпах роста модернизации и расширения отрасли, достигнутых в конце нэпа. Однако в этом случае Советский Союз не получил бы развитой бомбардировочной авиации, требовавшей крупных капиталовложений и трудозатрат.*

Ключевые слова: *история советской авиационной промышленности, история государственного планирования, планы довоенной пятилетки, мобилизационная экономика, модернизация, институциональная история, советская экономика.*

ERMAKOV Dmitrii Nikolaevich,
Grand Dr. of Economy Science, Grand Dr. of Political Sciences,
PhD of history, Professor, Professor of the Department
of the History of Social Movements and Political Parties,
Faculty of History at Lomonosov Moscow State University
JEL: B 30, B 31, D 78, N 44, N 63, O 14

POPOV Gregory Germanovich,
PhD in Economics, Senior research fellow of the Research laboratory of actual history of the Institute of social Sciences of The Russian Presidential Academy of national economy and public administration (RANEPA)

BEREZKINA Oksana Stepanovna,
PhD in Political Sciences, associate Professor, Professor of the Department of the History of Social Movements and Political Parties, Faculty of History at Lomonosov Moscow State University

MALASHKINA Olga Fedorovna,
MBA (Master of business administration), Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Academy of Engineering, senior lecturer of the Department of innovation management in industries

DEVELOPMENT OF THE SOVIET AIRCRAFT INDUSTRY IN THE INTERWAR PERIOD

Annotation. *The article is devoted to the development of military aircraft construction in the USSR during the interwar period in terms of identifying links between strategic decisions and production results at different chronological stages of the industry's development. The authors identify key factors of the phenomenon of the growth of Soviet aviation in the 1930s, concludes that Soviet military aircraft were able to achieve satisfactory results by the end of the 1930s, with the growth of modernization and expansion of the industry reached at the end of the NEP. However, in this case, the Soviet Union would not have received a developed bomber aircraft, which required large investments and labor costs.*

Key words: *history of the Soviet aviation industry, history of state planning, pre-war five-year plans, mobilization economy, modernization, institutional history, Soviet economy.*

В науке есть распространенное мнение, что до первой пятилетки советская промышленность была не готова к развертыванию массового производства современных на то время вооружений. Однако уже в конце Первой мировой войны Россия смогла начать массовый выпуск самолетов, а также сборку грузовиков для армии. Эта тема частично поднята в работах Г.Г. Попова [Попов, 2018], где показано, что на практике в период первой пятилетки СССР лишь незначительно превзошел, а по ряду пунктов военного выпуска практически не превзошел Россию 1916–1917 гг. Технологические тенденции без учета бронетанковой техники в выпуске военной продукции сохранялись вплоть до второй пятилетки практически на уровне Первой мировой войны [Попов, 2018].

Одним из главных препятствий развития промышленности в период нэпа был дефицит квалифицированных кадров, что стало следствием трансформации советского общества в период Гражданской войны. Капитал имелся в достаточном количестве для восстановления экономики на уровне конца Первой мировой войны, но при этом не хватало рабочих рук, что стало одной из причин наращивания капитала в период нэпа ограниченными темпами [Арутюнян, Маркус, с. 130]. Кроме того, имеющиеся капиталовложения были недостаточными для масштабного и ускоренного роста производства сверх прежних границ.

Причины перехода СССР к ускоренной индустриализации именно в таких масштабах, какие предложил И.В. Сталин, до сих пор являются дискуссионным вопросом, преобладает мобилизационная концепция, гласящая, что ускорение темпов роста промышленности в 30-е годы было вызвано планами руководства создать соответствующие внешнеполитическим угрозам мощные вооруженные силы [Красильников, 2018]. Вместе с тем, практически никто, кроме О. Кена, не обратил пристального внимания на то, что строительство вооруженных сил проводится четко по нормативам, устанавливаемым Генеральным штабом, согласовано с военными ведомствами и главой государства. О. Кеном была впервые широко показана роль индекса развертывания в строительстве вооруженных сил [Кен, 2002].

Исследователи ОПК периода индустриализации делают акцент в основном на количественных показателях выпуска военной продукции, при

этом недостаточно анализируется качество выпуска, то же самое относится к авиационной промышленности. На этом фоне недостаточно исследован вопрос выбора стратегии военного строительства в СССР в межвоенный период в сфере авиастроения. Мы выдвигаем гипотезу, что в рамках первой пятилетки произошло создание избыточных мощностей в военной промышленности при отставании научно-технической базы, и такое положение сохранялось до второй пятилетки. По этой причине имела место инфляция выпуска старой техники, и данная тенденция во многом прослеживается практически до начала 40-х годов. Данное положение демонстрирует пример авиационной отрасли.

Настоящая статья представляет собой историко-экономическое исследование, базирующееся на методе хронологического анализа документов, касающихся военного планирования в межвоенный период в ракурсе истории военного авиастроения в СССР. В работе ставится цель – выявить на базе сравнения планов (и их исполнений) периода нэпа и довоенных пятилеток, как институциональных ограничителей либо катализаторов развития отрасли, значение институционально-политического фактора в строительстве ВВС РККА. Научная проблема, как мы ее видим, заключается в том, что на фоне утверждения мэйнстрима российской науки о высокой эффективности сталинских преобразований в экономике в межвоенный период с точки зрения развития ОПК имели место определенные неудачи Красной Армии в ходе участия в Гражданской войне в Испании, а также в «Зимней войне», когда Советскому Союзу противостояла маленькая Финляндия с аграрно-сырьевой экономикой. Тем более важно отметить, что после «Зимней войны» произошла известная катастрофа лета 1941 г. Сталинские реформы признаются многими учеными в России и на Западе эффективными и направленными на повышение обороноспособности страны, однако нельзя не заметить, что они продемонстрировали недостаточную эффективность в ряде вооруженных конфликтов, и прежде всего, в начале Великой Отечественной войны. На наш взгляд, здесь имеет место дискуссионный вопрос, требующий тщательного анализа развития промышленности и ОПК СССР в межвоенный период не только с точки зрения количественных показателей, но и по другим параметрам.

Выбор в пользу военно-воздушного строительства сделан в силу того обстоятельства, что авиационная отрасль стала в 1930 г. приоритетной, оставаясь таковой практически весь остальной советский период. В 30-е годы на военное авиастроение приходилось до трети бюджета капитального строительства в ОПК. Предпринимаемый анализ позволит нам приблизиться к ответу на вопрос, имел ли СССР модель экономики, в которой государство шло на максимизацию выпуска военной продукции, руководствуясь принципом «чем больше, тем лучше», либо это была система, где планирование опиралось в большей мере на нормативные лимиты выпуска военной продукции.

Другой вопрос, приближение к ответу, на который должна дать настоящая статья, - это вопрос о том, развивался ли СССР в межвоенный период в большей степени по модели, предложенной в 1966 г. С. Кузнецом для описания процесса перехода общества от аграрной экономики к индустриальной. Ее существенной характеристикой является увеличение производительности на основе применения в материальном и нематериальном производстве новых знаний, полученных и распространенных в результате развития науки и образования [Kuznets, 1966, p. 81, 82, 190, 286 - 293]. Забегая вперед, скажем, что пример авиапрома СССР в межвоенный период показывает нам, что, несмотря на безусловное использование научных достижений и приращения знания, рост промышленного производства в СССР имел преимущественно экстенсивный характер.

В 30-е годы в СССР реализовывалась мобилизационная модель модернизационных изменений в разных областях, в т.ч. в военной отрасли. Следует отметить, что большевики изначально были далеки от армии и военного дела в целом, мечтая построить общество без государства и вооруженных сил: в 1918 г. РККА задумывалась в качестве добровольной милиции. И.В. Сталин, с именем которого ассоциируется строительство мобилизационной экономики в СССР (как и многое другое, что на практике было начало еще в период Гражданской войны), был невоенным человеком, многие современники отмечали, что он плохо разбирался в военных вопросах. Старт мобилизационной экономики, на наш взгляд, ошибочно связывают с началом первой пятилетки, отождествляя тем самым этот тип экономики в СССР межвоенного периода, включавший резкое наращивание вооруженных сил, исключительно с личностью И.В. Сталина [Cheremukhin, 2013]. Мало изученные ранее документы из Российского государственного военного архива содержат сведения, что на мобилизационных мероприятиях настояли главы военных ведомств, и особенно М.В. Фрунзе, еще в ходе дискуссии со сторонниками ограниченного военного бюджета в 20-е годы Укрепление плановой экономики началось именно с военных производств, в частности с Авиатреста, для которого и был разработан в 1926 г. первый трехлетний план, который был вскоре переименован в пятилетний. Одной из наших задач в насто-

ящем исследовании являются освещение и систематизация сведений из собранных источников.

Что касается историографии, то в исследовании истории военного авиастроения есть немало белых пятен, поскольку данной тематикой занимается узкий круг историков, связанный, так или иначе, с историей техники. Как верно заметил в свое время М.Ю. Мухин, даже вокруг эвакуации авиационных заводов в 1941 г. сложились мифы, например, о «выводе предприятий в чистое поле» [Мухин, 2012]. Появлению таких мифов способствует и способствовало то, что в постсоветский период история СССР межвоенного периода исследуется не так подробно, многие важные документы не проанализированы. Можно отметить, что военное авиастроение в целом в ракурсе большой военной стратегии СССР практически не изучалось в постсоветской российской историографии, кроме монографии М.Ю. Мухина 2006 г. Вместе с тем, существует ряд новейших работ более узкой направленности. Так, В.И. Мамонтов в своей статье о развитии тяжелой военной авиации ВВС СССР утверждает, что советскому авиапрому удалось быстро преодолеть отставание от Запада примерно уже к концу первой пятилетки. Автор считает, что по техническим характеристикам советские военные самолеты в 30-е годы не уступали западным аналогам [Мамонтов, 2016, с. 3 - 5]. Увеличение удельного веса бомбардировочной авиации в структуре ВВС РККА В.И. Мамонтов связывает с решениями советского высшего руководства еще периода первой пятилетки. На наш взгляд, работа исследователя представляет интерес, однако в ней есть определенный элемент идеализации советского авиастроения. Считаем, что рост выпуска бомбардировщиков был, прежде всего, связан с анализом опыта войны в Испании.

Противоположные В.И. Мамонтову положения выдвигает в недавно вышедшей статье Д.И. Бочинин, который показывает, что кардинальная ускоренная модернизация ВВС и авиапрома СССР началась после войны в Испании на базе опыта воздушных боев советских самолетов с итальянскими и немецкими. По данным, приведенным у Д.И. Бочинина, истребители И-15, И-153 и И-16 показали отставание от немецкого новейшего на то время истребителя Bf 109, что, по мнению исследователя, и обусловило разработку и внедрение в производство новых советских моделей Як-1, ЛаГГ-3, МиГ-3, Пе-2, Ил-2 [Бочинин, 2012, с. 47]. Данная статья вносит вклад в изучение вопросов советского авиапрома, однако мы не можем полностью согласиться с мнением Д.И. Бочинина, поскольку, как будет показано в данной статье, появление новых моделей самолетов произошло с опозданием, выводы командования ВВС по итогам боев в Испании о качестве истребителей И-16 и И-15 были в целом положительными. На наш взгляд, поворотным пунктом в модернизации советских истребителей стали все-таки уроки «Зимней войны». Можно отметить, что и Д.И. Бочинин приводит факт принятия летом 1940 г. советским руководством решения о беспрецедентном расширении выпуска военных самолетов, задействовав мощности гражданских производств [Бочинин, 2012, с. 47]. Это подтверждает тот факт, что «Зимняя война» привела к росту мобилизации советского авиастроения.

В статье Е.И. Подрепного на примере организации работы новых авиационных заводов в Горьковской области перед Великой Отечественной войной и в ее начальный период показано, что практически до лета 1941 г. основной проблемой советского авиастроения оставались кадры, а также неудовлетворительно (недостаточно квалифицированно) поставленное управление производством [Подрепный, 2007, с. 136, 137]. Довоенный авиапром СССР плодотворно проанализировал В.Н. Шумилов [Шумилов, 2016]. Его работа интересна, помимо прочего, тем, что она развеивает миф об эвакуации военных предприятий в «чистое поле». «Работа над ошибками» по итогам «Зимней войны» и предыдущих конфликтов привела, как показывает Шумилов, к территориальной экспансии отрасли на восток. Сравнивая материалы, приведенные в статьях Е.И. Подрепного и В.Н. Шумилова, можно заключить, что в результате «Зимней войны» высшее руководство страны всерьез взялось за расширение производственных мощностей авиапрома.

По определению начальника ВВС РККА Я.И. Алксниса, из бывших на вооружении к декабрю 1936 г. 6246 самолетов к 1938 г. в Красной Армии должно было остаться 966 самолетов, удовлетворяющих требованиям современной (на то время) войны, т.е. способных развить скорость 350 км/ч и более. Но и те самолеты, что считались в 1936 г. новыми, к 1938 - 1939 гг. устарели [Попов, 2018]. Такой итог работы советского военного авиастроения возник в результате того, что СССР в период первой пятилетки выпускал, если речь шла об истребительной авиации, бипланы Р-1, разработанные еще в 1923 г. на базе британского фронтового истребителя времен Первой мировой войны DH.9. Для сравнения: в период Первой мировой войны Россия в условиях дефицита квалифицированных рабочих произвела 3500 самолетов [Шигалин, 1956, с. 93, 170].

В 1929–1934 гг. в СССР было выпушено 11 110 военных самолетов, из которых 3100 – в 1934

г. Судя по докладу Я.И. Алксниса, инфляция выпуска морально устаревших моделей в указанный период была колоссальной. Учитывая, что российская промышленность строила самолеты в основном в 1916 – первой половине 1917 г., советский авиапром вышел на уровень Первой мировой войны примерно в 1933 г.[1] Не вполне удачное развитие авиастроения в годы первой пятилетки не было связано с дефицитом капитала, однако, почему те же модели самолетов не стали массово производиться в период нэпа? Для ответа на этот вопрос обратимся к планам по военному авиационному строительству в период новой экономической политики.

Согласно докладу начальника ВВС РККА П.И. Баранова в РВС СССР о выполнении плана развития ВВС на 15 апреля 1925 г., в ВВС РККА числились (только по строевым частям) 307 самолетов, вместо 326 плановых. К этому количеству самолетов имелось 194 единицы запасных машин, некомплект по запасным самолетам составил 56 штук. Для подготовки пилотов предполагалось иметь еще 51 тренировочный самолет к 1 октября 1925 г. Причиной частичного невыполнения плана П.И. Баранов считал срывы выпуска заводами, по этому вопросу он приводил интересные факты. Серийное производство истребителей И-7 и ИЛ-400 не было налажено в первом квартале 1925 г. из-за конструкторских дефектов, которые предполагалось устранить к лету. По данным, приводимым у П.И. Баранова, своего бомбардировщика у СССР к 1925 г. не было, и его разработка затягивалась, поэтому планировалось закупить 4 бомбовоза «Фарман Голиаф». Для подготовки экипажей бомбардировщиков ВВС РККА использовали пассажирские самолеты. К июню 1925 г. П.И. Баранов рассчитывал получить от завода ГАЗ № 1 только тренировочный бомбардировщик, со сроками разработки боевой машины этого типа имела место неопределенность[2]. Таким образом, в качестве главной причины отставания ВВС РККА приводилось отсутствие моделей самолетов, выпускать было, по сути, нечего, кроме систем, разработанных фактически еще в годы Первой мировой войны.

М.В. Фрунзе назвал причиной столь неблагоприятного состояния ВС СССР, включая боевую авиацию, - снижение до минимума объемов финансирования, в связи с чем председатель РВС СССР стал «бить тревогу» в январе 1925 г., указывая на отставание СССР по темпам роста строительства вооруженных сил даже от Польши, которая, с его слов, переживала экономический кризис[3]. В этой связи, Фрунзе все-таки удалось добиться утверждения плана развития ВВС под кодовым названием «1200»[4] (без комплектования школ), под чем подразумевалось доведение численности самолетов именно до этого числа. Он считал, что советский авиапром в состоянии освоить такую программу, правда, она была рассчитана на период 1926 - 1928 гг. М.Н. Тухачевский предлагал ввиду ограниченности возможностей Авиатреста к производству столь большого количества самолетов закупить часть последних за границей, хотя, по данным, приводимым в одном из докладов Тухачевского, советская авиационная промышленность уже была готова к серийному выпуску бомбардировщиков во втором полугодии 1926 г.[5]

План «1200» стал результатом тревоги в СССР по поводу прихода к власти в Британии консервативного правительства, которое активизировало усилия по укреплению антисоветского блока государств. В этой связи М.В. Фрунзе заявил в январе 1925 г., что заложенная правительством норма военных расходов 18% от общего бюджета не соответствовала потребностям вооруженных сил для создания мобзапасов[6]. По его мнению, в силу сложившейся международной ситуации ВС СССР должны были быть доведены до полной мобилизационной готовности в течение 5 - 7 лет[7].

Начальник ВВС П.И. Баранов высказал 30 апреля 1926 г. сомнения по поводу возможностей реализации плана «1200» к 1929 г. из-за ограниченного финансирования строительства вооруженных сил СССР в целом. В Плане «1200» предусматривалось финансирование строительства самолетов и развития вспомогательных служб в размере 63 млн руб. в 1926–1927 гг. и 77 млн руб. - в 1927 - 1928 гг.[8] По данным, приводимым у П.И. Баранова, личный состав частей ВВС даже не всегда вовремя получал денежные отпуска на хозяйственные расходы[9]. Однако вскоре план «1200» был пересмотрен в сторону доведения численности самолетов в условиях мобилизации до 4267 единиц (к 1 октября 1929 г., план «литеры С»), что требовало расширения производственной базы на уже имеющихся заводах. По авиационному моторостроению было решено, что нет

[1] См.: Государственный архив РФ (ГАРФ). Ф. 8418. Оп. 25. Д. 14. Л. 2, 3.

[2] См.: РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 150. Л. 62 - 66.

[3] См.: там же. Д. 162. Л. 408, 409.

[4] См.: там же. Л. 12.

[5] См.: РГВА. Ф. 33989. Оп. 1. Д. 16. Л. 228, 229.

[6] См.: РГВА. Ф. 4. Оп. 14. Д. 56. Л. 181.

[7] См.: там же. Л. 182.

[8] См.: РГВА. Ф. 33989. Оп. 1. Д. 20. Л. 350.

[9] См.: там же. Л. 355.

смысла строить новые заводы, т.к. мощности старых еще не были доведены до предела[1]. Главной причиной замедления выполнения плана «литеры С» были названы моторы, а также дефицит алюминия, устранить который можно было только за счет Днепростроя (Днепровская гидроэлектростанция должна была обеспечить электроэнергией мощности по выплавке алюминия). Только из-за дефицита моторов советской авиационной промышленности не удавалось в конце 20-х годов перейти от выпуска Р-1 к более современному самолету Р-5[2]. Из-за обозначенных трудностей советский авиапром мог к 1928 г. выполнить мобплан «литеры С» не более, чем на 56-57%, однако военное руководство страны считало, что мощности уже имевшихся заводов, а также кардинально реконструированного завода № 22 (Филевский завод) вполне в состоянии удовлетворить в дальнейшем реализацию плана «литеры С».

Что представлял из себя Авиатрест и как он развивался в 20-е годы? Ознакомление даже с общими документами по этой организации развевает сложившийся стереотип о безнадежной отсталости советского общества в период нэпа. Авиатрест был образован 28 января 1925 г., в его состав были включены 11 заводов, из них 4 являлись непосредственно авиастроительными, и они были построены в имперский период. Еще 4 завода относились к разряду авиамоторных (построены тоже до Октябрьской революции), остальные – вспомогательные. Авиатрест имел в 1925 г. следующие общие технико-экономические характеристики: 135 тыс. кв. м производственных площадей (без завода «Большевик»), стоимость производственных построек - 6 632 704 руб., оборудования - 4 297 621 руб., износ оборудования составлял 37% по самолетостроительным заводам и 32% - по моторным. Парк станочного оборудования Авиатреста составлял на конец 1925 г. 2016 единиц[3]. Однако советская военная авиационная продукция отличалась высокой себестоимостью: в 1925 г. цены на продукцию Авиатреста, установленные без запасных частей, составили: на мотор М5 – 16 644 руб., цена на самолет Р-1 - 14 312 руб. Для сравнения: стоимость заграничной продукции такого же класса, поставлявшейся в то время в СССР, была значительно ниже: мотор стоил около 5.5 тыс. руб., самолет - около 8.5 тыс. руб.[4]. Высокая себестоимость советской авиапродукции объяснялась слабым опытом (фактически – его утратой в годы Гражданской войны) в освоении серийного выпуска самолетов[5].

В период второго полугодия 1924 – первого полугодия 1928 г. авиастроительным заводам СССР удалось освоить выпуск 1611 боевых самолетов, но износ парка авиационной техники требовал постоянного наращивания выпуска, поэтому и появилась программа «1200». Если мы посмотрим на динамику выпуска боевых самолетов в СССР по годам, то нам станет очевидным, что главная трудность в преодолении отставания в авиационной отрасли заключалась в общей послевоенной разрухе в стране в течение ряда лет *(табл. 1).*

Таблица 1

Выпуск самолетов и моторов боевых типов[6]

	1922/1923	1923/1924	1924/1925	1925/1926	1926/1927	1927/1928
Самолеты	5	13	264	309	495	543
Моторы	---	---	27	216	292	584

Из доклада Авиатреста в ГВПУ о работе за 1922/23 - 1927/28 гг. следует, что основные затруднения с выпуском были вызваны дефицитом сырья и полуфабрикатов, необходимых для пере-

[1] См.: ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 3. Д. 9. Л. 86—100.

[2] См.: там же. Л. 87.

[3] См.: РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 392. Л. 36.

[4] См.: там же.

[5] См.: там же. Л. 53.

[6] См.: РГАЭ. Ф. 2097. Оп. 1. Д. 850. Л. 21.

хода к серийному производству ряда моделей военных самолетов. Персонала для Авиатреста требовалось не так много, если принять во внимание, что в первом полугодии 1928 г. в этом объединении было задействовано 9047 человек против 4506 человек в первом полугодии 1925 г. Очевидно даже без специальных подсчетов, что линейная зависимость выпуска от численности персонала предприятий Авиатреста не так сильно выражена, хотя она присутствует. Из-за дефицита валюты советский авиапром был вынужден пойти на полное либо частичное замещение выпуска сырья, полуфабрикатов и комплектующих, но к осени 1928 г. полное импортозамещение так и не произошло. Главная трудность заключалась в том, что практически полностью приходилось импортировать алюминий для выпуска самолетов[1]. В целом в докладе Авиатреста было отмечено, что в СССР имелась пока слабая металлургическая база для авиационной промышленности.

Не хватало и мощностей авиационных заводов, поэтому согласно постановлению Совета труда и обороны от 17 ноября 1926 г. (протокол № 292) был определен трехлетний план развития авиационной отрасли. Целью плана, под который были выделены 19.5 млн руб., было доведение выпуска военных самолетов до 1500 штук в год и моторов – до 1800 штук, что соответствовало новым нормативам военных. Но Авиатрест запланировал довести выпуск самолетов до 1870 штук в 1930/1931 бюджетном году, что было вызвано повышенными требованиями Генштаба РККА, согласно расчетам которого Красной Армии потребовалось бы на год войны 4611 самолетов и 4947 моторов, а авиапром СССР с таким мобилизационным планом не справлялся. Каждый год высшее руководство РККА корректировало мобилизационный план по самолетам и авиационным моторам в сторону увеличения, что было вызвано ростом и перспективой дальнейшего увеличения вооруженных сил потенциальных противников. В связи с изменениями мобплана Авиатрест наметил ввести работу на своих заводах в две смены, ранее допускалась только одна смена. Чтобы выполнить мобплан РККА на 63% по самолетостроению и на 50-60% по моторам, Авиатресту требовались ассигнования на капитальное строительство в масштабах намного больших, чем было выделено государством на самом деле (речь шла о потребности порядка 32.16 млн руб. минимум сроком на 4 года, но затем было выдвинуто требование на 5 лет)[2]. Авиатрест в октябре 1928 г. настаивал перед высшим руководством РККА на увеличении финансирования за пределы 32.16 млн руб. ввиду резко возросшей потребности армии в самолетах и моторах из-за корректировки мобплана, но необходимая сумма не была определена[3]. При этом в справке Сектора обороны Госплана СССР «О пятилетием плане развития авиационной промышленности и ее перспективах» от начала октября 1927 г. отмечалось, что Авиатрест выпускает морально устаревшие модели самолетов[4].

Несмотря на рост капиталовложений, Авиатрест выполнил в 1930/1931 бюджетном году план только на 42%, выпустив 860 самолетов[5]. К 1 января 1937 г. ситуация изменилась: производственные площади авиационных заводов выросли до 1293 тыс. кв. м, только металлорежущих станков на них насчитывалось к этому моменту около 23 000 шт., хотя непосредственно под производство использовались 573 600 кв. м площадей. По другим данным, заводам отрасли были выделены Наркоматом оборонной промышленности 5932 станка [Мухин, 2006, с. 61], выпуск при этом составил 4435 самолетов[6], по отчету за 1937 г. Отметим, что за два года, с июня 1925 по июнь 1927 гг., когда расширение производственной базы авиационной промышленности СССР только начиналось, было выпущено 804 самолета, правда, это были бипланы фактически Первой мировой войны. В целом можно сделать вывод, что производственные мощности выросли почти в 9.5 раз, станочный парк авиапрома – более чем в 10 раз, но количество выпущенных самолетов – менее чем в 6 раз. При этом значительно выросла себестоимость: так, И-16 стоил в 1937 г. 75 000 руб.7, в то время как Р-1 - почти в 5 раз меньше.

Если мы будем сопоставлять технические характеристики авиастроения СССР по годам в развитии отрасли в межвоенный период, то увидим, что по станкам между началом 30-х и 1937 г. произошел немалый рост в количестве, на 1 января 1932 г. в отрасли числился 6341 станок, в то время как тремя годами ранее – 4062 станка8. Однако рост капиталоемкости не был пропорционален увеличению выпуска самолетов *(табл. 2).*

[1] См.: там же. Л. 37.

[2] См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 75. Л. 81.

[3] См.: там же. Л. 83.

[4] См.: там же.

[5] См.: ГАРФ. Ф. 8418. Оп. 25. Д. 14. Л. 3.

[6] См.: там же. Л. 2, 3.

[7] См.: РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. .40. Л. 79, 80.

[8] См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1009. Л. 83.

Таблица 2

Станки в авиастроительной отрасли и выпуск военных самолетов в СССР по годам. Составлено по: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 1009

Год/кол-ва станков и самолетов	1925	1930/1931	1932	1937
Самолеты	350	860	1700	4435
Станки	2000	4062 (по состоянию на 1929 г.)	6341	23 000 (только металлорежущие)

Президент РФ В.В. Путин, оценивая подвиг советского народа как в годы войны, так и в предвоенные годы, справедливо отмечал: «Мы отдаём дань бесконечного признания великому, жертвенному подвигу советского народа, людям разных национальностей, стоявшим плечом к плечу на фронте и в тылу. Время не властно перед их мужеством, единством, достоинством и поистине стальной силой духа»[1].

Список литературы:

[1] Арутюнян А.А., Маркус Б.Л. Развитие советской экономики. - М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1940.

[2] Кен О.Н. Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 20-х - середина 30-х гг. – СПб.: Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2002.

[3] Красильников С.А. (отв. ред.). Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.). - М.: Политическая энциклопедия, 2018.

[4] Мамонтов В.И. Создание тяжелых самолетов в Советском Союзе в преддверии Великой Отечественной войны // Гуманитарные проблемы военного дела. - 2016. - № 3 (8). - С. 3–6.

[5] Мухин М.Ю. Авиапромышленность СССР в 1921–1941 годах. - М.: Наука, 2006.

[6] Мухин М.Ю. Эвакуация авиапромышленности в 1941 г. // Вестник РУДН. - 2012. - Сер.: История России.

[7] Подрепный Е.И. Кадровые проблемы авиационной промышленности СССР накануне и в первый период Великой Отечественной войны // Вестник СПбУ. - 2007. - Сер. 2. История. - Вып. 4. - С. 134–139.

[8] Попов Г.Г. Индустриализация и развитие ОПК СССР в первую пятилетку в «координатах» эпохи мировых войн // Гуманитарные науки в Сибири. - 2018. - № 1. - С. 25–31. DOI: 10.15372/HSS20180104

]9] Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. - М.: Воениздат, 1956.

[10] Шумилов В.Н. Ретроспективный анализ стратегии размещения отечественного авиастроения в начальный период Второй мировой войны // Интерэкспо Гео-Сибирь. - 2016. - С. 178–181.

[11] Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? // NBER Working Paper. 2013. No. 19425.

[12] Kuznets S. Modern Economic Growth, New Haven, CT: Yale University Press, 1966.

Spisok literatury:

[1] Arutyunyan A.A., Markus B.L. Razvitie sovetskoj ekonomiki. - M.: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1940.

[2] Ken O.N. Mobilizacionnoe planirovanie i politicheskie resheniya. Konec 20-h - seredina 30-h gg. – SPb.: Izd-vo Evrop. un-ta v SPb., 2002.

[3] Krasil'nikov S.A. (otv. red.). Social'naya mobilizaciya v stalinskom obshchestve (konec 1920-h – 1930-e gg.). - M.: Politicheskaya enciklopediya, 2018.

[4] Mamontov V.I. Sozdanie tyazhelyh samoletov v Sovetskom Soyuze v preddverii Velikoj Otechestvennoj vojny // Gumanitarnye problemy voennogo dela. - 2016. - № 3 (8). - S. 3–6.

[5] Muhin M.Yu. Aviapromyshlennost' SSSR v 1921–1941 godah. - M.: Nauka, 2006.

[6] Muhin M.Yu. Evakuaciya aviapromyshlennosti v 1941 g. // Vestnik RUDN. 2012. Ser.: Istoriya Rossii.

[1] См.: URL: https://161.ru/text/world/69250162/ (дата обращения: 30.05.2020).

[7] Podrepnyj E.I. Kadrovye problemy aviacionnoj promyshlennosti SSSR nakanune i v pervyj period Velikoj Otechestvennoj vojny // Vestnik SPbU. 2007. Ser. 2. Istoriya. Vyp. 4. - S. 134–139.

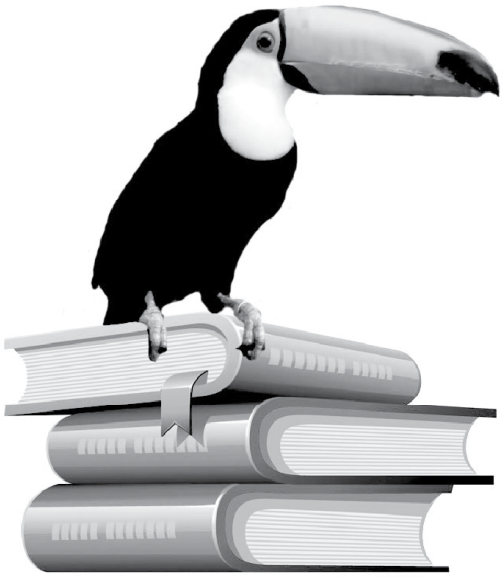
[8] Popov G.G. Industrializaciya i razvitie OPK SSSR v pervuyu pyatiletku v «koordinatah» epohi mirovyh vojn // Gumanitarnye nauki v Sibiri. - 2018. - № 1. - S. 25–31. DOI: 10.15372/HSS20180104

[9] Shigalin G.I. Voennaya ekonomika v Pervuyu mirovuyu vojnu. - M.: Voenizdat, 1956.

[10] Shumilov V.N. Retrospektivnyj analiz strategii razmeshcheniya otechestvennogo aviastroeniya v nachal'nyj period Vtoroj mirovoj vojny // Interekspo Geo-Sibir'. - 2016. - S. 178–181.

[11] Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. Was Stalin Necessary for Russia\'s Economic Development? // NBER Working Paper. 2013. No. 19425.

[12] Kuznets S. Modern Economic Growth, New Haven, CT: Yale University Press, 1966.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

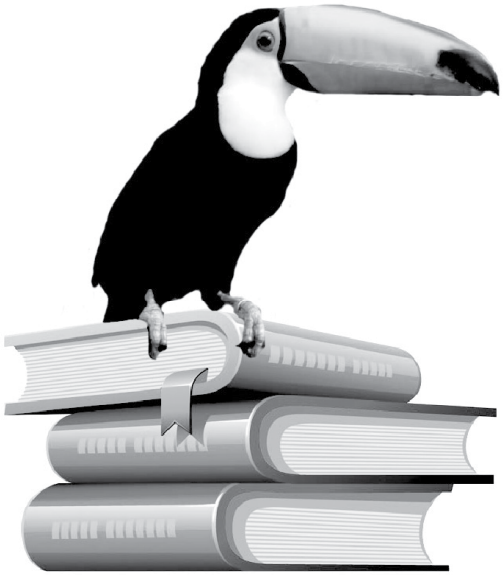
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников, учебных и методических пособий, монографий, научных статей.

Профессионально.

В максимально короткие сроки.

Размещаем в РИНЦ, E-Library.



ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство

«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, E-Library.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ
научных статей, поступающих в редакцию научно-правового журнала «Образование и право»

1. Автор научной статьи предоставляет оформленную и заверенную рецензию (отзыв) доктора наук, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале, либо предоставляет выписку из решения кафедры (научного подразделения), где выполнялась работа, содержащую рекомендацию статьи к публикации в журнале. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения) или его заместителем, подпись заверяется соответствующей кадровой структурой.

2. Рецензия должна содержать квалифицированный анализ материала статьи, объективную и аргументированную оценку ее материала и обоснованные рекомендации по улучшению качества представленной работы. Рецензент оценивает основные достоинства и недостатки рукописи статьи, руководствуясь при этом следующими критериями: соответствие содержания статьи профилю журнала, актуальность избранной темы, научный и методологический уровень, использование необходимых методик исследования, новизна и оригинальность основных положений и выводов, практическая полезность. При анализе представленных материалов, рецензентом уделяется внимание следующим вопросам:

а) общий анализ научного уровня, терминологии, структуры статьи, актуальности темы;

б) оценка подготовленности статьи к изданию в отношении языка и стиля, соответствия установленным требованиям по оформлению материалов статьи;

в) научность изложения, соответствие использованных автором методов, методик, рекомендаций и результатов исследований современным достижениям науки и практики;

г) место рецензируемой работы среди других работ на подобную тему: что нового в ней или чем она отличается от них, не дублирует ли содержание рукописи работы других авторов или ранее напечатанные работы данного автора);

д) допущенные автором неточности, ошибки, нарушение правил цитирования.

3. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется автору статьи по его письменному запросу, а также по соответственному запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

4. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать две недели с момента поступления рукописи к рецензенту. Рецензент вправе отказаться от рецензирования в течение одной недели с момента поступления рукописи к нему и уведомить об этом редакционную коллегию журнала.

5. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

6. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:

а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецен-

зирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

7. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

8. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

9. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

10. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет три месяца с момента поступления рукописи в редакцию.

11. Редакция издания направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

12. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ НАУЧНО-ПРАВОВОГО ЖУРНАЛА «ОБРАЗОВАНИЕ И ПРАВО»

Сведения общего характера

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в журнале «Образование и право» осуществляется ***БЕСПЛАТНО***, при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования и с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Допускается издание статей вне общей очередности (в кратчайшие сроки) на ***ДОГОВОРНО***Й основе.

Авторские экземпляры журнала предоставляются за *ПЛАТУ*.

Почтовые расходы («Почта России», заказное, бандероль) – за счёт денежных средств автора.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи от 10 рабочих дней до 1 месяца.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания об этом факте необходимо поставить в известность редакцию.

Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 30% от ранее опубликованных материалов). Рукописи должны иметь авторство не менее 80%, что подтверждается системой Антиплагиат.

Отправляя статью в редакцию, в случае принятия ее к публикации, автор соглашается на размещение редакцией статьи в электронных базах данных.

Технические требования

1. Тексты статей принимаются объемом от 5 до 12 машинописных страниц и (не более 25 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 5 машинописных страниц. В расчет объема статьи не входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах).

2. Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

3. На e-mail: mail@law-books.ru (в соответствии с правилами оформления статей) высылаются:

- электронная версия рукописи (сохраненная в формате Документ Word), которая должна иметь:

А. аннотацию (на русском и английском) объемом 150-250 слов. Аннотация должна иметь информативный характер и отражать актуальность, цели научного исследования, используемую методологию, основные научные результаты полученные автором (-ами) и их практическое значение.

Б. ключевые слова (на русском и английском) - 5-10 ключевых слов или словосочетаний. Ключевые слова должны отражать основное содержание статьи, определять предметную область исследования, встречаться в тексте статьи;

В. сведения об авторах: ФИО, их должности, ученые степени, ученые звания, место работы и адрес электронной почты (на русском и английском языках);

Г. УДК и ББК;

Д. Список литературы должен состоять не менее чем из 10 источников. Приветствуется наличие в библиографическом списке зарубежных изданий.

4. Перевод на английский язык статуса автора(-ов), название статьи, аннотация и ключевые слова должны соответствовать грамматики и стилистики языка, использованием принятой в англоязычных изданиях специальной терминологии. Не допускается осуществление перевода на английский язык при помощи автоматических переводчиков.

5. Статья, поступившая в редакцию регистрируется в журнале регистрации статей с указанием даты поступления, названия, Ф.И.О. автора, места работы автора. Статье присваивается индивидуальный регистрационный номер.

6. Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам.

7. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями.

8. Рецензирование статей проходит несколько уровней по системе type of peer-review: главным редактором, открытой экспертной оценки, одного слепого редактирования, двойного контрольного рецензирования (не менее двумя рецензентами по тематике представленных материалов). Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора

9. Рецензии на опубликованные статьи за последние 5 лет подлежат хранению в редакции.

10. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена с замечаниями вместе с ее первоначальным вариантом.

11. Статья, задержанная после переработки на срок более трех месяцев или требующая повторной переработки, рассматривается как вновь поступившая.

12. После анализа рецензий принимается решение об опубликовании или отказе в опубликовании статей. На основе принятого решения автору/ам направляется письмо, в котором дается общая оценка статьи, если статья может быть опубликована после доработки / с учетом замечаний — даются рекомендации по доработке; если статья не принимается к опубликованию — указываются причины такого решения.

Правила оформления статей

Набор текста производится в формате Microsoft Word 1997-2003. Шрифт – TimesNewRoman; размер шрифта – 12; межстрочный интервал – 1,0; выравнивание текста – по ширине; поля: левое — 3,5 см, правое, верхнее, нижнее — по 3,5 см; отступ первой строки (абзацный отступ) – 0,5 см (для образования отступа не следует использовать клавишу пробела и табуляции).

Аннотация, ключевые слова, примечания, библиография, сведения об авторе оформляются 12 шрифтом, интервал 1,0).

Последовательность оформления статьи

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

1. УДК, ББК;

2. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

3. Название статьи (буквы – прописные);

4. Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

5. Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

После текста статьи располагаются (выравнивание «По ширине»):

- Список литературы оформленный исходя из правил (ГОСТ 7.05–2008).

Источники выстраиваются в алфавитном порядке, сначала — литература на русском языке, затем — на других языках.

Указываются:

заглавие работы;

название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), отделенное от заглавия статьи двойным слешем (//), без кавычек;

выходные данные: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника указываются: автор (если есть), название статьи, после двойного слеша (//) полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (URL) и в скобках — дата обращения.

Архивные источники указываются в тексте статьи в круглых скобках, например: (ЦГА. Ф. 1, д. 2. Л. 15). В библиографию не выносятся.

После этого размещается Spisok literatury (References) , в котором библиографическое описание источников на кириллице транслитерировано на латинский шрифт.

Правила транслитерации. Транслитерацию следует делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

На английском языке фамилия отделяется от инициалов автора через запятую, затем год издания работы в скобках (только цифры).

Описание статьи, опубликованной на русском языке, делается по следующей схеме:

- фамилия и инициалы автора (авторов) - в транслитерации по системе LC (http://translit.ru/?direction=ru&account=lc);

- заглавие статьи / монографии — в транслитерации;

- заглавие статьи / монографии — в переводе на английский язык, в квадратных скобках;

- название журнала в транслитерации которое отделено от заглавия статьи двойным слешем (//);

- название журнала — в переводе на английский язык, в квадратных скобках (название на английском языке смотреть на сайте журнала);

- выходные данные, исключая год (город, название издательства, «дата обращения») — в транслитерации, заменив обозначение страниц статьи (общее количество страниц монографий, учебников, сборников материалов конференций) на латинское P. (p.);

- указание на язык публикации, вышедшей не на английском языке [напр.: (In Russ.)], — обязательно!

Отдельным файлом направляется сопроводительная информация

Вместе с текстом статьи на адрес редакции направляется доп. персональная информация об авторе (-ах):

- полный почтовый адрес места работы (включая индекс), город и страну либо полный почтовый адрес места жительства (включая индекс), город и страну;

- № тел. рабочий (домашний) с кодом города либо № моб. тел.;

- электронный адрес.

Данная информация не подлежит обнародованию в журнале, кроме электронного адреса.

Для аспирантов, соискателей ученой степени кандидата наук в обязательном порядке необходимо указывать:

- телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены;

- данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание).

Автору рекомендуется при оформлении статьи внимательно ознакомиться со всеми правилами, сверяться с образцом, а в случае возникновения вопросов — направлять обращения на эл. адрес редакции.

Примерный образец

УДК 37.07
ББК 74.4

ИВАНОВА Ирина Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры государственного и муниципального управления
Института социально-гуманитарного образования
Московского педагогического государственного университета,
e-mail: 1234567@mail.ru

SPIN-код: 0000-0000, AuthorID: 000000 (при наличии)

СОВРЕМЕННЫЕ КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВУЗОВ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Аннотация. Актуальность исследования вызвана … Цель: … Методология исследования - … В результате обосновано … Во-первых, … Во-вторых, … Авторы приходят к выводу, что … В этой связи важно отметить …

Ключевые слова: критерии оценки, высшая школа, научно-исследовательская работа, индекс Хирша, образовательное право.

IVANOVA Irina Ivanovna,
PhD in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of State and Municipal Administration
of the Institute of Social and Humanitarian Education
of the Moscow Pedagogical State University,
e-mail: 1234567@mail.ru

MODERN CRITERIA FOR THE ASSESSMENT OF SCIENTIFIC ACTIVITY OF HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE

Annotation. The relevance of the research is caused by … Purpose: … The research methodology is … As a result, it is justified … First, … Second, … The authors conclude that … In this connection, it is important to note …

Key words: assessment criteria, higher education, research work, Hirsch index, educational law.

Текст статьи ……
……

……
……

Список литературы:

[1] Адизес И.К. Об образовании [Электронный ресурс] / Сайт «Институт Адизеса в России». – Режим доступа: http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/ (дата обращения: 10.08.2018).

[2] Боброва Н.А. Первый профессорский форум // Проблемы науки . 2018. № 3 (37). – С. 66 – 68.

[3] Галажинский Э. Зачем нужны рейтинги университетов [Электронный ресурс] / Сайт «Ведомости». – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov (дата обращения: 20.08.2018).

[4] Кузьмина Н.Б. Эффективный университет: перезагрузка. М.: МГИМО-Университет, 2014. – 134 с.

[5] Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] / Информационно-правовой портал «Гарант» (дата обращения: 20.08.2018).

[6] Сапожков О. Для экономики знаний России придется переучиваться [Электронный ресурс] / Сайт «Коммерсантъ». – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (дата обращения: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Электронный ресурс] // AdultLearning. 2016. Vol. 27. N 2. P. 68-75. Режим доступа: https://doi.org/10.1177/1045159515602256 (дата обращения 30.07.2018).

[8]. ……

Spisok literatury:

[1] Adizes I.K. Ob obrazovanii [Elektronnyy resurs] / Sayt «Institut Adizesa v Rossii». – Rezhim dostupa: http://adizes.ru/ichak-adizes-blog/ob-obrazovanii/ (data obrashcheniya: 10.08.2018).

[2] Bobrova N.A. Pervyy professorskiy forum // Problemy nauki . 2018. № 3 (37). – S. 66 – 68.

[3] Galazhinskiy E. Zachem nuzhny reytingi universitetov [Elektronnyy resurs] / Sayt «Vedomosti». – Rezhim dostupa: https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/07/17/723970-reitingi-universitetov (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[4] Kuz'mina N.B. Effektivnyy universitet: perezagruzka. M.: MGIMO-Universitet, 2014. – 134 s.

[5] Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. № 295 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoy programmy Rossiyskoy Federatsii «Razvitiye obrazovaniya» na 2013-2020 gody» (s izmeneniyami i dopolneniyami) [Elektronnyy resurs] / Informatsionno-pravovoy portal «Garant» (data obrashcheniya: 20.08.2018).

[6] Sapozhkov O. Dlya ekonomiki znaniy Rossii pridetsya pereuchivat'sya [Elektronnyy resurs] / Sayt «Kommersant»». – Rezhim dostupa: https://www.kommersant.ru/doc/3450155?from=four_economic (data obrashcheniya: 15.08.2018).

[7] Wuestewald T. Adult Learning in Executive Development Programs [Elektronnyy resurs] // AdultLearning. 2016. Vol. 27. N 2. P. 68-75. Rezhim dostupa: https://doi.org/10.1177/1045159515602256 (data obrashcheniya 30.07.2018).

[8]. ……

ОБРАЗОВАНИЕ и ПРАВО

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ ЖУРНАЛ

№ 7
июль
2020 г.

Сдано в набор 08.10.2020. Подписано в печать 23.10.2020.
Формат 60x90/8. Печать офсетная. Печ. л. 43,25.
Тираж 1200 экз. Заказ № 124.
Отпечатано в типографии ИП Миронова В. В.
г. Орехово-Зуево, Моск. обл., ул. Дзержинского, д.1